ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

К. ДЖ. СЭНСОМ

КАМНИ ВМЕСТО СЕРДЕЦ

КНИГА–ЗАГАДКА КНИГА–БЕСТСЕЛЛЕР

Annotation

Мэтью Шардлейк не похож на героя: стареющий горбун-адвокат, повидавший в жизни слишком много зла, чтобы сохранить прежнюю любовь к истине и веру в справедливость. Но уходить на покой ему еще рано: как не взяться за дело, если расследовать его просит сама королева? Дождливым летом 1545 года служитель закона отправляется в родовое гнездо джентльмена, подозреваемого в злоупотреблении правами опекунства. Но, прибыв на место, он понимает, что присвоение имущества сирот – далеко не самая страшная из тайн этого семейства. С каждой новой находкой все больше жалея, что взялся за это дело, адвокат погружается в прошлое людей с камнями вместо сердец…

- К. Дж. Сэнсом
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
  - Часть вторая
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
  - Часть третья
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19

- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23

- Часть четвертая
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
- Часть пятая
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
- Часть шестая
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
  - Глава 46
  - Глава 47
  - Глава 48
  - Глава 49
  - Глава 50
  - Глава 51
  - Глава 52
- Эпилог
- Исторический комментарий
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46

К. Дж. Сэнсом
Камни вместо сердец

C. J. Sansom
Heartstone
© C. J. Sansom 2010
© Соколов Ю. Р., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Часть первая
Лондон

Глава 1

Летним вечером на кладбище царила тишина. Гравиевую дорожку покрывали ветки и сучья, сорванные с деревьев буйными ветрами, бушевавшими над страной весь грозовой июнь 1545 года. В Лондоне, где с труб в иных местах посшибало горшки, мы отделались легким испугом, однако на севере ветер учинил настоящий разгром. Поговаривали, что градины были величиной с кулак и на них угадывались какие-то физиономии. Однако, как ведомо любому адвокату, всякая история по мере своего распространения обрастает красочными подробностями.

Все утро я провел в своих палатах в Линкольнс-инн[1], трудясь над краткими изложениями нескольких дел, присланных из ходатайственного суда. Заслушивать их предстояло уже осенью: из-за угрозы вторжения Троицкая судебная сессия по приказу короля завершилась досрочно.

В последние месяцы я обнаружил, что бумажная работа начала докучать мне. За редким исключением из Суда по ходатайствам снова и снова поступали одинаковые дела: лендлорды желали заставить арендующих земли фермеров пасти овец ради доходов от торговли шерстью или по той же самой причине стремились отобрать общинные земли, от которых зависела беднота. Дела доходные, но одинаковые. Однако пока я работал, взгляд мой переместился к письму, доставленному посыльным из Хэмптон-корта[2]. Оно лежало на уголке моего стола – белый прямоугольник, в центре которого поблескивал красный комок восковой печати. Письмо встревожило меня, не в последнюю очередь благодаря отсутствию надписи. Наконец, чтобы удержать мысли от беспорядочного разброда, я решил пройтись.

Оставив палаты, я увидел цветочницу – молодую женщину, прошедшую мимо привратника Линкольнс-инн. В сером платье с грязным фартуком, она стояла на углу Гейтхаус-корт и, выглядывая из глубины белого чепца, предлагала свои букетики идущим мимо барристерам[3]. Поравнявшись с ней, я услышал, как она назвала себя вдовой и сказала, что ее муж погиб на войне. Желтофиоль в ее корзинке напомнила мне о том, что я не был уже почти месяц на могиле моей бедной домоправительницы. Джоан любила желтофиоль. Я попросил букет, и цветочница протянула мне его мозолистой, грубой рукой. Я отдал ей полпенни. Изящно присев, женщина поблагодарила меня, сопроводив этот жест холодным взглядом. Пройдя Великими воротами, я направился вверх по только что замощенной

Ченсери-лейн[4] к небольшой церковке.

По пути я ругал себя за волнение, напоминая себе о том, что многие из коллег завидуют моему положению советника при Суде по ходатайствам, а также тому, что я время от времени получаю доходные дела от солиситора королевы. Однако многочисленные задумчивые и встревоженные лица людей, попадавшихся мне на улице, напоминали о том, что нынешние времена способны вселить тревогу в любого. Поговаривали, что французы собрали тридцать тысяч людей в портах на своем берегу Канала и что они уже готовы вторгнуться в Англию с помощью огромного флота, причем на некоторых кораблях имеются даже конюшни для лошадей. Никто не имел представления о том, где могут высадиться враги, и по всей стране собирали ополчения, отправляя их оборонять берег. Все суда королевского флота приготовили к выходу в море, большие торговые корабли отбирали в казну и готовили к войне. Король ввел беспрецедентные налоги, чтобы оплатить свое прошлогоднее вторжение во Францию. Поход закончился полной неудачей, и с прошлой зимы английская армия была осаждена в Булони, ну а теперь война могла прийти и к нам самим.

Я вошел на кладбище. Благочестив ты или нет, но атмосфера на церковном дворе располагает к тихой задумчивости. Преклонив колени, я положил цветы на могилу Джоан. Эта женщина вела мое скромное хозяйство почти двадцать лет. Когда мы познакомились, она была вдовой сорока лет от роду, а я – только что вылупившимся из яйца барристером. Не имевшая собственных родственников вдова, женщина тихая, деловитая и любезная, посвятила свою жизнь заботам о моих нуждах. А этой весной она подхватила инфлюэнцу, которая за какую-то неделю унесла ее жизнь. Я тосковал по ней, особенно потому, что понимал, насколько все эти двадцать лет привык считать ее заботу неотъемлемой частью моей жизни. Контраст с тем несчастным человеком, который служил мне теперь, казался невыносимым.

Я поднялся, хрустнув коленями. Посещение могилы успокоило меня, тем не менее пробудив меланхолические гуморы[5], которым я всегда был подвержен. Я продолжил свой путь среди могильных камней, потому что на этом кладбище лежали и другие мои знакомые, и остановился возле превосходной мраморной плиты:

РОДЖЕРУ ЭЛЛИАРДУ

БАРРИСТЕРУ ИЗ ЛИНКОЛЬНС-ИНН

ВОЗЛЮБЛЕННОМУ МУЖУ И ОТЦУ

1502–1543

Вспомнив свой разговор с Роджером, случившийся два года назад, незадолго до его смерти, я печально улыбнулся. Мы разговаривали с ним о том, что король проматывает отобранные у монастырей богатства, расходуя их на дворцы и показуху, ничем не заменив ту посильную помощь, которую монахи всегда оказывали беднякам. И теперь, положив руку на могильный камень, я негромко проговорил:

– Ах, Роджер, видел бы ты, во что он затащил нас теперь!..

Старуха, возившаяся с цветами на недалекой могиле, обернувшись, посмотрела на меня с тревожной миной на морщинистом лице, исказившемся при виде горбатого адвоката, разговаривавшего с покойником. Я направился прочь.

Невдалеке находился другой надгробный камень, который ставил я сам, как и на могиле Джоан. Надпись на нем была краткой:

ДЖАЙЛС РЕНН

БАРРИСТЕР ИЗ ЙОРКА

1467–1541

Этот камень я не стал трогать. Не стал и обращаться к лежавшему под ним старику, но лишь вспомнил о том, как именно умер Джайлс, и понял, что, пожалуй, сам напрашиваюсь на мрачное настроение.

Голос труб, внезапно раздавшийся в этот самый момент, испугал меня едва ли не до беспамятства. Старуха распрямилась и принялась осматриваться по сторонам круглыми, полными страха глазами. Догадавшись, в чем дело, я отправился к стене, отделявшей кладбище от Линкольнс-инн филдс, открыл деревянную калитку и, шагнув наружу, стал

рассматривать происходящее.

Поля Линкольнс-инн являли собой открытую и незаселенную пустошь, где студенты-законники ловили кроликов на заросшем травой холме Кони-гарт, Кроличьей ограде. В обычный день после полудня здесь можно было увидеть лишь нескольких направлявшихся в разные стороны прохожих. Сегодня же здесь собралась толпа поглазеть на пять десятков молодых людей, в рубашках и камзолах либо в синих балахонах подмастерьев, выстроившихся в пять неровных шеренг. Некоторые держались угрюмо, другие задумчиво, третьи бодрились. В руках у большинства были боевые луки, которыми, согласно закону, достигшие воинского возраста мужчины должны были вооружаться ради упражнения в стрелковом деле, хотя многие нарушали этот закон, предпочитая гонять шары по лужайкам, а также играть в кости и карты, теперь запрещенные для не имеющих статуса джентльмена. Длина боевых луков достигала двух ярдов, тем самым по большей части превышая рост их владельцев. У некоторых, впрочем, в руках были луки поменьше, среди которых усматривались и более слабые, вязовые, вместо сильных, тисовых. Почти у всех были кожаные нарукавники на одной руке и наперстки на другой. Тетивы натянуты, луки напряжены…

Строил их в ряды по десять человек вояка средних лет, на квадратном, обрамленном короткой черной бородкой лице которого застыло суровое и неодобрительное выражение. Он блистал великолепием мундира лондонской городской милиции: белым дублетом с рукавами, в прорезях которых алела подкладка, и круглым полированным шлемом.

Ярдах в двухстах от них располагались мишени – покрытые дерном насыпные холмики шести футов высотой. Здесь подлежащие призыву ратники должны были практиковаться каждое воскресенье. Прищурившись, я разглядел соломенное пугало, облаченное в лохмотья, в помятом шлеме и с намалеванной на животе французской лилией. Итак, здесь происходил очередной смотр, новая группа горожан проверялась на стрелковое мастерство, чтобы отобрать тех, кого можно послать в собиравшиеся на побережья войска или на королевский флот. Приятно было сознавать, что в свои сорок лет и при горбе я не подлежал призыву в войска!

За неторопливыми действиями лучников наблюдал со спины отличной серой кобылы полный и невысокий мужчина. Голову его лошади, покрытой попоной лондонского Сити, прикрывал металлический налобник с отверстиями для глаз, превращавший ее в некое подобие черепа. Туловище всадника обхватывал полудоспех, прикрывавший его тело и руки

полированной сталью, а ветерок теребил павлинье перо на широком черном берете. Я узнал Эдмунда Карвера, одного из старших городских олдерменов: два года назад мне случилось выиграть его дело в суде. В панцире он выглядел неуклюжим и время от времени неловко менял позу. Это был вполне приличный торговец из Бархатной и Шелковой гильдии, интересовавшийся, главным образом, качеством своей еды. Возле него находились еще двое солдат в мундирах городской милиции. Один из них держал в руках длинную медную трубу, а второй – алебарду. Возле них находился писец в черном дублете: на шее его висел переносной пюпитр со стопкой бумаг.

Державший алебарду солдат положил свое оружие и подобрал с земли полдюжины кожаных колчанов. Пробежав перед первой из шеренг рекрутов, он просыпал на землю рядок стрел. Командовавший смотром все еще мерил стоявших перед ним людей острым оценивающим взглядом. Нетрудно было понять, что передо мной профессиональный офицер, из тех, которых я видел четыре года назад во время Великого шествия короля в Йорк. Должно быть, этот человек работал теперь с городской милицией – корпусом добровольцев, учрежденным в Лондоне несколько лет назад, и учил их солдатскому делу в конце недели.

Наконец он обратился к своим людям громким и звучным голосом:

– Англии нужны бойцы, способные послужить ей в час величайшей опасности! Французы готовы вторгнуться на нашу землю, готовы обрушить огонь и смерть на наших детей и женщин. Но мы не забыли Азенкур![6]

Он сделал драматическую паузу, и под одобряющий ропот рекрутов Карвер воскликнул:

– Так точно!

Офицер продолжил:

– После Азенкура мы знаем, что один англичанин стоит трех французов, и потому вышлем им навстречу наших легендарных стрелков! Те, кого изберут сегодня, получат мундир и три пенса в день! – Голос его сделался более жестким. – А теперь мы посмотрим, кто из вас, ребята, учился стрельбе каждую неделю, как того требует закон. Те, кто не делал этого, – он сделал многозначительную паузу, – могут оказаться в копейщиках, чтобы встретиться с французами лицом к лицу! Так что не надейтесь, что плохая стрельба избавит вас от попадания на войну.

Он вновь оглядел строй неловко переминавшихся с ноги на ногу и явно взволнованных рекрутов с тяжелым и гневным выражением на окаймленном темной бородой лице.

– А теперь, – снова заговорил он, – по следующему гласу трубы

каждый из вас со всей возможной быстротой выпустит шесть стрел, начиная с того, кто стоит слева в первом ряду. Специально для вас мы приготовили чучело, так что можете представлять себе, что видите пред собой французишку, явившегося, чтобы изнасиловать ваших мамаш, у кого они есть!

Я окинул взглядом собравшуюся толпу. Ее образовывали взволнованные мальчишки и люди постарше и победней, среди которых были и несколько встревоженных женщин, должно быть, жен или возлюбленных кого-то из рекрутов.

Солдат поднес трубу к губам и протрубил. Первый из стрелков, крепкий и симпатичный молодой парень в кожаной куртке, уверенно шагнул вперед со своим боевым луком. Подняв стрелу, он наложил ее на тетиву. А затем быстрым и плавным движением откинулся назад, распрямился и по высокой дуге послал стрелу через отделявшее его от мишени пространство. Она вонзилась в лилию на животе пугала с такой силой, что соломенная мишень дернулась, словно живой человек. Не более чем за минуту он выпустил еще пять стрел, и все они попали в манекен. Дети отозвались неровным ободрительным ропотом. Улыбнувшись, парень повел широкими плечами.

– Неплохо! – неохотно буркнул офицер. – Ступай, пусть твое имя запишут!

Новобранец подошел к писцу, помахав луком толпе.

Следующим был долговязый молодец в белой рубахе, едва ли достигший двадцати лет. Лук у него был из вяза, и во взгляде его была заметна тревога. Я не заметил на его руках ни нарукавника, ни наперстка. Офицер мрачным взором проводил движение его руки, откинувшей с глаз копну нечесаных светлых волос. Парень пригнулся, поднял стрелу, приложил ее к тетиве, а затем с явным усилием напряг лук и выстрелил. Стрела вонзилась в землю едва ли не на полпути к цели. Движение лишило мальчишку равновесия, и он едва не упал, подпрыгнув в последний момент на одной ноге, рассмешив этим детей.

Вторая стрела ушла в сторону, вонзившись в вал, а юноша вскрикнул от боли и схватился за руку. Между пальцев потекла кровь. Офицер бросил на него суровый взгляд:

– Значит, не практиковался, так? Даже стрелу пустить толком не можешь. Так что пойдешь в копейщики, вот как! Такому высокому парню, как ты, самое место в рукопашной.

На лице молодого человека появилось испуганное выражение.

– Давай дальше! – рявкнул офицер. – У тебя есть еще четыре стрелы.

И оставь в покое свою руку. Вон народ собрался, надо же его повеселить!

Я отвернулся. Некогда и мне пришлось претерпеть унижение перед лицом толпы, и с тех пор подобные зрелища не доставляли мне удовольствия.

Когда я вернулся в Гейтхаус-корт, цветочницы уже не было. Я отправился в свои палаты, где во внешней приемной мой молодой писец Скелли переписывал какие-то распоряжения. Он близко пригнулся к столу, внимательно рассматривая документ сквозь очки.

– На полях Линкольнс-инн сегодня смотр стрелков, – заметил я.

Писец посмотрел на меня и невозмутимым тоном ответил:

– Я слышал, что городскому ополчению приказано выставить тысячу человек на южное побережье. Вы и вправду считаете, сэр, что французы могут начать вторжение?

– Не знаю, Скелли, – ответил я с успокаивающей улыбкой. – Но тебя не призовут. Ты женат, и у тебя трое детей, а кроме того, без очков ты ничего не видишь.

– На это я и сам надеюсь и об этом молюсь, сэр.

– Я в этом не сомневаюсь, – заверил я его. Впрочем, в чем можно быть уверенным в наши дни? – Барак еще не вернулся из Вестминстера? – сменил я тему, глянув на пустой стол помощника, которого послал в Суд по ходатайствам передать некоторые показания.

– Нет, сэр.

Я нахмурился:

– Надеюсь, что с Тамасин ничего не случилось.

Скелли улыбнулся:

– Я уверен, что все дело в лодке на реке, сэр. Вы же знаете, как трудно теперь с этими перевозчиками.

– Возможно. Скажи Бараку, чтобы он зашел ко мне сразу же, как только вернется. А я должен заняться своими бумагами.

Я вернулся в свой кабинет, ничуть не сомневаясь в том, что писец считает меня слишком нервным. Но Джек Барак и его жена Тамасин были моими близкими друзьями. Тамасин была на седьмом месяце беременности, а первый ее ребенок родился мертвым. Со вздохом я рухнул в кресло и взял в руки лист с претензией, которую читал прежде. Взгляд мой снова коснулся письма, остававшегося на углу стола. Я заставил себя отвернуться, однако мысли мои скоро вернулись к смотру стрелков… Я представил себе вторжение и этих молодых людей – истерзанных и погибших в бою.

Выглянув из окна, я улыбнулся и покачал головой, заметив высокую и тощую фигуру своего старинного врага, Стивена Белкнапа, ковылявшего по залитому солнцем двору. Теперь он заметно сгорбился и в черной мантии барристера и белой шапочке казался огромной сорокой, склевывавшей червяков с мостовой.

Белкнап внезапно распрямился, посмотрел вперед, и я заметил шагавшего в его сторону Барака, через плечо которого была переброшена кожаная сумка. Я обратил внимание на животик, теперь распиравший зеленый дублет моего помощника. Лицо его также приобрело некоторую полноту, смягчавшую черты и заставлявшую его казаться моложе. Стивен повернулся и заторопился к капелле. Два года назад этот странный и скаредный человек задолжал мне небольшую сумму. И теперь обыкновенно наглый Белкнап, считавший предметом своей гордости никогда не расставаться с деньгами, поворачивал в сторону сразу, как только замечал меня. В Линкольнс-инн его поведение сделалось расхожей шуткой. Очевидным образом он теперь избегал и Барака. Мой помощник остановился и с широкой улыбкой уставился в спину моего торопившегося прочь должника. Я ощутил облегчение: значит, с Тамасин не случилось ничего плохого.

Через несколько минут помощник оказался в моем кабинете.

– Как дела с показаниями? – спросил я.

– Все в порядке, но трудно было найти лодку от Вестминстерской лестницы. В реке полным-полно когов[7], доставляющих припасы войскам, так что лодкам приходится оставаться на берегу. Один из больших военных кораблей стоял внизу возле Тауэра. Наверное, его привели вверх по течению из Дептфорда, чтобы люди могли увидеть его. Только звуков радости на берегах я почему-то не слышал.

– Люди уже привыкли к таким зрелищам. Вот когда «Мэри-Роз» и «Грейт-Гарри» шли в море, тогда все было совсем по-другому. Их приветствовали сотни собравшихся на берегах людей. – Я указал на табурет перед своим столом: – А теперь садись. Как сегодня идут дела у Тамасин?

Сев, мой собеседник сухо улыбнулся:

– Ворчит. Жарко ей, и ноги опухли.

– И в том, что будет девочка, не усомнилась?

– Ну да. Вчера ходила по своим делам к какой-то знахарке в Чипсайд, и та, конечно, сказала ей то, что она и хотела услышать.

– А ты по-прежнему уверен в том, что будет мальчик?

– Уверен. – Джек покачал головой. – Но Тамми настаивает на том, чтобы жизнь шла обычным чередом. Я говорил ей, что леди из общества не

выходят из дома за восемь недель до рождения ребенка. Думал, что эти слова заставят ее задуматься, но этого не случилось.

– Итак, осталось восемь недель?

– Так говорит Гай. Он обещал прийти завтра и посмотреть ее. А еще за ней приглядывает мамаша Маррис. Тамми радовалась тому, что я иду на работу. Она говорит, что я напрасно волнуюсь.

Я улыбнулся, понимая, что Джек и Тамасин были теперь счастливы. После смерти первого ребенка у них было плохое время, и жена оставила моего помощника. Однако он сумел вернуть ее упорной и настойчивой любовью, на которую, как я думал раньше, он просто не был способен. Я помог ему отыскать поблизости небольшой домик и толковую служанку в лице подруги Джоан, мамаши Маррис, опытной и умелой няни.

Я кивнул в сторону окна:

– Только что видел, как Белкнап свернул в сторону, чтобы не повстречаться с тобой.

Барак рассмеялся:

– С этим он запоздал. Он боится, что я напомню ему о тех трех фунтах, которые он задолжал тебе. Тупой засранец! – Глаза его ехидно блеснули. – Теперь тебе следовало бы потребовать с него уже четыре фунта, учитывая, насколько упала стоимость денег.

– А знаешь, по-моему, на самом деле наш друг Белкнап не вполне здрав умом. Вот уже два года он делает из себя шута и мишень для общих насмешек тем, что старательно избегает меня, а теперь уже и тебя.

– Но при этом он становится все богаче. Говорят, что он продал часть своего золота Монетному двору для перечеканки и что теперь, после того как ссуды с процентами были объявлены законными, раздает много денег в долг тем, кому нужны средства для уплаты налогов.

– В Линкольнс-инн немало таких, кому потребовались деньги, чтобы оплатить «добровольный» побор. Слава богу, что мне хватило на это золота! Тем не менее поведение Белкнапа не свидетельствует о здравом рассудке.

Барак бросил на меня проницательный взгляд:

– Ты слишком легко решаешь, что замечаешь безумие в людях. Это потому, что ты уделяешь слишком много времени Эллен Феттиплейс. Ты уже ответил на ее последнее письмо?

Я нетерпеливо махнул рукой:

– Не надо снова заводить эту тему. Ответил, и завтра снова посещу Бедлам.

– Пусть она и жительница Бедлама, но тебя она водит, как рыболов

рыбу на леске. – Джек посмотрел на меня серьезными глазами. – И ты знаешь почему.

Я решил сменить тему:

– Только что выходил погулять. На полях Линкольнс-инн сегодня был военный смотр. Офицер грозился сдать в копейщики тех, кто не упражнялся в стрельбе из лука.

Барак ответил с пренебрежением:

– Им прекрасно известно, что постоянно стрельбой занимаются только те, кто любит это занятие, какие бы законы ни издавал король. Стрельба – тяжелая работа, и в ней следует регулярно практиковаться, чтобы достичь каких-то успехов. – Он снова серьезно посмотрел на меня. – Не следует настаивать на исполнении слишком непопулярных законов. Лорд Кромвель[8] понимал это и знал, где следует остановиться.

– Но они настаивают на своем. Никогда не видел ничего похожего. Вот вчера на моих глазах констебли прочесывали улицу, отлавливая бродяг и нищих, чтобы по приказу короля отдать их в гребцы на галеасы[9]. А слышал самую последнюю новость: французы высадились в Шотландии, и шотландцы уже готовятся выступить против нас?

– Действительно самую последнюю, – насмешливым тоном повторил Барак. – И кто, по-твоему, распространяет эти истории о грозящем нам вторжении французов и скоттов? Чиновники самого короля, вот кто. Должно быть, для того, чтобы народ снова не возмутился, как в тридцать шестом году[10]. Против налогов и порчи монеты. Вот, погляди сюда. – Он запустил руку в кошелек, достал небольшую серебряную монетку и звякнул ею об стол. Я подобрал денежку, и на меня глянуло упитанное, щекастое лицо короля.

– Один из новых шиллингов, тестон[11], – проговорил Барак.

– Такого я еще не видел.

– Тамасин вчера ходила с мамашей Маррис за покупками в Чипсайд. Таких там много. Смотри, какая тусклая! В серебро добавили столько меди, что за такую монету дают товара только на восемь пенсов. Цены на хлеб и мясо взлетели под самую крышу. А хлеба еще и не хватает, после всех этих реквизиций в пользу армии. – Карие глаза Барака гневно блеснули. – А куда ушло лишнее серебро? На оплату кредитов германских банкиров, ссудивших королю деньги.

– Ты и в самом деле считаешь, что никакого вторжения французского флота не будет?

– Будет, не будет… Не знаю, – вздохнул мой собеседник, а потом,

после короткой паузы, проговорил: – По-моему, меня хотят забрать в армию.

– Как так?! – выпрямился я.

– В прошлую пятницу констебль с каким-то солдатом обходил все дома в околотке, переписывая всех мужчин подходящего возраста. Я сказал им, что женат и что мы ждем ребенка. Солдат сказал, что на вид я вполне годен для службы. Я махнул на него рукой и велел проваливать отсюда. Беда в том, что вчера он приходил снова, и Тамасин видела его. Выглянув в окно, она не стала пускать его в дом.

Я вздохнул:

– Чрезмерная самоуверенность тебя однажды погубит.

– Так и Тамасин говорит. Однако они не берут женатых мужчин с детьми. По крайней мере, не всех.

– Дело представляется мне серьезным. Я думаю, что попытка вторжения состоится… иначе зачем набирать все эти тысячи солдат? Будь осторожен.

Барак явно возмутился:

– Ничего подобного не случилось бы, если бы король в прошлом году не вторгся во Францию! Сорок тысяч солдат переплыли на другой берег Канала, и с каким итогом? Они бежали, поджав хвосты, если не считать бедолаг, осажденных в Булони. Все считают, что нам надо сократить расходы, оставить Булонь и помириться, однако король этого не хочет. Кто угодно, только не наш Гарри!

– Я знаю это и согласен с тобой.

– Помнишь, как прошлой осенью вернувшиеся из Англии солдаты, в лохмотьях, больные, лежали вдоль всех дорог, ведущих к городу? – Лицо Джека посуровело. – Но со мной такого не будет.

Я посмотрел на него. Бывали у нас и такие времена, когда Барак мог воспринять войну как приключение. Но не сейчас.

– И как выглядел этот солдат? – поинтересовался я.

– Рослый детина твоих лет, при черной бороде и в мундире лондонского городского ополчения. С виду послуживший в армии.

– Он командовал и сегодняшним смотром. На мой взгляд, профессиональный солдат. Я бы не стал с ним шутить.

– Ну, если он отбирает новобранцев, то можно надеяться, что на меня уже ему времени не хватит.

– Надеюсь на это. Но если он вернется, тебе придется обратиться ко мне.

– Спасибо, – негромким голосом поблагодарил Барак.

Я протянул руку к письму, остававшемуся на уголке стола:

– В свой черед, мне хотелось бы узнать твое мнение об этом послании.

Я передал ему письмо.

– Это не очередное послание от Эллен? – уточнил мой собеседник.

– Посмотри-ка на печать. Тебе уже приходилось ее видеть.

Он поднял на меня глаза:

– Печать королевы. Это от мастера Уорнера? Новое дело?

– Прочти. – Я сделал паузу. – Оно тревожит меня.

Барак развернул письмо и вслух прочитал: «Я приветствовала бы ваш частный совет по личному делу. Приглашаю вас посетить меня здесь, в Хэмптон-корте, завтра в три часа пополудни». Оно подписано…

– Знаю. Екатерина, королева, а не адвокат Уорнер.

Барак прочитал записку еще раз:

– Она короткая. Но королева говорит о личном деле… ни малейшего намека на политические обстоятельства.

– Однако у нее, должно быть, имеется серьезная причина для беспокойства, заставляющая писать собственноручно. Не могу не вспомнить, как в прошлом году королева отправила Уорнера защищать интересы обвиненного в ереси родственника ее служанки.

– Королева Екатерина обещала, что не станет вмешивать тебя в подобные дела. А она из тех, кто умеет выполнять свои обещания.

Я кивнул. Больше двух лет назад, когда королева Екатерина Парр еще была леди Латимер, я спас ее жизнь. Она обещала стать моей покровительницей и никогда не привлекать меня к делам, имеющим политическую подоплеку.

– И давно ли ты видел ее в последний раз? – спросил Джек.

– Еще весной. Она дала мне аудиенцию в Уайтхолле, чтобы поблагодарить за распутывание того сложного дела, касающегося ее владений в Мидленде[12]. Потом, в прошлом месяце, она прислала мне свой молитвенник. Помнишь, я показывал тебе? «Молитвы и размышления».

Мой собеседник скривился:

– Мрачная штуковина.

Я печально улыбнулся:

– Не спорю. Я не понимал, насколько ею овладела печаль. Королева вложила в книгу записку, где выражала надежду, что она обратит мои мысли к Богу.

– Она не станет подвергать тебя риску. Очередное разбирательство, связанное с землей, вот увидишь.

Я благодарно улыбнулся. Изнанку политической жизни Барак знал с

самых юных дней, и я ценил его утешение.

– От королевы к Эллен Феттиплейс за один день! – пошутил он. – Тебе придется потрудиться.

– Да. – Я взял у него письмо и, вспоминая свой последний визит в Хэмптон-корт, ощутил, как страх перед новым посещением стискивает мой желудок.

Глава 2

Закончив чтение последнего резюме уже поздним вечером, я присыпал собственные заметки песком. Барак и Скелли уже разошлись по домам, и я направился по Чэнсери-лейн в сторону своего дома.

Стоял идеальный летний вечер. Два дня назад был Иванов день, однако обыкновенные по такому поводу костры и празднества существенно сократили по велению короля. В городе установили комендантский час: ночью по улицам ходили дополнительные патрули, чтобы французские агенты не могли устраивать поджогов.

Оказавшись возле дома, я подумал о том, что больше не испытываю здесь радостного подъема, который ощущал при жизни Джоан – его, скорее, сменило некое раздражение. Я отпер дверь. Дочь моего эконома, Джозефина Колдайрон, стояла в прихожей на тростниковой подстилке, скрестив на груди руки, с отсутствующим и слегка озабоченным выражением на круглом лице.

– Добрый вечер, Джозефина, – проговорил я. Она присела, наклонив голову. Прядка немытых светлых волос выбивалась на лоб из-под ее белого платка.

Отодвинув ее в сторону, она полным беспокойства голосом произнесла:

– Простите, сэр.

Я знал, что она боится меня, поэтому продолжил самым мягким тоном, каким только мог:

– Как обстоит дело с обедом?

Колдайрон посмотрела на меня виноватыми глазами:

– Я даже не начинала еще готовить, сэр. Мне нужно, чтобы мальчишки помогли почистить овощи.

– А где Саймон и Тимоти?

Джозефина заметно встревожилась:

– Э… они с отцом, сэр. Сейчас схожу за ними, и начнем.

И она заторопилась на кухню быстрой и мелкой походкой взволнованной мыши. Я же отправился в гостиную.

В кресле, лицом к окну, сидел мой старый друг и частый гость Гай Мальтон. Повернувшись на звук моих шагов, он изобразил на лице слабую улыбку. В качестве врача Гай обладал кое-каким общественным положением, что, однако, не помешало банде юных прохвостов как-то

ночью, два месяца назад, в поисках французских шпионов вломиться в его дом возле Старой Баржи, разорвать в клочки медицинские заметки, которые он делал в течение всей своей жизни, и разгромить оборудование. Мальтона не было дома, иначе его, наверно, убили бы. По происхождению он был испанцем, и его всегда воспринимали как иностранца – смуглолицего и говорившего с непривычным акцентом. Я забрал его к себе, но с тех пор он погрузился в глубокую меланхолию, тревожившую меня.

Я опустил сумку на пол:

– Как дела, Гай?

Врач поднял руку в приветствии:

– Просидел здесь весь день. Как странно – я всегда считал, что если однажды останусь без работы, время будет едва влачиться, однако теперь оно пролетает совершенно незаметно.

– Барак говорит, что Тамасин жарко, – сказал я и с удовольствием заметил, что на лице медика появился интерес.

– Я приму их завтра. Не сомневаюсь, что у них все в порядке, но мое посещение ободрит обоих. Его в первую очередь. Тамасин воспринимает ситуацию спокойно. – Он помедлил. – Я сказал, что приму их здесь. Надеюсь, что это не слишком бесцеремонно с моей стороны?

– Конечно же, нет. И, как тебе прекрасно известно, я рад видеть тебя здесь столько, сколько тебе будет угодно.

– Спасибо тебе. Боюсь, что, если я вернусь туда, произойдет то же самое. Отношение к иноземцам портится день ото дня. Посмотри-ка сюда! – Доктор Мальтон указал на мой сад за ромбиками окна.

Подойдя к окну, я выглянул наружу. На дорожке, уперев руки в тощие бока, стоял мой эконом Вильям Колдайрон, со свирепой улыбкой на бледном, заросшем серой щетиной лице. Оба моих слуги, высокий четырнадцатилетний Саймон и Тимоти, коротышка двенадцати лет, строевым шагом маршировали перед ним взад и вперед с метлами на плечах. Колдайрон следил за обоими строгим единственным глазом – другой прикрывала широкая черная повязка.

– Направо! – скомандовал он, и мальчишки неуклюже повернулись. Я услышал голос Джозефины, доносившийся от дверей кухни. Ее отец резко повернулся к окну кабинета. Открыв его, я резким голосом окрикнул его:

– Вильям!

Колдайрон повернулся к мальчишкам.

– А ну, в дом, и займитесь обедом мастера! – крикнул он. – Заставляете меня попусту тратить время на вашу маршировку!

Мальчишки ответили ему яростными взглядами.

Я повернулся к Гаю:

– Святые угодники, ну и тип!

Мой друг устало качнул головой. Мгновение спустя в дверях показался сам Колдайрон. Поклонившись, он стал навытяжку. Как всегда, мне было трудно смотреть ему в лицо. Длинный и глубокий шрам тянулся по лбу эконома от отступивших волос, продолжаясь до угла его рта. Когда я нанимал этого человека, он сказал, что шрам остался от удара шотландским мечом, полученного больше тридцати лет назад в битве при Флоддене[13]. Как всегда при общении с увечными, я ощутил прилив сочувствия, повлиявший на мое решение нанять его, как, впрочем, и тот факт, что после двух учрежденных королем внушительных налогов мне приходилось экономить, а он не просил многого. Но, по правде сказать, Вильям не слишком понравился мне даже тогда.

– Что вы делали там с этими мальчишками? – спросил я. – Джозефина говорит, что готовить обед даже не начинали.

– Простите меня, сэр, – непринужденно ответил эконом. – Но Саймон и Тимоти просили меня объяснить, каково быть солдатом. Благослови их Господь, этих парнишек, они хотят делать все возможное, чтобы защитить свою страну от вторжения! Они просто пристали ко мне, чтобы я научил их солдатской муштровке. – Он развел руками. – Никак не хотели оставить меня в покое. Им так и хочется узнать, как я сражался со скоттами во время их последнего вторжения и как я зарубил короля Якова IV.

– И они намереваются защищать нас метлами?

– Возможно, настает такое время, когда даже таким зеленым мальчишкам придется брать в руки клевцы и алебарды. Говорят, что шотландцы снова взялись за свои прежние фокусы и готовы выступить против нас, тем более что французы угрожают нам с юга. Я верю в это, я знаю этих красноногих! И если вражьи шпионы подожгут Лондон… – Домоправитель бросил косой взгляд, быстрый, едва заметный, в сторону Гая, который, тем не менее, заметил его и отвернулся.

– Я не хочу, чтобы ты занимался обучением Тимоти и Саймона, – резким тоном произнес я, – сколь бы великими ни были твои познания в военном искусстве. Твое дело сейчас – управлять моим домом.

Колдайрон и бровью не повел:

– Конечно же, сэр. Я больше не позволю этим мальчишкам так эксплуатировать меня.

Снова отвесив глубокий поклон, он вышел из комнаты. Я посмотрел на закрывшуюся дверь.

– Он заставил мальчишек выйти и заняться муштровкой, –

прокомментировал Гай. – Я видел это. Во всяком случае, Тимоти этого не хотел.

– Этот человек – лжец и мошенник.

С усталой улыбкой мой гость приподнял бровь:

– Надеюсь, ты не думаешь, что это именно он убил шотландского короля?

Я в ответ лишь фыркнул:

– Каждый побывавший при Флоддене английский солдат утверждает, что именно он сделал это. Пожалуй, стоит отказать ему от места.

– Возможно, что так, – проговорил Мальтон с не характерной для этого мягчайшего из людей решимостью.

Я вздохнул:

– Мне жаль его дочь. Колдайрон тиранит ее точно так же, как и мальчишек. – И, погладив рукой подбородок, я добавил: – Кстати, собираюсь завтра посетить Бедлам, чтобы повидать Эллен.

Медик посмотрел мне прямо в глаза с печалью, которой я не видел больше ни на одном лице:

– Твои визиты всякий раз приводят к тому, что она говорит, что больна – и в конечном счете, это может повредить вам обоим. Как бы она ни страдала, права вызывать тебя туда по собственной воле у нее нет.

На следующее утро я рано вышел из дома, чтобы попасть в Бедлам. Прошлой ночью я, наконец, пришел к решению в отношении Эллен. Собственные намерения мне не нравились, однако альтернативы им я не видел. Надев свое облачение и сапоги для верховой езды, я взял кнут и направился в конюшню. Я решил проехать через город, и путь мой лежал по широким и мощеным улицам. Конь Генезис коротал время в своем стойле, уткнувшись носом в ведерко с кормом. Тимоти, в обязанности которого входило следить за конюшней, оглаживал меринка. Когда я вошел, конь посмотрел на меня и приветливо заржал. Потрепав его по морде, я провел рукой по коротким и жестким волоскам на его носу. Я купил это животное пять лет назад: тогда он был совсем молодым, а теперь сделался зрелым и мирным скакуном.

Затем я взглянул на Тимоти:

– Ты подмешиваешь те травы, которые я дал, к его фуражу?

– Да, сэр. Они ему нравятся, – заверил меня мальчик.

Посмотрев на его щербатую улыбающуюся физиономию, я ощутил, как сжалось мое сердце. Он был сиротой, и за пределами моего дома у него никого не было… я знал, что, подобно мне самому, этот юный слуга

глубоко переживает смерть Джоан. Кивнув, я негромко прибавил:

– Тимоти, если мастер Колдайрон решит снова поиграть в солдатики с тобой и Саймоном, скажи ему, что я запретил это занятие… ты понял меня?

Подросток встревожился и переступил с ноги на ногу:

– Он говорит, что нам важно учиться этому, сэр.

– Ну, на мой взгляд, ты слишком юн для этого. А теперь принеси седло и все остальное, будь хорошим мальчиком, – сказал я ему, а себе добавил, что все-таки избавлюсь от эконома.

Я спустился с Холборнского холма и въехал в город через Ньюгейтские ворота в городской стене возле мрачных почерневших каменных стен тюрьмы. Возле входа в старый Госпиталь Христа стояли навытяжку двое алебардщиков. Я слышал, что, подобно прочей прежней монастырской собственности, он используется для хранения оружия и знамен короля, и вновь вспомнил о планах моего друга Роджера, намеревавшегося от лица иннов двора учредить новый госпиталь для бедняков. После смерти моего друга я попытался продолжить его дело, однако тяжесть военных налогов была такова, что всякий скаредничал и экономил.

Когда я проезжал по Шамблз, из-под двери двора выпорхнуло облачко мелких гусиных перьев, заставившее Генезиса тревожно вздрогнуть. На улицу вытек ручеек крови. Война несла с собой огромную потребность в стрелах для королевских арсеналов, и было ясно, что гусей забивают ради маховых перьев, нужных мастерам лучного дела. Я вспомнил о смотре, свидетелем которого стал вчера. В Лондоне было уже набрано пятнадцать сотен людей, которых отослали на юг… Крупный отряд для города, в котором насчитывается всего шестьдесят тысяч душ. То же самое происходило по всей стране, и осталось только надеяться, что тот суровый офицер забудет о Бараке.

Я выехал на широкую главную улицу Чипсайда, по обе стороны которой располагались лавки, общественные здания и дома преуспевающих торговцев. Проповедник, длинная седая борода которого соответствовала последней моде среди протестантов, стоял на ступенях Чипсайдского креста, громким голосом возглашая:

– Господь должен благословить наше оружие, ибо французы и скотты есть не что иное, как бритоголовые орудия папы и дьявола в их войне против истинной библейской веры!

Возможно, это был не имеющий лицензии радикал-проповедник – из тех, кого два года назад арестовали бы и бросили в тюрьму, но теперь прощали ради пылкой военной пропаганды. Взад и вперед прохаживались

городские констебли с жезлами на плечах. Теперь в городе остались только пожилые констебли: всех молодых отправили на войну. Они старательно вглядывались в толпу, словно бы их старческие глаза способны были углядеть в ее гуще французского или испанского шпиона, собравшегося… ну, скажем, отравить еду на прилавках? А ее-то как раз было довольно мало, поскольку, как сказал Барак, многое было конфисковано для армии, да еще и последний год оказался неурожайным. Впрочем, один из прилавков был до отказа чем-то заполнен – как сперва показалось моему изумленному взгляду, горкой овечьего помета. Однако подъехав поближе, я убедился в том, что это были сливы. С тех пор как король разрешил грабить французские и шотландские суда, на прилавки стала попадать уйма всякого странного товара. Я вспомнил состоявшееся весной празднество, когда пират Роберт Ренегар привел в Темзу испанский корабль, полный сокровищ и золота Индии. Невзирая на ярость испанцев, при дворе его принимали, как героя.

Торговля приобрела гневный оттенок во всем рынке: повсюду вместо обычных спокойных интонаций звучало множество споров. Возле прилавка зеленщика толстая краснощекая женщина тыкала одним из новых тестонов в лицо хозяину, рассерженными движениями сотрясая белые крылья чепца.

– Шиллинг это! – вопила она. – И на нем голова королевского величества!

Усталый торговец уперся руками в прилавок и наклонился вперед:

– Твой шиллинг наполовину медный! И стоит восемь пенсов на старые деньги, если на то пошло! И я здесь ни при чем! Но я не возьму у тебя эту злую монету!

– Мой муж получил ими свою плату! А ты требуешь пенни за кошелку этой дряни! – Схватив небольшой кочан, покупательница потрясла им в воздухе.

– Бури не дали созреть урожаю! Ты что, не слыхала? Хватит уже орать перед моим прилавком?! – Теперь уже кричал и сам лавочник, к общему восторгу обступивших место события оборванных ребятишек и тощей, заливавшейся лаем собачонки.

Женщина швырнула кочан обратно:

– За такие деньги я найду капусту получше!

– Ну, за эти дерьмовые гроши тебе не удастся этого сделать!

– И почему всегда страдают те, кто внизу, – проговорила краснолицая уже тише. – Дешевого у нас в стране – только наш труд!

Она отвернулась, и я заметил слезы в ее глазах. Собачонка увязалась за ней, прыгая и тявкая возле ее оборванной юбки. Оказавшись как раз передо

мной, та попыталась пнуть псину. Встревоженный ее движением Генезис сделал шаг назад.

– Осторожнее, матушка! – окликнул я расстроенную покупательницу.

– Вот еще писака-адвокат! – переключилась она на меня. – Горбатая пиявица в судейской мантии! Вот уж у кого семья не дохнет с голоду! Пожили бы с королем вашим бедняками, как все мы!

Потом, осознав, что ляпнула лишнего, она огляделась, однако констеблей поблизости не обнаружилось. Тогда женщина направилась прочь, хлопая пустой сумкой по юбке.

– Тихо, малыш, – обратился я к Генезису и вздохнул. После всех прошедших лет оскорбления по поводу моего нынешнего благосостояния торчали в моем чреве, как острый нож, однако были и поводом для смирения. При всем том, что, подобно прочим джентльменам, я должен был платить налоги, у нас еще оставалось достаточно денег на еду. Ну почему, подумал я, все мы смиряемся с тем, что король хочет выжать нас досуха? Ответ, конечно, гласил, что пришедшие сюда французы обойдутся с нами еще более жестоко.

Я миновал Птичий двор. На углу улицы Трех Иголок торчала группа из полудюжины подмастерьев в синих балахонах. Запустив пальцы за пояса, они грозно поглядывали по сторонам. Проходивший мимо констебль оставил эту компанию без внимания. Подмастерья, прежде докучавшие властям, теперь превратились в полезных наблюдателей, способных выявлять иноземных шпионов. Такая же вот банда юнцов разгромила дом Гая. Вновь выезжая за городскую стену через Епископские ворота, я с горечью подумал: как знать, еду ли я в сумасшедший дом или выезжаю из такового?

Я познакомился с Эллен Феттиплейс два года назад. В то время я посещал своего клиента, юношу, помещенного в Бедлам за религиозную манию. Поначалу Эллен показалась мне нормальнее всех остальных. Она исполняла обязанности по уходу за некоторыми из своих легких собратьев-больных, обращаясь с ними с мягкостью и заботой, и ее уход сыграл свою роль в итоговом выздоровлении моего клиента. Познакомившись с природой ее болезни, я с удивлением узнал, что «она пребывает в полнейшем ужасе перед выходом из стен Бедлама». Я сам был свидетелем того дикого, сопровождавшегося криками испуга, который овладевал этой женщиной, когда ей предлагали просто переступить порог больницы. Мне было жаль Эллен, тем более, после того как я узнал, что она была помещена в Бедлам после того, как на нее напали и изнасиловали около

родного дома в Сассексе. Тогда ей было шестнадцать, теперь – тридцать пять.

Когда мой клиент вышел из больницы, Феттиплейс попросила меня посещать ее и приносить вести из внешнего мира, так как она не имела возможности узнавать их. Я знал, что ее никто не навещает, и согласился на том условии, что она позволит мне вывести ее наружу. С тех пор я опробовал много стратегий, умоляя эту женщину сделать всего один шаг за порог через открытую дверь, притом, что мы с Бараком будем поддерживать ее под обе руки, при том, что она может сделать это с закрытыми глазами… Однако Эллен сопротивлялась и упиралась с хитростью и упрямством еще большими, чем мои собственные.

Постепенно она стала пользоваться этой своей хитростью, своим единственным оружием во враждебном мире, другими способами. Сперва я обещал посещать ее только «время от времени», однако она с ловкостью записного адвоката обратила эту фразу к собственной пользе. Поначалу мисс Феттиплейс уговорила меня приходить к ней раз в месяц, потом – каждые три недели, ибо она изголодалась по новостям, а потом, наконец, дело дошло до двух недель. Если я пропускал визит, то получал известие о том, что она заболела, но, всякий раз, поспешив в больницу, я обнаруживал, что она блаженно сидит у огня после внезапного выздоровления, утешая какого-нибудь взбудораженного страдальца. И в последние несколько месяцев до меня дошло, что проблему осложняет еще один элемент, который мне следовало бы распознать ранее. Эллен влюбилась в меня.

Люди представляют себе Бедлам мрачной крепостью, в которой безумцы, стеная и звеня цепями, сидят за решетками. Действительно, некоторые там и вправду сидят на цепи, да и стонут тоже многие, однако внутри этого сложенного из серого камня невысокого и длинного строения достаточно уютно. Сперва попадаешь в просторный двор, в тот день оказавшийся совершенно пустым, если не считать высокого и худого человека в покрытом пятнами сером дублете. Он ходил по кругу вдоль стен двора, не поднимая глаз от земли и торопливо шевеля губами. Должно быть, новый пациент, возможно, человек со средствами, разум которого помутился, а у родственников хватило денег отправить его сюда, чтобы не путался под ногами.

Я постучал в дверь. Мне открыл один из привратников по имени Хоб Гибонс, на поясе которого брякала внушительная связка ключей. Коренастый и плотный в свои пять с лишним десятков лет, Гибонс был не более чем тюремщиком. Он не интересовался пациентами, с которыми бывал иногда жесток, но я умел противостоять и смотрителю Бедлама,

Эдвину Шоумсу, чью жестокость нельзя было назвать случайной. Еще Хоба можно было подкупить. Увидев меня, он осклабился в сардонической улыбке, показав серые зубы.

– Как она? – спросил я.

– Весела, как ягненок весной, сэр… с той поры как вы известили ее о том, что приедете. Ну, а до того считала, что подхватила эту самую хворь. Шоумс уже гневался, глядя на то, как она потеет – а она по-настоящему потела! – решив, что нас закроют на карантин. И тут приходит ваша записка, и через какой-то час ей уже стало лучше. Я бы назвал это чудом – если бы нынешняя церковь разрешала чудеса.

Я вошел внутрь. Даже в этот жаркий летний день в Бедламе было сыро. Налево за полуоткрытой дверью находилась гостиная, в которой за исцарапанным столом играли в кости несколько пациентов. В углу, на табуретке, тихо плакала женщина средних лет, крепко сжавшая пальцами деревянную куколку. Прочие пациенты не обращали на нее внимания: здесь быстро привыкаешь к подобным вещам. Справа начинался длинный каменный коридор, в который выходили палаты пациентов. Кто-то стучал в одну из дверей изнутри.

– Выпустите меня! – повторял мужской голос.

– А смотритель Шоумс у себя? – негромко спросил я у Хоба.

– Нет. Он отправился к попечителю Метвису.

– Мне хотелось бы переговорить с ним после того, как я повидаюсь с Эллен. Я не могу задержаться здесь больше чем на полчаса. Мне назначено другое свидание, которого я не могу пропустить. – Опустив руку на пояс, я звякнул кошельком, многозначительно глянув на Гибонса. Во время своих посещений я всегда давал ему кое-какую мелочишку, чтобы Эллен получала пристойную еду и постель.

– Хорошо, я буду в кабинете, – ответил привратник. – А она сейчас у себя в комнате.

Можно было не спрашивать у него, отперта ли ее дверь. В отношении этой пациентки можно было с уверенностью сказать одно: бежать отсюда она совершенно не намеревалась.

Пройдя по коридору, я постучал в ее дверь. Строго говоря, мне не подобало посещать одинокую женщину без свидетелей, однако в Бедламе обыкновенные правила хорошего тона считались избыточными. Эллен пригласила меня войти. Она сидела на соломенном тюфяке в чистом голубом платье с большим вырезом, сложив на коленях изящные руки. Узкое, орлиное лицо ее казалось спокойным, но темно-синие круглые глаза переполняли эмоции. Она вымыла свои длинные каштановые волосы, но

их концы уже начинали сечься. Подобные подробности обыкновенно не замечаешь, если не испытываешь влечения к женщине. В этом и заключалась проблема.

Феттиплейс улыбнулась, блеснув крупными белыми зубами:

– Мэтью! Ты получил мою записку. Я была так больна!..

– Теперь тебе лучше? – спросил я. – Гибонс сказал, что у тебя была сильная лихорадка.

– Да. Я боялась лихорадки. – Женщина нервно улыбнулась. – Боялась.

Я сел на табурет в другой стороне комнаты.

– Мне так хочется услышать свежие новости, – проговорила моя собеседница. – Прошло больше двух недель с тех пор, когда я в последний раз видела тебя.

– Не больше двух недель, Эллен, – негромко поправил ее я.

– Что слышно о войне? Нам ничего не рассказывают, чтобы не расстроить нас. Но старине Бену Тадболлу позволили выйти, и он видел, как мимо проходил огромный отряд солдат…

– Говорят, что французы посылают флот, чтобы вторгнуться к нам. И что герцог Сомерсет повел войско к шотландской границе. Но все это только слухи. Никто не может сказать ничего определенного. Барак считает, что слухи распускают придворные короля.

– Но это отнюдь не значит, что они могут оказаться ошибочными.

– Нет.

«Какой острый и быстрый ум, – подумалось мне, – как непосредственно она интересуется миром. И, тем не менее, застряла здесь…» Посмотрев в сторону выходившего во двор зарешеченного окна, я вслушался в доносившиеся из коридора звуки: кто-то барабанил в дверь и просил выпустить его.

– Кто-то новый. Очередной бедолага, считающий, что находится в здравом уме, – предположила пациентка.

Атмосфера в ее комнате показалась мне затхлой. Я посмотрел на покрывавший пол слой тростника:

– Его нужно переменить. Хоб присмотрит за этим.

Посмотрев вниз, мисс Феттиплейс торопливо почесала запястье:

– Да, наверное. Я подумала, что это блохи. Я тоже подхватываю их.

– Почему бы тогда нам не постоять в дверях? – неспешно предложил я. – Посмотри-ка в передний двор! Солнышко светит…

Но моя приятельница покачала головой и обхватила себя руками, словно защищаясь от беды:

– Нет, я не могу этого сделать.

– Ты могла, когда мы познакомились с тобой, Эллен. Помнишь тот день, когда король женился на королеве? Мы стояли в дверях и слушали церковные колокола.

Женщина печально улыбнулась:

– Если я сделаю это, ты заставишь меня выйти наружу, Мэтью. Или ты думаешь, что я не понимаю этого? Разве ты не видишь, как мне страшно? – В голосе ее прозвучала горькая нотка, и она вновь потупилась. – Ты все не приходишь ко мне… а когда, наконец, приходишь, начинаешь давить на меня и пытаться обмануть. Мы так не договаривались.

– Я прихожу к тебе, Эллен. Даже тогда, когда, как теперь, у меня много дел и собственных тревог.

Лицо моей собеседницы смягчилось:

– В самом деле, Мэтью? Что же мучает тебя?

– Да сильно, собственно, ничего не мучает… Эллен, ты и в самом деле хочешь остаться здесь до конца дней своих? – спросил я, а затем, чуть помедлив, добавил: – А что случится, если тот, кто оплачивает твое пребывание здесь, прекратит это делать?

Больная напряглась:

– Я не могу даже говорить об этом. Ты знаешь это. Эта перспектива невыносимо терзает меня.

– И как, по-твоему, Шоумс позволит тебе остаться здесь из милосердия?

Феттиплейс вздрогнула, а потом уверенным тоном произнесла, глядя мне в лицо:

– Как тебе известно, я помогаю ему с пациентами. Я умею делать это. Он оставит меня при себе. Это все, чего я хочу от жизни, этого и… – Она отвернулась, и я заметил, что в уголках ее глаз блеснули слезы.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Все хорошо.

Потом, поднявшись, я заставил себя улыбнуться.

Эллен тоже ответила мне бодрой улыбкой.

– А как дела у жены Барака? – спросила она. – Ей еще не пора рожать?

Я оставил ее через полчаса, пообещав навестить, прежде чем окончатся две недели. Не через две недели, а до того, как они закончатся: она вновь выторговала себе эту льготу.

Хоб Гибонс ожидал меня в неопрятном кабинетике Шоумса, сидя на табурете за столом и сложив руки на засаленном камзоле.

– Как прошел ваш визит, сэр? – поинтересовался он.

Я закрыл за собой дверь:

– Эллен вела себя как обычно.

Затем я взглянул на смотрителя:

– Сколько же она находится здесь? Девятнадцать лет? Согласно правилам, пациент может оставаться в Бедламе всего год: считается, что за это время они вылечиваются.

– Если они платят, их никто не выгоняет. Если только они не доставляют уйму хлопот. А Эллен Феттиплейс не из таких, – отозвался Гибонс.

Я помедлил. Однако решение было принято: мне нужно было выяснить, из какой она семьи. Открыв кошель, я достал из него золотой полу-энджел[14], старинную монету. Сумма была крупной.

– Кто оплачивает пребывание Эллен в вашем заведении, Хоб? – спросил я. – Кто именно?

Привратник уверенно покачал головой:

– Вы знаете, что я не могу сказать вам этого.

– За то время, которое я посещаю ее здесь, мне удалось узнать только то, что на нее напали и изнасиловали в Сассексе, когда ей не было и двадцати. Я узнал также, что она жила в местечке, называвшемся Рольфсвудом.

Гибонс, прищурившись, посмотрел на меня и негромким голосом спросил:

– Как вам удалось это узнать?

– Однажды я рассказывал ей о ферме моего отца возле Личфилда и упомянул великое зимнее наводнение двадцать четвертого года. Она сказала тогда: «Я была еще девочкой. Помню, в Рольфсвуде…» После чего заперла рот на замок. Однако я принялся расспрашивать и выяснил, что Рольфсвуд – это небольшой городок в кузнечном районе Сассекса возле границы с Хэмпширом. Впрочем, Эллен так ничего больше и не сказала, ни о своей семье, ни о том, что с ней случилось. – Я пристально посмотрел на Гибонса. – Может быть, на нее напал кто-то из ее собственных родственников? И поэтому ее никто не посещает?

Хоб посмотрел на остававшуюся в моей руке монету, а потом на меня.

– Ничем не могу помочь вам, сэр, – проговорил он веско и неторопливо. – Мастер Шоумс особенным образом подчеркивал, чтобы мы не расспрашивали о происхождении Эллен.

– У него должны быть записи, – кивнул я в сторону стола. – Возможно, вон там.

– Стол заперт, и я никоим образом не собираюсь взламывать его.

Однако эту загадку все-таки следовало распутать.

– Сколько стоят эти сведения, Хоб? – спросил я напрямик. – Назови

свою цену.

– Можете ли вы заплатить мне столько, сколько потребуется, чтобы дожить до конца дней своих? – побагровев, проговорил Гибонс с внезапным гневом. – Если я узнаю это и скажу вам, меня обязательно вычислят. Шоумс помалкивает о ней, а это значит, что у него есть на сей счет инструкции свыше. От попечителя Метвиса. Меня выгонят. Я потеряю крышу над головой и работу, которая кормит меня и наделяет кое-какой властью в мире, не знающем жалости к беднякам.

Хоб хлопнул по связке ключей на поясе, заставив их звякнуть.

– И все потому, что у вас не хватает решительности сказать Эллен, что ей хватает глупости думать, что вы будете спать с ней в этой комнате. Разве вы не знаете, что здесь всем известна ее безумная любовь к вам? – нетерпеливым тоном добавил он. – Ведь эта любовь стала поводом для шуток во всем Бедламе!

Я почувствовал, что краснею:

– Она хочет совсем не этого. Разве это возможно после того, что с ней случилось?

Привратник пожал плечами:

– Судя по тому, что мне говорили, некоторые женщины в ее ситуации становятся даже более охочи. Что еще может ей потребоваться от вас?

– Не знаю. Быть может, она мечтает о рыцарской любви.

Мой собеседник усмехнулся:

– Так эти вещи называют образованные. Скажите ей, что вы не заинтересованы в этом. Облегчите жизнь и себе, и всем прочим.

– Я не могу этого сделать, это будет жестоко. Мне нужно найти какой-то выход из ситуации, Хоб. Мне нужно узнать, кто ее родственники.

– Не сомневаюсь, что у адвокатов есть способы выяснить подобные вещи, – прищурился Гибонс. – Вам известно, что она действительно больна. Дело не в ее отказе выйти отсюда. Возьмем все эти придуманные болезни, а еще можно послушать, как она плачет и бормочет в своей комнате по ночам. Если хотите совет, скажу вам: уходите и не возвращайтесь. Пришлите этого вашего посыльного с известием о том, что вы женились, умерли, отправились на войну с французами…

Я понял, что со своей стороны Гибонс пытается дать мне наилучший совет. Впрочем, наилучший для меня, но не для Эллен, которая ничего для него не значила.

– Но что станет с ней, если я поступлю подобным образом?

Смотритель пожал плечами и внимательно посмотрел на меня:

– Ей станет хуже. Но можно ей ничего не говорить… Или, быть может,

вы просто боитесь сказать ей это?

– Гибонс, не забывайтесь, – оборвал я собеседника резким тоном.

Тот пожал плечами:

– Ну, во всяком случае, могу сказать вам, что, если у наших подопечных в головах заводится навязчивая идейка, изгнать ее оттуда попросту невозможно. Поверьте мне, сэр, я провел здесь уже десять лет! И знаю, каковы они на самом деле.

Я отвернулся:

– Что ж, буду у вас примерно через неделю.

Хоб вновь пожал плечами:

– Вот и хорошо, надеюсь, это ее успокоит. Во всяком случае, пока.

Оставив кабинет, я вышел наружу через главную дверь, плотно прикрыв ее за собой. Приятно было оказаться вне затхлой и сырой атмосферы этого заведения. Я подумал, что правду об Эллен все равно необходимо выяснить, нужно только найти правильный способ.

Глава 3

Я вернулся домой, быстро переоделся в лучшую одежду и направился к лестнице Храма, чтобы найти лодку, которая доставит меня на десять миль вверх по реке в Хэмптон-корт. Прилив помогал нам, однако знойное утро не сулило лодочнику ничего хорошего. За Вестминстером мы миновали множество спускавшихся вниз по течению барж, груженных всяческими припасами – тюками с одеждой, зерном из королевских запасов… Одна из них оказалась груженной сотнями длинных луков. Покрытый потом лодочник не был склонен к разговорам, и я приглядывался к полям. Обыкновенно в эту пору колосья уже становились золотыми, однако непогода последних недель еще оставляла их зелеными.

Посещение Эллен оставило тяжелый след в моей памяти – в особенности слова Хоба о том, что у адвокатов есть собственные способы докапываться до истины. Мысль о том, что теперь придется действовать за ее спиной, была мне ненавистна, однако нынешняя ситуация продолжаться дальше не могла.

Наконец перед нами возникли высокие кирпичные башни Хэмптон-корта, поблескивавшие на солнце вызолоченные фигуры львов и разных мифических тварей, венчавшие печные трубы. Я высадился на пристани, которую караулили вооруженные алебардами солдаты. Со стесненным сердцем я посмотрел вдоль широкой лужайки на дворец Вулси[15], а затем показал свое письмо одному из караульных. Низко поклонившись, он подозвал к себе другого стражника и приказал проводить меня во дворец.

Мне припомнился мой единственный предыдущий визит в Хэмптон-корт, к архиепископу Кранмеру[16] после того, как тот был по ложному обвинению заточен в Тауэре. Именно это воспоминание и стало основанием для моего страха. Я слышал, что Кранмер находится в Дувре: рассказывали, что он принимал там парады, сидя в панцире верхом на коне. Удивительный поступок, впрочем, ничуть не более странный, чем многое, что творится в наши дни. Сам король, как я узнал от стражника, пребывал в Уайтхолле, так что, по крайней мере, встреча с ним мне не грозила. Однажды вышло так, что я не угодил ему, а король Генри такого не забывал. Оказавшись перед широким дубовым дверным проемом, я помолился Богу, в которого, можно сказать, уже и не верил, о том, что королева не забудет о своем обещании и предмет ее желания, каким бы он ни был, не окажется связанным с политикой.

По спиральной лестнице меня провели во внешние комнаты покоев королевы. Я откинул с лица капюшон, как только мы оказались в помещении, по которому деловито сновали туда-сюда слуги и сановники, по большей части с кокардой Святой Екатерины на своих головных уборах. Мы миновали следующую комнату, а потом следующую за ней. Во дворце становилось все спокойнее по мере того, как мы приближались к покоям королевы. Здесь видны были знаки свежего ремонта – новой краски на стенах и украшенных причудливыми карнизами потолках. Широкие гобелены так блистали красками, что глазам было почти больно. Укрывавший пол слой тростника сверху был усыпан свежими ветками и травами, и воздух наполняла смесь божественных ароматов: миндаля, лаванды, роз… Во второй комнате в просторных клетках перепархивали с места на место и пели попугаи. Еще в одной клетке сидела и обезьянка: она как раз карабкалась вверх по прутьям, но замерла на месте, уставившись на меня огромными глазами на морщинистом, старушечьем лице. Мы остановились перед еще одной дверью, возле которой находилась стража. Над нею золотом был выложен девиз королевы: «Быть полезным в моих делах». Стражник отворил дверь, и я, наконец, попал в приемную.

Это было внешнее святилище – личные комнаты королевы находились за ним, позади еще одной двери, охранявшейся солдатом с алебардой. После двух лет супружества королева Екатерина по-прежнему сохранила благоволение короля: отправившись в прошлом году во главе своих войск во Францию, он назначил ее королевой-регентом. Тем не менее, памятуя судьбу прежних жен его величества, я не мог не подумать о том, что по первому его слову вся эта охрана может в любой момент превратиться в тюремщиков.

Стены приемной украшали новые обои с причудливыми гирляндами листьев на зеленом фоне. Комната была обставлена элегантными столами, полными цветов вазами и креслами с высокими спинками. Здесь находилось всего два человека. Одним из них была женщина в простом платье василькового цвета, седеющие волосы которой прикрывал белый чепец. Полупривстав в своем кресле, она оделила меня опасливым взглядом. Разделявший ее общество высокий и худощавый мужчина в адвокатской мантии легким движением прикоснулся к ее плечу, давая ей этим движением знак оставаться на месте. Мастер Роберт Уорнер, солиситор королевы, узкое лицо которого обрамляла длинная, уже начинавшая седеть борода, хотя он был одних лет со мной, подошел ко мне и подал руку:

– Брат Шардлейк, спасибо за то, что пришли.

Будто я мог отказаться! Однако мне было приятно видеть его: Уорнер всегда держался со мной дружелюбно.

– Как поживаете? – поинтересовался он.

– Неплохо. А вы?

– Очень много дел в данный момент.

– А как обстоят дела королевы? – Я заметил, что седоволосая женщина внимательно смотрит на меня и при этом слегка дрожит.

– Очень хорошо. Я проведу вас к ней. У королевы сейчас леди Елизавета.

В пышно украшенном личном покое сидели четыре в пух и прах разодетые камеристки с кокардой королевы на капюшонах. Они устроились с шитьем у окна, за которым располагались дворцовые сады, образцовые цветочные клумбы, пруды с рыбами и изваяния геральдических животных. Все женщины поднялись и коротко кивнули мне, отвечая на мой приветственный поклон.

Королева Екатерина Парр сидела посреди комнаты, в красном, крытом бархатом кресле под алым балдахином. Возле ее ног устроилась девочка лет одиннадцати, гладившая спаниеля. Бледное лицо этого ребенка обрамляли длинные темно-рыжие волосы, а ее платье из зеленого шелка дополняла нитка жемчугов. Я понял, что это и есть леди Елизавета, младшая дочь короля от Анны Болейн. Мне было известно, что король восстановил Елизавету и ее сводную сестру Марию, дочь Екатерины Арагонской, в линии престолонаследования – причем, как утверждали, по настоянию теперешней королевы. Однако они по-прежнему оставались в статусе бастардов и потому именовались леди, а не принцессами. И хотя двадцатилетняя Мария уже являлась видной фигурой при дворе и второй в линии наследования престола следом за молодым принцем Эдвардом, Елизавета, презираемая и отвергнутая отцом, редко появлялась на людях.

Мы с Уорнером низко поклонились. После недолгой паузы королева произнесла сочным и чистым голосом:

– Приветствую вас, добрые джентльмены!

Еще до брака Екатерина Парр всегда бывала элегантно одета, но теперь она была просто великолепна в своем платье из серебряной и красно-коричневой ткани, шитом золотыми прядями. На груди ее пристроилась золотая брошь, усыпанная жемчугами. Лицо королевы, скорее, просто привлекательное, чем хорошенькое, было слегка припудренным, а золотисто-рыжие волосы прятал круглый французский капюшон. На этом любезном лице покоилось доброжелательное выражение, а строгий с виду рот, тем не менее, производил такое

впечатление, будто бы она может в любой момент предаться улыбке или смеху посреди всего этого великолепия.

Посмотрев на Уорнера, королева спросила:

– Она ждет снаружи?

– Да, ваше величество.

– Посиди с ней, я скоро ее призову. Она по-прежнему волнуется?

– Очень.

– Тогда, по возможности, успокой ее.

Поклонившись, Уорнер покинул комнату. Я заметил, что девочка, не переставая гладить собаку, внимательно изучает меня. Королева посмотрела на нее и улыбнулась:

– Да, Елизавета, это и есть мастер Шардлейк. Задавай свой вопрос, а потом тебе следует вернуться к занятиям стрельбой из лука. Мастер Тимоти уже будет ждать тебя. – Королева повернулась ко мне со снисходительной улыбкой. – Леди Елизавета хочет задать вопрос про адвокатов.

Я нерешительно повернулся к девочке. Ее трудно было назвать хорошенькой при таком длинном носе и подбородке. Синие глаза смотрели пронзительно, напомнив мне взгляд ее отца. Только, в отличие от Генри, в глазах Елизаветы не угадывалось никакой жестокости, там было лишь напряженное, полное поиска любопытство. Смелый взгляд для ребенка, однако это дитя нельзя было назвать обыкновенным.

– Сэр, – произнесла она чистым и серьезным голосом. – Я знаю, что вы являетесь адвокатом и что моя дорогая матушка считает вас хорошим человеком.

– Благодарю вас, – ответил я, удивившись про себя: итак, она зовет королеву матерью!

– Тем не менее, я слышала, что адвокатов считают сквернымиями людьми, не знающими нравственности, одинаково готовыми взяться за дело и плохого человека, и хорошего, – продолжил ребенок. – Люди говорят, что дома адвокатов построены на головах глупцов и что они используют путаные места закона как сеть, уловляя ею людей. Что вы скажете на это, сэр?

Серьезное выражение на лице девочки говорило, что она не собирается посмеяться надо мной, а действительно хочет услышать ответ. Я глубоко вздохнул:

– Миледи, меня учили тому, что адвокату положено, невзирая на лица, вести дело любого клиента. Адвокат обязан быть нейтральным, ибо любой человек, добрый или злой, должен иметь право, чтобы его дело было верно

изложено в королевском суде.

– Однако у адвоката должна быть совесть, сэр, ему положено знать в сердце своем, справедливо или нет дело той стороны, которую он защищает! – с пылом проговорила юная королевская дочь. – Если к вам придет человек и вы увидите, что он действовал против своего противника, исходя из злобы и недоброжелательств, желая просто запутать его в терновых объятиях закона, ведь вы не станете действовать против него таким же образом ради денег?

– Мастер Шардлейк, по большей части, ведет дела бедняков, Елизавета, – мягко вступила в разговор королева. – В Палате прошений.

– Но, мама, ведь дело бедного человека также может оказаться несправедливым, как и дело богатого?

– Действительно, закон – вещь путаная, – проговорил я, – быть может, и в самом деле чересчур сложная для блага рода людского. Действительно также, что некоторые адвокаты покоряются жадности и думают об одних только деньгах. И все же, долг требует от адвоката найти справедливые и разумные моменты в деле своего клиента: так, чтобы он мог уверенно защищать его интересы. Таким образом, он может успокоить свою совесть. А справедливое решение принимают судьи. И справедливость – это великая вещь.

Елизавета внезапно и победоносно улыбнулась:

– Благодарю вас за ответ, сэр, я обдумаю его. Я задала его только потому, что хочу учиться. – Она помедлила. – И все же я полагаю, что найти правосудие не просто.

– В этом, миледи, я с вами согласен.

Екатерина прикоснулась к руке девочки:

– Теперь тебе надо идти, иначе мастер Тимоти возьмется за поиски. А мы с сержантом[17] Шардлейком займемся делом. Джейн, ты проводишь ее?

Елизавета кивнула и улыбнулась королеве, на мгновение превратившись в обыкновенную девочку своих лет. Я вновь низко поклонился. Одна из камеристок подошла к ребенку и проводила его к двери. Юная леди шла неторопливым, сдержанным шагом. Собачка решила было последовать за ней, но королева велела животному остаться. Камеристка постучала в дверь, та открылась, и они с девочкой исчезли за ней.

После этого Екатерина повернулась ко мне и протянула узкую, в кольцах, руку для поцелуя.

– Ты дал хороший ответ, – проговорила она, – однако, быть может, наделил своих собратьев адвокатов слишком большой самостоятельностью.

– Да. Для этого я слишком циничен, – не стал отрицать я. – Но она всего лишь дитя, хотя и воистину удивительное. Разговаривать с ней интереснее, чем со многими взрослыми.

Королева вдруг рассмеялась, блеснув ровными белыми зубами:

– В гневе она ругается, как солдат! На мой взгляд, этому содействует мастер Тимоти. Но согласна, она и вправду удивительна. Мастер Гриндал, наставник принца Эдварда, занимается также и с ней и говорит, что более смышленого дитяти ему еще не приходилось учить. А еще эта девочка столь же ловка в спорте, как и в науках. Она уже следует за охотой и читает новый трактат мастера Эшема[18] о стрельбе из лука. Тем не менее иногда она так печальна и так наблюдательна… А иногда испугана. – Королева печально посмотрела в сторону закрывшейся двери, и на мгновение я увидел знакомую мне Екатерину Парр: напряженную, испуганную, отчаянно стремящуюся поступить правильно.

– Мир – опасное и ненадежное место, ваше величество, – проговорил я. – Здесь невозможно оказаться слишком бдительным.

– Ты прав. – Слова моей собеседницы сопровождала полная понимания улыбка. – А теперь ты боишься того, что я вновь отправлю тебя в самую гущу его худших опасностей. Это заметно. Но я никогда не нарушаю данных обещаний, мой добрый Мэтью. Я приготовила для тебя дело, которое не имеет ничего общего с политикой.

Я склонил голову:

– Вы видите меня насквозь. Даже не знаю, что сказать.

– Тогда не говори ничего. Кстати, как обстоят твои дела?

– Вполне неплохо.

– Находишь ли ты сейчас какое-то время для занятий живописью?

Я покачал головой:

– В прошлом году случалось, но теперь… – Немного помолчав, я добавил: – Слишком многие заинтересованы в моих услугах.

– Я вижу след забот на твоем лице. – Карие глаза королевы были столь же проницательны, как и взгляд Елизаветы.

– Это всего лишь те морщины, что приходят с возрастом. Впрочем, над вашим лицом он не властен, ваше величество.

– Если у тебя когда-либо возникнут сложности, то я помогу тебе всем, чем возможно: тебе известно об этом.

– Меня тревожит одно небольшое личное дело…

– Сердечное, насколько можно понять?

Я посмотрел на сидевших возле окна дам, осознавая, что королева говорит достаточно громко для того, чтобы они могли ее слышать. Ни у

одной из них не будет основания донести, что Екатерина Парр имела приватный разговор с неприятным королю человеком.

– Нет, ваше величество, – ответил я. – Дело не в этом.

Королева кивнула, на мгновение в задумчивости нахмурилась, а затем спросила:

– Мэтью, тебе случалось иметь дела с Сиротским судом?

Я с удивлением посмотрел на нее:

– Нет, ваше величество.

Суд по делам опеки был учрежден королем несколько лет назад, для управления делами состоятельных сирот, подпадавших под его юрисдикцию. Не было судебной палаты более продажной и более далекой от всякого правосудия. Именно там должны находиться документы, удостоверяющие безумие Эллен, ибо опека короля распространялась и на безумцев.

– Ну, неважно. Дело, которое я хочу поручить тебе, в первую очередь требует честного человека, а тебе известно, каковы адвокаты, специализирующиеся на опеке. – Ее величество наклонилась вперед. – Возьмешься ли ты за такое дело? Ради меня? Мне хотелось, чтобы им занялся ты, а не мастер Уорнер, потому что у тебя больше опыта в ведении дел простых людей.

– Мне придется освежить в памяти принятые там процедуры. Но, впрочем, да, возьмусь.

Екатерина кивнула:

– Спасибо. Ты должен знать еще одну вещь, прежде чем я приглашу твоего нового клиента. Мастер Уорнер говорил мне, что при рассмотрении дел по опеке адвокатам приходится путешествовать в те края, где живут юные подопечные, чтобы собрать заявления.

– Показания. Это можно сказать о любом суде, ваше величество.

– Мальчик, о котором пойдет речь, живет в Хэмпшире возле Портсмута.

Я подумал, что дорога туда из Лондона проходит через Западный Сассекс, родные края Эллен.

Чуточку помедлив, королева продолжила, старательно подбирая слова:

– Окрестности Портсмута в ближайшие несколько недель могут оказаться не самым безопасным местом для путешествия.

– Из-за французов? Говорят, что они могут высадиться где угодно.

– У нас есть свои шпионы во Франции, и они утверждают, что высадка будет произведена в Портсмуте. Скорее всего, хотя полной уверенности в этом нет. Я не хочу поручать тебе это дело, заранее не предупредив об этом,

ибо мастер Уорнер говорит, что показания потребуются обязательно.

Я посмотрел на королеву, ощущая, насколько сильно она хочет, чтобы именно я взялся за это дело. И если мне удастся проехать через Рольфсвуд…

– Я сделаю это, – сказал я Екатерине.

– Спасибо. – Благодарно улыбнувшись мне, она обратилась к дамам: – Джейн, будьте любезны пригласить мистрис Кафхилл. – Итак, – снова негромко обратилась ее величество ко мне, – Бесс Кафхилл, встреча с которой тебе сейчас предстоит, была моей служанкой в прежние времена, когда я еще являлась леди Латимер. Она ведала одним из наших поместий сперва на севере, а потом в Лондоне. Эта добрая и верная женщина недавно претерпела огромную утрату. Будь с ней помягче. Если кто-то и заслуживает справедливости, так это Бесс.

Камеристка вернулась в обществе женщины, которую я видел в приемном покое. Невысокая и хрупкая на вид, она шла нервными шагами, крепко стиснув вместе руки.

– Иди сюда, добрая Бесс, – произнесла королева приветственным тоном. – Это мастер Шардлейк, сержант закона. Джейн, принесите сюда кресло. И сержанту Шардлейку тоже.

Мистрис Кафхилл опустилась в мягкое кресло, а я уселся напротив нее. Она обратила ко мне пристальный взгляд своих чистых серо-голубых глаз, блестящих на морщинистом и несчастном лице, и нахмурилась на секунду, быть может, заметив, что имеет дело с горбуном. Потом женщина перевела взгляд на королеву, и глаза ее смягчились при виде собачки.

– Его зовут Риг, Бесс, – проговорила Екатерина. – Правда, красавчик? Погладь-ка его!

Неуверенным движением Кафхилл протянула вперед руку и прикоснулась к животному. Песик немедленно завилял плоским хвостом.

– Бесс всегда любила собак, – обратилась ко мне королева, и я понял, что она придержала при себе Рига для того, чтобы помочь расслабиться своей старой служанке.

– А теперь, Бесс, – продолжила королева, – расскажи сержанту Шардлейку все, что знаешь. И не бойся. Он будет твоим верным другом. Рассказывай ему так, как рассказывала мне.

Откинувшись назад, пожилая дама посмотрела на меня с тревогой.

– Я – вдова, сэр, – начала она негромким голосом. – У меня был сын Майкл, прекрасный и добрый мальчик.

Глаза ее наполнились слезами, однако она решительно смахнула их и продолжила:

– Он был умным и, благодаря милости леди Латимер – прошу прощения, благодаря доброте королевы – был принят в Кембридж. – В голосе ее прозвучала гордость. – Закончив учение, Майкл вернулся в Лондон и получил место наставника в семействе торговцев по фамилии Кертис. В добром доме у Болотных ворот.

– Вы должны были гордиться, – заметил я.

– Я и гордилась, сэр.

– Когда это было?

– Семь лет назад. Майкл был счастлив на своем месте. Мастер Кертис и его жена оказались добрыми людьми. Они торговали тканями. И помимо своего лондонского дома купили небольшой лес, принадлежавший крохотному монастырьку в Хэмпшире, в сельской местности к северу от Портсмута. Как раз в ту пору, когда закрывались все монастыри.

– Я отлично все это помню.

– Майкл сказал, что монахини жили в роскоши на деньги от продажи леса. – Старая служанка нахмурилась и покачала головой. – Эти монахи и монахини были скверными людьми, как известно королеве.

Итак, Бесс Кафхилл очевидным образом принадлежит к числу реформаторов.

– Расскажи мастеру Шардлейку о детях, – напомнила Екатерина.

– У Кертисов было двое детей, Хью и Эмма. Девочке, как мне кажется, тогда было лет двенадцать, Хью был на год младше. Однажды Майкл привез их ко мне, а еще я встречалась с ними, когда посещала его. – Бесс ласково улыбнулась. – Такие приятные дети, мальчик и девочка. Оба высокие, светло-каштановые головки, спокойные и милые. Отец их был добрым реформатором, человеком нового мышления. Он научил и Эмму, и Хью латыни и греческому языку, как и спортивному времяпровождению. Мой сын знал толк в стрельбе из лука и обучал ей детей.

– Ваш сын любил их?

– Как своих собственных. Вы знаете, бывает, что в богатых домах испорченные дети могут превратить в ад жизнь своих учителей, однако Хью и Эмма обожали учиться. Во всяком случае, Майкл даже считал их слишком серьезными, но родители поощряли такое усердие: они хотели, чтобы дети выросли богопослушными людьми. Мой сын полагал, что мастер Кертис и его жена слишком близки со своими детьми. Однако они слишком любили ребят. И тут… – Бесс вдруг умолкла, уставившись на собственные колени.

– Что же случилось? – спросил я негромко.

Когда она вновь посмотрела на меня, горе сделало ее глаза пустыми:

– На второе лето, когда Майкл был с ними в Лондоне, началось чумное поветрие. Семейство решило отправиться в Хэмпшир, в собственное поместье. Ехали они с друзьями, другим семейством, которое приобрело здания старого монастыря и остаток земель. С семейством Хоббеев.

Имя это она едва ли не выплюнула.

– И кем же они были? – Спросил я.

– Николас Хоббей также торговал тканями. Он перестроил монастырь в жилой дом, и семья мастера Кертиса намеревалась погостить у них. Майкл также собирался в Хэмпшир. Они уже паковали вещи в дорогу, когда мастер Кертис нашел у себя бубоны под мышкой. Едва его уложили в постель, как свалилась и его жена. Через день оба были мертвы. Как и их управляющий, тоже очень хороший человек.

Она тяжело вздохнула:

– Ну, да вы знаете, как это происходит.

– Да. – Так случается не только с чумным поветрием, но со всякой болезнью, рожденной злыми гуморами Лондона. Я вспомнил о Джоан.

– Майкл и дети уцелели. Хью и Эмма были раздавлены горем и в слезах искали утешения друг у друга. Мой мальчик уже не знал, что с ними станет: близких родственников у детей не было. – Мистрис Кафхилл стиснула зубы. – И тут явился Николас Хоббей. Если бы не эта семейка, мой сын был бы до сих пор жив!

Она посмотрела на меня полными внезапной ярости глазами.

– Вы сами когда-либо встречались с мастером Хоббеем? – уточнил я у нее.

– Нет. Я знаю лишь то, что рассказывал мне Майкл. Он сказал, что сначала мастер Кертис намеревался купить монастырь со всеми землями в качестве капиталовложения, однако в итоге решил, что не может позволить себе этого. Мастера Хоббея он знал по гильдии торговцев тканями. Николас несколько раз приходил к обеду, чтобы обсудить разделение земель между их семьями, к чему в итоге они и пришли, причем Хоббей приобрел меньшую часть леса и здания монастыря, который намеревался превратить в свой загородный дом. Мастер Кертис взял себе более обширную часть леса. За все это время Николас подружился с мастером и мистрис Кертис. Он показался Майклу человеком, придерживающимся реформистских взглядов в обществе богобоязненных людей, который, однако, с папистом будет вести торговые переговоры, перебирая четки. А о жене его, мистрис Абигайль, мой сын просто сказал, что она безумна.

Снова безумие!

– И в чем это проявлялось? – поинтересовался я.

Моя старая собеседница покачала головой:

– Не знаю. Майкл не любил говорить со мной о подобных вещах. – Помедлив, она продолжила: – Мастер и мистрис Кертис умерли слишком быстро и потому не успели составить завещание. Вот почему все сделалось таким неопределенным. Однако уже вскоре после их смерти мастер Хоббей явился с адвокатом и сказал моему сыну, что будущее детей устроено.

– Вам известно имя адвоката?

– Дирик. Винсент Дирик.

– Ты знаешь его? – спросила меня королева.

– Чуть-чуть. Он барристер в Иннер-темпл. И за прошедшие годы не раз представлял в судах интересы лендлордов в Суде по прошениям, выступая моим противником. Хорош в споре, однако может быть излишне агрессивен. Я и не знал, что он также работал в Палате опеки.

– Майкл опасался его, – вставила мистрис Кафхилл. – Вместе с викарием Кертисов мой сын пытался найти их родственников, однако тут мастер Николас заявил, что купил опеку над детьми. Дом Кертисов был назначен к продаже, а Хью и Эмма должны были перебраться в дом Хоббеев на Шу-лейн.

– Это было сделано слишком поспешно, – заметил я.

– Сыграли свою роль деньги, – прокомментировала королева.

– И сколько же там было земли? – задал я еще один вопрос.

– На мой взгляд, около двадцати квадратных миль. Доля детей составляла около двух третей, – ответила Бесс.

Большой участок…

– А вам известно, сколько Хоббей заплатил за опеку? – продолжил я расспросы.

– Как будто бы восемьдесят фунтов.

Дешево, на мой взгляд. Я подумал о том, что, выкупив опеку над Хью и Эммой, Хоббей получил право распоряжаться их долей леса. В Хэмпшире, вблизи Портсмута существовала значительная потребность в корабельном лесе, да и расширяющееся производство железа в Сассекской пуще тоже недалеко и тоже постоянно нуждается в топливе.

Бесс, между тем, продолжала:

– Мастер Хоббей намеревался приставить к детям собственного учителя, однако Хью и Эмма привязались к моему сыну. Дети попросили нового опекуна оставить Майкла, и тот согласился.

Пожилая дама беспомощно всплеснула руками:

– Помимо меня, Кертисы были единственными близкими Майклу людьми. Мой мальчик был полон душевной щедрости: ему следовало бы

жениться, однако по какой-то причине он этого не сделал.

Снова взяв себя в руки, она продолжила бесцветным тоном:

– Значит, детей перевезли, а дом, в котором они прожили всю свою жизнь, продали. Надо думать, полученные деньги были переданы в Сиротский суд.

– Да. Он должен был стать доверенным лицом. Итак, мистрис Кафхилл, ваш сын переехал вместе с детьми на Шу-лейн…

– Да. В доме Хоббеев ему не понравилось. Он оказался небольшим и темным. Кроме того, Майкл получил нового ученика. Сына Хоббеев, Дэвида. – Моя собеседница глубоко вздохнула. – Сын говорил мне, что это был избалованный и испорченный ребенок, того же самого возраста, что и Эмма. Глупый и жестокий, он всегда придирался к Хью и Эмме, говорил, что их только терпят в этом доме, что родители не любят так же, как его. Надо думать, не врал. На мой взгляд, мастер Хоббей взял детей, чтобы извлечь выгоду из их земли.

– Но законно ли извлекать доход из земель подопечного? – спросила королева.

– Незаконно. Опекун обязан распоряжаться землями подопечного… содержать их в порядке. Но он не может извлекать из них выгоды. Хотя так бывает отнюдь не всегда. Кроме того, он может распоряжаться замужеством девушки, – добавил я задумчивым тоном.

Бесс опять взяла слово:

– Майкл опасался того, что они захотят выдать Эмму за Дэвида, чтобы ее доля земли перешла к семейству Хоббеев. Эти бедные дети, Хью и Эмма, держались друг друга, ведь у них не было никого на всем свете, кроме друга в лице моего сына. Майкл рассказал мне, что Хью однажды подрался с Дэвидом, когда тот сказал Эмме нечто неподобающее. Ей было всего тринадцать лет. Дэвид был крепким мальчишкой, но Хью побил его. – Она вновь пристально посмотрела на меня. – Я сказала Майклу, что он слишком печется о Хью и Эмме и что он не может заменить им отца и мать. Но тут, – лицо ее вновь померкло, – тут дом Хоббеев посетила оспа.

Королева склонилась вперед и прикоснулась ладонью к руке своей бывшей служанки.

– Заболели все трое детей, – продолжила та каменным тоном. – Майклу было запрещено входить в их комнаты в страхе перед заразой. Ходить за Хью и Эммой было поручено слугам, однако за Дэвидом мать ухаживала сама, рыдая и вопия к Богу о милости к ее мальчику. Я и сама поступила бы так же, если бы речь шла о Майкле. – Помедлив, она полным ярости тоном проговорила: – Дэвид выздоровел без единой оспины! Хью

остался жить, однако его взрытое оспинами лицо потеряло прежнюю красоту. А маленькая Эмма умерла.

– Мне очень жаль, – заверил ее я.

– А затем, через несколько дней мастер Хоббей сказал моему сыну, что его жена более не желает жить в Лондоне. Они навсегда уезжают в свой дом в Хэмпшире и в услугах его больше не нуждаются. Майклу даже не удалось снова увидеть Хью – того вместе с Дэвидом все еще держали в карантине. Моему мальчику позволили лишь побывать на похоронах бедной Эммы. Увидев, как ее маленький гробик опустили в землю, Майкл уехал в тот же самый день. Он сказал, что слуги сожгли одежду Эммы в саду, на тот случай, если в них сохранились опасные гуморы болезни.

– Ужасная история, – осторожно проговорил я. – Смерть, жадность… и жертвой их стали дети. Однако, мистрис Кафхилл, ваш сын не мог ничего поделать!

– Я знаю, – проговорила Бесс. – Мастер Хоббей дал Майклу рекомендательное письмо, и тот получил в Лондоне новое место. Он написал Хью, однако получил только официальный ответ Николаса, в котором тот писал, что Хью не ответит, так как они пытаются организовать для мальчика новую жизнь в Хэмпшире. – Голос ее возвысился. – Какая жестокость после всего того, что Майкл сделал для этих детей!

– Действительно так, – согласился я. Тем не менее в позиции Хоббея был определенный смысл. В Лондоне мальчик Хью потерял всю свою семью.

Бесс продолжила прежним невыразительным тоном:

– Миновали годы. И в конце прошлого Майкл получил в Дорсете место преподавателя при детях крупного землевладельца. Однако память о маленьких Кертисах не покидала его. Он часто говорил, что хотел бы узнать, что сталось с Хью.

Нахмурившись, она посмотрела на собственные колени.

Королева вновь взяла слово:

– Продолжай, Бесс, ты должна рассказать все до конца, хотя я знаю, что последняя часть твоего рассказа тяжелее всего.

Посмотрев на меня, пожилая дама заставила себя успокоиться:

– Вернувшись из Дорсета, Майкл направился ко мне в Истер. Он появился в моем доме в ужасном виде, бледный, растерянный, едва ли не умалишенный. Он не стал говорить мне о причине этого, однако через несколько дней вдруг спросил, нет ли у меня знакомых среди адвокатов. «Зачем?» – спросила я его. К моему изумлению, он ответил, что хочет обратиться в Сиротский суд с прошением об изъятии Хью из опеки семьи

Хоббеев. – Она глубоко вздохнула. – Я ответила ему, что с адвокатами незнакома, и спросила, почему он решил заняться этим сейчас, по прошествии шести лет. Сын сказал, что дело там такое, что годится не для ушей ни мужчины, ни женщины и подходит только для судейского слуха. Скажу вам, сэр, я начала опасаться за рассудок Майкла. Просто вижу сейчас, как он сидел передо мной в том маленьком домике, которым я владею по доброте королевы. В свете очага его лицо показалось мне изборожденным морщинами… старым. Да, старым, хотя сыну моему еще не исполнилось тридцати лет. Я предложила ему посетить мастера Дирика. Однако мой мальчик с горечью усмехнулся и сказал, что это – последний человек, к которому он хотел бы обратиться.

– Это справедливо. Если Дирик представляет Хоббея в опекунстве, он не может выступить против него по тому же вопросу, – вставил я.

– Но этим дело не ограничилось, сэр. Голос Майкла был полон гнева.

Ощутив воцарившуюся в комнате полную тишину, я посмотрел в сторону окон. Камеристки оставили шитье и слушали столь же внимательно, как и мы с королевой.

– Я подумала, что на пути домой из Дорсета Майкл мог посетить Хью, – стала рассказывать дальше Кафхилл. – Я спросила его об этом впрямую, и он признал, что так оно и было. Он не стал предупреждать о своем приезде, так как Николас мог не принять его. Сын сказал, что по прибытии обнаружил, что там было совершено нечто ужасное. И теперь он намеревался найти адвоката, которому можно довериться, а если он не сможет это сделать, то выступит в суде сам.

– Жаль, что ты не обратилась прямо ко мне, Бесс, – проговорила королева. – А ведь могла бы.

– Ваше величество, я тогда опасалась того, что сын мой теряет рассудок. Я не могла представить себе ничего такого, что могло бы случиться с Хью, приведя Майкла в подобное состояние. Вскоре после этого сын сказал мне, что нашел собственное жилье. Он заявил, что не станет возвращаться в Дорсет. Он…

Тут Бесс, наконец, не выдержала, закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Екатерина, склонившись, прижала ее голову к своей груди.

Когда мистрис Кафхилл, наконец, овладела собой, королева подала ей носовой платок, который та принялась крутить и комкать в руках. Но, в конце концов, она заговорила, низко опустив голову, так что я видел лишь верх ее белого чепца:

– Майкл перебрался куда-то поближе к реке. Он посещал меня почти каждый день и однажды сказал, что сам подал бумаги в Сиротский суд и

заплатил положенные деньги. Мне показалось, что сын стал выглядеть получше, но затем, в последующие дни, прежнее напряженное выражение вернулось к нему. И, наконец, он пропал на несколько дней. А потом утром явился местный констебль… – Старая служанка посмотрела на меня пропащими глазами. – И сказал, что моего сына нашли мертвым в его комнате, повешенным на потолочной балке. Он оставил записку… она у меня. Мастер Уорнер сказал, что я должна показать ее вам.

– Можно взглянуть? – попросил я.

Бесс извлекла из платья сложенную бумажку и передала мне дрожащей рукой. Я развернул записку. «Прости меня, мама», – было написано в ней. Я посмотрел на несчастную мать:

– Это почерк самого Майкла?

– Неужели вы думаете, что я не узнаю руку собственного сына?! – рассердилась та. – Он сам написал эти слова, как я и сказала коронеру на расследовании перед судом и перед всеми любопытными.

– Не надо, Бесс, – умиротворяющим тоном произнесла королева. – Мастер Шардлейк вынужден задавать подобные вопросы.

– Я знаю, ваше величество, но мне трудно отвечать на них. – Пожилая женщина посмотрела на меня. – Извините меня, сэр.

– Понимаю вас. Дознание производилось лондонским коронером?

– Да, мастером Грайсом… это жесткий и глупый человек.

Я печально улыбнулся:

– Да, он именно таков.

– Коронер спросил, не казался ли мой сын нездоровым, и я сказала: да, поведение его в последние дни казалось мне странным. Вынесли заключение о самоубийстве. Я не стала ничего говорить о Хэмпшире.

– Почему же? – удивился я.

Подняв голову, Кафхилл вновь посмотрела мне в глаза:

– Потому что я решила изложить свое дело королеве. И теперь по ее доброй милости и прошу правосудия.

С этими словами Бесс откинулась на спинку кресла. И я понял, что под болью этой женщины скрывается сталь.

– Так что же, по вашему мнению, мог обнаружить в Хэмпшире ваш сын такого, что могло заставить его покончить с собой? – спросил осторожно.

– Да упокоит Господь его душу… Не знаю, но полагаю, что нечто ужасное.

Я промолчал, не зная, нуждается ли Бесс в вере в это теперь, когда ее боль успела превратиться в гнев.

– Покажи мастеру Шардлейку вызов в суд, – предложила ее величество.

Бесс выудила из платья большую, в несколько раз сложенную бумагу и передала ее мне. Повестка из Сиротского суда вызывала все стороны, участвующие в деле об опеке над Хью Вильямом Кертисом, предстать перед судом через пять дней – двадцать девятого июня. Повестка была отправлена Майклу Кафхиллу, истцу – о его смерти в суде не знали, – и я отметил, что копия была вручена Винсенту Дирику из Иннер-Темпл. Дата свидетельствовала о том, что это произошло три недели назад.

– Она пришла ко мне только на прошлой неделе, – пояснила мистрис Кафхилл. – Эту бумагу принесли на квартиру моего сына, а затем передали коронеру, который переслал ее мне, как ближайшей родственнице Майкла.

– А вы не видели подлинный экземпляр прошения вашего сына? – спросил я. – Он называется иском от имени короны. Мне необходимо знать, что именно он там писал.

– Нет, сэр. Я знаю лишь то, что уже сказала вам.

Поглядев на Бесс и королеву, я решил действовать прямо:

– Что бы ни было написано в прошении, это слова самого Майкла, основанные на известных ему фактах. Но Майкл мертв, и суд может отказаться заслушивать дело без его присутствия.

– Я ничего не знаю о законе, – сказала моя пожилая собеседница, – мне известно лишь то, что произошло с моим сыном.

– А я не думала, что суды еще заседают; говорили, что из-за войны их распустили пораньше, – вставила королева.

– Сиротский суд и Суд казначейства еще работают, – пояснил я.

Суды, приносящие доход королю, не закроются все лето. И судят в них люди жесткие. Я повернулся к Екатерине:

– Сэр Вильям Паулит возглавляет Сиротский суд. Хотелось бы знать, принимает ли он сам участие в заседаниях или же в связи с войной на него возложены другие обязанности. Он является старшим советником.

– Я спрашивала мастера Уорнера. Сэр Вильям скоро отправится в Портсмут в качестве губернатора, но на следующей неделе он будет участвовать в суде.

– Заставят ли они явиться мастера Хоббея? – спросила Бесс.

– Скорее всего, от его имени на первом слушании будет выступать Дирик. А отношение суда к прошению Майкла будет зависеть от того, что в нем написано и сумеем ли мы найти способных помочь нам свидетелей, – объяснил я ей. – Вы упомянули, что, когда мастер Хоббей обратился в суд за попечительством, Майкл попросил помощи у викария Кертисов.

– Да. Мастера Бротона. Майкл называл его хорошим человеком.

– А не обращался ли к нему Майкл в последние дни?

Мистрис Кафхилл покачала головой:

– Я спросила его об этом. Викарий сказал, что не обращался.

– Еще кто-нибудь знал об этом прошении? – уточнил я. – Быть может, какой-то приятель Майкла?

– В Лондоне он был чужаком. У него не было здесь друзей, кроме меня, – с печалью добавила несчастная мать.

– Можешь ли ты провести расследование? – посмотрела на меня королева. – Возьмешься ли за это дело? От имени Бесс?

Я задумался. Пока я мог видеть здесь только узел сильных эмоциональных связей. Между королевой и Бесс, между Бесс и Майклом, между Майклом и теми детьми. И никаких фактов, никаких свидетельств, а быть может, и никакого дела. Я взглянул на Екатерину. Она хотела, чтобы я помог ее старой служанке. Я подумал о мальчике Хью, оказавшемся в самой середине всей истории…. Это было всего лишь имя для меня, но такое одинокое и беззащитное…

– Да, – ответил я. – Я сделаю все, что от меня зависит.

Глава 4

Я покинул покои королевы через час, располагая запиской самоубийцы, судебной повесткой и договоренностью с мистрис Кафхилл, чтобы та посетила меня ближе к концу недели: тогда я снял бы с нее полные показания.

Роберт Уорнер ожидал меня в приемной. Он провел меня по винтовой лестнице в свой кабинет – тесную комнатку, заставленную полками, полными бумаг и перевязанных розовыми ленточками пергаментов.

– Итак, вы беретесь за это дело, – проговорил он.

Я улыбнулся:

– Не могу же я отказать королеве.

– Я тоже. Она попросила меня написать Джону Сьюстеру, атторнею[19] Сиротского суда. Я бы сказал, что слушание состоится в следующий понедельник, несмотря на то, что Кафхилл мертв. И этого хочет королева в интересах суда. Сьюстер передаст это Вильяму, и это помешает ему отклонить дело. Паулит принадлежит к числу тех людей, которые предпочитают политическую выгоду – он не захочет огорчать ее. – Уорнер серьезно смотрел на меня, покручивая пальцами длинную бороду. – Но дальше этого пойти мы не можем, брат Шардлейк. Я не хочу слишком уж выпячивать связь с ее величеством. Мы не знаем, что именно лежит в основе этого дела. Возможно, и ничего, но если Майкл Кафхилл наткнулся на что-то серьезное, возможно, королеве не стоит публично связывать с этим свое имя.

– Понимаю. – Я уважал Роберта. Он исполнял обязанности атторнея при дворе королевы более двадцати лет – еще со времен Екатерины Арагонской, – и мне было известно о его особой симпатии к Екатерине Парр, которая возникала у всех, кто работал на нее.

– Вам досталось сложное дело, – проговорил он сочувственным тоном. – До слушания осталось всего пять дней, а мы не располагаем ни единым свидетелем помимо мистрис Кафхилл.

– В связи с окончанием судебной сессии я располагаю нужным временем.

Мой коллега неспешно кивнул:

– Суд по делам опеки все еще заседает. Есть подопечные, и есть деньги, которые можно взыскать.

Как и всякий здравомыслящий юрист, он говорил о Суде по делам

опеки с пренебрежением.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы отыскать свидетелей, – сказал я. – Существует викарий, с которым Майкл имел дело шесть лет назад. Мне поможет собственный клерк, поднаторевший в подобных вопросах. Если свидетели существуют, мы найдем их. Но сначала мне надо сходить в Сиротский суд, посмотреть, что именно написал Майкл в своем иске.

– Кроме того, вам нужно переговорить с Дириком.

– После того, как я увижу бумаги и ознакомлюсь с их свидетельствами.

– Я сталкивался с Дириком, – проговорил Уорнер. – Это сильный противник. Он, вне сомнения, скажет, что дело основано на бессмысленном обвинении, выдвинутом безумцем.

Юридический мирок Лондона невелик, каждый знает каждого – во всяком случае, по репутации.

– Вот почему я хотел бы сперва выяснить общее положение дел, прежде чем посещать его, – пояснил я. – А скажите, какое впечатление оставила у вас о себе мистрис Кафхилл?

– Она охвачена горем, находится в полном смятении. Быть может, ищет козла отпущения, чтобы обвинить его в смерти своего сына. Но я не сомневаюсь в том, что вы сумеете докопаться до самого корня истины. – Мой собеседник печально улыбнулся. – И вы еще опасались, что вам поручат политическое дело! Это читалось на вашем лице, когда вы вошли.

– Да, брат Уорнер, боюсь, что так.

– Королева всегда выполняет свои обещания, брат Шардлейк, – промолвил Роберт с укоризной. – И всегда поможет своей старой служанке в беде.

– Я знаю это. Мне следовало бы проявить больше веры.

– Королева Екатерина с большей добротой относится к своим старинным друзьям, чем все ее предшественницы после первой королевы Екатерины.

– Екатерины Арагонской.

– Да. Она также была доброй женщиной, хотя у нее имелись свои недостатки.

Я улыбнулся:

– Ее католицизм.

Коллега посмотрел на меня серьезными глазами:

– Не только он. Однако я уже и так сказал больше, чем следует. Разговоры на политические темы опасны, хотя сильные люди страны сейчас не имеют времени для интриг. Хартфорд, Норфолк, Гардинер теперь

в отъезде, заняты своими военными поручениями. Но если нам удастся пройти через войну, нисколько не сомневаюсь, что все начнется сначала. Католическая партия не любит королеву Екатерину. Вы видели ее книгу?

– «Молитвы и размышления»? Да, она прислала мне ее в прошлом месяце.

Уорнер посмотрел на меня проницательным взором:

– И что вы о ней скажете?

– Я не знал, что сердцем ее владеет такая печаль. Все эти молитвы призывают нас оградиться от стрел несчастий, которые посылает в нас мир, в надежде на спасение в мире грядущем.

– Друзья советовали ей исключить некоторые отрывки – слишком отдающие Лютером. И, к счастью, она послушала нас. Королева всегда осторожна. Например, сегодня она не сделала и шагу из своих покоев, поскольку сэр Томас Сеймур[20] находится в Хэмптон-корте.

– Этот сорвиголова! – проговорил я с чувством. Я встречался с Сеймуром в ту пору, когда король давил на Екатерину Парр, требуя выйти за него замуж, в то время как она сама стремилась выйти за отважного Сеймура.

– Король посылал его с инспекцией всех войск на юге Англии. Он явился, чтобы дать отчет Тайному совету.

– Не могу не радоваться тому, что у ее величества есть такие верные друзья, как вы, – со всей искренностью проговорил я.

– Да, мы бережем ее. Кто-то должен заниматься политикой, – добавил Роберт.

Я ступил на залитый солнцем двор. Астрономические часы над аркой передо мной показывали четыре часа дня. Сложенные из красного кирпича здания почти не отбрасывали тени, а над раскаленной мостовой подрагивал воздух. На лбу моем выступил пот. Гонец в королевской ливрее быстро проскакал через двор под противоположную арку, быть может, с какой-то депешей для армейского командования.

Тут я заметил двоих мужчин, стоявших в дверях и смотревших на меня. Я узнал обоих, и сердце мое упало. Уорнер сказал, что сэр Томас Сеймур находится в Хэмптон-корте, и вот этот человек оказался прямо передо мною в ярко-желтом дублете и черных лосинах на длинных стройных ногах. Его симпатичное лицо, окаймленное темно-рыжей бородой, казалось, по обыкновению, жестким и насмешливым. Он стоял, уперев руки в бока, в той самой надменной позе, в которой Гольбейн[21] изобразил короля. Возле него замер невысокий и аккуратный в своем

адвокатском облачении сэр Ричард Рич, также член Тайного совета, последние десять лет охотно служивший орудием короля в самых грязных областях государственного дела. Насколько мне было известно, в прошлом году Рич был связан с финансовым обеспечением вторжения во Францию. По слухам, он имел неприятности от короля, так как позволил себе при этом слишком плотно набить золотом собственные карманы.

Оба они молчали и не шевелились, а просто смотрели на меня: Сеймур с пренебрежением, а Рич с тихим холодком в глазах. Они знали, что человек моего ранга просто не мог обойти их стороной. Сняв с головы шапку, я приблизился к ним, стараясь ступать, по возможности, уверенно, и низко поклонился.

Сеймур заговорил первым:

– Мастер Шардлейк, давненько мы с вами не встречались! А я-то думал, что вы безвылазно засели среди судейских крючков. – С ехидной улыбкой он широко повел рукой вокруг. – Стрижете золотишко с поссорившихся глупцов, в то время как доблестные и верные англичане обороняют страну от ее врагов…

Он подчеркнуто оглядел меня с головы до ног, особым образом задержав взгляд на моей спине.

– Бог ограничил мои возможности, – отозвался я.

Томас расхохотался:

– А что, именно так!

Я не стал отвечать, зная, что Сеймуру скоро надоест осмеивать меня и он позволит мне идти собственным путем. Но тут заговорил Рич – спокойным и резким голосом:

– Какое дело привело вас сюда? Мне и в голову не приходило, что вы посмеете вновь приблизиться к королевскому дворцу. После того раза.

Он имел в виду мое пребывание в Тауэре, куда отправил меня по ложному обвинению, чтобы выиграть судебное дело. Ричард ведал тогда Судом казначейства, управлявшим захваченными королем землями монастырей. Я же защищал интересы лондонского Сити, и моя возможная победа уменьшила бы цену некоторых из этих земель. Рич прибег к услугам лжесвидетелей, чтобы заключить меня в тюрьму по обвинению в измене. Он охотно довел бы дело до казни, однако обвинения против меня удалось опровергнуть. Тем не менее Совет Сити был настолько напуган, что отказался от иска.

Я попросил свои ноги не подгибаться и ответил:

– Я нахожусь здесь по делу, сэр Ричард. По приглашению брата Уорнера.

– Адвоката королевы. Надеюсь, что она не отправила вас защищать еретиков, как в прошлом году поступила с самим Уорнером.

– Нет, сэр Ричард. Это всего лишь гражданское дело. Защита интересов одной из старых служанок королевы.

– В каком суде?

– В Сиротском.

Теперь Рич и Сеймур захохотали вместе. Басовитый смех Томаса контрастировал со скрежещущим смешком его спутника.

– Ну, желаю вам развлечься, – проговорил Ричард.

– Надеюсь, вам хватит денег на подкуп чиновников, – проговорил Сеймур. – Без этого не обойтись.

Я предполагал, что слова эти встретят отпор со стороны Рича: он служил в судебном ведомстве, и таких, как он, обыкновенно оскорбляло упоминание о коррупции в их рядах. Но сэр Ричард лишь чуть улыбнулся в ответ.

– Но кто наполнит его кошель, сэр Томас? – спросил он.

– Надо думать, слуга королевы. Если бы сама королева захотела оплатить чьи-то судебные расходы, это было бы не вполне законно.

– Не сомневайтесь в том, что ее величество приглядит за тем, чтобы все правила приличия были выполнены, – ответил я. – Высокая честность ее общеизвестна.

Этот ответ был смелым, однако пришло время напомнить им, кем является моя покровительница.

Рич склонил голову:

– Мне известно, что ее величество не раз наставляла вас в юридических вопросах. Я нахожу это несколько странным с учетом того мнения, которое король высказал о вас в Йорке. – Он повернулся к сэру Томасу с улыбкой: – Мастер Шардлейк вызвал неудовольствие его величества и претерпел публичное унижение за свой проступок.

С этими словами он склонил свою небольшую голову набок, и я заметил, что его прикрытые шапкой волосы седеют.

– Повесть эта мне известна, – отозвался Сеймур. – Он назвал Шардлейка пьяным и горбатым пауком перед половиной Йорка.

Тут он снова расхохотался.

Ричард же слегка поклонился, отпуская меня:

– Берегите себя, мастер Шардлейк.

В смятении я отправился прочь, ощущая на себе их взгляды. Встретить их обоих вместе было той еще неудачей. Я думал, что Рич давным-давно забыл про меня. Страшно было подумать, что его злобные глазки все это

время следили за мной! Впрочем, он, вне сомнения, приглядывал за всем мелким людом, ожидая, пока кто-нибудь из них не запутается в его сетях. Слава богу, я находился под покровительством королевы. Лишь пройдя под аркой и оказавшись вне поля их зрения, я позволил себе вытереть лоб.

После этого я сразу направился домой. Мне было известно, что Тамасин собиралась посетить Гая и что Барак придет вместе с ней. К собственному удивлению, войдя в дом, я обнаружил, что прихожая полна людей. Тамасин сидела у подножия лестницы, животик выпирал у нее из-под платья, милое бледное лицо было покрыто потом, а светлые волосы свисали сосульками. Джозефина, дочь Вильяма Колдайрона, сняв с головы гостьи чепец, овеивала ее лицо широкими взмахами. Барак стоял возле жены, встревоженно прикусив губу. Эконом с неодобрением взирал на всю эту картину, в то время как оба мальчишки выглядывали из кухонной двери.

– Тамасин, – встревожился я. – Дорогая моя! Что случилось? Где Гай?

– Все в порядке, мастер Шардлейк. – К моему облегчению, голос молодой женщины был полон удивления. – Он отправился мыть руки. Я почувствовала себя как-то не так, когда ушла с улицы, с солнца, и мне пришлось присесть.

– Она всю дорогу прошла одна! – негодуя, сообщил мне Барак. – Я сказал, что встречу ее здесь, но я думал, что с ней будет Джейн Маррис. Шла одна, по такой жаре, и можно заранее сказать, слишком быстрым шагом! Уж я ее знаю! А если бы ты свалилась прямо посреди Чэнсери-лейн, Тамми? Почему Джейн не пришла с тобой?

– Я послала ее за покупками, – объяснила его супруга. – И когда мне надо было уже выходить, она еще не пришла. В торговле полный хаос после выпуска новых монет!

– Тебе надо было сказать, чтобы она вернулась домой вовремя и привела тебя сюда. Где твоя голова, женщина?

– Я же не упала в обморок, Джек, – раздраженным голосом отозвалась Тамасин. – Просто мне пришлось сесть… ох! – Она замолчала, так как Джозефина неловким движением случайно задела ее щеку.

Вильям шагнул вперед и выхватил у нее из рук чепец:

– Следи за своими руками, неуклюжая кобыла! Ступай, назад на кухню! И постарайся не бить посуду!

Джозефина покраснела и заторопилась прочь мелкими стремительными шагами, склонив голову. Колдайрон повернулся ко мне:

– Сегодня утром она разбила большой масляный горшок. Я сказал, что вычту его из ее платы.

– Неважно, – проговорил я. – Скажи ей, что я заплачу за новый

горшок.

Эконом глубоко вздохнул:

– Если разрешите мне высказаться, сэр, то это подрывает дисциплину. Женщины – как солдаты, они должны повиноваться старшим.

– Убирайтесь! – сказал я раздраженным тоном. – У меня здесь довольно дел.

Единственный глаз Колдайрона на мгновение вспыхнул гневом, однако он повиновался и следом за дочерью вернулся на кухню. Ухмылявшиеся мальчишки прыснули по сторонам. Я же снова повернулся к Тамасин:

– С тобой все в порядке?

– Конечно, – заверила меня та. – Не было никакой необходимости, чтобы он говорил с ней подобным образом. Бедная девочка!

Наверху лестницы появился Гай. Он неторопливо спускался вниз, вытирая руки.

– Тебе уже лучше, Тамасин? – спросил он мою гостью.

– Теперь все хорошо. – Мистрис Барак поднялась на ноги. Муж поспешил ей на помощь.

– Скажите ей, доктор Мальтон! – взвился он. – Скажите ей, что глупо ходить без провожатых!

Гай наклонился и пощупал лоб Тамасин:

– Ты перегрелась. Не стоит допускать этого, когда ты носишь ребенка.

– Ну, хорошо, я больше не буду ходить одна. – Женщина посмотрела на Барака. – Обещаю.

– Могу ли я посмотреть Тамасин в твоем кабинете, Мэтью? – спросил Гай.

– Конечно. Джек, мне хотелось бы перебросить парой слов с тобой, – поспешно добавил я, заметив, что мой помощник собрался последовать за врачом и собственной женой. Тамасин бросила мне благодарную улыбку через плечо, а Барак неохотно последовал за мной в гостиную.

Я закрыл дверь, попросил его сесть и уселся перед ним на табурет.

– У нас появилась срочная работа, – проговорил я.

– От королевы?

– Да.

Я рассказал ему о своей встрече с ее величеством и Бесс, и в глазах моего помощника зажегся огонек интереса.

– Когда я явился к королеве, с ней была леди Елизавета, – добавил я.

– И какова же она?

– Удивительно умная девочка. Они с королевой прямо как мать и

дочь. – Я улыбнулся, однако потом нахмурился. – Но после разговора с королевой я встретил старых знакомых, Рича и Томаса Сеймура. Думаю, что они знали о том, что она вызывала меня… и, наверное, дожидались, чтобы меня подразнить.

– Скорее, это случайное совпадение. Они, вероятнее всего, обсуждали военные дела, когда ты появился. Оказавшись перед выгребной ямой, нельзя не увидеть червей.

– Ты прав. Но Рич явным образом следил за моей карьерой.

– Но это отнюдь не секрет, что ты защищал интересы королевы. Вероятно, он прознал о твоем визите и решил развлечься за твой счет.

– Да. Но я не являюсь достаточно заметной персоной, чтобы быть по-настоящему ему интересным.

– Я слышал, что Рич теперь несколько не в чести.

– Я тоже слышал об этом. И все же он по-прежнему является членом Тайного совета. Король ценит его дарования, – добавил я с горечью.

– Политика подобна игре в кости: чем лучше игра, тем хуже человек.

– Джек, мы должны действовать быстро. Слушанье в понедельник.

– Нам еще не приходилось иметь дело с Сиротским судом.

– Многие из его функций не принадлежат суду. Тебе известен принцип опеки?

Барак неторопливо процитировал вспомнившийся отрывок из книги:

– Если муж держит землю по рыцарской службе и умирает, имея малых наследников, собственность его переходит к королю до тех пор, доколе подопечный не достигает возраста или не женится.

– Это правильно.

– И король имеет право управлять землями и устраивать брак подопечного. Однако на деле он продает опеку предложившему больше. Через Суд по опеке.

– Точно запомнил. Рыцарская служба представляет собой древнюю форму наследственного владения землей, уже вымиравшую перед правлением нынешнего короля. Однако потом начался роспуск монастырей. И все захваченные монастырские земли были проданы как земли рыцарской службы. Это породило столько дел по вопросам опекунства, что пришлось распустить прежнее отделение королевского Суда по опеке и учредить отдельный суд. Главной работой его является получение денег. Они проверяют стоимость земель, подлежащих опеке через феодариев, местных чиновников, после чего торгуются с просителями опекунства над несовершеннолетними наследниками.

– Некоторые права опеки предоставляются родственникам детей, разве

не так?

– Так. Однако часто они переходят к предложившим большую цену, особенно, когда у детей не имеется близких родственников. К таким, как этот Николас Хоббей в деле детей Кертисов.

– Я могу понять, зачем он это сделал, – заинтересовался Барак. – Выдав эту девочку за своего сына, он получил бы ее долю отцовского леса. Но девочка умерла.

– Но, тем не менее, обладать Хью для Николаса не менее выгодно. Доля Эммы должна была перейти к ее брату. Хоббей получил бы право контроля над землями Хью до достижения им двадцати одного года. На юге существует постоянная потребность в лесе для корабелов и угле для железоделов. Особенно теперь, во время войны.

– А много ли там леса?

– На мой взгляд, примерно двадцать квадратных миль. Около трети принадлежало самому Хоббею, но все остальное перешло к Хью Кертису. И по закону стоимость земли должна быть сохранена. Но я знаю, что те, кто покупает военные корабли, часто получают незаконные доходы при рубке леса и действуют рука об руку с местными вассалами, получающими свою долю. Вся система прогнила с ног до головы.

Барак нахмурился:

– Неужели у опекаемых детей нет защиты?

Уличные дети и вообще бедствия обездоленных детей всегда привлекали его внимание.

– Очень немного. Опекун заинтересован в том, чтобы подопечный был жив, ибо в случае смерти последнего опека кончается. Кроме того, он обязан устроить образование подростка. Но вот женить или выдать замуж подросшего подопечного он может, в большей или меньшей степени, по собственной воле.

– То есть дети находятся словно в ловушке? Беспомощные в терновнике?

– Суд обладает властью надзора. У него можно попросить защиты от плохого обращения с подопечными, как это сделал Майкл Кафхилл. Однако суд не любит вмешиваться, поскольку опекунство приносит доход. Завтра я схожу в опеку. Вполне возможно, мне придется подмазать чью-то ладонь, чтобы посмотреть все бумаги. И, раз уж я буду там, – я глубоко вздохнул, – то попробую получить копию документа, удостоверяющего безумие Эллен. Документа девятнадцатилетней давности.

Джек посмотрел на меня серьезными глазами:

– Эта Эллен становится для тебя чем-то вроде личного порока.

Слабость наделяет некоторых людей странной разновидностью силы, как тебе, конечно, известно. Кроме того, она хитра, как и многие безумцы.

– Если удастся узнать что-нибудь о ее семействе, это может оказаться шагом вперед. Возможно, мне удастся найти человека, который будут заботиться о ней. И снимет с меня это бремя.

– Ты говорил, что Эллен была изнасилована. Возможно, это сделал один из членов ее собственной семьи.

– Не обязательно. Если дело Кертисов будет принято к рассмотрению, мне, быть может, потребуется съездить в Портсмут, чтобы снять показания. Возможно, мне придется сделать крюк в Сассекс.

Барак приподнял бровь:

– В Портсмут? Я слышал, что туда отправили уйму солдат. Возможно, французы высадятся именно там.

– Я знаю это. Королева сказала мне, что шпионы короля утверждают, будто бы планируется именно это. Но имение Хоббеев находится в нескольких милях к северу от города.

– Я бы съездил с тобой, однако не могу оставить Тамасин. Во всяком случае, сейчас.

Я улыбнулся:

– И не думай об этом. Но помоги мне со слушанием по делу Майкла Кафхилла.

– Странно, что он покончил с собой, подав это прошение. Как раз тогда, когда мог бы что-то сделать для юного Кертиса.

– Ты хочешь сказать, что его убили? Я думал об этом. Однако его мать говорит, что никто больше не знал о его прошении. Кроме того, она узнала почерк на записке. – Я передал помощнику клочок бумаги, и он принялся внимательно его изучать.

– По-прежнему странно, – пробормотал он затем. – Не вредно будет сходить в тот дом, где останавливался Майкл, и задать там несколько вопросов.

– А ты сможешь сделать это завтра?

Барак улыбнулся и кивнул. Он любил работу подобного рода и умел ее делать. Умел разыскивать факты на мостовой.

– Кроме того, придется посетить прежнюю церковь семейства Кертисов, посмотреть, там ли обретается старый викарий, – продолжил я.

– Первым делом.

– Давай-ка, я запишу тебе адреса…

Когда я повернулся к Джеку, чтобы передать ему бумагу, он посмотрел на меня с легкой ехидцей.

– Что такое? – удивился я.

– Это дело расшевелило кровь в твоих жилах, не так ли? Я уже замечал, что тебе становится скучно.

Но в следующий миг Барак услышал голос жены и распрямился. Мы подошли к двери. Тамасин уже стояла за ней с улыбкой на лице. А Гай явно был довольнее, чем все последние дни.

– С моей девочкой все в порядке, – проговорила молодая женщина. – С моей маленькой Джоанной.

– С моим маленьким Джоном, – возразил ей Джек.

– Но ты уже тяжела, Тамасин, – предупредил ее медик. – Не стоит препираться из-за пустяков.

– Да, доктор Мальтон, – со смирением ответила та.

Барак взял ее за руку:

– То есть ты намереваешься слушаться доктора Мальтона, а не собственного мужа и господина, так?

Его супруга улыбнулась:

– Надеюсь, мой добрый муж и господин проводит меня домой. Если он не нужен вам, сэр, – добавила она, повернувшись ко мне.

Когда, погрузившись в легкую дружескую перепалку, они оставили дом, врач улыбнулся:

– Тамасин говорит, что Джек слишком нервничает.

– Что ж, я получил новую работу, которая займет его. – Я положил ладонь на плечо друга. – Именно это, Гай, необходимо и тебе самому… ты должен вернуться к работе.

– Еще не пришло время, Мэтью. Я слишком… устал. А теперь мне надо снова вымыть руки. В отличие от многих моих коллег, я полагаю важным избавляться от любых скверных гуморов.

Он снова поднялся наверх. А я ощутил внезапную тяжесть печали: о Гае, об Эллен, о незнакомом мне парнишке Хью Кертисе, о бедном Майкле Кафхилле… И чтобы несколько упорядочить все эти думы, я решил пройтись по саду.

Обойдя дом сбоку, я наткнулся на Колдайрона, рубившего дрова топором. Побагровевшее лицо его было покрыто потом, стекавшим мимо глазницы на нос. Джозефина стояла возле отца, нервно ломая пальцы. Казалось, что она вот-вот разрыдается.

– Горбуны, – говорил Вильям, – и всякие темнокожие, и беременные шлюшки, падающие на лестнице, чтобы показать свой огромный живот…

Звук моих шагов заставил его вздрогнуть и оглянуться. Глаза Джозефины округлились, а рот приоткрылся.

Посмотрев на эконома, я холодно промолвил:

– Тебе повезло, что со мной нет Барака. Если бы он услышал, как ты называешь его жену, боюсь, тебе пришлось бы познакомиться с острым концом этого топора.

Обойдя Вильяма, я направился прочь. Я готов был выгнать этого типа прямо сейчас, однако полные предельного страха глаза его дочери остановили меня.

Глава 5

Примерно через час мы с Гаем сели за ужин. Колдайрон, при всех его недостатках, был недурным поваром, и мы отобедали свежими речными угрями под масляным соусом. Держался эконом, пожалуй, даже подобострастно и прислуживал нам с опущенными долу глазами.

Когда он оставил комнату, я рассказал Мальтону о моей встрече с королевой и деле Кертисов, упомянув и о том, что если мне придется съездить в Хэмпшир, то я сумею кое-что разузнать о прошлом Эллен.

Друг пристально посмотрел на меня карими глазами, подумал мгновение и произнес:

– Тебе следовало бы сказать ей, что ты понимаешь причины ее отношения к тебе и что никаких оснований для надежды у нее нет.

Я энергично помотал головой:

– Я боюсь последствий этих слов. Кроме того, если я перестану посещать ее, она останется в одиночестве.

Гай, не отвечая, в упор глядел на меня. Положив нож, я откинулся на спинку стула.

– Любовь не всегда бывает взаимной, – проговорил я негромко. – Я любил Дороти Элльярд, однако она не ответила на мои чувства. Но в отношении Эллен я ощущаю только… симпатию, да. И жалость.

– А как насчет вины? В том, что сам не способен ответить ей должным чувством?

Я помедлил, но потом все же кивнул:

– Да.

Врач продолжил негромким голосом:

– Потребуется отвага, чтобы сказать ей об этом. Чтобы увидеть ее реакцию.

Я недовольно нахмурился:

– Я думаю не о себе!

– Вовсе не думаешь? Ты в этом уверен?

– Наилучший способ помочь ей – это выяснить правду о ее прошлом! – отрезал я. – Тогда…

– Тогда проблема может перейти к кому-то другому?

– Проблема не принадлежит мне. Но истина о собственном прошлом может только помочь Эллен.

Медик промолчал.

После ужина я поднялся наверх, чтобы просмотреть привычные книги, заметки о делах и аспекты закона, начиная с моих студенческих дней. Мне нужно было освежить в памяти правила и процедуры Сиротского суда. Впрочем, в первую очередь мне пришлось подумать о Колдайроне. Мне уже хотелось прогнать его там, в саду, однако сейчас мне пришло в голову, что, если я сделаю это и отъеду в Хэмпшир, в доме не останется никого. Заниматься им и обоими мальчишками придется Гаю, а взваливать на него подобную ответственность нечестно. Лучше будет завтра же порасспросить в Линкольнс-инн, не слышал ли кто о свободном экономе, и заручиться чьим-нибудь согласием работать на меня, прежде чем я уволю Вильяма. Смущала меня и Джозефина: я не хотел выбрасывать ее в мир в обществе одного лишь отца. Словом, оставалось только проклясть тот день, когда нанял его, что я и сделал.

Остаток вечера я потратил на записки и заметки. Когда начало темнеть, пришлось вызвать снизу Колдайрона со свечой. Но на лестнице послышались шаги Джозефины: она принесла свечку, поставила ее на мой стол и с коротким реверансом удалилась. Шаги ее прозвучали в обратном направлении: «Шлеп, шлеп, шлеп».

Наконец я перестал писать и задумался, не вставая из-за стола. Мастер Хоббей начал с приобретения части леса вместе с монастырскими зданиями, которые перестроил в дом, после чего приобрел опеку над детьми. Общий расход на эти приобретения был достаточно крупным даже для процветающего негоцианта. Интересно будет выяснить количество потраченных денег. Бесс Кафхилл говорила, что Эмма не любила юного Дэвида Хоббея, однако в моем понимании суд лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах стал рассматривать бы протест опекаемой девицы против предлагающегося брака. Чтобы Сиротский суд не допустил такого брака как неравного, предлагаемый брачный партнер должен был находиться значительно ниже на общественной лестнице, являться преступником, больным или калекой – или горбуном, как я сухо заметил при этом про себя.

Однако Эмма умерла, и если Николас рассчитывал на ее брак со своим сыном, то план его лопнул. Ее доля наследства перешла к Хью. При этом, согласно одной из несуразностей закона, незамужняя девица могла ходатайствовать о снятии опеки в четырнадцать лет, а юноша не мог рассчитывать на переход на собственный корм до двадцати одного года. Согласно словам Бесс, семь лет назад Хью было одиннадцать лет. Значит, теперь ему исполнилось восемнадцать – до вступления во владение собственными землями ему оставалось три года.

Я поднялся и принялся расхаживать по кабинету. До тех пор, пока Хью не исполнится двадцать один год, Хоббей мог рассчитывать лишь на обыкновенный доход от своих земель, и если речь шла о лесе, никакого дохода от ренты не предусматривалось. Тем не менее, как я говорил Бараку, владельцы опеки были печально известны своим «расточением» земель подопечных, пользуясь такими доходными статьями, как леса и права на разработку рудников.

Взгляд мой коснулся корешка стоявшей на полке книги, прежде принадлежавшей моему другу Роджеру: Родерик Морс, «Плач Христианина о граде Лондонском», обличение общественных язв нашего города. Я открыл книгу, памятуя о том, что в ней содержался и пассаж по поводу опеки: «Боже, разори этот скверный обычай; ибо он чересчур отвратителен и мерзостен настолько, что зловоние от него возносится с земли к самому небу».

Закрыв книгу, я выглянул в сад. Было уже почти темно, и сквозь открытое окно доносился запах лаванды. Тявкнула лисица, порхнули крылья какой-то птицы. Прямо как у нас на селе, подумал я, вспомнив о ферме, на которой прошло мое детство. В это мгновение трудно было подумать, что страна в опасности, что солдаты маршируют с оружием и объединяются в армии, а в Канале собираются корабли.

На следующее утро я спустился по Чэнсери-лейн, чтобы найти лодку до Вестминстерской лестницы. Переходя Флит-стрит, я заметил, что кто-то расклеил по всем Храмовым воротам рукописные листовки, призывающие мэра опасаться «священников и чужаков», готовых поджечь Лондон. Этим утром погода сделалась еще более жаркой, а небо приобрело желтый, сернистый оттенок. Я свернул на Миддл-темпл-лейн и спустился по узкому переулку между тесных домов. Вдоль боковой улочки можно было увидеть старую Храмовническую церковь. Винсент Дирик подвизался в Темпле. Я подумал о том, что до слушания осталось всего четыре дня. Пройдя мимо Храмовнических садов, в которых недавние бури оставили ковер лепестков под розовыми кустами, я спустился к Храмовнической лестнице.

На реке по-прежнему было полно направлявшихся на восток транспортных судов. Одна из барж была загружена аркебузами, пятифутовые железные стволы поблескивали на солнце. Лодочник сообщил мне, что все суда королевского флота уже ушли из Дерптфорда в Портсмут.

– Мы потопим этих французских ублюдков! – проворчал он.

Мимо Вестминстерской лестницы проплыли две связанные воедино баржи: в каждой на весла налегали с дюжину людей. Под огромной тенью Вестминстер-холла я поднялся в Новый Дворцовый двор. Сотня солдат

собралась возле большого фонтана, блистая великолепием красных и белых мундиров лондонского ополчения. Как и предполагалось заранее, они являли собой шикарное зрелище. С яркими одеждами контрастировало вооружение: темные и тяжелые деревянные булавы, хаотично утыканные жестокими гвоздями и шипами.

Лицом к ним на вороном коне восседал коренастый офицер в мантии королевских цветов, зеленого и белого, и увенчанном плюмажем шлеме. Площадь окружала толпа зевак – разносчики и развозчики всякого товара, вестминстерские проститутки и судебные клерки. Одна из шлюх распустила свой лиф, выставив груди на соблазн рекрутам, люди вокруг веселились и похохатывали. На устах офицера покоилась легкая улыбка.

Солдаты приняли напряженный и выжидающий вид, когда офицер извлек внушительного вида пергамент, с многозначительным видом выставил его перед собой и начал декламировать: «Своей верой в Бога и Короля клянусь истинно повиноваться военным законам или статутам…» Он смолк, и солдаты громким речитативом повторили его слова. Я понял, что присутствую при принятии присяги – солдаты дают клятву перед поступлением на военную службу – и стал проталкиваться через толпу, заботливо придерживая рукой мошну. А потом оказался на узкой и темной улочке между Вестминстер-холлом и аббатством, абсолютно безлюдной, если не считать седоголового старого клерка, неторопливо приближавшегося ко мне, согнувшись под тяжестью огромной кипы каких-то документов.

Я приблизился к нескольким старинным зданиям норманнского времени, располагавшимся позади Вестминстер-холла, белый камень которых покрывал слой печной сажи. И вместо того, чтобы направиться, как обычно, в Палату прошений, открыл крепкую деревянную дверь в соседнем здании и по узкой лестнице поднялся к широкой арке. Над ней находилось резное изображение печати Сиротского суда: королевский герб, а под ним двое детей со свитком в руках, на котором был написан латинский девиз палаты: «Pupillis Orphanis et Viduis Adiutor». Помощник нуждающихся в опеке, сирот и вдов.

В просторном вестибюле было сумрачно, стоял привычный судебный запах пыли, старой бумаги и пота. С одной стороны прихожей находилось несколько дверей, в то время как с другой на длинной деревянной скамье сидело несколько человек, на лицах которых застыло напряженное и непроницаемое выражение. Все они были богато одеты. Присутствовала пара, уже перевалившая за тридцать, – мужчина в отменном дублете и женщина в шелковом платье и расшитом жемчугом капюшоне. Чуть

поодаль сидел мальчуган лет десяти в атласном камзоле. Молодая женщина в темном платье с высоким воротником держала его за руку, споря с незнакомым мне барристером.

– Но каким образом они могут поступать подобным образом? – спросила она. – Это же бессмысленно!

– Как я уже говорил вам, миледи, – терпеливо отвечал ее собеседник, – здесь бессмысленно рассчитывать на здравый смысл.

– Простите меня, брат, – спросил я. – Не могли бы вы направить меня в кабинет клерка?

Коллега посмотрел на меня с любопытством:

– Дверь прямо за вашей спиной, брат. Вы – новичок в опеке?

– Да.

Он коснулся своей груди в области кошелька. Я кивнул. Ребенок уставился на нас с совершенно озадаченным видом, а я постучал в дверь клерка.

Внутри просторную комнату делил пополам деревянный прилавок. На противоположной стороне, под окном, в котором уже темнело небо, восседал за своим рабочим столом очень занятый на вид седовласый клерк в пыльном одеянии. Узколицый клерк помладше расставлял бумаги на полках, обрамлявших стены с пола до потолка. Ровный скрип пера стих, и старший клерк оторвался от письма и подошел ко мне. Морщинистое лицо его ничего не выражало, однако глаза смотрели проницательно и расчетливо. Коротко поклонившись, он опустил испачканные чернилами руки на прилавок и вопросительно посмотрел на меня, абсолютно точно не испытывая лишнего почтения перед моей сержантской шапочкой. Хотя клерки во всех судах обладали великой силой, с барристерами и сержантами они держались почтительно. Похоже, в Суде по делам опеки царило другое отношение.

– Да, сэр? – спросил меня этот старик нейтральным тоном.

Открыв свою папку, я выложил на прилавок повестку Майкла Кафхилла:

– Добрый день, мастер клерк. Я – сержант Шардлейк. Мне нужно ознакомиться с материалами по этому делу. Мастер Уорнер, атторней королевы, должен был написать об этом атторнею Сьюстеру.

Служащий посмотрел на повестку, а потом на меня уже с чуть более почтительным выражением:

– Да, сэр. Мне разрешили познакомить вас с записями. Однако мастер Сьюстер также сказал мне, сэр, что свидетельства, поддерживающие заявление истца, нужно внести в дело как можно быстрее.

– Я понимаю это. Вам сообщили, что вчинивший иск человек умер?

– Да. – Мой собеседник печально покрутил головой. – Истец умер, адвокат ознакомлен с делом за четыре дня до слушания, свидетельств нет, бумаг тоже. Сэр Вильям окажется в сложном положении на слушании. Следует соблюдать предписанные процедуры. Речь идет об интересах малых детей, понимаете ли.

– Я готов оценить любую помощь, которую вы можете предоставить мне. Надеюсь уже вскоре получить свежие показания. – Я запустил руку под мантию, к кошельку: – Мастер…

– Миллинг, сэр, Гервасий Миллинг, помощник клерка. – Старик неторопливо повернул руку ладонью вверх. Я посмотрел на его младшего коллегу, еще возившегося с бумагами.

– О, не обращайте на него внимания, – проговорил Миллинг. – Пять шиллингов новыми за просмотр всех бумаг по опеке. Или три в правильном серебре.

Я заморгал. Вся юридическая и правительственная машина смазывались взятками. Официальные лица получали деньги или ценные подарки от сторон, занятых в процессах, от торговцев, стремящихся заняться поставками для армии, просто от богатых людей, желавших купить монастырские земли. Впрочем, обыкновенно эти презенты не выставлялись напоказ и маскировались под видом подарков, сделанных из личного уважения. Те же, кто требовал слишком много и слишком часто, как, по слухам, сделал Рич в прошлом году, наживали неприятности на свою голову. Так что клерк, открыто требующий деньги у сержанта, представлял собой удивительное явление. Впрочем, напомнил я себе, это Суд по делам опеки. Я передал ему деньги. Младший клерк, как и прежде, возился со своими бумагами, не проявляя никакого интереса к этому явно рутинному делу.

Гервасий сделался более дружелюбным:

– Я внесу вас в реестр, сэр, и принесу бумаги. Однако, сэр, в ваших же собственных интересах замечу, что вы нуждаетесь в свидетелях, способных подкрепить обвинения мастера Кафхилла. Говорю это вам откровенно, как сказал и самому мастеру Кафхиллу, когда он явился сюда.

– Значит, Майкл Кафхилл видел вас, когда подавал прошение? – спросил я.

– Да. – Старик с любопытством посмотрел в мою сторону. – Вы были знакомы с ним?

– Нет. Я только вчера получил инструкции от его матери. Как он выглядел?

Миллинг на мгновение задумался:

– Он показался мне странным. Нетрудно было заметить, что ему не приходилось бывать в суде. Он только сказал, что с юным подопечным творят ужасные вещи и что он хочет, чтобы дело как можно быстрее представили сэру Вильяму. – Служащий оперся локтями о стол. – Он показался мне возбужденным, рассеянным. Я даже подумал, что он малость не в себе, но потом понял, что нет, он просто… – Старик задумался, подбирая слово, – вне себя от ярости.

– Да, – согласился я. – Похоже на то.

Гервасий повернулся к своему помощнику и потребовал:

– Документы, Алабастер.

Оказалось, что на самом деле молодой человек прислушивался к нашему разговору, ибо он немедленно зарылся в груду папок и вскоре выудил толстую, перевязанную красной лентой связку. Развязав ленту, Миллинг передал мне верхний документ. Это было исковое заявление, написанное точной рукой, и подпись внизу страницы была той же самой, что и на предсмертной записке. Я начал читать текст:

«Я, Майкл Джон Кафхилл, смиренно ходатайствую перед сим Достопочтенным Судом о произведении расследования опеки над Хью Кертисом, предоставленной Николасу Хоббею из Хойлендского приорства, в году 1539, вследствие чудовищных злодеяний, творимых по отношению к вышереченному Хью Кертису; и об отставлении упомянутого Николаса Хоббея от рекомой опеки».

Я посмотрел на Гервасия:

– Это вы помогали ему составить прошение?

Подобное не входило в обязанности клерков, однако Майкл Кафхилл не мог знать юридических формулировок, и местный работник вполне мог помочь ему за небольшую мзду.

– Ага, – подтвердил помощник клерка мою догадку. – Я сказал ему, что иск подписывается в первую очередь барристером, но он настоял на том, что сделает это лично и немедленно. Я посоветовал смягчить формулировки, но он отказался. Вообще, я пытался ему помочь, мне было жалко его. – К собственному удивлению, я отметил, что Миллинг говорит правду. – Я сказал, что ему потребуются свидетели, и он упомянул какого-то викария.

– Разрешите? – Я протянул руку к папке. Как и следовало ожидать, под прошением находился ответ защитника на иск. Подпись Винсента Дирика сопровождала стандартный акт защиты, с порога отметавший любые возможные обвинения. Прочие бумаги с виду казались более старыми. – А

нет ли у вас здесь уединенной комнаты, где я мог бы просмотреть все дело?

– Боюсь, что нет, сэр. Судебные материалы можно забирать из этой комнаты только на слушание. Но вы можете опереться на этот стол. – Рука моя снова поползла к кошельку, ибо сидение за этим прилавком, как мне было известно, сразу же отзовется болью в спине, однако Миллинг решительно покачал головой. – Увы, таковы правила.

Посему я склонился над прилавком и принялся просматривать документы. Почти все они относились к происходившему шесть лет назад учреждению опеки над Хью и Эммой: прошение, поданное Николасом Хоббеем, джентльменом, и оценки стоимости земли, сделанные местными чиновниками, инспектором по охране выморочных земель и феодарием. За опеку Хоббей заплатил 80 фунтов и внес 30 фунтов залога. Крупная сумма.

Там же находилась копия предшествовавшего сему акта, согласно которому в собственность Николаса переходили здания приорства и меньшая доля леса, приобретенного у Казначейского суда. За них он заплатил 500 фунтов. К этому документу прилагался план земель, прежде находившихся во владении женского монастыря. Я попытался найти какую-нибудь ценную арендуемую собственность, однако все земли, принадлежавшие Хью и Хоббею, оказались заросшими лесом – если не считать деревни Хойленд, которую мастер Николас прикупил вместе со зданиями приората, став при этом владельцем поместья, что повысило его общественный статус. Хойленд оказался небольшим селением в тридцать дворов и населением душ в двести. Из приложенной описи арендаторов следовало, что, хотя некоторые из ее жителей являлись свободными земледельцами, большинство пользовались землей на условиях краткосрочной аренды, длительностью от семи до десяти лет. То есть рента невелика, и доход здесь будет минимальным. Само же Хойлендское приорство описывалось как находящееся в восьми милях к северу от Портсмута, «на ближнем склоне Портсдаунского холма». Из плана следовало, что оно располагалось на самой главной дороге из Лондона в Портсмут, в идеальном положении для перевозки леса.

Я встал, позволяя спине отдохнуть. Итак, Хоббей сделал крупное вложение капитала, сначала в земельный участок, потом в опекунство. Он переехал в свое поместье, по всей видимости, продав свое торговое дело в Лондоне. Удачливый торговец решил сделаться сельским джентльменом – достаточно обыкновенная картина.

Я оторвался от документов. Миллинг искоса поглядел на меня из-за своего стола и потупился.

– Опека была разрешена слишком быстро, – заметил я. – До выдачи

акта прошло всего два месяца после подачи прошения. Хоббей заплатил крупный взнос. Должно быть, эта опека была очень нужна ему.

Помощник клерка встал и, подойдя ко мне, негромко проговорил:

– Если он хотел скорее провернуть это дело, то должен был доказать свой интерес как атторнею Сьюстеру, так и феодарию.

– Мастер Хоббей владеет землями, соседствующими с землей подопечного. Кроме того, у него есть юный сын.

Гервасий кивнул умудренной головой:

– В общем, так. Если бы он выдал девицу за своего сына, то сумел бы округлить собственные владения. Предварительный брачный контракт нетрудно было бы составить, пока они были еще детьми. Сами знаете этих мелкопоместных: женятся в спешке, влюбляются на досуге.

– Но девушка умерла.

Служащий склонил голову:

– В опекунском деле, как и повсюду, присутствуют свои риски. Однако остается женитьба мальчика. Хоббей мог и из нее извлечь выгоду.

Клерк отвернулся, поскольку открылась дверь, и в ней появился толстый пожилой клерк со стопкой бумаг, которую он оставил на прилавке.

– Подтверждена опека дяди над юным мастером Эдвардом, – сообщил он. – Права его матери оспорены.

Из-за двери доносились звуки женского и детского плача. Клерк огладил свисавшие рукава своего облачения и добавил:

– Мать его сказала, что дядя настолько уродлив, что ребенок всякий раз спасается бегством, увидев его. Сэр Вильям отчитал ее за грубый выпад.

Миллинг подозвал к себе Алабастера, тут же подошедшего к нему, и попросил:

– Напиши распоряжение, будь умничкой.

– Да, сэр. – Алабастер ехидно улыбнулся судебному клерку. – Несть благодарности во опеке, не так ли, Тощий Пенс?

Клерк поскреб свой затылок:

– Похоже, что так.

Алабастер вновь усмехнулся, явив, на мой взгляд, достаточно скверную гримасу. Затем, заметив, что я смотрю на него, он опять повернулся к своему столу. Тощий Пенс вышел, и Гервасий тоже возвратился к своему столу. Я вновь занялся документами Кертисов. В папке их оставалось немного: перечень сумм, потраченных Хоббеем на образование детей, – очередная расходная статья, подумал я – и коротенькое свидетельство, удостоверяющее смерть Эммы Кертис,

приключившуюся в августе 1539 года. Наконец, там находилось еще с полдюжины ордеров, выданных за последние несколько лет мастеру Николасу на предмет разрешения вырубки принадлежащих Хью ограниченных участков леса «поелику деревья созрели, а потребность в лесе велика есть». Доход Хью, подобно его наследству, должен был сохраниться в Суде по опеке, а количество вырубленных деревьев должно было согласовываться «мастером Хоббеем и феодарием Хэмпшира». В каждом из перечисленных случаев суду представлялись суммы в размере от 25 до 50 фунтов, в сопровождении удостоверения, подписанного феодарием, неким сэром Квинтином Приддисом. Ну вот, подумал я, и запашок возможной коррупции! Не существовало никаких доказательств того, что Хоббей и Приддис не разделили между собой куда более крупные суммы. Как, впрочем, и доказательств противного… Я неторопливо закрыл папку и распрямился, вздрогнув от внезапной боли в спине.

Миллинг подошел ко мне:

– Вы закончили, сэр?

Я кивнул:

– Интересно, мастер Хоббей явится на первое слушание?

– Достаточно и того, чтобы на слушании присутствовал его барристер. Хотя сам я непременно явился бы на суд в случае подобных обвинений.

– Согласен с вами, – ответил я служащему с дружелюбной улыбкой. Он был нужен мне еще для одного дела. – Есть еще один вопрос, информацию о котором я хотел бы получить. Не связанный с этим делом. Мне нужно заключение lunatico inquirendo, определения невменяемости молодой женщины. Это происходило девятнадцать лет назад. Хотелось бы знать, не можете ли вы найти его.

Помощник клерка посмотрел на меня с сомнением:

– Вы представляете ее опекуна?

– Нет. Я хочу установить его личность. – Я опять похлопал себя по кошельку.

Миллинг приободрился:

– Строго говоря, это не совсем моя область. Однако я знаю, где хранятся материалы.

Глубоко вздохнув, он повернулся к младшему клерку:

– Алабастер, нам придется спуститься в Вонючую комнату. Сходи-ка на кухню, возьми фонари и жди нас внизу.

Люди, ожидавшие приема на скамье, уже разошлись. Деловито ступая, Гервасий провел меня через череду крохотных комнатушек. В одной из них перед двумя горками золотых монет на столе сидел клерк,

перекладывавший энджелы и соверены из одной груды в другую и делавший при этом отметки в пухлом гроссбухе.

Мы спустились по пролету каменных ступеней. От лестничной площадки вниз, во тьму, вела другая лестница, и мы вскоре оказались ниже уровня мостовой. Молодой клерк ожидал нас на следующей площадке с двумя роговыми фонарями со свечами пчелиного воска внутри, испускавшими сочный желтый свет. Я удивился, что он попал туда раньше нас.

– Спасибо, Алабастер, – проговорил Миллинг. – Долго мы не задержимся. – Потом он повернулся ко мне: – Вам не захочется долго оставаться в этом месте.

Младший клерк поклонился и удалился широкими, размашистыми шагами. Взяв один из фонарей, старый служащий вручил мне второй:

– С вашего позволения, сэр.

Я последовал за ним, осторожно ступая по древним ступеням, за многие века существенно истершимся посередине. В самом низу оказалась старинная норманнская, обитая железными нашлепками дверь.

– Некогда здесь хранили часть королевских сокровищ, – сообщил мне Миллинг. – Эта часть здания сохранилась еще от норманнских времен. – Поставив фонарь на пол, он повернул ключ в замке и навалился на створку. Дверь со скрипом отворилась. Она оказалась необычайно толстой и тяжелой, и чтобы открыть ее, ему потребовались обе руки. Возле двери находилась половинка каменной плиты – такой же, какими был выложен пол. Мой спутник пододвинул ее ногой в дверной проем.

– На всякий случай, сэр. Будьте внимательны, за дверью ступени.

Когда я направился следом за ним в угольную черноту, накативший запах сырой гнили заставил меня задохнуться… точнее сказать, меня едва не вырвало. Фонарь Миллинга тусклым светом освещал небольшое, вымощенное камнем помещение. Где-то сочилась по капле вода, и стены были покрыты густым пологом плесени. Стопки древних бумаг, иногда с красными печатями, болтавшимися на полосках крашеной ткани, были сложены на сырых с виду полках и на старинных деревянных сундуках, поставленных друг на друга.

– Старое хранилище, – пояснил помощник клерка. – Дела Опеки разрастаются все больше и больше, и все отведенное для хранения место уже использовано, поэтому нам пришлось перенести сюда бумаги о тех подопечных, кто либо умер, либо вырос и тем самым вышел из-под опеки. А также дела умалишенных.

Повернувшись, он строго посмотрел на меня, и свет фонаря сделал его

лицо еще более морщинистым:

– Они не приносят никакого дохода, вы же понимаете…

Скверный воздух заставил меня закашляться:

– Теперь понятно, почему вы называете эту комнату Вонючей.

– Здесь никто не выдерживает долго… люди начинают кашлять и задыхаться. Я не люблю ходить сюда, потому что начинаю чихать даже в собственном доме в сырую зиму. Я говорю начальству, что через несколько лет плесень склеит все эти бумаги, но меня никто не слушает. Давайте-ка к делу! За каким годом должно значиться это определение, сэр?

– Примерно за тысяча пятьсот двадцать шестым. Имя – Эллен Феттиплейс. Она из Сассекса.

Мой собеседник внимательно посмотрел на меня:

– Этим делом также интересуется королева?

– Нет.

– Значит, так: двадцать шестой год. Король тогда еще был женат на Екатерине Испанке. Затем начались волнения, его развод, чтобы жениться на Анне Болейн… – Он усмехнулся. – Словом, последовали новые разводы и казни, так?

Клерк махнул рукой мимо сундуков в дальний угол.

– Вот где мы держим дела умалишенных, – проговорил он, остановившись возле ряда полок, заваленных явно мокрыми на вид бумагами. Приподняв фонарь, он выудил небольшую стопку. – Тысяча пятьсот двадцать шестой.

Положив документы на каменный пол, Миллинг пригнулся и начал перебирать их. Чуть погодя он повернулся к мне:

– Никаких Феттиплейс, сэр.

– Точно? А нет ли похожих имен?

– Нет, сэр. Вы уверены в том, что точно назвали год?

– Попробуйте посмотреть предшествующий и последующий годы.

Гервасий неторопливо разогнулся, открывая оставшиеся на рейтузах влажные следы, и возвратился к полкам. Как только он принес новую порцию документов, у меня запершило в носу и горле. Казалось, что мохнатый и сырой налет на стенах начинает прорастать внутрь меня. Однако клерк, наконец, закончил свою работу. Он вытащил еще две стопки бумаг и положил их на пол, торопливо пролистав опытными пальцами. Я заметил огромный блестящий гриб, вросший между плитами пола возле него. Наконец Миллинг покачал головой:

– Нет ничего похожего, сэр. Никаких Феттиплейсов. Я просмотрел и предшествующий, и последующий годы. И если бы подобное заключение

существовало, то отыскал бы его.

Это было неожиданно. Как могла Эллен очутиться в Бедламе без соответствующего заключения о безумии? Миллинг поднялся, и колени его хрустнули. И тут мы оба вздрогнули, услышав громовой раскат, докатившийся до нас через полуприкрытую дверь. Даже здесь, под землей, он казался оглушающим.

– Внемлите ему, – проговорил служащий. – Какой грохот! Словно бы сам Господь обрушил на нас свой гнев.

– Не без причины, учитывая все, что творится в этом месте, – отозвался я с внезапно прихлынувшей горечью.

Подняв фонарь, Гервасий вновь посмотрел на меня:

– В этом месте, сэр, все совершается согласно воле короля, нашего господина, суверена и главы церкви. Его приказ служит достаточным основанием для очистки нашей совести.

Я подумал, что, быть может, он верит собственным словам, и, наверное, они позволяют ему делать все это.

– Жаль, что мне так и не удалось отыскать вашу сумасшедшую, – проговорил помощник клерка.

– Что ж, иногда полезным может оказаться и отсутствие сведений в архивах.

Миллинг продолжал смотреть на меня, и в глазах его блестело любопытство, а возможно, и более глубокое чувство.

– Надеюсь, вам удастся найти своих свидетелей по делу Кертисов, сэр, – произнес он негромко. – А что произошло с Майклом Кафхиллом? Насколько мне известно, ничего хорошего, хотя мастер Сьюстер ничего не сказал мне.

Я мрачно посмотрел на клерка:

– Он наложил на себя руки.

Проницательные темные глаза Гервасия опять обратились ко мне:

– Не подумал бы, что он может это сделать. Подавая прошение, он явно испытывал облегчение.

Покачав седеющей головой, старый служащий повел меня в обратную сторону по коридорам. Я вновь услышал тонкое пение золота.

Глава 6

Оказавшись снаружи, я заморгал от неожиданно яркого света. Мостовую покрывали градины, блестевшие под снова обретшим голубизну небом. Воздух посвежел, сделался прохладнее… Я осторожно направился прочь, хрустя хрупкими льдинками на ставшей скользкой мостовой. Во дворцовом дворе появились люди, укрывавшиеся от грозы в дверях.

Я решил дойти до дома Барака, который был мне как раз по дороге, и узнать, вернулся ли он. К тому времени, когда я оказался у большого Чарингского креста, град полностью растаял, и земля под ногами была уже лишь слегка влажной. Проходя мимо отличных новых домов богатеев, выстроившихся вдоль Стрэнда, я размышлял об Эллен. Как могло случиться, чтобы ее поместили в Бедлам, не выписав перед этим заключение о безумии? Кому-то заплатили и до сих пор платят за то, чтобы она оставалась там. Насколько я понимал, она вполне свободно могла оставить заведение хоть завтра, но вот парадокс – именно этого она сделать никак не могла.

Я свернул на Батчер-лейн, короткую улочку, по обеим сторонам которой выстроились двухэтажные дома. Барак и Тамасин снимали первый этаж аккуратного домика, покрашенного в приятные глазу желтый и зеленый цвета. Я постучал в дверь, и мне открыла мамаша Маррис, крепкая женщина на пятом десятке лет. Обычно Джейн Маррис пребывала в духе приветливом и уверенном. Но в тот день она казалась озабоченной.

– В порядке ли мистрис Тамасин? – спросил я с тревогой.

– Она-то в порядке! – ответила Джейн несколько резковато. – А вот про мастера так не скажешь.

Она провела меня в опрятную крохотную гостиную, за окошком которой светился яркими цветами сад. Тамасин сидела посреди груды подушек, придерживая руками живот. По лицу ее текли слезы, но выражение на нем было гневным. Посрамленный Джек Барак сидел в жестком кресле возле стены. Я посмотрел по очереди на них обоих:

– Что случилось?

Тамасин бросила яростный взгляд на супруга:

– Вернулся к нам этот офицер. И дураку Джеку хватило ума записаться в армию!

– Что? Но ведь они берут неженатых!

– Это потому, что Джек вел себя вызывающе, – объяснила молодая

женщина. – И позволил себе сцепиться с ним. Джек считает, что может поступать, как ему заблагорассудится. Ему все кажется, что он по-прежнему любимый слуга Томаса Кромвеля, а не клерк-юрист.

Барак дернулся:

– Тамми…

– Я тебе не Тамми! Сэр, не поможете ли вы нам? Ему велено через три дня явиться к Чипсайдскому кресту и принять присягу.

– Так прямо и присягу? Без смотра боевой подготовки?

Мой помощник повернулся ко мне:

– Он сказал, что видит меня насквозь… что, мол, я крепок и способен выносить превратности непогоды. И он не захотел выслушивать никакие аргументы, сразу начал орать. Сказал, что я признан годным и все такое. – Он вздохнул. – Тамми права, это потому, что я повел себя нагло.

– Вербовщики должны выбирать лучших людей вне зависимости от собственной приязни или неприязни, – вздохнул я. – Как его звали?

– Гудрик.

– Хорошо, завтра схожу к олдермену Карверу. – Я строго посмотрел на Барака. – Офицер, возможно, потребует возмещения ущерба, нанесенного его чести, ты же понимаешь.

– Мы тут скопили немного денег, – проговорил Джек негромко.

– Да, скопили! – взвилась Тамасин. – Для ребенка!

Глаза ее наполнились слезами.

Барак пожал плечами:

– Тем не менее их с тем же успехом можно потратить прямо сейчас. Деньги обесцениваются с каждым днем. Ох, смерть господня, Тамми, не стоит снова заливаться соплями!

Я думал, что жена прикрикнет на него, однако она только вздохнула и негромко проговорила:

– Джек, мне бы хотелось, чтобы ты смирился со своим положением в жизни и жил спокойно. Ну почему ты всегда должен ссориться с людьми? Почему ты не можешь жить в мире?

– Прости меня, – ответил ее супруг смиренным тоном. – Мне следовало заранее подумать о последствиях. Но все будет в порядке, мастер Шардлейк сумеет спасти нас.

Закрыв глаза, женщина произнесла:

– Как же я устала, оставьте меня в покое!

– Джек, – торопливо произнес я, – давай-ка выйдем и поговорим о деле. У меня есть кое-какие интересные новости. И я знаю, где нас могут накормить пирогом…

Барак застыл в нерешительности, однако я видел, что Тамасин лучше какое-то время побыть одной.

Оказавшись за дверью, помощник покачал головой:

– Ну и буря была!

– Ну да. Градины в Вестминстере лежали на земле сплошным слоем.

Джек кивнул в сторону своего дома:

– Я не про то.

Я усмехнулся:

– Она права. Ты неисправим.

Мы отправились в находящуюся возле Ньюгейтской тюрьмы таверну, любимую студентами-юристами и ищущими работу солиситорами. В ней было уже полно народа. Компания из нескольких студентов и полудюжины учеников сидела вокруг большого стола. Классовые различия, отметил я, каким-то образом размывались среди молодых людей призывного возраста. Все они были уже основательно навеселе и распевали песню, сделавшуюся популярной после того, как мы разбили скоттов при Солуэй-мосс три года назад:

– Король Джейми, Джимми, Джоки мой Джо! Ты вызвал на бой нашего короля, напрасно, хей-хо…

Ну, а теперь скотты явным образом готовились навалиться на нас, подумал я, подкрепленные тысячной французской ратью. Впрочем, этому едва ли стоило удивляться после того, как наш король целых три года рыцарственно воевал с их королевой Марией, едва вышедшей из колыбели. Приглядевшись к компании, я заметил среди нее человека постарше и узнал покрытое шрамами лицо и повязку на глазу моего собственного домоправителя. Побагровевший Колдайрон распевал во всю глотку. Я вспомнил, что сегодня у него как раз свободный вечер.

– Сходи к решетке и принеси мне пиво и пирог, – сказал я Бараку, кивнув в сторону стойки, отделенной от таверны перегородкой.

Мой спутник возвратился с двумя кружками пива и двумя пирогами с бараниной. Тяжело опустившись на скамью, он посмотрел на меня виноватыми глазами:

– Прости меня.

– Тамасин очень взволнована.

– Она права, я это знаю. Мне не стоило раздражать эту задницу в мундире. Солдаты у нас такие обидчивые. Ты уже слышал? Отряд немецких наемников сегодня утром устроил бунт в Излингтоне. Хотели получить побольше денег перед выступлением в Шотландию.

– Английские войска не устраивают никаких волнений.

– Ты сумеешь выпутать меня из этой истории? – спросил мой помощник серьезным тоном.

– Надеюсь на это. Ты знаешь, что я сделаю все, что смогу. – Я покачал головой. – Сегодня видел, как сотня людей из городского ополчения уходила от Вестминстерской лестницы. А в Линкольнс-инн говорили, что во флоте уже двенадцать тысяч людей. Шестьдесят тысяч ополчения находятся на берегу Канала, тридцать тысяч – в Эссексе. Двадцать тысяч на шотландской границе. Милостивый боже!..

За перегородкой один из разгулявшихся юнцов вдруг выкрикнул:

– Мы разыщем в Лондоне всех французских лазутчиков до последнего! Эти грязные свиньи – не ровня простому англичанину!

– Этот петушок запел бы иначе, будь у него жена и ребенок. – Барак откусил большой кусок пирога и отхлебнул пива.

– Но если бы ты сам теперь снова был бы в их возрасте и одиноким, разве не пел бы сейчас вместе с ними?

– Нет. Я никогда не стремлюсь бежать вместе со всеми, особенно когда вся толпа несется к обрыву. – Утерев губы, Джек снова приложился к кружке.

Я посмотрел на почти опустошенную им посудину:

– Эй, полегче там!

– Ты знаешь, что теперь я много не пью. Именно это поссорило меня с Тамасин. И воздержание не всегда дается мне легко. Это тебе хорошо читать нотации по этому поводу… ты пьешь так мало, что в твоей кружке и мыша не утопишь!

Я грустно улыбнулся. Действительно, пью я мало. Никак не могу выбросить из памяти отца, который после смерти матери проводил все свои вечера в таверне. Уже лежа в постели, я слышал, как слуги ведут его наверх, нетвердо держащегося на ногах и бормочущего какую-то чушь. Я дал себе клятву, что никогда не стану таким. Покачав головой, я промолвил:

– Так что же тебе удалось выяснить сегодня?

– Мне кажется, что в смерти Майкла Кафхилла кроется нечто странное, – негромко проговорил Джек. – Я поговорил с его соседями, повстречался с местным констеблем. Старикана временами даже понять трудно, посему пришлось ублажить его пивом. Он сказал, что у Майкла были раздоры с некоторыми из местных подмастерий. С уличными мальчишками, пыжащимися, чтобы изобразить из себя невесть что, и во всех видящими французских лазутчиков.

– Какого рода раздоры?

– Констебль слышал, как некоторые из них выкрикивали ругательства

в спину Кафхилла. Очевидно, здешним парням не нравилось, как он смотрел на них.

– И как же?

– Так, как если бы хотел забраться к ним в гульфики.

Глаза мои округлились:

– На слушании об этом не должно прозвучать ни слова. А что сказали соседи?

– Под комнатой Майкла живет молодая пара. Они не часто встречались, разве что слышали, как он поднимается по лестнице или расхаживает у себя в комнате. В ночь его смерти их разбудил какой-то грохот. Муж поднялся наверх, но ему никто не ответил, поэтому он вызвал констебля. Тот взломал дверь и обнаружил, что Кафхилл повесился на потолочной балке. Вырезав полосу из простыни, он связал из нее удавку, а потом встал на стул и ногою отбросил его. Стул-то и произвел шум. – Оживившийся Барак подвинулся вперед. – Я спросил у тех молодых соседей, не слышали ли они на лестнице других шагов, направлявшихся вверх или вниз. Они не слышали, но над комнатой Майкла других этажей нет. И констебль сказал, что окно в комнату было открыто.

– Лето, чему ж тут удивляться!

– Я просто хочу сказать, что некто мог забраться в комнату через окно, удушить спящего Майкла, а затем повесить его. – Барак улыбнулся лукавой, как в прежние времена, улыбкой. – Если хочешь, можем завтра сходить туда, поглядишь сам. Комнату с тех пор не сдавали. Констебль оставил ключ у молодой пары снизу. Я предупредил их, что могу вернуться и притом не в одиночестве.

– Я подумаю об этом. А как насчет викария?

– Он по-прежнему служит в той же самой церкви, Святой Эвелины на Фолл-лейн. Зовут его мастер Бротон. Его не оказалось на месте, и служка велел зайти завтра к одиннадцати.

Я улыбнулся:

– Отлично. Возможно, у нас появится свидетель. И мы нуждаемся в нем.

Я рассказал Барку о своем визите в Суд по делам опеки:

– Ты легко отделался, если тебе просто пришлось заплатить за пиво. Мне вот пришлось расстаться с тремя шиллингами чистым серебром, чтобы заручиться помощью Миллинга. Завтра переговорим с викарием. Кроме того, мне придется посмотреть на жилище Майкла. Впрочем, мать говорила, что записка точно была зажата в его руке. – Я нахмурился. – Интересно, что такого он мог увидеть в Хэмпшире, чтобы лишиться

рассудка?..

Голоса компании за перегородкой становились все громче, и я вновь услышал скрежещущий голос своего эконома:

– Мужчины теперь слишком обабились! Спят себе, как ни в чем не бывало! Иной подбросит веток в очаг, натянет одеяло на уши и дрыхнет, что та свинья!

– А я лучше повозился бы со своей милой киской! – отозвался кто-то из его собутыльников.

Колдайрон гаркнул, перекрывая хохот:

– Твоих кисок в армии навалом! Сами за лагерем ходят! Грязные девки, конечно, однако они знают, что делают! А ну, ребята, кто меня пивком еще раз угостит?

– Ты с ним ошибся, – проговорил Барак.

– Уже понял. И намерен отделаться от него сразу, как только найду замену.

Джек опустошил свою кружку:

– Не хочешь еще одну? Не беспокойся. Это будет последняя.

– Хорошо. Только не попадись Колдайрону на глаза.

Пока мой товарищ ходил за выпивкой, я погрузился в раздумья, и когда он вернулся, сказал:

– Мне удалось выяснить в Сиротском суде кое-что об Эллен. Сумасшествие ее не было официально установлено.

– Тогда каким образом она угодила в Бедлам?

– Именно это я и хочу выяснить. Кто-то за нее платит. Смотритель Метвис, конечно, знает, кто именно, иначе быть не может. Как и все смотрители Бедлама, управлявшие им последние девятнадцать лет. Должность смотрителя считается доходной, ее продают придворным.

– Дело кончится тем, что ты еще теснее привяжешься к ней, – заметил Барак.

Я покачал головой:

– Этого не будет. Я не могу пойти на это.

– Смотри, в данный момент у Эллен есть крыша над головой, нечто вроде работы. Если ты закопаешься в ее фамильные секреты, тот, кто сейчас платит за ее пребывание в Бедламе, может прекратить это делать. И тогда смотритель может выставить ее на улицу. Куда ей идти тогда… в твой дом?

Я вздохнул, ибо Джек говорил правду:

– Я буду действовать тихо и осторожно. Но если я поеду в Портсмут, то никак не смогу удержаться от попытки выяснить, что именно случилось

в Рольфсвуде.

– Ты действительно туда поедешь?

– Во всяком случае, если дело не закроют в понедельник. Слушай, завтра с утра я отправлюсь к олдермену Карверу, чтобы вызволить тебя из неприятностей, в которые ты залез. За ним числится должок. После мы можем сходить к этому викарию, разведать, что ему известно о семействе Кертисов. Кстати, в понедельник Бесс придется посетить слушание по делу Кертисов. Я встречусь с ней в субботу. Не хочу, чтобы она узнала о том, как Майкл смотрел на тех мальчишек. Если это вообще было на самом деле.

– Быть может, это они решили убить его?

– За сальные взгляды? Не говори глупостей?

– Но что, если викарий не сообщит нам ничего такого, что можно обратить против Хоббея?

– Тогда дело становится более сложным. Мне придется уповать на крайнюю жесткость обвинений Майкла и упомянуть, что право опеки было предоставлено слишком быстро. Если потребуется, я скажу, что семейство Хоббеев следует допросить. Если суд согласится, мне, возможно, придется самому съездить в Хэмпшир и снять показания. Кроме того, я повидаюсь с Дириком – после того, как мы установим наличие серьезных показаний.

– Если ты поедешь, тебе придется взять кого-то с собой. Дело может оказаться грязным. Как и дело Эллен.

– Ты никуда не поедешь, пока Тамасин не родит. Джентльмен может взять в такое путешествие слугу, но я, скорее, сам вступлю в армию, чем возьму с собой Колдайрона. Как-нибудь договорюсь с Уорнером. – Я покачал головой. – Опека… А знаешь девиз Сиротского суда? Он у них вырезан над дверью. «Pupillis Orphanis et Viduis Adiutor».

– Ты знаешь, что я не владею латынью.

– Это означает: «Помощник опекаемым, сиротам и вдовам». Косвенная цитата из книги Маккавейской о последствиях войны: «…когда они выделили часть трофеев искалеченным, вдовам и сиротам».

– Ну, ты просто рисуешься!

– Мне просто показалось, что человек, придумавший этот девиз, обладал извращенным чувством юмора.

Притихнув на мгновение, Барак проговорил:

– Могу назвать возможного кандидата.

– Кого же?

– Помню, лорд Кромвель как-то сказал мне, что ему предложили идею, способную принести огромный доход королю. Посредством раздачи монастырских земель при условии рыцарской службы, что поставит всех

покупателей в подверженность опеке. – Он пристально посмотрел на меня. – Идею эту предложил глава Суда казначейства, ведавшего монастырской собственностью.

– Ричард Рич.

– Он ведал кормлениями и в старой Палате опеки. Просто совместил две идеи.

– Я и забыл, что Рич уже имел дело с опеками.

– О, эта крыса совала свое рыло во всякий грязный пирог! Он предал моего господина, давшего ему службу. Восстал на него и добился осуждения, когда тот потерял милость короля. – Джек стиснул кулак.

– Ты по-прежнему вспоминаешь Кромвеля с приязнью.

– Да. – В голосе моего помощника звучал вызов. – Он был мне как отец. Когда я был парнишкой, забрал меня с улицы. Как я могу плохо отзываться о нем?

– Он был человеком жестким, жесточайшим. И приставил к месту многих из тех жестоких людей, что правят нами сейчас. Таких, как сэр Вильям Паулит.

Барак изменил позу и негромко возразил:

– Мне не нравилось многое из того, что он заставлял меня делать. Организовывать ему шпионов и информаторов, время от времени запугивать тех, кто, по его мнению, нуждался в этом. Однако противники Кромвеля при дворе были ничуть не лучше, и они ненавидели его за низкое происхождение и религиозный радикализм. Эти дни прежняя работа иногда вспоминаются мне. Каким-то образом она позволяла мне чувствовать живую жизнь.

– А Тамасин не позволяет? И ожидание ребенка?

Джек посмотрел на меня с необычайной серьезностью:

– Позволяет. Больше, чем что-то другое. Но это другая разновидность жизни. И я знаю, что жить обеими разновидностями сразу попросту невозможно.

Недолго помолчав, он поднялся:

– Пойдем, мне пора домой, чтобы не нарваться на новые неприятности.

Веселье за перегородкой не прекращалось. Проходя мимо, я отвернулся, чтобы не встретиться взглядом со своим домоправителем. Один из студентов, уже мертвецки пьяный, повалился головой на стол. Вновь прозвучал голос Вильяма Колдайрона, уже несколько невнятный:

– Двадцать лет я был солдатом. Я служил в Карлайле, Булони и даже в Тауэре. Двадцать лет я служил королю. – Голос его возвысился. – Это я

убил шотландского короля! В великой и страшной битве при Флоддене. Шотландские копейщики бросились на нас с вершины холма, пушки их палили вовсю, но мы не дрогнули.

– Англичане никогда не дрогнут! – завопил один из студентов, и вся компания в знак одобрения принялась хлопать ладонями по столу.

– А вы никогда не хотели остепениться, мастер Колдайрон? – спросил один из подмастерий.

– С такой-то харей? Никогда. И потом, кто захочет, чтобы им правила женщина? Слышал, как говорят: «Среди этих ангелочков на всем свете есть одна только мегера, только женаты на ней все мужчины!»

Хохот, поднявшийся вокруг стола, проводил нас с Бараком к выходу. А я подумал: «Если ты никогда не женился, кем же тебе приходится Джозефина?»

Глава 7

На следующее утро я отправился в ратушу к десяти часам. Накануне вечером я послал Тимоти с запиской в дом олдермена Карвера, и он возвратился с сообщением, что раньше Карвер принять меня не сможет. Это было досадно, ибо мне предстояло много дел. Тогда я послал записку в дом Барака, назначив тому свидание в одиннадцать утра перед церковью Святой Эвелины.

После завтрака я облачился в свой лучший наряд, чтобы произвести на олдермена самое выгодное впечатление. Спустившись в гостиную, я обнаружил там Гая за ранним, как всегда у него бывало, завтраком. Сидя за столом, он читал свой драгоценный экземпляр трактата Везалия «De Humani Corporis Fabrica»[22]. Первый экземпляр у него стащил бывший ученик два года назад, и только в результате больших трудов и затрат ему удалось обзавестись новым. Мальтон как раз вел пальцем по одной из прекрасных, но неаппетитных иллюстраций, изображавших отрубленную руку.

– Снова за занятиями, как я вижу, Гай, – улыбнулся я ему.

– Глубина этой книги не перестает удивлять меня, – грустно улыбнулся мой друг. – Колдайрон застал меня однажды за ее чтением и очень заинтересовался. Почтил меня россказнями о том, как просто было узнать устройство человека в битве при Флоддене.

– Неудивительно. Гай, а что ты думаешь о Джозефине?

Откинувшись на спинку кресла, медик задумался:

– Она застенчива. И, на мой взгляд, несчастна. Чему нельзя удивляться, имея Колдайрона в качестве отца. Она также однажды застала меня за чтением Везалия. Бедняжку едва не вырвало.

– Я не стал бы винить ее в этом. И возлюбленного у нее нет, не так ли?

– Нет. Кстати, жаль, ибо при своей природной доброте она могла бы казаться еще и достаточно хорошенькой, если бы заботилась о своей внешности.

– Колдайрон вечно распекает ее. Что ничуть не повышает уверенность Джозефины в себе.

– Несколько дней назад я оказался в прихожей, когда он раскричался на нее на кухне. Назвал ее глупой пустоголовой девкой за то, что она что-то там уронила. Девчонка залилась слезами. И тут я с удивлением услышал, что папаша принялся ее утешать. Сказал: «Со мной тебе ничего не грозит»,

после чего назвал своей Жожо.

– А что ей может грозить? – Я покачал головой. – Я намеревался уволить его, но хотелось бы знать, возможно ли как-то сохранить здесь эту девушку.

– Боюсь, что она полностью зависит от отца.

Я вздохнул:

– Ну, мне пора идти. Чтобы попытаться избавить Барака от той самой солдатской жизни, которой бахвалится мой эконом.

После грозы было прохладно. День начинался синими небесами. Шагая по улице, я размышлял о том, что мне удалось выяснить в отношении Эллен. Как и подобает доброму адвокату, я обдумывал вопросы, связанные с организацией и властью. Некое соглашение было заключено со смотрителем, управлявшим Бедламом в 1526 году, и оно до сих пор выполнялось. Но кем? Не знаю почему, но я понимал, что должен спасти ее.

Я вновь шел по Чипсайду. Утро выдалось деловое и оживленное, повсюду слышны были гневные споры по поводу новой монеты. Парочка торговцев говорила, что град побил поля вокруг Лондона… словом, в этом году хлеб опять будет дорог.

Я повернул в сторону Ратуши и поднялся по лестнице в широкий вестибюль, по которому гуляло эхо шагов. Мастер Карвер ожидал меня во всем великолепии своего алого одеяния. Возле него, к моему удивлению, находился бородатый офицер с Линкольнс-инн-филдз в своем белом с красным мундире и мечом на поясе. Он бросил на меня мрачный взгляд.

– Доброе утро, сержант Шардлейк, – сердечно приветствовал меня Карвер. – С сожалением услышал, что у вашего клерка возникла проблема.

Затем он повернулся к солдату:

– Мастер Гудрик пожелал присутствовать при нашем разговоре, так как дело затрагивает лично его.

Густые брови офицера, выражая неудовольствие, сошлись на переносице.

– Ваш человек повел себя нагло, сэр, – сказал он. – Своим поведением он отрицал власть короля. У него нет лука, и он даже не заикнулся о том, что тренировался в стрельбе.

– Но это можно сказать об очень многих, – ответил я кротким тоном.

– Это не извинение. Констебль сообщил мне, что этот Барак родом из евреев. Потому-то он и не обнаруживает верности Англии, когда в нее вот-вот вторгнутся враги.

Вот оно как, пошла старая история! Я заставил себя улыбнуться:

– Барак иногда бывает малость непочтительным. Но он верный англичанин и много лет работал у лорда Кромвеля.

– Казненного за измену, – резко отпарировал Гудрик. – Работа на изменника не может быть причиной для того, чтобы этого человека освободили от военной службы.

Он задиристо посмотрел на меня.

Я попробовал еще раз:

– У него сейчас много забот. Его жена должна вот-вот родить, а первый ребенок у них появился на свет мертвым.

Олдермен Карвер с сочувствием кивнул:

– Как это прискорбно! Разве нет, мастер Гудрик?

Но тот не был растроган:

– Он щелкнул мне в лицо пальцами и велел валить из его дома, словно бы я обыкновенный чурбан и он может указывать мне, что и как. Из тех солдат, что я видел, многие не годны к службе, однако этот человек кажется мне здоровым и сильным. Из него получится копейщик.

– Ну, что ж, – промолвил я задумчиво, – однако не могли бы мы прийти к какому-нибудь соглашению?

– Да-да! – бодро подхватил Карвер. – Мастер Шардлейк много раз выступал в интересах Ратуши, и я могу поручиться за него. Кроме того, я видел этого Барака, ему уже за тридцать. Стар для службы. Если вы проявите снисхождение, я не сомневаюсь в том, что сержант Шардлейк охотно выразит свою благодарность. Сделает какой-нибудь вклад в вашу компанию, быть может…

Гудрик побагровел еще больше.

– Дело не в деньгах, – проговорил он строгим тоном, заставившим проходивших мимо торговцев остановиться и посмотреть на нас. – Этот человек вполне годен к службе, и его надлежит научить дисциплине и верности.

Олдермен прикусил губу и посмотрел на меня:

– Сержант Шардлейк, не могли бы мы перебросить парой слов, если мастер Гудрик позволит нам?

Офицер пожал плечами, и Карвер взял меня под руку и отвел в угол.

– Я допустил ошибку, – признался он. – Мне показалось, что его можно купить. Однако Гудрик – человек норовистый и в данном случае закусил удила. Слишком много лет занимался муштрой…

– То есть?

– Он был младшим офицером, занимавшимся строевой подготовкой и

дисциплиной. Ушел из армии, но подался в ополчение. Прежде был всего лишь караульным и ревностно относится к власти, возвращенной ему войной. Искренне считает, что Барак опозорил нашу армию.

– Олдермен, благополучие Барака и его жены очень важны для меня. Если вы сможете разрешить эту ситуацию, я с радостью пожертвую круглую сумму компании Гудрика, хотя, по чести говоря, у меня имеется не много наличных с учетом следующей выплаты по Добровольному сбору.

– Оставьте это дело мне.

– Благодарю вас.

– Я не забыл, как вопреки всем шансам вы сохранили мне земли, которые намеревался отсудить у меня мой кузен. – Мой собеседник приподнял брови. – И я вполне понимаю, как чувствует себя в данный момент Барак. Армия нуждается в джентльменах, командующих полками и батальонами в чине капитана, и меня попросили возглавить батальон лондонцев. Мне удалось доказать, что я пользы в этом деле не принесу. Я переговорю с начальниками Гудрика. Мне известно, что вы ведете дела королевы: можно ли мне упомянуть этот факт?

Я помедлил, ибо не люблю слишком часто пользоваться ее именем. Но все же кивнул.

– Что касается Барака, постарайтесь, чтобы он не вляпался в новые неприятности. Когда будут новости, я немедленно извещу вас, – заверил меня олдермен.

– Спасибо.

Карвер понизил голос:

– Во вторник я видел вас на смотре. Откровенно говоря, я чувствовал себя таким дураком на этом коне. Эта война… И все только потому, что королю зачем-то понадобилась ничего не стоящая Булонь!

Я кивнул в знак согласия:

– В самом деле. Но сделайте все возможное, сэр. Прошу вас.

Попрощавшись с ним, я кивнул Гудрику. Тот словно бы не заметил меня.

Я прошел до расположенной неподалеку Фолл-лейн, отходящей от Бейзингхолл-стрит. Невдалеке маячила городская стена и высокие башни над Болотными воротами. Облик здешних домов, сзади уходивших в просторные сады Дрейперс-холла, свидетельствовал о благосостоянии своими наборными окнами из чистого стекла и прекрасными резными косяками дверей. Мимо прошествовала жена торговца в компании двоих вооруженных слуг. Ее лицо прикрывала матерчатая личина.

Небольшая старая церквушка возвышалась над улочкой. На остром

шпиле красовался новый блестящий флюгер – богатый приход. Барак с покаянным видом сидел возле двери покойницкой. Увидев меня, он встал.

– Служка говорит, что викарий Бротон вот-вот подойдет, – сказал он и добавил: – Новости есть?

Я сообщил ему о своем разговоре с Гудриком. Лицо моего помощника вытянулось, когда он осознал, что дело пока остается нерешенным.

– Тамми выпотрошит меня, – вздохнул он.

– Олдермен Карвер сделает все, что в его силах. Он на нашей стороне. Муниципальному совету надоели бесконечные требования короля предоставлять ему новых и новых людей. Но там, тем не менее, не забыли о том, что произошло с олдерменом Ридом.

Барак с горечью усмехнулся.

– Едва ли такое можно забыть!

Проявленное Ридом неповиновение явилось предметом разговоров в Лондоне еще в январе. Король наложил добровольный, в кавычках, естественно, побор на всех налогоплательщиков – в дополнение ко всем прочим, которые он учредил ради войны. Отказался заплатить один только Рид, и за свое упрямство оказался в армии, в войске лорда Хартфорда на границе с Шотландией. Вскоре после прибытия туда он попал в плен и с тех пор пребывал узником скоттов.

– Разве у муниципалитета больше не осталось власти? – вопросил Джек, пнув камушек. – Лондонцы привыкли поглядывать по сторонам в страхе перед олдерменами.

Сев рядом с ним, я прищурился, посмотрев на солнце:

– Теперь они поглядывают по сторонам в страхе перед королем. И этот Гудрик действует от его имени. Однако Карвер обратится к высшим инстанциям.

Недолго помолчав, Барак взорвался:

– Иисусе, как же мы дошли до такой жизни?! До начала этой заварушки мы не воевали с Францией двадцать лет!

– Быть может, король видит в Булони свой последний шанс прославиться. И в прошлом году он заключил союз с императором Карлом.

– Оказавшийся совершенно бесполезным. Император заключил с французами сепаратный мир, и мы остались один на один с ними.

Я посмотрел на своего собеседника:

– Если французам удастся вторгнуться к нам, снисхождения они не проявят. Как и их союзники скотты. А, судя по словам королевы, вторжение вот-вот начнется.

– Я не оставлю Тамасин. – Джек стиснул кулаки. – Им придется

забирать меня силой.

Заметив приближавшегося человека в белой сутане – пожилого и сутулого с длинной седой бородой – я торопливо поднялся, толкнув Барака в плечо:

– Быстро, вставай.

Мы поклонились священнику. На лице его застыло серьезное выражение, но карие глаза были полны доброты.

– Мастер Шардлейк? – спросил он меня.

– Да, сэр. Мастер Бротон? Это мой помощник, Барак.

– Вы по поводу семейства Кертис?

– Да.

– Итак, – промолвил наш новый знакомый, – им, наконец, хоть кто-то заинтересовался.

Священник провел нас в церковь. Внутри ее царила пустота, в которой откровенно зияли ниши, раньше вмещавшие статуи святых. Для прихожан были расставлены табуреты с лежащими на них обязательными новыми молитвенниками короля. Пригласив нас обоих сесть, Бротон опустился на табурет перед нами:

– Насколько я понимаю, вы – адвокат, сэр. Вы представляете интересы Хью Кертиса? Лишь он один остался в живых из этой несчастной семьи.

– Нет. Хью по-прежнему живет с мастером Хоббеем в Хэмпшире, – ответил я. – Я не встречался с ним. Жалобу на исполнение мастером Хоббеем обязанностей опекуна подал его прежний учитель, Майкл Кафхилл.

Священник улыбнулся:

– Помню этого молодого человека… настоящий джентльмен.

– Он был у вас недавно? – спросил я.

Бротон покачал головой:

– Нет, я не видел Майкла уже шесть лет. – Это был удар. Я надеялся на то, что Майкл бывал здесь в более недавние времена. – Как идут у него дела? – спросил викарий.

Я глубоко вздохнул:

– Майкл Кафхилл умер три недели назад. К моему сожалению.

Священник на мгновение прикрыл глаза:

– Да упокоит его душу на небесах Господь Иисус по милости своей…

– Перед самой своей смертью Кафхилл подал жалобу в Сиротский суд, в которой указывал, что над Хью Кертисом творится чудовищная несправедливость. По словам его матери, Майкл недавно посещал Хэмпшир и встречался с Хью.

– Господи, помоги нам! – проговорил Бротон. – И что же он обнаружил?

– В поданном им иске это не сказано. Но слушание состоится уже в понедельник. Я намереваюсь представлять на нем интересы его матери. И мне нужны свидетели, знающие обстоятельства этой опеки, сэр. Нужны срочно.

Собравшись с мыслями, викарий посмотрел мне прямо в глаза:

– Я знал, что опека эта весьма сомнительна. Джон и Рут Кертис много лет были моими прихожанами. Когда началась церковная реформа, они поддержали меня в стремлении порвать с прежними обычаями. Они были моими надежными последователями. Я видел, как рождались их дети, крестил их, видел, как процветала эта семья. А затем похоронил Джона и Рут.

Лицо его исказили нахлынувшие воспоминания.

– У них были родственники? – поинтересовался я.

Бротон сложил руки на коленях:

– Они приехали в Лондон из Ланкастера. Подобно многим молодым людям, Джон явился сюда искать удачу. Со временем умерли и их родители. А потом чума забрала Джона и Рут, и на севере оставалась в живых только старая тетушка Рут, о которой она иногда упоминала и с которой переписывалась. Когда Майкл явился ко мне, встревоженный интересом Хоббея к опеке над детьми, я предложил ему найти ее письма и адрес, чтобы я мог написать ответ. Сэр, – вдруг взволнованно проговорил он, – а как умер Майкл?

– В заключении коронера причиной называлось самоубийство. Обстоятельства, обнаруженные в Хэмпшире, вывели его разум из равновесия, – осторожно ответил я.

– Ох ты, боже мой! – Священник приложил руки к голове.

– Мне очень жаль, сэр. Но прошу вас, расскажите мне все, что вы знаете об этой опеке. И о тетушке…

– Майкл вернулся с ее адресом. По его словам, в это самое время Николас Хоббей уже забирал бумаги и конторские книги. Кафхилл попытался возражать, однако Хоббей только отмахнулся от него как от лица, не имеющего официального положения.

– Похоже, что вы достаточно хорошо знали Майкла.

Бротон вздохнул и покачал головой:

– Майкл со своей семьей каждое воскресенье приходил в церковь. Впрочем, нет, мне никогда не казалось, что я по-настоящему знаю его. Как и что он полностью доверяет мне. Я даже подумывал, не тайный ли он

папист, но думаю, что это не так. Впрочем, его что-то тревожило. Но этих двоих детей он любил и делал все возможное, чтобы помочь им. Он улыбнулся и добавил: – Ради этого мы с ним устроили настоящий заговор.

– Мать Майкла говорила мне, что Хью и Эмма Кертис были дружны.

– Да. Серьезные, добродетельные дети. – Викарий качнул головой, и его длинная борода дрогнула. – Я написал письмо их тете, оплатил быстрого гонца. Дело было уже через три недели после смерти Джона и Рут. Мы с Майклом подозревали, что Хоббей добивается контроля над землями их детей, но не ожидали, что он добьется своей цели настолько быстро.

– Обычно такие дела движутся неторопливо.

– Я каждый день ожидал ответа с севера, однако вам известно, как долго идут вести из этих диких мест. Прошло две недели, затем три… Майкл снова побывал у меня и сказал, что Хоббей постоянно присутствует в доме Кертисов. Как и его адвокат.

– Винсент Дирик.

– Да, так его и звали. Майкл говорил мне, что дети испуганы. Он умолял меня отправиться к Хоббею и поговорить с ним. Так я и поступил, сходил в его дом на Башмачной. – Бротон нахмурился. – Этот тип принял меня в гостиной… он смотрел на меня с наглой надменностью человека, который поклоняется мамоне, а не Богу. Я сказал ему, что написал письмо тетке детей. Однако мастер Николас лишь прохладным тоном спросил, каким образом сия старая женщина преодолеет две сотни миль ради того, чтобы воспитывать двоих подростков. И добавил, что, являясь лучшим другом семейства и соседом по владениям в Хэмпшире, он приглядит за тем, чтобы с Хью и Эммой обращались по справедливости. И тут явилась его жена. Абигайль Хоббей.

На лице нашего собеседника проступил настоящий гнев.

– Матушка Кафхилл упоминала ее. По ее словам, Майкл считал ее чуточку полоумной, – вставил я.

– Она явилась в слезах и с визгом. Ворвалась в гостиную, пока у нас шел разговор с ее мужем, завопила, что я-де болтун и смутьян, явившийся обвинять ее мужа, всего лишь желавшего помочь двоим осиротевшим детям.

– Но вы ни в чем не обвиняли его?

– Нет, но именно тогда, когда эта женщина начала кричать на меня… именно тогда я начал подлинно опасаться за обоих детей.

– Но как отреагировал на выходку жены сам Николас Хоббей? – спросил я с любопытством.

– С досадой. Поднял руку, сказал: «Утихомирься, моя дорогая» или нечто в этом же роде. Она замолкла, но осталась стоять на месте, обратив на меня яростный взор. Тут Хоббей предложил мне отправляться восвояси, объяснив это тем, что я, мол, расстроил его жену. Совершенно лишенное женственности создание! И еще он едко добавил, что просит меня известить его в том случае, если я получу ответ от тети детей, хотя сам Николас уже отправил прошение в Сиротский суд.

– И тетя вам ответила?

– По прошествии двух недель я получил из Ланкастера письмо от ее викария, в котором было сказано, что она умерла год назад.

– Полагаю, что мастеру Хоббею уже было известно об этом.

– Ничего больше сделать я не мог, – Бротон широко развел руками. – Я поговорил с Майклом. Чтобы быть честным в отношении Николаса, Майкл сказал, что дети ухожены и их потребности выполняются. Однако он добавил, что Хью и Эмма не получают никакой ласки от Хоббея и его жены.

– Ну, подобное нередко в случае опеки…

– Дело было не только в этом. Майкл опасался того, что Николас Хоббей задумал выдать Эмму за своего сына, чтобы таким образом соединить их земли в Хэмпшире.

– То есть за Дэвида Хоббея?

– Да. Покидая в тот день их дом, я видел этого мальчишку. Он торчал в коридоре снаружи, однако ничуть не сомневаюсь, что перед этим подслушивал у двери. Дэвид смотрел на меня с дерзостью, странной для ребенка – в ней было нечто торжествующее.

– Сколько тогда ему было… двенадцать лет?

– Да. И такого обделенного Богом мальчишки я еще не видел. Коренастый, щекастый, темноволосый, как и его отец, уже с кустиком волос на верхней губе. – Викарий умолк и воздел кверху руки. – Простите, мне не следовало этого говорить. Тогда он был совсем еще ребенком…

– Сейчас он уже почти мужчина, – заметил Барак.

– К сожалению, у мастера Хоббея имелись все права устроить подобный брак в качестве опекуна, – заметил я.

Бротон в негодовании тряхнул головой:

– Это ужасно. Таинство брака превращается в сделку. И Майкл рассказывал мне, что Дэвид обнимал Эмму так, как ему не положено этого делать. Хью подрался с ним из-за этого.

– Так говорила мне и матушка Майкла. Однако Эмма потом умерла.

– Упокой Господи бедное дитя! К тому времени опека над Кертисами

была разрешена, и Майкл вместе с детьми перебрался в дом Хоббеев, оставив приход. С той поры я видел его только один раз, когда он явился ко мне, чтобы известить о смерти Эммы. – Бротон покачал головой. – Он сказал, что Абигайль Хоббей не обнаруживала никакой печали на ее похоронах и холодным взглядом следила за происходящим. Мне показалось, что в этот момент я заметил отчаяние на лице Кафхилла. И, судя по вашим словам, выходит, что я не ошибся. – Священник посмотрел мне в глаза: – Может ли это помочь вам, сэр?

Я задумался:

– Боюсь, что немногим. Быть может, среди вашей паствы найдутся люди, хорошо знавшие семейство Кертисов?

Мой собеседник покачал головой:

– Едва ли. Лишь я один интересовался обстоятельствами опеки. Люди не любят вмешиваться в подобные материи. Однако мне удалось открыть одно обстоятельство. Поговаривали, что мастер Хоббей был в долгах.

– Тогда как он мог позволить себе купить опеку? И, кроме того, он ведь купил здание монастыря и перестроил его!

Тут в разговор вмешался Джек:

– Он надеялся заполучить принадлежавшую Эмме долю земель Кертисов, выдав ее за своего сына. В таком случае он явно просчитался.

Бротон встревожился:

– Он по-прежнему обладает правом устроить женитьбу Хью. Что, если он присмотрел для него совершенно неподходящую особу? И Майкл обнаружил именно это?

Я задумчиво кивнул:

– Вполне возможно. Сэр, я буду благодарен вам, если в понедельник вы придете на слушание. Во всяком случае, вы сможете заявить, что положение дел вас не устраивало.

Мне нужен был каждый клочок сведений. Однако ничего такого, чего не мог бы без труда опровергнуть хороший адвокат другой стороны, мне услышать не удалось. Я поднялся, кривясь из-за боли в спине. Поднялся и викарий.

– Сэр, – проговорил он. – Вы позаботитесь о том, чтобы правосудие совершилось? Исправите все зло, причиненное Хью?

– Я попытаюсь это сделать. Однако будет нелегко. Завтра я пришлю к вам Барака подготовить ваши показания. Их следует представить в Опекунский суд до начала слушания.

– Бог не потерпит несправедливости к детям! – с внезапным пылом произнес Бротон. – Как сказал наш Спаситель: «Всякое зло, причиненное

малым сим, совершено также и мне».

Он цитировал Писание яростным голосом, однако я заметил, что старый священник плачет: слезы текли по его морщинистому лицу.

– Простите меня, сэр, – сказал он. – Я думал о Майкле. Как самоубийца, он обречен попасть в ад. Как это… горько. Однако Бог решил, что именно там должны находиться самоубийцы, и кто мы такие, чтобы оспаривать волю Господню?

Вера и отчаяние смешались на его лице.

– Милосердие способно смягчить справедливый приговор, – проговорил я. – Это важный принцип – во всяком случае, в земном законодательстве.

Викарий кивнул, однако не произнес ни слова, пока не проводил нас наружу.

– В какой час я должен прийти в понедельник? – спросил он, когда мы прощались у двери церкви.

– Слушание назначено на десять часов в Опекунском суде, в Вестминстере. Если вы сможете прийти так рано…

Кивнув, священник исчез в сумрачных недрах храма. Когда мы проходили мимо покойницкой, Барак повернулся ко мне.

– Правосудие? В Сиротском суде его не дождешься, – усмехнулся он с горечью. – Там вершат суд жестокий, подобный тому, каким, по его словам, судит Бог.

– Если Майкл Кафхилл заслужил пребывание в аду, тогда, наверное, Сиротский суд выносит более справедливые приговоры, чем сам Бог. Но давай лучше сменим тему. Ни к чему обсуждать подобную ересь на улице.

Жилье, которое занимал Майкл Кафхилл, располагалось на противоположном конце города в лабиринте улочек возле реки. Уже далеко за полдень мы свернули в узкий переулок, где высокие старинные семейные дома с нависающими карнизами были превращены в меблированные комнаты… Старая краска со стен осыпалась хлопьями на мостовую. В пыли возились куры. Стоявшая на углу возле таверны группа из семи-восьми почти уже взрослых подмастерьев, многие из которых были при мечах на поясах их синих одеяний, встретила нас враждебными взглядами. Самый высокий среди них, светловолосый, крепко сложенный парень, впился в меня жестким взглядом. Быть может, он решил, что французские лазутчики разгуливают по Лондону, нарядившись адвокатами. Барак опустил руку на рукоять своего меча, и парень отвернулся.

Джек постучал в некрашеную деревянную дверь. Ее открыла

хорошенькая молодая женщина в фартуке поверх платья из дешевой шерстяной ткани. Улыбнувшись ему, как знакомому, она присела передо мной в низком реверансе. Должно быть, это была соседка Майкла с нижнего этажа, и, похоже, Барак очаровал ее.

– Я привел мастера Шардлейка, Салли, – проговорил он непринужденным тоном. – Тот адвокат, который занимается делом бедного Майкла. Констебль Харман оставил тебе ключ?

– Да, сэр. Входите.

Следом за женщиной мы вошли в сырой коридор, а потом двинулись через внутреннюю дверь в ее собственную комнату: небольшую, застеленную грязным тростником, с одним лишь столом и кроватью. На столе лежал старый железный ключ. Окна не были застеклены, и глазки в ставнях тоже были открыты. Я заметил, что подмастерья следят за домом. Следом за мной Салли посмотрела в окно.

– Они торчат здесь целыми днями, – проговорила она. – Уж и не знаю, когда уйдут!

– Из какой они гильдии? – спросил я. – Мастерам следовало бы лучше приглядывать за ними.

– Не знаю. Сейчас многие подмастерья потеряли места и остались с пустыми руками. Мой муж работал посыльным у немецких торговцев на Стальном дворе, но торговля прекратилась, и корабли ходят неизвестно куда. Он как раз ищет работу. – Лицо Салли было полно усталости.

Джек взял ключ:

– Можем ли мы взглянуть?

– Да. Бедный Майкл, – печальным голосом добавила молодая женщина.

Следом за Бараком я поднялся по пролету узкой лестницы. Он вставил ключ в замок обшарпанной двери в задней части дома, и та, скрипнув, отворилась. Ставни на небольшом окошке были закрыты, не позволяя что-либо рассмотреть. Мой помощник распахнул их настежь. Я увидел крохотную каморку с пятнами сырости на стенах. Узкая соломенная постель, подушка, рваная простыня… Крышка старинного сундука была откинута, открывая неопрятную груду одежды. Обстановку комнаты дополняли изрезанный стол и перевернутый стул, лежавший на полу, рядом с гусиным пером и пыльной высохшей чернильницей. Глянув вверх, я заметил полосу белой простыни на потолочном брусе. Конец ее был обрезан.

– Христовы раны! – проговорил я. – Все оставили так, как было, когда его вынимали из петли!

– Должно быть, коронер приказал, чтобы все осталось в неприкосновенности для судебного дознания.

– А затем забыл сказать лендлорду, что в комнате можно убрать. Вполне в манере коронера Грайса. – Я оглядел жалкую комнату, в которой Майкл провел свои последние дни. Джек подошел к сундуку и принялся осматривать содержимое.

– Здесь только одежда, – прокомментировал он. – Одежда и несколько книг. И еще тарелка и ложка, завернутые в кусок ткани.

– Дай-ка глянуть! – Я посмотрел на книги: латинская и греческая классика, книги учителя. Томик «Токсофила», трактата Роджера Эшэма о стрельбе из лука, такой же, какой, по словам королевы, читала леди Елизавета. – Им следовало взять эти вещи в качестве вещественных доказательств.

– Коронер провел здесь всего пять минут. – Оставшаяся в дверях Салли обвела комнату скорбным взором. – Не потому ли вы здесь, сэр, что он халатно отнесся к своему делу?

– Да, это так, – проговорил Барак прежде, чем я успел открыть рот. Женщина же продолжала оглядываться по сторонам.

– Все осталось здесь так, как было в ту ночь. Констебль Харман взломал дверь и вскрикнул. Самуэль бросился наверх, чтобы посмотреть, что там случилось, и я последовала за ним. – Она тусклым взглядом посмотрела на свисавшую с балки полоску полотна. – Бедный мастер Кафхилл! Я видела повешение, сэр, и по его лицу поняла, что он умер от медленного удушья, а не оттого, что сломал шею.

Она перекрестилась.

– А что на нем было? – поинтересовался я.

Салли с удивлением посмотрела на меня:

– Только штаны и куртка.

– А на поясе ничего не было? Это существенно при дознании.

– Только кошелек, сэр, с несколькими монетами, и маленький золотой крест, который мать Майкла признала за его собственный. Бедная женщина!

– И ни ножа, ни кинжала?

– Нет, сэр. Мы с Самуэлем как раз отмечали, что он не носит оружия. – Моя собеседница печально усмехнулась. – Мы думали, что это глупо. Мастер Кафхилл совершенно не понимал, какие грубые нравы царят здесь, возле реки.

Я посмотрел на Барака:

– Итак, чем же он разрезал простыню, чтобы повеситься? – После

этого, повернувшись к Салли, я спросил: – На дознании об этом что-нибудь говорилось?

Женщина печально улыбнулась:

– Нет, сэр. Коронер явно хотел побыстрее закончить дело.

– Понимаю. – Я вновь посмотрел на потолочную балку. – Салли, а как себя вел Майкл?

– Мы с Самуэлем пошучивали между собой, что он, мол, живет в каком-то собственном мире. Ходит по улицам в красивой одежде, хотя здесь небезопасно. Я считала, что он мог бы позволить себе и лучшее жилье. Однако ни грязь, ни крысы его не смущали. Большую часть времени он пребывал в размышлениях. – Помедлив, молодая женщина добавила: – Не в радостных размышлениях. Мы уж думали, что он из тех, кто слишком занят религией. Хотя мы с Самуэлем поклоняемся Богу так, как велит король, – тут же спохватилась она.

– Констебль говорил мне, что у него была какая-то ссора с парнями с угла, – заметил мой помощник. – С теми, которые сейчас там стоят?

Салли покачала головой:

– Я об этом не слышала. Но точно не с этими. Они торчат здесь только несколько последних дней.

– Еще один вопрос, – проговорил я медленно. Речь об этом пока еще не заходила. – Каким был из себя Майкл Кафхилл?

Женщина задумалась:

– Невысокий, худой, лицо пригожее, каштановые волосы, которые уже начали отступать со лба, хотя я сомневаюсь, чтобы ему было хотя бы тридцать.

– Благодарю. А вот вам за беспокойство и помощь…

Чуть поколебавшись, моя новая знакомая взяла монетку, присела в реверансе и вышла, закрыв за собой дверь. Барак подошел к окну и позвал меня:

– Подойди и посмотри сюда.

Я последовал его примеру. Прямо под окном располагалась покатая крыша пристройки, покрытая замшелыми черепицами.

– Сюда нетрудно залезть, – похлопав себя по животу, проговорил Джек. – Я сумел бы сделать это со всем накопленным благосостоянием.

Я выглянул в окно. Отсюда была видна река, как всегда деловито уносившая к морю груженные всяким снаряжением баржи.

– Все черепицы лежат на месте, – заметил я. – Они старые, и всякий, кто полез бы по крыше, сдвинул бы с места хотя бы одну.

Затем, повернувшись лицом к комнате, я посмотрел вверх на балку:

– Потом, если бы кто-то забрался в комнату и напал на него, когда он лежал в постели, началась бы борьба.

– Но они могли застать его спящим и оглушить, а потом повесить.

– Тогда на голове остался бы след удара. Суд увидел бы его при осмотре тела.

– След удара мог оказаться прикрытым волосами, а они не приглядывались…

Я задумался:

– Давай вспомним, о чем идет речь. Об управлении некими землями в Хэмпшире и, быть может, плате за брак с Хью Кертисом. Через три года парень достигнет зрелости, и земли перейдут к нему. Станет ли Николас Хоббей устраивать убийство Майкла, чтобы защитить подобную перспективу? И когда он мог склониться к подобному решению? Он, человек с положением и семьей?

– Возможно, Майкл обнаружил нечто такое, за что Хоббею и так и так пришлось бы отправляться на виселицу.

– Что, например?

– А как насчет отсутствующего ножа?

– Его могли потерять или украсть в том хаосе, который Грейс называет службой коронера, – улыбнулся я. – А знаешь, тебе не кажется, что мы с тобой стали слишком охотно усматривать убийство во всякой ситуации после всего того, на что нам пришлось насмотреться за последние несколько лет? И запомни, что предсмертная записка находилась в руках Кафхилла.

– Я по-прежнему считаю, что от этой истории дурно пахнет.

– Крысами здесь пахнет уж точно! Посмотри на помет в углу.

– Зачем Майклу понадобилось оставлять дом свой матери и перебираться в такую крысиную дыру?

Я задумался:

– Понятия не имею. Однако не могу усмотреть здесь ничего, указывающего на убийство, если не считать отсутствия ножа, который вполне мог и потеряться. Но теперь нам придется сконцентрировать свое внимание на будущем слушании.

В последний раз оглядев жалкую комнату, я вдруг понял, что, оставив мать, Майкл мог себя за что-то наказывать. Но за что? Взгляд мой вновь обратился к полоске ткани, и я поежился.

– Пошли, – обратился я к Бараку, – пора убираться отсюда.

– Как, по-твоему, не стоит ли мне еще раз поговорить с констеблем? – спросил он, пока мы спускались по лестнице. – Я знаю, где его искать: в

той самой таверне, куда я уже водил этого типа. Она находится в нескольких переулках отсюда. Быть может, он вспомнит, был там нож или нет.

– Разве Тамасин уже не ждет тебя?

– Долго я не задержусь.

Возвратив ключ Салли, мы покинули дом. Уже смеркалось, и, взглянув вниз, между домами, я заметил на воде красные отблески лучей заходящего солнца. Парней на углу не было.

– А ты сможешь составить набросок показаний и сегодня вечером отнести его Бротону? – спросил я Джека. – Завтра приходи в палату к девяти. Придет мистрис Кафхилл.

– Ладно. – Он глубоко вздохнул. – А ты известишь меня, когда получишь весточку от Карвера?

– Без промедления.

Барак направился вниз, в сторону реки, а я повернул домой, размышляя на ходу о смерти Майкла. Мой помощник обладал несомненным чутьем на грязные делишки.

Минуя темный проулок, я выпрямился, заслышав за спиной внезапный топот. Поспешно повернувшись, я успел заметить лишь молодые лица и синие одежды, прежде чем на моей голове оказался пропахший гнилыми овощами мешок. Несколько пар рук подхватили меня и потащили в проулок. Грабители… подобно Майклу, я неосторожно обнаружил свое богатство.

Меня прижали спиной к каменной стене. К собственному ужасу, я ощутил на своей шее руки, оторвавшие меня от земли. Мои собственные руки были крепко зажаты, а ноги беспомощно лягали камень. Повиснув в воздухе, я задыхался. И тут в ухо мое проговорил жесткий молодой голос:

– Слушай меня внимательно, мастер-горбун.

Я задыхался, давился. В угольных потемках мешка передо мной начинали плясать красные вспышки.

– Мы могли бы удавить тебя прямо сейчас, – продолжил голос. – Запомни это и слушай внимательно. Ты отказываешься от этого дела и забываешь о нем. Некоторым людям не хочется, чтобы к ним привлекали внимание. А теперь скажи мне, что понял.

Давление на мою шею ослабло, хотя руки мои по-прежнему удерживала прочная хватка.

Закашлявшись, я сумел выдавить:

– Да!

Руки выпустили меня, и я повалился на раскисшую землю. Мешок по-прежнему прикрывал мою голову. К тому времени, когда я, наконец, стянул его, нападавшие уже исчезли. Лежа в сумрачном переулке, я со свистом старался набрать в легкие как можно больше воздуха. Потом я повернулся на бок, и тут меня вывернуло наизнанку.

Глава 8

Я с трудом добрался домой, время от времени останавливаясь из-за головокружения. Ввалившись внутрь дома, я ощутил, что шея моя настолько распухла, что я едва мог глотать. Пришлось сразу же подняться наверх в комнату Гая. Когда он открыл дверь, я едва сумел заговорить: голос мой превратился в скрип. Друг велел мне лечь и наложил припарку, принесшую некоторое облегчение. Я сказал ему, что меня ограбили, и врач с сомнением посмотрел на меня, заметив, что мой кошель так и остался на поясе. Мне было неловко, однако я решил пока помалкивать о случившемся.

Мальтон велел мне лежать и отдыхать, но через некоторое время в дверь постучали. С любопытством посмотрев на меня, Колдайрон сказал, что у меня поздний гость, олдермен Карвер. Я распорядился, чтобы он проводил Карвера в гостиную, и, преодолевая утомление, спустился вниз.

Выражение на пухлом лице Карвера сообщило мне, что явился он не с добрыми новостями. Он также посмотрел на мое горло.

– Простите мой голос, сэр, – проскрипел я. – Но на меня только что напали грабители.

Мой гость покачал головой:

– Грабежей становится все больше и больше – теперь, когда столько констеблей ушло на войну. Безумные времена! И, увы, боюсь, что я не сумел добиться освобождения для вашего Барака.

– Но его жена…

– Я переговорил с мэром Лакстоном, и он попытался договориться с Гудриком. Но тот непреклонен: ему нужен Барак. Воистину закусил удила. Должно быть, Барак здорово нагрубил ему. Гудрик заявил, что король велел со всей строгостью обращаться с наглецами. А Лакстон сказал, что мы могли бы обратиться в Тайный совет, однако у них есть приказ короля – запрещать всякие проявления мягкости.

– А я не могу попросить королеву о заступничестве перед королем. Мое имя у него не в чести.

– Впрочем, его честь предложил один способ выхода из затруднительного положения. – Карвер приподнял бровь. – Уклониться от внимания Гудрика. Возможно, Барак сумеет на какое-то время исчезнуть из столицы. Ему очень скоро пришлют приказ о приведении к присяге.

– Он уже получил его.

– Если он не явится, магистрат попросят послать констеблей, чтобы его найти. Однако… – Он расчетливо ухмыльнулся. – Им не обязательно усердствовать в поисках. И если его не окажется дома, что ж…

– Но куда он может направиться? Ни у Джека, ни у его жены не осталось живых родственников. У меня есть родня в Мидленде, однако Тамасин на седьмом месяце беременности, она не вынесет путешествия. И потом, что, если за ним снова явятся, арестовать его за дезертирство? Это серьезное преступление.

– Гудрик и сам скоро отправится на войну, в этом можно не сомневаться. – Олдермен развел пухлые, усаженные кольцами ладони. – Больше я ничего не могу сделать, сэр.

– Понимаю. Мне придется переговорить с Бараком. И благодарю вас за все, что вы сделали, сэр. – После недолгих колебаний я добавил: – А не могу ли я попросить у вас некоторую информацию? Имеющую отношение к делу. Вы ведь уже много лет заседаете в Муниципальном совете.

– В самом деле. Почти двадцать лет. – Пухлая фигура моего собеседника задышала гордостью.

– Я слышал, что совет недавно вел переговоры с королем о передаче ему Бедлама.

– Да, какое-то время. Мы пытаемся уговорить короля финансировать госпитали, находящиеся под контролем города. Передача ему Бедлама является частью общей схемы.

– Назначение смотрителя уже много лет является прерогативой короля. Насколько я знаю, сейчас попечителем является сэр Джордж Метвис. Перед ним эту должность до своей казни занимал Джордж Болейн. А не припомните ли, кто именно предшествовал ему? До года, примерно, двадцать шестого.

Карвер задумался:

– Кажется, это был сэр Джон Говард. Насколько я помню, он и умер на этом посту.

Итак, с этой стороны об Эллен ничего не выяснишь. Впрочем, любые секретные договоренности должны быть известны последующим смотрителям.

– И еще вопрос, олдермен, – попросил я. – Не помните ли вы такого человека, который несколько лет назад числился в гильдии торговцев тканями? Николаса Хоббея?

Мой гость неторопливо кивнул:

– Да, я помню мастера Хоббея. Он сумел вырасти из подмастерьев и завел небольшое дело. Впрочем, в жизни Гильдии особого участия не

принимал, ибо занят был преумножением собственного состояния. Помнится, он еще занялся ввозом красителей и оттого пострадал, когда король порвал с Римом и запретил ввоз с континента. Он закрыл свое дело и перебрался в сельские края.

– Поговаривали, что свои дела он сворачивал из-за долгов.

– Действительно, помню нечто подобное. – Карвер бросил на меня проницательный взгляд. – Но, сэр, я не обязан предоставлять вам сведения о членах гильдии…

– Простите, быть может, мне не следовало задавать этот вопрос. Однако я защищаю интересы подопечного мастера Хоббея, оставшегося сиротой сына другого члена гильдии, скончавшегося несколько лет назад, Джона Кертиса.

Олдермен печально кивнул головой:

– Я помню мастера Кертиса. Приятный был человек, но слишком уж непоколебимый в религии. Я не слишком хорошо знал его.

– Ну что ж, сэр, благодарю вас за помощь, – улыбнулся я. – Я не забуду о своем обещании сделать пожертвование на нужды гильдии.

Закашлявшись, я встал и добавил:

– Простите меня, однако мне следует вернуться в постель.

Поднявшись, Карвер откланялся.

– Поберегите себя, сэр. – Он покачал головой. – Такие пошли времена…

На следующее утро я брел на работу медленно и с большим трудом, ибо мои шея и горло еще болели. Пересекая Гейтхаус-корт, я обменялся кивками с парой знакомых, к счастью, находившихся на приличном расстоянии и не видевших распухшую плоть над моим воротником.

Войдя в палату, я уселся за стол. Часы на капелле прозвонили девять. Барак должен был вот-вот подойти, а мистрис Кафхилл я ожидал через полчаса. Я расстегнул ворот рубашки, чтобы он не давил на синяки.

Из окна я заметил Джека, широкими шагами пересекавшего Гейтхаус-корт, и вновь отметил про себя, что он набрал лишний вес. Постучав в дверь, помощник вошел и сразу же уставился на мою шею:

– Гвозди господни! Что с тобой произошло?!

Я все объяснил по-прежнему скрипучим тоном и заключил:

– Дело куда хуже, чем кажется.

– Иисусе! И кто же это был? Те парни, что околачивались возле дома Майкла?

– Я не видел. Они постарались наброситься на меня сзади.

– Дело рук Хоббея?

– Не знаю, но кто-то хорошо заплатил им. Хотя особого риска не было: закон исчез с наших улиц.

– Интересно, а Хоббей сейчас в Лондоне? – задумчиво проговорил Барак.

– Если он не в городе, то не сумел бы организовать нападение. Я взялся за дело всего два дня назад.

– А как насчет Дирика? Его-то известили о том, что ты занялся этим делом!

– Сомневаюсь, чтобы барристер стал рисковать своей карьерой, вмешиваясь в подобные предприятия. Однако ничего невероятного в таком предположении нет.

– Когда он мог получить бумаги, из которых следовало, что ты взялся за это дело?

Я задумался:

– Надо думать, вчера утром. Так что тот, кто организовывал это нападение, кем бы он ни был, действовал быстро.

Джек внимательно посмотрел на меня:

– Как по-твоему, эти мелкие сволочи намеревались убить тебя?

– Мелкими их не назовешь. Впрочем, сомневаюсь. Скорее всего, они хотели меня напугать.

– Я по-прежнему думаю, что Майкла Кафхилла могли убить, – не отводя от меня своих карих глаз, Барак проговорил сосредоточенным тоном: – Тебе не следует ехать в Портсмут… Во всяком случае, одному.

– Согласен. Я решил поговорить с королевой и вчера вечером послал записку Уорнеру. Она найдет мне какого-нибудь сопровождающего, если решит, что ехать мне необходимо.

– Итак, ты все же поедешь, если она этого захочет.

– Я не могу позволить банде подмастерьев подумать, что они устрашили меня!

– Скоро появится мистрис Кафхилл. Ты сообщишь ей о том, что с тобой приключилось?

– Нет. Это лишь испугает ее, а это нам ни к чему. Я переговорю с ней, после чего схожу в Тампль и повидаюсь с братом Дириком. Вчера вечером я предупредил его запиской.

Барак хлопнул по своему ранцу:

– А у меня здесь показания Бротона.

– Хорошо. – Я посмотрел на него. – Но я должен еще кое-что сказать тебе. Вчера вечером меня посетил олдермен Карвер. И, увы, не с добрыми

новостями.

Я пересказал помощнику свой разговор со вчерашним гостем.

– Вот дерьмо! – произнес тот свирепым тоном. – Тамми права, мне следовало общаться с Гудриком более осторожно.

– Но что, если поближе к вечеру я зайду к тебе и мы втроем обсудим положение дел?

– Я не могу позволить Тамми оставить Лондон, чтобы скитаться по раскисшим дорогам, – твердым тоном произнес Джек. – Я и так до безумия испугался, когда она позавчера потеряла сознание.

– Понимаю. Но мы должны найти какой-то выход. И найдем, я обещаю. А теперь позволь мне просмотреть показания преподобного Бротона.

Барак достал из папки и передал мне бумагу, написанную его неровным почерком и подписанную викарием. Пока я читал, он хмуро смотрел на меня. Бротон повторил то, что рассказал нам о семействе Кертисов, смерти родителей и скорой опеке Николаса Хоббея, его собственных и Майкла заботах о Хью и Эмме и враждебном отношении к ним обоим Хоббея. Я поднял глаза на помощника.

– Как я вижу, ничего нового?

– Да. Он говорит, что больше ничего не помнит. Я спросил его, не могут ли знать какие-нибудь подробности соседи Кертисов, однако он усомнился в этом. Семейство, по его словам, держалось замкнуто, как и подобает благочестивым людям.

На окно легла мимолетная тень, и я поглядел наружу: мимо прошла Бесс Кафхилл. Лицо ее оставалось бледным под лучами солнца – белее пергамента, белее собственного чепца. Она снова была в черном платье, хотя предписанное время траура уже закончилось.

– Сходи и встреть ее, – сказал я Джеку. – Скажи, что мне повредили шею при попытке ограбления. Но аккуратно. Последнее, что она хотела бы видеть, – это человека с посиневшей шеей.

Мой товарищ вышел из комнаты, а я снова туго затянул завязки рубашки, прежде чем взять со стола заготовку показаний, которые приготовил для Бесс. Барак ввел ее в комнату, и она села возле противоположного края моего стола. Посмотрев на мою шею, пожилая дама чуть поежилась и потупила взгляд, уставившись на собственные дрожащие пальцы. Но потом она снова посмотрела на меня, уже со спокойствием на лице.

– Спасибо, что вы пришли, Бесс. – Я постарался говорить как можно громче.

– Ради Майкла, сэр.

– Я подготовил ваши показания в соответствии с тем, что вы рассказали мне в Хэмптон-корте. Если разрешите, я зачитаю их. Мы можем внести любые необходимые исправления и посмотреть, можно ли что-либо добавить.

– Я готова, – негромко произнесла мистрис Кафхилл.

Мы вновь повторили рассказанную ею повесть. Бесс энергично закивала, когда я прочел о том, насколько близки были Майкл и оба ребенка, и бросила короткое и энергичное «да», услышав о попытках ее сына воспротивиться стремлению Хоббея немедленно взять в свои руки все дела семьи. После прочтения она уверенно кивнула:

– Именно так, сэр, такова моя повесть. Спасибо. Я никогда не сумела бы так хорошо сочетать слова.

Я улыбнулся:

– Меня этому учили, Бесс. Однако запомните, что все рассказанное вам Майклом является просто показанием с чужих слов. Таковые дозволены в случае, если речь идет о покойнике, но не обладают статусом показаний непосредственного свидетеля. И барристер мастера Хоббея может задавать вам вопросы по этому поводу.

– Понимаю, – сказала моя посетительница уверенным тоном. – А сам Николас Хоббей будет присутствовать?

– Этого я не знаю.

– Я готова встретиться с обоими лицом к лицу.

– Мы побеседовали с викарием Бротоном, оказавшим нам помощь. Он будет присутствовать на слушании в понедельник. Однако он может подтвердить только то, что они с Майклом пытались не допустить этой опеки. Но, может быть, я о чем-то забыл? Или вы способны еще кое-что рассказать о детях?

Бесс печально качнула головой:

– Только разные мелкие и незначительные эпизоды.

– Надо думать, они находились дома под женским присмотром до тех пор, пока не пришла пора учиться?

– Да. Джон и Рут Кертисы слишком затянули с началом учения своих детей. Майкл считал, что они слишком любили их и не хотели разделять.

– А вы сами встречались с Хью и Эммой?

– Да. Однажды сын привел их в гости ко мне, а я сама много раз посещала его в доме Кертисов и неоднократно видела их. Мастер и мистрис Кертис обращались со мной самым вежливым образом, как если бы я была благородной. Помню, как Хью и Эмма пришли в комнату

Майкла, чтобы повидаться со мной. Они смеялись, потому что Хью где-то подхватил гнид, и его постригли наголо. Сестра осмеивала бритую макушку брата и называла его маленьким старичком. Я сказала Эмме: «Цыц, не надо издеваться над братом!», однако Хью рассмеялся и сказал, что раз уж он мужчина, у него хватит сил отшлепать нахальную сестрицу. А потом они с писком и визгом гонялись друг за другом по комнате.

Она сделала паузу и покачала головой:

– Как сейчас вижу их… волосы бедной девочки развеваются за ее спиной, а мы с Майклом радуемся их веселью.

– Мистрис, – аккуратно спросил я, – как, по-вашему, почему ваш сын, в конце концов, ушел из дома?

– Думаю, потому что… – неловко шевельнулись ее губы. – Одним словом, из-за меня. – Опустив голову, она тихо проговорила: – Кроме Майкла, у меня никого и ничего не было. Его отец умер, когда ребенку едва исполнилось три года, и я воспитывала его сама. В доме лорда и леди Латимер на Чартерхаус-сквер. Получилось так, что леди Латимер очень заинтересовалась моим сыном, который любил учиться так же, как и она сама, и потому поощряла его. Ей также известно, какой это был мягкосердечный мальчик. Слишком уж добрый, наверное…

– Ну, хорошо, – проговорил я, – посмотрим, удостоится ли его доброта награды на предстоящем в понедельник слушании. – Мы с Бараком переглянулись, прекрасно понимая, что если дело не будет закрыто, то лишь благодаря интересу в нем королевы, а не качеству показаний.

Чуть погодя я вновь оказался на Миддл-Темпл-лейн с ранцем за плечами. Я свернул налево к церкви Тамплиеров. Палата Дирика располагалась как раз напротив – в древнем здании из тяжелого камня. Клерк поведал мне, что барристер находится на третьем этаже, и я усталым шагом побрел вверх по широкой лестнице из дубовых досок. Шею дергало, поэтому на середине подъема мне пришлось передохнуть. Путь я продолжил, уже держась за перила. На лестничной площадке третьего этажа возле двери была прикреплена дощечка с именем Дирика, выведенным элегантным почерком. Постучав, я вошел.

Все конторы барристеров одинаковы. Столы, стеллажи, бумаги, клерки… У Дирика на столах повсюду громоздились связки бумаг, свидетельствуя о большой практике. Помощникам было оставлено два стола, однако занят был только один, за которым сидел невысокий молодой человек в коротком балахоне клерка. Узкая голова его сидела на длинной шее, из которой выступало крупное адамово яблоко, а за спутанными

волосами поблескивали голубые глаза. В обращенном ко мне взгляде читались надменность и неодобрение.

– Я пришел, чтобы повидаться с братом Дириком, – отрывисто проговорил я. – Сержант Шардлейк.

Распахнулась внутренняя дверь, в которой показался Винсент Дирик, торопившийся мне навстречу с протянутой рукой. Высокий и стройный, атлетически сложенный и, к тому же, полный энергии, он показался мне почти ровесником. Его бледное лицо венчала медная, до плеч, шевелюра. Не будучи симпатичным, этот человек, тем не менее, производил впечатление. Улыбка его открывала полный набор зубов, однако зеленовато-карие глаза смотрели жестко и внимательно.

– Доброе утро, сержант Шардлейк, – поприветствовал он меня. – Мы с вами как будто бы уже встречались в суде? И, помнится, я два раза победил вас? – Я не забыл этот голос, глубокий, скрежещущий… голос образованного человека, и, тем не менее, отдававший лондонской улицей. Хороший голос для выступления в суде.

– Согласно моим воспоминаниям, мы оба проиграли по одному делу, – возразил я.

– Вы в этом уверены?

– Вполне.

– Пройдемте в мой кабинет. Вы не будете возражать, если при нашем разговоре будет присутствовать мастер Фиверйир, мой клерк? – Он указал рукой в сторону молодого человека.

– Вовсе нет. – Моя стратегия заключалась в том, чтобы говорить, насколько это возможно, мало, позволяя Дирику выкладывать то, что он знает.

– Входи, Сэм. – Мой коллега распахнул настежь дверь в свой кабинет и пропустил Фиверйира перед собой. Я последовал за ним.

– Прошу вас, садитесь. – Винсент указал на табурет, поставленный перед его широким дубовым столом, а сам опустился в кресло и посадил помощника рядом с собой на другой табурет. Клерк взял в руки лежавшее на столе и уже заточенное перо и обмакнул его в чернильницу. Копии прошения Майкла Кафхилла и ответа Дирика лежали перед ним на столе. Расправив их обеими руками, Винсент посмотрел на меня. Улыбка покинула его лицо.

– Брат Шардлейк, горестно видеть адвоката вашего ранга вовлеченным в подобное дело. Я назвал бы эти обвинения пустыми и досадными, если бы человек, подавший сей лживый иск, не был бы явным безумцем. Самоубийцей, да простит его Господь. Прошение это непременно

отвергнут, и будут значительные издержки. – Он наклонился вперед. – И кто оплатит их? Найдутся ли у его матери подобные средства? Я слышал, что она – всего лишь старая служанка.

Итак, он проводил собственное расследование. И, возможно, платил за информацию в Сиротском суде – вероятно, самому Миллингу.

– Любые издержки будут оплачены согласно закону, – проговорил я то же самое, что уже вынужден был сказать Ричарду Ричу. Надо будет не забыть написать Уорнеру о том, что ему придется найти внушительный источник, способный возместить расходы мистрис Кафхилл. – В том случае, если мы проиграем, конечно.

– Проиграете! – расхохотался Дирик, бросив косой взгляд на Фиверйира, поднявшего взгляд от бумаг и улыбнувшегося. Я открыл свой ранец.

– Вам придется просмотреть эти показания, брат. Данные мистрис Кафхилл и викарием прихода семьи Кертисов. – Я передал ему бумаги, и мой коллега прочитал их, время от времени морща нос. После, пожав плечами, он передал показания помощнику.

– И это все, чем вы располагаете, сэр? – развел он руками. – Не имеющими существенного значения сплетнями? Этот ваш Кафхилл, прежде чем повеситься, выдвинул серьезные обвинения против моего клиента. Хотя ни сам он, ни эти показания… – чтобы подчеркнуть значение своих слов, юрист наклонился вперед над столом, – не дают понять, в чем, собственно говоря, состоят обвинения.

Он был совершенно прав, и именно в этом заключалась наша наибольшая слабость.

– Майкл Кафхилл сделал серьезное утверждение… – начал было я.

– В общих словах, не конкретное.

– На мой взгляд, достаточное для того, чтобы суд мог посчитать его необходимым для дополнительного расследования. Вспомните девиз Суда по делам опеки. «Помощник опекаемым, сиротам и вдовам».

Дирик поднял брови:

– И из чего, сэр, составится это расследование? Из показаний?

– Возможно.

– И кого же мы пошлем получать их? В такую даль, в Хэмпшир! И за какие деньги? Так можно разорить любую бывшую служанку. – Голос Винеснта гневно возвысился. Он нахмурился, словно бы снова овладевая собой… или стараясь произвести подобное впечатление. И тут меня осенило: все, что этот человек говорил и делал вместе со своим помощником, было представлением! Впрочем, весьма искусным.

– На поездку уйдет несколько дней, – сказал я. – Платить придется вашему клиенту, если он проиграет. Но вы считаете, что этого не случится. А моя клиентка имеет собственный дом.

– Должно быть, так она называет какую-нибудь хибару около Боен?

– Не следует порочить чужого клиента, брат мой, – строгим тоном проговорил я. Дирик склонил голову, и я повторил: – Не надо этого делать, брат. – Мне было больно говорить, поскольку я перенапряг горло, так что я сделал паузу, а потом продолжил: – Однако я не вижу никаких показаний вашего клиента. Мастер Хоббей сейчас находится в Лондоне?

– Нет, брат Шардлейк. Мастер Хоббей – джентльмен, и у него много дел в Хэмпшире. Кроме того, ему не о чем давать показания… нет никаких обвинений, достойных его ответа.

– Там, где речь идет о ребенке, проверки достойны любые подозрения.

«Итак, Хоббея нет в Лондоне, – подумал я. – И он не мог приказать этим людям напасть на меня».

– О ребенке! – воскликнул мой оппонент. – Хью Кертису уже восемнадцать лет. Сильный и крепкий парень: я видел его, когда посещал своего клиента по делам. И вполне ухоженный, должен добавить.

– Но по-прежнему несовершеннолетний. И находящийся во власти и под контролем… – Болезненный спазм сдавил мне горло и заставил меня умолкнуть. Охнув, я прижал руки к шее.

– Вот видишь, Сэм, – обратился Дирик к Фиверйиру. – У брата Шардлейка слова застревают в горле.

Кляня себя за слабость, я ожег коллегу яростным взором. И внезапно заметил в его глазах гнев, даже ярость, под стать моей собственной. Итак, это не спектакль…

– Понимаю, что ответить вам особо нечем, сержант Шардлейк, – продолжил Винсент. – Но благодарю за полученные показания, хотя они и представлены с опозданием, и я не премину упомянуть об этом в понедельник…

– Насколько я понимаю, владение мастера Кертиса, в основном, занимают леса.

– С ними обращаются должным образом. Вы видели бумаги.

– Но не видел счетов.

– Они хранятся у феодария в Хэмпшире. Возможно, вы не знакомы с практикой Опекунского суда, брат, однако так здесь принято.

– А скажите, брат Дирик, планируется ли брак Хью Кертиса?

– Нет. – Мой собеседник склонил голову и улыбнулся. – Расследовать здесь и вправду нечего, брат Шардлейк.

– Обвинение должно быть рассмотрено, и, думаю, суд согласится со мной. – Слова выходили из моего горла с хрипом и свистом.

Винсент встал:

– Надеюсь, ваше горло поправится к понедельнику.

– Поправится, брат.

Я поднялся и направился к выходу. Обращенный ко мне взгляд Дирика был холоден, словно камень. Потом я посмотрел в сторону Фиверйира. И впервые заметил, что тот улыбается, но только не мне, а своему мастеру. Улыбается с чистым восхищением.

Глава 9

Следующим утром я вновь шагал через центральный двор Хэмптон-корта. Было воскресенье, ясный и зябкий день – последний перед слушанием. В тот день вокруг царила тишина: я заметил лишь нескольких клерков, а придворных не было и в помине.

Письмо от Уорнера ожидало меня дома, когда я вернулся туда после встречи с Дириком. Колдайрон стоял наготове с ним в коридоре, крутя в руках толстую белую бумагу и рассматривая то выведенный превосходным почерком адрес на одной стороне письма, то печать королевы с другой стороны. Эконом передал мне послание с непривычным для него почтением, к которому примешивалось болезненное любопытство. Я немедленно отпустил слугу и вскрыл письмо: меня приглашали завтрашним утром вновь посетить королеву.

Мне было указано явиться в кабинет Уорнера, и, вновь поднимаясь по спиральным ступеням, я прятал свои синяки. Комнату барристера только что усыпали свежим тростником, и аромат его одолевал запах пыли и бумаги.

– А, брат Шардлейк! – проговорил он. – Сегодня опять холодно. Что за лето!

– По пути сюда я заметил, что градом побило много пшеницы.

– На севере дела еще хуже. А в проливе бушуют сильные ветра́. По милости Господней «Грейт-Гарри» и «Мэри-Роз» благополучно прибыли в портсмутскую гавань. – Роберт пристально посмотрел на меня. – Я показал ваше письмо королеве. Нападение на вас встревожило ее так же, как и меня самого. Надеюсь, вам лучше?

– Лучше, благодарю вас.

– Ее величество хочет немедленно видеть вас. – Открыв боковую дверь, Уорнер позвал молодого клерка. – Сержант Шардлейк уже здесь. Ступай, извести королеву. Сейчас она должна выходить из капеллы.

Поклонившись, клерк выбежал из комнаты. Шаги его простучали по лестнице, а потом я увидел из окна, как он бросился бегом через двор. Я невольно позавидовал скорости и легкости его движений. Пригласив меня сесть, барристер погладил бороду.

– Беззаконные ныне времена… расскажите мне, что произошло.

Я пересказал ему, как все было, закончив своим посещением Дирика, и в конце добавил:

– Он будет насмерть стоять за своего клиента. И откровенно говоря, позиция его сильнее.

Уорнер неторопливо кивнул:

– Как, по-вашему, а не замешан ли он в нападении на вас?

– Свидетельств этому нет никаких. Впервые увидев его, я решил, что Дирик разыгрывает роль возмущенного адвоката. Однако за юридическими ужимками можно было почувствовать гнев, некое личное чувство. – Я помедлил. – Кстати, мистрис Кафхилл рассказывала мне, что королева очень симпатизировала Майклу.

– Подобное впечатление сложилось и у меня самого.

Роберт хмурился. Было заметно, что он был бы рад вместе с королевой забыть об этом деле.

– И еще, мастер Уорнер, – продолжил я. – Говорят, что мастер Хоббей увяз в долгах в пору своего переезда в Хэмпшир. Я спрашивал об этом олдермена Карвера из гильдии торговцев тканью, однако он не захотел рассказывать о члене своей гильдии. Нет ли другого способа узнать это?

– Попробую что-нибудь сделать. – Заслышав легкие шаги на лестнице, мой собеседник поднялся, кивком предложив мне последовать своему примеру. Дверь отворилась, и оба мы застыли в глубоком поклоне. Первой в дверях появилась камеристка, придержавшая створку открытой перед ее величеством.

Для воскресенья королева Екатерина была одета слишком просто – серое шелковое платье и накидка с капюшоном без всяких драгоценностей. Я решил, что этот цвет ей не так к лицу, как те яркие ткани, которые она обычно предпочитала, хотя и подчеркивает красоту ее золотистых, цвета осенних листьев волос. Жестом она предложила нам с Уорнером сесть. Камеристка опустилась на табурет возле окна и сложила руки на коленях.

– Мэтью, – начала Екатерина, – Роберт рассказал мне, что на вас напали. Как вы себя чувствуете?

– Вполне нормально, ваше величество.

– Слава богу за это! А что вы можете сказать о деле? Насколько я понимаю, новых свидетельств немного. – Королева посмотрела на меня полными печали глазами. Бесс была права. Она испытывала к Майклу несомненную и глубокую симпатию.

Я сообщил ей, что помимо уже известного, узнать удалось немногое – разве что Бротон подтвердил, что они с Кафхиллом были настроены против этой опеки. Немного подумав, королева негромко произнесла:

– О Майкле я могу сказать только одно: что знала его с самого его

детства. Он был хорошим человеком, наделенным той добротой и милосердием, которые Господь наш желает видеть в каждом из нас, хотя выпадают они на долю далеко не всякого. Он не стал бы ничего выдумывать просто ради того, чтобы насолить Хоббею. Никогда он не пошел бы на это, даже в том случае, если бы слегка тронулся умом.

– Таково и мое впечатление, – согласился я.

– Если против этого мальчика было сделано нечто плохое, – заметил барристер, – это дело может произвести волнение. Не говоря уже о воспламенении общего мнения против Опекунского суда. Король может быть недоволен этим.

– Нет, мастер Уорнер! – проговорила Екатерина с внезапной резкостью. – Его величество не захочет, чтобы несправедливость оставалась безнаказанной. Майкл хотел защитить этого мальчика, этого Хью, единственного живого представителя своего несчастного семейства. Этого же хочу и я. Ради него самого, ради Майкла и его матушки, ради самого правосудия!

Я посмотрел на Роберта. На мой взгляд, его оценка возможной реакции короля была точнее, чем представлялось в данный момент королеве. Она же продолжила:

– Мэтью, на завтра назначен сбор показаний, но не считайте себя обязанным и дальше влачить это бремя. Можно назначить другого барристера, который поведет дело дальше и поедет на юг.

– Он должен будет знать все подробности дела, чтобы вести его надлежащим образом, – заметил я.

Ее величество кивнула:

– Это будет честно по отношению к нему.

– Можно найти человека, который за хорошие деньги продолжит расследование, – проговорил Уорнер, – однако одобрит ли его кандидатуру сержант Шардлейк?

Я понял, что мой коллега хочет, чтобы расследование и дальше вел я. Он доверял мне, и чем меньше людей будет знать о том, что королева замешана в таком беспокойном и сомнительном деле, тем лучше. Я просто ощущал, что Роберт хочет посоветовать мне не отказываться от продолжения расследования.

– Я продолжу свою работу над этим делом до его логического конца, ваше величество, – заявил я.

Екатерина снова улыбнулась открытой и теплой улыбкой.

– Я знала, что вы не откажетесь. – Живое лицо ее вновь сделалось серьезным. – Однако я помню все, что произошло, когда вы в прошлый раз

погрузились в темные воды после того, как был убит ваш друг, мастер Эллиард. До того, как я стала королевой.

– Я не сожалею об этом.

– Однако Хью Кертис не является вашим другом. Вы даже не знакомы с ним.

– Мне бы хотелось помочь ему, если я в состоянии это сделать. Но я хочу попросить назначить мне какого-нибудь спутника. Мой клерк не имеет возможности ехать со мной, а домоправитель непригоден для подобных дел.

Ее величество кивнула:

– Вы хотите, чтобы вас сопровождал хороший клерк и сильный человек. Уорнер, можете ли вы устроить это?

– Сделаю все возможное.

Королева улыбнулась:

– Я вижу ваше волнение, мой добрый слуга. Но я хочу, чтобы расследование по этому делу было проведено должным образом. Потому что оно ранит мое сердце. И еще потому, что этого требует справедливость. – С этими словами она повернулась ко мне: – Благодарю вас, Мэтью. А теперь мне пора идти. Я должна присутствовать на обеде вместе с королем. Мэтью, – она протянула мне руку для поцелуя, – сообщите мне все, что случится на слушании.

Губы мои прикоснулись к мягкой коже, пахнуло мускусным ароматом, и королева Екатерина оставила комнату, а последовавшая за ней камеристка закрыла дверь. Уорнер опустился в кресло и посмотрел на меня вопросительным взглядом:

– Словом, жребий брошен, Мэтью.

– Да.

– Известите меня обо всем сразу же после окончания слушания, и если вам придется оставить город, я позабочусь о том, чтобы вас сопровождали надежные люди.

– Благодарю вас.

Помедлив, Роберт проговорил:

– Полагаю, что вы не впервые заботитесь об обездоленных детях.

Я улыбнулся:

– Разве Господь наш не говорил, что надлежит заботиться о малых сих?

Барристер наклонил голову. Мне было понятно, что он гадает о причине, побуждающей меня заниматься таким делом. Я и сам сомневался в собственных мотивах, если не считать того, что грозящая детям

опасность и творимое юристами зло всегда самым тесным образом задевали меня. Как и желания королевы, к которой я ощущал более чем дружеские чувства. Впрочем, распространяться об этом было незачем. Откланиваясь, я ощутил новый прилив решимости, которую Барак иногда именует упрямством.

Через несколько часов я вновь шел по двору Бедлама. Его затянула какая-то теплая дымка, поглощавшая городской шум.

В то утро я решил побывать у Эллен. Мысль о том, что она не располагает даже официально положенной безумцу защитой, еще больше напрягала присущее мне чувство ответственности. Двое людей не могли не знать правду: попечитель Джордж Метвис и надзиратель Эдвин Шоумс. С Метвисом я встречался два года назад – во время расследования по делу моего заточенного в Бедлам клиента. Этот типичный придворный не скрывал того, что воспринимает занимаемую должность исключительно как источник дохода. Заставить его поделиться своими секретами могли только суммы, находящиеся за пределами моих возможностей. И надзиратель Шоумс был лишь оружием в его руках. Посему я решил, быть может, с излишней поспешностью, вновь повидаться с Эллен и еще раз попытаться что-либо выведать у нее.

Я постучал в дверь. Мне ответил один из младших надзирателей, крепкий, с отвисшей челюстью молодой человек по имени Пэлин. Он сонно кивнул мне.

– Я хочу повидать Эллен Феттиплейс, – сообщил я ему.

– Ага, – кивнул надзиратель, но тут его отодвинул в сторону Хоб, занявший место в дверях.

– Мастер Шардлейк, – проговорил он тоном, в котором приветствие мешалось с насмешкой. – Не ожидал увидеть вас так скоро!

– Не исключено, что меня в ближайшие дни ожидает дальняя дорога, и я хотел сообщить об этом Эллен, – объяснил я.

Смотритель шагнул в сторону, пропуская меня внутрь. Дверь кабинета оказалась открытой, и я увидел сидевшего за столом и что-то писавшего человека. Этот жирный мужчина средних лет, похоже, никогда не вылезал из черного, слегка запятнанного камзола. Заметив меня, он обратил ко мне невозмутимый каменный взгляд. Мы были с ним давними противниками.

– Пришли повидать Эллен, мастер Шардлейк? – рыкнул он низким тоном.

– Да, сэр.

– Похоже, что кто-то пытался вас придушить, – заметил толстяк. –

Должно быть, какой-нибудь несчастный клиент, обезумевший от судейских проволочек?

– Увы, всего лишь обыкновенные воры, как и все мошенники, любители чужих денег. Но спасибо за приветствие, мастер Шоумс. В Бедламе всегда рады гостям.

– Тем, кому приходится выполнять наши обязанности, работа эта радости не представляет. Так, Хоб? – Эдвин бросил острый взгляд на Гибонса.

– Точно так, сэр, – подтвердил смотритель.

– Она сейчас в гостиной, – вновь повернулся ко мне Шоумс. – И вы можете сказать ей, чтобы привела старого Эммануила – подписать расписку за свою одежду – или подписала ее сама. Скажите, чтобы принесла расписку ко мне вместе с моей чернильницей.

Эллен Феттиплейс занималась в гостиной тем самым, что умела лучше всего: ободряла одного из пациентов спокойным и ровным голосом. Собеседником ее был тот самый высокий и худощавый мужчина, которого я видел во время своего предыдущего посещения. Они сидели за широким, изрезанным столом, на котором между ними стояли чернильница и перо. Эллен изучала какую-то бумагу, а новый пациент со смущением взирал на нее, прижимая к груди жалкий сверток. Когда я вошел, оба повернулись ко мне. Лицо моей приятельницы сразу преобразила восторженная улыбка. А ее собеседник, наоборот, уронил свой сверток на стол, вскочил и замахал руками в мою сторону.

– Адвокат! – завопил он. – Они подослали ко мне адвоката, чтобы упечь в тюрьму Маршалси![23]

– Нет, Эммануэль, – проговорила Эллен, хватая его за плечо. – Это мой друг, мастер Шардлейк. Он пришел, чтобы повидаться со мной.

В словах ее звучала гордость.

– Я же выплатил все, что мог, сэр! – ломая пальцы, сообщил мне этот несчастный. Он отодвинулся от меня подальше, приходя во все большее волнение. – Дело мое погибло, у меня осталась только та одежда, что на мне и в этом свертке. Суд разрешил мне пользоваться ею, они послали ее…

Я поднял руку в умиротворяющем жесте:

– Сэр, я пришел сюда, чтобы поговорить с Эллен. О вас мне совершенно ничего не известно…

– Все вы обманываете меня. Даже король своим ненастоящим серебром. Я видел его. А все мое подлинное серебро забрали!

– Пэлин! – позвала Феттиплейс, так как Эммануэль вырвался из ее рук

и бросился к двери. Немедленно появившийся молодой человек крепко схватил беглеца.

– Пойдем-ка, дружище, – проворчал он. – Пойдем, полежим. Никто за тобой не гонится.

Он повел плачущего больного прочь, а я повернулся к Эллен. Она с ужасом смотрела на мою шею:

– Мэтью, что с тобой произошло?

– Попытка ограбления. Ничего страшного, – добавил я непринужденным тоном.

– Спасибо вам за посещение. Ведь с прошлого не прошло и четырех дней. – Женщина снова улыбнулась.

– Я хочу кое о чем расспросить тебя, – решил я сразу перейти к делу. – Однако Шоумс говорил, что ты должна подписать для него какую-то бумагу.

– Да, вот она, расписка за скудные пожитки мастера Эммануэля. Он не подписал ее, и потому это придется сделать мне.

Так моя подруга и поступила, выведя свое имя элегантным округлым почерком, подтверждавшим, что она получила кое-какое образование.

После того, как пациентка возвратила бумагу и перо в контору Шоумса, я последовал за ней по длинному коридору в ее комнату. На Эллен было то же самое голубое платье, что и в среду, и я заметил, что оно протерлось в нескольких местах. Мы миновали помещение, где жил жирный пожилой джентльмен, полагавший, что именно он и является королем. Дверь в его комнату была приоткрыта, и один из надзирателей менял покрывавший каменный пол тростник, прикрыв нос куском ткани, чтобы избавить себя от густой вони, которую распространяли старые подстилки, наваленные грудой в углу. Сам старик в бумажной короне сидел на комоде, укрываясь потрепанным покрывалом. Он с каменным выражением взирал перед собой, пренебрегая мимо идущими простыми смертными.

Мы вошли в комнату Эллен. Как обычно, она села на свою постель, а я остался стоять.

– Бедный мастер Эммануэль, – сказала она с печалью. – Еще в прошлом году он был процветающим джентльменом, торговцем зерном. Но после денежной реформы он принял платеж за крупную партию зерна новой монетой и понес огромные убытки. Он попытался скрыть этот факт за счет займа, но потерял свое дело. А с ним и разум.

Я посмотрел на нее:

– Ты ведь переживаешь за здешних больных, правда, Эллен?

– Кому-то приходится заботиться о тех, о ком больше позаботиться некому, – печально улыбнулась женщина.

– В данный момент я пытаюсь помочь одному молодому человеку, о котором также некому позаботиться, – рассказал я и, помедлив, добавил: – И для этого мне придется на некоторое время уехать из города.

Мисс Феттиплейс выпрямила спину, и на лице ее появилась тревога:

– Куда? И надолго?

– В Хэмпшир, получить показания. На неделю, быть может, или чуть больше.

– Так далеко? И я останусь одна… – В голосе больной проступило волнение.

– Я получил дело в Сиротском суде. Его представителям нередко приходится ездить туда, где живет подопечный.

– Я слышала, что этот суд – недоброе место.

После некоторых колебаний я глубоко вздохнул и негромко произнес:

– Там же хранятся и заключения о признании сумасшедшим. Мне пришлось посетить его во вторник. По поводу моего теперешнего дела. И я также… также спросил у клерка, находится ли там твое дело.

Впервые с момента нашего знакомства Эллен посмотрела на меня с гневом в глазах. Лицо ее переменилось, сделалось каким-то плоским и жестким.

– Как вы могли это сделать? – спросила она. – У вас нет никакого права лезть в мои бумаги! Нет права просматривать их.

Она отодвинулась от меня, стиснув в кулаки лежавшие на коленях ладони.

– Эллен, я просто хотел убедиться в том, что о тебе сделана соответствующая запись.

– Ложь! – Дышавший гневом голос женщины возвысился. – И вы посмеялись? Повеселились над тем, что читали?

– Эллен! – Я тоже повысил голос. – Читать было нечего! Там нет никакого заключения по твоему поводу.

– Что? – переспросила моя собеседница внезапно тихим голосом.

– Ты не зарегистрирована в качестве сумасшедшей.

– Но мои бумаги должны находиться там.

Я покачал головой:

– Их там нет. Тебя не должны были отправить сюда.

– И вы расскажете про это Шоумсу? – проговорила она едва слышно, с испугом. Все ее долгое доверие ко мне испарилось. Я умиротворяющее поднял руку:

– Конечно, нет. Однако, Эллен, они должны это знать. Мне хотелось бы защитить тебя, помочь тебе. Но чтобы сделать это, я должен узнать, каким образом ты попала сюда, что произошло. Пожалуйста, расскажи мне!

Не отвечая, пациентка смотрела на меня с жутким страхом и недоверием. И тут я произнес слова, показавшие, как мало я тогда понимал ее:

– Эллен, дорога до Портсмута проходит возле границы с Сассексом, неподалеку от городка Рольфсвуд, откуда ты, как мне известно, родом. Не найдется ли там кого-нибудь, кто мог бы помочь тебе и к кому я мог бы заехать?

При упоминании Рольфсвуда грудь Феттиплейс заходила ходуном, словно ей было трудно дышать. А потом она даже не закричала, а страшно завопила хриплым голосом:

– Нет! Нет!!!

Лицо ее побагровело.

– Они были такими сильными! – выкрикнула она затем. – Я не могла пошевелиться! А небо вверху было таким широким… таким широким, что могло проглотить меня!

Последние ее слова наполнял чистейший ужас.

– Эллен… – Я шагнул к женщине, но она отшатнулась, прижимаясь к стене:

– Он горел! Бедняга, он был целиком охвачен пламенем…

– Что?

Глаза ее остекленели, и я понял, что она не видит ни меня, ни комнаты, что взгляд ее обращен к чему-то ужасному, оставшемуся в прошлом.

– Я видела, как расплавилась, почернела и лопнула его кожа! – провыла она. – Он попытался подняться, но упал!

Дверь со стуком отлетела в сторону. Ворвавшийся Шоумс бросил на меня яростный взгляд. Следом за ним теснились Пэлин и Хоб Гибонс. В руке Пэлина находился моток веревки.

– Гвозди господни! – выкрикнул Эдвин. – Какая чертовщина здесь происходит?!

Посмотрев на них, Эллен сразу притихла, припав к стене, словно бедная мышь, загнанная котом в угол. Шоумс вцепился в мою руку мясистыми пальцами и потащил меня прочь.

– Все в порядке, – проговорил я. – Она всего лишь испугана…

И тут, когда было уже слишком, слишком поздно, я протянул Феттиплейс руку. Однако она, не замечая меня, кинулась прочь от Хоба и Пэлина. Бросив на меня через плечо яростный взгляд, Гибонс покачал

головой. Шоумс снова дернул меня за руку, толкая в сторону двери. Я упирался, и, пригнувшись ко мне, он произнес с тихой яростью:

– Послушайте-ка меня, мастер-горбун! Здесь командую я. И вы сейчас выходите из этой комнаты, или я прикажу Хобу с Пэлином выставить вас отсюда без всяких церемоний. Неужели вы хотите, чтобы Феттиплейс увидела это?

Сделать я ничего не мог, и потому позволил ему вывести меня из комнаты, оставив надзирателей стоять напротив Эллен, как если бы она была опасным животным, а не отчаявшейся и беспомощной женщиной. Затем Эдвин захлопнул за собой дверь, задвинул небольшое квадратное наблюдательное окошко и повернулся ко мне лицом. Он тяжело дышал.

– Что у вас произошло здесь, адвокат? – потребовал он ответа. – Мы услышали ее крики с противоположного конца дома. Крики этой женщины… обыкновенно самой спокойной и рассудительной среди всех наших подопечных. Что вы сказали или, быть может, сделали с ней?

Взгляд его превратился в злобную усмешку.

– Ничего. Я только сказал ей, что ненадолго уезжаю. – Ради Эллен я не мог вдаваться в подробности.

– Ну, положим, это самая лучшая новость с тех пор, как голову Кромвеля насадили на пику. – Глаза Шоумса сузились. – И это все? Я слышал, как она кричала о горящих людях, о небе, готовом поглотить ее.

– Она начала кричать, когда я сказал ей о том, что уезжаю, и я ровным счетом ничего не понял.

– Когда они приходят в возбуждение, то начинают кричать самую безумную ерунду. – Эдвин вновь едко усмехнулся. – Значит, не нравится ей ваше отсутствие, так?

За дверью раздались мужские голоса. Что-то с грохотом подвинули.

– Что с ней делают? – забеспокоился я.

– Связывают. Так происходит со всеми, кто начинает скандалить. Радуйтесь, что дело не дошло до цепей.

– Но она ведь больна…

– А тех, кто болен, и положено ограничивать. Чтобы они учились правильно вести себя. – Смотритель склонился ко мне. – Вина за этот припадок лежит на вас, мастер Шардлейк, все из-за ваших частых визитов. Думаю, что в следующий раз вы явитесь к нам не скоро. И если вы уедете, она, быть может, поймет, что вы не намереваетесь строить свою жизнь возле нее, и это может пойти ей во благо. Мы здесь присмотрим за ней, постараемся, чтобы она не натворила глупостей.

– Наверное, вам было бы проще, если бы она умерла, – проговорил я

негромко.

Покачав головой, мой собеседник серьезно посмотрел на меня:

– Ошибаетесь, мастер Шардлейк. Мы сохраняем ее в безопасности уже девятнадцать лет и будем оберегать и дальше.

– Оберегать от кого?

– От себя самой. – Эдвин снова наклонился и неторопливо проговорил, подчеркивая каждое слово. – Единственную опасность для Эллен Феттиплейс представляют волнующие ее люди. Для всех будет лучше, если она будет жить здесь довольная собой, как корова на выпасе. Ступайте и занимайтесь своими делами. А когда вернетесь, тогда и посмотрим, что к чему.

– Позвольте мне заглянуть в комнату, прежде чем я уйду. Хочу посмотреть, все ли с ней в порядке, – попросил я.

Поколебавшись немного, Шоумс постучал в дверь комнаты Эллен. Открыл Гибонс. Пэлин стоял возле постели моей приятельницы. Ее руки и ноги были связаны. Она смотрела на меня уже не пустыми, но полными гнева глазами.

– Эллен, – проговорил я. – Прости меня…

Женщина не ответила, а только сильнее стиснула связанные руки. Шоумс закрыл дверь.

– Ну вот, – проговорил он, – полюбовались на дело рук своих?

Глава 10

Я вновь одолевал лестницу, ведущую в Опекунский суд. Рядом со мной поднимался Барак, державший перевязанные красной лентой бумаги по делу Кертисов. Мы прошли под резным девизом: «Pupillis Orphanis et Viduis Auditor».

Стояло прекрасное теплое утро. Пешком я добрался до Вестминстера, где мы с Джеком договорились встретиться возле здания суда, за полчаса до начала слушания, и обнаружил своего помощника стоящим рядом со стеной с таким встревоженным выражением на лице, которого я еще не видал.

– Вчера вечером снова приходил Гудрик, – проговорил он без всякого вступления.

– Матерь божия, он ненормальный!

– Тамми открыла дверь и сказала, что меня нет дома. Он приказал мне в течение двух дней явиться для принятия присяги. Если я не приду, меня сочтут дезертиром.

– Тебе пора убираться из Лондона, – строгим тоном заявил я. – Неважно куда.

– Даже если я и уеду, Гудрик не оставит этого дела в покое. В наши дни за дезертирство можно попасть на виселицу.

Прежде чем я успел ответить, к моему локтю кто-то прикоснулся. Это была Бесс Кафхилл, вновь облачившаяся в черное платье. Она явно волновалась.

– Я не опоздала? – спросила старая служанка. – Я уж боялась, что заблужусь среди этих домов и переулков…

– Нет, мистрис Кафхилл. Пойдемте, нам уже пора. А о твоих делах, Джек, мы переговорим после слушания, – сказал я.

Мы поднялись по лестнице и прошли под гербом. Я с облегчением увидел преподобного Бротона, сидевшего на скамье в своей сутане, невозмутимого и решительного. Находившийся чуть дальше Винсент Дирик, увидев меня, чуть качнул головой, словно удивляясь неразумности всей ситуации. Расположившийся возле него молодой Сэмюэль Фиверйир перекладывал бумаги в большой папке.

– Доброе утро, – поздоровался я с ними, возможно, не самым приветливым образом, так как почти всю ночь волновался из-за Барака и Эллен.

Бесс встревоженно посмотрела на Дирика.

– Где будет происходить слушание, сэр? – осторожно спросила она. Мой оппонент кивнул на дверь суда:

– Вон там, мадам. Но не беспокойтесь, – добавил он с пренебрежением, – долго мы там не задержимся.

– Вот что, брат Дирик, – проговорил я с укором. – Как защитник, вы не имеете права разговаривать с подателем иска.

Мой коллега фыркнул:

– Вы хотите сказать: с личным представителем скончавшегося подателя иска.

Барак тем временем подошел к Фиверйиру:

– Ну и груду бумаг ты понаписал!

– Поболее твоей будет, – согласился клерк тоном праведного возмущения, обратив взгляд к узенькой стопке бумаг, принесенной моим помощником.

– Ну, моей-то всегда хватает для нужной работы. Так моя жена говорит, кстати, – отпарировал Джек.

Заметно смутившийся Фиверйир указал тонким пальцем на принесенные им документы:

– Они перевязаны красной лентой. А в суде по делам опеки используется черная.

Он кивнул в сторону черной повязки, которой были перехвачены его собственные бумаги.

Дирик оживился.

– Бумаги подателя иска перевязаны лентой не того цвета? – Он посмотрел на меня. – Мне приходилось слышать о делах, которые отказывались принимать к рассмотрению в Опекунском суде за меньшие ошибки.

– Значит, вы должны сообщить об этом мастеру, – ответил я, внутренне обругав себя за допущенную в спешке оплошность.

– Это я и сделаю. – Винсент расплылся в хищной улыбке.

Дверь суда отворилась, и в ней появился одетый в черное пристав, которого я видел в конторе Миллинга.

– Прошу войти лиц, заинтересованных делом об опеке Хью Кертиса, – нараспев проговорил он. Я услышал, как поперхнулась Бесс. Поднявшийся с места Дирик, шелестя облачением, направился к двери.

Зал суда оказался самым маленьким из всех, в которых мне приходилось присутствовать. Простые, ничем не украшенные стены едва

освещали узкие арочные окна, расположенные в высоком алькове. Сэр Вильям Паулит, мастер суда по делам опеки, восседал во главе застеленного зеленой тканью длинного стола. На деревянной перегородке за его спиной красовался королевский герб. Возле него, опустив голову, сидел Гервасий Миллинг. Пристав указал мне и Дирику места за столом лицом к мастеру. Барак и Фиверйир разместились возле нас. Бесс Кафхилл и преподобного Бротона усадили на сиденья, отделенные от суда невысокой деревянной преградой.

Паулит был облачен в красную судейскую мантию, а шею его украшала золотая цепь, знак полномочий. Он перевалил на седьмой десяток, и его почтенное морщинистое лицо окружала короткая седая борода, подчеркивавшая узкие губы. Большие синие глаза сэра Вильяма светились умом и властью, однако чувства в них не было. Мне было известно, что он председательствовал в этом суде уже пять лет, с самого его основания. До этого он был судьей на процессе над сэром Томасом Мором, а за девять лет до того командовал королевскими войсками, направленными против северных мятежников.

Он начал с едва заметной, обращенной ко мне улыбки:

– Сержант Шардлейк, с мастером Дириком я знаком, но вы впервые посещаете мой суд.

– Да, мастер, – ответил я.

Судья измерил меня взглядом, уже хмурясь. Я понял, что его смущает вмешательство королевы. Коротко кивнув в сторону разложенных перед ним бумаг, он произнес:

– Я вижу странные утверждения. Прошу изложить дело.

Винсент привстал на своем месте:

– Если позволительно обратиться к тонкостям процедуры, мастер, бумаги персонального представителя истца представлены в неправильном виде. Лента должна быть черной…

– Не надо говорить глупостей, брат Дирик, – невозмутимо ответил Паулит. – Садитесь.

Мой противник покраснел, но остался стоять:

– Кроме того, документы в том виде, в каком они есть, были представлены позже срока…

– Садитесь же, – повторил председатель суда.

Дирик, хмурясь, опустился на место. Он-то надеялся хотя бы на укоризненное слово в мой адрес со стороны судьи!

Паулит, тем временем, повернулся ко мне:

– Итак, сержант Шардлейк?

Я сделал все, что мог, располагая столь слабыми свидетельствами. Заскрипели перья: Барак, Фиверйир и Миллинг начали записывать. Я рассказал о долгой дружбе Майкла с детьми Кертисов, его добром нраве и репутации хорошего учителя и о серьезной тревоге за Хью после недавнего визита в Хэмпшир. Отметил, что, по мнению матери Майкла, поданный им иск заслуживает срочного расследования.

Когда я договорил, Паулит повернулся к Бесс и с полминуты изучал ее внимательным взглядом. Покраснев, она неловко переминалась на своем месте, но не отводила глаз. Бротон опустил свою ладонь на ее руку, заслужив тем самым неодобрительный взгляд мастера. Наконец судья повернулся ко мне.

– Итак, весь иск основывается на показаниях матери, – проговорил он.

– Именно так, сэр Вильям.

– Смерть истца достаточно странна. Самоубийство… должно быть, он повредился в уме.

Бесс коротко всхлипнула, что Паулит оставил без внимания.

Я продолжил:

– Мастер, событие, лишившее разума этого доброго и достойного человека, должно и в самом деле оказаться серьезным.

– Может оказаться серьезным, мастер Шардлейк. Может. – Председатель суда повернулся к Дирику: – Теперь заслушаем представителя мастера Хоббея, каковой, как я вижу, отсутствует.

Винсент поднялся:

– Мой клиент занят выполнением контрактов на поставку леса находящимся в Портсмуте флоту и армии… Дело его имеет общенациональное значение. – Он многозначительно посмотрел на меня и добавил: – Из собственных лесов, должен добавить.

Паулит на мгновение задумался:

– Насколько я понимаю, перспектива брака подопечного не рассматривается.

– Никак нет. Мастер Хоббей не хочет женить своего подопечного до тех пор, пока тот не найдет себе милую по сердцу, – повысил голос Дирик. – Как нам известно, человека, подавшего столь необычайный иск, более нет в живых. Свидетельство его матери представляет собой простые сплетни. А показания преподобного Бротона связаны лишь с предоставлением опеки, состоявшимся много лет назад.

Тут в голосе его появилась укоризненная нотка:

– Эта опека была предоставлена посредством должной и надлежащей процедуры, установленной в Канцелярии по делам опеки,

предшествовавшей сему достопочтенному суду.

Вильям кивнул и посмотрел на викария:

– Именно так. Не вижу особой добродетели, сэр, в том, чтобы оспаривать опеку по прошествии стольких лет.

Бротон встал:

– Я говорил истинную правду, свидетелем в том мне сам Господь.

– Не стоит препираться со мной, или я отправлю вас во Флит за неуважение к суду. – Паулит не стал возвышать свой спокойный голос, но сказанные им слова резанули как острый нож. Застыв на мгновение в нерешительности, священник опустился на место. Снова повернувшись к Дирику, судья вздохнул:

– Обвинения Майкла Кафхилла при всей их неопределенности все-таки заслуживают некоторого расследования. Хотите ли вы допросить свидетелей?

Защитник посмотрел на Бесс. Она ответила ему смелым взглядом, гордо задрав подбородок. После недолгих колебаний Дирик проговорил:

– Нет, мастер.

Я внутренне улыбнулся. Мой оппонент понял, что, расспрашивая пожилую даму по поводу ее показаний, он сможет добиться только доказательств ее полной искренности. Мгновение это позволило мне осознать, что я победил, хотя бы на первом этапе нашей баталии… А недовольное лицо Дирика дало мне возможность заметить, что и он понимает это. Однако я не стал приписывать этот успех себе, поскольку трудно было усомниться в том, что, если бы не давление, оказанное на него королевой, Паулит в считаные мгновения выставил бы нас за дверь своего странного удела.

– Полагаю, – произнес сэр Вильям, – что суду надлежит получить показания всех лиц, в настоящее время связанных с благосостоянием Хью Кертиса. – Он посмотрел на меня. – Кого вы предложите, сержант Шардлейк?

– Самого Хью Кертиса, конечно. Мастера Хоббея, его жену, возможно, их сына, управляющего. И нынешнего учителя… – перечислил я.

– Такового не существует, – заявил вскочивший с места Винсент, и лицо его побагровело от сдерживаемого гнева. – А Дэвид Хоббей пока еще является несовершеннолетним.

– Кого-нибудь еще, мастер Шардлейк? – уточнил судья.

– Добавлю, что необходимо взять показания у местного феодария… чтобы он представил счета, связанные с поместьем Хью Кертиса.

Паулит задумался:

– Феодарием Хэмпшира является сэр Квинтин Приддис.

Я позволил себе легкую лесть:

– Столь обширные познания делают вам честь, мастер.

На тонких губах председателя суда вновь появилась улыбка:

– Не совсем так. Я тоже из Хэмпшира. И через несколько дней намереваюсь отправиться в Портсмут в качестве губернатора, чтобы навести там порядок среди солдат и матросов. – Он задумался и через некоторое время заговорил снова: – Показания сэра Квинтина… да, я согласен на это. Но в отношении счетов… не думаю. Это может быть истолковано как сомнение в честности сэра Квинтина.

Паулит обратил ко мне свои большие пустые глаза на невозмутимом лице, и я понял, что добился не всего, чего хотел. Если поместье Хью приносило доход, что подтверждалось тем, что Хоббей производил там вырубку леса, без местного феодария это обойтись не могло. Не представляя счетов, он мог говорить все, что угодно, и способа проверить его честность не существовало.

– А теперь, – со светской обходительностью продолжил Вильям, – встает вопрос о том, кто снимет эти показания.

Он посмотрел на Дирика, лицо которого казалось теперь столь же красным, как и его шевелюра:

– Как насчет сержанта Шардлейка?

– При всем уважении, – ответил мой противник, – здесь необходима нейтральная персона…

Паулит откинулся на спинку своего высокого кресла:

– У меня есть лучшее предложение. Вы можете отправиться вместе с сержантом Шардлейком.

Я прекрасно понимал, что делает судья. Он намеревался продолжить расследование, но при этом затруднить мои действия, приставив ко мне Дирика и лишив меня доступа к счетам. Винсент не мог не понимать этого, однако радости на его лице не было.

– Мастер, – проговорил он, – подобная перспектива связана для меня с рядом трудностей. Семейные узы…

– Они не имеют значения по сравнению с теми узами, которые связывают вас с судом, брат. Мастер Шардлейк, имеете ли вы какие-нибудь возражения против моего предложения?

Тут меня осенила идея. Я посмотрел на Барака, ответившего мне вопросительным взглядом.

– Сэр Вильям, – проговорил я, – если мне надлежит отправиться в путь вместе с братом Дириком, то нельзя ли попросить, чтобы в пути нам

помогали наши клерки?

Паулит наклонил голову:

– Вполне разумное условие.

– Наверно, их стоит назвать поименно. Просто для того, чтобы обеспечить в расследовании честность и равенство юридических ресурсов.

Судья повернулся к защитнику:

– Имеете какие-либо возражения?

Тот задумался. Сэр Вильям принялся барабанить пальцами по столу. Наконец Дирик кивнул:

– У меня нет никаких возражений, раз того хочет сержант Шардлейк.

Посмотрев на Джека, я подмигнул ему. Если суд своим решением отправлял его в Хэмпшир, армия теряла свою власть над ним.

– Назовите имена клерков, – велел председатель суда.

– Барак и Фиверйир, мастер.

– Запиши эти имена, Миллинг.

К собственному удивлению, я заметил, что помощник Винсента улыбается.

Паулит откинулся назад:

– А теперь я назначу следующее слушание, скажем, ровно через четыре недели после сего дня, дабы завершить это дело. Возможно, к этому времени я и сам успею вернуться, ведь тогда мы уже прогоним французов, так ведь, а?

Гервасий рассмеялся шутке, и голова его заходила ходуном над пером. Сэр Вильям отреагировал холодной, как зима, улыбкой:

– В противном случае слушание проведет мой заместитель.

Мой оппонент снова поднялся:

– Мастер, если нам с сержантом Шардлейком придется ехать вдвоем, издержки окажутся высоки. Я должен просить полного возмещения затрат мастера Хоббея в том случае, если, а точнее, когда эти обвинения окажутся беспочвенными.

– Если они окажутся беспочвенными, то расходы будут возмещены, мастер Дирик, я позабочусь об этом. – Судья повернулся к Бесс: – Обладаете ли вы соответствующими средствами, мадам, чтобы оплатить достаточно внушительные расходы?

Мистрис Кафхилл поднялась со своего места:

– Я готова оплатить их, сэр.

Паулит смерил ее долгим и жестким взглядом. Он вполне мог понимать, что деньги будут предоставлены королевой. Я надеялся, что Уорнер сумеет провести разумный платеж через казну ее величества.

Председатель повернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Хорошо бы, сержант Шардлейк, чтобы это утверждение не оказалось пустословным, – невозмутимо проговорил он, – иначе вас ожидает дурная слава в зале этого суда.

Затем он вновь повернулся к Миллингу:

– Пишите приказ.

Кивнув, клерк взял чистый листок бумаги и начал писать. До сих пор он ни разу не поглядел ни на одного из нас. Я подумал, не передавал ли он Винсенту информацию о моем участии в процессе и не мог ли тот натравить на меня парней с угла. Противник мой приводил свои бумаги в порядок резкими, выдававшими раздражение движениями.

Паулит заговорил снова:

– Мастер Дирик, мне хотелось бы сказать вам пару слов.

Он поднялся, и все присутствующие торопливо последовали его примеру. Вильям кивнул, отпуская нас. Защитник с отвращением посмотрел на меня и вышел следом за судьей.

Мы возвратились в вестибюль. Как только дверь закрылась, Бротон схватил меня за руку:

– Свет милосердия Господня просиял в этом суде! Увидев этого сурового судью, я подумал, что мы проиграли, однако вышло наоборот.

– Пока что мы добились только права продолжить расследование, – напомнил ему я.

– Но вы ведь найдете истину, я знаю это! Люди, которые гоняются за опеками. Люди без совести, льстящие себе накоплением новых и новых богатств, новых и новых почестей, забывая о Боге…

– Воистину так, – отозвался я, гадая о причине, заставившей Паулита отозвать Дирика в сторону. Тем временем ко мне подошла заметно побледневшая Бесс.

– Можно мне сесть? – спросила она.

– Конечно. Садитесь.

Я усадил ее на скамью.

– Итак, Майкл добился исполнения своего желания, – сказала она негромко. – Расследование состоится.

– Не сомневайтесь, я с пристрастием допрошу всех в Хэмпшире. – Я посмотрел на Барака, с задумчивой миной прислонившегося к стене. Стоявший возле него Фиверйир откинул со лба прядь жидких волос. Перспектива путешествия по-прежнему радовала его.

Мистрис Кафхилл тяжело вздохнула:

– Спасибо за все, что вы сделали, сэр.

Она посмотрела на меня. А потом протянула руки к затылку и что-то расстегнула. Открыв ладонь, женщина показала мне небольшое, прекрасной работы золотое распятие, после чего положила его на скамью между нами. Я посмотрел на фигуру Спасителя, изображенную во всех подробностях. Виден был даже крошечный терновый венец.

Бесс продолжила:

– Этот крест обнаружили на теле Майкла после его смерти. Он принадлежал прежде Эмме, а девочке подарила его ее бабушка, и она носила его в память о той старой женщине. После смерти Эммы и своего увольнения мой сын попросил у мистрис Хоббей какую-нибудь памятку о своей воспитаннице. Она дала ему этот крест… нетерпеливым движением, как сказал мой сын. Он никогда не снимал его. Не передадите ли вы его мальчику, Хью? Я не сомневаюсь в том, что в нынешней ситуации Майкл предпочел бы, чтобы этой вещицей владел именно он.

– Конечно, передам, – согласился я, вставая и забирая у нее крест.

– Молю, чтобы вы вырвали бедного ребенка из лап этого злодейского семейства! – вздохнула моя клиентка. – А знаете, за несколько недель до смерти мой сын вновь занялся стрельбой из лука. Думаю, что если бы он остался в живых, то поступил бы в ополчение.

– А вы не слышали, чтобы он опасался призыва? – спросил я.

Кафхилл нахмурилась:

– Нет, сэр, он хотел сыграть роль в отражении французов. Он был смелым и честным мужчиной.

Преподобный Бротон прикоснулся к ее руке:

– Пойдемте, добрая женщина, я хочу поскорее уйти из этого места. Не разрешите ли проводить вас домой?

Бесс позволила священнику увести ее. В дверном проеме она на мгновение обернулась, улыбнулась нам с Бараком и ушла.

Дверь суда отворилась, и Дирик направился в мою сторону. Он находился в состоянии холодного гнева:

– Итак, мастер Шардлейк, похоже, что нам предстоит поездка в Хэмпшир.

– Предстоит, – согласился я.

– И вы готовы к подобному путешествию? – спросил мой противник с тенью насмешки в голосе.

– Один раз мне уже приходилось ездить по делу в Йорк.

– Я надеялся провести ближайшие недели с женой и детьми. У меня

две дочки и мальчик, и во время сезона судоговорения я почти их не вижу. А теперь мне придется сказать им, что я должен на все это время застрять в Хэмпшире!

– Долгого отсутствия не предвидится. Три-четыре дня туда, три-четыре обратно, если поторопиться, и несколько дней там.

– Как мне кажется, сэр, семьи у вас нет? Вам легче. – Склонившись ко мне, Винсент негромко пробурчал, буравя меня свирепыми глазами: – Мне известно, почему сэр Вильям это сделал. В обычных обстоятельствах он без малейшей задержки вышвырнул бы пришедших со столь необоснованным обвинением.

– Быть может, он хочет добиться совершения правосудия?

– Сейчас он рассказал мне о том, что мистрис Кафхилл много лет была служанкой у леди Латимер, каковой тогда являлась королева.

– Даже слуга королевы может рассчитывать на правосудие, сэр.

– Это не правосудие. Это назойливое гонение.

– В Хэмпшире всякий сможет честно высказать свое мнение.

– Сэр Вильям сказал мне, что, если королева вправе настаивать на расследовании, на исход его она повлиять не в состоянии. Помощь, которую она оказывает вам, оканчивается на этом месте. – Голос защитника проскрежетал, словно напильник.

Встретив гневный взгляд Дирика, я пожал плечами:

– Нам следует обсудить практическую сторону нашего путешествия.

– Я намереваюсь выехать как можно раньше. Скорее выедем, скорее вернемся. К тому же, нам потребуется больше трех-четырех дней, чтобы добраться туда. Дороги после дождей раскисли, и, к тому же, их разбили направляющиеся на юг солдаты и повозки с припасами.

Заметив на себе взгляд Барака, я кивнул:

– Хорошо. Послезавтра вас устроит?

Винсент явно удивился столь быстрому согласию. Я же продолжил:

– Предлагаю доплыть на лодке до Кингстона – так явно будет быстрее всего, – а там нанять крепких верховых лошадей, чтобы не затягивать путешествие.

– Очень хорошо. Я сегодня же отошлю Фиверйира, чтобы он нашел коней. – Дирик повернулся к своему клерку: – Ты сумеешь это сделать?

– Да, сэр.

– Разумное предложение, – заметил я. – Однако коней сейчас будет трудно найти. На них в наше время большой спрос.

– Тогда мы должны будем заплатить за них больше обыкновенной цены.

Я застыл в нерешительности. Если нам не удастся ничего обнаружить, все расходы лягут на плечи Бесс. Или, точнее, на плечи королевы. Однако мой конь Генезис привык к непродолжительным поездкам, а нам предстояла весьма долгая и длинная. Четыре года назад я ездил на своем скакуне в Йорк, но то путешествие проходило неторопливо, да и животное было тогда моложе. Поэтому я кивнул в знак согласия.

– Возьмете ли вы с собой, кроме клерка, слугу? – спросил мой противник.

– Возможно. – Я подумал об обещанном мне Уорнером человеке.

– А я не стану этого делать, – заявил Винсент. – Фиверйир будет доставать все необходимое и нести мои вещи. Нам придется путешествовать, по возможности, налегке. И я должен послать письмо с гонцом мастеру Хоббею, чтобы, по крайней мере, заранее предупредить его об этой чуши. Предлагаю встретиться в среду, в Кингстоне. Желательно пораньше – я пришлю вам записку.

– Итак, в практическом отношении мы договорились, – сказал я, чтобы поднять себе настроение. В конце концов, мне придется провести в обществе Дирика больше недели.

Он же вновь склонился поближе ко мне:

– И будьте уверены: вам ничего не удастся найти. А когда мы через месяц предстанем перед судом, я заставлю вас пожалеть обо всей этой глупости. Естественно, если к нам не придут французы и мы не застрянем в зоне военных действий.

Глубоко вздохнув, он посмотрел на меня и прибавил:

– Впрочем, настаивайте на своем. Ступайте следом за своей клиенткой и посоветуйте ей ждать неизбежного разорения. Если я только не найду доказательство того, что все дело сфабриковано королевой, в каковом случае мистрис Кафхилл может и вовсе оказаться в тюрьме.

Я выдержал его взгляд. Понятно было, что защитник блефует, что он никогда не посмеет вовлечь королеву в подобную историю. Наделив меня напоследок полным злобы взглядом, он повернулся к Сэмюелю:

– Ладно, пошли.

Мы с Бараком остались в вестибюле.

– Пойдем-ка и мы, – предложил я. – Нам есть о чем поговорить.

Глава 11

Я повел помощника в таверну.

– Это ты хорошо придумал, – проговорил он, – занести мое имя в приказ. Но перевесит ли он настойчивость Гудрика?

Его рука, державшая кружку пива, чуть подрагивала.

– Да. Это судебное распоряжение предписывает тебе лично сопровождать меня, – объяснил я ему. – Сэр Вильям Паулит обладает большей властью, чем какой-то свистун. Сходи сегодня еще раз в опеку, забери подписанное предписание и отнеси его Карверу в магистрат. Чтобы тот показал его Гудрику. А послезавтра нас здесь не будет.

– Гудрик узнает, что это – дело твоих рук.

– Он не сумеет ничего с этим поделать. Сам Паулит уезжает в Портсмут, а клеркам в Сиротском суде это дело не интересно. – Я с горечью улыбнулся. – Заработать на нем нельзя.

– Эта идея осенила себя прямо в суде?

– Да. И слава богу, что Дирик не стал возражать! – Я со всей серьезностью посмотрел на Джека. – Знаешь, я не хотел срывать тебя с места, однако другого способа обеспечить твою безопасность у меня нет. Надо будет сказать Уорнеру, что клерк мне больше не нужен, а вот присутствие крепкого слуги и телохранителя не помешает.

Барак тоже взглянул на меня:

– Тамасин ничего не знает о том, что на тебя нападали… об этом предупреждении со стороны подмастерьев.

– Тогда и не говори ей. Собственная безопасность заботит меня куда меньше, чем прежде. Дирик знает, что я пользуюсь покровительством королевы, и, вне сомнения, напишет об этом Хоббею в своем письме. Если опасность исходила от них, на новое нападение они не решатся. Впрочем, я все больше сомневаюсь, что именно они натравили на меня этих мальчишек. Дирик, конечно, не подарок, однако я сомневаюсь, что он решится пойти на нечто, способное доставить ему неприятности в зале суда.

– Внешность его мне совершенно не понравилась. Что ты о нем знаешь?

– Я порасспрашивал кое-кого из Линкольнс-инн. Он из Лондона, отец его был каким-то клерком. Хорошо сдал экзамены и решил специализироваться на земельных тяжбах и Сиротском суде. Странный

человек… Выглядит так, словно, кроме нападения, других способов жизни не существует. Тем не менее, судя по его собственным словам, будет тосковать по жене и детям.

– Но кто, если не он, мог подучить этих мальчишек? И потом, самоубийство Майкла по-прежнему кажется мне подозрительным.

Я задумался на мгновение:

– Для сомнений в том, что он покончил с собой, нет никаких свидетельств. Мы имеем только пустую комнату.

– Надо думать, что, если бы эти парни действительно хотели, чтобы ты не путался под ногами, они могли бы убить тебя или покалечить.

– Да. – Я взглянул на своего помощника. – Когда мы поедем на юг, тебе не стоит искать неприятностей на свою голову. Этот человек, которого обещал мне Уорнер, вполне может проводить меня в тот город, где жила раньше Эллен.

– Тебя по-прежнему это интересует?

– Ну да.

Джек приподнял бровь и негромко сказал:

– Последнее слово должно принадлежать Тамасин. Ты зайдешь ко мне домой?

Через полчаса мы уже были в доме Барака, в маленькой гостиной. Хозяйка сидела напротив нас. За окном, над цветами в ее ухоженном цветочном саду жужжали пчелы.

– Тебе решать, Тамми, – проговорил мой помощник.

Его жена глубоко вздохнула:

– Ох, Джек, а ведь тебе всего только и нужно было поговорить с этим человеком вежливо…

– Тамми, я сожалею о своей несдержанности куда сильнее, чем умею сказать.

– При удаче, – проговорил я, – мы можем вернуться назад меньше чем за две недели. Как раз к родам.

Мистрис Барак посмотрела на своего мужа:

– Что ж, во всяком случае, я буду избавлена от твоей суеты.

Голос Тамасин прозвучал непринужденно, однако я видел, что она глотает слезы. Кроме того, я понимал, насколько супруги боятся того, что и этот ребенок снова родится мертвым, и как нуждаются они сейчас друг в друге. Однако лучшего плана у меня не было. Подойдя поближе, Джек взял женщину за руку.

– В нынешние времена путешествие окажется сложным, – заметила

она.

– Нам случалось совершать и более дальние и трудные поездки, – возразил Барак. – В Йорк, где я встретил тебя.

– Постарайся лучше никого не встретить в Хэмпшире, – отозвалась Тамасин с насмешливой угрозой, и я понял, что она посчитала мой план наилучшим выходом из ситуации.

– Не встречу, – пообещал Джек.

Его супруга повернулась ко мне:

– Но что, если вторжение французов начнется как раз тогда, когда вы еще будете там?

– Хойленд, куда мы едем, располагается в нескольких милях от моря. Однако мне в голову пришла еще одна мысль. Должно быть, сейчас между Лондоном и войсками на берегу курсирует уйма королевских почтальонов. Обученных своему делу, располагающих подставными лошадьми и обладающих правом первоочередного проезда на дороге. Не сомневаюсь в том, что мне удастся уговорить мастера Уорнера разрешить вам посылать и получать письма с их помощью. По крайней мере, вы сможете извещать друг друга о новостях. Кроме того, я хочу, чтобы вы поддерживали связь с Уорнером. – Я улыбнулся. – Мне совершенно не повредит пара-другая писем с печатью двора королевы.

– А как насчет твоего собственного дома? – спросила Тамасин. – И этого кабана дворецкого?

– Мне придется попросить Гая распоряжаться в доме. Я не хотел беспокоить его, но теперь не вижу альтернативы. Кроме того, я хочу, чтобы он приглядел за кое-кем еще.

– За Эллен? – уточнил Барак.

– Да.

– Эта женщина, – промолвила его жена, – приносит тебе только все новые и новые хлопоты. – Я не ответил, и она снова посмотрела на Джека: – Другого способа избавить тебя от армии не существует, так ведь?

Тот кивнул:

– Должно быть, так. Мне очень жаль.

Тамасин вновь посмотрела на меня:

– Возвращайтесь домой как можно скорее. – Она крепко сжала руку мужа. – И береги его.

– А ты береги моего сына, – ответил Барак. – Моего Джона.

Молодая женщина печально улыбнулась:

– Мою Джоанну.

На следующее утро я снова посетил Бедлам. Я помнил, что смотритель Шоумс обычно долго обедает в соседней таверне и едва ли окажется на месте. Открыл мне Хоб Гибонс, отнюдь не обрадовавшийся моему визиту:

– Гвозди господни! Начальник же велел вам держаться подальше от этого места! Если он застанет вас…

– Он не выйдет из таверны еще час.

– Вы не сможете повидать Эллен. Он приказал держать ее связанной до вечера. Никаких гостей.

– Хоб, я хотел увидеть именно вас. Вот что, впустите меня. Со двора за разговором нас увидит всякий. Все в порядке, я пришел сюда не ради информации.

– Хотелось бы мне никогда в жизни не видеть вашей согбенной спины, – проворчал Гибонс, тем не менее позволивший мне войти внутрь, а потом в крохотную контору. Из гостиной доносился шум голосов.

– Как она себя чувствует? – спросил я.

– Уже ест. Но после воскресенья не произнесла ни единого слова. – Смотритель жестко хохотнул. Я прикусил губу: горько было понимать, что Эллен связана, причем из-за того, что я наговорил ей лишнего.

– Завтра я уезжаю. Примерно дней на десять, – сообщил я.

– Это хорошо.

– Я хочу, чтобы вы приглядели за Эллен… чтобы ей было хорошо. Чтобы ей снова позволили заниматься своими делами. А если она вновь начнет буйствовать, чтобы с ней обходились помягче.

– Послушать вас, так это я распоряжаюсь в этом месте! Это не так.

– Вы являетесь заместителем Шоумса. Вам приходится следить за дневными нуждами пациентов, делать обхождение с ними жестче или мягче.

Запустив руку в кошель, я извлек из него золотой соверен. Гибонс впился в монетку глазами.

– Вы получите и второй, если, вернувшись, я найду, что с ней хорошо обращались, – пообещал я.

– Клянусь господними зубами, вы тратите на нее уйму денег!

– Кроме того, я хочу, чтобы во время моего отсутствия ее посетил мой друг-доктор и написал мне о ее состоянии.

– Тот самый смуглолицый тип, которого вы приводили, когда у нас находился Адам Кайт? Он пугал собой пациентов.

– Устройте так, чтобы он мог посмотреть ее. – Я помахал монетой.

Кивнув, Хоб спросил:

– А куда вы едете?

– В Хэмпшир, снять показания по делу.

– Постарайтесь, чтобы французишки не захватили вас. Хотя в таком случае моя жизнь сделается много легче.

Я передал ему монету:

– Могу ли я повидать Эллен? Не поговорить с ней, а просто посмотреть, как она там?

Помедлив, мой собеседник неохотно кивнул:

– По счастью для вас, те из наших подопечных, кто не находится под замком, сейчас обедают в гостиной под присмотром Пэлина. – Он поднялся. – А теперь побыстрее!

Он жестом указал мне на выход, проводил меня по коридору к закрытой двери комнаты Эллен и отодвинул задвижку с глазка. Мисс Феттиплейс лежала на постели в той же позе, что и в воскресенье, сложив связанные руки на коленях. Казалось, что за прошедшее с тех пор время моя приятельница и не пошевелилась. Она смотрела на меня теми же самыми полными свирепого обвинения глазами. Взгляд этот смутил меня. Казалось, что на этом самом тюфяке лежит незнакомка, ничем не похожая на известную мне Эллен.

Днем я снова сходил в Хэмптон-корт и поднялся по лестнице в кабинет Уорнера. Он молча выслушал меня, когда я рассказал, что назначено продолжение расследования, и с видимым облегчением воспринял весть о том, что Паулит не потерпит дальнейшего вмешательства королевы.

– Вы сожалеете о том, что делу был дан ход, – догадался я.

– Откровенно говоря, да. Впрочем, я волнуюсь и за вас. Должен сообщить вам последние новости. На следующей неделе король и королева отправляются в Портсмут, чтобы произвести смотр собранным там кораблям короля. Едет и половина Тайного совета. Как вы можете себе представить, в Уайтхолле сейчас стоит великая суета, поскольку надо все организовать.

– Если туда отправляются король с королевой, получается, что сообщения шпионов верны, и французы отправляются к Портсмуту?

– Похоже на то. Огромный флот уже стоит во французских портах Канала. Хорошо, что вы выезжаете завтра… возможно, вы успеете вернуться домой прежде, чем королевская свита прибудет в Хэмпшир. Ваш старый друг, сэр Ричард Рич, также будет там. По слухам, он ведает поставками снаряжения и припасов для солдат и моряков.

– Это после всех прошлогодних обвинений в казнокрадстве?

– Король всегда ценил специалистов.

Я глубоко вздохнул:

– Ладно, мне пора идти. Жребий брошен. А вы будете сопровождать королеву в поездке на юг?

Роберт кивнул:

– Я намеревался спросить, можете ли вы устроить так, чтобы королевские гонцы доставляли адресованные мне и Бараку письма в Хорндин, что возле Хойленда.

– Я могу это сделать. А если вы захотите написать мне, гонцы будут прибывать к королевскому поезду во время путешествия на юг.

– Благодарю вас. Кстати, теперь мне не нужен клерк, однако на предстоящем пути рад буду надежному и сильному спутнику.

– Я располагаю таким человеком и могу приставить его к вам. Завтра утром я пришлю его к вам на дом.

– Благодарю вас.

– Счастливого пути, – пожелал мой коллега.

Я поклонился:

– И вам также.

Вечером я разговаривал с Гаем. Я уже рассказывал ему в общих чертах обстоятельства дела Кертисов, и он согласился с тем, что не ехать в Хэмпшир я не могу. Я не знал, как он воспримет поручение заботиться сразу об Эллен и Тамасин, однако, к моему облегчению, мой друг с удовольствием отнесся к тому, что сможет снова заняться делом. Он также сказал, что будет рад взять в свои руки домашнее хозяйство во время моего отсутствия. Мне даже показалось, что медик начинает выходить из своей меланхолии. Пришлось рассказать ему и о случившемся с Эллен припадке, и я попросил Мальтона не расспрашивать ее о прошлом, на что он заметил, что ни к чему, кроме вреда, такие расспросы теперь не приведут.

Весь следующий день я провел в судебной палате, приводя в порядок бумаги и составляя инструкции для Скелли. Последние два дня стояла великолепная погода: дожди отошли в прошлое. И я отчаянно надеялся на то, что нас ждет еще достаточно солнечных дней.

Я оставил палату ближе к вечеру и, пересекая Гейтхауз-корт, вновь подумал о Дирике. Мысль о том времени, которое мне придется провести в обществе этого человека и его странного маленького клерка, не доставляла мне никакого удовольствия. Впрочем, рядом со мной будет Барак. И я поклялся перед собой в том, что не вовлеку его в расследование прошлого Эллен.

Войдя в дом, я без особого удовольствия обнаружил Колдайрона

пригнувшимся к закрытой двери гостиной – он явно подслушивал происходивший внутри разговор. Эконом подпрыгнул и торопливо стал оправдываться:

– Мне вот показалось, тут мышиный помет на полу.

– Я ничего не вижу, – ответил я сухо.

Вильям приложил руку к пустой глазнице:

– Теперь зрение мое не то, что было когда-то… с двумя глазами.

Он подобострастно ухмыльнулся. После полученного из Хэмптон-корт письма этот человек начал относиться ко мне со смесью трепета и почтения.

– Завтра я уезжаю, – сказал я, – примерно на десять дней. На южный берег.

Ретиво кивнув, домоправитель сложил морщинистые ладони и отвесил мне полупоклон:

– По королевским делам, сэр? Связанным с войной, должно быть? Вздуть этих французишек?

– По юридическим вопросам.

– Эх, жаль, что я не так молод, чтобы лично задать трепку этим французским петушкам! Как сделал я при Флоддене. Когда я зарубил шотландского короля, сам граф суррейский похвалил меня…

– Я хочу оставить распоряжения на время своего отсутствия…

– Можете положиться на меня, сэр. Я сохраню все в полном порядке. Торговцев, мальчишек, Жожо…

– Я оставляю распоряжаться домом доктора Мальтона.

Сказав это, я с наслаждением увидел, как вытянулось лицо Вильяма. Он проговорил скулящим тоном:

– Там, где я работал до вас, за хозяина всегда оставался эконом.

– Если в доме остается джентльмен, подобно доктору Мальтону, распоряжаться должен он, – заявил я.

Колдайрон метнул в меня короткий и злобный взгляд.

– Ну а теперь, к делу: я голоден, – бросил я непринужденно. – Ступай и пригляди за приготовлением ужина.

Затем я с любопытством вошел в гостиную, желая узнать, что там происходит. Гай и Джозефина сидели за столом. Она закатала рукав на правой руке, открыв заходящий с ладони на запястье красный ожог, который врач обрабатывал лавандовым маслом, наполнившим своим запахом всю комнату.

– Джозефина обожгла руку, – пояснил мой друг.

Девушка тревожно посмотрела на меня:

– Простите меня, сэр, но добрый доктор Мальтон предложил мне свою помощь…

– Я рад, что он это сделал. Ожог, судя по всему, очень болезненный.

– Это так, – согласился Гай. – Какое-то время ей лучше не работать этой рукой. Кроме того, ожог надо смазывать маслом четыре раза в день.

– Очень хорошо, – улыбнулся я и вновь посмотрел на служанку. – Делай только легкую работу, пока доктор Мальтон не разрешит тебе свободно пользоваться рукой.

Та явно испугалась:

– Но отец…

– Я переговорю с ним.

Джозефина смотрела в пространство между мной и медиком. Глаза ее наполнили слезы:

– Вы такие добрые… оба. – Она вскочила, смахнув со стола закупоренную бутылочку с мазью. Гай ловко поймал ее в воздухе и вернул своей пациентке со словами. – Береги ее.

– О, спасибо вам, сэр! Я такая неловкая… Мне так неудобно! – Сделав реверанс, девушка заспешила к двери торопливой походкой. Мой друг серьезно посмотрел на меня:

– Ожог трех– или четырехдневной давности. Она говорит, что все это время отец заставлял ее работать. Боль при этом, наверное, была адская.

– Он – настоящее животное. Гай, ты уверен в том, что хочешь командовать им во время моего отсутствия?

– Да. – Доктор улыбнулся. – Похоже на то.

– Обращайся с ним, как посчитаешь нужным. Я найму нового эконома сразу, как только вернусь, и тогда его можно будет уволить. – Сказав это, я немного помедлил и добавил: – Впрочем, меня смущает судьба Джозефины…

– Она во всем зависит от него. – Мальтон поднял на меня глаза. – Не думаю, чтобы она была настолько глупа, как это кажется. Просто запугана донельзя.

Я задумчиво кивнул:

– Интересно, найдется ли способ отделить ее от Колдайрона?

– Довольно с тебя ответственности за Эллен, – бросив на меня едкий взор, невозмутимо спросил мой товарищ. – И что же мне сказать ей, Мэтью, если она сообщит мне, что любит тебя?

Меня бросило в краску:

– А не сказать ли тебе, что ты просто не знаешь ответа?

– Но я знаю его.

– Тогда скажи ей, что на такие темы следует беседовать со мной самим.

Врач обратил ко мне проницательный взгляд своих карих глаз:

– Она может решиться на это. Что ты будешь делать тогда?

– Посмотрим… все будет зависеть от того, что я сумею узнать в Сассексе.

– Подозреваю, что ничего хорошего ты не узнаешь.

В этот момент я с облегчением услышал громкий стук во входную дверь и развел руками:

– Прости меня.

В дверях стоял молодой посыльный с бросившейся в глаза кокардой королевы на дублете. Впустивший его в дом Колдайрон круглыми глазами взирал на этот знак отличия.

– Письмо от мастера Уорнера, сэр, – проговорил молодой человек.

Повернувшись к Вильяму, я бросил:

– Ужин.

Тот, вопреки собственному желанию, ретировался на кухню. Посыльный передал мне письмо. Прочитав его, я выругался сквозь зубы:

– Проклятье!

Барристер писал, что при всем своем желании не сможет послать со мной обещанного спутника: подобно многим крепким слугам Хэмптон-корта, он в этот день уже принял присягу.

– Будет ли ответ, сэр? – спросил посыльный.

– Нет, – ответил я и закрыл за ним дверь. Не в манере Уорнера было подводить меня, однако на тех, кто служил при дворе, давили еще сильнее, чем на прочих. Я подумал, что, поскольку мы уезжаем завтра утром, искать кого бы то ни было уже поздно. Оставалось только благодарить судьбу за то, что я не рассказал Бараку о привидевшемся Эллен сожженном заживо человеке. Теперь приходилось решать эту загадку, рассчитывая только на свои собственные силы.

Часть вторая
Путешествие

Глава 12

В среду, первого июля, я поднялся сразу же после рассвета. Облачившись в рубашку и тонкий дублет, натянул кожаные сапоги для верховой езды и еще в полумраке спустился вниз, вспоминая о том, что в прежние времена, куда бы я ни собирался, Джоан поднялась бы еще раньше и позаботилась бы о том, чтобы я захватил с собой все необходимое.

У подножия лестницы меня ожидали Колдайрон и его дочь с приготовленным для меня коробом на полу. Груз был слишком велик для меня, и я приказал Вильяму проводить меня до речной лестницы, где была назначена встреча с Бараком.

Джозефина сделала реверанс:

– Доброе утро, сэр.

Эконом добавил:

– Отличная погода для путешествия.

Глаза его были полны любопытства: он считал, что я отправляюсь по королевскому делу.

– Доброе утро. И тебе, Джозефина, – поздоровался я с ними. – Почему ты встала так рано?

– Она понесет одну из корзин, – ответил Колдайрон, а девушка, посмотрев на меня, нервно улыбнулась и протянула мне небольшой полотняный мешочек:

– Сэр, здесь немного хлеба и сыра, а также несколько ломтиков ветчины. И сладкое печенье, которое я купила на рынке.

– Спасибо тебе, Джозефина, – улыбнулся я. Служанка покраснела и снова сделала книксен.

На улице уже потеплело, и на небе нельзя было найти и облачка. Я шел по опустевшей Ченсери-лейн, а Вильям и его дочь следовали за мной. На Флит-стрит стояла тишина, все окна были закрыты ставнями, и несколько бродяг спали в дверях лавок. Тут сердце мое заколотилось при виде четверых подмастерьев в синих балахонах, расположившихся возле Тамплевского шлагбаума. Отделившись от него, они направились нам навстречу неспешным ленивым шагом. Все были при мечах.

– Особая стража, – проговорил один из них, тощий, веснушчатый, лет восемнадцати, не больше. – Слишком рано вы вышли из дома, сэр. До окончания комендантского часа еще целый час.

– Я адвокат, и мне нужно взять лодку у лестницы Тампль, – ответил я

коротко. – Это мои слуги.

– Мой хозяин занят важным делом! – отрезал Колдайрон. – А вам всем следовало бы находиться в армии, а не бедокурить на улице.

Подмастерье ухмыльнулся в ответ:

– А глаз куда подевал, старина?

– Потерял в битве при Флоддене, щенок.

– Пошли, – сказал я.

Мы перешли через улицу. Один из мальчишек выкрикнул за нашей спиной:

– Калеки!

Мы перешли на Миддл-Темпл-лейн. Тонкий и зябкий речной туман окружил нас в садах Тампля. Барак уже ожидал нас на лестнице с собственным коробом у ног. Он уже успел нанять раннего лодочника, суденышко которого было привязано неподалеку. Вокруг зажженного фонаря в тумане сиял желтый ореол.

– Все готово? – спросил Джек. – Этот человек отвезет нас до Кингстона.

– Хорошо. Как там Тамасин? – поинтересовался я.

– Вчера вечером все плакала. А сегодня я тихонько ушел из дома, не разбудив ее, – ответил мой помощник и отвернулся. Я же обратился к Колдайрону:

– Поставь эти корзины в лодку. Вместе с корзиной Барака.

Пока эконом спускался вниз, я негромко шепнул Джозефине:

– Во время моего отсутствия дома распоряжается доктор Мальтон. Он твой друг.

Пока я гадал, поняла ли она то, что может искать у Гая защиту от своего отца, девушка только кивнула без всякого выражения на лице.

К нам, преувеличенно пыхтя, поднялся Вильям. Барак шагнул в лодку.

– До свиданья, Колдайрон, – проговорил я. – Постарайтесь выполнять все, что попросит доктор Мальтон.

Единственный глаз эконома злобно блеснул. Спускаясь по скользким ступеням, я думал о том, что тип этот охотно столкнул бы меня в воду, вне зависимости от того, нахожусь я на королевской службе или нет.

Над рекой навис густой туман. Вокруг царила полная тишина, нарушавшаяся одним только плеском весел. Из тумана навстречу нам выплыла стайка лебедей, вскоре снова растворившаяся в тумане. Лодочник наш был стар, и его усталое лицо избороздили морщины.

Затем мимо нас скользнула большая баржа: на веслах в ней сидела

дюжина мужчин. Занимали ее с полсотни молодых людей в белых одеждах с красным английским крестом на груди. На борту баржи властвовала неестественная тишина, а туман превращал лица людей в белые диски. Если бы не плеск весел, баржу эту вполне можно было принять за корабль мертвецов.

Поднявшееся солнце проредило туман, прихватив с собой столь необходимое тепло, а когда мы оказались возле Кингстона, на реке появились другие лодки. Мы причалили к старинной каменной пристани. Я посмотрел за реку – на покрытый лесом простор Хэмптон-корт-парка. Королева, должно быть, уже готовила свой двор к отъезду.

По короткой улочке мы дошли до рыночной площади. Дирик прислал мне записку: они с Фиверйиром ожидали нас в таверне «Голова друида». Барак, несший на плечах два короба, показался мне молчаливым и задумчивым. Я вопросительно посмотрел на него.

– Спасибо тебе за избавление из этого кошмара, – негромко проговорил он. – Помнишь этот полный солдат бот? Из-за своей глупости я мог оказаться на одном из них!

– Ну, слава богу, теперь ты в безопасности.

Мы вошли во двор гостиницы. Двери просторной конюшни были распахнуты настежь, и в стойлах находилось несколько коней. Возле нее располагалась кузница, где покрытый потом кузнец ковал подковы на наковальне возле пылавшего горна. Мы вошли внутрь. В гостиной почти никого не было, если не считать двоих завтракавших за столом мужчин, оставивших на скамье возле себя шляпы и шпоры. Это были Дирик и Сэм. Подойдя к ним, мы поклонились. Помощник Винсента привстал, однако сам он ограничился одним кивком.

– Хорошо, что вы здесь, – буркнул он. – Пора в дорогу.

– Мы выехали из Лондона с первым светом, – подчеркнул я.

– Я отправился еще ночью, чтобы встретить Фиверйира и посмотреть на коней. Видный человек должен ехать на соответствующей его облику лошади.

– У нас есть четыре добрых коня и пятый – для вещей, – самодовольным тоном проговорил его клерк. На лоб его, как обычно, свисли сальные волосы. Он казался утомленным, в отличие от Дирика, пребывавшего в привычной бодрости. Утерев рот платком, мой противник порывисто встал:

– Пора выезжать. К вечеру нам нужно добраться до Кобхэма, лежащего в девяти милях отсюда, а я слышал, что портсмутская дорога полна солдат и всяких телег с припасами. Возьми корзины, Сэм. – Взяв со скамьи шляпу,

Дирик первым направился к конюшне. Барак улыбнулся и покачал головой, заслужив тем самым укоризненный взор Фиверйира.

Когда мы оказались в конюшне. Дирик кивнул конюху:

– Наконец прибыли и все остальные. Лошади оседланы и готовы?

– Да, сэр. Мы выведем их во двор.

Мы вышли наружу. Конюх и помогавший ему мальчишка вывели пять лошадей: крупных и сильных на вид животных, гнедых и серых в яблоках.

– Ты хорошо поработал, – обратился я к Сэму.

– Хозяин приказал мне не жалеть денег. Туда и обратно – пять фунтов.

– Милостивый боже! – вздохнул возле меня Барак.

– Кони нынче в цене, – пояснил конюх.

– Предлагаю вам заплатить ему, брат Шардлейк, – проговорил Дирик. – Расходы вам возместит ваша клиентка, когда проиграет дело. Или ее щедрая госпожа.

– Я заплачу половину. Как того ожидает суд. Пусть лучше каждый из нас самостоятельно тратит свои деньги до решения суда.

Винсент вздохнул, но кошелек все же извлек.

– Сумеем ли мы добраться до Портсмута за четыре дня? – спросил я конюха.

Тот покачал головой:

– Если повезет, сэр. Я бы рассчитывал на шесть или семь дней, дорога просто забита народом.

– Вот так, мастер Шардлейк, – подал голос Дирик. – Я знал, что будет именно так.

Мы поднялись в седла – Дирик и я впереди, Барак и Фиверйир сзади. Коня, навьюченного нашими коробами, привязали веревкой к коню Сэма. Когда мы выезжали на улицу, во двор влетел всадник на покрытой пеной лошади. Я заметил на нем кокарду самого короля. Должно быть, это был вестник, заранее проверяющий, все ли благополучно на пути его величества.

Выехав из Кингстона, мы попали на просторы Суррея. По обе стороны дороги тянулись огороды и зерновые поля, удовлетворявшие ненасытный аппетит Лондона, а за ними маячил огороженный лес Хэмптон-корта. В эту пору люди обыкновенно собирали бы сено, а поля уже успели бы пожелтеть, однако прибитые дождями злаки еще зеленели. Должно быть, те, кто работал в этих полях, давно мечтали о лучшей погоде. Когда солнце поднялось повыше, стало жарко, и я порадовался тому, что голову мою защищает широкополая шляпа, предназначенная для верховой езды.

Продвигались мы быстрее, чем полагал Дирик: широкая дорога не успела подсохнуть и была полна глубоких колей, оставленных груженными телегами, однако худшие ее участки уже починили – землю утрамбовали, рытвины засыпали камнями, а на топкие места положили плетни. Все наши кони казались крепкими и кроткими.

– Сегодня мы должны добраться до Кобхэма, – обратился я к своему коллеге.

– Надеюсь на это, – отозвался он.

– Каков наш маршрут? Я никогда еще не ездил в Хэмпшир.

– Сегодня едем до Кобхэма, а завтра до Годалминга, если повезет. Потом, на следующий день, пересекаем границу Хэмпшира и едем дальше мимо Питерсфилда и Хорндина.

– Насколько я помню, Хойленд расположен в семи или восьми милях к северу от Портсмута?

– Да. На границе старинного леса Бере.

Я посмотрел на Винсента:

– Насколько я понимаю, вам уже приводилось прежде посещать мастера Хоббея?

– Да. Хотя он обычно советуется со мной, когда приезжает по делам в Лондон.

– Он по-прежнему занимается торговлей тканями?

Дирик жестко посмотрел на меня:

– Нет.

– Вы говорили в суде о том, что он недавно продавал лес, срубленный на землях мастера Кертиса?

Мой оппонент развернулся в седле в мою сторону:

– Уже пытаетесь поставить под сомнение честность моего клиента, брат Шардлейк? – В голосе его промелькнул характерный скрежет.

– Меня интересует управление землями Хью Кертиса.

– Как я говорил в суде, какая-то часть леса вырубается. Было бы глупо не воспользоваться существующим спросом. Однако все доходы должным образом учтены феодарием.

– Отчеты которого мне не дозволено видеть.

– Ибо подобная проверка поставила бы под сомнение честность сэра Квинтина Приддиса, как и моего клиента. – В голосе Винсента вновь зазвучал этот обертон гнева. – Вы получите возможность поговорить с сэром Квинтином, и этого должно быть достаточно для всякого благоразумного человека.

Какое-то время мы ехали в безмолвии. Наконец я произнес кротким

тоном:

– Брат Дирик, нам суждено провести вместе целую неделю, а может, и больше. Готов предположить, что наша жизнь станет легче, если мы ограничимся вежливым общением. Таков обычай у адвокатов.

Склонив голову, коллега на мгновение задумался:

– Ну, что ж, брат, эта поездка действительно раздражает меня. Я намеревался этим летом поучить сына стрельбе из лука. Тем не менее этот визит может оказаться полезным. Вместе с приобретенными землями аббатства мастер Хоббей получил манориальное право на местную деревушку Хойленд.

– Мне это известно, – проговорил я.

– Мы с ним переписывались о его планах приобрести принадлежащий жителям этой деревни участок леса. Селяне получат за это компенсацию, – добавил мой собеседник.

– Без общинных земель большинство деревень не в состоянии выжить.

– Так вы возразили бы мне на суде! Но сейчас я прошу вас дать мне честное слово не связываться с жителями Хойленда. – Винсент улыбнулся. – Что скажете? Дружбы ради?

Я осадил его взглядом:

– Вы не имеете права на подобные просьбы.

Тот пожал плечами:

– Но, сэр, если вы начнете подбирать себе клиентов среди этих селян, то едва ли сможете надеяться на хорошие отношения с мастером Хоббеем.

– Я не намереваюсь искать там клиентов. Но, тем не менее, не хочу ничем покупать у вас вашу вежливость. Либо вы относитесь ко мне как к собрату в профессии, либо нет.

Дирик отвернулся с саркастическим выражением на лице. Я посмотрел назад, на Барака, услышав, что он попытался завести разговор с Фиверйиром и резкий ответ последнего:

– Папский антихрист!

Посмотрев на меня, Джек воздел глаза к небу и покачал головой.

Мы продолжали уверенно продвигаться вперед и остановились только раз у ручья, чтобы попоить лошадей. Бедра мои уже начинали неметь. Винсент и Сэм отошли на несколько шагов, негромко переговариваясь.

– Путешествие не сулит нам ничего приятного, – обратился я к Бараку.

– Похоже на то. Я слышал твой разговор с мастером Дириком.

– Начинаю подозревать, что он из тех, кто начнет сутяжничать с придорожными птицами, если рядом не найдется людей. А что там Фиверйир говорил насчет антихриста?

Барак рассмеялся:

– Помнишь, некоторое время назад мы проезжали мимо людей, выкапывавших придорожный крест?

– Ну да. Теперь их немного осталось.

– Чтобы завести разговор, я сказал, что такая работа в жаркий день – не подарок. Фиверйир на это заявил, что кресты – это папистские идолы, а потом перешел к тому, что папа-де является антихристом.

Я простонал:

– Твердокаменный протестант. Этого нам еще не хватало!

В нескольких милях за Эшером наше быстрое продвижение закончилось. Мы уткнулись в конец долгой вереницы телег, задержанных на время починки находившегося впереди участка дороги. Облаченные в серые рубахи мужчины и женщины, вероятно из ближней деревни, ровняли взрытый глубокими колеями низменный участок дороги. Нам пришлось прождать больше часа, прежде чем нам позволили продолжать путь. К тому времени и за нами выстроилась длинная цепочка телег, а Дирик, не вылезая из седла, все кипел негодованием по поводу задержки. Движение сделалось гуще, и оставшуюся часть утра нам пришлось неторопливо пролагать себе путь мимо повозок и всадников.

Наконец мы въехали в крохотный городок Эшер, где остановились, чтобы пообедать. Винсент по-прежнему пребывал не в духе и потому обругал Фиверйира, когда тот пролил немного похлебки на стол. Клерк покраснел и принялся извиняться. А я удивился тому, сколь много значило для него мнение его господина.

Путешествие после полудня сделалось неторопливым и тягучим. На юг направлялось все больше и больше возов, полных бочонков со съестным и пивом. Другие повозки перевозили всякий плотницкий припас, ткани и оружие – одна из них была доверху нагружена полотняными колчанами, набитыми тысячами стрел. Однажды нам пришлось отъехать на обочину, чтобы пропустить массивную телегу на прочных колесах, груженную прочно перевязанными веревками бочками, на боках которых был выведен крупный крест. Пушечный порох, понял я. Чуть позже мы пропустили ватагу иностранных наемников, рослых мужчин в ярких мундирах: в разрезах их желтых рукавов и штанов виднелся красный материал. Они прошли мимо уверенным шагом, переговариваясь по-немецки.

К середине дня небо потемнело, и сильный ливень, промочив нас, превратил дорогу в болото. Путь наш пошел в гору: мы покидали долину

Темзы, поднимаясь на холмы Суррейской гряды. К тому времени, когда мы добрались до Кобхэма, деревушки, длинная центральная улица которой вытянулась вдоль реки, я уже выдохся. Седло натерло мне ноги и зад, а бока коня покрывал пот. Барак и Дирик также выглядели уставшими, а тощий Сэмюель навалился всем телом на луку седла.

Местечко оказалось многолюдным. Повсюду возле дороги стояли телеги, и возле многих из них скучали на страже местные мальчишки. За дорогой на широком лугу люди торопливо ставили квадратом белые конические шатры. Все они были молодыми, крепкими, выше среднего роста и широкоплечими, а волосы их были коротко пострижены. Облачены они были в короткие куртки без рукавов, по большей части, коричневой или какой-нибудь светлой окраски, обычной для бедняков, хотя я заметил и несколько кожаных. На дальней стороне поля располагались шесть больших фургонов. Дюжину могучих коней уже уводили к реке, а остальные люди устраивали кухонные очаги и копали латрины. Пожилой и седобородый мужчина в превосходном дублете и с мечом у пояса неторопливо объезжал группу по краю на поджарой охотничьей лошади.

– Похоже, солдаты, – заметил я. В группе было человек сто.

– Где же их белые плащи? – спросил Дирик. Завербованным на войну солдатам обыкновенно выдавали белые плащи с красными крестами, какие мы видели на барже.

Поглядев на поле, я заметил коренастого и краснолицего мужчину лет сорока с мечом на поясе, указывавшим на офицерский чин, подбежавшего к двум молодым парням, выгружавшим сложенные палатки из фургона. Один из них, высокий и стройный молодой человек, как раз выронил свой конец свертка, приземлившийся в коровью лепешку.

– Голубь – ты гребаный идиот! – завопил офицер, и его крик раскатился по всему полю. – Хрен неуклюжий!

– Солдаты, никаких сомнений, – произнес Барак за моей спиной.

– И на юг идут, как все остальные, – добавил я.

Охваченный внезапным гневом Дирик повернулся ко мне:

– Кровь господня, ну и времечко вы выбрали, чтобы навязать мне это путешествие! Что, если в конце концов французская армия отрежет меня от моих детей?

– Не слишком патриотично, – пробормотал державшийся за нами Джек.

Винсент повернулся в его сторону:

– Последи за своим языком, клерк!

Барак ответил ему равнодушным взглядом.

– Вот что, – проговорил я. – Нам надо попытаться найти себе место на ночлег.

К моему облегчению, конюх самой большой из гостиниц сказал, что у них свободны три небольшие комнаты. Спешившись, мы направились в дом на усталых ногах. Барак и Фиверйир потащили наши корзины. Сэм с тремя коробами, казалось, падал под тяжестью груза, и мой помощник предложил взять у него одну из корзин.

– Спасибо, – простонал молодой клерк. – Я уже выдохся.

Это было первое вежливое слово, которым они с Дириком удостоили нас.

Я поднялся по лестнице в тесную комнатушку, с облегчением стянул сапоги и смыл пыль с лица в тазике холодной воды. А потом спустился вниз, ощущая волчий голод. Просторная гостиная была полна возчиков, запивавших пивом похлебку за длинными столами. По большей части, они провели на дороге весь день, и потому в зале стоял крепкий запашок. В комнате было сумрачно, так как уже темнело, и на столах уже расставили свечи. Я заметил Барака, сидевшего в углу за небольшим столиком с кружкой пива, и присоединился к нему.

– Какая тебе досталась комната? – спросил он.

– Небольшая. С соломенным тюфяком.

– Что ж, во всяком случае, тебе не приходится делить ее с Фиверйиром. Едва мы закрыли дверь, как он стянул с себя сапоги, явив миру пару лодыжек, настолько тонких, что их постыдилась бы и курица, а затем преклонил колена и задрал задницу выше головы. Какое-то мгновение я уже не знал, что и думать, но тут он начал молиться и просить Бога сохранить нас в путешествии. – Джек грустно вздохнул. – Если бы я не обошелся так нагло с этой задницей Гудриком, то ночевал бы сегодня рядом с Тамасин, а не с ним.

– Когда мы доберемся до приората Хойленд, тебя разместят поудобнее.

Мой клерк сделал большой глоток.

– Любуйся-любуйся, – посоветовал я, понимая, что вид солдат напоминает ему о той участи, которой он едва избежал.

– Жду не дождусь возможности провести время в более приятном обществе, – едко проговорил Джек.

Появились Дирик и Фиверйир.

– Не разрешите ли присоединиться к вам, брат Шардлейк? – спросил мой коллега. – Другой хорошей компании здесь не найдешь.

Мы заказали еду, и нам принесли похлебку, которой угощались все

присутствующие. Вкуса в ней не было никакого, а по жирной поверхности плавали противные с виду клочья хрящей. Мы ели в молчании. Появилась стайка девиц, одетых в платья с большим вырезом. Возницы принялись подзывать их и брякать кружками по столам, и вскоре девицы перебрались к ним на колени. Барак наблюдал за происходящим с интересом, Винсент с полным цинизма любопытством, а его помощник с неодобрением.

– Не нравится этот спектакль, так, Сэм? – поинтересовался Дирик с улыбкой.

– Нет, сэр, – покачал тот головой. – Но мне лучше подняться наверх. Я устал.

С этими словами Фиверйир неторопливо побрел прочь. Я заметил, что уголком глаза он приглядывает за девчонками. Винсент расхохотался.

– При всей своей праведности этот парень не прочь увидеть пару сисек, – проговорил он и вдруг добавил: – Впрочем, Сэм достаточно проницателен и умен, чтобы доказать, что обвинение против Хоббеев является истинной чушью, как то и должно быть.

Я осматривал комнату, не желая затевать препирательство. Один из возчиков уже зарылся лицом в грудь девицы. Затем мое внимание привлек офицер в белом солдатском плаще и с мечом у пояса. Он сидел у угла стола, согнувшись над грудой бумаг и явно не обращая внимания на шум. Я пригляделся внимательнее, поскольку обильная кудрявая светлая шевелюра и правильные черты лица этого человека показались мне знакомыми. Я толкнул Барака:

– Видишь вон того офицера… узнаешь его?

Мой помощник вгляделся в окружавший нас полумрак:

– Сержант Ликон? Не уверен, что это он… Он ведь уволился из армии?

– Ты прав, уволился. Но давай подойдем, посмотрим. Брат Дирик, простите нас, кажется, я узнал старого клиента.

– Какого-нибудь типа, которому вы помогли завладеть землями его лендлорда?

– Именно так.

Мы с Бараком принялись протискиваться между столиков. Заметив нас, солдат повернулся, и я понял, что перед нами действительно Джордж Ликон, молодой кентский сержант, с которым мы познакомились четыре года назад в Йорке. Тогда я допустил несправедливость в отношении Ликона, но сумел исправить ее, отсудив его родителям их собственную ферму, которую намеревался отобрать загребущий лендлорд. Джордж тогда только перевалил за третий десяток, но теперь у его глаз появились морщинки, и выглядел он десятью годами старше. Голубые широко

поставленные глаза его стали более заметными на лице.

– Джордж? – позвал его я.

На лице моего старого знакомого появилась та самая широкая улыбка, которую я помнил:

– Мастер Шардлейк. И Джек Барак… – Он поднялся и поклонился. – Что вы делаете здесь? Святая дева, мы же виделись в последний раз три года назад!

– Едем в Хэмпшир по судебному делу. А ты вернулся в армию?

– Ага. В прошлом году меня хотели отправить во Францию. Им нужны были опытные вояки. А теперь еще больше – при угрозе вторжения. Веду сотню стрелков из Миддлсекса в Портсмут. Вы, наверно, видели их на лугу.

– Да, они ставили свои палатки. А кто тот разодетый джентльмен, что ездил верхом на коне?

Ликон скривился:

– Сэр Франклин Гиффард, капитан роты. Один из лучших людей на севере Миддлсекса. Воевал во Франции тридцать лет назад во время первой войны, которую вел там король. Однако, между нами говоря, – произнес он, чуть помедлив, – чуточку староват для командования.

– Да уж, не молод.

– Им нужен был важный джентльмен, чтобы солдаты относились к нему с почтением, но меня послали туда, чтобы собрать сотню добрых стрелков из лука и быть его заместителем. Я теперь вице-капитан, получил повышение в прошлом году, на поле боя возле Булони.

– Поздравляю.

Джордж кивнул, и лицо его на мгновение сделалось бесстрастным. Затем он спросил:

– А как ваши дела?

– Закон не дает мне скучать, – ответил я.

– Рад снова видеть вас.

– А ты помнишь Тамасин Ридбурн? – спросил Барак.

– Помню.

– Мы поженились, – с гордостью проговорил мой клерк. – В будущем месяце ждем ребенка.

Ликон с пылом потряс его руку:

– Тогда и ты заслуживаешь поздравлений!

– А как поживают твои родители? – поинтересовался я.

– Вроде бы хорошо, сэр. По-прежнему заняты на ферме, которую вы отстояли для нас. Но постарели и говорят, что им теперь трудно работать. Мне следовало бы взять дело на себя, – Джордж снова скривился, – но

сейчас в армию короля попасть много проще, чем выйти из нее.

– Воистину так, – с чувством согласился Джек.

Ликон указал рукой на лежавшие перед ним бумаги:

– Счета моих поставщиков, выставленные за питание солдат. Их надо оплачивать в каждом городе, и мне выделены на это деньги. Но при новой испорченной монете местные торговцы всякий раз запрашивают слишком много.

Нетерпеливым жестом он отодвинул бумаги в сторону.

– И сколько же солдат идет в Портсмут? – спросил Барак. – Дороги забиты людьми.

– Шесть тысяч уже там или в дороге, и местное ополчение по всему южному побережью готово выступить в случае вторжения французов.

– Иисусе! – охнул мой помощник.

– Там уже находится большая часть военных кораблей короля, пять или шесть десятков, а на них – несколько тысяч матросов. Через четыре дня я должен привести своих солдат в Портсмут. Если нужно, идти придется в субботу.

– Ожидается, что сам король приедет с инспекцией.

Ликон посмотрел на нас серьезными глазами:

– Говорят, что французский флот в три раза больше нашего и везет тридцать тысяч солдат. Возможно, нас ждут горячие деньки. Мою роту обещали определить на корабли – воевать, если оба флота пойдут на абордаж.

Чуть помолчав, наш собеседник покачал головой:

– Сам я плавал в прошлом году на военном корабле, но многие из моих людей не видели ничего шире сельского пруда. Но мы обязаны отразить вторжение, у нас нет другого выхода.

Тень усталости и едва ли не отчаяния промелькнула в его голосе. Мне показалось, что он хотел сказать что-то еще, но внезапно он переменил тему:

– Вы путешествуете вдвоем?

– Если бы так! – вздохнул Барак.

– Нет, с нами другой адвокат и его клерк. Спутники не из легких. – Я повернулся, чтобы отыскать взглядом Дирика, но тот уже ушел. – Мой собрат по юридическому делу намеревался совершить путешествие за четыре – пять дней, но, похоже, нам не удастся этого сделать. Сегодня нам пришлось всю дорогу брести позади телег.

Ликон поднял на меня глаза:

– Возможно, здесь я смогу помочь вам.

– Как так?

– По приказу я должен привести своих людей в Портсмут к пятому числу. Срок требует хорошего марша. У меня есть право останавливать телеги, командовать на дороге. Если вы со своими спутниками готовы ехать впереди нашего обоза, это ускорит ваше путешествие.

– Мы будем весьма благодарны, – ответил я.

– Предупреждаю: мы выходим завтра в пять утра.

Я посмотрел на Джека, и тот немедленно закивал:

– Чем скорей мы попадем в Хойленд, тем скорей вернемся домой.

– Мы будем на месте, – проговорил я. – Спасибо тебе.

– Рад чем-то отплатить за помощь, которую вы оказали моей семье. – Джордж нерешительно посмотрел в сторону документов. – А теперь, если вы простите меня, я должен привести к разумному виду эти цифры, а потом вернуться в свой лагерь.

– Ты не остаешься в гостинице? – уточнил я.

– Нет. Я сплю среди своих людей.

– Тогда мы уходим.

Мы с помощником направились к двери. Один из возниц уже разложил на полу девицу, а прочие подзадоривали его.

– Зайду в комнату Дирика и сообщу ему новость, – сказал я.

– Быть может, эта задница хотя бы поблагодарит нас, – усмехнулся мой клерк.

– Сомневаюсь, – повернулся я к нему. – Джек, а что, по-твоему, произошло с Джорджем Ликоном?

Он покачал головой:

– Не знаю. Могу сказать, что были какие-то неприятности.

Я посмотрел назад. Светлая солдатская голова уже склонялась над бумагами, по столбцам цифр на которых двигался его палец. Другая его рука, покоившаяся на столе, чуть подрагивала.

Глава 13

К тому времени, когда я попал в свою комнату, спина моя и ноги мучительно затекли. По пути я заглянул к Дирику: тот сидел, разложив на постели и на коленях документы из какого-то дела. Он бросил в мою сторону недовольный взгляд, но когда я рассказал ему о предложении Ликона, немедленно согласился.

– Итак, ваш клиент оказался полезным человеком, – проговорил Винсент, и эту фразу пришлось считать ближайшим возможным для него приближением к благодарности.

Уснул я очень не скоро: постоянные шаги на лестнице и ноющие конечности мешали мне погрузиться в сон. Даже когда все утихомирились, я все еще вертелся с боку на бок. А когда я, наконец, забылся, меня посетил страшный сон: я утопал в воде, в ее глубинах, и чьи-то руки, стиснувшие мое горло, не позволяли мне вынырнуть на поверхность. Я попытался вцепиться в них, однако они казались сделанными из стали. Я взглянул на того, кто держал меня, и увидел жесткое лицо и холодные глаза сэра Вильяма Паулита, обрамленные стальным шлемом.

Я мгновенно проснулся. Сердце мое лихорадочно колотилось от перенесенного ужаса. Я нередко вижу подобные сны. Два года назад я едва не утонул в мерзкой сточной канаве вместе с убийцей, а до того сам утопил человека, пытавшегося убить меня. Подойдя к окну, я распахнул ставни. Внутрь комнаты хлынул солнечный свет, и по длинным теням я догадался, что время приближается к пяти утра.

За окном уже грузили на телеги палатки вместе с прочим снаряжением под присмотром краснолицего офицера, вовсю костерившего своих людей так, что было слышно у меня в комнате. Рослые кони уже стояли между оглоблями и жевали охапки сена. В сторонке две дюжины солдат тренировались в стрельбе из боевого лука, расстреливая дублет, прибитый к дубу на дальней стороне поля. Стрелы чертили дуги в небе, и солдаты то и дело разражались восклицаниями, когда кто-то попадал в цель – впрочем, будучи хорошими стрелками, мазали они редко. Стоявший рядом Ликон наблюдал за ними. Торопливо одевшись, я спустился в гостиную, где обнаружил одного только Барака, завтракавшего в собственном обществе. Я подошел к нему:

– Хвала небесам, ты еще здесь!

– Солдаты грузят свое добро. А я написал Тамми… хозяин гостиницы

передаст его первому почтовому гонцу, который проедет здесь.

Я торопливо поел, а затем мы вышли наружу. У некоторых солдат, как я заметил, были белые плащи: в том числе и у краснолицего офицера, приглядывавшего за погрузкой телег, и солдата, вешавшего себе на живот барабан. На плече его на перевязи висела труба. Мы подошли к Дирику и Фиверйиру, занятым разговором с седобородым мужчиной, которого я видел прошлым вечером.

– А, брат Шардлейк! – промолвил Винсент с укоризной. – Встали, наконец! Надеюсь, скоро отъедем. А эти возчики пусть спят со своими шлюхами. Вот капитан Гиффард хочет тронуться в дорогу раньше их. Сегодня нам предстоит одолеть четырнадцать миль до Годалминга.

Голос его увещевал.

Седобородый повернулся ко мне. Голову его покрывала шляпа с павлиньим пером, а дублет с высоким воротником украшали пуговицы, на которых были изображены золотые листья. У него было круглое лицо, румяные щеки и водянистые голубые глаза. Я поклонился, и он ответил мне надменным кивком:

– Вы и есть тот самый адвокат, которого мой вице-капитан пригласил путешествовать с нами? Я – сэр Франклин Гиффард, капитан этой роты.

– Мэтью Шардлейк. Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы мы присоединились к вам, сэр.

– Нет-нет. Ликон знает, что делает. – Франклин посмотрел на стрелков.

– Ваши люди хорошо стреляют, – заметил я.

– Это так, однако рукопашная – более благородный вид боя. Тем не менее стрелки принесли нам победу при Азенкуре. Непохоже на ваш привычный инн, не так ли? – добавил мой новый знакомый. – Этот шум, эти телеги… Но пора выступать. Прошу вас сходить и передать это Ликону.

Не без колебаний, ибо он обратился ко мне, как к своему солдату, я ответил:

– Как вам угодно.

Затем я отправился на поле мимо возов. В ближайшем из них я заметил груду круглых шлемов и больших и толстых, пропахших сыростью курток.

Подходя к Ликону, я заметил, что он сильно похудел: его широкоплечая фигура сделалась какой-то жилистой. Я остановился возле него, наблюдая за стрелками. Вперед со своим луком шагнул симпатичный и темноволосый парень, на вид еще не переваливший за третий десяток. Он был невысоким, но коренастым и мускулистым, с такими же тяжелыми плечами, как и большинство этих людей. В руках у него был боевой лук в

два ярда длиной, украшенный роговыми наконечниками на каждом конце.

– Давай, Ллевеллин! – воскликнул один из солдат. – Покажи нам, что вы, валлийцы, не только овец можете натягивать!

Парень широко ухмыльнулся:

– Не прикопаешься, Карсвелл!

В траву были воткнуты стрелы, и он взял одну из них.

Ликон наклонился вперед.

– Ллевеллин, – проговорил он, – отступи немного. И попытайся поразить мишень, отклонив корпус назад, как мы это делали позавчера.

– Да, сэр. – Парень отошел на несколько ярдов и повернулся к дереву лицом, после чего за какое-то мгновение натянул лук и выстрелил. Стрела его угодила прямо в середину дублета, и солдаты одобрительно загоготали.

– Больше, – проговорил Джордж. – Пусть там будет шесть стрел.

С невиданной мной прежде скоростью парень выпустил еще пять стрел, также вонзившихся в дублет. Повернувшись, он поклонился одобрительно настроенной толпе зрителей, блеснув белыми зубами на загорелом лице.

– Вот так мы всадим их в брюхо проклятым французам! – выкрикнул кто-то под всеобщий довольный гомон.

Ликон повернулся ко мне:

– Ну, как вам мои черти?

Я вопросительно посмотрел на него, и он улыбнулся моей растерянности:

– Так называют себя английские лучники.

– Никогда не видел подобного мастерства! – похвалил я лучников. – Джордж, капитан Гиффард говорит, что пора в путь. Прости, мне следовало сказать это сразу, однако зрелище захватило меня.

Джордж повернулся к своим людям:

– Довольно, ребята! Выступаем!

Что-то бурча себе под нос, стрелки принялись снимать тетивы с луков, а я проводил Ликона назад к дороге.

– И все эти люди набраны в одной местности? – спросил я.

– Нет. Они родом с северо-запада Миддлсекса. Команда разношерстная, сыновья йоменов[24], ремесленников и бедных поденщиков. Вербовщиков часто обвиняют в том, что они собирают по деревням всякий сброд, однако мне было приказано набрать роту крепких и опытных стрелков – основных лучников, как мы зовем их, – и я это сделал. Хотя научить их действовать вместе так и не удалось – при том, что большая часть дня проходит на марше.

– Этот парень, стрелявший последним, просто великолепен, но похоже, что по возрасту ему еще рано служить.

– Тому Ллевеллину еще нет девятнадцати лет, однако лучшего лучника, чем он, на смотрах я не видал. Ученик кузнеца, сын валлийца.

– Они завербовались добровольно?

– Некоторые да, некоторые не очень. В Лондоне у нас сбежали несколько человек, так что теперь до ровного счета не хватает четверых. И ротный проповедник заболел. А времени отыскать ему замену у нас не нашлось.

Я расхохотался:

– Вы не сумели найти проповедника в Лондоне? Удивительно… в наше-то время!

– Да, их сейчас много, только вот в армии служить они что-то не хотят.

Я кивнул в сторону офицера, следившего за погрузкой возов, уже подходившей к концу. Он все похаживал вокруг, покрикивая на солдат и ругаясь.

– Раздражительный человек, – заметил я, кивнув на него.

– Да, это мастер Снодин, наш герольд. Он – опытный ветеран, умеет держать людей в порядке.

– Так. – На память мне пришел Гудрик.

– Выпивает, однако, и выпив, приходит в гнев, – продолжал Джордж. – Остается только надеяться, что на него не накатит до того, когда мы придем в Портсмут. Это единственный офицер в моем подчинении, если не считать винтинариев.

– Кого?

– Сотни делятся на пять двадцаток, каждой командует назначенный мной капрал.

– Меня удивило малое количество людей в форменных плащах.

Мой собеседник усмехнулся:

– Запасы белых плащей в арсенале короля исчерпаны, а новые шить некогда. Даже вместо панцирей мы получили какое-то старье. Ей-богу, часть его относится еще к временам войн между Йорками и Ланкастерами, если не Азенкура!

– Я видел на одной из телег какие-то вонючие стеганые куртки.

Ликон кивнул:

– Солдатские безрукавки, джеки. Защищают от стрел. Увы, многие из них годами лежали в церковных ризницах, и некоторые погрызли мыши. Я заставляю людей чинить их, когда находится свободное время.

Солдаты тем временем закончили погрузку.

– Джордж, – проговорил я, – насколько я понимаю, наш путь пролегает возле границы с Сассексом?

– Да, между Липхуком и Питерсфилдом. Если повезет, мы можем оказаться там послезавтра.

– Там, в Сассексе, есть небольшой городок… Рольфсвуд. У меня там дело.

– Я знаю только наши стоянки вдоль дороги, – улыбнулся Ликон. – Сам я из Кента, и чем меньше сассекской грязи прилипнет к нашим сапогам, тем лучше. Спросите лучше тогда, когда мы окажемся в том краю.

Мы подошли к остальным.

– Пора выступать, Ликон, – проговорил сэр Франклин.

– Мы почти готовы, сэр, – отрапортовал Джордж.

– Хорошо. Значит, надо искать своих коней. И я хочу поговорить с тобой о пуговицах наших людей.

– Мне казалось, что мы уже уладили этот вопрос, сэр. – В голосе Ликона промелькнуло легкое раздражение.

Капитан нахмурился:

– Мы говорили об этом, сэр, но вопрос так и остался нерешенным. Или ты думаешь, что у меня нет памяти?

– Нет, сэр. Но…

– Пойдем-ка. – Капитан Гиффард повернулся и направился к гостинице. Джордж следовал за ним: его ладная и скорая походка подчеркивала неторопливость неловкой поступи сэра Франклина.

Дирик покачал головой:

– О пуговицах? С чего бы? Старый дурак!

Мы повернулись на поднявшийся крик. Телеги были загружены, и рекруты крепили к поясам емкие кисеты с пожитками возле длинных ножей, имевшихся у каждого из них. Двое солдат у телег затеяли драку. Стройный парень, уронивший вчера палатку в коровье дерьмо, и рослый светловолосый мужчина со встрепанной головой осыпали друг друга ударами. Остальные тут же окружили их.

– Валяй, Голубь. Такого нельзя спускать!

– И что ты теперь сказал ему, Угрюм?

Разойдясь подальше, противники, пыхтя, стали кружить друг вокруг друга.

– Ближе, ближе, Голубь, шелудивый урод! – выкрикнул светловолосый. – И покрепче там на ногах! Не то ветер дунет как следует в твои уши – и улетишь, словно птица!

Послышались смешки. Голубь принадлежал к числу тех несчастных,

уши которых лопухами торчали по обе стороны головы. Дополняло впечатление узкое лицо и отсутствие подбородка. На взгляд, ему было не больше двадцати, в то время как противник его был на несколько лет старше: на его неприглядном костистом лице сверкали с раздражительностью прирожденного задиры злобные глазки. Мне было приятно увидеть, что Голубь застиг этого мужчину врасплох, ударив его ногой в колено, так что тот пошатнулся и взвыл.

Кружок зрителей расступился, и к драчунам прорвался краснорожий герольд Снодин с полным ярости выражением на лице. Подбежав к Голубю, он отвесил тому оплеуху.

– Что за хрень тут творится?! – завопил Снодин. – Опять ты, Голубь… вечно там, где оказываешься ты, одни неприятности происходят! Дерьмо бесполезное!

– Угрюм мне прохода не дает, – огрызнулся в ответ молодой человек. – Только и слышу от него одни оскорбления. В нашей деревне я, конечно, терпел, но тут не деревня.

Среди собравшихся пробежал одобрительный гомон, а кое-кто рассмеялся. Герольд от этого остервенел еще пуще. Побагровев, как свекла, он рявкнул:

– Заткнитесь!!! Теперь вы – люди короля и должны забыть свои деревенские дрязги!

Потом он окинул толпу злобным взором и продолжил:

– Сегодня утром вы получили возможность пройтись в шлемах и джеках. А двадцатка Голубя будет гулять в бригандинах[25]. Вините в этом его. – Раздавшиеся недовольные стоны Снодин пресек коротким рыком: – Молчать! Вам надо привыкнуть к доспехам, в них вы пойдете навстречу французам! Первый десяток, на разгрузку!

Десятеро парней торопливо отделились от остальных и, подбежав к возу, принялись разгружать плотно облегающие голову стальные шлемы, стеганые джеки и другие куртки, оснащенные металлическими пластинами, позвякивавшими, словно монеты. Я слышал, что бригандины могут остановить стрелу. Угрюм, чуть прихрамывая, поднялся на ноги и повернулся к Голубю с победоносной улыбкой.

– Солдатам придется идти во всем этом? – спросил я Барака.

– Похоже на то. Слава богу, что не мне!

– Как только что сказал герольд, им придется в этом сражаться, – заметил Дирик. – Смотрите-ка, вот едут Ликон и капитан. Пошли, пора в путь!

Джордж и сэр Франклин уже верхом подъехали к герольду и

принялись негромко переговариваться с ним о чем-то. Ликон явно не соглашался с герольдом, однако Гиффард внезапно объявил:

– Ерунда! Это преподаст им урок.

Чем и завершил дискуссию, выехав на дорогу.

Люди надевали джеки, кроме самой последней двадцатерицы, в которой состояли Угрюм и Голубь, а кроме того, юный стрелок Ллевеллин: эти невезучие солдаты натягивали бригандины. Как и джеки, многие из них истрепались, и из прорех выглядывали металлические пластины. Надевавшие их люди недовольно ворчали – впрочем, Угрюм, в новом на вид красном доспехе, блестящие пластины которого удерживались медными клепками, явно гордился этим «нарядом» – как я понял, своей личной собственностью. Прочие признаков довольства, как я уже сказал, не обнаруживали. Капрал, крепкий и остроглазый молодой человек с приятным живым лицом, подбадривал их:

– Действуйте, парни, делать нечего. Ведь это только до обеда!

По команде Снодина солдаты выстроились в ряды по пять человек. Сэр Франклин, Ликон и барабанщик заняли места спереди. Барабанщик начал мерный ритм, и солдаты пошли с поля. Я снова отметил, как они молоды: почти всем было меньше тридцати лет, а нескольким явно еще не исполнилось и двадцати. Все были в кожаной обуви, у некоторых потертой и поношенной. Снодин занял место в хвосте колонны, так чтобы видеть всю сотню. Мы, четверо штатских, заняли места за его спиной. С коня я видел плешь на его макушке, а когда он поворачивал голову, получал возможность узреть во всей красе украшенный сиреневыми прожилками нос пьянчуги. Позади, выезжая на дорогу, покряхтывали телеги. Когда мы проезжали по пустынной главной улице Кобхэма, из верхнего окна одного из домов высунулся старик, крикнувший:

– С вами Бог, солдаты! Боже, спаси короля Гарри!

Я уже начинал привязываться к собственному коню, откликавшемуся на кличку Нечет по причине единственного белого чулка на ноге. Кроткий нравом, он шел ровным и мерным шагом и как будто бы с утра обрадовался мне. Сотня маршировала по сельской дороге под заданный барабаном ритм, топоту ног подпевали доносящийся сзади грохот тележных колес, конская поступь и звучащий впереди неожиданно тонкий монетный звон бригандин. Один из солдат завел песню, и остальные нестройным хором подхватили непристойную вариацию «Зеленых рукавов», причем каждый следующий куплет блистал все большей выдумкой.

Спустя некоторое время Ликон приказал барабанщику умолкнуть.

Теперь мы взбирались на Суррейские холмы, и дорога превратилась в сухой мел. Ноги марширующих солдат поднимали тучу пыли, и скоро мы, ехавшие в конце колонны, густо покрылись ею. Облик окрестностей переменился. Все больше полей возделывалось здесь по старинной системе, когда огромные участки земли делились на узкие полоски различными видами растений. Пшеница и вика здесь казались более зрелыми и не столь потрепанными: возможно, грозы не дошли до этих южных краев. Крестьяне, распрямляясь, смотрели на нас, но без особого интереса. Эта солдатская колонна шла здесь не первой.

Через пару миль певцы выдохлись. Замедлился и шаг, так что барабанщику пришлось вновь задавать ритм. Я решил затеять новый разговор с Дириком. Даже под широкополой шляпой его узкое строгое лицо начинало подгорать, как это обычно бывает с рыжеволосыми людьми.

– Бедные сукины сыны, – проговорил я, кивнув в сторону парней в бригандинах, – сегодня им пришлось попотеть!

– Ну, когда мы придем в Портсмут, одним по́том они не отделаются, – мрачным тоном заметил Винсент.

– Ну да. Лучше бы король вообще не затевал эту войну.

– Что ж… возможно, пришло время окончательно поквитаться с французом. Желаю только одного: чтобы по вашей милости мне не пришлось застрять в самой сердцевине заварушки.

Я расхохотался:

– Ну, знаете ли, брат Дирик! Должна же найтись хотя бы одна тема, в отношении которой мы сошлись бы во мнениях.

Мой спутник бросил на меня враждебный взгляд:

– Не могу представить себе такой темы.

Я сдался. И, невзирая на невежливость подобного поступка, отстал, чтобы поговорить с Бараком. Фиверйир неодобрительно посмотрел на меня.

Мы уверенно продвигались вперед. Услышав сигнал трубы, телеги раз за разом выезжали на обочину, а однажды нас пропустила бригада, занятая ремонтом дороги. Через два часа мы остановились у моста, чтобы напоить коней из протекавшего под ним ручья. Когда мы повели животных к воде, солдаты оставили строй и сели завтракать прямо на дороге и на обочине, доставая хлеб и сыр из висевших на поясе кисетов. Одетые в джеки и бригандины, они казались совсем уставшими.

– Едва ли я сумел бы выдержать этот переход так же, как они, – принялся рассуждать Барак. – Пять лет назад, возможно. Эта задница, то

есть Гудрик… его же не интересовало, получится из меня хороший солдат или нет. Ему хотелось превратить меня в назидательный пример.

– Действительно.

– А Снодин – такая же задница, как и Гудрик. Ты же видел, как он отнесся к этому лопоухому!

– Такая же. – Я посмотрел назад, на дорогу. – Что это там такое?

Вдали показалось облако пыли, поднятое всадниками. Снодин приказал рекрутам, усевшимся на дороге, перебраться на обочину. Мимо нас на юг проехали с полдюжины всадников в королевских ливреях. Во главе скакал невысокий человечек в серой одежде. Коня его покрывала попона зеленого и белого – королевских – цветов. Перед мостом лошади замедлили ход, и я успел узнать опрятное бледное лицо сэра Ричарда Рича.

Глава 14

По мере того, как утро продвигалось к полудню, я стал находить путешествие все более утомительным. Пешим солдатам оно давалось куда тяжелее, и я заметил, что шедшие в старой обуви начали прихрамывать. На спинах военных, маршировавших впереди нас в бригандинах, выступили темные пятна пота, очерчивавшие вшитые в ткань металлические квадраты. Солдаты явно замедлили шаг, и барабан подгонял их, задавая нужный темп. Некоторые из них уже начинали роптать, но вот, наконец, труба пропела привал. Мы остановились, не доходя до деревни, возле большого обсаженного ивами пруда. К нам подошла пара немолодых матушек в белых фартуках, и Ликон переговорил с ними, не слезая с коня. После недолгого совещания с капитаном, он крикнул солдатам:

– Останавливаемся здесь на обед! В деревне есть ветчина и бекон на продажу. Казначей, выдай деньжат! И снимайте джеки и бригандины!

– А нельзя ли, сэр, кроме еды, закупить нескольких баб? – вопросил молодой капрал последнего отделения. Солдаты дружно расхохотались, и мой бывший клиент тоже улыбнулся:

– Ты, Стивен Карсвелл, возможности пошутить не упустишь!

– Парни из Хиллингдона больше любят ослиц, чем баб! – выкрикнул грубиян Угрюм, и сам первым расхохотался, широко раскрывая рот, лишенный половины зубов.

Солдаты разошлись и снова пристроились отдыхать на обочине, если не считать нескольких, отправившихся к телегам за сухарями, сыром и бочонком пива. Я не мог не подивиться четкости армейских порядков. Джордж и капитан повели своих лошадей к воде, и мы, адвокаты, последовали за ними.

Пока животные пили, Дирик устроился в тени ивы, и Фиверйир последовал его примеру. Мы с Бараком подошли к стоявшему в одиночестве и наблюдавшему за своими людьми Ликону. Некоторые из солдат направились уже в сторону домов.

– Трудная это работа, командовать сотней людей, – заметил я.

– Ага, – подтвердил Джордж. – У нас есть свои ворчуны и парочка бунтарей. Карсвелл у нас исполняет роль шута. Хороший человек… думаю, что из тех, кто будет шутить, идя в бой.

– Этот, с соломенными волосами – тот еще тип. Сегодня утром он-то и был зачинщиком драки…

Ликон вздохнул:

– Да, Угрюм умеет набедокурить. Однако Снодин недолюбливает бедного Голубя – мол, недотепа. Младшим офицерам свойственно подчас без всякой причины придираться к кому-нибудь из солдат.

– В этом ты прав, – с чувством согласился Барак.

– На мой взгляд, это несправедливо, – заметил я.

Джордж бросил на меня нетерпеливый взгляд:

– Это армия, мастер Шардлейк, а не суд. Снодин обязан поддерживать дисциплину, и ему, возможно, придется делать это в сражении, так что я не пытаюсь оспаривать его решения. Он жесткий человек, но он нужен мне. Ну а сэр Франклин – что ж, вы знакомы с ним.

– А что там у вас за дело с пуговицами? – полюбопытствовал я.

– Вы могли заметить, что у некоторых солдат есть на рубашках пуговицы, в то время как другие завязывают их шнурками. Сэр Франклин искренне уверен в том, что носить пуговицы вправе только джентльмены. Это у него, скажем так, навязчивая идея.

– Пуговицы? – недоверчиво повторил мой клерк.

– Да. Не могу сказать, что он полностью заблуждается – солдатам приятно сохранять, по возможности, больше общественных различий, каковыми они обладали в прошлом. В этом и заключается часть причины раздора. Они происходят из одной деревни, но Голубь – сын батрака, а Угрюм – йомена. Хотя только второй сын.

– Которому, по обычаю, достается наследство с гулькин нос.

– Он сам стремился попасть к нам в сотню, и он умелый лучник.

– Если бы только причины набирать эту армию никогда не существовало! – проговорил я.

Ликон посмотрел в сторону деревни, а потом туда, где длинное, нарезанное полосками поле венчало низину. Крестьяне старательно пропалывали свои гряды. И Джордж заговорил с внезапной страстностью:

– Мы обязаны защитить этих людей, мастер Шардлейк. Потому-то и была собрана эта армия. А теперь я должен выяснить, куда отправился капитан.

Он зашагал прочь.

– Кажется, я обидел его, – сказал я Бараку.

– Ему полезно знать, что думают люди об этой войне.

– Тем не менее, в конечном счете, он прав: мы должны защитить себя. И сделать это предстоит ему и его людям.

– А знаешь что, – проговорил Джек. – Давай сходим в деревню. Я не возражал бы против ломтя бекона.

Настоящего центра у деревни не было: вытянутые дома самой разной длины грудились в ней как попало, и между ними вились тропки. Перед невысокой квадратной и приземистой пекарней был выставлен стол с беконом и толстыми ломтями ветчины. Несколько солдат были заняты спором с теми пожилыми женщинами, которые встретили нас у деревни и теперь стояли за импровизированным прилавком. В самом центре перебранки оказался Угрюм. Из домов, тем временем, выходили новые селяне.

Одна из старых женщин размахивала полученной от Угрюма монетой с тем же отчаянием и яростью, которые я видел десять дней назад в Чипсайде.

– Это разве деньги? – кричала она. – Это не серебро! Стыдно вам, солдатам короля, обманывать бедных крестьян!

Угрюм успешно огрызался:

– Это одна из новых монет, бестолочь ты деревенская! Это тестон, шиллинг!

К нему шагнул суровый с виду старик.

– Не смей оскорблять мою жену, обезьян! – слегка оттолкнул он скандального лучника. Другой солдат тут же, шагнув вперед, толкнул старика:

– И ты не толкай Угрюма! Хоть он и обезьян, но наш обезьян!

Капрал Карсвелл поднял руки:

– Пошли, парни. Не нарывайтесь на неприятности, иначе нам придется весь день маршировать в джеках.

– Да что эти селюки понимают в монетах! – проговорил Угрюм с насмешкой. По собиравшейся толпе пробежал многозначительный ропот. Босоногие детишки с увлечением наблюдали за происходящим.

– Прошу вас успокоиться, – выкрикнул Карсвелл. – Спокойствие! Наш обезьян говорит правду, это действительно новые монеты нашего королевства!

Угрюм бросил на него красноречивый взгляд.

– Тогда платите старыми! – крикнул один молодой селянин.

Вперед шагнул юный стрелок Ллевеллин:

– Все старое мы истратили. Прошу тебя, добрая женщина, мы три дня ничего не ели, кроме хлеба и сыра!

Старуха-продавщица скрестила на груди руки:

– Это твоя забота, мой милый.

– Эту вот каргу бы, да выставить против французишек! – продолжал

вопить Угрюм. – Только увидят ее, тут же разбегутся!

Вперед шагнула парочка селян постарше. В отчаянии посмотрев по сторонам, Карсвелл увидел меня и указал в мою сторону:

– Вот, смотрите, с нами едет джентльмен, адвокат. Он подтвердит наши слова.

Крестьяне уставились на меня злыми глазами. Чуть поколебавшись, я кивнул:

– Действительно, выпущена новая монета.

– И солдаты теперь возят с собой горбунов-адвокатов, чтобы дурить народ! – Ничто не могло успокоить старую женщину.

Селяне одобрительно забормотали.

Я шагнул вперед:

– Видите, на монетах голова короля.

– Это не серебро! – выкрикнула пожилая селянка прямо мне в лицо. – Я знаю серебро и на вид, и на ощупь!

– Оно смешано с медью. В Лондоне считают, что эта монета стоит восемь пенсов старыми деньгами.

– Девять пенсов! – с надеждой пытался поправить меня один из солдат.

– Восемь пенсов, – жестко повторил я.

Старуха покачала головой:

– Какая разница. Мне не нужна эта жестянка!

– Помолчи, Маргарет, – вмешался один из стариков. – Мы закололи свинью Мартина, чтобы получить это мясо, и теперь нам надо продать его.

Я достал свою мошну:

– Я заплачу вам старыми деньгами. А потом солдаты заплатят мне по восьми пенсов за новый тестон.

По сборищу деревенских жителей пробежал одобрительный ропот. В глазах старухи еще не угас огонек подозрительности, но она согласилась:

– Можете забрать все мясо за четыре шиллинга подлинным серебром. С учетом услышанных мной оскорблений я должна была бы потребовать пять шиллингов, но остановимся на четырех.

Сделка оказалась разорительной, но я кивнул в знак согласия. Напряженность, копившаяся в жарком полуденном воздухе, рассеялась, когда я отсчитал дюжину серебряных гроутов[26], каждый из которых старая женщина придирчиво рассмотрела, прежде чем кивнуть и махнуть рукой в сторону мяса. Солдаты похватали свое, а селяне возвратились в дома, бросая на нас через плечо враждебные взгляды.

Собрав деньги с рекрутов, Стивен Карсвелл приблизился ко мне:

– Благодарю вас, сэр, от лица всех моих людей. Вот их деньги. Если бы началась драка, мы оказались бы по уши в дерьме перед лицом офицеров. – Помедлив, он добавил: – И вы окажете нам еще большую любезность, если не упомянете об этом в разговоре с капитаном Ликоном.

– Ага, – добавил Том Ллевеллин. – Мы знаем, что вы его друг.

Я улыбнулся:

– Быстра людская молва.

Подошедший Угрюм одарил нас мерзким взглядом. Я заметил на его куртке перламутровые пуговицы и вспомнил, что Ликон говорил о различиях в одежде солдат.

Вечно недовольный солдат тем временем заговорил:

– Карсвелл, здесь назревала превосходная драчка, и ты, заячий хвост, предотвратил ее.

– Со стариками и детьми? – хмыкнул Стивен. Несколько старших солдат уже враждебно посматривали на Угрюма, и тот, отвернувшись, зашагал дальше.

– Простите его, сэр, – проговорил Карсвелл и оглянулся на молодого лучника: – Пошли-ка, валлиец, пора назад!

Я с любопытством посмотрел на Ллевеллина:

– Судя по произношению, ты все-таки не валлиец?

– Да, сэр. Это мой отец из Уэльса. Он-то и научил меня обращаться с боевым луком, – ответил юноша с гордостью, а затем по лицу его пробежала тень. – Но мне нравится и работа у горна.

Стивен толкнул его локтем:

– А как насчет твоей девчонки, парень? – Он повернулся ко мне и пояснил: – Он собирается жениться на Рождество.

– Поздравляю, – сказал я.

– Но где мы будем на это самое Рождество? – с грустью в голосе вопросил Том.

– Мы побьем этих французишек, – уверенно посулил шутник Карсвелл. – И на двенадцатую ночь ты будешь обниматься в постельке со своей Тесси. Если только в вашей деревеньке в Йюсли есть постели: поговаривают, что все вы спите в обнимку с коровами.

– Ну, нет, это в Хэрфилде, у Угрюма, такие порядки. – Ллевелин посмотрел на меня. – Здесь нас четверо человек из нашей деревни. – Он печально покачал головой. – Когда мы уходили, девушки украшали нас венками… все вышли провожать нас, и лютнист с песней вел нас по дороге. А как с нами обращаются здесь…

– Пошли, – позвал его Стивен. – Надо успеть донести бекон в лагерь,

пока я еще не истек слюнями.

Они отправились прочь.

– Ну вот, мы и познакомились с солдатами, – заметил Барак.

– Богу ведомо, что нам нужны друзья в этой дороге.

Помощник посмотрел на меня:

– Это не Ричард ли Рич проехал мимо нас у моста?

– Он самый. Возможно, он скачет в Портсмут. Так что чем скорее мы попадем в приорат Хойленд и вернемся из него, тем лучше.

После обеда сотня отдыхала целый час, пережидая самое жаркое время дня. Затем солдатам велели стать в строй.

Мы упорно продвигались вперед, и когда перед самым вечером оказались в Гилдфорде, некоторые из рекрутов уже изнемогали от усталости. Через город мы прошли без остановки. Из горожан лишь мелкая ребятня бегала с приветственным писком возле колонны, а взрослые по большей части ограничивались одними взглядами: не одна сотня солдат прошла по этой улице за последние несколько недель.

Вскоре после этого мы поднялись на гребень песчаниковых холмов, а затем спустились в речную долину. Около шести солнце начало опускаться. Мы, наконец, увидели в колыбели холмов Годалминг, увенчанный шпилем большой церкви. Возле ведущих на луг ворот нас ожидал человек, внимательно смотревший в нашу сторону. По данному Ликоном знаку строй рассыпался, и утомленные люди повалились на обочину отдыхать.

– Я оставляю Снодина командовать людьми, – сказал он. – На этом поле они поставят лагерь и заночуют. Мы с казначеем поедем в город купить продовольствие, и мне нужно еще поискать новую обувь. Некоторые из наших людей здорово хромают.

– Это так, – кивнул я.

– Скорее всего, придется дорого заплатить за нее. Торговцы жиреют на этой войне. Я вернусь, чтобы заночевать с людьми, но вы со своими друзьями сможете поехать со мной и подыскать себе гостиницу. Мы можем подобрать вас завтра утром на главной дороге. В шесть утра, нам приходится торопиться.

– Мы будем готовы, – пообещал Дирик, такой же пропыленный и усталый, как и я.

Мы въехали в Годалминг. Ликон и его казначей, оставив нас, отправились на поиски мэра, а мы стали искать свободные места в гостинице. Постоялые дворы, по большей части, были полны, но, в конце

концов, мы нашли, где остановиться. Впрочем, Бараку опять пришлось делить комнату с Сэмом. Поднявшись в собственную комнату, я стащил с ног сапоги и растянулся на тюфяке, на сей раз набитом пером. Глаза мои уже совсем закрывались, когда в дверь постучали, и на пороге появился Джек.

– Давай сходим в город, – предложил он. – И найдем, где можно поесть. Перспектива провести весь вечер с Фиверйиром меня пугает.

Я с трудом поднялся, скривившись от боли в натруженных ногах и пояснице:

– Как и меня общество Дирика.

Мы нашли еще одну гостиницу, в которой кормили лучше, чем на вчерашнем постоялом дворе. Без общества Винсента и Сэма трапеза оказалась вполне приемлемой. Однако, когда мы снова оказались на улице, я ощутил сильное желание побыть в одиночестве: уже три дня я не оставался наедине с собой.

– Вот что, загляну-ка я в церковь, – проговорил я.

– Место молитвы? – удивился мой помощник.

– В церкви отлично думается.

Джек вздохнул:

– Стало быть, назад, в общество Фиверйира.

Пройдя по главной улице, я вошел в храм. Царившая под сводами тишина напомнила мне о детских днях, ибо эта церковь оставалась настолько традиционной, насколько это позволял закон. Лучи вечернего солнца пронзали цветные стекла западного окна, окрашивая интерьер в бледно-розовый цвет. В приделе священник читал поминальную службу.

Я медленно шел вдоль нефа и вдруг заметил в противоположном приделе преклонившую колени перед алтарной преградой фигуру в пропыленном белом плаще. Джордж Ликон. Он повернулся, должно быть, услышав, что шаги мои замерли недалеко от него. Выглядел молодой человек до предела усталым.

– Прости меня, – проговорил я негромко. – Я пришел посмотреть на церковь.

Джордж печально улыбнулся:

– А я пытался поговорить со своим Создателем.

– Помнится, в Йорке ты старательно изучал Библию.

– Эта книга по-прежнему при мне. – Старый знакомый смотрел на меня с какой-то мукой. – В эти дни меня смущает, насколько Библия полна войн. Возьмем хотя бы Ветхий Завет и Книгу Откровения.

Я присел на ступень амвона. После долгого дня, проведенного в седле,

я сомневался в том, что мне удастся преклонить колени.

– Да, – согласился я.

– Мне необходимо отвлечься от образов войны! – проговорил Ликон неожиданно яростным тоном. – Я читаю Новый Завет, я молю Бога, чтобы память о сражениях не лезла мне в голову, но воспоминания не оставляют меня.

Я вновь удивился тому, как запомнившееся мне открытое мальчишеское лицо сделалось настолько худым и жестким.

– Ты говорил, что в прошлом году был во Франции, – предложил я тему для разговора.

– Ну да. – Джордж повернулся в мою сторону и уселся рядом со мной. – Эти рекруты не имеют никакого понятия о войне. Когда мы с вами встретились четыре года назад, мастер Шардлейк, я был знаком только с легкой формой солдатчины. С гарнизонной службой на северной границе или в Кале или с охраной дворцов короля. Никакой войны, одни пограничные стычки со скоттами. Да, я видел воров, которых привозили мертвыми, чтобы выставить их головы на стенах Бервикского замка. Но сам я не убил ни одного человека. Кроме того, как вы помните, меня уволили.

– Несправедливо.

– Поэтому я возвратился на родительскую ферму, которую вы сохранили для нас на том суде.

– Я был в долгу перед вами.

– Это была добрая жизнь, хотя и нелегкая. Но родители мои состарились, они не смогли трудиться по-прежнему, и нам пришлось нанимать работников. Потом, весной прошлого года, явился мой прежний капитан. Он сказал, что король решил вторгнуться во Францию и что ему нужны все люди, умеющие держать в руках оружие. Плата была хорошей, и я согласился. – Мой собеседник внимательно посмотрел на меня. – Я не имел никакого представления о том, что меня ждет. Не глупо ли говорить подобные детские слова тому, кто был профессиональным солдатом?

– Что же произошло? – поинтересовался я осторожно.

Ликон говорил теперь с твердым и спокойным отчаянием в голосе:

– Сперва меня повезли в Шотландию на одном из кораблей флота лорда Хартфорда. Вы слышали, наверное, что король приказал ему начать войну и не щадить ни детей, ни женщин? Лорд Хартфорд не хотел этого, но король настоял на своем. Мы высадились в местечке под названием Лейт, взяли его, сожгли все дома, разогнали женщин с детьми по всем окрестностям. Моя сотня там и осталась, и больше в боях я не был, но вся

армия отправилась в Эдинбург и стерла с лица земли этот город. Наши вернулись назад с огромной добычей, они унесли все ценное, что можно было найти в домах. Корабли настолько осели в воде, что некоторые вполне могли потонуть. Однако грабеж – часть войны: без надежды на поживу солдат не пойдет в чужую страну.

– А теперь скотты грозятся вторгнуться к нам вместе с тем подкреплением, которое прислали им французы.

– Да, король Франциск хочет покончить с Англией раз и навсегда. – Джордж провел по кудрям ладонью. – Прямо из Шотландии мы отплыли во Францию. В июле, почти ровно год назад. Я командовал полусотней стрелков. В живых не осталось ни одного.

– Неужели?

– Ни одного. Мы высадились в Кале и пошли маршем на Булонь. Окрестности обоих городов были уже разорены фуражирами. Как и в Шотландии, поля были вытоптаны, а деревни сожжены. Помню местных жителей, как они стояли у дороги в лохмотьях – старики, женщины, дети, – ибо у них не осталось ничего. Что наши солдаты не отобрали, то уничтожили. Помню этих французов, голодных, насквозь промокших: в прошлом году во Франции, как нарочно, дожди сменялись холодными ветрами. Помню, какими бледными были их лица. – Голос его превратился в шепот. – Там была одна женщина… Истощенной рукой она прижимала к себе ребенка, протягивая другую за подаянием. Проходя мимо, я заметил, что ребенок уже мертв, что его пустые глаза остекленели. Мать еще не заметила этого.

Ликон не отводил от меня глаз и все говорил:

– Нам не позволяли останавливаться. Я видел, какое впечатление произвело это зрелище на солдат, но мне следовало подбодрять их, не дать им замедлить шаг. Вы должны, должны, должны…

Он сделал паузу и глубоко вздохнул, а потом стал рассказывать дальше:

– И если французы высадятся в наших краях, они сделают то же самое… из мести. Теперь их капитаны будут кричать: «Рушь!» Их солдаты поплывут домой с награбленным добром.

– И все это, потому что король захотел славы! – с горечью произнес я.

Гримаса отвращения исказила лицо Ликона:

– Там, на окраине Булони, нам довелось пройти мимо Генри. Он находился в своей ставке, среди поставленных на пригорке великолепных шатров. Я видел его, закованного с головы до ног в броню, верхом на гигантском коне – таких животных мне вообще не доводилось видеть, –

наблюдающего за ходом битвы. И, конечно же, он был больше чем на расстоянии пушечного выстрела от стен города. – Сглотнув, Джордж продолжил: – Наша сотня шла вверх по склону под огнем французов… Булонь находится на верху холма. Все, что могли сделать наши – это укрываться за земляными валами, стрелять в город из пушек и по дюйму продвигаться вперед. На моих глазах живой город Булонь превращали в груду мертвых обломков. – Вновь посмотрев на меня, он добавил: – Вы никогда не узнаете, что это такое: убить человека.

Помедлив, я ответил:

– Однажды я убил человека. Пришлось… иначе он убил бы меня. Я утопил его, не позволив вынырнуть из грязного пруда. До сих пор помню звуки, которые он издавал. Позже я едва не утонул сам – в полноводной сточной канаве. С тех пор я боюсь утонуть, хотя подобная смерть была бы для меня справедливой.

– Справедливости не существует, – негромко проговорил Ликон. – Смысла тоже. Вот чего я опасаюсь… Я молю Бога забрать у меня воспоминания, но он не хочет этого делать.

Посмотрев на богато вызолоченную статую Девы Марии на алтаре, невозмутимо взиравшую на нас из своей неизмеримой дали, он возобновил свою страшную повесть:

– Когда ближайшую к нам часть Булони стерли в порошок, нам приказали наступать. Король к этому времени уже отправился домой; сентябрь выдался дождливый и грязный, как никогда. Наши сотни брели вверх по грязи, а французская артиллерия все время поливала нас огнем. Потом, когда мы подошли ближе, стрелять из завалов начали их лучники и аркебузиры. Чем ближе подходили мы к городу, тем больше наших оставалось лежать в грязи. Мои лучники убили многих французских лучников и канониров. Но мы и сами служили мишенью для них… пушечные ядра в клочки разорвали многих моих парней. – Он вдруг расхохотался, и этот жуткий звук ужасом прокатился по темной церкви. – В клочки, – повторил рассказчик. – Тихое словцо, а каков смысл? Весь тот широкий глинистый склон покрывали оторванные руки и ноги, шматы мяса, клочья мундиров, лужи кровавой грязи вперемешку с битым камнем. И головы наших друзей… в шлемах… посреди кровавых луж.

Поникнув головой, он тяжело вздохнул, после чего опять поднял на меня глаза.

– Но не все наши полегли перед стенами, уцелевшие по битому камню вошли в город. Началась рукопашная, пошли в ход мечи и клевцы, повсюду звон стали, хруст костей и кровь. Французы – а они люди отважные, ничуть

не хуже наших – отступили в верхнюю часть Булони и продержались еще неделю. Получив легкую рану в бок, я потерял сознание и очнулся в дырявом шатре, корчась от боли, стараясь держать крыс подальше от моей раны. – Джордж коротко хохотнул. – Мне сказали, что я – бравый солдат, и произвели в вице-капитаны.

– Действительно бравый… столь ужасную ситуацию трудно и вообразить!

– Но не сражение в городе запомнилось мне больше всего, – продолжил Ликон, – хотя я убил там нескольких французов и сам подвергался смертельной опасности, а этот склон внизу, ставший подобием гигантской бойни. Сколько было убитых!.. Много ночей, засыпая, я оказываюсь на этом склоне. Я бреду по нему, разыскивая куски тел моих людей, так чтобы составить их вместе. – Он глубоко вздохнул. – Если мы будем нападать на французские корабли, если будем брать их на абордаж, опять начнется рукопашная. Я договорился со Снодином, чтобы послезавтра он поговорил с людьми, объяснил им, на что похожа война. Я знаю, он ведь тоже был в Булони. Я не смог заставить себя это сделать.

Я не знал, что сказать, поэтому просто положил ладонь на его руку.

– Ну, хорош из меня командир, а? – горько усмехнулся молодой человек. – С такими вот мыслями в голове?

– Ты умеешь командовать людьми. Я вижу, что они уважают тебя.

– Они не стали бы уважать меня, если бы знали, каков я на самом деле. Большую часть времени я вполне владею собой. Но иногда вдруг подумаю о том, на что веду этих парней и мужчин. Кое-кто среди них, такие, как Угрюм, не прочь подраться, однако даже они не представляют, какая именно драка их ждет.

– Джордж, если бы в бой их вели не вы, то это сделал бы другой человек, не проявляющий особой заботы о своих людях… который не стал бы покупать для них новую обувь.

– Терпеть не могу барабаны. – В голосе Ликона прозвучало отчаяние. – Когда мы шли к стенам Булони, роты всегда сопровождали барабанщики, своим боем пытавшиеся заглушить пушки. Ненавижу этот звук, он мне вечно досаждает во сне! – Он посмотрел на меня. – Если бы только я мог вернуться домой, на ферму! Увы, все мы принесли присягу. Благодарите Бога, мастер Шардлейк, за то, что вы штатский!

Глава 15

В ту ночь я уснул очень крепко. Когда хозяин гостиницы разбудил меня в пять утра, мне снился какой-то сон, касавшийся Эллен и оставивший по себе тяжелое и тревожное чувство.

Мы вчетвером ожидали роту, сидя на конях у гостиницы. Дирик в очередной раз пребывал в плохом настроении, возможно, потому что я оставил его одного предыдущим вечером. Сэр Франклин ехал во главе своих людей с надменным выражением на лице, а лицо Ликона показалось мне неподвижным и замкнутым.

Мы снова заняли свои места в арьергарде направлявшейся на юг колонны. В глазах многих рекрутов читалась скука, вызванная долгим и скучным маршем, однако те, кто вчера хромал, шли теперь в новой обуви. Герольд Снодин снова топал прямо передо мной, и от него разило, как из пивного бочонка.

Вскоре после того, как рота вышла из Годалминга, мы пересекли границу Хэмпшира. Мы находились в западной оконечности Вилда, по большей части равнинного лесного края, где объемистые дубы чередовались с вязами и буками. Охотничьи угодья были огорожены высокими и крепкими деревянными палисадами. Мы шли по подобным тоннелям лесными дорогам, где ветки деревьев сходились над нашими головами, шли сквозь зеленый сумрак, лишь изредка пронзавшийся прямыми лучами солнца. Лес источал густой запах земли. Однажды я увидел дюжину ярких бабочек, словно бы танцевавших в солнечном луче. По пути мы постоянно вспугивали птиц, с шумом разлетавшихся прочь, но бабочки не обращали на нас никакого внимания, и многие из солдат поворачивались, чтобы полюбоваться на них.

После полудня мы снова остановились на широкой лесистой поляне возле ручья. Коней повели к воде, а рекруты столпились возле телег, чтобы получить закупленную в Годалминге провизию. Солдаты жаловались на то, что им опять раздавали только хлеб, сыр и плоды, а ведавший казной толстяк ссылался на ограниченную покупательную способность новых монет. Один из солдат воскликнул:

– У нас есть луки, позвольте нам самим добыть свое пропитание! Пошли, черти, настреляем кроликов, куропаток, или, быть может, даже олень подвернется!

Послышались одобрительные голоса. Сэр Франклин, подобно Ликону

остававшийся на коне, повернулся к толпе с полным ярости взором. Джордж торопливо спешился и подошел к своим людям.

– Нельзя! – выкрикнул он. – Эта земля огорожена, должно быть, здесь находятся охотничьи угодья какого-нибудь джентльмена или даже самого короля! Я не допущу, чтобы вы нарушали закон!

– Да ладно, капитан! – послышался чей-то голос. – Мы парни деревенские, мы скоро найдем добычу.

– Ага! И мастер казначей держит нас в черном теле. На пустой желудок не навоюешься!

– А если на лесника нарветесь? – спросил Ликон.

К моему удивлению, заговорил Голубь, нервно выпаливая слова друг за другом:

– Бог создал леса и дичь для того, чтобы они служили человеку, сэр, а не для того, чтобы их огораживали те, у кого и так все есть, чтобы развлекаться на сытое брюхо!

Послышались новые одобрительные возгласы, и я впервые почувствовал в них вызов авторитету моего бывшего клиента. К месту событий приблизился побагровевший герольд Снодин.

– Бунтовщик! Ублюдок! – завопил он прямо в лицо Голубю, забрызгав его слюной.

– Пьяный старый хрен! – донесся до меня голос Угрюма. Несколько человек расхохотались, и Ликон обратил к ним гневный взор. Потупились многие, но не все. Некоторые отвечали упрямыми взглядами, скрестив руки на груди.

– Может, вы и правы! – громко произнес Джордж. – Я и сам сын бедного фермера, и потому у меня нет возможности разбираться с огораживателями земли! Но если вы убьете какую-нибудь дичь и встретите лесничего, то попадете на виселицу, солдаты вы или нет. Неплохая перспектива услышать такое о роте лучников! Обещаю, что, когда мы придем в Липхук, я устрою вам добрую трапезу, даже если для этого мне придется взять мастера казначея за ноги и вытрясти последний гроат из его дублета!

– А нельзя ли мне, капитан, помочь вам трясти его? – предложил Карсвелл. Как и накануне в деревне, его шутка вновь рассеяла напряженность, и люди расхохотались.

После еды почти все солдаты направились к плетню, огораживавшему охотничий парк, и демонстративно помочились на него. Подкрепившись хлебом и беконом, я направился к тому месту, где сидел Ликон. Он умело успокоил рассерженных солдат – трудно было узнать в этом спокойном

человеке того издерганного страдальца, с которым я говорил вчера вечером.

– Ну, как вам и вашим друзьям дается верховая езда? – спросил он, позволяя мне заметить новую сдержанность в его тоне.

– С ушибами и потертостями, но другого ожидать и не приходилось, – ответил я.

– Мне кажется, что молодому клерку вашего коллеги малость не по себе.

– Фиверйир справится. Не сомневаюсь. – Я внимательно посмотрел на Джорджа, пытаясь понять, сожалеет ли он о своей вчерашней откровенности.

– Только что слышал, как пара людей заспорила о том, следует ли считать миски их собственными или королевскими, – проговорил я, чтобы затеять разговор.

– Да, некоторые из них пользуются своими собственными, но многим пришлось позаимствовать миски и ложки в хранилищах. В бедной семье будут рады и деревянной миске. То же самое относится к лукам: взять с собой собственный позволено только самым лучшим стрелкам, таким, как Ллевеллин. Большинство пользуются простыми, взятыми из королевского арсенала. Своего оружия нет у самых бедных, но за это им и платят меньше. Странно, не правда ли? – Капитан невесело улыбнулся.

К нам подошел Дирик. Кивнув Ликону, он обратился ко мне:

– Мастер Шардлейк, если вы не против, мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Мы уселись рядом на обочине дороги. Все остальные уже успели загореть, и только лицо Винсента еще оставалось красным, а на одной его худой щеке над медного цвета щетиной шелушилась кожа. Он заговорил:

– Мастер Хоббей превратил часть земель приората в охотничий парк. Небольшой, конечно, но кишащий дичью. – Дирик снова жестко посмотрел на меня. – Свою первую охоту он проводит через десять дней. Приглашены многие местные джентльмены. Эта охота является важным событием для моего клиента.

– Надеюсь, к этому времени нас уже не будет в его поместье.

– Но если этого не случится, я рассчитываю на то, что вы не расскажете никому из местного общества о цели нашего визита.

– Как я уже говорил вам по поводу крестьян, брат Дирик, я не стремлюсь устраивать неприятности мастеру Хоббею. Однако я не стану принимать на себя никаких обязательств в отношении того, что мне можно говорить и делать.

– Я буду старательно наблюдать за вами, брат Шардлейк. – Мой

оппонент внимательно смотрел на меня, его зеленовато-карие глаза так и буравили мои. – Мой клиент сумел высоко подняться: из торговцев шерстью он сделался сельским джентльменом. Возможно, однажды его станут называть сэром Николасом. Я не потерплю никакого вреда его интересам.

– Я хочу только одного: убедиться в том, что состояние и земли Хью Кертиса не претерпели никакого ущерба. Почему вы не хотите понять это?

– Значит, вы скоро убедитесь в этом.

– Тогда все будет в порядке, брат.

После недолгого молчания Дирик спросил:

– А вы когда-нибудь охотились?

– Всего один раз, в молодости. Не в моем это вкусе, когда зверей гонят на верную смерть. У них нет никакого выбора.

Мой коллега с издевкой расхохотался:

– Вот он – адвокат из Палаты прошений! Даже олень удостаивается его сочувствия. Ну что ж, это будет моя первая охота, если мы еще будем там – хотя, как и вы, я надеюсь, что этого не случится.

Затем он пробурчал:

– Я родом не из тех, кто охотится. Я – сын бедного клерка, мне пришлось карабкаться вверх по лестнице жизни. Из приходской школы в школу Тампля, а потом к пустяковым делам в адвокатуре при королевском дворе…

– Вы работали в суде? Быть может, вы встречались со знакомыми мне людьми. С Робертом Уорнером, например?

– С солиситором королевы? Нет, мне доставалась грубая черновая работа. Я ушел оттуда, чтобы оттачивать свой ум в тяжбах. – Собеседник вновь жестко посмотрел на меня. – Мастер Хоббей – также человек незнатного происхождения. Но я слышал, что ваш отец был богатым фермером, брат Шардлейк.

В голосе его прозвучала насмешка.

– Не таким уж богатым, он был просто йоменом, – поправил я его. – Мне рассказывали, что дед моего деда был сервом. От них все мы, по большей части, и происходим.

– Я восхищаюсь теми людьми, которые приходят из ниоткуда, но метят высоко.

Я улыбнулся:

– Что ж, брат Дирик, вы и в самом деле относитесь к числу наших «новых людей».

– И горжусь этим. Мы, англичане – не рабы, как французы.

Мы посмотрели на солдат. Небольшая группка, в центре которой находился Угрюм, негромко переговаривалась между собой и с издевкой похохатывала, вне сомнения, осмеивая кого-то, Джек увяз в разговоре с Карсвеллом и валлийским юношей. Винсент поднялся, отряхивая траву с зада.

– Кстати, – промолвил он, – этот ваш Барак, как и Фиверйир, будет жить вне господского дома. Мастер Хоббей не одобряет лишней фамильярности со слугами.

С этими словами Дирик направился прочь. Я проводил его взглядом, с едкой улыбкой отмечая, что как раз новые-то люди часто оказываются самыми большими снобами.

Днем на западе стали собираться облака, похолодало. Я заметил, что Ликон поглядывает на небо. Скоро обычный для июня свирепый ливень превратит пыль на дороге в грязь. Джордж кивнул барабанщику, и тот задал более быстрый ритм, подгоняя солдат.

В четыре часа мы ненадолго остановились на другой лесной дороге, чтобы напоить коней из пруда и дать им небольшой отдых. По кругу пустили пиво, и, воспользовавшись возможностью, я передал Бараку свой разговор с Дириком.

– Надо думать, Хоббей поселит нас с Фиверйиром в дровяном сарае. – Мой помощник кивнул в сторону клерка, сидевшего неподалеку от нас и читавшего псалтирь.

– Думаю, что нам потребуется дня три, чтобы получить показания и определить, в каком положении оказался Хью Кертис. После чего едем домой.

– Но что, если с ним творят нечто непотребное?

– Тогда мы можем забрать его с собой, а Дирик может…

– Вставить себе в задницу докрасна раскаленную кочергу! Я тут слышал, как один паренек в подробностях расписывал, как он проделает подобную процедуру над Снодином.

– Посмотрите сюда! – внезапно услышали мы крик и обернулись. Один из солдат указывал на восток. – Лесной пожар!

Я заметил поднимавшийся в миле от нас столб дыма. Он густел прямо на глазах, и до ноздрей моих в первый раз донесся запах дыма.

– Это не пожар, – ответил молодой Том Ллевеллин. – Это углежоги. Мы пришли на западную границу области, в которой изготовляют железо.

Я с любопытством посмотрел на него:

– Откуда ты это знаешь?

– Я бывал там, сэр. Когда закончится срок моего ученичества, я хочу перебраться на работу в Сассекс. Умелый кузнец может получать там хорошие деньги, работая на печах с дутьем. В прошлом году я ходил в Сассекс поискать таких возможностей – там кузни повсюду, и мастера делают что угодно, начиная от наконечников стрел и кончая узорными каминными стенками. Я дошел до Бакстеда, где льют пушки. Какое ж там место! – Юноша восхищенно помотал головой. – Дюжины людей работают в огромных домах. Грохот слышен за много миль, но платят прилично.

Пригнувшись, Том сорвал травинку.

– Тесс и мои родители не захотели, чтобы я оставался там. – Он серьезно посмотрел на меня. – Но так человек, который не умеет писать, может улучшить свою жизнь. Разве это плохо?

– На мой взгляд, неплохо. Но твоя родня может считать иначе, – заметил я. – Впрочем, мне легко говорить.

– Я сделаю это. – Нахмурившись, Ллевеллин сорвал новую травинку.

– Итак, мы оказались уже на границе с Сассексом? – уточнил я.

– Да. Здесь, на западе, кузниц немного, и они старомодны, но и для них находится уйма работы. – Мой молодой собеседник повернулся, обратив ко мне загорелое лицо с блеснувшими на нем внимательными и озабоченными голубыми глазами. – Вам не кажется, что это здравая мысль, сэр?

– Говорят, что литейные цеха – опасное место.

– Стрелком в армии быть опаснее, – с душой ответил Ллевеллин.

Около шести вечера рота остановилась возле маленького городка Липхук, где около отведенного под лагерь луга нас уже ожидал представитель местных властей. Остановившись на этом лугу, солдаты принялись разгружать палатки под присмотром Снодина. Над нами нависали тяжелые и плотные облака. Стало прохладно, но дождь еще не начинался. Ликон сообщил, что будет ночевать со своими людьми, но нам советует отыскать гостиницу, ибо человек, на чьем поле расположились солдаты, уверил его в том, что вот-вот начнется проливной дождь. Джордж обращался ко мне с новой, непривычной отстраненностью, что несколько опечалило меня.

– Вижу, вы не отпускаете людей в города? – спросил я его.

– Нет. Это строго запрещено. Они только напьются, а кто-нибудь непременно устроит какое-нибудь безобразие.

– А как сэр Франклин?

– Он останется с солдатами. Так, по его мнению, должен вести себя

капитан, хотя после каждой проведенной в палатке ночи у него обостряется подагра. А теперь мне пора заняться делами. Потом я вместе с казначеем схожу в город и попытаюсь закупить для людей приличную еду. Ждите нас на городской площади в семь утра. Если хотите, можете оставить коней в лагере. Мы приведем их.

– В семь утра. Поздновато.

– Я пообещал своим ребятам завтра поутру брадобрея. Есть такой среди рекрутов.

– Я бы тоже не отказался от его услуг.

– Для лучников бритое лицо – предмет гордости. Длинные волосы и борода мешают выпускать стрелы по полудюжине за минуту.

– Быть может, мы встретимся в Липхуке попозже и выпьем?

– Нет, мне лучше вернуться с припасами. Спокойной ночи. – С этими словами капитан ушел.

Липхук оказался совсем небольшим селением, скорее, деревней, чем городом, и в нем нашлись только две гостиницы. Как и в Кобхэме, повсюду стояли повозки. В лучшей из гостиниц оказалась свободной только одна комната, которую я оставил Дирику и его клерку. Небольшая мзда даровала нам с Бараком крохотную комнатку в другом месте. Мой помощник рухнул на постель, стряхнув при этом облачко пыли со своей одежды.

– Сомневаюсь в том, что Дирик позволит Фиверйиру кувыркаться в молитвенной позе в той комнате. Милосердный боже, мне остается только надеяться на то, что Хоббей не заставит меня делить с ним жилье! – простонал он.

– Быть может, он все-таки сумеет обратить тебя к благочестию, – усмехнулся я.

– Будем надеяться на то, что мы обрящем Хью Кертиса столь же счастливым, как свинья в хлеву.

Я вытянул ноги:

– Аминь. Боже милостивый, клянусь, мои кости вот-вот треснут! – Затем, после недолгой паузы, я добавил: – Пожалуй, пройдусь, разомну косточки. И поищу цирюльника.

Джек с удивлением посмотрел на меня:

– Ты не хочешь отдохнуть?

– Скоро вернусь, – посулил я, торопливо выходя из комнаты, с нелегким чувством от того, что не сказал другу правду. Я решил, что в Липхуке пора начинать расспросы об Эллен. Дав себе клятву не вовлекать в них Барака, я после отъезда из Лондона даже не упоминал при нем ее имя.

Как, впрочем, и он, хотя я не сомневался в том, что помощник не забыл о моем намерении выяснить ее прошлое.

Я решил начать расспросы в той гостинице, что была побольше остальных. Однако для начала заглянул к цирюльнику на боковую улочку и побрился. Днем Дирик говорил, что намеревается побриться в Липхуке, и я вдруг поймал себя на ехидной мысли: я надеялся, что он не сумеет найти этого брадобрея. Пусть себе явится в Хойлендское приорство в неопрятном виде! Я помотал головой: его бесконечная задиристость начинала заражать меня.

В зале гостиницы было людно, и мне пришлось протолкаться к прилавку, за которым упитанный и усталый мужчина раздавал кружки с пивом. Дождавшись своей очереди, я заказал пиво, положил гроат на прилавок и наклонился вперед.

– Мне хотелось бы разузнать об одном местечке по ту сторону границы с Сассексом, – проговорил я негромко. – О Рольфсвуде.

Усач с любопытством посмотрел на меня:

– Я родом из его окрестностей.

– Далеко он отсюда?

– Южнее Хорндина вам нужно будет свернуть с Портсмутской дороги, а потом проехать около пяти миль на восток.

– А большой это город?

– Нет. Маленький торговый городок. – Мужчина с любопытством посмотрел на меня. – А что вам понадобилось в Рольфсвуде? Там мало чего найдешь, после того как перестали работать с железом.

– Там обрабатывали железо?

– Да, так было раньше. На севере от города находится маленькая рудная жила. В Рольфсвуде была небольшая домница, но после того, как она сгорела, руду увозят на восток.

– Сгорела? – Я вспомнил лицо Эллен и ее слова: «Он горел! Бедняга, он весь был охвачен огнем!»

– Я был тогда еще молодым. Погибли владелец и его помощник. Это случилось лет двадцать назад.

– Произошел несчастный случай во время этого – как его там – литья?

Слуга смахнул с прилавка гроат и наклонился вперед:

– Нет. Это случилось летом, а старые домницы работают только зимой. А зачем вам это знать, сэр?

– Вы не помните имена погибших?

– Это случилось давно, однако я помню имя владельца: Феттиплейс.

Голова моя пошла кругом. Двадцать лет назад, то самое время, когда Эллен подверглась нападению и попала в Бедлам. Так что, помимо насилия, в Рольфсвуде произошло еще что-то. Погибли два человека. «Он горел!»

Сердце мое колотилось. Резко отвернувшись от прилавка, я обнаружил, что смотрю прямо на стоявшего за мной Фиверйира, сальные локоны которого свисали на обожженный солнцем лоб.

Сказались три дня раздражения, вызванного постоянными выпадами Дирика и кислой физиономией его помощника.

– Великий боже, клерк, – воскликнул я, – неужели вы подслушивали?!

У Сэма отвисла челюсть:

– Нет, сэр, я просто стоял за вами в очереди. Я пришел за пивом.

Я огляделся:

– А где Дирик? Вы шпионите за мной, клерк!

– Что вы, мастер Шардлейк! – с жаром заговорил Фиверйир, и адамово яблоко на его горле заходило вверх-вниз. – Мастер Дирик решил уснуть и выставил меня из комнаты, вот я и пришел сюда. Клянусь честью христианина, я слышал только то, что вы говорили этому человеку о сгоревшей домнице, вот и все!

Он был искренне возмущен. Я заметил, насколько усталым он казался, увидел темные круги у него под глазами.

– Простите меня, – сказал я уже спокойным голосом. – Мне не следовало кричать. Давайте сядем.

Сэм нерешительно последовал за мной к свободному месту на скамье.

– Раз я ошибся, приношу свои извинения, – проговорил я. – У меня есть еще одно дело в Сассексе, от другого клиента.

– Вы извиняетесь передо мной, сэр? – Молодой человек явно удивился. – Благодарю вас за это!

После недолгой паузы я проговорил:

– Путешествие оказалось труднее, чем я ожидал. Солдаты идут быстрым шагом.

Мой собеседник вновь замкнулся, и лицо его приобрело кислое и неодобрительное выражение:

– Мой мастер говорит, что они могли бы и не так спешить.

Хотелось бы мне знать, пользовался ли Дирик услугами Фиверйира для того, чтобы разведать наши планы перед слушанием! Возможно, он даже побывал в Опекунском суде и подкупил Миллинга. Я вспомнил про парней с угла, про мешок на моей голове и нейтральным тоном ответил:

– Ладно, посмотрим еще, что мы там найдем.

Потом, с любопытством посмотрев на Фиверйира, я поинтересовался:

– А вы давно работаете на мастера Дирика?

– Три года. Мой отец работал на кухне в Тампле, он послал меня в школу, а после выхлопотал мне место клерка. Мастер Дирик взял меня к себе и многому научил. Он хороший мастер.

Клерк вновь смотрел на меня этим своим полным осознания личной праведности взглядом.

– Итак, вы иногда работаете в суде по делам опеки, – продолжил я разговор.

– Да, сэр. – Недолго поколебавшись, Сэм добавил: – Вижу, что вы, подобно многим, считаете этот суд скверным местом.

Я кивнул.

– Возможно, это и так, но мой мастер ищет в нем только справедливости, как и во всех судах, в которых выступает.

– Не надо, Фиверйир. Адвокаты берутся за те дела, которые им предлагают, справедливы они или нет. – Я вспомнил свой разговор с леди Елизаветой.

Сэмюэль уверенно потряс головой:

– Мой мастер берется только за справедливые дела. Как наше с вами. Я – христианин, сэр, и я не смог бы работать у адвоката, который защищает плохих людей. – Он покраснел. – Я не хочу сказать, что так делаете вы, сэр, но в данном случае вы ошибаетесь.

Я не верил своим глазам. Как мог он верить тому, что Винсент Дирик, именно он, является исключительно поборником справедливости? Тем не менее это было очевидно.

– Хорошо, Фиверйир, теперь я должен вернуться в собственную гостиницу, чтобы чем-нибудь подкрепиться, – вздохнул я.

– А мой мастер велел мне отыскать брадобрея, – вспомнил клерк.

Мы вышли на улицу. Смеркалось, и в окнах появились зажженные свечи. Некоторые возчики уже укладывались спать в своих фургонах.

– Наверное, все едут в Портсмут, – проговорил я. – Как и наша рота стрелков.

– Бедолаги, – с печалью в голосе промолвил Сэм. – Я видел, как солдаты смотрят на меня, и знаю, что они считают меня слабаком. Однако я думаю о том, что может их ждать, и молюсь за них. Как это скверно, что среди них нет проповедника! Большинство этих людей так и не познали Господа. Они не понимают, что за гибелью в бою может последовать скорая дорога в ад.

– Не исключено, что обойдется без битвы. Возможно, французы не рискнут высадиться.

– Молюсь об этом.

На руку мне упала холодная капля.

– Ну вот, начался дождь, – скривился я.

– В лагере все промокнут.

– Да. А мне надо побыстрее вернуться в свою гостиницу. Спокойной ночи, Фиверйир.

– Спокойной ночи, мастер Шардлейк.

– Ах да, Фиверйир, лавка цирюльника находится на соседней улице за углом. Передай своему мастеру.

Когда я добрался до своей гостиницы, дождь уже лил как из ведра: начиналась очередная летняя гроза. В рубашке и камзоле я промок насквозь. Человек, которого мне пришлось подкупить, чтобы найти место в гостинице, пригласил меня к кухонному очагу посидеть у огня, надеясь, вне сомнения, на еще одну монетку. Я был рад принять его предложение – нужно было где-то тщательно обдумать то, что я узнал в другой гостинице.

Я смотрел в пляшущие языки пламени. Два десятилетия назад в Рольфсвуде сгорела домница, и при этом погибли два человека. Судя по произнесенным ею в Бедламе словам, Эллен видела огонь, видела, как сгорел, по крайней мере, один из тех людей. Мог ли этот случай оказаться тем самым, который лишил ее разума? Но какое место тогда занимает нападение на нее? Хотя в очаге жаром дышали дрова, по моей коже побежали мурашки. Что, если смерть владельца домницы и его подручного была не случайной? Что, если Эллен стала свидетельницей убийства, и в Бедлам ее запрятали именно поэтому? Мне уже начинало казаться, что Барак, предупреждавший меня об опасности, был прав.

Тут мне пришло в голову, что ездить в Рольфсвуд, вообще-то говоря, и не стоит. Можно спокойно вернуться в Лондон, и пусть все остается как есть. В конце концов, Эллен провела в безопасности девятнадцать лет, а если я разворошу старое убийство, то могу вновь подвергнуть ее риску.

Языки пламени над дровами в очаге поднимались все выше и выше. И вдруг они высветили снизу вырезанные на каминном заднике слова, заставившие меня вздрогнуть и едва не свалиться со стула.

«Не горюй: сердце твое принадлежит мне».

Женщина средних лет, стоявшая возле кухонного стола и закладывавшая в котелок разные продукты для похлебки, посмотрела на меня с удивлением.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – поспешила она ко мне. – Вы вдруг так побледнели.

– Что это? – указал я на надпись. – Эти слова… вон там, вы видите их?

Повариха бросила на меня недоуменный взор:

– В нашем краю на задней стенке камина часто вырезают разные слова и фразы.

– Но что значит эта фраза? Чье сердце и кому принадлежит?

Женщина вдруг встревожилась:

– Не знаю… может быть, жена изготовившего эту доску мастера умерла или с ней случилось что-то плохое… Сэр, вы плохо выглядите!

Пот струйками тек по моим вискам, и я чувствовал, как раскраснелось мое лицо.

– Со мной случился какой-то непонятный припадок, – объяснил я. – Поднимусь-ка я наверх…

Кухарка с симпатией кивнула мне:

– Это все наши мысли о проклятых французах… о том, как они плывут на нас… Мне тоже не по себе. Таковы времена, сэр, таковы времена…

Глава 16

Следующий день, четвертый, проведенный нами в дороге, не принес особых событий. Снова было жарко, солнечно и душно. К счастью, дождь не затянулся надолго и не размыл дорогу. Мы ехали через леса и мимо пастбищ и к полудню добрались до Питерсфилда, где и остановились передохнуть.

Облик местности вокруг нас начал меняться. Под ногами крошился мел, стало больше просторных полей, а дорога шла вверх на Хэмпширское нагорье. Движение на тракте сделалось еще более оживленным, и телеги впереди то и дело останавливались по звуку трубы, пропуская нас. Раз мы заметили в поле занимавшийся учениями отряд местного ополчения: увидев солдат, они разразились приветственными криками и принялись махать руками. На вершинах холмов все чаще обнаруживались высокие сооружения, толстые столбы поддерживали штабеля облитых смолой дров, и рядом непременно находился страж – сигнальные огни эти, насколько я знал, образовывали цепь по всем прибрежным графствам. Их зажгут сразу, как только заметят вражеский флот.

Однажды мимо нас проскакал почтовый гонец в цветах королевского дома, и на сей раз настала очередь солдат отступать на обочину. Барак проводил глазами всадника, исчезающего в облаке пыли: должно быть, гадал, не везет ли гонец письмо от Тамасин, подумал я. После этого помощник вопросительно посмотрел на меня. Прошлым вечером он заметил, в каком возбужденном состоянии я вернулся в нашу комнату, однако сделал вид, что поверил мне, когда я сказал, что, дескать, меня трясет от того, что промок. Вспомнив надпись на заднике камина, я подавил дрожь. Какое-то чрезвычайное совпадение подсунуло мне ее в тот самый момент, когда я по-настоящему подумывал о том, что мне следует забыть про интерес к прошлому Эллен. Я не верю в предзнаменования, однако надпись эта глубоко потрясла меня.

Около шести вечера мы остановились на поле. Как и в предыдущие вечера нас ожидал на нем местный житель возле груды заранее нарезанных ветвей кустарника для ночлега солдат. Последний час барабанщик выбивал неспешный и ровный ритм, ибо люди очень устали. Посмотрев вперед колонны, я заметил напряженные плечи и поникшую голову Ликона. Переговорив с карауливши поле человеком, он приказал Снодину устраивать лагерь, после чего подъехал к нам.

– Боюсь, джентльмены, что вам придется провести вечер в лагере, – развел он руками. – Мы остановились у окраины Буритона, и местный житель только что сказал мне, что городок до отказа набит путниками и возчиками. На место в гостинице нет даже шанса.

– Ты хочешь сказать, что нам придется ночевать на этом поле? – с нотками гнева в голосе спросил Дирик.

– Если вам угодно, можете заночевать на обочине, сэр, – коротко ответил капитан, – но если вы не возражаете, я готов предложить вам место в нашем лагере.

– Мы будем благодарны за это, – проговорил я.

– Тогда пойду поищу для вас палатку. – Кивнув мне, Джордж отъехал.

Винсент недовольно забурчал:

– Если повезет, завтра утром мы окажемся в Хойленде. Я буду рад избавиться от этих вонючих солдат.

– И вы еще рассказываете мне о своем низком происхождении, брат Дирик! – усмехнулся я. – После дороги мы пахнем не лучше их.

Через час я сидел на кочке возле шатра и растирал усталые ноги. Нам дали одеяла с телег, однако ночь предстояло провести на голой земле. Я был рад тому, что путешествие подходит к концу: быстрый и мерный топот солдат раздражал меня все больше.

Я окинул взглядом лагерь. Солнце клонилось к горизонту. Солдаты, разбившись на небольшие группы, сидели возле палаток. Некоторые из них чинили доспехи. Искусная организация армейского быта в очередной раз восхитила меня. На краю поля Дирик неторопливым шагом прогуливался с заметно прихрамывавшим сэром Франклином. Я уже отметил, что мой противник пользовался любой возможностью, чтобы поговорить с ним, хотя на Ликона не обращал никакого внимания. Нет более целеустремленного честолюбца, чем человек «новый», вновь подумал я. Возможно, это качество и влекло Винсента к Николасу Хоббею: подобное притягивается к подобному.

Джордж переходил от группы к группе, то и дело останавливаясь, чтобы перебросится словом с очередным солдатом. В отличие от сэра Франклина, он делал особый упор на пребывание среди солдат, на внимание к их жалобам. Снодин сидел перед своей палаткой, неторопливо попивая пиво из большой бутыли и отвечая хмурым взглядом всякому, кто смел посмотреть на него. На краю поля Барак сидел возле костра с дюжиной солдат из последнего отделения. Я завидовал той легкости, с которой он обращался с молодыми людьми: после того эпизода в деревне

они, по большей части, учтиво обращались ко мне, впрочем, без неподобающего панибратства с джентльменом. Там же находился и капрал Карсвелл вместе с молодым валлийцем Ллевеллином. Я заметил, что оба явно дружат, невзирая на различие в характере: юный Том был отличным парнем, но чувством юмора не обладал вовсе, в то время как Стивена веселье просто переполняло. Однако всякому шутнику нужен объект для шуток. Бедокур Угрюм сидел с ними рядом в своем ярко раскрашенном бригандине. Дав легкий подзатыльник соседу, он в своей тягучей манере проговорил так, что мне было слышно на другом конце поля:

– Ты должен звать меня «мастер».

– Отвали, тупая орясина! – отозвался сосед.

Я решил, что неплохо бы присоединиться к ним: во всяком случае, когда рядом находилась выпивка, следовало приглядывать за Бараком, за что он называл меня старой курицей. Кроме того, у меня имелась пара вопросов к Ллевеллину.

Пересекая поле, я заметил, что Фиверйир сидит возле палатки рядом с Голубем. Тоже бедолага… при таких-то лопухах вместо ушей! Сэм оживленно болтал, но его собеседник был занят: он что-то вырезал на рукоятке ножа, близко поднося ее к глазам в меркнувшем свете. Заметив мой взгляд, клерк поднялся и направился прочь. Голубь со злобой посмотрел на меня:

– И вы тоже решили обратить меня в свою веру, сэр?

– Не понимаю, друг, что ты хочешь этим сказать, – удивился я.

– Этот молодой клерк хочет, чтобы я поверил в то, что в чаше причастия нет крови Христовой. Ему следует быть осторожным – людей отправляли на костер и за меньшее преступление против веры. Мы у себя в Харфилде придерживаемся старых взглядов.

Я вздохнул. Фиверйир начал проповедовать свои радикальные взгляды среди солдат, а значит, хорошо уже и то, что наутро мы расстаемся с ними.

– Нет, Голубь, – проговорил я. – Я не проповедник и не занимаюсь наставлениями в вере.

Что-то промычав в ответ, молодой человек вернулся к своей работе. Длинный нож – из тех, что имелись у каждого солдата – одинаково годился и в качестве оружия, и для мирных дел. Я заметил, что Голубь вырезает слова: «МАРИЯ СПАСИ НАШИ ДУШИ» удивительно сложными и требующими большого мастерства литерами.

– Отличная работа, – похвалил я его.

– Я надеюсь, что Пречистая Дева спасет нас в бою, – отозвался солдат.

– Я намереваюсь присоединиться к сидящей у костра компании, –

произнес я. – Пойдешь со мной?

Отрицательно качнув головой, Голубь вновь склонился над своей резьбой, и я подумал, что он, должно быть, опасается новых насмешек со стороны Угрюма. Подойдя к костру, я осторожно уселся на землю возле Ллевеллина и Карсвелла. На костре перед компанией неторопливо жарились два кролика и курица.

– Кружечку пива, сэр? – предложил мне капрал. Приняв ее, я посмотрел на Барака, однако тот погрузился в разговор со своими соседями.

– Спасибо, – кивнул я Стивену. – Вижу, вы с добычей. Но если вы браконьерствовали, постарайтесь, чтобы капитан Гиффард не заметил этого.

Шутник расхохотался:

– Этот местный сказал нам, что на кроликов поохотиться можно. Их-де здесь развелось слишком много, и они объедают поля. Так что кое-кто из ребят в этом лесу получил возможность попрактиковаться в стрельбе из лука.

– Но это все-таки курица. Надеюсь, что вы подстрелили ее не на ферме?

– Никак нет, сэр, – ответил Карсвелл с торжественным выражением на лице. Черты его, в которых не усматривалось ничего примечательного, были подвижны, как у шута. – Это просто такие вот кролики водятся в этом краю.

– Но у этого кролика есть крылья.

– Странный край, этот Хэмпшир…

Расхохотавшись, я повернулся к Ллевеллину и негромко, так, чтобы не услышал Барак, сказал:

– Я хочу кое о чем спросить тебя.

– Да, сэр? – отозвался юноша.

– Вечера ты говорил о железных мастерских в Вилде. Какая разница между новыми печами и старыми… домницами, так они, кажется, назывались?

– Новые дутьевые печи много больше, сэр, и железо выходит из них расплавленным, а не мягкой крицей. После дутьевых печей железо разливается в готовые формы. Там уже начали отливать пушки.

– А это верно, что домницы не работают летом?

– Да. На них в основном трудятся местные жители, которые лето проводят в поле, а зимой занимаются ремеслом. А новые печи обслуживает не одна дюжина человек, и работают они круглый год.

– Значит, летом домница пустует?

– Часто за ней приглядывает один человек, готовящий на зиму запасы древесного угля и всего прочего.

Заметив обращенный ко мне взгляд Барака, я поторопился закончить разговор:

– Спасибо тебе, Ллевеллин.

– Подумываете оставить закон ради железного дела, сэр? – окликнул меня Карсвелл, когда я пересел к Джеку. Быстро темнело, и явившиеся невесть откуда в необычайном количестве ночные бабочки бело-серым облаком кружили вокруг огня.

Помощник посмотрел на меня проницательными глазами:

– О чем это вы там шептались с Ллевеллином? Надеюсь, ваш разговор не имел отношения к Эллен?

– Давай сконцентрируем свое внимание на деле Хью Кертиса, – ответил я резким тоном.

– Итак, ты выяснил, где находится Рольфсвуд? И намереваешься отправиться туда и все разнюхать, если тебе выпадет подобный шанс, – не отступал Джек.

– Ну, это мы посмотрим.

– А мне думается, что тебе следует оставить это дело в покое.

– Да знаю я, что ты там думаешь! – внезапно взорвался я. – Но поступлю так, как считаю нужным!

Со стороны Угрюма донесся хриплый смешок.

– Поссорились… любовнички! – воскликнул он, глядя на нас с Бараком. Скандалист был уже пьян, он комкал и жевал слова, и на лице его горела злоба.

– Заткнись там, пока я сам не заткнул тебе рот! – привстав на месте, сверкнул глазами мой клерк.

Угрюм ткнул в мою сторону пальцем:

– Горбуны приносят несчастье, это известно всем! Хотя какого гребаного несчастья еще можно ждать, когда придется идти в бой под командой дряхлого сони-капитана и косого герольда?

Я обвел взглядом кружок сидящих вокруг людей. Едкий дым царапал мои глаза, солдаты в смущении отворачивались… Угрюм неловко поднялся на ноги и ткнул в мою сторону пальцем:

– Смотри, не сглазь меня! Ты…

– Прекрати! – Все повернулись на окрик и увидели, что последовавший за мной Голубь остановился в нескольких футах от

костра. – Прекрати болтовню, дурак! В этом деле повязаны все мы! И ты больше не в своей деревне. Ты больше не можешь в охотку красть дичь и уток у бедняков и велеть им называть себя мастером!

Угрюм тут же взревел:

– Я ж те яйца оторву!

Голубь неуверенно смотрел на своего односельчанина, тянувшегося к ножу и отталкивавшего руку пытавшегося удержать его солдата.

Внезапно появившийся высокий человек в белом плаще отвесил Угрюму внушительную пощечину. Тот пошатнулся, выпрямился и снова потянулся к ножу.

Перед ним стоял Ликон.

– Ну-ка, ударь меня, паршивец, и попадешь в бунтовщики! – рявкнул он и уже более спокойным тоном добавил: – Но если хочешь, я расправлюсь с тобой с глазу на глаз, как подобает мужчине.

Угрюм, из угла рта которого потянулась струйка крови, уронил руки вниз. Раскачиваясь, как марионетка с перерезанными нитями, он застыл на месте.

– Я не бунтовщик, – проговорил он, после чего снова пошатнулся и выкрикнул: – Просто я хочу жить! Жить!

– Тогда перестань пить и работай, как все остальные. Так солдату проще всего выжить, – бросил Джордж.

– Трус! – донесся из тьмы еще чей-то голос. Угрюм повернулся на этот крик, помедлил и углубился в темноту.

Ликон повернулся к солдатам:

– Должно быть, скоро свалится… пусть через какое-то время кто-нибудь сходит за ним и переправит его в палатку. Завтра утром он сможет принести мастеру Шардлейку извинения перед всем строем.

С этими словами капитан направился прочь. Я поспешил догнать его:

– Спасибо тебе за это, Джордж. Только прошу, не надо никаких публичных извинений. Они бесполезны, а я не хочу расставаться с вами в такой ситуации.

Ликон кивнул:

– Очень хорошо. Однако какое-то наказание должно последовать.

– Подобные вещи случались со мной и прежде. И случатся еще не раз, – сказал я и, помедлив, добавил: – Он боится того, что ждет его впереди.

Джордж посмотрел на меня:

– Понимаю. Теперь, когда мы уже возле Портсмута, многие из солдат начинают бояться. Но я сказал правду: если дело дойдет до битвы, только

дисциплина и совместный труд могут предоставить солдату возможность сохранить жизнь. Хотя в итоге все решают судьба и случай.

Недолго помолчав, он проговорил:

– Сегодня утром от этой барабанной дроби мне уже выть хотелось. – Он сделал еще одну недолгую паузу и продолжил: – Мастер Шардлейк, после того, что я наговорил вам в Годалминге, вы… вы действительно считаете, что я гожусь в командиры? Мне придется командовать ими, от сэра Франклина толку не будет. Он хорош, когда надо поддерживать дисциплину – вчера вечером целая группа после пьянки принялась буянить, и он несколькими словами прекратил дебош. Но вы же видели его – он слишком стар для того, чтобы вести людей в бой!

– Я уже говорил тебе, что такого командира, как ты, им еще надо было бы поискать, – заверил я молодого человека.

– Благодарю вас, – ответил он негромко. – Я боялся, что вы считаете иначе.

– Нет. Клянусь душой!

– Молитесь за нас, после того как мы расстанемся.

– Охотно. Хотя, на мой взгляд, Бог давно уже перестал слушать мои молитвы.

Странно было ночевать в одной палатке с Дириком. Он вовсю храпел, мешая мне спать. На следующее утро мы снова были в седле, и к потертостям на ногах у меня добавилась мучительная боль в спине. Начинался последний день нашего путешествия. Лицо Угрюма заметно опухло после вчерашней пьянки. Когда он занял свое место в строю, многие из солдат бросали неодобрительные взгляды в его сторону – надо думать, потому, что он позволил себе показать людям свой страх. Снодин, напротив, выглядел не хуже, чем обычно, – признак истинного пьяницы.

Мы выступили в путь. Топот марширующих ног, грохот телег за спиной, неизменное облако пыли, окутывавшее нас, сделались уже повседневной привычкой. Но это действительно был последний день пути: солдатам предстояло дойти до Портсмута, а нам, по словам Дирика, осталось проехать всего несколько миль до деревни Хорндин, после чего свернуть на Хойленд.

День опять выдался душным и жарким. Почти все утро солдаты пели вульгарные версии придворных любовных песен, оснащая их таким количеством непристойностей, что я не мог не улыбнуться. Мы вновь въехали в лесной край, чередовавшийся с низинами, лугами и редкими деревнями, жители которых шли в церковь на воскресную службу. Из

уважения к ним солдаты умолкли.

Потом, мили через две, дорога сузилась, зажатая между двумя высокими поросшими лесом откосами, и мы наткнулись на громадную телегу, потерявшую колесо и опрокинувшуюся, перегородив дорогу от края и до края. На ней везли большую железную пушку пятнадцати футов длиной, выскочившую из-под удерживавших ее толстых канатов и лежавшую теперь на дороге. Четверо везших телегу рослых коней паслись тут же на обочине. Возчик уговорил солдат помочь ему починить повозку: пушка ехала в Портсмут из Сассекса по дороге, хотя, по мнению возницы, ее следовало переправлять морем.

Пока несколько человек поднимали пустую телегу и надевали на ось запасное колесо, остальные солдаты расселись, устроившись в низу узкой ложбины. Дирик сперва расхаживал взад и вперед в обществе Фиверйира, рассматривая при этом лес, а потом подошел к нам с Бараком.

– Не разрешите ли сесть рядом с вами? – попросил он и, едва сев, махнул рукой в перчатке в сторону деревьев: – Эта земля, как и владения мастера Хоббея, является частью древнего Бирского леса. Вы знаете его историю?

– Только то, что издревле, еще с норманнских времен он принадлежал королям, – вспомнил я.

– Отлично, брат. Но пользовались им мало: сменявшие друг друга короли предпочитали Новый лес. С течением лет Бирский лес понемногу съеживался, поселенцы, согласно любимому вами сквоттерскому праву, ставили здесь дома, хутора превращались в деревни, а короли друг за другом продавали их или жертвовали церкви – как было с поместьем приората Хойленд. Такой лес здесь тянется на мили и мили.

Я посмотрел на заросли перед нами. Деревья, огромные дубы и вязы, казались очень старыми, а зеленый подлесок поднимался под ними непроходимой стеной. Невзирая на дни жаркой погоды, от леса исходил запах сырой земли.

От телеги донесся новый треск: заново поставленное колесо отскочило, как только солдаты выпустили его, и повозка снова завалилась на бок. Дирик поднялся и простонал:

– Мы пробудем здесь весь день! Пойдем, Фиверйир, поможешь мне подтянуть сбрую моей лошади.

Он пошел прочь, и поднявшийся Сэм поспешил следом за ним.

– Не хочет, чтобы его молодой клерк выдал нам какие-нибудь секреты, – пренебрежительно промолвил Барак. – Зря боится. Фиверйир предан ему, как пес.

– Ты сумел познакомиться с ним получше?

– Он готов говорить только о собственном спасении, о мире, во зле лежащем, и о том, какой растратой драгоценного времени его мастера является это путешествие.

Мы оба посмотрели на Карсвелла, приближавшегося к нам с серьезным выражением на лице. Он поклонился:

– Сэр, я сожалею о причиненном вам вчера беспокойстве. Я хочу, чтобы вы знали: среди нас мало таких, кто согласен с этим Угрюмом.

– Благодарю, – кивнул я в ответ.

Немного помолчав, Стивен снова подал голос:

– А можно я кое-что спрошу?

– Если хочешь. – Я указал рукой на землю рядом с собой и поощрительно улыбнулся, ожидая какого-нибудь юридического вопроса.

– Я слышал, что лондонские адвокаты содержат собственную труппу артистов, – неожиданно проговорил капрал.

– Пьесы часто исполняются в судебных иннах, – подтвердил я, – однако актерские труппы вполне самостоятельны.

– Из какого рода людей они состоят?

– Шумная и разгульная публика, однако им приходится усердно работать, иначе они не сумеют играть свои роли как следует.

– А платят им хорошо?

– Нет, платят скудно. И жизнь в Лондоне в наши дни тяжела. Ты хочешь сделаться актером, Карсвелл?

Мой собеседник покраснел:

– Я хочу писать пьесы. Мальчишкой, когда это было позволено, я всегда ходил смотреть на церковные представления и сам писал короткие пьески. А писать я научился в церковной школе. Там из меня хотели сделать ученого, но моя семья – люди бедные.

– В большинстве своем пьесы полны религиозных противоречий, как у Джона Бейля[27]. Занятие это может оказаться опасным.

– Я хочу писать комедии, истории, способные рассмешить людей.

– Так это ты пишешь те вздорные песни, которые вы пели? – встрял Барак.

– Многие из них, – не без гордости согласился Стивен.

– А в Лондоне представляют по большей части иностранные комедии, – проговорил я. – Чаще всего итальянские.

– Но почему бы не быть и английским комедиям? Наподобие старика Чосера?

– Боже мой, Карсвелл, да ты, оказывается, хорошо начитан! – изумился

я.

– Стрельба из лука и чтение, сэр, занимали большую часть моего времени – к досаде моих родителей, которые хотели, чтобы я работал на ферме. – Капрал скривился. – Мне было необходимо оставить дом, и я с радостью записался в армию. Я подумал о том, что, когда закончится эта война, я смогу остаться в Лондоне. Быть может, зарабатывая на пропитание вместе с актерами, я сумею точнее узнать, как они пишутся, пьесы?

Я улыбнулся:

– Вижу, ты хорошо продумал свой поступок. Да уж, сегодня английские комедии нужны нам как никогда раньше.

Разговор прервал подошедший Снодин.

– Пошли, Карсвелл! – отрезал он. – Мы намереваемся попрактиковаться в стрельбе вон на том поле возле дороги. И оставь в покое лучших, чем ты, людей, хрен ленивый!

– Он ничего плохого не сделал, – вступился за Стивена Джек.

Герольд прищурился:

– Этот парень – солдат, и он сделает то, что я ему приказываю.

– Есть, мастер Снодин. – Карсвелл поспешно поднялся и последовал за герольдом.

Я окликнул его:

– Когда вернешься с войны, спроси про меня в Линкольнс-инн! Необыкновенный человек, – сказал я про шутника-капрала Бараку. – А тебе следовало бы сделать выводы и не злить еще одного офицера. Одного было более чем достаточно.

– Задница он, – буркнул в ответ мой помощник. – И насчет Карсвелла – не стоит обнадеживать его. Половина этих самых актеров кончает свою жизнь по пьяни в канаве.

– Вижу, ты сегодня не в духе. Скучаешь по Тамасин?

– Уж и не знаю, как-то она справляется там без меня. – Клерк посмотрел мне в глаза. – И не понимаю, что ты намереваешься делать с этой самой Эллен.

Я не ответил.

Время перевалило за полдень, и нам даже пришлось перекусить на обочине, прежде чем повозку, наконец, удалось починить. Двадцать парней с веревками сумели затащить на нее пушку. Телега отъехала на обочину, пропуская солдат. И мы продолжили путь на юг, углубляясь в недра Бирского леса.

Я перебрался во главу колонны, к Ликону, ехавшему следом за сэром

Франклином.

– Джордж, – начал я, – мы вот-вот расстанемся с тобой.

– Есть такое, – отозвался он с грустью. – И мне очень жаль…

– И мне тоже. Но прежде чем мы расстанемся, мне хотелось бы попросить тебя, если возможно, еще об одной любезности.

– Помогу, если сумею. А в чем дело?

– Если в Портсмуте собрано много солдат, среди них, должно быть, найдется много тех, кто успел послужить в былые годы.

– Да. Портсмут стал как бы центром всей армии.

– Я хочу попросить тебя, если представится такая возможность, разузнать среди них, не слышал ли кто о человеке по имени Вильям Колдайрон. Он работает у меня экономом, во всяком случае, пока. – И я рассказал капитану о Колдайроне и Джозефине и о том, как из подслушанного в таверне разговора узнал, что тот вроде бы и никогда не женился. – Если кто-то знает о нем, мне было бы интересно узнать его историю. Я нимало не верю его россказням про то, как он убил шотландского короля при Флоддене, но солдатом Вильям был уж точно.

– Спрошу, если представится такая возможность, – пообещал Джордж.

– Если тебе удастся что-то узнать, не можешь ли написать мне домой?

– Напишу. А если и вы окажетесь в Портсмуте, поищите меня. Впрочем, у меня будет жаркое время: придется держать в порядке этих парней. Я слышал, что в городе воцарился форменный хаос… кругом одни моряки да солдаты. Да и наша рота будет рада вас видеть.

– Стало быть, не все считают меня приносящим несчастье горбуном?

– Разве что несколько таких, как Угрюм, олухов.

– Спасибо тебе. Существенная подробность.

Я вернулся назад на свое место в колонне. Дорога неспешно шла на подъем, и солдаты замедлили шаг. Я начал придремывать в седле, когда Дирик бесцеремонно тряхнул меня за рукав:

– Пора сворачивать.

Я выпрямился. Направо, в густой тенистый лес уводила узкая дорога. Мы свернули в сторону, и я крикнул:

– Джордж! Мы оставляем тебя!

Ликон и сэр Франклин повернулись к нам. Джордж дал знак барабанщику, унявшему дробь. Рота остановилась, и мой бывший клиент подъехал к нам. Крепко пожав мою руку, он проговорил:

– Ну, значит, прощайте.

– Спасибо тебе за то, что разрешил нам ехать с вами, – сказал я.

– Да, – добавил Винсент с непривычной для него любезностью. – Без

вашей помощи нам пришлось бы еще дня два болтаться в седле.

Я посмотрел в усталые, полные муки глаза капитана.

– Рад, что нам удалось снова встретиться, – заверил я его со всей искренностью.

– И я тоже. А теперь мы должны идти, мы и так поздно придем в Портсмут.

Дирик громко попрощался с сэром Гиффордом, который едва шевельнул рукой в ответ.

Из колонны донеслись крики «До свиданья!», а Карсвелл помахал нам рукой. Ликон вернулся назад в голову колонны.

– Да сопутствует вам Господь! – крикнул я.

Прозвучала труба, телеги со снаряжением прогромыхали мимо, рота направилась прочь, и вот топот ее ног стих за первым поворотом. Мы же свернули на аллею.

Вчетвером мы въехали под деревья. Вокруг немедленно воцарилась тишина, не было слышно ни звука, если не считать чириканья птиц. Я вдруг ощутил, насколько устал и какими грязными и вонючими мы стали. Внезапно тропа закончилась возле высокой старинной каменной стены. Через ворота мы въехали на просторную, усаженную деревьями лужайку, к которой с одной стороны пристроился садик, засаженный душистыми летними цветами. Прямо перед нами располагалось сооружение, некогда являвшееся приземистой норманнской церковью с широким портиком и арочной крышей. Однако теперь крупные квадратные окна были врезаны по обе стороны двери и в стены прилегавших строений монастыря, над крышами которых возвышались новые кирпичные трубы. Где-то за домом, пробужденные стуком копыт, залаяли псы. Тут в дверях показались трое слуг в ливреях. Приблизившись к нам, они поклонились. Следом за ними навстречу нам вышел пожилой человек с короткой светлой бородкой в красном дублете и шляпе, которую он снял, подойдя к Винсенту:

– Мастер Дирик, мы рады снова видеть вас в Хойлендском приорстве.

– Спасибо. Твой господин получил мое письмо?

– Да, но мы не ожидали, что вы приедете так быстро.

Мой оппонент кивнул, а потом повернулся ко мне:

– Это Амброуз Фальстоу, управляющий мастера Хоббея. Фальстоу, это мастер Шардлейк, о котором я писал.

В последних словах его прозвучал едкий укол.

Управляющий повернулся ко мне. Ему было уже за сорок. Квадратное морщинистое лицо, седеющая светлая борода… Он смотрел на меня с

почтением, но его проницательные глаза буравили мою фигуру.

– Приветствую вас, сэр, – невозмутимо произнес он. – Эти люди примут у вас коней.

Затем он повернулся к портику:

– Смотрите-ка, мастер Хоббей вместе с семьей вышел приветствовать вас.

На ступеньках рядком выстроились четверо людей: средних лет мужчина и женщина и двое почти двадцатилетних юношей: один коренастый и темноволосый, второй – высокий, стройный и с каштановой шевелюрой. Явно стараясь держаться невозмутимо, они безмолвно ожидали возможности приветствовать нас.

Часть третья
Хойлендское приорство

Глава 17

Мы спешились. Управляющий скупо улыбнулся Фиверйиру:

– Как дела, мастер клерк?

Тот поклонился:

– Благодарствуйте, мастер Фальстоу.

Затем встретивший нас мужчина посмотрел на Барака:

– А вы, должно быть, клерк мастера Шардлейка?

– Да. Джек Барак, – ответил тот.

– Грум покажет вам обоим ваши комнаты. А я присмотрю за тем, чтобы багаж ваших господ был доставлен в их комнаты.

Я кивнул своему помощнику. Он вместе с Фиверйиром последовал за конюхом, а прочие слуги повели коней. Дирик улыбнулся:

– Вам будет не хватать вашего аманuензиса[28], мастер Шардлейк. Ну что ж, пора знакомиться с нашими хозяевами и их подопечным.

Я последовал за ним вверх по ступенькам, к ожидавшей нас четверке людей, успев заметить при этом, что возле задней стены огороженного сада пристроено стрельбище, земляной вал с расположенной в центре круглой мишенью из ткани. За валом виднелось скопление могильных камней.

Николас Хоббей оказался тонким и худым сорокалетним мужчиной. Густая седеющая шевелюра обрамляла его узкое и жесткое лицо. На нем был синий летний дублет тонкой шерсти, покрытый коротким халатом. Тепло пожав руку Дирика, он произнес чистым и мелодичным голосом:

– Винсент, рад снова видеть вас у себя дома!

– Взаимно, Николас.

Хоббей повернулся ко мне и официальным тоном произнес:

– Мастер Шардлейк, надеюсь, что наше гостеприимство устроит вас. И надеюсь также успокоить тревогу тех, кто послал вас сюда. – Взгляд небольших карих глаз оценивал меня. – А это моя жена, мистрис Абигайль.

Я поклонился женщине, которую Майкл Кафхилл назвал безумной. Она оказалась такой же высокой и узколицей, как и ее муж. Порошок свинцовых белил на ее щеках не мог спрятать морщины. На ней было серое шелковое платье с широкой юбкой, желтыми с пуфами рукавами и коротким, расшитым жемчугом капюшоном. Челка светлых волос на ее лбу уже седела. Поклонившись, я разогнулся и обнаружил на себе ее внимательный взгляд. Сделав быстрый реверанс, она повернулась к стоявшим возле нее юношам, глубоко и напряженно вздохнула и высоким

голосом произнесла:

– Мой сын, Дэвид. И подопечный моего мужа, Хью Кертис.

Коренастому и широкому Дэвиду чуть-чуть не хватало до среднего роста. На нем был темно-коричневый дублет и белая рубашка с длинным кружевным воротником. Он был брюнетом и носил короткую стрижку. Черные волоски выбивались также из-под воротника его рубашки. Преподобный Бротон называл Дэвида уродливым ребенком, и, похоже, это некрасивое дитя превращалось в уродливого мужчину. Круглое лицо молодого человека с тяжелыми и крупными чертами и полными губами было чисто выбрито, оставляя темную тень на щеках. Как и мать, он обладал голубыми глазами навыкате – единственной чертой сходства с кем-то из родителей. Дэвид посмотрел на меня с явным пренебрежением.

– Мастер Шардлейк, – отрывисто проговорил он, протягивая руку… жаркую, влажную и, к моему удивлению, мозолистую.

Я повернулся к молодому человеку, ради которого мы проделали путь более чем в шесть десятков миль. Хью Кертис также был в темном дублете и белой рубашке, и волосы его тоже были коротко подстрижены. Я вспомнил рассказ мистрис Кафхилл о том, как у него обнаружили гниды и он со смехом гонялся по комнате за сестрой, и ощутил у себя на шее крест Эммы, куда я поместил его надежности ради на время нашего путешествия.

Хью представлял собой полный контраст Дэвиду: высокий, атлетически сложенный, широкоплечий и с узкой талией. Полные губы, длинный подбородок, крупный нос… Если не считать пары небольших коричневых родинок, его лицо можно было бы назвать весьма и весьма симпатичным, кабы не шрамы и оспины, оставленные болезнью на нижней части его щек. Шея юноши была изуродована в еще большей степени, а верхнюю часть лица Кертиса покрывал густой загар, еще более подчеркивавший белизну его шрамов. Глаза его, необычного чистого сине-зеленого цвета, странным образом смотрели на меня без выражения. Невзирая на его очевидное хорошее здоровье, я ощутил в этом юноше какую-то печаль.

Он взял мою руку, и ладонь его оказалась сухой, твердой и также мозолистой.

– Мастер Шардлейк, – проговорил Хью низким и хрипловатым голосом, – оказывается, вы знакомы с матушкой Кафхилл.

– Знаком.

– Помню ее. Такая добрая и милая старая дама. – В глазах его не промелькнуло и тени выражения, они смотрели на меня настороженно.

Управляющий Фальстоу поднялся вверх по ступеням и остановился

возле своего господина, внимательно следя за нами. У меня появилось странное ощущение того, что он проверяет, как мы исполняем свои роли – словно постановщик пьесы.

– Сегодня утром, мастер Шардлейк, прибыли два адресованных вам письма, – проговорил он. – Они находятся в вашей комнате. Как и письмо вашему клерку Бараку. Их доставил направлявшийся в Портсмут королевский почтовый гонец… думаю, он ехал всю ночь.

Управляющий внимательно посмотрел на меня и добавил:

– На одном из писем печать королевы.

– По счастью, солиситор королевы является моим другом. Он устроил так, чтобы почтовые гонцы доставляли и мои письма. А также забирали их из Кошэма, – объяснил я.

– Я могу посылать туда слуг с вашими письмами.

– Благодарю, – ответил я и подумал, что придется как следует запечатывать свою почту.

– Мастер Шардлейк скромничает, – заявил Дирик. – Подчас он получает дела от самой королевы. – Он многозначительно посмотрел на Хоббея: – Как я и писал вам в своем письме.

Николас отозвался ровным тоном:

– Не войти ли нам в дом? Моя жена не любит солнечную погоду.

Мы прошли через двери, некогда бывшие церковными. За ними, внутри, царил любопытный запах пыли и свежего дерева, накладывавшийся на настоявшийся аромат благовоний. Южный трансепт[29] был преображен в широкую лестницу, ведущую к старым сооружениям монастыря, в то время как прежний неф был превращен во впечатляющий своим видом приемный зал, кровля которого опиралась на консольные балки. Стены украшали яркие гобелены с изображением охотничьих сцен. Старые окна были заменены современными, со средниками, а кроме того, в стенах пробили и новые окна, отчего зал оказался превосходно освещенным. В шкафу стояла посуда венецианского стекла и вазы с превосходно подобранными цветами. Впрочем, в дальнем конце зала оставалось старое западное окно, где под огромной аркой сверкал первоначальный витраж, изображавший святых и учеников. Под ним располагался длинный обеденный стол, застеленный турецкой тканью. Пожилая служанка расставляла посуду. К одной из стен был пристроен камин. Подобное преображение должно было потребовать соответствующего времени и больших денег: одни только гобелены обошлись в изрядную сумму.

– Со времени моего последнего визита вы проделали большую работу, Николас, – с восхищением проговорил Винсент.

– Да, – в обыкновенной для него спокойной манере согласился Хоббей. – Осталось вставить простое стекло в западное окно, а все прочее уже готово, кроме этого несчастного сестринского кладбища.

– Я заметил надгробия у дальней стены, – проговорил я. – Возле стрелковой мишени.

– Местные жители никак не соглашаются повалить их. Что бы мы ни предлагали. – Хозяин дома покачал головой. – Что с них взять, суеверные крестьяне!

– Которыми руководит этот мошенник Эттис, – с горечью произнесла Абигайль. Я посмотрел на хозяйку: она показалась мне похожей на туго натянутый лук. Ее сложенные руки чуть подрагивали.

– Как только эта заварушка утихнет, моя дорогая, я приглашу кого-нибудь из Портсмута, – успокоительным тоном произнес Хоббей. – Вижу, вы восхищаетесь моими гобеленами, мастер Шардлейк?

Он подошел к стене, и мы с Дириком последовали за ним. Гобелены действительно оказались превосходными: последовательность из четырех полотнищ составляла сцену охоты. Объектом охоты служил единорог, которого всадники поднимали с лежки на первом гобелене, преследовали на втором и на третьем, в то время как на последнем, согласно древней легенде, это существо останавливалось на поляне и ложилось, опустив увенчанную рогом голову на колени улыбавшейся молодой девственницы. Однако улыбка девы была притворной, ибо ее беседку со всех сторон среди деревьев окружали лучники с натянутыми луками. Я вгляделся в причудливое плетение и яркие краски.

– Немецкие, – с гордостью произнес мастер Николас. – Я много торговал с Рейнской землей. Мне пришлось заплатить за них добрую цену. Их продавал торговец, разорившийся во время Крестьянской войны[30]. Эти гобелены – моя гордость и радость, они услаждают мне душу, как наш сад услаждает душу моей жены.

Он едва ли не с почтением провел ладонью по голове единорога:

– Видели бы вы, как мужики смотрят на эти гобелены, когда приходят ко мне на поместный суд! Они пялятся так, словно эти фигуры вот-вот соскочат со стены прямо на них.

И хозяин пренебрежительно усмехнулся.

Оба юноши подошли к нам. Дэвид смотрел на стрелков, готовых выпустить стрелы в единорога.

– Трудно промазать на таком расстоянии, – непринужденно

проговорил он. – Олень никогда не подпустит тебя так близко.

Я вспомнил про мозолистые руки Хью и Дэвида спросил:

– Так это вы, молодые люди, практикуетесь на той мишени?

– Каждый день, – с гордостью ответил младший Хоббей. – Это наше любимое развлечение, лучше даже соколиной охоты. Лучшее многих развлечений. Не так ли, Хью? – Он хлопнул товарища по плечу, на мой взгляд сильнее, чем следовало бы. Движением этим Дэвид, на мой взгляд, пытался скрыть тревогу. Мать пристально наблюдала за ним.

– Так. – Кертис обратил ко мне свой непостижимый взгляд. – У меня есть экземпляр недавно напечатанной книги мастера Эшема «Токсофил», представленной королю в этом году. Мастер Хоббей подарил мне ее на день рождения.

– В самом деле? – удивился я. Эту же самую книгу, по словам королевы, читала леди Елизавета. – Мне хотелось бы познакомиться с ней.

– Вы интересуетесь стрельбой из лука, сэр? – вежливо осведомился Хью.

Я улыбнулся:

– Скорее, я интересуюсь книгами. Телосложение мое не создано для стрельбы.

– Я охотно покажу вам мою книгу. – На лице молодого Кертиса впервые появились признаки некоторого оживления.

– Как-нибудь попозже, – вмешался Хоббей-старший. – Наши гости провели в дороге пять дней. Горячая вода ждет вас в комнатах, господа, не дайте ей остыть. А потом спускайтесь к нам вниз. Я приказал слугам приготовить добрый ужин.

Щелкнув пальцами, он приказал пожилой служанке:

– Урсула, проводи мастеров Дирика и Шардлейка в их комнаты.

Женщина провела нас наверх, в коридор, сквозь стрельчатые окна которого я увидел старинный монастырь с его заново разбитыми клумбами, такой мирный в удлинявшихся тенях. Урсула открыла передо мной дверь в просторную гостевую комнату с кроватью под балдахином. На столе возле трех писем курилась парком лохань с водой.

– Благодарю вас, – проговорил я.

Служанка коротко кивнула. Позади нее, в дверях, Дирик наклонил голову.

– Теперь вы видите, насколько благоденствует мастер Кертис? – спросил он.

– Так может показаться. На первый взгляд.

Вздохнув, мой противник качнул головой и последовал за Урсулой. Я

закрыл дверь и поспешил к постели за письмами. Одно было адресовано «Джеку Бараку» неловкой, непривычной к письму рукой. Я вскрыл два других. Первое, от Уорнера, датированное тремя днями назад, оказалось коротким. Он извинялся за то, что не смог послать с нами одного из своих людей, и сообщал, что король и королева выедут в Портсмут четвертого июля, то есть вчера, а это означало, что они уже находятся в пути. Еще он сообщал, что они рассчитывают прибыть пятнадцатого числа и остановятся в Портчестерском замке. Сам же он начал расследовать финансовую историю Хоббея, однако пока не мог сообщить мне ничего нового.

После этого я обратился к письму Гая, написанному в тот же самый день его мелким и аккуратным почерком:

«Дорогой Мэтью, в доме все спокойно. Колдайрон исполняет все мои пожелания, хотя и с недовольным видом. Настроение против иноземцев становится все хуже и хуже. Сегодня я ходил повидать Тамасин, которая, слава богу, чувствует себя хорошо, и претерпел несколько оскорблений на своем пути. Саймон говорит, что видел, как через Лондон проходили другие солдаты, и многие из них направлялись на южный берег. Я провел в Англии более двадцати лет и никогда не видел ничего подобного. Думается, что под своей бравадой люди скрывают страх. Странная вещь: вчера я вошел в гостиную, когда Джозефина стряхивала пыль. Вздрогнув, она уронила небольшую вазу, которая разбилась. Не сомневаюсь в том, что она проговорила при этом слово «merde», которое, как мне известно, является французским ругательством. Она, как всегда, испугалась и ударилась в извинения, и посему я не стал обращать внимания на случившееся, но, тем не менее, это было странно. Сегодня я схожу в Бедлам, чтобы повидать Эллен, после чего извещу тебя о ее состоянии. Многажды помолившись по сему поводу, я пришел к выводу, что лучшей помощью для нее с твоей стороны будет, если ты оставишь ее в покое. Но решать тебе самому. Твой верный и любящий друг, Гай Мальтон».

Я сложил письмо. Невзирая на его слова, я уже решил посетить Рольфсвуд на пути домой: я чувствовал, что просто обязан это сделать. Вздохнув, я поглядел в окно. Взгляд мой упал на крохотное кладбище – скопление камней в некошеной траве. Дирик прав, подумал я, Хью лучится здоровьем. А тон Николаса Хоббея ни на мгновение не отклонился от цивильной вежливости. Едва ли этот человек мог натравить на меня тех парней с угла. Однако что-то здесь было неладно, я уже ощущал это.

Обстоятельный ужин сервировали в большом зале. Сумерки уже

сгущались, и в палате расставили канделябры со свечами. Хоббей восседал во главе стола, Хью и Дирик расположились с одной стороны от него, а Дэвид и Абигайль – с другой. Я занял оставшееся свободным кресло рядом с хозяйкой дома. Дворецкий расположился позади Николаса, руководя слугами, подававшими блюда. Поступь их звенела по потертым узорным плиткам пола старинной церкви. Почти вся прислуга, кроме Урсулы, оказалась молодыми людьми. Я попытался угадать, сколько же слуг содержит Хоббей – должно быть, с дюжину.

Возле меня то и дело раздавалось какое-то пыхтение и сопение. Посмотрев вниз, я заметил на коленях Абигайль какой-то меховой сверток. Не успел я понять, что это, как на меня с дружелюбным любопытством уставились два круглых глаза. Обладатель их оказался маленьким спаниелем, таким же, как у королевы, только очень толстым. Мистрис Хоббей улыбнулась ему с неожиданной нежностью.

– Отец, – недовольным тоном проговорил Дэвид, – мать опять посадила Ламкина себе на колени.

– Абигайль, – проговорил Николас спокойным и ровным голосом, – пожалуйста, позволь Амброузу забрать его. Ведь ты же не хочешь, чтобы он снова вылез на стол, так ведь?

Хозяйка позволила Фальстоу унести собачку, проводив взглядом до двери уносившего ее любимца слугу. Затем она посмотрела на меня, и в глазах ее промелькнуло нечто вроде ненависти. Вернувшись, Амброуз снова встал за креслом своего господина. Урсула внесла миску с ароматным имбирным соусом. Дирик изучал блюда с полной предвкушения улыбкой, а Хью смотрел вперед без всякого выражения на лице.

– Помолимся, – предложил Хоббей.

Трапеза оказалась великолепной, холодный гусь был подан с острыми соусами и отменным красным вином в серебряных кувшинах. Проголодавшись, мы с Дириком усердно приступили к еде.

– Как обстоят дела в Лондоне? – спросил хозяин. – Я слышал, что монета вновь обесценена.

– Да. И это вызывает многие неприятности и тревоги, – ответил я.

– Хорошо, что я перебрался в сельские края, – вздохнул Николас. – Как прошло ваше путешествие? У нас здесь были грозы, однако, мне говорили, что в Лондоне они оказались куда более сильными. Я думал, что дороги раскиснут и будут полны людей короля, едущих в Портсмут.

– Так оно и было, – подтвердил Винсент. – Однако нам повезло благодаря брату Шардлейку. Мы встретили его прежнего клиента, вице-

капитана роты стрелков, который разрешил нам ехать в его колонне. По звуку военной трубы все уступали нам дорогу.

Я заметил, что Хью повернулся и внимательно смотрит на меня.

– Настолько благодарный клиент? – спросил с улыбкой Хоббей. – И что же вы выиграли для него?

– Небольшое земельное владение.

Николас кивнул, словно бы заранее рассчитывал услышать именно этот ответ:

– И эти ваши солдаты направлялись в Портсмут?

– Да. Деревенские парни из Миддлсекса. Один из них хочет перебраться в Лондон и сделаться драматургом, – рассказал я.

– Чтобы солдат-деревенщина писал пьесы? – Хоббей коротко и презрительно усмехнулся. – Никогда не слыхал ни о чем подобном!

– Полагаю, это он написал грубые песенки, которые солдаты пели в пути, – проговорил Дирик. – Простите за такое упоминание в вашем присутствии, мистрис Абигайль.

Хозяйка напряженно улыбнулась.

– Деревенские парни должны оставаться за плугом, – уверенным тоном заявил ее муж.

– Кроме тех случаев, когда их зовут защищать нас? – негромко спросил Хью.

– Да. Когда они становятся взрослыми. – Хоббей бросил на подопечного внезапно сделавшийся свирепым взгляд.

– На юг уходит все больше солдат, – снова заговорил Дирик. – И я слышал, что король и королева направляются в Портсмут, чтобы произвести смотр кораблей.

Хью повернулся ко мне:

– Это были стрелки, сэр?

– Да, мастер Кертис. И их умение обращаться с луком и стрелами стоило того, чтобы его увидеть, – кивнул я.

– Вам надо увидеть, как мы с Хью стреляем по мишени, – проговорил Дэвид, склоняясь к матери. – Я сильнее его, – добавил он с гордостью.

– Но в цель попадаю я, – невозмутимо возразил Кертис.

– Я и сам был в юности отменным стрелком, – обходительным тоном промолвил Винсент. – А теперь учу стрельбе моего сына. Впрочем, я благодарю Бога за то, что ему всего десять лет и его не могут забрать в армию.

– Мастер Шардлейк не захочет смотреть на то, как вы, мальчики, упражняетесь в этом опасном спорте, – проговорила Абигайль. – Настанет

день, и один из наших слуг закончит свою жизнь пронзенным вашей стрелою.

Хью обратил к ней холодный взгляд:

– Погибнуть от стрелы, добрая госпожа, мы можем только в том случае, если высадятся французы. Говорят, что они собрали больше двух сотен судов.

Старший Хоббей покачал головой:

– Ох, эти слухи: сотня, две сотни… Какая суматоха! На севере Хэмпшира собрали три тысячи людей и отослали их в Портсмут. Деревня Хойленд, как и все прибрежные селения, освобождена от воинского набора, но наше ополчение готово отправиться на берег, когда маяки дадут знать о высадке.

– В Лондоне забирают в солдаты всех, кто подвернется под руку, – заметил Дирик.

– Я сопровождал нашего местного магистрата на смотре этого мужичья. При всем том, что среди них полно негодяев, это крепкие люди, из которых получатся добрые воины. – На лице хозяина появилось самодовольное выражение. – Как владельцу поместья, мне пришлось снабжать их снаряжением. К счастью, монахини сохранили достаточно старых пик и джеков. Нашлось даже несколько ржавых шлемов, так что поместье свои военные обязанности выполнило.

За столом на мгновение воцарилось молчание. Я представил себе людей Ликона, приводящих в порядок старые гнилые джеки, в которых им предстоит идти на бой. Николас посмотрел на меня, и в глазах его отразились огоньки свечей:

– Насколько я могу судить, мастер Шардлейк, вы лично знакомы с королевой?

– Да, действительно, я удостоен подобной чести, – по возможности осторожно признал я. – Мне довелось познакомиться с ее величеством еще в ту пору, когда она была леди Латимер.

Хоббей-старший развел руками и холодно улыбнулся:

– А я, увы, не удостоен покровительством высоких персон. Я возвысился только до того, чтобы стать сельским джентльменом.

– И вся честь за это принадлежит лично вам, сэр, – заявил Винсент. – Как и за этот прекрасный дом.

– Подобные небольшие религиозные заведения несложно перестроить в превосходную личную резиденцию. Единственным недостатком является то, что эта церковь служила приходской для жителей Хойленда, поэтому по воскресеньям нам приходится ездить в соседний приход.

– Как и всем местным деревенским олухам! – резко высказалась Абигайль.

– А положение в обществе заставляет нас делать это каждое воскресенье, – усталым тоном добавил ее супруг.

Нетрудно понять, подумал я, что семейство это религиозным не назовешь.

– Николас, а сколько монахинь жили здесь прежде? – спросил Дирик.

– Всего пять. Здесь находилось подворье аббатства Вервелл, расположенного на западе графства. В моем кабинете находится портрет предпоследней аббатисы, завтра я покажу его вам.

– Лицо ее почти целиком укрыто монашеским платом, – поежилась Абигайль.

– Сюда посылали непослушных монахинь, – рассказал Хоббей-младший. – Тех, кто позволял монахам снимать эти покрывала и так далее…

– Дэвид, фи, стыдно, – промолвил его отец, не слишком строго посмотрев на сына.

Хью негромко произнес:

– Иногда вечерами, сидя здесь, я как будто бы слышу слабые отголоски их молитв и псалмов. Так же, как все мы до сих пор ощущаем слабый запах ладана.

– Они не заслуживают сочувствия, – решительно возразил его опекун. – Они жили, как паразиты, на ренту от своей земли.

Как делаешь сейчас ты сам, подумал я.

– В наши дни они могли бы иметь недурной доход, – проговорил Винсент. – Цены на лес растут.

– Да. Сейчас – время продавать, пока идет война.

– Так что недурной доход будут давать и ваши земли с мастером Хью, – заметил я.

Подняв брови, мой оппонент повернулся ко мне:

– Мастер Хоббей отложил крупную сумму для Хью.

– Вы сможете посмотреть мои бухгалтерские книги, – добавил Николас.

– Благодарю вас, – ответил я нейтральным тоном, прекрасно понимая, что цифры в них могут оказаться не соответствующими действительности.

– До той поры, когда мне исполнится двадцать один год и я стану взрослым, – вновь негромко проговорил Хью, закончив свои слова коротким горьким смешком. Абигайль глубоко вздохнула. Женщина эта так взведена, что в любой момент может взорваться, подумалось мне.

Хоббей-старший пустил вино по кругу. Дирик прикрыл свой бокал ладонью.

– Спасибо, мне больше не надо, – заметил он, многозначительно посмотрев на меня. – Предпочитаю держать разум в трезвости.

– А что произошло с уехавшими отсюда монахинями? – вернулся я к прежней теме.

– Они получили хорошие пенсии, – сказал хозяин дома.

– Старая Урсула принадлежала к числу их служанок, – проговорила Абигайль. – И она хочет, чтобы они вернулись, это буквально видно по ней.

– Но нам нужен человек, знающий этот дом и его окрестности, – откликнулся ее муж, на сей раз уже с нетерпеливой ноткой в голосе.

– Она непочтительно смотрит на меня. А эти прочие слуги… все они из деревни. Они ненавидят нас, они убьют нас однажды ночью прямо в постелях! – вспыхнула мистрис Хоббей.

– Ох, Абигайль, – вздохнул Николас, – опять эти твои страхи и фантазии!

Вновь явились слуги с блюдами, полными сладких кремов и засахаренных фруктов. Пока мы ели, я заметил, что со светом происходит нечто странное. Огоньки свечей часто мерцали и постепенно тускнели. Я не сразу понял, что вокруг них летает огромное количество ночных бабочек, как было у лагерного костра прошлой ночью. Они то и дело обжигали свои крылышки на огне, падали вниз и умирали, хотя на освободившиеся места немедленно устремлялись новые мотыльки.

– Какой-то дурак из наших слуг оставил открытым окно! – возмутилась Абигайль.

Хоббей-старший с любопытством посмотрел на свечи:

– Ни разу в жизни не видел такого количества этой твари, как нынешним летом! Должно быть, это потому, что весь июнь стояла такая странная погода.

Дирик посмотрел на него, а потом на меня:

– Ну что ж, мастер Хоббей, обед был превосходным. Но теперь нам, наверное, пора обсудить приведшее нас сюда дело.

– Да, – согласился хозяин. – Абигайль, мальчики, вы можете оставить нас.

– Не следует ли Хью остаться? – спросил я.

– Нет, – решительно ответил Винсент. – Он еще юноша, а у нас дело мужское. Вы получите свой шанс поговорить с ним завтра утром.

Я посмотрел на молодого Кертиса. Сохраняя бесстрастное выражение на лице, он поднялся и вместе с Абигайль и Дэвидом вышел из зала. Как

только дверь закрылась, я услышал голос мистрис Хоббей, подзывавшей к себе Ламкина. Фальстоу остался за спиной своего господина, стоя, как солдат на страже.

– Я хотел бы, чтобы Амброуз остался, – проговорил Хоббей. – Он ведет мои здешние дела.

– Безусловно, – согласился я.

Хозяин дома откинулся на спинку своего кресла:

– Итак, мастер Шардлейк, это странное дело. Неприятное для моей семьи. Здоровье моей жены так и не поправилось после смерти бедной Эммы.

– Сочувствую, – наклонил я голову.

– Она всегда хотела дочку, – добавил Николас.

Однако Хью, подумал я, не проявлял к ней симпатии и в холодной и официальной манере называл ее «мистрис». А Дэвид, похоже, попросту презирал свою матушку.

– Теперь она волнуется по поводу охоты, – добавил Хоббей уже более непринужденным тоном. – На моих землях предстоит охота, мастер Шардлейк. Это будет настоящее событие, первое в моем новом оленьем парке. – Негромкий голос его наполнился гордостью, как и в тот миг, когда он показывал мне свои гобелены. – Она должна была состояться на этой неделе, однако мы перенесли ее на следующий понедельник, чтобы получить возможность прежде уладить это дело. – Он покачал головой. – И все потому, что прошлой весной Майкл Кафхилл свалился на нас словно снег на голову!

– Могу ли я узнать, что произошло тогда? – осведомился я. – Пока что неофициально?

Хоббей посмотрел на Дирика, и тот кивнул.

– Все просто, – начал рассказывать хозяин дома. – Дело было в апреле. Однажды вечером мальчишки занимались стрельбой – после начала войны они не думают ни о чем другом, кроме своих луков. Я находился в своем кабинете, когда ко мне вдруг вбежал слуга и сказал, что во дворе появился странный человек, и человек этот кричит на Хью. Я позвал Амброуза, и мы вместе вышли наружу. Сперва я не узнал Кафхилла, ибо прошло пять лет с той поры, как он работал на меня. Буквально обезумев, он требовал, чтобы Хью вместе с ним оставил поместье. Он сказал, что любит его больше всех на свете. – Склонив голову, мастер Николас многозначительно посмотрел на меня, а потом повернулся к Фальстоу: – Это была чрезвычайно странная сцена, не правда ли, Амброуз?

Управляющий серьезно кивнул:

– Мастер Дэвид присутствовал при ней, и он был в ужасе.

– А какова была реакция Хью, мастер Хоббей? – поинтересовался я.

– Он был испуган. Оба мальчика сказали потом, что Кафхилл появился от старого монастырского кладбища.

– Должно быть, он прятался там, – добавил Фальстоу. – Оно так заросло…

– Итак, вы видите, – проговорил Винсент, – что Майкл Кафхилл всего лишь извращенец. Должно быть, мысли о том, что он хотел бы сделать с Хью, годами бурлили в его голове и в итоге довели его до безумия.

Протянув руку вперед, мой коллега прихлопнул трепыхавшегося на столе мотылька, отчаянно махавшего обгорелыми крыльями. Вытерев руку салфеткой, он проговорил:

– Простите, Николас, но эта тварь раздражала меня. А теперь, брат Шардлейк, вот что. Каким образом вы намереваетесь снимать показания?

Я обратился к Хоббею:

– Мне хотелось бы поговорить в первую очередь с Хью, потом, конечно, с вами и вашей женой.

Хозяин дома кивнул:

– Если мастер Дирик будет присутствовать во всех трех случаях.

– И мастер Дэвид.

– Нет, – твердо возразил Винсент. – Он несовершеннолетний. Хью, правда, тоже, однако суд захочет ознакомиться с его показаниями, невзирая на его молодость. Но Дэвид – другое дело.

– Кроме того, – продолжил я, – я хотел бы получить показания Фальстоу и тех слуг, которые имеют дело с мальчиками.

– Боже милостивый! – воскликнул Дирик. – Этак мы не уедем отсюда до осени.

– С Фальстоу? Конечно. – Хоббей наклонился вперед, произнося слова в своей спокойной и ровной манере, подпуская в нее, однако, стальную нотку. – Но мои слуги знают мальчиков только как своих господ.

– Кроме того, Опекунский суд не допустит выборочного допроса слуг, – уверенным тоном проговорил мой противник, – за исключением того случая, когда они обладают конкретным знанием. Такой допрос подрывает взаимоотношения между слугой и господином.

В этом он был прав, но я всего лишь прощупывал почву. Я не мог заставить слуг или Дэвида дать показания, кроме того случая, когда, по моему мнению, они знали нечто конкретное. Впрочем, мне хотелось бы поговорить с Дэвидом: под его испорченностью и глупостью явно скрывалось какое-то волнение. И потом, Абигайль проговорилась о том,

что слуги могут убить их во сне, а Дирик сказал, что Хоббей хочет присоединить деревенские земли. Если им служили жители деревни, это вполне могло бы объяснить страхи хозяйки. И это, к тому же, означало, что у некоторых из них найдется что рассказать мне.

– Пока оставим Дэвида и слуг в стороне, – проговорил я, – на время.

– Раз и навсегда, – с ударением произнес Дирик.

– Тогда нам остается феодарий, – добавил я. – Сэр Квинтин Приддис.

Хоббей кивнул:

– Я уже написал ему и сегодня получил ответ. В данный момент он находится в Крайстчерче, но в пятницу прибудет в Портсмут. Я предложил бы посетить его там.

– Я предпочел бы встретиться с ним здесь, – ответил я. – За ближайшую пару дней я хотел бы осмотреть принадлежащие Хью лесные угодья и надеялся на то, что смогу сделать это в компании сэра Квинтина. Так, чтобы я мог расспросить его о том, какие участки леса были вырублены и какой доход они принесли.

– Сомневаюсь, что он способен на это, – ответил Николас. – Сэр Квинтин Приддис – человек немолодой и некрепкий телом, но не умом. А поездка по этим лесам – занятие утомительное. Когда приходится объезжать имения, это обыкновенно делает его сын Эдвард. А я не знаю, будет ли он в этот раз сопровождать сэра Квинтина.

Дирик согласно кивнул:

– Брат Шардлейк, полагаю, что суд рассчитывает на то, что вы будете пользоваться услугами мастера Хоббея там, где это возможно. Неужели вы не можете посетить сэра Квинтина в Портсмуте? Если сын находится с ним, быть может, он согласится вернуться вместе с нами и объехать угодья Хью.

Я задумался. Король со свитой будет ехать сюда еще десять дней. Портсмут пока еще открыт для меня…

– Очень хорошо, – согласился я. – При том условии, мастер Хоббей, что вы напишете ему о том, что я могу потребовать, чтобы он или сын все же приехали сюда.

Николас посмотрел на меня серьезными глазами:

– Я готов только сотрудничать с судом, мастер Шардлейк, и выполнять все разумные требования.

Слово «разумные» он выделил голосом.

– Я прикажу, чтобы мои бухгалтерские книги принесли в вашу комнату, – добавил хозяин дома.

– Благодарю вас. – Я поднялся. – Тогда до завтра, сэр. Фальстоу, я

хотел бы передать это письмо Бараку. Жена его скоро родит. Быть может, вы расскажете мне, где его поместили?

Дворецкий шагнул вперед:

– Конечно. Он находится в одной из старых служб. Я отведу вас туда.

– Не хочу утруждать вас. Я вполне могу пройтись.

– Но на дворе уже темно, – проговорил Хоббей.

– Это неважно. Я вырос в деревне.

Мы оставили большой зал. Мастер Хоббей пожелал нам доброй ночи и отправился вверх по лестнице. Дирик коротко кивнул мне:

– До завтра.

Я последовал за Амброузом наружу. Остановившись на ступенях, он посмотрел вверх на звезды.

– Отличная ночь, сэр, – отметил управляющий с почтительной улыбкой.

Вот, подумал я, вот верный слуга, преданный своему господину, а не олух вроде Колдайрона. И, тем не менее, верить ему было нельзя ни на грош.

– В самом деле. Будем надеяться, что хорошая погода удержится в этих краях, – вежливо согласился я с Амброузом.

Тот показал мне на рядок вспомогательных зданий, выстроившихся вдоль боковой стены монастыря:

– Ваш слуга находится в четвертом доме от края. Вы уверены, что не хотите, чтобы я проводил вас?

– Нет, спасибо. Встретимся завтра.

Дворецкий поклонился:

– Тогда спокойной ночи, сэр. Я оставлю для вас открытой входную дверь.

Спустившись по ступеням, я глубоко вздохнул, ощущая облегчение от того, что избавился от них всех. Пахло сельским краем, травой, а из сада Абигайль доносился сочный аромат цветов. После проведенных на дороге дней я так и не успел еще привыкнуть к тишине.

Кто-то сделал шаг за моей спиной, в этом невозможно было усомниться. Я оглянулся. С неба светила луна, и несколько свечей горели в окнах приорства. Я не увидел никого, однако на лужайке было достаточно деревьев для того, чтобы за ними мог спрятаться кто угодно. Страх вновь навалился на меня: тот самый страх, что был неразлучен со мной после нападения парней с угла, и я ощутил, насколько мне не хватает безопасности, к которой я успел привыкнуть, путешествуя в обществе

солдат Ликона. Я заторопился вперед, оборачиваясь каждые несколько секунд, тем самым давая понять невидимому соглядатаю, что он выдал себя. Сосчитав приземистые здания служб, я забарабанил в дверь четвертого из них. Она отворилась, и из дома выглянул Барак в рубашке и без камзола:

– Так это ты! Боже милостивый, а я уж подумал, что кто-то решил выломать дверь! Входи.

Я последовал за ним. Небольшую скромную комнатушку с низкой кроватью на колесиках освещала дешевая и вонючая сальная свеча. Я достал письмо.

– Новости от Тамасин? – спросил мой помощник, и лицо его разом просветлело.

– Я получил письмо от Гая, он говорит, что с ней все в порядке, – поспешно заверил я его.

Вскрыв письмо, Джек торопливо прочел его, после чего широко улыбнулся:

– Да, все хорошо. Тамми пишет, что делает все, что велит ей Джейн Маррис. Впрочем, я не слишком верю в это.

– А разве письмо не написано почерком Гая? – полюбопытствовал я, бросив взгляд на исписанный лист.

Покраснев, Барак посмотрел на меня:

– Тамасин почти не умеет писать, разве тебе не известно?

– Нет. – Я смутился. – Прости, я думал…

– Тамми – женщина низкого происхождения, ее научили только подписывать свое имя. – Голос Джека зазвучал резко, и я понял, что задел его. – А Гай не написал тебе о том, как себя чувствует Эллен?

– Он еще не побывал у нее, когда писал это письмо.

Клерк усмехнулся.

– Не скучаешь по Фиверйиру? – подмигнул я ему, чтобы разрядить обстановку.

– Нет, слава небесам! Он мой сосед. Недавно я слышал через стену, как он молится.

– Ну, мы не вправе осуждать его веру…

– Я осуждаю его преданность этому Дирику. Этот молодчик полагает, что солнце восстает из зада его господина.

– Да. Истинно сказано, что верный слуга в итоге сделается верным ослом.

Барак пристально посмотрел на меня:

– С тобой все в порядке? Ты вошел ко мне каким-то испуганным.

– Мне показалось, что я слышал чьи-то шаги за моей спиной. Должно быть, я ошибся. – Я заставил себя усмехнуться. – Здесь нет ни угла, ни парней.

– Мы до сих пор не знаем, кто натравил их на тебя. Как, по-твоему, Хоббей не мог этого сделать?

– Не знаю. При всей своей вежливости он – человек жесткий, – покачал я головой. – Однако у него не было времени подучивать кого-нибудь.

– А как Хью Кертис? Как он тебе понравился?

– Выглядит он хорошо. Я только что отобедал с семьей. Думаю, что он охотно записался бы в армию.

Джек приподнял брови:

– Чтобы отдуваться за меня. И когда мы вернемся домой?

– В пятницу нам придется ехать в Портсмут, чтобы встретиться с феодарием Приддисом. Там и посмотрим.

– В пятницу? Вот дерьмо, а я думал, что в пятницу мы будем уже ехать обратно!

– Я знаю. Слушай, я хочу, чтобы завтра ты помог мне снять показания… расскажешь мне свое мнение об этих людях. И попытайся подружиться со слугами, интересно знать, что они могут рассказать. Но ненавязчиво… да ты сам знаешь как!

– Может, и не получится. Фальстоу велел мне не входить в дом, если не позовут. Надменный тип. Я тут немного прошелся по имению, поздоровался с парой садовников, однако получил в ответ лишь пару мрачных кивков. Хэмпширские свиньи!

Я на мгновение задумался, а потом заговорил снова:

– Эта семья…

– Что?

– Они пытаются что-то скрыть, и я это чувствую. Как мне кажется, они сердиты и испуганы. Причем все.

– Чего же они боятся?

Я глубоко вздохнул:

– Меня. А также, на мой взгляд, и друг друга.

Глава 18

Вернувшись в дом, я потратил пару часов, изучая бухгалтерские книги Хоббея. Он предоставил мне свои отчеты, начиная с 1539 года – того самого, когда все они перебрались в Хойленд. Записи были сделаны аккуратным и четким почерком, который, как я догадался, принадлежал Фальстоу. За последние шесть лет было срублено много леса, и платежи в итоге составили круглую сумму. Расчеты по земле Хью производились в отдельных документах, и количество срубленной древесины – дуба, бука и вяза вместе с полученными деньгами – учитывалось тоже отдельно. Однако мне было прекрасно известно, что даже столь ясные отчеты могут оказаться полными ложных цифр. Вспомнилась старинная поговорка: хорошо ловится рыбка в мутной воде. Посидев недолго, я принялся обдумывать трапезу – то жуткое напряжение, что царило сегодня за столом. Я ощущал, что здесь творится нечто очень недоброе, куда худшее, чем извлечение дохода из земель подопечного.

Наконец я отправился в постель и крепко заснул. А перед самым пробуждением мне приснилась Джоан, встречающая меня в дверях дома в холодную темную ночь со словами о том, как долго я отсутствовал у родного очага. Выбравшись из постели, я сел и погрузился в задумчивость. Тут меня осенило, что если мы не поедем в Портсмут до пятницы, то вместо того, чтобы посещать Рольфсвуд на обратном пути, под каким-нибудь предлогом отослав Барака вперед, я получу возможность съездить в Сассекс, пока мы еще находимся здесь. Мне предстояло преодолеть, быть может, пятнадцать миль: значит, придется заночевать, чтобы дать отдых коню.

Снаружи донеслись молодые голоса. Открыв окно, я выглянул наружу. На некотором расстоянии – как я понял, равном предписанным законом двум сотням и двадцатью ярдам – Хью и Дэвид пускали стрелы в мишень. Я проводил взглядом стрелу, пущенную Кертисом. Просвистев в воздухе, она вонзилась точно в середину мишени. Он стрелял столь же быстро и аккуратно, как люди Ликона.

Предписанные Гаем утренние упражнения были бы благотворны для моей спины, однако мне предстояло много дел. Посему я облачился в свою сержантскую мантию и спустился вниз. Мне было в ней неуютно: утро снова выдалось жарким и влажным.

В большом зале никого не было, однако, услышав доносящийся

издалека голос Барака, я по звуку пришел в просторную кухню, где они с Фиверйиром, сидя за столом, завтракали хлебом и сыром, переговариваясь между собой с куда большим дружелюбием, чем мне приводилось слышать прежде. Старая Урсула стояла возле большой печи, и ее узкое лицо покрывали капли пота. Ламкин, любимец Абигайль Хоббей, клянчил у ног Фиверйира очередной кусочек сыра. Заметив меня, он завилял хвостом, как бы пытаясь сказать: смотри, какой я везучий парень!

– За Тамасин присматривает хорошая женщина, – говорил Джек Сэму, – но я все равно беспокоюсь. Вечно представляю ее в саду за прополкой, когда надо сидеть дома.

– А я не знал, что ты женат. Думал, что ты – обычный гуляка, – удивился его собеседник.

– С этим теперь покончено… А, доброе утро! – воскликнул мой помощник, увидев меня. Фиверйир поднялся на ноги и коротко поклонился.

– Итак, ты не стал будить меня, – проговорил я, присоединяясь к ним.

– Меня самого подняли только полчаса назад, – бодрым тоном ответил Барак. – А старикам нужно поспать.

– Полегче там о стариках, грубиян! – осадил его Сэм. Наш дружеский тон очевидным образом шокировал его.

Из открытого окна кухни нам было лучше видно практикующихся парней. Теперь стрелял Дэвид… откинувшись сильным телом назад, он также выпустил стрелу. Он тоже попал в цель, но не в самый центр мишени.

– Прекрасное место! – сказал Фиверйир. – Я еще никогда не бывал в деревне.

– Ни разу в жизни не покидал Лондон? – спросил я.

– Это мое первое путешествие. Я всегда хотел побывать за городом. Здесь пахнет совсем иначе, и воздух такой чистый…

– Ну да, – согласился Барак. – Ни тебе тухлого мяса, ни помойки.

– Кроме того, здесь так тихо! Невозможно даже подумать, что в считаных милях отсюда, в Портсмуте, собирается войско.

– Да, – согласился я, – так оно и есть.

– Мастер Хоббей на удивление здорово перестроил дом. И как же прекрасно, что это поместье больше не служит этим монахиням, бормочущим под нос молитвы идолоподобным статуям, – добавил Сэм менторским тоном. Пожилая женщина бросила в его сторону полный яда взгляд.

– А эти парни знают свое дело, – проговорил Джек, поглядев за окно на молодых людей. Дэвид выстрелил снова, и я проследил за полетом

стрелы.

– Вот! – услышал я его голос. – Я победил! С тебя шесть пенсов!

– Нет уж! – возразил Хью. – Моя стрела ближе к центру!

Фиверйир с печалью на лице наблюдал за обоими стрелками.

– А ты сам стреляешь? – поинтересовался я у него.

– Нет, сэр. Господь не наделил меня нужной для этого силой. И я завидую этим крепким парням.

– Милая сценка, – произнес за нашими спинами насмешливый голос. Обернувшись, мы увидели в дверях Дирика, рядом с которым стоял Хоббей. Винсент также облачился в свою адвокатскую мантию.

– Кто кормил этого пса? – резким тоном спросил хозяин дома.

– Я, сэр, – нервно признался Фиверйир. – Он такой веселый миляга!

– Тебе будет не до веселья, если об этом узнает моя жена. Она сама кормит его, так как считает, что у него нежный желудок. Ламкин, ступай, найди мистрис! – велел Николас спаниелю, и тот покорно повернулся и потрусил прочь из кухни. Хоббей же повернулся к Урсуле: – А тебе не следовало позволять ему кормить Ламкина!

– Простите меня, сэр. За паром я ничего не видела, – принялась оправдываться пожилая женщина.

– Думаю, что все ты видела. Так что поберегись, мамаша! – проворчал Николас, а затем, повернувшись ко мне, проговорил уже ровным голосом: – Итак, брат Шардлейк, быть может, вы скажете нам, каким образом хотите приступить к делу? Как вы видите, с Хью можно поговорить прямо сейчас.

Однако я решил допросить молодого Кертиса после всех прочих, чтобы получить представление об этой странной семейке, о чем и сообщил хозяину:

– Я предполагал сперва выслушать вас, сэр. А потом Фальстоу и вашу жену.

Хоббей посмотрел на Дирика:

– Это приемлемо для вас?

Тот склонил голову:

– Вполне.

– Тогда я разрешу ребятам отправиться на соколиную охоту – они как раз спрашивали об этом. – Николас глубоко вздохнул. – Приступим. Мы можем воспользоваться моим кабинетом.

– Я хочу, чтобы Барак был со мной и делал заметки, – проговорил я.

– Я принес с собой бумагу и перо, мастер Хоббей, – бойко добавил мой помощник. – Если можно, предоставьте мне немного чернил.

– Клерки нам не нужны! – отрезал Винсент.

– Клерки всегда присутствуют при снятии показаний, разве не так? – Я невозмутимо посмотрел на него. – Ради точности ведения протокола.

– Ну, раз так, – вздохнул мой оппонент. – Пошли, Фиверйир, раз там будет Барак, то и ты должен присутствовать. Дополнительный ненужный расход для клиента мастера Шардлейка.

Богато украшенный и просторный кабинет Хоббея располагался на первом этаже. В нем находился широкий стол с многочисленными ящиками, на стене над ним было несколько полок, а дополняли обстановку прекрасные деревянные сундуки. Кресла были расставлены кружком перед окном. На стене висел портрет монахини-бенедиктинки: ее шею и лицо окружали накрахмаленные белые складки и черная вуаль.

– Предпоследняя аббатиса Вервелла, – кивнул на картину хозяин.

– Какое интересное лицо! – заметил я. – Внимательное и задумчивое…

– Вы тоже понимаете толк в живописи, мастер Шардлейк. – Лицо мастера Николаса расслабилось, и на нем появилась странная застенчивая улыбка.

– Надо начинать, сэр, – с некоторой резкостью проговорил Дирик. Взяв со стола пару чернильниц, он передал их Бараку и Фиверйиру.

Хоббей пригласил нас сесть и занял место у своего стола. На нем располагались большие песочные часы: в прекрасной нефритовой оправе находились прозрачные склянки, одна из которых была полна белого мелкого песка. Он повернул их, и песок тонкой струйкой полился вниз.

– Для начала, сэр, – начал я, – не могли бы вы рассказать о своем происхождении? Вчера вы упоминали о том, что жили в Германии?

Посмотрев на песочные часы, хозяин дома сложил на коленях свои узкие, холеные ладони:

– Мальчишкой я исполнял обязанности посыльного, связывавшего торговцев шерстью с немецкими торговцами в Стальном дворе. После этого я отправился в Германию, чтобы научиться профессии, а потом вернулся оттуда и со временем сделался членом компании торговцев тканями.

– Когда вы познакомились с Кертисами?

– Это случилось семь лет назад, – продолжил Хоббей тем же спокойным и ровным тоном. – Монастыри начали рассыпаться, как кегли, все добивались выгоды в Коронном суде. А я решил отойти от дел.

– Достаточно рано, не так ли? – Я не стал спрашивать его о долгах – время для этого еще не пришло.

– Я находился в деле с десяти лет, и оно мне надоело. Я узнал о том,

что земли приорства выставлены на продажу, и приехал сюда. С Джоном Кертисом – да упокоит Господь его душу! – я познакомился в местной гостинице. Он хотел приобрести часть лесных угодий приорства. Я не мог позволить себе купить этот лес вместе с монастырем, поэтому мы договорились, что мастер Кертис возьмет более обширную часть. Оба мы торговали шерстяными тканями и легко подружились. А потом, как вам известно, Джон и его жена внезапно скончались.

– И вы ходатайствовали о предоставлении вам опеки над Хью и Эммой.

Николас развел руками:

– В этом нет никакой тайны. Я знал обоих детей. И поскольку унаследованные ими земли соединялись в единое целое с моими, с коммерческой точки зрения, было разумно, чтобы Хойленд и управлялся подобным образом. Я заплатил хорошую цену, и все положенные деньги до последнего пенни поступили на счет Хью и Эммы в Опекунском суде.

Я посмотрел на Дирика: тот медленно кивал. Я достаточно долго времени провел в адвокатском деле, и мне нетрудно было понять, что все это они отрепетировали вчера вечером.

– Итак, к опеке над детьми вас побудили коммерческие соображения? – уточнил я.

– Конечно, нет! – на мгновение рассердился Хоббей. – Мне было жаль этих сирот, оставшихся без единого родственника. Кто мог присмотреть за ними лучше, чем мы с Абигайлью? Я и моя жена всегда хотели иметь много детей, но после рождения Дэвида нам пришлось похоронить двоих. – На лицо его легла тень. – Кроме того, у Хью и Эммы не было других родственников, кроме древней тетки на севере, с которой хотел связаться викарий Джона и Рут. Однако сделать это оказалось невозможно, – добавил он с легкой издевкой, – поскольку она оказалась мертвой.

Я подумал, что именно таким тоном он отреагировал на протесты преподобного Бротона. И Абигайль кричала… нетрудно представить!

Я выдержал паузу, чтобы позволить Бараку дописать. Наконец скрип их с Фиверйиром перьев затих.

– Вернемся к Майклу Кафхиллу, – продолжил я, – он был у вас учителем и провел с детьми несколько лет. Тем не менее, переехав в Хэмпшир, вы уволили его. По какой причине?

Мастер Николас наклонился вперед и сложил руки клинышком:

– Начнем с того, сэр, что дети не были по-настоящему привязаны к Кафхиллу. После смерти родителей они замкнулись друг на друге. А всего через какой-то год умерла и Эмма. – Вздох его, казалось, был полон

неподдельного чувства. – Ну, а когда мы переехали… Да, я отказался от услуг Майкла Кафхилла, так как Хью теперь остался один, и я опасался того, что влияние Майкла может сделаться нездоровым. Откровенно говоря, я опасался, что он может совратить мальчика. Самым непристойным образом, – добавил он неторопливо.

– Какими свидетельствами этого вы располагаете? – поинтересовался я.

– Не забудьте, брат Шардлейк, – вмешался Дирик, – что ответ мастера Хоббея может быть зачитан в суде, в присутствии матери Майкла Кафхилла.

– Я знаю это, – отозвался я, не отводя глаз от Хоббея. Оппоненту не следовало бы шантажировать меня подобным образом!

– Знаете ли, всякие взгляды и жесты… – начал объяснять Николас. – И однажды я видел, как он щупал задницу Хью.

– Понимаю. Кстати, о непристойности: Майкл рассказывал своей матери о том, что Дэвид сказал Эмме что-то неприличное, и поэтому Хью подрался с ним.

– Действительно, Хью однажды возмутили слова Дэвида. Мой сын… словом, он не всегда умеет сдерживать свой язык. Тогда у них случилась мальчишеская потасовка. Но теперь Дэвид и Хью – неразлучные друзья.

– Вы надеялись на то, что Дэвид может жениться на Эмме? В подобном случае Эмма передала бы принадлежащую ей часть угодий своему мужу.

– Конечно, мы учитывали такую возможность, но решать предстояло самим детям.

– Вы нашли другого учителя Хью и Дэвиду?

– До последнего года они сменяли друг друга. – Хоббей сухо улыбнулся. – Всем учителям приходилось быть хорошими стрелками. Хью уже тогда заразился этой страстью, и Дэвид последовал его примеру.

– Сменяли друг друга? И сколько же их было?

– Думаю, четверо.

– За пять лет? Это действительно очень много.

– Они не всегда оказывались компетентными: многие из учителей видят в преподавании временный этап, а не карьеру.

– Майкл Кафхилл не был таким.

– У него могли существовать для этого свои причины, – проговорил Дирик с ядом в голосе.

– А Дэвид – не такой уж легкий ученик. – На лице Николаса вновь появилась прежняя печаль. – Последний учитель оказался не столь уж

плох, однако он оставил нас, решив отправиться в путешествие по континенту. Это было еще до начала войны.

– Могу ли я услышать их имена? – спросил я.

– Если угодно. Впрочем, я не имею представления о том, где они могут пребывать сейчас.

– Переходя к сегодняшнему дню – время подумывать об университете или профессии для мальчиков, безусловно, прошло.

– Я хочу, чтобы Дэвид оставался здесь, учился управлять поместьем. Что касается Хью, то у него есть жилка к учению, и он любит читать книги. Однако им овладело мальчишеское желание уйти на войну. Посему я удерживаю его при себе до конца боевых действий. Разве это не разумно, мастер Шардлейк?

– Думаю, что вы согласитесь с тем, что делается это в интересах Хью, – вмешался Винсент.

– Быть может, – кивнул я и, сделав паузу, спросил: – Мастер Хоббей, вчера вечером за обедом вы рассказывали о появлении здесь Майкла Кафхилла в прошлую Пасху. Не могли бы вы снова рассказать об этом событии, на сей раз для протокола?

Николас повторил историю появления Майкла на старом церковном кладбище и его слова о том, что он любит Хью больше всех на свете. Я надеялся на то, что Хоббей ошибется, скажет нечто несовместимое с тем, что говорил прошлым вечером. Однако либо он говорил правду, либо Дирик успел натаскать его.

– И насколько далеко должны мы заходить в этом отвратительном эпизоде? – спросил мой противник, когда хозяин дома окончил свой рассказ.

– Еще один момент, мастер Хоббей, – вновь заговорил я. – Вы продавали древесину, полученную на землях, принадлежащих, по праву наследования, Хью.

Наш собеседник опять развел руками:

– Я оказался бы плохим попечителем его интересов, если бы поступил иначе. Благодаря необходимости в строевом лесе для кораблей и потребности в древесном угле железоделов Сассекса, цена никогда еще не поднималась так высоко.

Снова сассекские железоплавильни, подумал я.

– Я распорядился о том, чтобы вырубили часть моего собственного леса. Других доходов у меня здесь практически нет. Рента от деревни Хойленда и нескольких арендаторов в лесу дает мне в год менее семидесяти фунтов, которые год от года стоят все меньше и меньше из-за

этого роста цен. Вы видели мои конторские книги.

– Действительно. И мне хотелось бы проехать по принадлежащим Хью землям еще до нашей встречи с сэром Квинтином Приддисом, предстоящей в пятницу.

– Как вам угодно. Но лесные угодья очень велики, иногда размер их составляет несколько миль. Люди работают, сейчас они валят деревья на опушках, но в недра старого, дикого леса проникнуть сложно.

Дирик рассмеялся:

– Не заблудитесь там, брат, или мистрис Кафхилл придется искать нового адвоката!

– Не заблужусь. – Голос мой остался столь же мягким и плавным, как у Хоббея. – А теперь, благодарю вас, сэр. На мой взгляд, пока это все.

Винсент встрепенулся:

– Как это – пока? Вам не разрешено снимать показания многократно!

– Я побеспокою мастера Хоббея только в том случае, если возникнет нечто новое, – улыбнулся я ему. – А теперь, если позволите, я переговорю с управляющим Фальстоу.

– Безусловно. Он сейчас на псарне, следит за кормлением собак. – Мастер Николас посмотрел на часы, в которых еще текла струйка песка.

– Тогда пойду и найду его, – сказал я. – Мне хотелось бы подышать свежим воздухом. Барак, пойдем со мной. А завтра мне бы хотелось выехать на осмотр принадлежащих Хью лесных угодий.

Мы вышли в свежее утро. На лужайке топтался павлин – его яркие перья блестели на солнце. Когда мы подошли поближе, птица испустила свой скорбный крик и отошла подальше. Ориентируясь по собачьему лаю, мы направились к службам, и я вновь отметил, что разбросанные по лужайке деревья представляли собой множество удобных укрытий.

– Как тебе показался Хоббей? – спросил я своего помощника.

– Он не дурак, – отозвался тот. – Однако я бы не стал доверять ему: слишком уж гладко рассказывает.

– Согласен. Однако Хью Кертис явно не обойден вниманием опекуна.

– Они намеревались женить Дэвида на Эмме.

– Так часто случается при опеке. Однако здесь кроется нечто большее, я в этом уверен, – нахмурился я. – Мне как раз вспомнились эти парни с угла. Если здесь при продаже леса творились какие-нибудь мошенничества и либо сэр Квинтин Приддис, либо его сын гостили в Лондоне, они могли дневать и ночевать в Сиротском суде. И там могли узнать о моем участии в этом деле.

– И, побоявшись разоблачения, попытались припугнуть тебя?

– Они, возможно, еще не знали тогда о том, что за моей спиной стоит королева. Хотя Хоббей мог с тех пор известить их об этом в своем письме, – улыбнулся я. – Жду нашей встречи в пятницу.

Затем, набрав воздуха в грудь, я добавил:

– А до того, при наличии времени, я, думается, мог бы съездить в Рольфсвуд и попытаться там что-нибудь разузнать. В одиночестве.

– Тебе не следует туда ездить! – тут же запротестовал Джек. – А тем более в одиночку.

– Будет здорово провести одну ночь вне этих стен. И я хочу, чтобы ты оставался здесь, пытаясь разузнать все, что удастся. Возьмем эту служанку Урсулу, она, во всяком случае, не питает любви к Хоббеям. Можешь попытаться разговорить ее.

Рассказывать помощнику о двух смертях в плавильне я не намеревался.

Однако он, клонив голову набок, проницательно прищурился:

– Ты скрываешь от меня что-то, касающееся Эллен?

– Милостивый боже, Джек! – покраснел я. – Оставь это! Я лучше знаю, что мне надо делать. Кстати, до полудня я хочу написать ответ Уорнеру. Не хочешь ли и ты написать Тамасин для передачи почтовому гонцу?

– Конечно.

– Тогда давай закончим наши дела. – И я направился прямиком на непрекращающийся лай, доносящийся из находящегося возле конюшни здания. Заглянув сквозь открытую дверь в конуры, я увидел дюжину черно-белых охотничьих псов, стоявших на толстом слое соломы и прикованных к стенам длинными железными цепочками. Также на цепи здесь сидели две самые рослые борзые, каких мне приходилось видеть в своей жизни, – обе они были сплошная масса мышц на гибком теле. Один из слуг бросал собакам куски мяса из ведерка под внимательным присмотром Фальстоу. Управляющий обернулся, с удивлением посмотрел на меня и поклонился.

Я кивнул в сторону борзых:

– Какие рослые!

– Это псы Хью и Дэвида – Аякс и Аполлон. Молодые люди скоро придут за ними. Мастер Эйвери, им сейчас на охоту, не кормите их, – велел Амброуз слуге и снова повернулся ко мне: – Во время охоты псов спустят на оленей.

– Эта охота твоего господина, как я понимаю, будет здесь первой?

Фальстоу кивнул:

– Да, это так. Мы держим собачек голодными, чтобы лучше чуяли запах мяса. А это мастер Эйвери, которого мы наняли в качестве главного егеря, – указал он на кормившего животных мужчину.

Молодой человек поднялся и поклонился. Он был поджар и жилист, как и псы, и его острое интеллигентное лицо контрастировало с кожаным фартуком, забрызганным кровью после разделки мяса.

– Мастер Шардлейк пребывает у нас по юридическим вопросам, – объяснил Амброуз.

– Я слышал об этом. – Егерь бросил на меня едкий взгляд.

– Эйвери работает у нас с нашим лесничим, – продолжил управляющий. Он явно решил изображать простака. – Они выследили в нашем парке большого оленя.

– Выследили, сэр, – согласился егерь. – Отличный зверь. Я жду следующего понедельника.

– Мальчики, наверное, также предвкушают охоту, – предположил я.

– А как же, ждут! – снова согласился Эйвери. – Они выслеживали оленя вместе со мной. Но как я уже говорил, мастер Фальстоу, я предпочел бы, чтобы мастер Дэвид больше не приходил. Он производит слишком много шума. А вот мастер Хью – следопыт прирожденный, ступает, словно лиса. У него задатки отличного охотника, – Он вдруг улыбнулся и добавил: – Попросите-ка Хью показать вам его каменное сердце.

Я изумленно уставился на него:

– Что-что показать?

– Это косточка, расположенная рядом с сердцем оленя, – пояснил Фальстоу. – В прошлом году мастер Хью участвовал в охоте у соседа и сразил оленя стрелой.

Эйвери заулыбался:

– Разве вам не известен этот старинный обычай, сэр? Каменное сердце дают лорду, который валит оленя.

– Увы, я горожанин, – развел я руками.

– Говорят, она обладает великими целебными свойствами, – рассказал егерь.

– Хью носит ее в мешочке на шее, – проговорил Амброуз, чуть наморщив нос. Вспомнив про крест Эммы на моей собственной шее, я глубоко вздохнул.

– Мастер Фальстоу, – сменил я тему. – Нам хотелось бы сейчас выслушать ваши показания.

– Очень хорошо, – поджал тот губы.

Пока мы возвращались в дом, управляющий не произнес ни единого слова. Когда мы оказались возле конюшни, мимо нас верхом проскакали Дэвид и Хью. В руке каждого из них была кожаная перчатка, на которой восседал сокол с колпачком на голове. Солнце подчеркнуло шрамы на лице Кертиса, и я отвернулся. Мальчишки с любопытством посмотрели на мое сержантское одеяние, и молодой Хоббей пренебрежительно фыркнул. Проезжая мимо нас к воротам, Хью снял с головы шапку.

Мы вошли в кабинет хозяина дома. На лице Фальстоу отразилось видимое облегчение, как только он увидел Дирика. Хоббей-старший к тому времени уже ушел.

– Доброе утро, мастер управляющий, – бодрым тоном проговорил Винсент. – Не беспокойтесь, я пригляжу за тем, чтобы брат Шардлейк придерживался дела. – Часы на столе вновь перевернули, и песок посыпался вниз. Амброуз сел, взирая на меня столь же ровным взглядом, как и его господин.

– Итак, Фальстоу, – начал я непринужденным тоном, – расскажи мне, как случилось, что ты стал управляющим у мастера Хоббея.

– Я был дворецким в его лондонском доме. Прежде чем мастер Хоббей переехал сюда, – отозвался мой собеседник.

– Чтобы стать сельским джентльменом.

– В Англии нет более достопочтенного призвания. – В голосе Амброуза прозвучала вызывающая нотка.

– Вы помните, когда Хью и его сестра оказались в доме вашего господина шесть лет назад? Вместе с мастером Кафхиллом.

– Помню. Мой мастер и его мистрис обращались с бедными детьми, как со своими собственными.

Естественно, о том, чтобы пошатнуть верность Фальстоу, не могло быть и речи. Не мог я и заставить его проговориться. Я расспрашивал дворецкого двадцать минут, и его показания точно следовали показаниям его господина. Он повторил, что Хью и Эмма предпочитали общество друг друга, не обращая внимания на остальных. О Майкле Кафхилле у него особых воспоминаний не сохранилось, за исключением того, что учитель держался в стороне от домашних. Холодный тон отказал Амброузу лишь однажды, когда я принялся расспрашивать его об оспе.

– Сразу заболели все трое детей, – рассказал он. – Должно быть, выезжали куда-то все вместе и подхватили ее от одного и того же человека… в том году в Лондоне ее было много, – Голос его на мгновение дрогнул. – Как сейчас помню… мистрис Абигайль говорит, что у всех троих болит голова и они устали настолько, что едва могут пошевелиться.

Я сразу понял, что это значит.

– Ты помогал ухаживать за ними? – уточнил я.

– Я приносил наверх воду и чистые простыни. Остальные слуги были слишком напуганы, чтобы помогать. Врач сказал, что их следует заворачивать в красную ткань, чтобы изгнать болезнетворные гуморы. Помню, как я носился по всему Лондону, разыскивая старую ткань, на которую тогда был большой спрос.

– Насколько я понимаю, мистрис Хоббей настояла на том, что будет ухаживать за Дэвидом лично?

– Да, хотя она часто посещала и Хью с Эммой. А после смерти Эммы моя госпожа так и не стала прежней.

– А потом Майклу отказали от дома…

– Мой мастер не хотел, чтобы он даже подходил к Хью, – ответил Фальстоу, многозначительно наклоняя голову. – Спросите его сами, по какой причине.

– Насколько часто ты теперь общаешься с Хью?

– В основном, я имею дело с мастером Дэвидом. Пытаюсь научить его вести счета. – Тон управляющего свидетельствовал о том, что занятие это кажется ему безнадежным. – Однако я слежу за гардеробами обоих юношей.

– Понятно. А как насчет земель Хью?

– Он не обнаруживает к ним никакого интереса и говорит, что продаст их, как только станет совершеннолетним. Ну а сейчас он хочет уйти в армию.

– Итак, ты особо не общаешься с Хью.

– Все мы живем в одном доме, так что хотя бы немного общаемся. Но что я делаю для обоих парней с четырнадцати лет, так это брею их каждые несколько дней, а также подстригаю волосы, поскольку так принято у стрелков. Мой отец был брадобреем. А мастер Хью не пойдет ни к какому другому цирюльнику, чтобы не порезаться, с учетом того, во что превратились теперь его лицо и шея.

– Ты ведешь здесь непривычный для себя образ жизни, Фальстоу. Ведь, судя по произношению, ты уроженец Лондона?

– Да, чтобы меня здесь приняли, потребовалось некоторое время. Большинство местных жителей не одобряют роспуска монастырей. А деревенские жители будут недовольны любым господином.

– И ты занимаешься еще другими делами. Ты отвечаешь за управление всем поместьем?

– Да. Под руководством своего господина. Однако все профессии

одинаковы: благословен будь тот пенс, который принесет тебе два пенса! Таков девиз моего господина, да и мой тоже.

– Ну, в это я охотно поверю. – Я улыбнулся. – Ну, на этом, думаю можно закончить, – И еще раз добавил: – Пока.

Как сообщил мне Дирик, Абигайль пребывала в постели из-за мигрени. Приступы эти посещали ее часто и иногда продолжались весь день. Переодевшись в своей комнате в более легкую одежду, я написал письмо Уорнеру с просьбой известить меня сразу, как только ему станет известно о состоянии дел Николаса Хоббея. Кроме того, я упомянул, что видел направлявшегося на юг Ричарда Рича. После этого я перекусил в обществе Дирика, всю трапезу расписывавшего мне честность Хоббея и Фальстоу. Молодые люди, по его словам, должны были вернуться ближе к концу дня. Наконец я вышел из дома, прихватив с собой план поместья, и направился в обход к комнате Барака. Он дал мне только что написанное им письмо для Тамасин.

– Что ты скажешь, если мы прогуляемся до деревни Хойленд? – спросил я.

– Дирику это не понравится. Он решит, что ты подбиваешь селян против своего господина. – В голосе Джека сквозило недовольство: он был раздосадован тем, что я не хочу брать его в Рольфсвуд.

– К черту Дирика! – отмахнулся я. – Пошли.

– Хорошо. Фиверйир только что оставил меня. Он корпит над нашими черновиками показаний, пытаясь то тут, то там изменить их смысл. Не удивлюсь, если Дирик велел ему вставлять нам палки в колеса ради чистого удовольствия.

– Тогда тебе тем более нужно подышать свежим воздухом.

Пока мы шли к воротам, я рассматривал сад Абигайль, где в это время занималась прополкой одна из служанок, отмечая, с каким старанием она подбирала приятные сочетания цветов. Я отметил также, что цветочные клумбы образовывали крупную букву «Х», означавшую «Хоббей».

Пройдя сквозь ворота, мы направились вперед по пыльной тропинке. По одну сторону ее располагался луг, на котором паслись овцы и несколько коров. Заметив уже ставший привычным вал стрельбища, я подумал о том, как-то там устроились в Портсмуте Ликон и солдаты. По другую сторону тропы начинался густой лес.

– И кому это все принадлежит? – поинтересовался Барак, кивая на лесные заросли.

Я сверился с планом:

– Хоббею. А этот луг принадлежит деревне. Кстати, что ты думаешь о показаниях Фальстоу?

– Заучены, как и показания его господина.

– Согласен. Должно быть, поутру нас не стали будить для того, чтобы Дирик получил больше времени для наставлений. Что ж, я оставил лазейку, позволяющую мне вернуться с новыми вопросами. И ответы на них зазубрить нельзя.

Теперь мы вышли на пахотные угодья. Поля здесь были разделены на широкие полосы, на которых мужчины трудились вместе с женами и детьми. Я представил себе собственных предков, дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, пращуров, проводивших свою жизнь в тяжелом сельском труде. Селяне время от времени поглядывали на нас.

– Небось трудно работать в такую жару! – окликнул мой спутник кого-то. Ответа не было: крестьяне просто отвернулись от него.

Наконец мы оказались в деревне Хойленд. Вдоль улочки выстроилось десятка два с половиной крытых соломой домов. Многие оказались весьма небольшими, одноэтажными. Это были сделанные из плетня с обмазкой хижины, в которых под одной крышей ночевали и животные, и люди. Нашлось и несколько домов побольше, со вторым этажом, и даже парочка хороших фахверковых[31] жилищ. На огородах перед домами работали дети и старики. И вновь нас встретили холодными взглядами, а около одного из домов трое детей, увидев нас, спрятались в своем жилище.

Мы оказались в середине деревни. Дверь большого дома была распахнута настежь, и внутри у горна занимался своим делом кузнец, выковывавший что-то на наковальне. Угли в топке рдели багрянцем, мерцая в жару. Я сразу же вспомнил о молодом Томе Ллевеллине.

– А вот и встречающие, – невозмутимо заметил Барак.

По улице в нашу сторону неторопливо шли трое мужчин крепкого сложения и с враждебным выражением на лице. Двое были в грубых рубахах, однако третий мог похвастаться кожаным жилетом и хорошими шерстяными панталонами. Ему было за тридцать, и на его жестком квадратном лице внимательно смотрели из-под каштановой шевелюры голубые глаза. Он остановился в трех шагах от нас.

– Что вы тут делаете, чужаки? – произнес он с широкой хэмпширской картавинкой.

– Мы гостим в Хойлендском приорстве, – ответил я кротко, – и пришли сюда на прогулку.

– Послушай его, мастер Эттис, – подал голос другой встречающий. – Я же тебе говорил!

Эттис шагнул вперед.

– Не стоит слишком приближаться к нам, приятель, – предостерег его Джек, опуская руку на рукоять кинжала.

– Это вы адвокаты? – прямо спросил Эттис.

– Я адвокат, мастер Шардлейк, – представился я.

– Понятно, – проговорил третий. – Он явился, чтобы отсудить у нас общинные земли. К тому же гребаный горбун, чтобы нас ждала неудача!

Эттис уставился на меня:

– Ну? Значит, вы поэтому здесь? Так знайте, жители Хойленда не боятся никаких адвокатов. Если вы попытаетесь судебными уловками прогнать нас с земель, мы обратимся в Суд по ходатайствам. Наши друзья из соседних деревень таким образом защищали собственные права. И если лесорубы мастера Хоббея вновь явятся на наши общинные земли, мы прогоним их.

– Это меня не касается. Меня прислал сюда Суд по делам опеки исследовать состояние дел мастера Кертиса, – объяснил я местным жителям.

– Это рябого парня, – пояснил сподвижник Эттиса.

Тот продолжал изучать нас:

– Я слышал, что в приорстве сейчас два адвоката.

– Здесь находится и собственный адвокат мастера Хоббея. По тому же самому делу, что и я. – Сделав паузу, я многозначительно посмотрел на собеседника. – Это отнюдь не значит, что у него не может быть здесь других дел, но я в них не участвую.

Эттис неторопливо кивнул:

– Значит, вас интересует только мастер Кертис?

– Да. Вы знакомы с ним?

Деревенский житель покачал головой:

– Он сюда не ходит. Здесь изредка бывает мастер Дэвид со всеми своими детскими настроениями и причудами, от которых моя старая корова может лопнуть со смеху.

– Насколько я понимаю, некоторые жители деревни работают слугами в доме?

– Некоторые. Большинство старается не связываться с господами.

– Слуги не хотят общаться с нами, – проговорил я. – И это очень жаль. Обмен информацией мог бы оказаться полезным. Кстати, адвоката мастера Хоббея зовут Винсент Дирик.

– А я Леонард Эттис. Здешний йомен.

– Не волнуйтесь, мы не имеем в виду ничего плохого. Сейчас мы

уйдем. Но, быть может, нам будет позволено снова пройти этим путем для того, чтобы поговорить подробней? – спросил я.

– Возможно, – неохотно ответил Леонард.

Мы повернули обратно тем же путем, которым пришли. Барак бросил взгляд через плечо:

– Они все еще следят за нами.

– Они испуганы и рассержены. Общинные земли нужны им ради леса и пастбищ. – Я улыбнулся. – Но у них есть вожак, и они знают про Суд по ходатайствам. Хоббею с Дириком предстоит драчка.

– Ты мог бы как раз сказать им, что работаешь в этом суде. Это поставило бы их на твою сторону.

– Я не хочу без нужды раздражать Хоббея и Дирика. Еще не время. А теперь пошли, Хью скоро вернется.

Глава 19

Вернувшись в дом, мы обнаружили, что мальчики уже вернулись. Двое слуг уводили коней. Хью и Дэвид стояли перед входом, демонстрируя своих птиц Фиверйиру. Каждый из них держал на поводке борзую, и когда мы с Бараком подошли, собаки принялись принюхиваться. Пес младшего Хоббея заворчал, и тот дернул его за поводок:

– Спокойно, Аякс!

Сэмюель завороженно вглядывался в пестрые перья птицы, которую Хью держал на вытянутой руке. Сокол посмотрел на нас свирепым оком, и колокольчики на путах, удерживавших птицу на покрытой перчаткой руке, звякнули. Кертис придержал птицу другой рукой:

– Тихо, Дженни, тихо.

Через плечо Дэвида была переброшена сумка, из которой сочилась кровь.

– Какова добыча? – спросил я.

– Связка упитанных лесных голубей и три фазана. Мы подняли голубей на крыло, – рассказал молодой хозяин внушительным тоном, и его тяжелое лицо осветила улыбка. – Неплохой будет ужин, правда, Хью?

Мне сразу показалось, что Дэвид Хоббей, пожалуй, ведет себя слишком ребячливо для восемнадцати лет. И я вспомнил слова селянина о его детских настроениях и поступках.

– Было бы четыре, если бы твой Аякс не объел добытую им птицу, – отозвался Кертис.

Сэм протянул руку к птице Хью. Он улыбался, его узкое лицо переполняло удивление.

– Осторожней, мастер Фиверйир! – предостерег его юноша. – Эта птица не признает никого, кроме меня.

Сокол замахал крыльями и крикнул. Помощник Винсента торопливо отпрыгнул назад, споткнулся и едва не упал, но, размахивая тонкими руками, как крыльями ветряной мельницы, все же сумел сохранить равновесие.

Дэвид громогласно расхохотался:

– Ты, клерк, похож на чучело на ветру!

Хью осторожным движением сложил крылья птицы, свободной рукой извлек из кармана дублета колпачок и надел его на голову сокола.

Интерес Фиверйира к охоте не ослабел.

– А вы сами воспитали эту птицу, мастер Хью? – полюбопытствовал он.

– Нет. – Кертис обратил к нему взгляд своих холодных загадочных глаз. – Птиц воспитывают сокольники. Птенцам сшивают веки, чтобы они полностью зависели в своем пропитании от людей. Но когда птице исполнится год, ей возвращают зрение и учат охоте.

– Но это жестоко! – ахнул Сэм.

Дэвид хлопнул его по плечу, едва не повалив его на землю:

– Ты не знаком с обычаями сельского края.

Хью повернулся ко мне, и глаза его вновь сделались внимательными:

– Кажется, вы хотели снять мои показания, так, мастер Шардлейк?

– Да, будьте добры. Фиверйир, вы приведете своего мастера? Тогда мы можем начать.

– Мы отнесем птиц на насесты, – сказал Кертис, – и уведем борзых. Мистрис Абигайль не любит, чтобы они находились возле дома.

Хозяйка опять была помянута с холодком. Парни отправились к службам, а Фиверйир вошел в дом.

– А этот Дэвид – изрядный прохвост, – заметил Барак. – Нуждается в хорошем шлепке.

– Он ребячлив, а мозгов мало, – отозвался я. – Тем не менее все надежды отца поневоле обращены к нему. Что же касается Хью… на мой взгляд, его детство осталось в далеком прошлом. Посмотрим, удастся ли нам узнать причину этого.

Когда мы вошли в кабинет Хоббея, Дирик и Фиверйир уже находились там. Через несколько минут появился и Хью, ступавший уверенно и едва ли не с вызовом. Вечернее солнце подчеркивало рытвины, оставленные оспой на его лице и шее. Я отвернулся, вспоминая слова Бесс о его погубленной красоте. Дело обстояло достаточно плохо, но все же не настолько, как говорила она.

– Прошу вас садиться, мастер Хью, – проговорил Винсент. Потянувшись к песочным часам, он перевернул их.

– Отмечаю время для своего счета, – пояснил он с холодной улыбкой. Кертис сел, глядя на меня и сложив на коленях узкие с длинными пальцами ладони. Я заметил на лице Сэма смущение.

– Предлагаю взять быка за рога, – начал я. – И, что называется, не заговаривать друг другу зубы.

– Благодарю вас, – кивнул юноша.

– Мы находимся здесь в связи с обвинениями, выдвинутыми Майклом

Кафхиллом, да упокоит Господь его душу. Побывав в этом доме в начале этого года, он обнаружил, что вам здесь причиняется великое зло. Имеете ли вы какое-то представление о том, что он подразумевал под этими словами?

– Нет, сэр, – ответил Хью, глядя мне прямо в глаза.

На губах моего оппонента появилась победоносная улыбка.

– Ну что ж, – проговорил я, – посмотрим. Расскажите мне, что вы помните о том времени, когда вместе с сестрой попали в опеку?

– Очень немногое. Мы были настолько убиты горем, что едва замечали происходившее вокруг нас. – Невзирая на эти слова, интонация Кертиса осталась лишенной каких-либо эмоций.

– Майкл Кафхилл был тогда больше года вашим учителем. Вы дружили с ним?

– Я любил и уважал его. Не скажу, чтобы мы были друзьями.

– Вам было известно о том, что Майкл пытался помешать мастеру Хоббею добиться опеки над вами?

– Мы знали о том, что были какие-то разногласия. Однако нам было все равно, в какую семью идти.

– Но вы были едва знакомы с Хоббеями.

Молодой человек пожал плечами:

– Мы знали, что они – друзья отца. Как я уже сказал, нам было все равно.

– Вы хотели тогда, чтобы Майкл Кафхилл оставался с вами?

Мой собеседник на мгновение задумался:

– Он был добр с нами. Но мы с Эммой тогда думали только друг о друге. – Голос его дрогнул, и Хью стиснул кулаки. Мне было жаль причинять ему боль расспросами, тем более что мальчик так старался не показывать ее. – Мы с Эммой могли общаться одними взглядами, без слов, как если бы нас переносило в собственную, принадлежащую нам одним сферу мира.

– Мы расстраиваем мастера Кертиса, – вступил в разговор Дирик. – Возможно, было бы лучше отложить…

– Нет! – с внезапной яростью возразил юноша. – Я хочу закончить это дело и забыть о нем.

Я кивнул:

– Тогда могу ли я спросить, Хью, насколько хорошо обращались с вами и сестрой мастер и мистрис Хоббей?

– Они предоставляли нам хорошую пищу и одежду, кров и воспитание. Однако никто не может заменить тебе собственных родителей. Никто не

мог так остро ощутить эту потерю, как мы с Эммой. Мне хотелось бы, чтобы люди поняли это.

– Это вполне понятное чувство, – согласился Винсент. Допрос этого свидетеля складывался в его пользу.

– Последний вопрос о вашей бедной сестре, – продолжил я. – Майкл Кафхилл утверждал, что вы подрались с Дэвидом из-за каких-то неподобающих слов, сказанным им вам.

Кертис напряженно и невесело улыбнулся:

– Дэвид всегда говорит всякие неуместные слова. Но вы же встречались с ним! Однажды он обратился с грубым предложением к Эмме. Я ударил его за это, и он усвоил урок.

– А были ли между вами разговоры о том, что Эмма может выйти замуж за Дэвида?

В глазах Хью на мгновение проскочила свирепая искра:

– Этого просто не могло быть. Он не нравился Эмме.

– Но теперь вы с Дэвидом стали друзьями?

Парень пожал плечами:

– Мы вместе охотимся и стреляем из лука.

– Мать Майкла Кафхилла сказала, что это Майкл научил вас с сестрой натягивать тетиву.

– Да. И я благодарен ему за это.

– И все же мастер Хоббей отказал ему от дома. Он сказал, что боялся возникновения неподобающих отношений между вами.

Выдержав мой взгляд, Хью неторопливо покачал головой:

– Между нами не было ничего неподобающего.

– Однако мастер Хоббей, должно быть, полагал, что имеет для этого достаточные резоны, – вмешался в разговор Винсент.

– Быть может, мастеру Хоббею показалось, что он что-то видел. Однако у меня нет обвинений в отношении Майкла Кафхилла. – Кертис посмотрел на Дирика, и на сей раз в его глазах читался вызов.

– Но возможно, вы не стараетесь вспомнить это, – предположил тот.

– Мне нечего вспоминать.

– Я думаю, вопрос этот ясен, брат, – вмешался я. – А теперь, Хью, скажите вот что: после Майкла у вас были другие учителя. Они приходили и уходили?

Молодой человек пожал плечами:

– Один из них женился. Другой отправился путешествовать. И не могу сказать, что Дэвид облегчал их жизнь.

– А потом, на эту Пасху, Майкл внезапно объявился и подбежал к вам в

саду?

Хью ненадолго задумался, глядя себе на ноги.

– Этого я не понимаю, – проговорил он наконец. – Он объявился, как гром с ясного неба. Должно быть, он прятался среди надгробий на старом кладбище, наблюдая за тем, как мы с Дэвидом пускаем стрелы. Он схватил меня за руку и потребовал, чтобы я уехал с ним, потому что мое место не здесь.

– Мастер Хоббей утверждает, что он сказал, что любит вас как никого другого, – невозмутимо продолжил я.

Юноша вновь посмотрел на меня с вызовом:

– Не помню, чтобы он говорил такое.

Он стремится выгородить Кафхилла, подумал я. Но правду ли он говорит?

– Вы были тогда возбуждены, – предположил Дирик. – Может быть, вы не расслышали?

Он поощрительно улыбнулся, но Кертис ответил ему взглядом, полным такой холодной неприязни, что даже мой опытный коллега на мгновение смутился. Наконец Винсент непринужденным тоном произнес:

– Мастер Хоббей говорил нам, что вы стремитесь в солдаты?

– Действительно, стремлюсь. – Хью посмотрел на него, и с чувством добавил: – Менее чем в десяти милях отсюда наши солдаты и корабли готовятся к бою. Какой англичанин не хочет послужить в этот час? Я молод, но как лучник не хуже любого другого. И если бы не мой опекун, я уже служил бы.

– Вы забываете, мастер Хью, что располагаете большим поместьем. Вы являетесь джентльменом… у вас есть обязанности.

– Обязанности? – горько усмехнулся юноша. – Перед деревьями, барсуками и лисами? Они не интересуют меня, сэр. Дэвиду приходится считаться с семьей. Но у меня таковой нет.

– Ну что вы! – с укоризной покачал головой Дирик. – Вы член семейства Хоббеев.

Кертис посмотрел на меня:

– Все мои родные, те, кого я любил, мертвы. Хоббеи, – он помедлил, подбирая слова, – никогда не заменят мне тех, кого я утратил.

– Но вы молоды, – заметил Винсент, – и достаточно богаты. Со временем вы женитесь и заведете собственную семью.

Хью упорно глядел на меня:

– Я предпочел бы защищать свою страну.

Винсент наклонил голову:

– Тогда, молодой человек, благодарите небеса за то, что Сиротский суд и мастер Хоббей властны над вами. Вы не согласны со мной, брат Шардлейк?

– Аплодирую вашему доблестному сердцу, мастер Хью, – продолжил я. – Однако война – это кровь и смерть.

– Неужели вы думаете, что я не знаю этого? – ответил он с некоторым высокомерием.

После недолгой паузы Дирик подал голос:

– Еще вопросы будут?

Я еще раз повторил свою формулу:

– Пока что нет.

Кертис поднялся, поклонился и вышел из комнаты. Винсент победоносно посмотрел на меня. Хью не стал обвинять Майкла, однако же он ни в чем не обвинил и Хоббеев. Совершенно ни в чем.

После беседы я пригласил Барака в свою комнату поговорить.

– Что ж, – начал он, – наш главный свидетель ничего не сказал.

Хмурясь, я расхаживал взад и вперед по комнате:

– Не понимаю. Показания Хоббея и Фальстоу были заучены, но Хью…

– Кажется, ему все равно…

– Тем не менее он не подтвердил того, что Хоббей говорил о Майкле. Ни того, что Майкл вел себя недостойно по отношению к нему, когда он был мальчишкой, ни того, что весной он признавался в любви к нему.

– Но он ничего не сказал против Хоббеев. Можно заметить, что он считает Дэвида дураком, но у кого может быть другое мнение по этому поводу?

– Но почему ему безразлично собственное имение?

Джек посмотрел на меня серьезными глазами:

– Быть может, он так и не оправился после смерти родителей и сестры…

– За такое-то время? И если он презирает Дэвида, зачем проводить столько времени в его обществе?

– Кроме Дэвида, у него нет здесь ровесников. Мы не выбираем родственников, ни родных, ни приемных.

– Здесь есть что-то еще, – заметил я. – Он явно прятал чувства, когда я упомянул Майкла.

– Возможно, он пытался защитить его память. Ради мистрис Кафхилл.

– Он едва знаком с ней. – Я посмотрел на своего помощника. – Клянусь, он что-то скрывает. Как и все они. Это всего лишь ощущение,

однако опровергнуть мне его нечем.

Барак неторопливо кивнул:

– И мне тоже так кажется. Но если у Хью нет никаких жалоб, мы не в состоянии ничего сделать.

– Мне надо подумать. Давай-ка прогуляемся после обеда. Я зайду в твою комнату.

– Ну а мне тем временем опять придется иметь дело с Фиверйиром, который будет придираться ко всякой точке и запятой в показаниях.

Мой помощник отправился восвояси, а я прилег отдохнуть. Тем не менее взбудораженный ум мой не желал успокаиваться. Немного погодя я решил подняться и справиться, готов ли обед, и выглянул из своей комнаты. Одна из дверей в коридоре оказалась открытой. Внутри было темно, ставни были закрыты. Из комнаты донеслись негромкие голоса Николаса и Абигайль.

– Он скоро уедет, – с нетерпением в голосе проговорил хозяин дома.

– Видеть уже не могу его согбенную спину! – Голос Абигайль наполняла предельная усталость. – А этот злобный пес Дирик просто отвратителен. И я по-прежнему не хочу никакой охоты.

– Жена, я уже не могу переносить эту изоляцию! – рассердился Хоббей. – Говорю тебе, бояться нам нечего.

– Нам всегда будет чего бояться.

Я вздрогнул, так как внизу из дверей высунулась крохотная мордашка. Вышедший из темноты Ламкин вперевалку побрел ко мне, помахивая хвостом. Торопливо шагнув внутрь своей комнаты, я осторожно прикрыл дверь перед носом пса и в задумчивости замер перед ней.

Несмотря на то что на обед подали добытую юношами дичь под вкусными соусами из кухни Хоббеев, застолье являло собой жалкое зрелище. Абигайль явилась последней, бледная и явно еще страдающая от головной боли. Как только она вошла, Фальстоу, вновь стоявший за спиной хозяина, поклонился. Мы с Дириком поднялись, Николас привстал, однако ни Хью, ни Дэвид даже не шевельнулись. Это выглядело как оскорбление, нанесенное хозяйке дома, однако Абигайль, похоже, не обратила внимания на неучтивость молодых людей. В тот день она не заботилась о своей внешности: длинные, с сединой, светлые пряди ее волос были просто заброшены за спину. Во время еды она молчала, ковыряла пищу в своей тарелке и дергалась от резких звуков. Хоббей занимал Дирика беседой о перестройке монастыря. Он попытался вовлечь в разговор также и Дэвида, однако юноша не обнаруживал признаков интереса к своему дому. Я

заметил, с какой любовью и печалью поглядывает мастер Николас на сына. Кертис сидел напротив меня. Воспользовавшись возможностью, я наклонился вперед и негромко проговорил:

– Прошу прощения, если мои вопросы пробудили в вас тягостные воспоминания, мастер Хью. К моему сожалению, адвокату часто приходится задавать трудные вопросы.

– Я понимаю вас, мастер Шардлейк, – печально проговорил он и, немного помолчав, добавил: – Я обещал вам показать моего «Токсофила». Прикажу, чтобы слуга принес эту книгу в вашу комнату. Мне будет приятно услышать о ней стороннее мнение.

– Благодарю за любезность.

Я заметил, что Дэвид прислушивается к нам и что на его тяжелом лице появилось странное выражение. Посмотрев на меня, он громко поинтересовался:

– А откуда вы сегодня возвращались со своим слугой, мастер Шардлейк? Не из деревни ли?

– Да, из деревни, – подтвердил я.

Хоббей пристально посмотрел на меня.

– Ну и встретили ли вы кого-нибудь из этих выскочек-сервов? – спросил Дэвид со смешком.

– Мы просто прошлись до деревни и обратно.

Пожилая служанка Урсула как раз протянула руку, чтобы забрать у младшего Хоббея опустевшее блюдо. Откинувшись назад, парень толкнул плечом ее руку, так что женщина с шумом уронила поднос на стол. Хозяйка дома простонала и прижала руки к ушам.

– Надо быть острожной! – взвыла она. – Старая дура!

– Абигайль! – остановил ее Николас. По лицу Фальстоу пробежала полная жестокого удовольствия улыбка, но он мгновенно подавил ее. Окатив мужа полным ярости взором, мистрис Хоббей вскочила из-за стола и вылетела из комнаты.

– Простите меня, – спокойно проговорил хозяин. – Моя жена плохо себя чувствует.

Я посмотрел на юношей. Лицо Хью оставалось бесстрастным. Дэвид же показался мне сокрушенным.

После обеда я направился к жилищу Барака. День заканчивался, и летний вечер бросал на лужайку длинные тени. Старинные камни приорства казались теплыми и мягкими. Барак, находясь в своей комнате, заново перечитывал письмо Тамасин. Мы обошли дом кругом и вышли к

фасаду, перед которым, развалившись на спине, спал Ламкин. Миновав стрельбище, мы зашли на маленькое кладбище, которое сплошь покрывала высокая трава. Среди зелени промелькнуло нечто яркое. Это были цветы, положенные к надгробию с надписью: «Сестра Джейн Сэмюель, 1462–1536».

– Должно быть, одна из последних скончавшихся здесь монахинь, – проговорил я. – Интересно, кто положил сюда эти цветы?

– Наверное, Урсула, – предположил мой спутник. – Хоббей не одобрит подобный жест.

– Не одобрит, – согласился я и сменил тему. – Вот что, я случайно подслушал следующий разговор. – И я пересказал Джеку спор Хоббеев. – Абигайль испугана, она сказала, что они с Николасом никогда не окажутся в безопасности. Но почему она боится предстоящей охоты?

– Ты уверен в том, что расслышал все правильно?

– Да. И теперь считаю себя обязанным разобраться в том, что здесь происходит, – твердым тоном сказал я. – Именно этого хочет от меня королева.

Мой помощник покачал головой:

– Ты обязан, королева хочет… А мне надо домой!

Я возвратился в свою комнату. На моей постели лежала книга. «Токсофил», Роджера Эшема. Я лег и открыл ее. Повествование начиналось с цветастого посвящения королю и «его наичестнейшему и победоноснейшему путешествию во Францию». Победоноснейшему, подумал я. Тогда почему мы все ждем вторжения французов? И наичестнейшему… Мне невольно вспомнился рассказ Ликона о войне с женщинами и детьми в Шотландии. Я принялся листать текст. Первую часть его образовывал диалог, в котором Токсофил – явно сам Эшем – расписывал достоинства стрельбы из лука внимательному ученику. Стрельба, как упражнение для всех частей тела, противопоставлялась риску и опасности азартных игр. Эшем превозносил войну: «Сильное оружие есть инструмент, которым Господь низлагает сторону, ниспроверженную Им».

Я мысленно вернулся к своему детству. Всего раз в жизни попытался я натянуть лук. Это было на нашем деревенском стрельбище, куда отец привел меня в десять лет с маленьким, купленным специально для меня луком. Мое увечье означало, что я не смог принять нужную позу, и пущенная мной стрела упала на землю. Деревенские мальчишки смеялись, а я убежал домой в слезах. Позже отец с разочарованием в голосе сказал

мне то, что я уже понял сам: искусство это не для меня, и второй попытки можно не совершать.

Я снова взял книгу в руки, обратившись уже ко второй части, в которой диалог сменился описанием деталей и подробностей стрелкового дела: какую одежду носить при стрельбе, как стоять, какими луками и стрелами пользоваться – в самом подробном и детальном изложении.

Отложив книгу, я остановился у открытого окна, разглядывая лужайку. Что же здесь творится? Возможно, Хоббей действительно снимает сливки, давая разрешение на порубку деревьев на землях Хью, однако здесь точно происходило еще что-то другое. И все же Кертис обладал полной свободой. По долгому опыту я знал, что в семьях один из членов иногда становится для всех остальных подобием козла отпущения, но судя по тому, что я видел, здесь эта роль принадлежала не Хью, а Абигайль. Так чего же она так боялась?

К собственному удивлению, спал я отлично. Слуга, как я и просил, разбудил меня в семь утра. Запас хорошей погоды на тот день явно иссяк: небо за окном застилала низкая облачная пелена. Я вновь облачился в сержантскую мантию. Крест Эммы оставался на моей шее – надо бы отдать его Хью. Я вспомнил, что, по словам Эйвери, он носит на шее эту самую отвратительную кость.

Послышался стук в мою дверь, и в комнату заглянул Дирик. Он также облачился в мантию и пригладил свои медные волосы водой.

– Фальстоу говорит, что до конца дня будет гроза. Быть может, вы отложите свою поездку по лесам? – спросил он меня.

– Нет, – ответил я коротко. – Я поеду сегодня.

Коллега пожал плечами:

– Как вам угодно. Я пришел, чтобы сообщить о том, что мистрис Хоббей сегодня лучше и она желает дать показания. В том, конечно, случае, если, заслушав Хью, вы уже не решили окончить эту чушь.

– Нет, не решил, – ответил я. – Можете ли вы попросить Фальстоу послать кого-нибудь за Бараком?

Что-то буркнув под нос, Винсент удалился.

Мы снова собрались в кабинете Николаса. Абигайль уже ждала нас там, сидя под портретом аббатисы Вервельской. Она позаботилась о своей внешности: перевязала волосы, напудрила лицо. Ламкин сидел у нее на коленях на небольшом коврике.

– Надеюсь, что сегодня вам лучше, мистрис Хоббей, – начал я.

– Лучше, чем было. – Она бросила нервный взгляд в сторону Барака и Фиверйира, замерших с перьями на изготовку.

– Тогда приступим, – сказал я. – Хотелось бы знать, мадам, что вы подумали, услышав от мужа о том, что он намеревается приобрести опеку над Хью и Эммой.

Дама посмотрела мне в глаза:

– Я была рада этому, так как не могла больше иметь детей. И я была счастлива видеть Хью и Эмму у себя в доме. Мне всегда хотелось иметь дочь. – Она глубоко вздохнула. – Но дети не подпускали меня к себе. Они потеряли родителей. Но разве мало детей переживают такую утрату в раннем возрасте?

Взгляд ее как бы требовал сочувствия.

– Увы, подобное случается, – согласился я. – Насколько я понимаю, преподобный Бротон, викарий Кертисов, возражал против вашей опеки. Вы поругались с ним.

Абигайль надменным движением задрала подбородок:

– Да. Он позорил нас с мужем.

– Мастер Шардлейк не может оспорить это, – проговорил Дирик. Он внимательно наблюдал за мистрис Хоббей, очевидным образом опасаясь того, что она может сорваться.

– Конечно, вы пережили страшное время, кода все дети заболели оспой. Насколько я понимаю, вы самостоятельно выхаживали Дэвида, пренебрегая опасностью, – продолжил я разговор.

Лицо хозяйки дома вспыхнуло гневом:

– Пренебрегая Хью и Эммой, вы хотите сказать? Ну, сэр, что бы вам ни наговорил Майкл Кафхилл, это неправда! Я постоянно посещала Эмму и Хью. Однако они хотели видеть только друг друга, только друг друга!

Абигайль опустила голову, и я понял, что она плачет. Глядя на хозяйку, заскулил и Ламкин. Потянувшись за платком, она погладила его по голове.

– Я потеряла Эмму, – тихо проговорила мистрис Хоббей. – Я потеряла девочку, в которой хотела увидеть свою дочь. По собственной вине, по собственной вине. Да простит меня Бог!

– В чем же здесь была ваша вина, мистрис Абигайль? – вырвалось у меня.

Ее заплаканное лицо внезапно замкнулось, и глаза уклонились от моего взгляда:

– Я… Я послала за красной тканью, ведь она изгоняет скверные гуморы, но сделала это слишком поздно, ткани уже не было…

– Но вчера Фальстоу говорил мне, что сумел добыть какое-то

количество, – вспомнил я.

Винсент глянул на Абигайль:

– Быть может, вы хотели сказать, что он нашел ее слишком поздно для того, чтобы спасти Эмму?

– Да, вы правы, – поспешно согласилась женщина. – Я оговорилась, это произошло слишком поздно.

– Вы даете указания свидетелю, мастер Дирик, – выказал я свое недовольство. – Барак, не забудь зафиксировать факт вмешательства с его стороны.

– Приношу извинения, – ровным тоном проговорил мой противник. Абигайль глубоко дышала, стараясь вернуть самообладание. Итак, подумал я, почему она искренне считает себя виновной в смерти Эммы?

Я спросил о том, как складываются теперь ее отношения с Хью. Моя собеседница отрывисто ответила:

– Достаточно хорошо.

Наконец я задал ей вопрос о Майкле Кафхилле.

– Я не любила его! – возмущенным тоном проговорила мистрис Хоббей. – Он пытался вбить клин между мной и детьми.

– Почему же он делал это?

– Потому что он хотел, чтобы они были близки с ним, а не со мной и моим мужем.

– И Хью, и Эмма?

– Да, – ровным тоном сказала женщина. И тут же, повинуясь порыву, проговорила с дрожью в голосе: – Однако Майкл Кафхилл умер такой ужасной, такой мучительной смертью… Да простит его Господь, да простит его Господь!

– А вам известно, почему его уволили? – задал я новый вопрос.

Хозяйка дома снова глубоко вздохнула, стараясь вернуть себе самообладание:

– За какую-то непристойность. Муж сказал мне, что причины увольнения не предназначены для женских ушей. Это все.

– У вас есть еще вопросы, мастер Шардлейк? – спросил Дирик.

– Нет. – Теперь мне следовало обдумать столь многое. – Но впоследствии у меня могут возникнуть другие вопросы.

– Мастер Шардлейк всегда произносит эти слова, – усталым тоном обратился к Абигайль мой коллега. – Благодарю вас, мистрис.

Мистрис Хоббей обернула Ламкина ковриком, поднялась из кресла и отправилась вон из комнаты, прижимая собачку к груди. Я подумал о ее страхе пред слугами, о ее бесконечных дурацких баталиях с сыном, о

нетерпеливом отношении к ней и холодном безразличии Хью. «Бедная женщина, – подумал я. – Кроме этой собаки ей некого любить».

Глава 20

После обеда мы с Бараком взяли двух коней из тех, что были нами наняты в Кингстоне, и отправились в поездку по лесу. Я взял Нечета, сильного и кроткого мерина, доставившего меня из Лондона. Серая пелена у нас над головой сгустилась. Мы направились по Портсмутской дороге на юг: Хоббей говорил нам, что в этом направлении деревья рубят и на земле Хью, и в его собственном лесу.

С правой стороны плавно уходило под откос одно из общинных полей деревни, раскрашенное яркими красками различных посадок. Трудившиеся на поле селяне искоса поглядывали на нас, и некоторые провожали нас взглядом. Мы ехали дальше, и лес с левой стороны от нас уступил место вырубке, простиравшейся примерно на полмили до зеленой стены нетронутых деревьев. Из подлеска поднимались тощие молодые деревца, по большей части пораненные так, что их стволики в будущем должны были разделиться надвое.

Мы остановились.

– Эту делянку повалили некоторое время назад, – заметил Барак.

– Они валили все, не только взрослые деревья. Лес здесь восстановится через несколько десятилетий. А это земли Хью. Стоимость древесины зависит от дерева. Что там сперва – дуб, вяз или клен… – Я покачал головой. – Обман здесь нетруден.

Позади нас вдруг пропела труба. Мы приняли в сторону, пропуская мимо себя колонну солдат, поднявших облако пыли. Люди казались усталыми, даже изнуренными, многие из них явно сбили ноги. Герольд, шагавший взад и вперед вдоль колонны, покрикивал на лентяев, чтобы те поднимали ноги повыше. Наконец мимо нас прогромыхал обоз, и вся рота исчезла за поворотом. Как-то идут в Портсмуте дела у Ликона?..

Мы проехали еще милю-другую. Слева вырубка уступила место густым зарослям. Лес находился и справа от дороги, и, судя по плану, это был тот самый общинный лес, прав на который добивался Хоббей. Дорога пошла по слабому уклону вверх, и теперь мы видели вдали гряду высоких холмов. Там был Портсдаун-хилл, а по другую сторону от него находилось море. Тут мы опять пришли к участку, где шла рубка. На расстоянии примерно в сто ярдов были повалены все деревья. Одна группа лесорубов распиливала поваленный дуб, а другая обрубала ветки с листьями с крупных сучьев. Длинные бревна грузили на запряженную волами телегу.

– Давай поговорим с ними, – предложил я. Мы осторожно проехали мимо пней, еще свежих и истекавших соком. К нам подошел высокий жилистый мужчина. Сняв шляпу, он поклонился:

– Добрый день, джентльмены.

– Я – мастер Шардлейк, адвокат Хью Кертиса, которому принадлежит эта земля, – представился я. – Сейчас пребываю у мастера Хоббея в Хойлендском приорстве.

– Мастер Фальстоу предупреждал меня о том, что вы можете добраться и до нас, – ответил мужчина. – Как видите, мы усердно работаем. Я – Питер Друри, десятник.

Пуговички глаз его, тем не менее, оказались наблюдательными.

– Вижу, вы ведете масштабную вырубку, – заметил я. – Какие деревья вы валите?

– Всякие, сэр. Есть немного дуба, но с этой расчистки, в основном, брали клен и вяз. Дуб поедет в Портсмут, сучья – к углежогам.

– Пройдет много лет, прежде чем здесь вырастут деревья, годные для порубки.

– Пройдет не меньше времени до того, как цены снова поднимутся в такой степени, сэр. Так говорит мастер Хоббей.

– Вы связаны с ним контрактом, не так ли?

– Ага. Он же опекун парнишки, разве не так? – В голосе Питера прозвучала агрессивная нотка.

– Да, это так. А пользуетесь вы услугами местных людей, жителей Хойленда, к примеру?

Друри расхохотался:

– Эти свиньи не желают здесь работать! А какой вой они подняли, когда кое-кто из моих парней заглянул в их общинный лес! Нет, мои работники издалека, из-за Хорндина.

Подальше от местных, подумал я. Поблагодарив десятника, мы направились по дороге дальше.

Мы ехали на юг – туда, где вырубка еще не начиналась. Я заметил уходящую в лес узкую тропу и предложил:

– Поехали, посмотрим, какой там лес. Кажется мне, что дуба здесь куда больше, чем говорит этот тип.

Барак с сомнением посмотрел на темнеющее небо:

– Похоже, собирается дождь.

– Ну, значит, намокнем.

И мы углубились в лес, пустив коней друг за другом по узкой тропинке. Воздух среди деревьев еще больше сгустился.

– Ты по-прежнему носишь на шее этот старый еврейский амулет? – спросил я ехавшего сзади Джека, оглянувшись через плечо.

– Старинную мезузу, которую оставил мне отец? Да, а почему ты спрашиваешь?

– На моей шее крестик Эммы Кертис. Я отдам его Хью, но не в присутствии Хоббеев. Ты знаешь, что он носит на шее какую-то косточку из сердца оленя?

– Каменное сердце? Да, вчера вечером я разговаривал со здешним егерем, мастером Эйвери. Вполне приличный человек.

Я опять оглянулся:

– А о семействе здешнем он тебе ничего не говорил?

– Умолк сразу, как только я коснулся этой темы. Надо думать, по приказу Фальстоу.

Неожиданно мой спутник остановился и поднял руку.

– Что такое? – насторожился я.

– Мне показалось, что я услышал там, на дороге, топот копыт. А потом они смолкли.

– А я ничего не слышу. – Вокруг жужжали насекомые, шелестел листьями подлесок среди листвы и шуршали разбегающиеся от нас мыши. – Может быть, тебе показалось?

– Мне ничего не кажется, – нахмурился Барак. – Давай-ка кончать это дело, пока мы не промокли!

Тропа сузилась до узкой ниточки, вилявшей между древесных стволов. В этом истинно древнем лесу некоторые из деревьев были гигантского роста, и им было по нескольку сотен лет. Они произрастали в изобилии и великом разнообразии, однако доминировали здесь широко расставившие ветви дубы. Густой подлесок был образован крапивой, ежевикой и мелкими кустами. Почва, там, где она проглядывала сквозь траву, была темной и мягкой на вид, приятно контрастируя с яркой летней зеленью.

– И насколько далеко заходят земли Кертиса? – спросил Барак.

– На три мили отсюда, согласно плану. Мы проедем по тропе еще с полмили, а потом повернем назад. Здесь растет, в основном, дуб, он стоит в два раза дороже. Десятник солгал нам, и бухгалтерия Хоббея наверняка подложная.

– На разных участках могут расти совершенно разные деревья.

– И поэтому здесь трудно что-либо доказать.

Мы поехали дальше. Царившая среди огромных деревьев тишина околдовывала меня. Если верить римлянам, некогда такой была вся Англия. Я вспомнил свою детскую поездку в Арденский лес – как мы с отцом ехали

по узкой тропке посреди такого же леса в тот единственный раз, когда он взял меня на охоту.

Тут я заметил впереди бурый силуэт и поднял руку. Мы вдруг выехали к небольшой прогалине, на которой щипала траву коричневая оленуха, возле которой застыли два крохотных олененка. Она посмотрела на нас, повернулась, и все трое исчезли среди деревьев плавным и быстрым движением. Треснула ветка, и наступила тишина.

– Вот они какие, дикие олени… – заметил Барак.

– Тебе еще не приходилось их видеть?

– Нет, я ведь вырос в Лондоне. Но даже я вижу, что тропа эта кончается.

Он был прав, тропу под ногами наших коней сменил мох.

– Еще немного, – попросил я.

Джек вздохнул. Мы проехали мимо ствола еще одного огромного старого дуба. Тут листья всколыхнул внезапный порыв ветра, и крупная капля упала мне на руку. Мгновение спустя небеса разверзлись, и на нас обрушился ливень, разом промочивший нашу одежду.

– Вот черт! – возмутился мой помощник. – Я же говорил, что так и случится!

Мы вернулись к тому древнему дубу, заставив лошадей протиснуться сквозь подлесок: так, чтобы мы могли укрыться у ствола. Дождь хлестал нас вместе с порывами ветра, от которых, казалось, ежился сам лес.

– Когда мы поедем назад, окажется, что тропа раскисла, – заметил Барак.

– Ливень скоро кончится. И кони у нас неплохи.

– Если мне случится заработать закупорку легких, могу ли я добавить стоимость лечения к…

Внезапно послышалось пронзительное шипение. Оба мы повернулись. В дереве над нашими головами торчала стрела – ее белое оперение еще подрагивало.

– Вперед! – крикнул Джек, пришпорив коня.

Мы выскочили на тропинку, теперь сделавшуюся скользкой. Каждую секунду я был готов ощутить в спине стрелу или увидеть, как падает с коня Барак, ибо на тропе в нас было куда проще попасть, чем там, под деревом. Однако ничего не случилось. После десяти минут отчаянной и трудной скачки мы остановились на вырубке.

– Мы обогнали его, – проговорил мой клерк. Тем не менее мы старательно вглядывались сквозь пелену дождя в ограждавшие вырубку деревья, ощущая, насколько беспомощны мы были против засевшего где-то

среди них стрелка.

– Поехали, – предложил Барак.

Мы с облегчением вернулись к дороге. Дождь утихал, и мы остановились, глядя назад, в ту сторону, откуда приехали.

– Кто это был?! – едва ли не выкрикнул Джек.

– Нас пытались напугать. Это было предупреждение: под тем деревом любой мало-мальски умелый стрелок запросто уложил бы нас обоих.

– Новое предупреждение? Как было у тебя с парнями с угла? Помнишь, я говорил тебе, что слышу на дороге топот копыт? За нами ехал кто-то хорошо знающий лес!

– Нам придется сообщить об этом Хоббею и местным властям.

– Но что он может сделать? И скажу тебе: чем раньше мы уберемся отсюда, тем будет лучше. Черт бы их всех побрал!

Мы вернулись в Хойлендское приорство. Прежде мой помощник без всяких раздумий погнался бы за стрелком, подумал я. Но теперь ему приходится считаться с Тамасин и будущим ребенком.

Мы вернулись в поместье. Дождь прекратился, хотя ветерок по-прежнему освежал воздух. Старая Урсула находилась в большом зале, и я попросил ее привести Хоббея.

– Его нет дома, сэр. Отправился в деревню с мастером Дириком. А мистрис Хоббей снова занемогла. Лежит в постели с этим своим псом, – рассказала служанка с брезгливой гримасой.

– Тогда, пожалуйста, приведи управителя, – попросил я ее.

Через несколько мгновений в зале появился Фальстоу. Он с любопытством посмотрел на нас, когда я окончил свое повествование о случившемся в лесу.

– Браконьер, тут нечего сомневаться, – проговорил он, дослушав меня. – Быть может, дезертир. Говорят, что их видели в лесу. Мы приказывали лесничему объезжать леса мастера Хью, но он такой ленивый и теперь пожалеет о своей лени.

– Но зачем браконьеру привлекать к себе внимание? – резким тоном спросил Барак.

– Вы сказали, что вспугнули какую-то оленуху. Может, он выслеживал эту матку. Такая добыча стала бы большой удачей для дезертира или для кого-нибудь из этих деревенских свиней. Быть может, он выстрелил, чтобы прогнать вас из леса. – Дворецкий нахмурился. – Впрочем, дело серьезное, и магистрат должен узнать об этом. Жаль, что вы не видели стрелка. Если бы нам удалось повесить одного из хойлендских простаков, это стало бы

хорошим уроком для всех остальных.

– Барак как будто бы слышал топот копыт на дороге, – вспомнил я.

– Он прекратился именно там, где мы въехали в лес. – Джек жестко посмотрел на Амброуза. Я видел, что он, как и я сам, пытается убедиться в том, что стрелок приехал не из поместья.

Фальстоу покачал головой:

– Браконьер не станет ездить верхом.

– Конечно, – согласился я. – Не станет.

– Я сообщу вам, когда вернется мастер Хоббей, – пообещал управляющий. – Мне очень жаль, что подобное происшествие случилось с вами, пока вы пребываете здесь в качестве его гостей.

Поклонившись, он оставил нас.

– А мне очень жаль, что я подверг тебя опасности, – обратился я негромко к своему помощнику, – после всего, что обещал Тамасин.

Он тяжко вздохнул:

– Не будь я здесь – был бы в армии. Но ты прав, нам ничего не грозило. Он промахнулся намеренно.

Затем клерк пристально посмотрел на меня:

– И ты по-прежнему намереваешься отправиться завтра в Рольфсвуд?

– Другой возможности мне может и не представиться.

– Если хочешь, я поеду с тобой.

– Нет, – решительно ответил я. – Я хочу, чтобы ты остался здесь и поработал со слугами. Посмотри, нельзя ли чего узнать у Урсулы. И, быть может, тебе придется еще раз сходить в деревню.

– Хорошо, – ответил Джек без особого энтузиазма. Повернувшись, я направился вверх по лестнице, буквально ощущая спиной его озабоченный взгляд.

Оказавшись в своей комнате, я просмотрел собственные экземпляры показаний, после чего, привлеченный раздавшимися на улице голосами, подошел к окну. Хью и Дэвид находились на стрельбище. С ними были Фальстоу, а также Барак и Фиверйир. Я спустился вниз по лестнице, чтобы присоединиться к этой компании. Снова выглянуло солнце, и пока я шел к ним, сырая трава искрилась самым приятным для глаз образом. Легкий ветерок гнал по небу рваные облака. Кертис учил Сэма натягивать лук, в то время как Хоббей-младший наблюдал за Джеком. Амброуз взирал на происходящее со снисходительной улыбкой. В землю были воткнуты стрелы, и их белое оперение напомнило мне о том, что совсем недавно произошло в лесу.

Надев на руку длинную и толстую стрелковую рукавицу, Фиверйир держал превосходный стрелковый лук, чуть более короткий и узкий, чем те, которыми пользовались при мне солдаты. Внешняя золотистая и внутренняя кремовая стороны древка были отполированы до блеска. Узорные роговые наконечники были украшены капелькой на каждом конце. Клерк наложил на тетиву стрелу со стальным наконечником, и теперь натягивал лук изо всей силы. Тонкие руки его дрожали, однако он сумел отвести пеньковый шнурок всего лишь на несколько дюймов назад.

Возле него Хью поднял стрелу, посмотрел, как ветерок теребит гусиные перья, и произнес:

– Чуть наклоните тело влево, мастер Сэмюель. Следует учесть ветер. А теперь отведите левую ногу и толкнитесь ею вперед, как бы делая бросок.

Фиверйир медлил.

– Давайте, я покажу вам. – Кертис взял у него лук и встал на его место, перенося вес назад и одновременно натягивая тетиву. Под рубашкой шевельнулись тугие и тренированные мышцы.

– Концентрируйте все внимание на мишени, – обратился он к помощнику Дирика, – а не на стреле. Думайте только о ней и отпускайте тетиву. А теперь попробуйте.

Сэм взял у него лук, натянул тетиву чуть дальше и выпустил стрелу. Чуть вспорхнув в воздух, она нырнула наконечником в траву не столь уж далеко от стрелка. Дэвид рассмеялся и хлопнул себя по ляжке. Фальстоу едко улыбнулся.

– Отличная работа, Фиверйир, – съехидничал Дэвид. – В прошлый раз стрела просто свалилась с лука!

– Я безнадежный ученик, – печально рассмеялся молодой клерк. – Способен только вывернуть из суставов собственные руки.

– Не обращайте внимания на Дэвида, – заметил Хью. – Целые годы упражнений уходят на то, чтобы укрепить мышцы и правильно натягивать лук. Но научиться стрелять из лука способен любой человек… Вот видите, у вас уже получилось чуть лучше!

– Но дело нелегкое, – вздохнул Сэмюель.

– «Обучение стрельбе есть труд, этот спутник всякой добродетели», – привел я цитату из «Токсофила».

Кертис посмотрел на меня с интересом:

– Так вы прочитали книгу, мастер Шардлейк?

– У автора есть несколько метких фраз.

– Это великая книга, – искренне заявил Хью.

– Я бы все же не стал наделять ее подобным эпитетом, – возразил я. Мне вдруг бросилось в глаза, что Хью и Дэвид свежевыбриты: темная щетина хозяйского сына превратилась лишь в легкую тень на щеках, в то время как на шее Кертиса обнаружился небольшой порез возле одного из шрамов. – Быть может, нам удастся поговорить об этой книге позднее.

– Мне бы хотелось этого, мастер Шардлейк. Я не так часто получаю возможность поговорить о книгах. Дэвид-то едва умеет читать, – заявил Хью шутливым тоном, в котором пряталась колкость. Хоббей-младший нахмурился.

– Но стреляю я лучше тебя, – проговорил он. – Вот, Фиверйир, давайте я покажу вам, как стреляет по-настоящему сильный лучник!

Он поднял из травы собственный лук. Подобно луку Хью, это оружие также было превосходной работы, хотя и не настолько хорошо отполировано.

– Экое достижение для юнца, – проговорил Барак, изображая на лице непосредственность. Дэвид нахмурился, не зная, шутит он или нет, после чего натянул тетиву, нагнулся вперед, распрямился и выпустил стрелу. Просвистев в воздухе, она поразила мишень в нескольких дюймах от центра.

– Да вот вышло похуже, чем у Хью, – заметил Фальстоу с легкой улыбкой.

Младший Хоббей подступил к управляющему:

– Я сильнее его. Поставь мишени подальше, и я легко его одолею.

– На мой взгляд, ваш спор не имеет основы, – обратился я к обоим юношам. – «Токсофил» утверждает, что важна не только дальность, но и меткость стрельбы. Вы оба отлично стреляете, и если одному лучше удается одно, а другому – другое, какое это имеет значение?

– Мы с Дэвидом шутим и препираемся последние пять лет, сэр, – с усталой интонацией в голосе проговорил Кертис. – Это и есть наше основное занятие, вне зависимости от темы. А скажите мне, – добавил он вполне искренне, – что вам не нравится в «Токсофиле»?

– Его любовь к войне. И в его похвалах королю есть угодничество, – ответил я.

– Но разве нам самим не следует поощрять военные искусства, чтобы защитить себя? – со спокойным упорством проговорил Хью. – Или мы должны позволить французам вторгнуться к нам и поступать здесь по собственной воле?

– Нет. Но мы должны спросить себя о том, как дошло до этого. Если бы король в прошлом году не вторгся во Францию…

– Сотни лет Гасконь и Нормандия принадлежали нам! – воскликнул юноша, и я впервые услышал в его голосе неподдельную страсть. – Это право принадлежало нам по наследству от норманнов, прежде чем эти выскочки, эти французишки начали именовать себя королями…

– Так говорит король Генрих.

– И он прав.

– Хорошо, что отец не слышит тебя сейчас, – проговорил Дэвид. – Ты же знаешь, что он не отпустит тебя в солдаты. – Тут, к моему удивлению, голос младшего Хоббея обрел просительную интонацию. – А с кем без тебя я буду ездить на охоту? – Дэвид повернулся ко мне: – Сегодня утром мы выезжали, и наши борзые поймали с полдюжины зайцев. Хотя мой быстрый пес поймал больше, чем его…

– Успокойся, – проговорил Хью с внезапным нетерпением. – От твоего бесконечного «Кто лучше кого?» меня уже мутит!

Хоббей был явно задет:

– Но состязание представляет собой смысл жизни. В отцовском деле…

– Разве мы теперь не джентльмены? А знаете ли вы, мастер Шардлейк, что такое хобби?

– Сокол-чеглок, – ответил я.

– Ага, самая маленькая и слабая из птиц.

Глаза Дэвида округлились от обиды. Я подумал, что он вот-вот разразится слезами.

– Довольно, замолчите оба, – отрезал Фальстоу. К моему удивлению, он говорил так, будто обладал властью родителя. Оба юноши немедленно замолчали.

– Прошу вас не спорить, – с внезапным чувством проговорил Фиверйир, и его выступающее адамово яблоко заходило вверх и вниз. – Вы же братья, христиане…

Его прервал громкий голос, выкрикнувший его имя. По лужайке шел Дирик. Он был явно рассержен, и лицо его побагровело – прямо под цвет его волос.

– Что ты делаешь с луком в руках среди юношей? – возмутился мой коллега. – И ты, Барак! Вам было приказано оставаться среди слуг. Мастер дворецкий, почему вы не выполняете распоряжений своего господина?

Амброуз молча ответил Дирику холодным взглядом.

– Молодые люди сами пригласили нас, – произнес Джек с опасной едкостью в голосе.

– Именно так, сэр, – проговорил Кертис. – Ради новой компании.

Дирик не обратил на них никакого внимания:

– Сэм, пойдем со мной! Быстро! Эттис вместе с несколькими деревенскими тупицами орет на мастера Хоббея в его собственном кабинете. Я хочу, чтобы ты записал его слова!

– Да, сэр, – смиренно отозвался Фиверйир. Повернувшись, его господин отправился к дому, и клерк последовал за ним.

– Пойдем и мы, мальчики, – проговорил Фальстоу. – Лучше не спорить в присутствии гостей.

Он посмотрел на Хью и Дэвида, и всех троих явно соединило какое-то взаимопонимание. Они направились следом за Винсентом и Сэмом. Барак посмотрел в сторону здания, и глаза его сузились:

– А не пройтись ли нам, так чтобы оказаться под окном кабинета? Оно находится в задней части дома. Может, что-нибудь услышим. Видишь, они открыли все окна, чтобы проветрить дом?

Недолго поколебавшись, я кивнул.

– Ты заставляешь меня пренебрегать правилами приличия, – пробормотал я, следуя за помощником к задней части дома, которую от старой монастырской стены отделяла узкая лужайка. Из окна кабинета Хоббея доносились повышенные голоса. Я узнал хэмпширский говорок Эттиса, которого мы встретили в деревне. Он сердито кричал:

– Вы хотите украсть наши общинные земли! Где тогда бедные селяне будут брать лес и корм для своих свиней?

– Поберегись, папаша Эттис! – скрежетнул ножом голос Дирика. – Твоя неучтивость сослужит тебе здесь дурную службу. Не забывай, что некоторые из домовладельцев уже продали свои земли мастеру Хоббею. Вам потребуется меньше общинной земли.

– Таких всего четверо. И они согласились на это лишь после того, как вы пригрозили им отобрать землю, когда они запоздали с платой. А в дарственной все записано прямо и ясно! Приорство даровало деревне Хойленд наш лес почти четыре века назад.

– Вы располагаете всего лишь скверным английским переводом дарственной… – возразил Винсент.

– Мы не умеем читать эти норманнские каракули! – выкрикнул еще один голос с хэмпширским акцентом.

Мы с Бараком были уже под самым окном. К счастью, сверху нас прикрывал подоконник. Я неловко оглянулся, опасаясь того, что из-за угла дома может выйти кто-то из слуг.

– В дарственной сказано только то, что деревня может пользоваться всем лесом, который ей нужен, – подчеркнул Дирик.

– Наш участок нанесен на план, все ясно как божий день.

– Это было сделано до черной смерти, после которой в Хойленде, как и во всякой английской деревне, стало куда меньше жителей. Соответственным образом следует уменьшить и лесные угодья.

– Я знаю, что ты наметил! – крикнул Эттис в сторону Винсента. – Вырубить весь наш лес, получить огромные деньги, затем отобрать общинные земли и обратить все это в новые лесные угодья. Но ни один адвокат, сколь бы ни был остер его язык, не уговорит нас отказаться от собственных прав! Мы обратимся в Палату ходатайств!

– Тогда поторопитесь, – невозмутимо ответил Хоббей. – Я приказал своим лесорубам на следующей неделе приступить к работе на том участке, который вы ошибочно называете своим. И не советую вам препятствовать им.

– Фиверйир, отметь, что они получили предупреждение, – добавил мой коллега. – На тот случай, если нам потребуется обратиться в магистрат.

– Который у вас в кармане, – с горечью произнес Эттис.

Тут мы услышали стук, который, должно быть, произвела дверь – распахнутая и ударившаяся об стенку. После этого Абигайль пронзительным голосом закричала:

– Мерзавцы и негодяи! Николас, Фальстоу рассказал мне, что они стреляли в лесу в горбатого адвоката! Преступники!!!

– Стреляли?! – Хозяин дома явно был потрясен. – Абигайль, что ты хочешь сказать?

– Я только что видел мастера Шардлейка, – заметил Дирик. – Он выглядит ничуть не хуже, чем обычно.

– Он не был ранен! Но в него стреляли! – визжала мистрис Хоббей.

Тут я услышал голос управляющего: должно быть, он пришел на шум свары:

– В Шардлейка и его клерка стреляли, когда он объезжал земли мастера Хью. Они вспугнули оленя: вероятно, какой-то браконьер решил прогнать их подальше. Но никто не ранен, и никто никого не намеревался ранить, – добавил он нетерпеливым тоном.

– Глупая женщина! – Я впервые услышал, что Хоббей потерял контроль над собой. Абигайль зарыдала, а затем в комнате настала тишина. Я кивком указал Джеку в сторону, и мы начали осторожно продвигаться вдоль стены дома.

– Ситуация начинает становиться по-настоящему интересной, – заметил Барак.

– Я опасался того, что нас могут заметить. И, на мой взгляд, мы и так услышали достаточно. – Я нахмурился. – Эта женщина крайне испугана.

– Она безумна.

– Трудно сказать. Кстати, ты заметил, как беспрекословно оба мальчика подчинились приказу Фальстоу? А судя по тому, что мы здесь слышали, дворецкий особо не обременяет себя знаками уважения в отношении Абигайль.

– А кто из них прав в отношении леса? – спросил мой помощник.

– Нужно посмотреть эту дарственную на лес. Но если в ней указан определенный участок, тогда закон на стороне жителей деревни.

– Если мне удастся посетить деревню во время твоего отсутствия, возможно, стоит сказать им о том, что ты состоишь советником при этом самом ходатайственном суде. Тогда мы сможем получить от них кое-какую информацию.

Я задумался:

– Да. Сделай это. Поговори с Эттисом. Скажи ему, что если они напишут прошение в палату, я потребую дать запрет на рубку сразу же, как только вернусь. При условии, что они ничего не скажут Хоббею. – Я улыбнулся. – Можно будет сообщить об этом нашему хозяину в день отъезда.

– Сделавшись адвокатом суда по прошениям, ты постепенно превращаешься в Макиавелли.

Я серьезно посмотрел на Джека:

– Попроси, чтобы Эттис взамен рассказал нам все, что ему известно о Хью. В этом доме происходит нечто сокрытое от наших глаз. Клянусь в этом.

Глава 21

В семь часов следующего утра я уже ехал на север по Портсмутской дороге, удалившись на целую милю от Хойлендского приорства. Я снова взял Нечета. Конь бодро трусил вперед, явно радуясь предстоящему длинному путешествию. Погода была отличной – в еще прохладном воздухе пахло росистой травой. Но потом должна была прийти жара, и я надел дублет из тонкой шерсти, радуясь возможности обойтись без мантии. По пути я размышлял над разговором с Хью, случившимся непосредственно перед моим отъездом.

Я попросил разбудить меня в шесть, и меня поднял с кровати стук в дверь. Фальстоу заглянул в мою комнату.

– Собрал вам кое-что на завтрак, сэр, – проговорил он и добавил: – Насколько я понимаю, вы уезжаете в Сассекс и вернетесь только завтра днем.

– Да. Там у меня есть дело к другому клиенту. Благодарю вас.

Хоббею я тоже уже сказал об этом, не вдаваясь в подробности, так как не намеревался упоминать имя Эллен при этих людях. Я поднялся и оделся, после чего взял украшенный крест Эммы со столика возле кровати и принадлежащий Хью экземпляр «Токсофила». Осторожно выйдя в коридор, я направился к комнате Кертиса и постучал – после недолгих колебаний. Я пытался поговорить с ним вечером предыдущего дня, но его или не было в комнате, или же он не захотел открыть дверь. При удаче мне предоставлялась редкая возможность поговорить с ним без помех.

На сей раз он открыл дверь – уже в рубашке и дублете.

– Простите за столь раннее беспокойство, – начал я, – но сейчас я уезжаю в Сассекс и хочу вернуть вашу книгу.

Немного помедлив, молодой человек впустил меня в комнату, как того требовали правила приличия.

В комнате находилась кровать, сундук и стол, а стены покрывала драпировка с зелеными и белыми полосами, цветами Тюдоров. На полке над столом я, к собственному удивлению, увидел собрание из пары дюжин книг. В комнате сильно пахло воском, и лук Хью со снятой тетивой стоял прислоненным к углу кровати. Возле него лежали коробочка с воском и тряпочка.

– Полирую свой лук. – Юноша чуть улыбнулся. – Мистрис Абигайль предпочитает, чтобы я занимался этим делом вне дома, но кто узнает об

этом в такой час?

– Действительно, сейчас очень рано.

– Я люблю вставать раньше других, чтобы получить возможность побыть в собственном обществе, пока все они не проснулись. – Уловив нотку пренебрежения в голосе Хью, я пристально посмотрел на него. Покраснев, он прикрыл шею рукой. Очень стесняется оставленных оспой отметин, подумал я.

– У вас много книг… разрешите взглянуть? – попросил я.

– Будьте добры.

Там была латинская и греческая классика, книга манер молодого джентльмена, «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», «Книга Охоты», «Здоровое Питание» Бурди, а также «Утопия» сэра Томаса Мора. Вопреки обычаю, я не обнаружил в этой маленькой библиотеке никаких религиозных книг, за исключением Нового Завета.

– Отличное собрание, – заметил я. – У немногих людей вашего возраста найдется столько книг.

– Некоторые принадлежали моему отцу, и мастер Хоббей прихватил их для меня из Лондона. Однако мне не с кем поговорить о них, после того, как уехал наш последний наставник.

Я взял в руки «Книгу Охоты»:

– Полагаю, что это классический труд по охотничьему делу?

– Именно так. Написан французом, но переведен герцогом Йоркским, погибшим при Азенкуре, когда девять тысяч английских лучников остановили громадное французское войско, – рассказал Кертис с гордостью, опускаясь на край постели.

– Наверное, вы ждете охоту, которая должна состояться на следующей неделе? – спросил я.

– Очень жду. У меня это будет всего лишь третья охота. Мы не слишком много общаемся с соседями.

– Насколько я понимаю, необходимо некоторое время для того, чтобы местные джентльмены признали новую семью.

– Гостей сюда приводит лишь перспектива охоты. Так, во всяком случае, говорит мистрис Абигайль.

Итак, рассудил я, понятно, в какой изоляции здесь пребывают не только Хью, но и Дэвид.

– Это я на последней охоте завалил оленя, – с гордостью проговорил мой молодой собеседник.

– Мне рассказали, что вы получили в качестве награды его кость, которую с тех пор носите на шее.

Рука юноши вновь коснулась собственной шеи, а глаза его сузились:

– И кто же вам это сказал?

– Мастер Эйвери.

– Так вы расспрашивали его обо мне?

– Хью, единственной причиной, заставляющей меня находиться здесь, является ваше благополучие.

Взгляд непроницаемых голубых с зеленью глаз обратился ко мне.

– Я уже говорил вам вчера, сэр, что не имею никаких жалоб.

– Перед моим отъездом из Лондона Бесс Кафхилл передала мне для вас некий предмет, который мистрис Хоббей когда-то отдала Майклу. Он принадлежал вашей сестре. – Открыв ладонь, я показал лежащий на ней красивый крест. В глазах Кертиса мгновенно вскипели слезы. Он отвернулся.

– Майкл хранил его до самой смерти? – спросил Хью разом охрипшим голосом.

– Да, до самой смерти. – Я положил крест рядом с ним на постель. Протянув руку, молодой человек взял крест, после чего достал платок, вытер глаза и посмотрел на меня:

– Так мистрис Кафхилл помнит мою сестру?

– Самым искренним образом.

Парень помолчал какое-то мгновение, сжимая крест в руке, а затем поинтересовался:

– А каким сейчас стал Лондон? Я был там так давно… Почти ничего не помню, кроме шума, криков людей на улицах и тишины нашего сада.

И вновь я ощутил в этом юноше усталость, не подобающую его возрасту.

– Если бы вас отправили в университет, вы смогли бы общаться со своими ровесниками и обсуждать с ними книги с утра до вечера. Мастер Хоббей должен обеспечить такую возможность, если у вас есть подобное желание, – сказал я ему.

Поглядев на меня, юноша напряженно улыбнулся, а затем процитировал:

– «В учебе каждая часть тела является праздной, что поощряет грубые и холодные гуморы».

– «Токсофил»?

– Да. Но вы знаете, что я хочу не учиться, а отправиться на войну. Использовать свое мастерство во владении луком.

– Признаюсь, что, на мой взгляд, мастер Хоббей справедливо вам в этом препятствует.

– Когда в пятницу вы поедете в Портсмут, встретитесь ли вы там с вашим другом, капитаном стрелков?

– Надеюсь на это.

– Мы с Дэвидом тоже туда едем, чтобы посмотреть на корабли и солдат. А скажите, не было ли среди этих лучников молодых людей моего возраста? Мне случалось видеть в ротах, проходивших по Портсмутской дороге, и тех, кто на вид казался моложе меня.

Я подумал о Томе Ллевеллине и покачал головой:

– По правде сказать, мастер Хью, самый молодой рекрут из тех, кого мне доводилось встречать, был примерно на год старше вас. Такой крепкий парень.

– На мой взгляд, у меня достаточно и силы, и мастерства, чтобы отправить каленую стрелу в сердце француза. Да пошлет Господь мор на их головы! – с чувством проговорил Кертис. Должно быть, на моем лице отразилось удивление, так как он покраснел и склонил голову, потирая одну из рябинок на собственном лице. Парнишка вдруг показался мне весьма ранимым. Он вновь посмотрел на меня. – А скажите мне, сэр, мастер Дирик – друг вам? Говорят, что адвокаты соперничают на суде, но в жизни дружат.

– Иногда так случается. Но мы с мастером Дириком ни в коем случае не друзья.

Юноша кивнул:

– Это хорошо. Он мне не нравится. Но в этой жизни нам зачастую приходится общаться с теми, кто нам не по вкусу, не так ли? – горько усмехнувшись, он добавил: – Время идет, сэр. Я не вправе задерживать вас.

– Быть может, после моего возвращения мы сумеем поговорить о «Токсофиле» и других ваших книгах.

Полностью овладев собой, Хью снова взглянул на меня:

– Да, возможно.

– Буду ждать.

Я оставил его сжимающим в руке крест Эммы.

Продвигаясь дальше, я припомнил слова Абигайль, говорившей, что охота кажется ей небезопасной, и ответ ее мужа, заявившего, что он не в состоянии больше терпеть эту изоляцию. Чего же они боятся? Нет ли в этом какой-то связи со вчерашним выстрелом в нас с Джеком? Вне зависимости от того, что именно было сокрыто в Хойленде, я ощущал, что Хью знает, по крайней мере, часть тайны. И потом, эта свара с деревенскими жителями… Нетрудно было понять, что логика событий в

Хойленде типична для лендлорда, решившего согнать с земли селян и отобрать ее для собственных нужд. Мне не раз доводилось сталкиваться с подобными процессами в Ходатайственной палате. Типична была и политика селян: ими руководили мелкие землевладельцы, подобные Эттису, а некоторых бедняков удавалось застращать до того, что они продавали свои наделы лендлорду.

К тому времени, когда я добрался до поворота на Рольфсвуд, солнце поднялось достаточно высоко и стало жарко. Я рассчитывал на то, что увижу перед собой жалкую сельскую колею, однако дорога на Сассекс содержалась в порядке. Проехав около мили, я ощутил запах гари и вспомнил тех углежогов, что попались нам по дороге на юг. Справа от меня дорога через высокий откос уходила в лес. Из любопытства я направил по ней коня.

Через несколько сотен ярдов я выехал на лужайку, на которой находилось похожее на улей невысокое, в рост человека, обмазанное глиной сооружение, из отверстия в крыше которого курился дымок. Прогалину занимали груды хвороста. На груде земли сидели двое молодых людей, поднявшихся, увидев меня.

– Уголь жжете? – спросил я у них.

– Ага, сэр, – ответил один из этих людей. Лица обоих были черны от копоти. – Обычно летом мы не работаем, да вот в наши дни древесного угля не хватает.

– Насколько я понимаю, сейчас повсюду льют пушки, – заметил я.

– Так это на востоке, сэр! Однако и для маленьких литейных мастерских сейчас в Западном Сассексе находится уйма работы.

– Война приносит хороший доход, – заметил его приятель, – но только не нам.

– Я направляюсь в Рольфсвуд, – сказал я. – Насколько я знаю, там была сгоревшая железоплавильня.

– Ну, это было давно… Сейчас там железа не делают, – ответил первый углежог и, немного помолчав, предложил: – А не хотите выпить с нами пивка?

– Спасибо, но нет: я должен торопиться, – отказался я. На лицах углежогов отразилось разочарование, и я подумал, как должно быть скучно этим людям работать здесь вдвоем возле одной угольной печи.

В Рольфсвуд я приехал в четвертом часу дня. Местечко оказалось куда меньше, чем я ожидал: на главной улочке насчитывалось лишь несколько хороших кирпичных домов, сменявшихся дальше бедными хижинами.

Извилистая дорожка вела к мосту через узкую речушку, а потом, по полю, к старинной с виду церкви. С огромным удовольствием я обнаружил на главной улице внушительную гостиницу. Мимо меня проехали две телеги, груженные свежесрубленными сучьями, источавшими запах древесного сока.

Я спешился возле гостиницы, где для меня нашлась достаточно уютная комната, после чего на ходу додумывая историю, способную объяснить мой интерес, спустился в зал, чтобы попытаться найти нужные мне сведения. В гостиной было пусто, если не считать старика, в одиночестве сидевшего на скамье. Возле него на полу лежал крупный гончий пес, лаймер[32], поднявший свою тяжелую печальную физиономию, чтобы посмотреть на меня. Подойдя к прилавку с окошком, через которое раздавали еду и напитки, я попросил у пожилой женщины кружку пива. Ее полное морщинистое лицо смотрело на меня из-под чепца вполне дружелюбно. Я единым духом осушил кружку, так как меня мучила жажда.

– Издалека приехали, сэр? – спросила женщина.

– Из-под Портсмута.

– Это же целый день езды! – Моя собеседница удобно опустила руки на прилавок. – И какие там новости? Говорят, что приезжает король…

– Я об этом также слышал. Только я не был в Портсмуте. Я лондонский адвокат и веду дело в одном из имений к северу от Портсдаунского холма.

– А что привело вас в Рольфсвуд?

– Один мой лондонский друг полагает, что здесь могут жить его родственники. И я обещал ему заглянуть сюда и проверить.

Женщина посмотрела на меня с интересом:

– Добрый вы, должно быть, друг – подобное путешествие не совершишь ради первого встречного!

– Их фамилия Феттиплейс. От старой тетки мой друг слышал, что здесь у них была железоплавильная мастерская.

– Все это было, да быльем поросло, сэр, – аккуратно проговорила местная жительница. – Та мастерская сгорела лет двадцать назад. А мастер Феттиплейс и один из его работников погибли.

Я примолк, как бы впервые впитывая в себя эту новость, а потом продолжил расспросы:

– А семья у него была?

– Он был вдовцом. У него была дочь, жизнь которой сложилась еще более печально. Увидев этот пожар, она потеряла рассудок. И ее увезли, как я слышала, в Лондон.

– Если бы только об этом знал мой друг! Он только недавно услышал от людей о том, что у него могут быть родственники в Сассексе.

– Их дом и землю, на которой стояла домница, купил мастер Батресс, наш мельник. Вы проехали мимо его дома на главной улице – тот самый, у которого на дверных косяках вырезаны красивые звери.

Купил, отметил я. А кто ему продал дом? По закону, дом должен был отойти к Эллен.

– А других Феттиплейсов в окрестностях нет? – уточнил я.

– Нет, сэр. Мастер Феттиплейс был родом откуда-то с севера графства. Он явился сюда, чтобы завести здесь литейное дело. – Выглянув из своего окошка, женщина окликнула старика: – Эй, Уилф, этого джентльмена интересует литейная мастерская Феттиплейса!

Старый посетитель зашевелился, а служанка шепнула мне:

– Уилф Харриданс работал там. Теперь он бедный старик, так что купите ему пива, и он расскажет вам все, что знает.

Я улыбнулся и кивнул ей:

– Благодарю. Принесите еще два пива, пожалуйста!

Взяв кружки, я перебрался к старику. Когда я поставил перед ним одну из них, он закивал в знак благодарности и принялся внимательно изучать меня. Этот человек был уже достаточно преклонного возраста, лысый, с несколькими растрепанными волосками на темени и в старой рубахе. Загорелое лицо его избороздили морщины, но голубые глаза светились ясным умом и живым любопытством. Его пес вильнул хвостом, вне сомнения, рассчитывая на объедки.

– Так вы хотите услышать то, что мне известно о Феттиплейсах, сэр? – Он повел рукой вокруг. – Я слышал весь ваш разговор с мамашей Белл. Может, я и стар, но слух мне еще не отказывает.

– Приятно слышать, – улыбнулся я ему. – Мое имя – мастер Шардлейк. Так вы работали в литейной?

– Я провел с мастером Феттиплейсом десять лет до того, как случился пожар. Неплохой был хозяин. – Харриданс умолк, на мгновение погрузившись в воспоминания. – Работа была тяжелой. Приходилось грузить в печь руду и уголь, следить за ходом плавки через трубу… Пречистая соврать не даст: когда, бывало, заглядывал туда – и от жара едва не плавились глаза. Потом надо было вывалить крицу в очаг…

Я вновь словно услышал голос Эллен. «Бедняга! Он был весь охвачен огнем!» Уилф смолк и нахмурился, заметив мою рассеянность.

– Прости, – сказал я. – Прошу тебя, продолжай. А что это была за мастерская? Из тех, что называют домницами?

Старик кивнул:

– Да, небольшая, хотя мехи приводились в движение водой. Мастер Феттиплейс пришел в Рольфсвуд еще совсем молодым человеком, но к тому времени он уже успел хорошо заработать на железе в Восточном Сассексе. Там есть выход железной руды, небольшой… Мы ведь находимся на западной границе Вильда. Мастер Феттиплейс купил и небольшой лес, чтобы было из чего жечь уголь. Здесь протекает и река, поэтому на свои деньги он перегородил реку, устроил мельничную запруду и построил печь. Течение воды вращало колесо, которое приводило в действие мехи, понимаете?

– Да.

– Железную руду привозят сюда из места, расположенного чуть выше по течению, где находится выход железного камня… Ты помещаешь ее в горн вместе с углем. Железо выплавляется из руды и капает на дно. Понятно? – повторил рассказчик на манер школьного учителя.

– Думаю, что да. Еще пива? – предложил я ему.

Он самым серьезным образом кивнул:

– Благодарю вас.

Я принес еще пару пива, поставил кружки на стол и продолжил расспросы:

– А каков был мастер Феттиплейс?

Уилф печально качнул головой:

– Вильям Феттиплейс был не из удачливых. Рольфсвудская плавильня никогда не преуспевала, руда качеством не отличалась, а с появлением новых дутьевых печей цена на уголь взлетела. Потом умерла его молодая жена, которую он боготворил. А в конце концов он и сам погиб в огне вместе с моим другом Питером Гратвиком. При загадочном таком пожаре… – Проницательный взгляд Харриданса был обращен ко мне.

– Загадочном? Я бы сказал, что в подобных мастерских всегда существует опасность пожара.

Собеседник мой покачал головой.

– Это случилось летом, плавильня даже и не работала. – Он наклонился вперед. – Вот как это было. Горн располагался внутри ограды, во дворе, окруженном деревянной стеной. Двор был частично перекрыт, за исключением самой середины – там очень жарко, когда печь растоплена. Внутри двора располагалось здание с горном в одном конце и мехами, соединенными с водяным колесом. Оставшаяся часть двора использовалась как склад руды, кокса и строительных материалов. Это была небольшая старомодная домница. У мастера Феттиплейса не было денег на

сооружение дутьевой печи. Работников было всего несколько человек. Летом мы обрабатывали свою землю, а зимой плавили железо. Понятно?

– Да.

– Кому-то приходилось находиться там летом, принимать поставки руды и кокса и укладывать их на хранение до зимы, а также приглядывать за запрудой и колесом. Обычно этим занимался Питер, который жил совсем рядом. Это было в том самом году – в двадцать шестом, предшествовавшем великой дороговизне, когда дожди погубили урожай. Тот август случился холодным и ветреным, что твой октябрь…

– Ну а пожар… – напомнил я старику.

Тот наклонился ко мне так, что я ощутил его теплое, пропитанное пивом дыхание:

– В то лето Питер жил возле печи. Жена, старая и злобная ехидна, выставила его из дома, по той-де причине, что он слишком много пьет… Наверное, так и было, но впрочем, дело не в этом. Питер попросил у мастера Феттиплейса разрешения пожить возле горна какое-то время, и тот согласился. Там имелась небольшая груда соломы для ночлега: зимой мы нередко ночевали там, но в ту ночь, кроме Питера, там никого не было. – Отхлебнув пива, Уилф распрямился. – Ах, сэр! До сих пор горько вспоминать…

Он вздохнул. Пес посмотрел на него и взвизгнул.

– Тем вечером, в девять часов я находился дома, здесь в городе, – продолжил он свой рассказ. – Тут в мою дверь забарабанил сосед с криком, что, мол, кузня горит. Я выбежал на улицу. Люди уже бежали к лесу. Приближаясь к печи, можно было увидеть пламя уже из-за деревьев. От огня побагровел сам мельничный пруд. Это было ужасно. И когда я добрался туда, пылало все сооружение, снизу доверху. Понимаете, там все было из дерева. Эллен Феттиплейс потом обвиняла Питера, она говорила, что он зажег там огонь, чтобы согреться, и это послужило причиной пожара.

– Эллен? Дочь Феттиплейса? – Мне приходилось изображать незнание.

– Да, правильно. Она осталась единственным свидетелем. Они с мастером Вильямом отправились на вечернюю прогулку к плавильне – ее отец хотел удостовериться в том, что партию руды уже привезли – и обнаружили пьяного Питера возле костра. Мастер Феттиплейс закричал на него, тот вскочил и каким-то образом коснулся огня, отчего одежда его загорелась. Он повалился на солому – вспыхнула и она. Вокруг была уйма угольной пыли, и загорелась вся плавильня. Питер и мастер Феттиплейс

сгорели заживо. Сумела выскочить только юная Эллен, и пожар этот лишил ее разума. Совершенно лишил, она не смогла даже присутствовать на дознании, показания ее зачитывали.

Я вспомнил, как Эллен кричала: «Я видела, как кожа его плавится, чернеет и трескается! Он попытался встать, но упал!»

– Ну, на этом моя работа на плавильне и закончилась, – проговорил Уилф. – И моя, и еще дюжины людей. Плавильню так и не восстановили, так как она не приносила достаточного дохода. Руины ее до сих пор видно в лесу. На следующий год случился неурожай, и нам пришлось пережить трудные времена. – Он окинул взглядом пустую гостиную. – Питер Гратвик был моим лучшим другом. Сколько раз мы в молодости сиживали там ночами и выпивали…

– А вы не знаете, куда девалась дочь Феттиплейса? – спросил я.

– В ту ночь, когда случился пожар, она прибежала к местному священнику, старому Джону Секфорду, он тут до сих пор служит викарием. Разум оставил ее. Она не хотела выходить из дома викария. После расследования ее увезли прочь… говорят, к родственникам в Лондон. Неужели ваш друг так и не встречал ее? – спросил Харриданс с любопытством.

– Нет.

Я подумал, что слышу не совсем то, что ожидал: в этой повести не было никакого насилия.

– А эта Эллен, какая она была из себя? – задал я еще один вопрос.

– Довольно хорошенькая. Тогда ей было примерно девятнадцать лет. Избалованная отцом девушка, на все имеющая собственное мнение. Печально было то, что перед пожаром поговаривали о ее свадьбе.

– И за кого же она собиралась?

– За мастера Филипа Уэста, у его семьи есть земли в нашем краю. После пожара он отправился служить во флот короля.

– Полагаю, что дознание засвидетельствовало случайную смерть.

– Так, – кивнул Уилф, но потом вдруг возбудился и выпалил: – У меня были собственные вопросы об этом пожаре! До сих пор не понимаю, почему сам мастер Феттиплейс не сумел выбраться из огня. Но меня не позвали. Мастер Квинтин Приддис поторопился с завершением расследования.

Я распрямился:

– Приддис?

Глаза моего собеседника сузились:

– Вы его знаете?

– Только по имени. Он представляет в Хэмпшире Сиротский суд.

– Тогда он был в Сассексе одним из коронеров.

– А мистрис Феттиплейс не рассказывала, как случилось, что не сумели спастись ни ее отец, ни ваш друг?

– Одежда Питера вспыхнула, и каким-то образом огонь перескочил на одежду мастера Вильяма… Так она сказала, и ее свидетельство было единственным. Плавильня погибла, и от бедного Питера или мастера Феттиплейса не осталось ничего, кроме обгорелых костей. А вы точно не знакомы с Квинтином Приддисом?

Теперь в глазах Харриданса появилась тревога.

– Никогда не встречался с ним, – заверил я его.

– Мне пора идти, – вдруг заявил старик. – Жена уже ждет меня. Долго ли вы пробудете в Рольфсвуде?

– Завтра утром уезжаю.

Уилф посмотрел на меня с облегчением:

– Тогда счастливого пути. И спасибо за пиво. Пойдем, Цезарь!

Мой новый знакомый поднялся, и собака последовала за ним. Вдруг он остановился, повернулся ко мне и произнес:

– Поговорите с преподобным Секфордом. Здесь многие считают, что тогда кое-что осталось сокрытым. Но больше я вам ничего не скажу.

С этими словами он поспешно вышел.

Глава 22

Я неторопливо поднимался по склону холма к церкви. Ощущая дорожную грязь на теле, ступая усталыми ногами, чувствуя боль в спине, я мечтал об одном только отдыхе. Однако времени у меня было немного. Я задумался над словами старого Уилфа. Он, очевидно, сомневался в официальной версии происшедшего в плавильне – но явным образом ничего не знал об изнасиловании Эллен. Я вновь вспомнил ее слова о том страшном дне, когда она потеряла контроль над своим умом: «Они были такими сильными! Я не могла шевельнуться!»

Церковка, приземистое норманнское строение, была невелика. Внутри ее не обнаруживалось особых изменений по сравнению с прежними, папистскими днями: статуи святых оставались на своих местах, перед алтарем горели свечи. Преподобный Бротон не одобрил бы этого, подумал я. Пожилая женщина вынимала огарки и ставила новые свечи. Я подошел к ней:

– Мне нужен преподобный Джон Секфорд.

– Он в своем доме, сэр, это рядом.

Я направился к соседнему дому – жалкой хижине, облезлые стены которой были сделаны из плетня с глиняной обмазкой. Однако Секфорд был здесь постоянным священником, подчинявшимся викарию, который, быть может, руководил несколькими приходами. Я чувствовал вину оттого, что мне придется обмануть Секфорда, как только что Уилфа. Однако я не намеревался рассказывать о местонахождении Эллен кому бы то ни было.

Я постучал в дверь. Прошаркали чьи-то ноги, и дверь мне открыл невысокий человек на шестом десятке лет, облаченный в давно не стиранную сутану. Он оказался чрезвычайно толстым: ширина его тела едва ли не равнялась росту. Круглые щеки этого человека покрывала серая щетина. Он посмотрел на меня слезящимися глазами.

– Преподобный Секфорд? – спросил я.

– Да, – кротко ответил старик.

– Мне хотелось бы поговорить с вами. О той доброте, с которой много лет назад вы отнеслись к женщине по имени Эллен Феттиплейс. Уилф Харриданс посоветовал мне обратиться к вам.

Внимательно изучив мою внешность, священник кивнул:

– Входите, сэр.

Я последовал за ним в неопрятную гостиную. Хозяин дома предложил

мне сесть на деревянную скамью, покрытую пыльной тканью. Заняв кресло напротив, крякнувшее под его тяжестью, он с любопытством уставился на меня:

– Полагаю, что вы только что с дороги, сэр.

– Да. Приношу извинения за свою пропыленную внешность.

Набрав воздуха в грудь, я повторил ту же самую историю, которой попотчевал Уилфа о своем друге, разыскивающем родственников по фамилии Феттиплейс. Джон Секфорд слушал меня внимательно, хотя взгляд его время от времени обращался к открытому окну за моей спиной и к пузатому кувшину на буфете, который украшала почерневшая серебряная тарелка. Когда я договорил, он посмотрел на меня с глубокой печалью.

– Простите меня, – проговорил священник негромко, – но надеюсь, что ваш клиент интересуется ими не из праздного любопытства. История Эллен печальна и даже ужасна.

– Мой… мой друг… не сомневаюсь, что он мог бы помочь ей, если бы получил такую возможность.

– Если она еще жива. – Мой собеседник на некоторое время умолк, собираясь с мыслями. – Вильям Феттиплейс, отец Эллен, был добрым человеком. Он получал небольшой доход со своей плавильни, но не скаредничал, жертвовал деньги церкви и беднякам. Его жена Элизабет умерла молодой. Так что в дочери он души не чаял и, быть может, слишком избаловал ее, так что выросла она девушкой норовистой, но доброй и щедрой. Она любила мою церковь и часто приносила цветы к алтарю, а иногда и мне, дабы украсить сию скромную обитель.

Глаза его на мгновение затуманились, а потом он продолжил:

– Пожар случился девятнадцать лет назад.

– Уилф сказал, что это произошло в августе двадцать шестого года.

– Да. На следующий год случился неурожай и великая дороговизна. В тот год я похоронил многих прихожан. – Взгляд священника вновь обратился к окну. Я обернулся, однако за окном виднелся только маленький садик и вишневое дерево посреди него.

– День тот был холодным и облачным, как часто бывало в то лето, – стал рассказывать старик. – Я находился здесь, у себя дома. Уже темнело – помню, я как раз зажег свечу, когда в мою дверь отчаянно застучали. Я подумал, что кто-то умирает и нуждается в священнике, но передо мной оказалась бедняжка Эллен. Голова ее была непокрыта, волосы растрепаны, платье порвано и запятнано травой. Должно быть, упала по дороге сюда от плавильни.

Однако, подумал я, несчастное состояние ее одежды способна

объяснить и другая причина.

– Я не мог добиться от нее ничего толкового, – продолжал мой собеседник. – Она смотрела в одну точку, тяжело, со свистом дышала, но молчала. Потом она произнесла: «Пожар, пожар в плавильне!» Выбежав наружу, я закричал, поднимая тревогу, и вскоре половина Рольфсвуда уже бежала к домнице. Я остался с Эллен. Потом мне сказали, что к тому времени, когда люди добежали туда, весь двор был объят огнем. От мастера Феттиплейса и его работника Питера Гратвика осталась лишь горстка обгорелых костей. Упокой Господь их несчастные души!

– Папаша Харриданс сказал мне, что после пожара Эллен перебралась к вам?

– Да. – Отец Джон поднял голову. – Но ничего непристойного здесь не было: я пригласил пожить у меня и мамашу Райт, одну из служанок Феттиплейсов.

– И как долго Эллен оставалась у вас?

– Почти два месяца. Она так и не пришла в себя после событий той ночи. Сначала она почти ничего не говорила и ничего не рассказывала о происшедшем. Когда мы ее спрашивали, она начинала плакать и даже кричать. Это встревожило нас. Если в мою дверь кто-то стучал, бедняжка вскакивала с места и с криком бросалась в свою комнату. Позже, через некоторое время она стала способна понемногу разговаривать о самых обыденных вещах, о погоде и тому подобном, но только со мной или с мамашей Райт. И она никак не хотела выходить наружу… На все мои предложения об этом девушка только начинала отчаянно мотать головой. Она отказывалась видеть кого бы то ни было. Даже молодого человека, которого молва прочила ей в женихи, мастера Филипа Уэста, хотя он и приходил несколько раз. По лицу его было видно, как он расстроен. Думаю, он любил ее.

– Папаша Харриданс говорил, что он ушел служить на королевский флот.

– Да, вскоре после того. Думаю – от разбитого сердца. Видите ли, говорили, что Филип Уэст собирается сделать ей предложение. Его семья выхлопотала для него какую-то младшую должность при королевском дворе. Он часто бывал в Лондоне, однако в то лето король, объезжая страну, прибыл в Сассекс, и мастер Филип уехал в тот день ко двору. – Секфорд печально качнул головой. – Старый Феттиплейс был бы доволен их браком, ибо Уэсты – состоятельные землевладельцы. А мастер Филип был симпатичным молодым человеком.

– А семейство Уэстов по-прежнему проживает здесь?

– Отец Филипа Уэста скончался несколько лет назад. Землями управляет мать Филипа, мистрис Беатрис Уэст. Филипу принадлежит здесь внушительная собственность, однако все управление он оставил в руках своей матери и бывает здесь только, когда возвращается домой с моря. Она женщина достойная. Живет в большом доме за городом. Сам Филип побывал здесь в прошлом месяце, когда его корабль пришел в Портсмут. – Священник посмотрел на меня. – Я слышал, что там собрались все корабли короля и что сам он направляется туда, чтобы произвести смотр.

Затем он печально покачал головой:

– В ужасные времена мы живем!

– Согласен с вами, сэр.

– Я видел Филипа Уэста в прошлом месяце, когда он проезжал верхом по улице. Это по-прежнему симпатичный мужчина, только теперь уже не очень молодой и суровый. – Секфорд внезапно встал. – Простите меня, сэр. Я дал себе зарок не пить крепкого пива до тех пор, пока тень этой вишни не коснется калитки. Однако все эти воспоминания… – Шагнув к буфету, он взял две оловянных кружки. – Не выпьете ли вы со мной, сэр?

– Спасибо.

– Благодарю вас.

Он наполнил кружки из кувшина, осушил свою в несколько глотков и заново наполнил ее, после чего передал мне мою и тяжело опустился в кресло.

– Собственно выпивать я начал после того, как они увезли Эллен. Все это казалось мне настолько жестоким… сгоревшая плавильня, бедная свихнувшаяся девочка… А мне нужно проповедовать, что Бог милосерден. – На его обрюзгшем лице появилось выражение великой печали.

– Итак, Эллен была единственной свидетельницей происшедшего несчастья? – осторожно спросил я.

Джон Секфорд нахмурился:

– Да, и коронер очень настойчиво пытался получить ее показания. – Голос его сделался резким. – Мистрис Уэст также хотела услышать их, чтобы избавить своего сына от напоминаний о случившемся и чтобы прекратить толки среди местных жителей. А Уэсты были способны посодействовать карьере коронера Приддиса. Честолюбив он, наш бывший коронер, – с горечью заключил священнослужитель.

– Я слышал о Приддисе, – сказал я. – Теперь он сэр Квинтин, Хэмпширский феодарий. Обладает известной властью.

– Да, так говорят. Его семейство, Приддисы-старшие, были простыми

йоменами, однако имели честолюбивые намерения в отношении своего сына и потому послали юного Квинтина учиться юриспруденции. – Викарий осушил свою кружку. – Честолюбие, сэр, на мой взгляд, сродни проклятию… оно делает людей жестокими и холодными. Нужно оставаться в том положении, в котором Бог поставил тебя. – Он вздохнул. – Хотя, быть может, вы не согласитесь со мной.

– Не буду спорить: честолюбие делает людей жесткими.

– Приддис стремился во всем ладить с благородной публикой. Такой деловой суетливый маленький человечек. Начиная со дня пожара, он то и дело наведывался сюда, требуя встречи с Эллен, чтобы получить ее показания. Но, как я уже говорил, она не хотела никого видеть. Мастеру Квинтину пришлось несколько раз открывать дознание по поводу смерти мастера Феттиплейса и Питера. И мне кажется, он был весьма раздосадован тем, что простая девчонка не считается с его властью. Сам он не имел ни малейшего желания учитывать состояние ее рассудка.

– Что же… он был обязан установить, что именно здесь произошло.

– Этот мошенник в итоге все равно получил свои показания. И я расскажу как именно. – Секфорд еще раз основательно пригубил пива. В отличие от Уилфа, он не обнаруживал никакой подозрительности в разговоре со мной. Мне даже как-то вдруг показалось, что он не от мира сего.

– Через несколько недель, как я уже сказал, Эллен стало лучше, однако она, как и прежде, ничего не рассказывала о том, что произошло, и не выходила из дома, даже в соседнюю дверь – в церковь. Она стала придумывать предлоги, чтобы сидеть дома, и сделалась очень изобретательной. И это Эллен-то Феттиплейс, прежде такая искренняя и открытая! Это меня опечалило. Думаю, что в итоге она согласилась повидаться с Приддисом только ради того, чтобы он оставил ее в покое. Теперь она хотела только одного: оставаться в моем доме вместе со мной и Джейн Райт и никогда не выходить на улицу.

– Вы присутствовали при их разговоре?

Священник покачал головой:

– Приддис настоял на том, чтобы говорить с ней в присутствии одной мамаши Райт. Они вошли в мою кухню и появились из нее через час, причем Квинтин был явно доволен собой. На следующий день он прислал Эллен беловой текст ее показаний, и она подписала его. Там говорилось, что в тот вечер они с отцом отправились на прогулку к плавильне, так как ему нужно было проверить поставки угля, и обнаружили там пьяного Питера, который упал в костер, разведенный им, чтобы согреться. Одежда

Питера загорелась, и огонь каким-то образом перескочил на Вильяма Феттиплейса. Приддис позволил провести дознание без присутствия на нем Эллен в связи с прискорбным состоянием ее ума. И в итоге вынес вердикт о случайной смерти. – Секфорд гневно стукнул кулаком о подлокотник кресла. – Дело закрыто, перевязано красной ленточкой и убрано с глаз долой.

– Вы считаете, что Эллен дала ложные показания?

Проницательные глаза священника обратились ко мне:

– По моему мнению, мастер Приддис, собрав те крохи, которые ему сообщила Эллен, соорудил из них правдоподобную цепь событий, которую девушка и подписала, чтобы избавиться от него. Как я уже говорил, она сделалась расчетливой. Говорят, что именно так ведут себя утратившие разум люди. Она хотела только одного: чтобы ее оставили в покое.

– Но что же, по вашему мнению, произошло там на самом деле?

Отец Джон посмотрел мне в глаза:

– Не имею ни малейшего представления. Но если пожар только начинался, я не вижу никакой причины, мешавшей спастись хотя бы только мастеру Феттиплейсу.

– У него были враги?

– Нет. Никто не желал ему зла.

– А как случилось, сэр, что Эллен сумела оставить ваш дом?

Священник откинулся на спинку кресла:

– Ах, сэр, вы заставляете меня вспоминать самое худшее!

– Простите. Я не намереваюсь заставлять вас.

– Ну, сэр, вы теперь просто обязаны дослушать эту историю до конца. – Секфорд поднялся, взял мою кружку, проковылял к буфету и наполнил ее пивом. – Мы с мамашей Райт уже не знали, что нам делать с Эллен. Родственников у нее не было, однако она оставалась наследницей отцовского дома здесь, в Рольфсвуде, небольшого участка земли и сгоревшей плавильни. Я думал оставить ее при себе, надеясь, что она придет в себя и сумеет уладить собственные дела. Однако тут во все снова вмешался Квинтин Приддис. Вскоре после вынесения вердикта он вновь явился сюда. Сел в то самое кресло, в котором вы сейчас сидите, и сказал, что Эллен не подобает оставаться у меня. Он пригрозил рассказать обо всем моему викарию, а я знал, что тот прикажет мне выставить эту девушку из моего дома.

Секфорд вновь осушил кружку.

Я наклонился вперед:

– Мамаша Белл сказала, что ее отвезли в Лондон, к родственникам.

Я заметил, что державшая кружку рука священнослужителя задрожала:

– Я спросил мастера Приддиса о том, что ее ждет. Он сказал, что занимался расспросами, обнаружил в Лондоне ее родственников и теперь намеревается устроить так, чтобы они взяли ее к себе. – Нахмурившись, он снова посмотрел мне в глаза. – Так вы говорите, что этот ваш друг живет в Лондоне, но не знает ее?

– Он не слышал о ней. – Мне было противно лгать старику, однако известно, что, начав лгать, так просто не остановишься. Однако Секфорд принял мой ответ и кивнул.

– Я предполагаю, что мистрис Уэст попросила Приддиса найти ее родственников и дала ему кое-какие деньги за это. Не имея в виду собственной выгоды, он просто ничего бы не сделал.

Я задумался… Человек, поместивший девушку в Бедлам, имел от этого не выгоду, а одни только постоянные расходы. Убрать ее с пути можно было только ради ее же безопасности. Или мистрис Уэст оберегала собственного сына?

– Приддис сыграл грязную шутку, – задумчиво проговорил Секфорд. – Джейн Райт, по понятной причине, не получила после пожара никакой платы. Как и прочие слуги, занятые в доме мастера Феттиплейса. Кто должен был платить им? Квинтин сказал ей, что после того, как Эллен поселится у тех своих родственников, все эти вопросы обретут правильное решение, дом мастера Феттиплейса будет продан, и из полученных денег будет выплачен долг по оплате слуг. Еще он обещал, что кто бы ни купил дом, он договорится с ними о том, что ей самой будут выплачивать какую-то сумму. Этим он привлек мамашу Райт на свою сторону. Я не могу винить ее в этом: у нее не было другого источника доходов, и все мы жили на мое крохотное пособие.

– А вы не спрашивали, кто эти родственники? – осторожно поинтересовался я.

– Приддис так и не сказал мне ничего, кроме того, что они живут в Лондоне и позаботятся о ней. По его словам, остального мне просто не нужно было знать. – Мой собеседник наклонился вперед. – Сэр, я всего лишь бедный священник. Как мог я возразить Приддису, человеку авторитетному и представителю власти, да еще имеющему камень вместо сердца?

– Да, вы находились в безвыходном положении.

– И все же я мог бы сделать больше. Я всегда был слабым. – Старик опустил голову. – Через неделю после этого разговора сюда приехал

экипаж… один из тех больших ящиков на колесах, в которых ездят богачи. Приддис сказал, что эти люди должны отвезти Эллен в Лондон. Еще он добавил, что лучше ничего не говорить ей, чтобы она не стала буянить. Джейн Райт уговорила меня… убедила в том, что для Эллен нельзя придумать ничего лучшего. Увы и ах, меня так легко уговорить!

Мастер Квинтин заявился к нам рано утром вместе с двумя мужланами, рослыми и уродливыми. Они вошли в комнату Эллен и выволокли ее оттуда. Бедная девочка кричала, как дикий зверь, попавшийся в капкан. Я говорил ей, что все к лучшему, что ее везут к добрым родственникам, однако она не хотела ничего слушать. И посмотрела на меня так, что стало ясно: она считает меня предателем, выдавшим ее врагам. Что, собственно, я и сделал. Она кричала в увозившем ее экипаже. До сих пор слышу ее голос…

Как и я сам, подумал я, не посмев высказать эти слова вслух. Секфорд поднялся на нетвердые ноги:

– Еще кружечку, сэр? Сам я без еще одной никак не обойдусь.

– Нет, благодарю вас. – Я тоже встал. Хозяин дома посмотрел на меня с каким-то отчаянием в глазах.

– Выпейте со мной, сэр, – еще раз предложил он. – Станет легче на сердце. Давайте же!

– Я приехал издалека, сэр, – вежливо возразил я, – и очень устал, мне пора отдохнуть. Однако благодарю вас за рассказ. Вижу, что эта повесть тяжело далась вам. И мне не хотелось бы оказаться на вашем месте.

– А ваш клиент попытается найти Эллен?

– Кое-что нам, наверное, удастся сделать.

Секфорд кивнул и с исказившимся от прихлынувшего чувства лицом налил себе еще одну кружку.

– Последний вопрос, если позволите, – вновь заговорил я. – А что произошло с домом Феттиплейсов?

– Его продали, как и говорил Приддис. Мастеру Хэмфри Батрессу, владельцу мельницы. Он по-прежнему живет там. – Священник безрадостно улыбнулся. – Старому приятелю мастера Квинтина… наверняка за гроши. Мастер Батресс привел с собой собственных слуг, а Джейн Райт и все прочие слуги Феттиплейсов оказались на улице. Она умерла в следующем году, во время великой дороговизны, умерла от голода… и не только она одна. Джейн была стара, понимаете ли, и не имела никакой работы.

Секфорд пошатнулся и оперся одной рукой на буфет.

– Умоляю вашего друга отыскать Эллен в Лондоне и помочь ей, если

она еще жива! И также прошу вас не повторять того, что я сказал вам о Приддисе, Уэстах или мастере Батрессе любому обладающему властью человеку. Это может повлечь за собой крупные неприятности для меня. Викарий и так хочет лишить меня места… Он радикальный реформатор, а я, понимаете ли, нахожу новые обычаи сложными для себя.

– Обещаю. – Пожав трясущуюся руку священника, я оставил его.

Совесть мучила меня на всем обратном пути по аллее к городу. Я жалел о том, что не смог сказать старику о том, что Эллен жива и что она влачила, по меньшей мере, какое-то подобие жизни до той поры, когда я внес в нее новые тревоги. Получалось, что в ту давнишнюю ночь насилие имело место наряду с пожаром. Я вспомнил слова своей бедной подруги: «Они были такими сильными! Я не могла шевельнуться! Небо надо мной было таким широким… таким широким, словно намеревалось проглотить меня!» Кроме того, платье мисс Феттиплейс оказалось порванным и испачканным свежей травой. Но кем были эти мужчины?

Погрузившись в раздумья, я почти не замечал окрестностей. Тропа тянулась между высокими зелеными стенами боярышника, и вдруг из бреши в одной из изгородей появились двое мужчин, остановившихся передо мной. Судя по лицам, им было за тридцать, и по внешнему виду это были какие-то работники. Они показались мне смутно знакомыми. Чуть поклонившись, один из них произнес:

– Добрый вечер, мастер.

– Добрый вечер, друзья.

– Слышал я, что ты вытягивал старые сказки из нашего папаши, – заговорил второй. Теперь сходство их узких лиц с Уилфом показалось мне очевидным.

– Да, я расспрашивал его о пожаре на плавильне Феттиплейса. – Я оглянулся. Кроме нас троих, на тенистой аллее никого не было, и я от всего сердца пожалел, что рядом со мной нет Барака.

– Вижу, поговорил ты и со старым Джоном Секфордом, так? – вновь подал голос первый работник.

– Да. По совету вашего отца.

– Наш папаша – старый болтун. Он всю жизнь несет какие-то свои выдумки об этом пожаре, говорит, что вердикт был не тот и что о чем-то тогда умолчали. А мы ему говорим, что дело то старое и теперь беспокоиться уже поздно. Уэсты – люди могущественные, им принадлежит земля, которую мы обрабатываем. Папаша-то ничего не знает, его там не было. И мы подумали, что нам надо сказать вам об этом, сэр. – В голосе

мужчины, спокойном и даже почтительном, тем не менее звучала угроза.

– Отец сказал, что вы завтра уезжаете из Рольфсвуда, – добавил его брат. – Так что советуем вам не возвращаться и больше с папашей не разговаривать, это уж точно. – Он наклонился ко мне: – Иначе тебя могут найти с проломленной головой. И запомни: мы с тобой не разговаривали и даже не встречались.

Работник многозначительно кивнул мне, после чего оба брата повернулись и вновь исчезли в бреши изгороди. Основательно, с облегчением вздохнув, я продолжил путь.

В гостинице я провел беспокойную ночь. Так что же произошло здесь девятнадцать лет назад? Теории теснились в моем усталом мозгу, пока я лежал в постели. Мог ли Питер Гратвик оказаться одним из насильников? Что, если он и Филип Уэст напали на Эллен и ее отца, а затем подожгли плавильню, чтобы избавиться от тела? А Гратвик потом бежал? Я покачал головой. Аргументов в пользу этой теории не было никаких, как, впрочем, и в пользу любой другой. Но больше всего я сомневался в том, что убийство произошло той же ночью.

Участие в деле Приддиса стало для меня потрясением. Всего через два дня мне предстояла встреча с ним в Портсмуте, где уже, вероятно, находился и Филип Уэст. Этому не следовало удивляться, так как сейчас все видные люди края из армии и флота собирались в Портсмуте. Через неделю туда должен был прибыть и сам король.

А завтра я вернусь в Хойлендское приорство к его странным хозяевам… Я вдруг понял, что с тех пор, как оказался здесь, почти не вспоминал об этих людях. Вертясь с боку на бок в постели, я все вспоминал, как Секфорд уподобил Эллен несчастному, попавшему в ловушку зверьку.

На следующее утро я поднялся пораньше. Оставалось еще одно дело, которое я мог выполнить до отъезда.

Выйдя из гостиницы, я отправился по главной улице и вскоре нашел упомянутый мамашей Белл дом. Это самое большое на всей улице сооружение блестело свежей голубой краской и решетчатыми окошками, а дверной переплет украшали превосходные резные фигуры животных. Я постучал в дверь. Когда слуга открыл ее, я спросил, могу ли я побеседовать с мастером Хэмфри Батрессом о семействе Феттиплейсов. Такая тема неизбежно заинтересует его, подумал я.

Меня попросили подождать в гостиной. В хорошо обставленной

комнате главенствовала картина, изображавшая облаченных в тоги римских сановников, спорящих возле здания сената. На столе стояла крупная ваза, полная летних цветов. Посмотрев на них, я вспомнил слова Секфорда о том, что Эллен приносила ему цветы. В этом самом доме она выросла и прожила всю свою жизнь до трагедии. Я огляделся, ощущая, как обострились мои чувства, но так и не сумел ничего толком ощутить.

Дверь отворилась, в ней появился высокий и крепкий мужчина, на голове которого курчавились стального цвета волосы, а под шерстяным дублетом с серебряными пуговицами виднелась рубашка, расшитая тонкими кружевами. Он поклонился мне.

– Мастер Батресс? – спросил я.

– Да. Мне сказали, что вы интересуетесь некогда жившим в этом доме семейством Феттиплейсов. – Держался хозяин вежливо, однако в манере его чувствовалась некая настороженность и агрессивность.

– Простите, что беспокою вас в такую рань, но не сможете ли вы помочь мне? – И я рассказал ему о якобы полученном от друга поручении.

– А кто сказал вам, что дом принадлежит мне? – удивился мастер Хэмфри.

– Я услышал об этом в гостинице.

– Этот город полон сплетниц! – буркнул в ответ Батресс. – Я был знаком с этой семьей крайне поверхностно.

– Понимаю. Однако мне пришло в голову следующее. При продаже дома мисс Феттиплейс должна была поставить свой лондонский адрес на купчей крепости. Это может помочь мне отыскать ее. В том, конечно, случае, – добавил я, – если под сомнение не ставилось состояние ее разума, иначе сделка должна была оформляться через Сиротский приказ, как он тогда назывался.

Хэмфри, прищурившись, посмотрел на меня:

– Насколько я помню, она продавала его сама. Все было сделано по закону, ей было больше шестнадцати лет, и она имела право заключать такие сделки.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, сэр. Но если вы будете настолько любезны, что отыщете купчую, то указанный в ней адрес может весьма помочь мне. – Я говорил почтительно, полагая, что подобная манера окажется наиболее доходчивой для этого человека. Он снова нахмурился, а потом поднялся в полный рост:

– Подождите здесь. Пойду посмотрю, сумею ли я найти эту бумагу.

Батресс вышел из комнаты и вернулся через несколько минут с документом, внизу которого красовалась красная печать. Непринужденным

движением смахнув с бумаги пыль, он положил ее на стол.

– Вот, сэр, – проговорил хозяин напряженным тоном. – Сами видите, что здесь все в порядке.

Я просмотрел купчую. Согласно ей дом и участок занятой лесом земли переходил к Хэмфри Батрессу пятнадцатого декабря 1526 года. То есть через два месяца после того, как Эллен увезли отсюда. Я не имел представления о тогдашней стоимости здешних земель, однако она оказалась меньше, чем я ожидал. За адресом рекомендовалось обращаться к солиситору Генри Фауберри из Уорвик-лейн возле Ньюгейта. Подпись Эллен Феттиплейс, нанесенная грубым детским почерком, совершенно не походила на ту, которую я видел в Бедламе. Итак, передо мною подделка.

Я посмотрел на Батресса. Он ответил мне светской улыбкой и произнес:

– Быть может, этот солиситор до сих пор практикует и вы сумеете отыскать его.

Сомнительная перспектива. Но я лишь поблагодарил его:

– Спасибо.

– А если вам не удастся этого сделать, вашему другу можно посоветовать прекратить поиски.

– Возможно, вы правы.

– Кстати, вы еще не слышали, – проговорил Хэмфри, – что король только что приказал произвести второй платеж добровольного налога прямо сейчас, а не в Михайлов день? Каждый состоятельный человек должен заплатить по четыре пенни с каждого фунта своего состояния.

– Нет, я еще не слышал об этом.

– Чтобы заплатить солдатам и оплатить поставки для этого великого ополчения. Раз вы приехали из Лондона, вам придется столкнуться с большим оживлением на дорогах.

– Действительно…

– Если вы намереваетесь долго находиться вне дома, вам следует договориться о том, чтобы кто-то в Лондоне заплатил за вас – во избежание неприятностей по возвращению домой.

– Дела не заставят меня надолго задержаться в Портсмуте.

– После чего вы вернетесь домой? – Жесткий взгляд собеседника обратился ко мне.

– Таковы мои намерения.

Батресс заметно расслабился.

– Я – член магистрата, – с гордостью пояснил он. – Мне приходится оказывать помощь сборщикам податей. Что ж, мы должны не дать

французам, этим папским прихвостням, высадиться на нашу землю… Папские плешивцы, вот они кто! К счастью, цена на зерно высока, поэтому я не жалуюсь.

– Вам везет, если в этом году ваш приход превышает расход.

Мастер Хэмфри напряженно улыбнулся:

– Война требует припасов. Я пригласил бы вас к завтраку. Лучшему, чем вам подадут в этой гостинице…

– Благодарю вас, – согласился я. Следовало побольше узнать об этом человеке.

– …но к сожалению, я должен уйти. На моей мельнице так много дел! К тому же, у меня не хватает людей, так как на прошлой неделе одного из моих работников насмерть забодал бык.

– Очень жаль.

– Этот дурак забыл запереть ворота, и животное вырвалось на свободу. – Хозяин дома скупо улыбнулся. – Быки, пожары… Сколько же опасностей грозит человеку в сельских краях!

Я позавтракал в гостинице. Пожилая женщина, познакомившая меня с Уилфом, недовольно поглядывала на меня, и я подумал, не показался ли ей подозрительным мой долгий разговор с ним и не она ли сообщила о нем его сыновьям. Забрав Нечета из конюшни, я выехал из Рольфсвуда, постепенно оживавшего в ясное летнее утро.

– Возвращаемся в Хэмпшир, дружок, – проговорил я, похлопав коня по холке и устраиваясь в седле поудобнее. А про себя подумал: «А там поедем и дальше, в Портсмут…»

Глава 23

Когда я снова въехал в ворота Хойлендского приорства, время приблизилось к четырем часам дня, и тени уже начинали удлиняться. В поместье царили мир и покой. Садовник трудился над клумбами Абигайль. Жужжали насекомые, и где-то рядом в лесу трудился дятел. По лужайке расхаживали два павлина под внимательным присмотром развалившегося под деревом Ламкина. Я объехал дом сбоку, и Нечет ускорил шаг, ощутив близость конюшни.

Я распорядился, чтобы конюх должным образом напоил и почистил коня. Подобно всем слугам дома Хоббеев, конюх был угрюм и неразговорчив. Когда я выходил из конюшни, дверца в задней стене ее отворилась, и в ней появился егерь Эйвери. На нем были зеленые куртка и штаны, а узкое загорелое лицо венчала зеленая шапка. Он поклонился мне, и я шагнул ему навстречу.

– Итак, до вашей охоты осталось всего четыре дня? – спросил я.

– Да. – Из псарни донесся собачий лай: псы услышали шаги егеря, и он устало улыбнулся. – Время кормить. Они всегда слышат меня.

– Должно быть, сейчас у вас много дел.

– Ага. С собаками много возни – их надо накормить, причесать, выгулять два раза в день. А в парке работы еще больше, там нужно закончить все приготовления к охоте. Мастер Хоббей хочет, чтобы все было в порядке.

– Итак, кое-кто из деревенских все-таки соглашается поработать на него, – понял я.

Эйвери с сухой улыбкой пожал плечами.

– А велик ли парк? – продолжил я беседу.

– По миле в каждую сторону. Здесь охотились на оленей еще при монахинях. Они сдавали парк местным дворянам. Но за последние несколько лет он пришел в запустение.

– Интересно, почему мастер Хоббей не пользовался им прежде?

– А вот об этом, сэр, знает только он сам. – В голосе Эйвери прозвучала осторожная нотка. Что ж, подумал я, семейка дала и ему наставления держаться со мной настороже.

– Вы правы, прошу прощения, – пошел я на попятный. – Но скажите мне, что произойдет в день охоты?

– Гостей и членов семейства расставят по намеченному маршруту и

погонят на них оленя. Я вчера видел этого рогача – великолепный зверь!

– И тому, кто завалит его, достанется каменное сердце?

– Именно так.

– А не случится ли так, что удача опять придет к мастеру Хью?

– Может случиться и так… Или она посетит одного из гостей. Я не знаю, есть ли среди них хорошие стрелки. А может быть, успех придет и к мастеру Дэвиду: он отличный стрелок, хотя никак не может усвоить того, что на охоте нужно сидеть в засаде тихо и скрытно.

– А зачем вы с ног до головы в зеленом? Чтобы сливаться с лесом?

– Да. Все охотники будут в зеленом или коричневом.

– Так, значит, мастер Эйвери, вы путешествуете по стране, организовывая охоты?

– Теперь да. Раньше я ведал монастырским охотничьим парком. Однако восемь лет назад его ликвидировали, а землю распродали по участкам.

– Где же это?

– Приорство Льюис в Сассексе.

– В самом деле? Льюис? Инженеры, разрушившие Льюис по распоряжению лорда Кромвеля, сразу после этого также снесли и здание монастыря, с которым я был связан.

Эйвери печально покачал головой:

– Я видел, как рухнул Льюис – с великим грохотом и в облаке пыли. Жуткое зрелище! А вы видели, как рушили ваш монастырь?

– Нет. Я не стал дожидаться этого, – вздохнул я, вспоминая те давние события.

С некоторой нерешительностью егерь проговорил:

– Буду рад оставить это поместье после охоты. Нелады с деревней, да еще члены семейства шипят вокруг, словно гадюки… Вы здесь защищаете интересы мастера Хью?

– Да, я здесь именно за этим.

– Среди них он лучший. Отличный парень, – заявил мой собеседник. Но потом, быть может, решив, что он наговорил слишком много, Эйвери торопливо поклонился и отправился к своим собакам.

В задумчивости я направился мимо служб к обители Барака.

– Мастер Шардлейк! – услышал я чей-то голос и повернулся на внезапный зов. В двери прачечной появился Фальстоу.

– Вы напугали меня, мастер дворецкий! – укоризненно покачал я головой.

Амброуз наделил меня своей обычной почтительной улыбкой:

– Простите. Я увидел вас сквозь открытую дверь. Вы только что вернулись?

– Да.

– Нуждаетесь в чем-нибудь?

– Только в омовении и отдыхе.

– Я распоряжусь, чтобы в вашу комнату принесли горячую воду. Вам пришли новые письма, они сейчас у Барака.

– Благодарю вас. Все ли в доме здоровы?

– Да. Вчерашний день пошел тихо. – Фальстоу с вопросительным выражением посмотрел на меня. – Успешно ли сложилось ваше дело в Сассексе, сэр?

– Успешно, но со сложностями.

– Если вам это удобно, завтра мы рано утром выезжаем в Портсмут.

– Вы тоже едете?

– Да. Как и мастер Хью с мастером Дэвидом. Они решили посмотреть на флот. – Управляющий улыбнулся. – Мальчишки всегда остаются мальчишками.

– Ну, теперь они почти взрослые люди…

Амброуз погладил свою аккуратную светлую бороду:

– И в самом деле.

– Ну, а теперь, прежде чем я отправлюсь в дом, мне нужно поговорить со своим клерком, прочесть полученные письма.

Фальстоу посмотрел на рядок бывших служб:

– Думаю, что Барак находится в своей комнате.

Я улыбнулся:

– Похоже, мастер дворецкий, что вы знаете, где находятся все обитатели этого дома.

– Такова моя работа, сэр, – отозвался Амброуз и, поклонившись, оставил меня.

Я постучал в дверь комнаты Джека. Он открыл без промедления:

– Хорошо, что ты вернулся.

– А чего это ты сидишь взаперти в такой превосходный день? – посмотрел я на него с любопытством.

– Я устал от этой докучливой задницы, то есть управляющего и его подручных, которые следят за каждым моим шагом. Боже, сколько на тебе пыли!

– Позволь-ка мне сесть. – Я опустился на соломенный тюфяк. На нем

лежали два адресованных мне письма, одно от Уорнера, другое от Гая. – Что слышно от Тамасин?

– Она написала мне в день нашего приезда сюда. – Прислонившись к двери, мой клерк достал письмо из-за пазухи. – Гай говорит, что у нее все в порядке. Она по-прежнему считает, что родит девочку. Мне не хватает ее.

– Понимаю. Но на следующей неделе мы будем дома.

– Молю Бога об этом.

– Как тут вели себя Хоббеи?

– Я не видел ни хозяина, ни Абигайль. Мне позволено есть на кухне, но в дом меня не пускают. Сегодня утром мальчишки опять практиковались в стрельбе. Мы с Фиверйиром присоединились к ним. Но тут из дома выскочил Дирик и прогнал нас: дескать, Фиверйир ему нужен, а нам незачем докучать молодым джентльменам. – Джек нахмурился. – Так и хотелось дать ему сапогом в задницу и пинать до самого дома!

– Не тебе одному. Но он будет только рад, если я потеряю самообладание.

– А мне жаль малыша Сэма. Стрелок из него такой же, как из Ламкина. Дэвид смеется над ним, но Хью относится к нему спокойно. Наверное, рад возможности поговорить с кем-нибудь кроме Дэвида.

– Судя по всему, мало кто прежде доброжелательно относился к Фиверйиру…

– У меня есть кое-какие новости из деревни.

– Рассказывай.

– Вчера вечером я сходил туда – выскользнул через задние ворота. У деревенских есть таверна, и я спросил мастера Эттиса. Его привели, и мы выпили, а потом пошли в его дом. Кстати, лучший в деревне. Он возглавляет партию борцов за общинные земли. Я сказал ему, что ты работаешь в Суде по ходатайствам.

– Но он будет молчать об этом?

– Да. Я помог ему составить прошение в суд и сказал, что, вернувшись в Лондон, ты сможешь взяться за это дело. Если он поможет нам с информацией.

– Как он отреагировал?

– Обещал перерезать мне глотку, если я обману его. Блефовал, однако: после он сказал мне, что у них в доме есть осведомитель, который подтвердил, что мы здесь по делам Хью.

Я уже собирался вскрыть письмо Уорнера, но немедленно поднял голову:

– Кто же это?

Барак улыбнулся:

– Старая Урсула, которая работала на монахинь. Люди Эттиса вне себя от ярости. Хоббей явным образом пытается не просто отобрать половину их леса, полагаясь на собственное толкование старой грамоты, но также хочет согнать отсюда людей. Фальстоу предлагал хорошую цену беднейшим домохозяевам с тем, чтобы они убирались отсюда. А кое-кому из местных дали работу по подготовке этой охоты.

– Разделяй и властвуй. А как настроены остальные хойлендцы? Готовы они довести дело до суда?

– На мой взгляд, готовы. Большинство поддерживает Эттиса. Они понимают, что, если у них отнимут общинные земли, деревня умрет. Эттис сказал, что Хоббей сделал ошибку, пригрозив послать лесорубов в деревенский лес. Он приставил им нож к горлу. Кстати, Эттис считает, что решение это было принято самим Хоббеем. Фальстоу действует более тонко. Эттис утверждает, что ситуацией управляет именно он.

– Интересно. А что Эттис говорит о семействе Хоббеев?

– Ничего нового. Дэвид – избалованный дурак. Старший Хоббей иногда вместе с сыном проезжает по деревне, и его сынок поднимает страшную вонь, если какой-нибудь замшелый старый хрыч не успеет вовремя снять перед ним шапку. Хью, как и Абигайль, у них не бывают. Эттис говорит, что Хью иногда ходит по дорогам в одиночестве, однако, заметив деревенского жителя, отворачивается и проходит мимо, что-то бормоча себе под нос.

– Слишком стесняется своего лица, я бы сказал.

– Некоторые из деревенских женщин называют Абигайль ведьмой, а Ламкина – ее прислужником. Даже слуги боятся ее: они никогда не могут понять заранее, когда она начнет вопить и визжать на них. К тому же, похоже, что местное общество вовсе не пренебрегает Хоббеем, потому что он купил приорство. Просто сама семейка поставила себя в изоляцию. Они никуда не ездят, кроме самого Хоббея, который иногда предпринимает поездки в Портсмут или Лондон.

Я нахмурился:

– А чего же боится Абигайль?

– Я спросил об этом Эттиса. Он не имеет ни малейшего представления. Я также рассказал ему о пущенной в нас в лесу стреле. Он совершенно уверен в том, что мы вспугнули браконьера, который решил прогнать нас.

– Приятно слышать.

– Кроме того, я пообщался с Урсулой. Сказал ей, что я заодно с

Эттисом, и убедил в том, что со мной можно говорить. Хоббеев она ненавидит. Сказала, что хозяин запретил ей сажать цветы на кладбищенских могилах. Освященная земля, оставленная тлену, так сказала она. По ее словам, Абигайль всегда была норовистой и крикливой, однако недавно вдруг углубилась в себя. – Барак приподнял бровь. – С того самого дня, как услышала о твоем приезде.

– А какого она мнения о парнях?

– Говорит, что Дэвид – еще та тварь. Насколько я понял, она знает много больше, однако как следует разговорить ее мне не удалось. Урсула только сказала, что Хью хорошо воспитан, но слишком уж тих для юноши своих лет. Оба они ей не нравятся. Я спросил, не видела ли она чего в день приезда Майкла Кафхилла.

– И что же?

– Увы. В тот день она работала на другой стороне дома.

– Проклятье!

– Это поместье так же полно партий и заговорщиков, как какой-нибудь королевский двор!

– Да, – согласился я. – Мы только что переговорили с Эйвери, и он сказал примерно то же самое. Раньше он работал в приорстве Льюис. По приказу Кромвеля его снесли те же самые люди, которые разрушили Скарнси, куда он послал меня после убийства своего комиссара. Помнишь дело Темного огня и дом Уэнтвортов[33], другую семейку, полную тайн и враждующих партий? – Я вздохнул. – Как странно… Вчера ночью мне опять снилось, что я тону: этот сон всегда напоминает мне о том, что случилось в Йорке, и кошмарных убийствах. Прошлое странным образом посещает нас.

– Я всегда стремился не позволять ему этого. – Джек пристально посмотрел на меня. – А что случилось в Рольфсвуде? Судя по всему, ты приехал не с пустыми руками.

Я встретил его взгляд. Мой помощник казался усталым, напряжение от жизни в столь неприятном месте соединялось в его душе с беспокойством за Тамасин. Я тоже устал… устал лгать. И ощущал, быть может, эгоистическую потребность поделиться с кем-нибудь тем, что мне удалось узнать. Поэтому я рассказал Бараку о пожаре и обо всем, что услышал от Уилфа, Секфорда и Батресса, а также об угрозе, услышанной от сыновей Уилфа.

– Через девятнадцать лет люди все еще боятся заговорить, – задумчиво проговорил клерк. – Как, по-твоему, что могло там случиться?

– Изнасилование. – Я вновь посмотрел на него. – И, быть может,

убийство. А завтра мы едем в Портсмут, где встретимся с Приддисом, проводившим дознание. Едва ли мне стоит упоминать Рольфсвуд.

– Ты считаешь, что он может быть связан с людьми, способными повредить Эллен?

– Да. Кроме того, в Портсмуте находится Филип Уэст. Я попросил Гая побывать у Эллен и заплатил Хобу Гибонсу за уход за ней, но по-прежнему опасаюсь за нее. Какая-то кошмарная путаница! Если дело было связано с убийством, то безопасность Эллен все эти девятнадцать лет была только временной. Что, если она позволит себе очередную вспышку и проговорится о случившемся с ней? Тот, кто платит за нее, может решить, что безопаснее будет убрать ее с пути. А уж если они могут позволить себе Бедлам и карету, то, быть может, найдут денег и на наемного убийцу…

– С моей точки зрения, тебе вообще не стоило влезать в это дело.

– Увы, я это сделал и только вчера узнал о пожаре и смертях, – отрезал я и скривился. – А ведь я дал себе клятву не втягивать тебя в расследование! Так что прости.

– За что? Ты ведь не намереваешься возвращаться туда?

– Не знаю.

– Однако навредить себе ты уже успел, – со всей откровенностью сказал Джек. – Если в историю вовлечен и Батресс, надо думать, он немедленно сообщит Уэстам о том, что какой-то незнакомец интересовался обстоятельствами.

– Ты прав. Возвращаясь домой, я все время думал об этом. Я бросился вперед, не подумав, настолько мне хотелось получить нужную информацию. Я не ожидал, что купчая окажется подложной. – Чуть помедлив, я продолжил: – И вот теперь думаю, а стоит ли искать в Портсмуте этого Филипа Уэста?

– Учитывая, насколько далеко ты зашел, наверно, и стоит. Ликон может подсказать, где нам найти его. Только хорошенько обдумай то, что скажешь ему.

– Да. – Я отметил, что роли наши переменились, и теперь Барак советует мне, что делать, и велит соблюдать осторожность. Однако он не испытывал столь неотложной необходимости узнать об Эллен все возможное и каким-то образом спасти ее. Через ощущение вины за нанесенный ей вред, через неспособность ответить ей любовью на любовь…

Вздохнув, я взялся за письма. Первое, от Гая, было отправлено 6 июля, три дня назад, и в пути пересеклось с посланным мной.

«Дорогой Мэтью, я пишу тебе в очередной жаркий и пыльный день.

Констебли погнали в Портсмут новый отряд крепких на вид нищих, предназначая их в гребцы на королевских кораблях. Этих людей превратили в рабов, и я всякий раз думаю об этом, когда слышу, как Колдайрон рассуждает о противостоянии английской свободы и французского рабства. Я повидал Эллен. На мой взгляд, она в какой-то мере возвратилась в свое прежнее состояние – снова работает с пациентами, однако погрузилась в глубокую меланхолию. Она не проявила никакой радости, увидев меня в гостиной Бедлама. Сначала я поговорил с этим Гибонсом, который держался достаточно любезно после всех денег, которые ты скормил ему. Он сказал, что смотритель Шоумс приказал своим людям связать Эллен и убрать ее под замок, сразу же после того, как с ней случится следующий приступ. Когда я рассказал Эллен, что это ты просил меня прийти и проверить, как она себя чувствует, боюсь, она рассердилась. Она с горечью сказала, что ее заперли из-за тебя, и не захотела говорить со мной. Держалась эта бедная женщина странно, почти по-детски. Думаю, мне придется переждать несколько дней и после этого снова сходить к ней. Дома я поругался с Колдайроном. В эти дни я встаю рано, и потому услышал, как он на кухне бранит Джозефину дурными словами, называя ее глупой кобылой и пучеглазой сукой в присутствии мальчишек – и все потому, что она проспала и вовремя не разбудила его. Он грозил дать ей в ухо. Войдя, я велел ему оставить девушку в покое. Он без особой радости подчинился. Мне было приятно, что когда я велел ему попридержать язык в отношении собственной дочери, Джозефина улыбнулась. Я все еще задумываюсь над тем мгновением, когда услышал от нее французское ругательство. Беременность Тамасин, милостию Божией, продвигается очень благополучно, и я передаю гонцу письмо от нее Джеку».

Вздохнув, я отложил письмо. Улучшение состояния Эллен меня весьма обрадовало, хотя высказанная ею в моем отношении горечь глубоко задела. Она была права, я натворил это по собственной неловкости.

Потом я сорвал печать с письма Уорнера. К моему удивлению, он уже успел получить мое послание.

«Эшер, 7 июля 1545

Дорогой Мэтью, гонец уже привез твое письмо, поэтому я отвечаю тебе рано утром, прежде чем мы тронемся в путь. Король взял с собой лишь небольшую свиту по сравнению с обычными порядками, и нам следует двигаться так быстро, как это только возможно. Мы едем через Годалминг и Фэрхэм и прибудем в Портсмут 14-го или 15-го числа. Флот

под командованием лорда Лайла находится возле Нормандских островов, дожидаясь появления французских псов, чтобы помешать их продвижению. Затем все наши крупные корабли соберутся в Портсмуте, чтобы приветствовать его величество. Теперь, похоже, не осталось никакого сомнения, что нападение французов придется именно туда. У них есть свои шпионы, а у нас свои.

Я получил известие от человека, очень толкового, которого посылал разузнавать о Николасе Хоббее. Хоббей и в самом деле серьезно пострадал в делах семь лет назад, вложив свои капиталы в континентальную торговлю, как раз в то время, когда он покупал дом и лес в Хэмпшире. Он оказался в долгу у лондонских ростовщиков. По моему мнению, он купил опеку над этими детьми, надеясь соединить их земли со своими посредством брака, а до той поры незаконно получить выгоду от их леса, чтобы покрыть свои долги перед кредиторами. Сэр Квинтин Приддис, насколько мне известно, более прочих феодариев знаменитый своей продажностью, помог ему подделать бухгалтерские книги.

Странная новость пришла из Суда по делам опеки. Старший клерк суда Гервасий Миллинг найден мертвым в собственном архиве, который, как мне сказали, представляет собой гнилое подземелье, полное скверных гуморов. Он случайно запер себя там вечером во вторник и был найден мертвым в среду утром, на следующий день после вашего отъезда. Должно быть, у него была слабая грудь, и дурной воздух погубил его. В тот день мне пришлось посетить суд по делам ее величества, и все адвокаты говорили только об этом. Хотя говорили и то, что Миллинг был острожным человеком. Впрочем, один только Господь знает, когда пробьет час каждого из нас. Ее величество просила послать вам добрые пожелания. Она надеется на прогресс в вашем расследовании. И полагает, что вам будет лучше всего как можно скорее оказаться на пути в Лондон.

Ваш друг, Роберт Уорнер».

Опустив письмо на колени, я посмотрел на Барака:

– Умер Миллинг. Его нашли запертым в Вонючей комнате. Он задохнулся.

С этими словами передал помощнику письмо.

– Итак, Хоббей был в долгах, – проговорил он, закончив чтение.

– Да. Однако Миллинг ни за что на свете не вошел бы в Вонючую комнату, не вставив между створкой и порогом тот самый камень. Он боялся находиться там, у него начиналась одышка в этом подвале.

– Ты хочешь сказать, что его кто-то запер там? Но для этого надо было знать, что у него слабая грудь.

– Не могу представить себе, чтобы он легкомысленно отнесся к этой двери.

– Но ты не предполагаешь, что какой-то агент Приддиса или Хоббея убил его, не так ли? И потом, зачем им это? Ты ведь уже видел все бумаги.

– Если только Миллинг не знал чего-то еще. Ты еще не забыл про смерть Майкла Кафхилла? Итак, мы имеем вторую внезапную смерть человека, связанного с этим делом.

– Ты был уверен в том, что Майкл покончил с собой. – Барак в нетерпении возвысил голос. – Клянусь гвоздями господними, если Хоббей и надувал Хью, продавая его лес, то не более, чем на сотню фунтов в год! Зачем ради этого убивать людей, имея шанс попасть на виселицу?..

Нас прервал стук в дверь. Джек настежь распахнул ее. За дверью оказался молодой человек, один из слуг Николаса.

– Сэр, – проговорил он, – мастер Хоббей и мистрис Абигайль вместе с мастером Дириком приглашают вас выпить бокал вина перед обедом. Не присоединитесь ли вы к ним?

Я направился в свою комнату, где умыл лицо и шею в тазике с водой, который прислал наверх Фальстоу, переоделся в свежую одежду и вышел из дома. Возле крыльца были расставлены кресла. Хоббей, Абигайль и Дирик уже находились там, а между ними, на расставленном столике помещался внушительный графин с вином. Амброуз только что вынес поднос со сладостями. Хозяин поднялся и улыбнулся.

– Итак, мастер Шардлейк, – проговорил он самым непринужденным образом. – Вы совершили дальнее путешествие. Садитесь же, насладимся бокалом вина и этим прекрасным и тихим днем! И вы, Фальстоу, отдохните от своих трудов и присоединитесь к нам.

Управляющий поклонился:

– Благодарю вас, сэр. Не хотите ли вина, мастер Шардлейк?

Он передал мне кубок, и мы оба сели. Абигайль бросила в мою сторону очередной резкий и полный вражды взгляд. Винсент с прохладцей кивнул.

Хоббей обвел взглядом свои владения. Лицо его оставалось задумчивым. Тени в саду уже удлинялись. Ламкин дремал под своим деревом. На ветвях недалекого дуба заворковал голубь. Николас улыбнулся.

– Вон, – проговорил он, указывая на дерево. – Их двое, повыше, видите?

Я посмотрел на двух упитанных серых птиц, сидевших на ветке.

– В вонючем Лондоне такую парочку не увидишь, – заметил Дирик.

– Да, – согласился мастер Хоббей. – Сколько же дней, сидя в своей конторе, я смотрел на мусор, оставленный на берегу Темзы отливом, и мечтал о том, чтобы зажить подобным образом! В тишине и покое… – Он покачал головой. – Странно даже подумать, что где-то совсем рядом готовятся к войне.

Со вздохом хозяин имения продолжил:

– Что ж, завтра, в Портсмуте, мы увидим все приготовления. А я-то всегда мечтал только о мирной жизни и желал ее – и себе, и своим родным. – Он посмотрел на меня с неподдельной печалью на лице. – Хотелось бы, чтобы Хью и мой сын поменьше думали о войне.

– В этом я согласен с вами, сэр, – проговорил я. Передо мной открывалась другая сторона души этого человека. Этот жадный и, вероятно, развращенный сноб был, тем не менее, предан своей семье и мечтал о спокойной деревенской жизни. Нет, конечно же, нет – этот человек не способен подстроить два убийства!

– Винсент также получил сегодня письмо. – Николас повернулся к Дирику: – Что нового пишет ваша жена о себе и о детях?

– Жена пишет, что мои дочери капризничают и скучают по мне. – Мой коллега бросил в мою сторону жесткий взгляд. – Как ни хорош ваш дом, сэр, но я предпочел бы находиться у себя дома.

– Что ж, будем надеяться на то, что ваше желание скоро исполнится.

– Когда позволит мастер Шардлейк, – негромко и с легкой укоризной проговорила Абигайль.

– Будет тебе, моя дорогая, – умиротворяющим тоном проговорил Хоббей. Не отвечая, его жена потупила взгляд и отпила небольшой глоток вина.

– Как сложились ваши дела в Сассексе, брат Шардлейк? – спросил Дирик. – Фальстоу сказал, что вы столкнулись там с трудностями.

Он улыбнулся, давая понять, что семья обменивается с ним информацией.

– Дело оказалось более сложным, чем я ожидал. Однако подобная ситуация типична для многих дел. – Я встретил его взгляд. – В них обнаруживаются неожиданные слои.

– Какой-нибудь арендатор влечет невезучего лендлорда в суд? – предположил Винсент.

– Ну-ну, брат! – с ехидцей ответил я. – Я ничего не могу сказать вам. Согласно требованиям профессии.

– Естественно. Этот горемычный лендлорд может обратиться за советом ко мне.

– Мастер Шардлейк, – вновь подал голос Николас. – Скажите, а сумеете ли вы завершить свои дела здесь до нашей охоты?

– Не уверен. Послушаем еще, что скажет Приддис.

Лицо Дирика потемнело:

– Боже мой, но все уже сделано! Вы только затягиваете…

Хоббей поднял руку:

– Никаких споров, джентльмены, прошу вас! Смотрите-ка, мальчики вернулись.

В воротах появились Хью и Дэвид с рослыми гончими на поводках. Хоббей-младший нес на плече большой мешок с дичью.

Абигайль проговорила резким тоном:

– Опять эти псы! Я же говорила ему, чтобы они проводили их задними воротами…

Все произошло так быстро, что никто из нас не успел даже шевельнуться, и все мы лишь с ужасом следили за происходящим. Обе гончие обратили свои узкие морды к Ламкину. Песик вскочил на ноги. И тут поводок выскользнул из руки Дэвида и вспорхнул в воздух за громадным псом, огромными, летящими прыжками бросившимся к спаниелю. Рванулся вперед и борзой Хью, вырвав поводок и из его руки. Ламкин ринулся наутек, улепетывая в сторону цветника с неожиданной для этого толстяка скоростью, однако немногие животные на земле сумели бы уйти от этих борзых. Пес Дэвида поймал маленького спаниеля внутри цветника… опустив голову, он поднял ее уже с Ламкиным в зубах. Маленькие белые ножки тщетно сопротивлялись: борзой сомкнул челюсти, тельце спаниеля содрогнулось, брызнула кровь. Гончая большими скачками вернулась к Дэвиду и уронила Ламкина, превратившегося в груду окровавленной шерсти, к ногам своего хозяина. Абигайль замерла, впившись ногтями в щеку. С губ ее сошел жуткий звук – не столько вопль, сколько дикий пронзительный вой.

Юноши смотрели вниз, на кровавое месиво, которое псы уже рвали на части. Дэвид казался потрясенным. Однако я успел заметить тень улыбки, пробежавшую по его лицу, когда он выпустил поводок. На лице Хью застыло бесстрастное, сосредоточенное выражение. Интересно, подумал я, общая ли это задумка или одного только хозяйского сына?

Полный горя вопль мистрис Хоббей неожиданно смолк. Стиснув кулаки, она бросилась вперед по лужайке, свистя подолом платья по траве. Дэвид отшатнулся назад, когда мать подняла кулаки и принялась молотить

его по голове, с криками:

– Злобное, злое чудовище! Монстр! Почему ты мучаешь меня? Ненормальное, извращенное создание!!!

Дэвид поднял руки, чтобы защитить свое лицо. Шагнув вперед, Хью попытался оттащить разъяренную женщину в сторону, однако, отбросив его руки, она завопила:

– Убирайся прочь! Ты такое же неестественное создание, как и он!!!

– Абигайль! – вскричал Хоббей. – Прекрати во имя Господне! Это всего лишь несчастный случай!

Он дрожал всем телом. Мы с Дириком обменялись взглядами, впервые оказавшись в одном и том же положении и не зная, нужно ли вмешиваться.

Хозяйка повернулась к нам. Мне нечасто приходилось видеть подобный гнев на лице человека.

– Ты глуп, Николас! – закричала женщина. – Он выпустил поводок из рук, выпустил, злобная тварь! С меня довольно… довольно с меня всех вас!!! Вам не придется больше винить меня!

Фальстоу торопливо подошел к Абигайль и взял ее за руку. Повернувшись, она отвесила ему увесистую пощечину:

– Эй, ты, убери от меня свои руки!!! Слуга! Негодяй!

Хоббей последовал за управителем и схватил ее за другую руку:

– Тихо, жена, ради бога, успокойся!

– Пустите! – Абигайль отчаянно сопротивлялась. Капюшон свалился с ее головы, и длинные, светлые с проседью пряди рассыпались по плечам. Дэвид привалился спиной к дереву и, прикрыв лицо руками, вдруг зарыдал, как дитя.

Мистрис Хоббей внезапно осела между Николасом и Фальстоу. Они выпустили ее. Обратив ко мне побагровевшее, залитое слезами лицо, хозяйка посмотрела мне прямо в глаза.

– Ты глуп, адвокат! – выкрикнула она. – Не видишь того, что находится прямо перед твоими глазами!

Голос ее дрожал. Она посмотрела сперва на Фальстоу и своего мужа, а потом на Хью и рыдающего Дэвида.

– Да возложит на вас Бог всю мою скорбь и печаль! – вскричала она, после чего повернувшись к ним спиной, бросилась мимо меня и Дирика в дом. Лица слуг виднелись во всех окнах. Николас подошел к Дэвиду, и юноша внезапно потерял сознание прямо в его руках.

– Отец, – услышал я перед этим полный муки голос младшего Хоббея.

Хью бесстрастно взирал на борзых, длинные морды которых, обагренные кровью, склонялись над последним клочком окровавленной

шкурки спаниеля.

Часть четвертая
Портсмут

Глава 24

Через час я сидел в комнате Барака.

– Это была всего лишь комнатная собачонка, – проговорил он. – Но ты уверен в том, что это не был несчастный случай?

– А ты не заметил улыбку на лице Дэвида, когда он выпустил поводок? Абигайль – его мать, однако он явно ненавидит ее, в то время как Хью относится к ней безразлично.

– Но борзой Хью тоже набросился на спаниеля?

– Мне кажется, он выронил поводок от неожиданности. Абигайль любила эту собачку, и сын просто не мог обойтись с ней еще хуже. Но что имела в виду Абигайль, называя меня глупцом… чего я не вижу из того, что находится перед моими глазами? Чего же, скажи на милость?

Джек задумался:

– Чего-нибудь, связанного с Фальстоу? Это такой надменный тип… можно подумать, что поместье принадлежит ему!

– Что бы то ни было, не думаю, чтобы Дирику был известен этот секрет. Когда Абигайль выпалила эти слова, он казался полностью ошеломленным. Так что же, во имя Господне, творится в этом доме? – Я впился пальцами в собственные волосы, словно пытаясь вытащить ими ответ из своего усталого мозга, после чего со стоном встал. – Пора идти к обеду. Бог весть, во что он превратится!

– Как же я рад тому, что завтра мы уедем отсюда! – поддержал меня Барак. – Рад даже поездке в Портсмут!

Оставив его в одиночестве, я вернулся в дом. Солнце уже опустилось краем за высокие новые трубы приорства. Слуга под надзором Фальстоу вытирал траву тряпкой, удаляя с нее следы крови Ламкина, чтобы его хозяйка не увидела ее. Дворецкий шагнул ко мне:

– Мастер Шардлейк, я уже намеревался отправиться искать вас. Мастер Хоббей просил спросить, не угодно ли вам поговорить с ним в его кабинете.

Печальный и бледный хозяин сидел в кресле за столом. Он перевернул песочные часы и смотрел на вытекавшую из верхней части струйку песка. Хмурый Дирик сидел напротив него. Я догадался, что оба успели посовещаться. Каков бы ни был исход разговора, моего оппонента он не обрадовал. В первый раз я заметил на его лице тревогу.

– Прошу вас сесть, мастер Шардлейк, – предложил мне Хоббей. – Я должен кое-что сообщить вам.

Я сел, и он негромко произнес:

– Дело в том, что после смерти бедной Эммы моя жена много лет пребывает не совсем в себе. Она страдает от необъяснимых страхов и фантазий. Прошу вас оставить без внимания недавний инцидент. Признаюсь, что я скрывал от вас, насколько… насколько несдержанной она может стать. – Бледное лицо его порозовело. – Мастер Дирик также не знал о ее болезненном состоянии.

Я посмотрел на коллегу. Хмурый взгляд его был обращен к полу. Николас же продолжил:

– Абигайль любит мальчиков. Но иногда она ведет себя очень странно – поэтому Хью держится в стороне от нее. Да и Дэвид тоже. Сегодня днем… я и в самом деле подозреваю, что она взаправду решила, что Дэвид преднамеренно спустил Аякса на Ламкина.

Я внимательно смотрел на него. Неужели Николас не заметил улыбки на лице своего сына? Затем я повернулся к Винсенту. Тот отвернулся, и я подумал: «Ты точно видел ее!»

– А что, по вашему мнению, имела в виду ваша жена, назвав меня глупцом, потому что я не вижу того, что находится перед моими глазами? – спросил я Хоббея.

– Не знаю. На нее иногда накатывают такие фантазии… – распрямившись, он широко развел узкие белые ладони. – Прошу вас только поверить в то, что до сего дня она ни разу даже не прикоснулась в гневе к Хью или к моему сыну.

Пожалуй, это действительно так, подумал я, если судить по потрясению Дэвида, когда мать набросилась на него с кулаками. Хотя, учитывая всю тяжесть его проступка, подобной реакции трудно было удивиться.

– Она назвала Хью и Дэвида неестественными созданиями. Что могла она иметь в виду? – задал я новый вопрос.

– Я этого не знаю. – Хоббей отвернулся, и я подумал, что теперь он точно лжет. Потом хозяин дома снова повернулся ко мне с прежним, полным печали выражением на лице. – Именно из-за Абигайль мы так редко общаемся с соседями. Она не хочет их видеть. – Он прикусил губу. – Но мы все-таки продолжим приготовления к охоте.

– Мне очень жаль, сэр, что она настолько несчастна. Утрата собачки еще больше расстроит ее, – сказал я.

– О, да, – с горечью в голосе согласился мастер Николас. – Ламкин

сделался средоточием ее жизни. – Он неловко, с трудом поднялся на ноги. – Впрочем, обед готов. Мы должны поесть, сохраняя достоинство перед лицом слуг. Абигайль не разделит наше общество, она удалилась в собственную комнату.

Трапеза выдалась неловкой. Фальстоу сидел с нами за столом. Если дворецкий солидного дома иногда присоединяется к семье за столом, в этом нет ничего неожиданного, однако то, как его взгляд путешествовал по лицам Хоббея, Хью и Дэвида, удивило меня. Я вспомнил слова Барака: действительно можно было подумать, что Хойлендское приорство принадлежит Амброузу.

Общий разговор не вязался. Я смотрел по очереди на каждого, пытаясь отыскать взглядом то, что находится перед моими глазами, но чего не замечал прежде, и тем не менее, ничего не увидел. Глаза Дэвида покраснели, он был раздавлен ситуацией… и как бы съежился. Сидевший возле него Хью все свое внимание обращал к трапезе. Он ел с бесстрастным видом и опущенными глазами, хотя я ощущал в нем напряжение.

Ближе к концу трапезы Хоббей-младший внезапно положил ложку и закрыл лицо ладонями, содрогаясь от рыданий. Отец через стол прикоснулся к его руке.

– Это вышло случайно, – проговорил Николас успокоительным тоном, словно обращаясь к малому ребенку. – Твоя мать со временем это поймет. Все будет хорошо. Вот увидишь. – Сидевший по другую сторону от Дэвида Хью отвернулся. Я подумал: не ревнует ли он к тому, что глава семейства предпочитает Дэвида? Впрочем, нет, оба они ему безразличны.

После обеда я отправился к комнате Дирика, постучал, и его резкий голос разрешил мне войти. Сидя возле небольшого стола, он читал письмо в свете свечи и, оторвавшись от чтения, посмотрел на меня неприветливым взглядом.

– Не письмо ли от жены читаете, брат? – начал я вежливым тоном.

– Да. Она ждет меня домой.

– Эта жуткая сцена… убийство собаки… реакция мистрис Хоббей…

– Хью она и пальцем не тронула, – резко ответил Винсент.

– Она говорила странные вещи. Назвала Хью и Дэвида неестественными созданиями, сказала, что я не вижу того, что находится перед моими глазами…

Мой коллега отмахнулся:

– Она не в себе.

– Кстати, брат, а не сообщил ли вам Хоббей нечто особенное, прежде чем пригласить меня в кабинет? Вы кажетесь мне озабоченным.

– Я беспокоюсь о собственных детях! – отрезал мой собеседник. – Но что вам известно о родительских чувствах? – Он раздраженно хлопнул рукой по письму. – Мне следовало бы находиться дома вместе с ними и с женой, а не здесь. – С яростью посмотрев на меня, он бросил: – Я следил за вами все путешествие. Вы – человек мягкосердечный, вам всегда нужен кто-то несчастный, чтобы спасти его. Вы все копаете и копаете это дело, хотя ничего не нашли. Лучше оставьте свое упрямство и отправляйтесь домой. Найдите для своих домогательств другую вдовицу.

Гнев заставил меня напрячься:

– Что вы хотите этим сказать?

– Да то, что говорят о вас во всех судах: что вы души не чаяли во вдове Роджера Элльярда после его смерти, а после того, как она оставила Лондон, готовы были облаять всякого встречного и вцепиться ему в горло.

– Чурбан, ты же ничего не знаешь!.. – вспыхнул я.

Дирик расхохотался с гневом и горечью:

– Ага, наконец-то я добился от вас мужского ответа! Послушайте мой совет, брат: женитесь, заведите собственное семейство и квохчите над ним, как встревоженная курица.

Я шагнул вперед, уже готовый ударить Винсента, когда понял, что именно этого он и добивается. Он отвлек меня от намеченных расспросов, и если я наброшусь на него, сообщит об этом в Опекунский суд и меня будут ждать неприятности. Отступив на шаг, я сказал спокойным тоном:

– Я не ударю вас, брат, вы недостойны этого. Сейчас я уйду отсюда. Но я уверен в том, что вам известно, что подразумевала Абигайль. Ваш клиент сказал вам об этом.

– Оставим эту тему, – с неожиданным спокойствием в голосе произнес Дирик. К моему удивлению, на лице его проступило страдание. – Давайте возвращаться домой.

– Нет, – ответил я и, выйдя из комнаты, аккуратно закрыл за собой дверь.

На следующее утро я рано оказался на ногах. Начиналось новое прекрасное летнее утро десятого июля. Прошло уже десять дней после нашего отъезда из Лондона. Облачившись в мантию ради предстоящего разговора с Приддисом, я вспомнил слова, сказанные Дириком вчера вечером. Ядовитые, как обычно бывало у этого человека, они, тем не менее, смущали меня. И все же, я, как и прежде, не сомневался в том, что Хоббей

открыл ему какой-то секрет – озабоченное выражение с тех пор не покидало его лицо.

Я позавтракал в кухне с Бараком. Там находилась также Урсула, не обращавшая на нас никакого внимания, если не считать небольшого кивка. Мы пошли к выходу по просторному залу, мимо гобеленов, изображавших охоту на единорога, которые сверкали яркими красками под лучами солнца. Посмотрев на охотников с луками, крадущихся среди деревьев, я подумал о том, удастся ли нам уехать до ждавшей Николаса в понедельник охоты.

– Что-то ты молчалив сегодня утром, – заметил Джек.

– Ничего особенного. Пошли.

Привели коней, и я с радостью увидел, что для меня опять заседлали Нечета. Двое молодых слуг уже сидели на лошадях: они явно собирались сопровождать нас. Хоббей вместе с Дириком склонился над какими-то бумагами, черное одеяние моего коллеги отсвечивало на солнце вороновым крылом. Неподалеку от них Хью и Дэвид разговаривали с Фиверйиром. На голове Кертиса, как и у Винсента, сидела широкополая шляпа. Я подошел к ним. Хоббей-младший покраснел и отвернулся. «Неужели он стыдится своего поступка?» – удивился я.

– Приготовились к путешествию? – спросил я у Хью.

– Да. Мастер Хоббей предлагал нам с Дэвидом оставаться, однако я не могу не увидеть флот. Мастер Николас разрешил нам проехать вдоль Портсдаунского холма и увидеть Портсмутскую гавань.

Я бросил взгляд на молодых слуг:

– А они тоже едут с нами?

– Джентльменов следует сопровождать в дороге, а Фальстоу остается, чтобы приглядывать за матерью Дэвида, – объяснил юноша. В голосе его прозвучала пренебрежительная нотка, и я с неожиданным для себя раздражением подумал: «Ты ни во что не ставишь бедную Абигайль». Затем я повернулся к Сэму:

– Вы тоже хотите повидать Портсмут?

– Интересно, каким он окажется, – рассудительным тоном проговорил клерк.

– Мы готовы, мастер Шардлейк, – окликнул меня Хоббей.

– Ага, – колючим голосом подхватил Дирик. – Не следует заставлять сэра Квинтина Приддиса ждать.

Один из слуг принес посадочную скамейку и помог Николасу подняться в седло. После чего он понес скамью к нам, и мы с Бараком уселись на коней. Устраиваясь в седле, я похлопал Нечета по боку.

А потом произошло нечто странное. Кертис собирался сесть на коня. И

в этот самый момент Сэмюель спросил его:

– А что мы увидим в Портсмуте, а, мастер Хью? – и чуть прикоснулся к его руке. Это был ничем не примечательный жест, разве что несколько бесцеремонный, учитывая разницу в общественном положении молодых людей. Однако Кертис с силой оттолкнул в сторону руку Фиверйира, едва не повалив тощего клерка на спину.

– Не прикасайся ко мне! – проговорил он с внезапным гневом. – Я этого не потерплю.

Он поднялся в седло, и Дирик свирепо рявкнул на своего помощника:

– Не смей больше повторять этого! За кого ты себя принимаешь, юный дурак?! Живо на коня!

Фиверйир повиновался с явной обидой на лице.

Когда мы проезжали через ворота, я вспомнил показания Хоббея – намек на то, что Майкл прикоснулся к Хью так, как мужчине не подобает прикасаться к мальчику. И я подумал: что, если это действительно так? Не потому ли он так жестко отреагировал на прикосновение теперь?

Дорога была устлана пылью, солнце припекало. Мы проехали мимо делянки, на которой еще трудились лесорубы, а потом направились на юг по постепенно становившемуся все более крутым склону к гребню Портсдаунского холма. Через некоторое время мы миновали один из сигнальных костров маяков, которые зажгут в случае высадки французов: к длинному и крепкому шесту на самом верху его цепью была привязана деревянная клеть, набитая сухой, окунутой в смолу растопкой. Возле него на страже стоял солдат. Я подъехал к Кертису, находившемуся во главе нашей группы возле Николаса и Дэвида, миновав при этом погруженного в раздумья и хмурившего медные брови Дирика, и заговорил:

– Еще раз благодарю вас, Хью, за одолженного мне «Токсофила».

Молодой человек, лицо которого притеняла широкополая шляпа, повернулся ко мне:

– Не стали ли вы по трезвом размышлении лучше относиться к этой книге?

– Готов согласиться, что автор ее – весьма высокоученый школяр. О стрельбе из лука мне известно немногое, однако я знаю, что многие люди превозносят это занятие. – Мне вдруг вспомнилась леди Елизавета, сидящая возле Екатерины Парр, и ее вопросы о добродетели и совести адвокатов. – Однако мне кажется, что в первой части диалога мастер Эшем слишком льстит себе самому и перебарщивает с похвалами королю. И потом, мне приходилось читать и более мастеровитые диалоги. Есть такой

писатель, Кристофер Сен-Жермен, хотя его беседа посвящена закону и политике.

– Не слышал о нем.

– Тогда Томас Мор. У вас есть его «Утопия». При всех своих недостатках Мор никогда не воспринимал себя чересчур серьезно.

Хью расхохотался:

– «Утопия» – это всего лишь выдумка! Мир, в котором все живут в мире и гармонии, в котором нет войн… – Он посмотрел мне в глаза. – Это не настоящий мир, мастер Шардлейк… этот мир не способен существовать.

– Крепко сказано для юноши ваших лет. Вы слишком молоды, чтобы помнить это, но Англия двадцать лет прожила в мире до тех пор, пока король не вторгся во Францию.

– Слушай мастера Шардлейка, – отрывисто произнес Хоббей, ехавший рядом с Хью по ту сторону от меня. – Он говорит правду.

До этого молчавший Дэвид повернулся к отцу и проговорил:

– У меня есть идея. Быть может, в Портсмуте мы сумеем найти щенка и привезти его матери?

– Нет, – решительно возразил Хью, поворачиваясь в сторону Хоббеев. – Ей нужно время. Заменить домашнего любимца нисколько не легче, чем человека.

Дэвид посмотрел на него с яростью:

– Откуда тебе это известно?

– Ты забываешь, дурак, о том, как много мне известно о скорби. – Холодный гнев в хрипловатом голосе Кертиса повеял морозцем и на меня.

– Быть может, когда-нибудь потом ты сумеешь привезти своей матери новую собачку, – умиротворяющим тоном сказал Николас. Он снова говорил с сыном, как с ребенком. «Не потому ли этот парень кажется таким незрелым?» – подумал я.

Тут один из слуг выкрикнул предупреждение, и мы выехали на обочину, пропуская две большие телеги, груженные ящиками, полными железных пушечных ядер. Из Сассекса, подумал я, хлеб для орудий Портсмута.

– Надо попробовать проехать цепочкой, – предложил Дирик. – Иначе мы будем плестись за ними целый день. – Выстроившись друг за другом, мы осторожно проехали мимо телеги. Я оказался позади Хью. Глядя на его взрытую оспинами шею, я подумал, что отдал бы шкатулку с золотом, чтобы узнать, что именно творится в этой голове. Когда мы обогнали телеги, я снова подъехал к нему.

– А ваш друг, капитан стрелков, – спросил юноша, – тоже будет в

Портсмуте?

– Полагаю, что так. – Я посмотрел мимо него на его опекуна. – Мастер Хоббей, после того, как мы повстречаемся с сэром Квинтином Приддисом, мы с Бараком задержимся, чтобы отыскать своего друга.

Николас наклонил голову:

– Как вам угодно. Однако хочу предостеречь: теперь Портсмут не блещет изысканными манерами, город полон солдат и матросов.

– А мне хотелось бы повстречаться с вашим другом, – проговорил Хью.

– Нет, – решительно заявил Хоббей-старший.

– Не думаете ли вы, что я воспользуюсь случаем и убегу к солдатам? – с насмешкой проговорил его подопечный.

Николас повернулся к нему и с неожиданной резкостью и решительностью объявил:

– Если ты попытаешься сделать это, я обращусь к властям за тем, чтобы они немедленно вернули тебя. Вот будет тогда у тебя видок перед отважными солдатами!

Кертис повернулся ко мне с насмешливой полуулыбкой:

– Мастер Шардлейк поможет вам.

– Безусловно, – согласился я без колебаний.

Мы ехали молча. По мере приближения к гребню холма подъем становился все круче. Чуть не добравшись до вершины, мы свернули налево и, проехав так примерно милю, пересекли небольшой городок и остановились возле большой ветряной мельницы. Наконец мы поднялись на самый гребень холма, и я затаил дыхание при виде открывшейся перспективы.

Перед нами раскинулась сложная панорама, составленная из суши и моря. Холм круто опускался к плоской равнине, охватывавшей колоссальную бухту, к самому узкому из устьев, открывающихся в Солент, зеленый и коричневый остров Уайт за ним. Под полуденным жаром бухта блестела, как серебряное зеркало. Прилив отступил, обнажив илистое бурое мелководье. Прямо под нами, в самом углу бухты, располагался огромный двор, огороженный зданиями, сложенными из белого камня, – как я понял, Портчестерский замок. Дальше к западу открывался другой широкий залив, другие песчаные отмели.

Старший Хоббей проследил за направлением моего взгляда:

– Это Лангстонская гавань. Она слишком мелка для больших кораблей. Между Лангстонской и Портсмутской гаванями находится остров Портси.

Я посмотрел на клин земли, разделявший оба залива. На юго-западной

оконечности острова, почти у входа в гавань, различалось темное пятно, должно быть, представлявшее собой Портсмут. В Портсмутской гавани располагалось множество кораблей. Отсюда, с высоты, они казались просто крошечными, однако несколько судов, не спустивших с мачт белые паруса, явно были очень большими. Военные корабли. На якоре в Соленте стояло еще больше военных судов, четыре или пять десятков, размером от крошечных до огромных.

– Флот, – завороженным голосом проговорил Дэвид. – Собравшийся ради встречи короля.

– И французов, – трезвым голосом добавил Барак.

Хью посмотрел на меня с улыбкой:

– Приводилось ли вам видеть подобное зрелище?

– Нет, – ровным голосом ответил я. – Никогда не приводилось.

– Те корабли, что стоят в Соленте, находятся на глубокой воде. Здесь много отмелей: если повезет, французы не сообразят, где находятся, и рассядутся по мелям, – усмехнулся Кертис.

– Их поведут собственные лоцманы, такие же, как у нас, – нетерпеливым тоном заметил Николас.

Я обратился к нему:

– Вот уж не ожидал, что Портсмутская гавань окажется такой огромной и что в ней окажется столько илистых отмелей!

– Возле устья гавани глубокая вода, – пояснил старший Хоббей.

– Если потребуется, сюда сможет войти весь флот, я в этом не сомневаюсь, – с гордостью проговорил Дэвид. – А пушки по обоим берегам гавани удержат французов вдали.

Посмотрев вдоль длинного гребня Портсдаунского холма, я понял, что он представляет собой часть длинной цепи холмов Саут-Даунс. И повсюду, насколько мог видеть взгляд, виднелась цепь маяков, причем возле каждого находился караул. Справа от меня оказалось большое скопление солдатских палаток.

– Поехали дальше, – предложил Николас. – До Портсмута четыре мили. Будьте осторожны, вниз ведет крутой спуск.

И мы начали спускаться к острову.

Глава 25

Мы неторопливо спускались по крутому южному склону Портсдаунского холма. Впереди нас с трудом одолевали крутой спуск две запряженные волами и груженные бревнами телеги. Благополучно проехать мимо нам никак не удавалось, поэтому наши кони замедлили шаг. Я обернулся на шум за спиной. Конь Фиверйира споткнулся, едва не выбросив молодого клерка из седла.

– Неуклюжий олух! – рявкнул на него Дирик. – Если бы я знал, что ты толком не умеешь сидеть на коне, то никогда не взял бы тебя с собой.

– Простите, – пробормотал Сэм. Я посмотрел на него, надеясь на то, что он хотя бы однажды даст отпор своему господину.

Хоббей-старший смотрел вниз, на поля острова Портси.

– А здесь есть хорошие земельные угодья, Дэвид, – обратился он к сыну, однако тот не проявил интереса. Подобно Хью, он был поглощен созерцанием кораблей, далеких пятнышек на воде гавани, постепенно становившихся все больше и больше.

Я повернулся к Николасу:

– Портчестерский замок кажется очень большим, однако внутри ограды немного зданий.

– Его строили римляне, так было у них принято, – объяснил тот. – Он был ключом к обороне Портсмутской гавани, пока верхняя часть гавани не заросла илом и это не изолировало его от моря.

Я посмотрел на остров Портси, шахматную доску полей на нем и невозделанные участки, полные коров и овец. Было заметно, что на дорогах многолюдно: люди и повозки направлялись к городу. Я вглядывался в гавань; время от времени вид мне заслоняли деревья и здания, однако постепенно я начал более четко различать корабли. Несколько длинных и низких кораблей быстро скользили по воде, а четыре огромных военных корабля стояли на якоре. На таком расстоянии все они походили на игрушечные. Интересно, а не находится ли Ликон со своими людьми на одном из этих судов? Возле бортов меньших судов угадывалось какое-то движение, подобное шевелению ножек насекомого.

– А это что за корабли? – спросил я у Хью.

– Галеасы… корабли, которые ходят под веслами и под парусами. Наверное, там сейчас учат гребцов.

Мы ехали дальше, и дорога милостиво начала становиться менее

крутой. День опять был жарким и влажным, и я пропотел под своей мантией. Полоска деревьев заслонила от меня море, однако теперь я яснее видел остров. Несколько скоплений белых точек – должно быть, солдатских шатров – были разбросаны вдоль берега. Возле узкого входа в гавань город был окружен стенами, за которыми находились другие шатры. С двух сторон городских стен располагались, похоже, заболоченные озера. Можно было понять, что Портсмут представляет собой природную крепость.

Кертис указал на квадратное белое сооружение на середине берега.

– Замок Саутси, – с гордостью проговорил он. – Новая крепость короля. Отсюда пушки могут стрелять далеко в море.

Посмотрев на Солент, я вспомнил свое возвращение домой из Йоркшира в 1541 году и все, что случилось потом. И поежился.

– Все ли с вами в порядке, мастер Шардлейк? – внимательно посмотрел на меня Хью.

– Гусь потоптался по моей могиле.

От подножия холма дорога пошла по земляным насыпям, проходящим над болотами. Над узкой полоской воды был проложен каменный мост. На противоположной стороне, где земля снова поднималась, располагался солдатский стан. Сидя вокруг палаток, солдаты что-то вырезали или зашивали, а некоторые играли в карты или кости. Стража на мосту проверяла содержимое ехавшей впереди нас телеги.

– Лишь эта дорога связывает остров Портси с материком, – проговорил Николас Хоббей. – Если французы захватят ее, остров будет отрезан.

– Наши пушки потопят их флот и не допустят никакой высадки, – уверенным тоном проговорил Дэвид. Целиком углубившись в окрестности, он явно забыл про Ламкина и побои от рук матери. И все же, на лице его лежала какая-то тень.

Подошедший солдат спросил о том, какое дело ведет нас в Портсмут.

– Судебное, – коротко ответил Хоббей-старший. Бросив взгляд на наши с Дириком мантии, солдат жестом пригласил нас продолжать путь. Кони наши простучали копытами по настилу моста.

Мы ехали по острову, по пыльной дороге между двумя рядами деревьев. Повернувшись к своему опекуну, Хью проговорил с непривычной почтительностью в голосе:

– Сэр, а не могли бы мы подъехать поближе к кораблям и посмотреть на них?

– Да, прошу тебя, отец! – с пылом присоединился к его просьбе Дэвид.

Николас с приязнью посмотрел на сына:

– Ну, хорошо.

Мы свернули на боковую дорогу и направились в сторону воды – к большой верфи, где работали дюжины людей. Несколько деревянных дерриков поднимались над невысокими сооружениями, в том числе над невысоким и узким сараем, в котором отрезки каната сплетались в более толстые, длиной при необходимости в дюжины футов. Вокруг были разбросаны большие бревна, и плотники деловито распиливали их на доски разного размера и формы. Во врезанном в берег грязевом затоне находился небольшой корабль, подпертый толстыми жердями. Работники с усердием чинили его, неустанно стуча молотками.

Оказавшись к югу от верфи, мы немедленно свернули на юг и остановили коней на илистой равнине у моря, с которого дул приятный ветер. Пахло солью и гнилью, грязь покрывали зеленые водоросли. Восемь галеасов длиной десятков в шесть футов каждый с окованным железом тараном на носу и несколькими пушками, выглядывавшими из орудийных портов, ровно и быстро скользили по спокойной сине-зеленой воде, невзирая на угловатые очертания. Они шли сразу под парусами и веслами, длинные ряды которых вздымались по обоим бортам. До моего слуха доносился ровный бой барабанов, задававших ритм гребцам. Галеасы шли с впечатляющей скоростью. Мы дружно вздрогнули, когда один из них выпалил из всех пушек. Следом за грохотом из жерл повалили клубы черного дыма. После залпа корабль развернулся с удивительной быстротой.

Дирик тревожно посмотрел в сторону корабля, и Хью насмешливо усмехнулся:

– Не волнуйтесь, сэр, они практикуются с холостыми зарядами. В пушках нет ядер. Нет никаких причин для испуга.

Винсент с гневом посмотрел на него.

– Именно маневренность делает их такими опасными для врага, – с гордостью проговорил Кертис.

Взор мой обратился к четырем огромным военным кораблям, стоявшим на якоре на некотором удалении друг от друга. Их паруса были собраны на реях, и суда непринужденно покоились на спокойной воде. Огромные, они напоминали настоящие замки, и галеасы рядом с ними казались карликами. За кормой каждого из них находился большой гребной баркас, предназначенный, конечно, для перевозки с берега людей и припасов. Зрелище казалось необычайным: нетрудно было понять, что подобную картину доведется увидеть не всякому. Корабли с их чистыми очертаниями и идеальной уравновешенностью на воде были прекрасны.

Высоченные борта бака и юта и узкие талии посередине были ярко окрашены в цвета Тюдоров: доминировали везде зеленый и белый. Над каждым кораблем поднимались четыре колоссальные мачты, самые высокие из них вонзались в воздух на высоту в сто пятьдесят футов, вознося к небу флаги Англии и английской королевской династии. Крупнейший же из кораблей просто повергал в головокружение. Я понял, что это и есть «Грейт-Гарри», флагманский корабль короля. С его флагштока свисал огромный флаг с королевским гербом. Я видел, как по палубам взад и вперед двигаются крошечные фигурки, а по вантам муравьями ползают другие матросы. На вершине мачт я тоже разглядел матросов, стоявших в небольших круглых гнездах.

– Это боевые помосты. Ваши стрелки могут оказаться там, – заметил Дэвид.

Даже на таком расстоянии и со спины коня мне приходилось задирать голову, чтобы рассмотреть верхушки мачт. Сотни чаек кружили вокруг кораблей и пикировали в воду, издавая свои громкие печальные крики.

– Чтобы люди могли делать подобные вещи… – мечтательно промолвил Хью.

Два галеаса поравнялись с «Грейт-Гарри». С удивительной быстротой они затормозили, окунув весла в воду. Барабаны умолкли. Оба судна заняли позиции для стрельбы бортом в огромный линейный корабль, а затем барабан загремел вновь, галеасы развернулись и помчались к входу в гавань. Прочие галеасы производили столь же быстрые маневры возле других крупных судов. Идут учения, понял я, готовимся к встрече французских боевых кораблей.

Дэвид решительно указал на второй по величине линейный корабль. Он находился ближе всех к нам, быть может, не далее четверти мили. Он располагал длинным и высоким ютом и еще более высоким баком, от которого футов на пятьдесят отходил длинный бушприт, поддерживавший сложное переплетение оснастки. Под бушпритом был прикреплен круглый щит, раскрашенный концентричными окружностями красного и белого цвета.

– Роза, – сказал Дэвид. – Это «Мэри-Роз».

– Любимый корабль короля, – заметил Хью. – Если бы только мы увидели, как они плывут! Потрясающее, наверное, зрелище…

На палубе юта «Мэри-Роз» я заметил клетку, сделанную, похоже, из какой-то сетки, удерживавшуюся на месте деревянными стойками. «Что бы это такое могло быть?» – подумал я.

Дирик указал на подобие ребер некоего гигантского зверя, торчавшее

из ила неподалеку от нас.

– А это что такое? – спросил он у старшего Хоббея.

– Шпангоуты корабля, севшего на мель. Отмели здесь опасны, и большим военным кораблям приходится быть осторожными в гавани. Поэтому весь флот и находится около Спитбанки. – Николас покачал головой. – Если придут французы, ввести весь наш флот в гавань будет трудно, если не невозможно. Мне говорили, что для поворота на якоре им требуется две сотни ярдов.

– Как раз на расстоянии полета стрелы, – заметил Кертис.

– Будут новые корабельные ребра на отмели в самое ближайшее время, – с печалью в голосе проговорил Фиверйир.

– Ты не оптимист, – обратился к нему Барак.

– Тебе все бы шутить! – рассердился Сэм. – А война – дело неблагочестивое, и Бог карает творящих такие дела.

– Нет, – возразил Хью. – Наши корабли разделаются с французами, как было при Гарри Пятом. Посмотрите на них – они просто чудо! Если французы подойдут близко, мы возьмем их корабли на абордаж и уничтожим. Хотелось бы поучаствовать в этом.

– А вы умеете плавать? – спросил я.

– Я умею, – с гордостью ответил Дэвид.

Однако Кертис покачал головой:

– А я так и не научился. Но мне рассказывали, что мало кто из матросов умеет плавать. В случае чего большинство пойдет ко дну под тяжестью собственной одежды.

Я повернулся к нему:

– А вас не пугает подобная мысль?

Юноша посмотрел на меня с уже привычным отсутствием выражения на лице:

– Нисколько.

– Его защитит эта кость, которую он не снимает, – отозвался Дэвид с легкой насмешкой в голосе.

– Как так? – удивился я.

– Считается, что она не позволяет оленю умереть от страха, – усталым голосом проговорил Хоббей-старший.

– Вполне возможно, – пробормотал Хью.

Я посмотрел поверх коротко стриженных голов обоих юношей на приподнявшего брови Николаса. В этом вопросе мы с ним были на одной стороне.

Мы подъехали к городским воротам, оказавшись в конце очереди направлявшихся в город повозок. Чуть подальше возле стен я заметил виселицу, на которой уже кто-то висел. На невысоком пригорке между дорогой и одним из больших прудов, располагавшихся по бокам города, разместился еще один армейский лагерь – примерно сотня островерхих конических шатров. Сами солдаты сидели снаружи: один из них, как я заметил, чинил бригандин. Стоя на коленях, он зашивал лежавшую на земле тяжелую с вшитым железом куртку. Вдали от берега воздух снова сделался сырым и душным: большинство солдат скинули безрукавки, оставшись в рубашках. Одна из групп, впрочем, оставалась в коротких белых кафтанах с вышитыми на спине двумя красными крестами: должно быть, в какой-то деревне придумали собственную версию официального облачения.

Внимание Хью и Дэвида привлекло ставшее для меня таким знакомым зрелище: в паре сотен ярдов от нас на скорую руку были насыпаны валы, и несколько солдат практиковались с длинными луками, стреляя по устричным раковинам.

– Едем дальше, – многозначительно произнес Николас Хоббей, и юноши неохотно отвернулись от стрелков.

Мы подъехали к городским стенам. Окруженные похожей на настоящий ров канавой, они достигали тридцати футов и, к моему удивлению, были сложены не из камня, а из утрамбованной глины. Только небольшие зубчатые парапеты наверху и крупные бастионы были сложены из камня. Люди все еще работали на стенах: некоторые из них свисали сверху на веревках, накладывая новые слои глины и укрепляя их плетенками и досками. Главные ворота окружал внушительный каменный бастион, и его округлая вершина щетинилась пушками. Солдаты расхаживали по идущей поверху боевой платформе. Здесь, вблизи, Портсмут казался, скорее, поспешно возведенным замком, чем городом.

Мы стали в конец длинной очереди повозок, ожидавших пропуска в ворота, находившиеся на небольшом пригорке, к которым вел перекинутый через ров мост.

– Эта глинобитная стена совсем не похожа на стены Йорка, – обратился я к Бараку.

– Это часть укреплений, которые лорд Кромвель ставил по всему побережью в тридцать девятом году, когда казалось, что испанцы вместе с французами вот-вот нападут на нас, чтобы вернуть под власть папы. Их возводили в большой спешке. Прекрасно помню, как это не давало ему спать по ночам, – отозвался мой помощник невеселым тоном.

– О, небо, как здесь воняет! – вздохнул старший Хоббей. Он был прав: тяжелый запах сортира просто висел в воздухе. Взгляд Николаса обратился к палаткам. – Эти солдаты пользуются Мельничным прудом как сточной канавой. Свиньи!

– Вот еще хрень… куда еще здесь стекать нечистотам?! – возмутился Джек себе под нос. Он прав, подумал я. Мерзкой жиже некуда было деваться, кроме болот, окружавших город. С течением времени зловоние станет еще хуже, угрожая болезнями.

Все мы повернулись на низкий и свирепый животный рык. Сзади к нам подкатил тяжелый воз, запряженный четырьмя рослыми конями. Рев этот исходил от запертого в большой железной клетке крупного мускулистого быка.

– Будет травля быка, – предположил я, обратившись к Бараку.

– Наверное, собаками, для развлечения солдат, – согласился тот.

Посмотрев вперед, мы увидели, что за воротами располагается сложный замкнутый барбикан[34] и что впереди застряла повозка, груженная пушечными стволами. Позади нас пристраивались все новые и новые повозки.

– Мы застрянем здесь на всю жизнь, – нетерпеливо проговорил Дирик.

– Мастер Шардлейк! – Я повернулся, услышав собственное имя. От палаток к нам бежал молодой человек. Я улыбнулся, узнав Стивена Карсвелла, рекрута из Ликоновской роты, мечтавшего стать драматургом. Подвижное и веселое лицо его теперь покрылось густым загаром. Он поклонился нам. – Так, значит, сэр, вы тоже приехали в Портсмут?

– Ага, по делу. Мы только что видели в гавани корабли и подумали, что вы уже на одном из них.

Карсвелл покачал головой:

– Мы еще не были на кораблях… застряли в лагере. Но капитан Ликон здесь, неподалеку. Я могу отвести вас к нему. Не сомневаюсь, он будет рад встрече. Вы еще простоите здесь, – добавил он, бросая опытный взгляд на людей, суетившихся возле застрявшей в воротах повозки.

Бык снова гневно промычал, качнув свою клетку. Конь одного из наших слуг попятился и встал на дыбы, так что всадник едва сумел удержать его на месте. Окружающие развеселились.

– Ваши лошади будут спокойнее, если вы переждете на обочине, пока проедет мимо повозка с быком, – посоветовал Стивен.

Кивнув, Хоббей спешился и повел коня в сторону. Все мы последовали его примеру, оставив одного из слуг стеречь место в очереди.

– Думаю, что Карсвелл прав, – сказал я Хоббею. – Схожу-ка

повидаюсь с приятелем, хотя бы на несколько минут. До назначенной встречи с сэром Квинтином у нас остается еще много времени.

– Но только на несколько минут, сэр, прошу вас, – отозвался Николас.

Мы с Бараком в сопровождении шутника-рекрута направились к палаткам. Эта встреча с Ликоном позволяла мне спросить его о Филипе Уэсте. Я загодя решил повидаться с ним, если позволят обстоятельства.

– Ну и воняет у нас тут, правда? – усмехнулся Карсвелл.

– Похуже, чем на берегу Темзы, – согласился Джек.

Стивен посмотрел на меня:

– А вы не забудете, сэр, что обещали помочь мне? Когда мы вернемся в Лондон?

Я улыбнулся:

– Не забуду.

– Так хочется домой… так противно ждать, сидя в этой вони, как свинья в хлеву! Нас не пускают в город, и я слышал, что и матросам приказано оставаться на кораблях. Они боятся, что мы побьем или испугаем всех этих торговцев, выторговывающих лишний пенс на наших нищенских рационах. Но мне часто говорили, что вся солдатская жизнь – сплошное ожидание.

– Так вы еще не были на кораблях? – спросил Барак.

– Не были. – Голос рекрута сделался серьезным. – Один из наших парней едва не обеспамятел, когда увидел эти суда вблизи – многие из нас никогда не видели моря. – Он неловко усмехнулся. – Представим себе это зрелище в пьесе… эти парусники и галеасы. Матросы на них – преступники и попрошайки, которым не хватает сил для подобной работы. Некоторые валятся на палубу от усталости, и вечерами море выбрасывает их тела на берег. – Голос его вновь приобрел шутливый оттенок. – А как по-вашему, сэр, если бы я смог привести вас во всем этом адвокатском облачении к нашему командиру, графу Саффолку, сумели бы вы найти предлог, позволивший бы мне покинуть армию? Скажем, что я и опасность как-то несовместимы?

Я рассмеялся:

– Увы, Карсвелл, возможности адвокатов не простираются так далеко.

Мы уже шли посреди шатров, то и дело перешагивая через растяжки. Некоторые из знакомых нам солдат роты махали нам руками и выкрикивали приветствия. Сидевший возле своего шатра и что-то вырезавший на рукоятке ножа Угрюм одарил меня неприязненным взглядом. Карсвелл остановился перед просторной палаткой, над которой на небольшом шесте трепыхался флажок с крестом святого Георгия. Ликон

как раз приподнял полог шатра.

– Капитан, сэр, – обратился к нему Стивен. – К вам гость.

На голове Джорджа Ликона сидел круглый шлем, его кафтан прикрывал полудоспех, а на поясе у молодого человека висел меч. Полог шатра приоткрылся, и я увидел юного валлийца Тома Ллевеллина с ящиком документов в руках. Обеспокоенное выражение на лице Ликона при виде нас сменилось улыбкой:

– Мастер Шардлейк! Джек Барак!

– Мы в Портсмуте по делу. У ворот получился затор, а молодой Карсвелл заметил нас и привел сюда.

– Хорошо! Как поживает твоя жена, Джек?

– Очень неплохо, если судить по ее последнему письму.

– Джордж, – проговорил я, – мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

– О вашем домоправителе, который говорит, что был при Флоддене? У меня есть кое-какие новости на сей счет.

– В самом деле? Интересно будет послушать. А кроме того, Джордж, я ищу еще одного человека, который может оказаться в Портсмуте. Это важно. Имя этого человека – Филип Уэст, и он должен быть офицером на одном из кораблей королевского флота.

– Тогда он здесь. Вы слышали, что корабли эскадры лорда Лайла уже пришли? У них была стычка с кораблями врага возле Нормандских островов. Но, увы, сейчас мне нужно идти: в городе назначен совет капитанов, и мне пора присоединиться к сэру Франклину Гиффарду. – Капитан повернулся к Ллевеллину. – Я беру с собой юного Тома: среди капитанов много валлийцев, а отец научил его этому языку. – Он поднял брови. – Дипломатия…

Юноша взволнованно улыбнулся.

– А не могли бы мы встретиться в городе чуть попозже? – спросил Ликон. – Где-нибудь днем?

– Безусловно. У нас назначена встреча в гостинице в десять утра, но после нее мы будем свободны.

– Что, если нам отобедать в таверне «У красного льва», часов, этак, в двенадцать?

– Мне будет очень приятно.

– Я попрошу одного из тех офицеров, с которыми встречаюсь, задержаться и кое-что рассказать вам. Он может поведать интересную повесть о добром мастере Колдайроне.

– А какие новости в твоей роте? И как твои дела, Ллевеллин? – не оставил я без внимания и юного лучника.

– Хорошо, сэр, – ответил тот. – Хотя эти корабли попервоначалу прямо испугали нас.

– Ну да, – согласился Джордж. – Если ребятам предстоит воевать на них, они должны как-то привыкнуть к морю. Однако те, кто распоряжается нами, предпочитают спорить о том, каким образом нас лучше использовать, но не делают ничего, ограничиваясь тем, что рассказывают мне, как они ценят нас в качестве основных стрелков. – Он тяжело вздохнул. – Пошли… проводите меня до дороги!

Мы направились через ряды палаток.

– А что нового слышно о французах? – спросил я.

Капитан чуть опередил желавшего ответить Ллевеллина:

– Ничего хорошего. Больше двух сотен кораблей собрались во французских портах и на них погрузили тридцать тысяч солдат. На прошлой неделе эскадра лорда Лайла столкнулась с вражескими галерами возле Нормандских островов. Погода резко ухудшилась, и потому настоящего дела не получилось. Если они высадятся здесь, нам потребуются все люди до последнего. – Он обратил ко мне полный серьезности взгляд. – Французские галеи велики и быстры, они лучше наших галеасов, и гребут на них рабы, испытанные в средиземноморской войне. У них две дюжины таких кораблей. – Он печально посмотрел на меня и добавил: – А знаете, сколько у нас таких галей? – Я покачал головой. – Всего одна! – воскликнул мой собеседник.

– А когда они могут прийти?

– Через неделю, быть может, через две. Многое зависит от погоды, как всегда бывает на море.

Мне хотелось тут же поговорить о Колдайроне, однако Ликон явно торопился. Мы уже вышли из палаточного лагеря. Тут Барак указал на стрелков и расхохотался:

– Ну, посмотрите-ка!

Вопреки запрету старшего Хоббея, Хью и Дэвид спешились и присоединились к лучникам. Кертис как раз натягивал взятый у кого-то длинный лук и на наших глазах послал стрелу в полет. Она угодила прямо в устричную раковину, разбив ее на куски. Солдаты принялись аплодировать. В общей группе я заметил Угрюма, а его враг Голубь стоял чуть поодаль. Находившийся в конце стрельбища солдат подбежал к валу и поместил там новую раковину в центре мишени.

– Смотрите, какой молодец, сэр! – с восхищением обратился к Ликону Ллевеллин.

Хью передал лук Дэвиду. Пущенная им стрела вонзилась у края

раковины, и стрелок нахмурился.

– Кто эти ребята? – с любопытством спросил Джордж.

– Сын хозяина дома, в котором мы гостим, и его подопечный, – сказал я и тут заметил, что Николас и Дирик взволнованно беседуют с герольдом Снодином, стоявшим, уперев руки в бока, с агрессивным выражением на красной физиономии. Хью вновь нагнулся к луку, а мы направились к Хоббею-старшему и моему коллеге.

– Прогоните их оттуда! – кричал Николас Снодину в большем гневе и волнении, чем когда бы то ни было. – Прикажите своим людям немедленно прекратить стрельбу!

– Но им приказано тренироваться, – пробасил в ответ герольд, – это требование самого сэра Франклина Гиффарда. – Заметив нас с Ликоном, он указал движением мясистой руки. – Вот, если хотите, поговорите с мастером вице-капитаном.

Коротко кивнув Хоббею и Дирику, Джордж проводил взглядом другую стрелу, снова пущенную Хью прямо в раковину и снова разбившую ее. Николас вцепился в руку Ликона:

– Кажется, вы капитан этого сброда? Прогоните моих мальчишек со стрельбища! Они нарушают мой недвусмысленный приказ…

Мой бывший клиент оттолкнул его руку.

– Мне не до вас, сэр! – резким тоном проговорил он. – Мальчишки они или нет, но немногие из взрослых способны так натягивать лук и так попадать в цель. Они очень хорошо подготовлены.

– Из них получатся отменные рекруты, – насмешливо промолвил Снодин. – Особенно из того, что повыше.

– Наглый пес! – возмутился Хоббей-старший.

В разговор вступил Дирик:

– Капитан Ликон, в городе нам назначена встреча с хэмпширским феодарием. Мы опаздываем. – Он посмотрел на ворота. Препятствие было уже устранено, и телеги медленной вереницей втягивались внутрь. Клетка с быком оказалась уже перед самыми воротами.

– По-моему, будет лучше, если вы подзовете Хью и Дэвида, – обратился я к Джорджу.

– Для вас, мастер Шардлейк, безусловно. Вежливость у вас в крови, – улыбнулся вице-капитан и крикнул лучникам: – Прекратите стрельбу! А вы, двое юнцов, подойдите сюда!

Кертис неохотно вернул лук его обладателю, после чего они с Дэвидом подошли к нам. Ликон улыбнулся обоим:

– Хороша работа, парни. Отличная стрельба. – Он посмотрел на

Хью. – Ты попал в центр мишени два раза подряд, молодой человек.

– Мы практикуемся каждый день. – Воспитанник Хоббеев смотрел на Джорджа едва ли не с благоговением. – Сэр, а нам удастся отразить французов?

– Тебе уж точно не удастся! – Все еще не успокоившийся опекун схватил его за плечо. Дэвид вздрогнул и попятился с явным выражением испуга на лице. Итак, он вовсе не забыл про вчерашнее…

Кертис повернулся к Николасу с покрасневшим от гнева лицом:

– Отпустите меня!

Какое-то мгновение мне казалось, что он вот-вот ударит опекуна.

– Хью, – негромко проговорил я.

К моему облегчению, юноша сбросил с плеча руку старшего Хоббея и направился к лошадям.

– До встречи, – проговорил я, обращаясь к Ликону. – Прости за это недоразумение.

Капитан кивнул.

– Возвращаемся к делу, чертяки! – крикнул он солдатам.

Вновь усевшись на коней, мы поехали к воротам. Ликон и Ллевеллин уже вошли к этому времени в башню. Караульные солдаты вновь спросили нас о нашем деле в городе, после чего пропустили нас внутрь. Проезжая через барбикан к солнечному свету, я услышал доносящийся изнутри ровный бой барабанов.

Глава 26

Внутри городских стен Портсмут еще больше походил на замок. Город со всех сторон был окружен земляными стенами, постепенно сравнивавшимися изнутри с землей, где клали дерн, чтобы валы не оплывали. Внушительная доля огороженной стенами территории была отведена под ярмарочные площади, а сам городок оказался на удивление небольшим. Лежавшая пред нами улица была единственной полностью обстроенной лавками и домами. Вторые этажи домов получше выступали над улицей. Я заметил одну-единственную церковь, находившуюся ближе к морю, на квадратной башне которой виднелся еще один сигнальный фонарь.

– Это Хай-стрит, – проговорил Николас. – Мы встречаемся с мастером Приддисом в новой ратуше, которая посреди города.

Несчетные повозки превратили немощеную улицу в пыль, воздух был полон тяжелого и липкого пивного запаха. Мы проехали мимо усталых работников, босоногих матросов в шерстяных рубахах и солдат в круглых шлемах, раздобывших, по всей видимости, пропуск в город. Хорошо одетый торговец с кружевным воротником на рубашке прижимал к носу ароматический шарик, ехавший возле него клерк на ходу выкрикивал числа из списка… Как и многие другие, торговец придерживал второй рукой мошну на поясе.

Около открытых лавок шумно торговался народ. До слуха моего со стороны прохожих доносился сущий Вавилон языков: валлийский и фламандский соседствовали с испанским. На каждом углу стояли небольшие группы солдат в полупанцирях и с алебардами, наблюдавшие за прохожими. Невольно вспомнились те напавшие на меня парни с угла… Городской глашатай, великолепный в своем красном мундире, расхаживал взад и вперед, звоня в колокольчик и выкрикивая:

– Все женщины, не способные доказать, что являются местными жительницами, будут завтра выставлены из города как проститутки!

На дорогу вывалился пьяный. Потягивая из бурдюка из свиной кожи, он завопил:

– Поступайте на флот короля Гарри! Шесть шиллингов и шесть пенсов в месяц и пива сколько влезет!

На нетвердых ногах он шагнул в сторону Сэмюэля, брезгливым движением направившего коня в сторону и пробормотавшего:

– Безбожная тварь!

– А ты сам-то, Фиверйир, разве не любишь иногда промочить глотку? – поддразнил своего коллегу Барак.

– Мой викарий велит держаться подальше от таверн.

– Прямо как моя жена!

– Хью и Дэвид устроили перед воротами превосходное представление, – сказал я Сэму.

– Завидую ловкости мастера Хью, – вздохнул маленький клерк.

– А я не стал бы завидовать ему, – покачал я головой. – На мой взгляд, жизнь его не розами устлана.

Фиверйир удивленно посмотрел на меня:

– Что вы, сэр! Вы ошибаетесь. Хью хорошо воспитан… он сильный, ловкий, ученый… настоящий джентльмен. Так говорит мой мастер: вам не в чем обвинить его семью.

Пришпорив коня, он отъехал вперед.

Ратуша оказалась большим, ярко раскрашенным деревянным зданием в три этажа. Конюх принял наших коней и повел их в конюшню за домом. Хоббей-старший велел Дэвиду ждать нашего возвращения вместе со слугами на улице и при этом строго наказал держаться подальше от таверн.

– Надо полагать, вы хотите, чтобы вас сопровождал Барак, – обратился ко мне Дирик.

– Да, брат, хочу, – кивнул я.

Винсент пожал плечами:

– Тогда и ты идешь, Сэм.

Мы вошли в просторный центральный зал. Деревянная лестница вела на второй этаж. Кругом деловито сновали королевские чиновники и горожане в облачениях своих гильдий. Остановив деловитого клерка, Хоббей-старший спросил, где можно найти сэра Квинтина Приддиса.

– Он наверху, сэр, – ответил местный служащий. – В той комнате, что прямо перед лестницей. А вы те самые джентльмены, которым была назначена встреча? Боюсь, что вы слегка опоздали.

Николас повернулся к Хью:

– А все эти ваши мишени! Джентльмены не заставляют друг друга ждать.

Молодой человек пожал плечами.

Мы поднялись наверх. Барак критически огляделся:

– Деревянная ратуша?

– Обыкновенно в этом городе не насчитаешь больше нескольких сотен

жителей. Горожане живут, как в болоте, – объяснил ему я.

Мы постучали в дверь указанной клерком комнаты. Воспитанный голос пригласил нас войти. Комната оказалась небогато обставленной приемной, в которой доминировал большой дубовый стол. За ним расположились двое мужчин, а перед ними лежала аккуратная стопка бумаг. Младший из них был облачен в адвокатскую мантию: ему было чуть за сорок, и у него были длинные темные волосы и прямоугольное лицо, холодное, но симпатичное. Старший, седовласый человек в коричневом кафтане, уже разменял седьмой десяток лет. Он сидел скрючившись, одно плечо его было выше другого, и на какое-то мгновение мне почудилось, что в лице сэра Квинтина Приддиса я имею дело с собратом-горбуном. Потом я заметил, что одна сторона его лица неподвижна, а левая, лежавшая на столе рука превратилась в окостеневшую белую клешню. Должно быть, он перенес паралитический припадок. Таков был теперь тот человек, по приказу которого Эллен, невзирая на ее крики, затолкали в карету. Преподобный Секфорд описывал его как деловитого и суетливого человечка. Но теперь ему было не до суеты.

Поклонившись и распрямившись, мы обнаружили себя под взглядом двух пар одинаково проницательных голубых глаз, исследовавших нас из-за стола.

– Вижу, тут целая депутация, – небрежно, чуть шепелявя, произнес старший. – Не думал, что придется иметь дело со столькими людьми. И даже с сержантом. Значит, вы и есть мастер Шардлейк?

– Да, сэр, – снова поклонился я.

– Сэр Квинтин Приддис, феодарий Хэмпшира. А это мой сын Эдвард, мой помощник. – Старик бросил взгляд на младшего мужчину, причем, как мне показалось, без особой симпатии. – Далее знакомый мне мастер Хоббей, а этот превосходно сложенный молодой человек должен быть Хью.

Квинтин пристально посмотрел на юношу, и Кертис прикрыл ладонью оставленные оспой рытвины на лице.

– Ты здорово вырос, парень, с тех пор как я в последний раз видел тебя, – сказал ему феодарий. – Но почему ты так коротко стрижешь свои волосы? Молодому джентльмену приличествует добрая шапка волос.

– Я лучник, сэр, – бесстрастно ответил Хью. – Так у нас принято.

Сардоническая улыбка на короткое мгновение исказила правую половину лица сэра Квинтина. Хоббей-старший тем временем проговорил:

– Это мастер Винсент Дирик, представляющий мои интересы в суде. Остальные двое – клерки адвокатов.

– Боюсь, что в этом бедном помещении не хватит для всех кресел, –

вздохнул Приддис, – так что не могу предложить вам сесть. Однако надолго мы здесь не задержимся: на одиннадцать часов у меня назначено неотложное совещание. Итак, мастер Шардлейк, какие вопросы вы хотите задать мне?

Он холодно улыбнулся в мою сторону.

– Вы прекрасно знаете это дело, сэр… – начал было я.

– Не в качестве судебного диспута, – вмешался вдруг Эдвард Приддис. Он говорил спокойно и точно. – Оно известно моему отцу, как феодарию, в качестве обыкновенного опекунства. Он оценивал начальную стоимость земель и после этого имел дело с рутинными запросами мастера Хоббея.

Сэр Квинтин улыбнулся кривой и безрадостной полуулыбкой:

– Как видите, мой сын также является адвокатом. Как и я сам в начале моей карьеры. Он прав, однако вы, мастер Шардлейк, усматриваете здесь повод для беспокойства.

Я заглянул в его ясные голубые глаза, однако не смог прочесть в них ничего – кроме того, что этот человек по-прежнему обладал силой и властью.

– Сэр Квинтин, – спросил я, – под рутинными запросами вы подразумеваете порубки леса на землях мастера Хью?

– Именно. Мастер Хоббей всегда полагал настоящие времена в высшей степени подходящими для пользования потребностью в лесе. Я посоветовал ему, согласно закону, выделить доход мастера Хью. В таком случае пользование ресурсом представляет собой не его растрату, а скорее, мудрое использование предоставляемых рынком бенефиций.

Эдвард опустил ладони на стопку бумаг:

– Вот отчеты о собеседованиях моего отца с мастером Хоббеем. Вы можете ознакомиться с ними.

– Меня беспокоит то, что цифры, приведенные в отчетах мастера Хоббея, могут не отражать то количество первосортного дуба, которое я видел в оставшихся теперь лесах.

Николас бросил в мою сторону острый взгляд, а Дирик обратился к Приддису:

– В вырубленной части леса было много меньше дуба, чем в оставшейся.

– Вам пришлось осмотреть земли, прежде чем лес был вырублен, сэр, – сказал я Приддису.

– Помню, там был смешанный лес, – отозвался тот. – Но это было пять лет назад, перед первой рубкой. А езда по лесу теперь весьма затруднительна для меня. – Он кивнул на свою омертвевшую белую руку.

– Мастер Хоббей сказал, что земли по вашему поручению объезжает ваш сын, – продолжил я.

– Совершенно верно, – подтвердил Эдвард. – И я не сомневаюсь в том, что оценка моего отца справедлива. Однако, – добавил он ровным тоном, – мы проведем в Портсмуте еще несколько дней и можем продолжить свое путешествие через Хойленд. Я не имею никаких возражений против поездки по вашим землям. Вы можете показать мне, что имеете в виду.

А ты истолкуешь факты так, как тебе надо, подумал я, ибо реальных доказательств не существует, и делать что-либо слишком поздно. Но, как бы то ни было, мне хотелось бы ради Эллен познакомиться с этой парочкой. Эдвард Приддис во время пожара должен был уже достичь двадцатилетия, подумал я, ведь отцу его тогда было уже около сорока.

Сэр Квинтин улыбнулся:

– Хорошо. Я приеду в Хойленд вместе с вами. Вполне можно провести денек вне этого вонючего города. Я еще способен ездить верхом, но мне придется отдохнуть в прекрасном доме мастера Хоббея. Итак, мастер Шардлейк, вы видите, что мы во всем сотрудничаем с судом. Мы приедем в следующий понедельник, тринадцатого числа. Днем.

Мастер Николас чуть встревожился:

– Сэр, в понедельник у нас охота. Она была назначена много недель назад. И будет неловко…

– Ах, охота! – завистливо проговорил феодарий. – Раньше я любил охоту. Однако я могу приехать только в понедельник. Мне необходимо во вторник отправиться в Винчестер. Но мы не обязательно помешаем вам. Охота, можно предположить, закончится часам к трем дня…

Дирик снова вступил в разговор:

– Я не вижу особенного смысла в поездке по вырубке, оставшейся на месте давно поваленного леса, чтобы попытаться определить, какого вида деревья прежде там росли. Однако в прошении, легшем в основу настоящего расследования, говорилось о чудовищных злодеяниях. Хотя у мастера Кертиса, насколько мне известно, нет никаких жалоб.

Сэр Квинтин повернулся к Хью:

– А что скажешь ты сам, парень? Причиняли ли тебе какое-нибудь зло сам мастер Хоббей или члены его семьи?

Я посмотрел на феодария. Он невозмутимо дожидался ответа, заранее зная, что скажет юноша.

– Нет, сэр, – негромко ответил Кертис. – Только то, что мне не позволяют вступить в армию, чего я усердно желаю.

Приддис скрипнул смешком:

– Другие только тем и заняты, что стремятся увильнуть от своего долга, а этот хороший парень рвется служить! Но через три года ты станешь совершеннолетним и сможешь занять подобающее джентльмену место на собственной земле. – Он помахал здоровой рукой. – И убери руку от своего лица! Мне ли стесняться чужого увечья… Стой прямо и смело! Так должен поступать всякий, заметив на себе чей-то взгляд. Так, мастер Шардлейк?

Я не ответил. Хью опустил руку, и феодарий еще мгновение разглядывал его. Наконец он посмотрел на Николаса:

– Невзирая на оспины, мальчик вполне приятный. О женитьбе не подумываете?

Мастер Хоббей покачал головой:

– Право выбора будущей супруги я оставляю за мастером Хью. Пока перспективных невест не обнаружено.

Квинтин жестко посмотрел на меня:

– Похоже, мастер Шардлейк, что вас отправили заниматься дурацким делом. Ваш клиент рискует крупной суммой, когда дело вернется в Сиротский суд.

– Мой долг исследовать все, – возразил я.

Приддис наклонил голову:

– Полагаю, что такова ваша обязанность.

Винсент произнес с осуждением в голосе:

– Боюсь, что брат Шардлейк скоро начнет поднимать полы в приорстве, чтобы поверить, нет ли там мыши, способной укусить Хью.

Сэр Квинтин укоризненно погрозил ему пальцем:

– Ну-ну, мастер Дирик, не сомневаюсь в том, что до этого не дойдет!

Эдвард Приддис обратился к отцу:

– Сегодня утром нам еще надлежит рассмотреть бумаги по делу сэра Мартина Осборна…

– Совершенно верно, – согласился феодарий. – Благодарю вас, джентльмены, до встречи в понедельник.

Затем он улыбнулся старшему Хоббею:

– Если гости, собравшиеся на вашу охоту, увидят меня, скажите им, что я – ваш старый друг, оказавшийся в приорстве проездом.

И он коротко усмехнулся.

Мы откланялись и ушли. Снаружи Дирик с гневом набросился на меня:

– Кровь господня, Шардлейк, почему вы затягиваете это расследование?! Вы же слышали, какого мнения сэр Квинтин

придерживается обо всем этом! И вы намереваетесь стеснять мастера Хоббея в день его охоты?

– Успокойтесь, брат. Вы слышали, что сэр Квинтин не станет объявлять о цели своего приезда, – возразил я.

Мы в безмолвии спустились по лестнице. Указавший нам путь наверх клерк с почтительной интонацией разговаривал с двумя людьми, стоявшими в дверях ратуши. На обоих, невзирая на июль, были подбитые мехом плащи и шапки, а на шеях у них покоились массивные золотые цепи. Когда они повернулись, я узнал сэра Вильяма Паулита и сэра Ричарда Рича. Неожиданная встреча настолько сразила меня, что я застыл у подножия лестницы, и шедший сзади Николас Хоббей натолкнулся на меня. Паулит бросил на меня жесткий взгляд, но Рич ограничился коротким смешком.

– Мастер Шардлейк, – проговорил он. – Мы вас не съедим. Честное слово, вы стали каким-то нервным после проведенного в Тауэре времени!

Упоминание о Тауэре заставило смолкнуть всех находившихся в коридоре. Каждый насторожил уши.

– Как проходит ваше расследование, брат Шардлейк? – прохладным тоном спросил Паулит. – Сколько вы уже провели здесь… кажется, неделю?

– Пять дней, сэр Вильям.

Ричард скупо улыбнулся:

– Ах, мастер Шардлейк всегда был таким упорным… Он не привык считаться с тем, куда может привести его подобная привычка.

– Я действую исключительно в рамках закона, – ответил я ровным тоном.

– Как и подобает всякому добродетельному человеку, – заметил Рич.

– Насколько я понимаю, вы встречались с сэром Квинтином Приддисом? – спросил Вильям.

– Встречались, сэр, – не стал я отрицать.

– С Квинтином Приддисом, так? – В серых глазах сэра Ричарда зажегся огонек интереса.

– Он – хэмпширский феодарий, – пояснил Паулит.

– Я познакомился с сэром Квинтином, когда тридцать лет назад учился юридическому делу, – объяснил его спутник. – Он познакомил меня с рядом интересных моментов применения закона на практике. Ну, мир верхушки общества очень тесен! А теперь все важные персоны съезжаются в Портсмут. Так что вам не стоило бы так удивляться, увидев меня, мастер Шардлейк.

– Я знал о вашем приезде, сэр Ричард. На прошлой неделе вы проехали мимо нас по дороге, – ответил я.

– Я вас не заметил.

– Я путешествовал с целой ротой солдат.

– Солдат, говорите? Ну а я ведаю финансами и поставками для армии, как и во Франции в прошлом году. Слежу за тем, чтобы торговцы не надували короля. – Острый подбородок этого придворного, наслаждающегося демонстрацией собственной власти, укрылся в меховом воротнике. – Губернатор Паулит интересовался моим мнением по вопросам безопасности, – продолжил он. – Каждый вечер между пробравшимися в город солдатами и матросами завязываются драки. И если можно было бы повесить еще нескольких…

– У нас и так не хватает людей, – резко бросил Вильям. – Мы не можем вешать тех, что у нас есть. Я поговорю с офицерами. А теперь, сэр Ричард, нас ждет мэр…

– Минуту, сэр, – негромко проговорил Рич. – Мне нужно переговорить с моим другом Шардлейком. – Он махнул рукой в сторону нашей группы. – Вы, остальные, можете идти.

Мой клерк помедлил, и Ричард отрезал:

– И ты тоже иди, Джек Барак! Вечно что-то вынюхиваешь по привычке тех лет, когда ты служил потерявшему свою голову лорду Кромвелю.

Неохотно повернувшись, Барак присоединился ко всем остальным.

– Вот что, Мэтью Шардлейк. – Рич стоял рядом со мной, и я не только видел тяжелые золотые звенья его цепи и гладкие щеки, но и ощущал чесночный дух его дыхания. – Слушайте меня, внимательно и старательно. Пора вам завершать свое дело и возвращаться назад в Лондон. Король и королева находятся в Годалминге, они прибудут сюда в середине будущей недели. По моим сведениям, король не знает, что вы являетесь другом королевы Екатерины. И если он узнает об этом и увидит вас здесь, то будет снова недоволен вами. – Наклонившись вперед, он ткнул в мою грудь тонким пальцем. – Пора уезжать.

– Сэр Ричард, – проговорил я негромко, – какая вам разница в том, где я нахожусь и что делаю?

Рич наклонил голову и улыбнулся:

– Потому что вы неприятны мне. Мне не нравится вид вашей согбенной спины, ваш длинный нос и ваши крохотные мышиные глазки с их цензорским выражением. И поскольку я член Тайного совета его величества, то раз я говорю вам: «Проваливайте!», значит, ваше дело – проваливать.

Он отвернулся, шелестя длинными полами своего одеяния, и направился к Паулиту, наблюдавшему за ним из дверей. Я вернулся к своей

компании, ощущая, что желудок мой свернулся в тугой клубок. Дирик с любопытством поглядел на меня:

– Это был сэр Ричард Рич?

– Он самый.

Мой оппонент расхохотался:

– Вижу, он не любит вас, брат!

– Не любит, – согласился я невозмутимо. – Еще бы ему меня любить.

Конюх подвел лошадей. Садиться в седло на людной улице было неудобно – одна из лошадей, попятившись, едва не сбила с ног водоноса, согнувшегося под тяжестью огромной конической корзины.

– Чего добивалась от тебя эта злобная мелкая задница? – шепнул Барак.

– Не сейчас. Скажу потом, когда будем вдвоем, – так же шепотом отозвался я.

Хоббей-старший посмотрел на Дэвида и Хью:

– Мы доедем до конца Устричной улицы. Оттуда мы сумеем увидеть большие корабли, стоящие на якоре у Спитхеда. А потом оставим мастера Шардлейка в обществе его друга и поедем домой.

– А нельзя ли нам съездить к Саутси? – спросил его сын. – Посмотреть на новый замок?

На лице его все еще лежала печаль. Я подумал, что он хочет отвлечься.

– Я еще не завершил все приготовления к охоте, – покачал головой Николас. – И я хочу, чтобы вы, мальчики, вернулись домой. Не говоря уже обо всем прочем, эти неопрятные толпы наверняка так и кишат вшами.

Я подумал было, что мальчики станут возражать, но Хью только пожал плечами. Дэвид помрачнел.

Мы проехали по Хай-стрит и миновали церковь – солидное норманнское сооружение с тяжеловесными башнями. Чуть поодаль я заметил стены здания, похожего на бывший монастырь: высокие узкие здания и круглая башня большой церкви выглядывали из-за стены.

– Это старый Божедом, – заметил старший Хоббей. – Монашеский госпиталь и приют для путешественников. Теперь он используется в качестве места собраний и склада для военного снаряжения. Здесь надо свернуть.

Мы остановились на просторной площади, к которой сходилось несколько улиц. Напротив нас стены заканчивались возле крупной квадратной башни. Бронзовые и железные орудия смотрели на море, солнце поблескивало на бронзовых стволах. На широкой платформе учили

солдат. Хью и Дэвид смотрели на них, не скрывая восхищения. Мы свернули на мощеную улочку, выходившую на небольшой мелкий залив, почти окруженный невысоким серповидным участком земли.

– Эта маленькая бухта называется Камбер, – сказал мастер Николас. – Смерть господня, как же от нее сегодня разит!

– Болотная грязь, вот что это за место, – добавил Кертис.

– Если мы доедем до противоположного конца, то сможем увидеть корабли, они тут недалеко, – проговорил его опекун. – Так что поехали.

На поездку по Устричной улице ушло несколько минут. Городская стена продолжалась вдоль находившейся напротив нас восточной половины и заканчивалась в высокой округлой башне, усаженной тяжелыми орудиями. Устричная улица была полна лавок и таверн. Возле них стояли работники, пившие пиво. Мы аккуратно проехали мимо солдат и матросов, а также возчиков и работников и многочисленных торговцев, занятых оживленным спором. В дальнем конце улицы округлая полоска земли заканчивалась узким выходом в море. Напротив него, в конце Устричной улицы находилась широкая каменная пристань, окруженная складами. Подъехавшие снаружи телеги немедленно разгружали, а затем другие грузчики выносили эти припасы и складывали их на небольшие шлюпки.

Мы подъехали к пристани мимо группы хорошо одетых купцов, обсуждавших с каким-то чиновником цены на сухари. Внимание Хью привлек длинный, чуть изогнутый ящик, который осторожно несли к шлюпке двое работников.

– Длинные луки, – проговорил молодой человек с легкой завистью.

Мы остановились чуть позади причала, там, где под стенами города проходила дорожка. Отсюда через узкий вход в гавань нам открывался вид на берег Госпорта. Там находились еще несколько фортов, вооруженных мощной артиллерией.

Хью махнул рукой в сторону широкой панорамы:

– Смотрите, мастер Шардлейк, гавань со всех сторон защищена артиллерией, от Круглой башни до фортов Госпорта.

Однако внимание мое было привлечено зрелищем, еще более необычайным, чем то, которое мы видели в Портсмутской гавани, – выросшим над Солентом лесом высоких мачт. Там находилось, наверное, больше сорока кораблей, величиной от колоссальных до не очень больших, примерно в треть длины тех, которые мы видели в гавани. Верхняя часть бортов самых крупных судов была разрисована щитами и прочими

эмблемами, а палубы их щетинились пушками. Один из кораблей сворачивал свои гигантские паруса, и несшийся над водой барабанный бой подгонял трудившихся на реях матросов.

На наших глазах к ним помчалось вдоль по Соленту необычное судно. Длиной почти в две сотни футов, оно располагало всего одной мачтой. Парус был убран, и в движение его приводили две дюжины огромных весел по каждому борту. На носу находилась большая пушка, а на корме был устроен навес, украшенный блестевшей на солнце золотой тканью. Там же стоял надсмотрщик, отбивавший ритм на барабане. Я видел головы гребцов, раскачивавшиеся взад и вперед.

– Иисусе, а это еще что такое?! – изумился Дирик, впервые заговорив притихшим голосом.

– Я слышал, что король построил огромную галею, – ответил Николас. – И называется она «Галея Искусная».

Я вспомнил, что, по словам Ликона, у французов таких галей насчитывалось две дюжины.

– Она прекрасна, – негромко промолвил Хью. Тем временем огромная галея изменила курс, направившись мимо стоявших на якорях кораблей к входу в гавань и оставляя за собой длинную ленту кипящей белой пены.

– Вот, Шардлейк, – проговорил Винсент. – Будет вам теперь что рассказать своим друзьям в Лондоне, когда вы вернетесь домой. Быть может, это зрелище послужит вам компенсацией за расстройство, с которым вы увидите перечень моих расходов!

– Если мы вернемся домой, – проворчал себе под нос Барак.

Хоббей-старший повернул коня:

– А теперь, мальчики, пора возвращаться в Хойленд.

– А это обязательно? – поинтересовался Дэвид.

– Да. Мы можем проехать по одной из боковых улиц, там спокойнее. До скорой встречи, мастер Шардлейк. – Николас в упор посмотрел на меня. – Как недавно сказал Винсент, вы имели возможность убедиться в том, как сэр Квинтин Приддис относится к этому делу. Надеюсь и рассчитываю на то, что ваше расследование завершится в понедельник. Поехали, ребята!

Хоббей-старший и его люди отъехали, оставив нас с Бараком на дороге.

– Должно быть, уже почти двенадцать, – проговорил я.

– Тогда поехали. – Вид кораблей, похоже, взволновал моего клерка. Мы направились в сторону пристани.

– Хоббей так нуждается в этой охоте, – заметил я вслух. – Тем не менее Абигайль сказала, что охота опасна. И мы до сих пор не знаем, почему…

Джек перебил меня резким и полным тревоги тоном:

– Что у тебя произошло с Ричем?

Я пересказал ему тот разговор и добавил:

– Странно, что он поджидал меня именно здесь, как, впрочем, и в Уайтхолле. Причем именно с Паулитом. – Затем, помедлив, я добавил: – А вот Ричард Рич, безусловно, способен нанять для нападения на человека парней с угла.

К моему удивлению, помощник повернул своего коня, преграждая мне путь. Животное нервно заржало, и Нечет дернул головой.

– Что ты делаешь? – удивился я.

– Пытаюсь заставить тебя послушать! – В глазах Барака блеснул гнев. – Я ушам своим не верю! Ты видел Ричарда Рича и теперь пытаешься впутать его во все эти дела. Здесь находится весь королевский флот, почти все значительные персоны. Рич заседает в Тайном совете, а Паулит является губернатором Портсмута. В каком еще пекле они обязаны быть? Делать здесь нечего. Хью здоров и благополучен, и если мистрис Хоббей видит боглей[35] у себя под кроватью, какое и кому до нее собачье дело?

Сила его раздражения удивила меня, и я сказал напряженным тоном:

– Полагаю, что Хоббей вместе с Приддисом много лет снимали сливки с доходов Хью.

Стащив с головы шляпу, Джек в раздражении швырнул ее на пыльную дорогу:

– Но ты же не можешь доказать этого, а Хью оно на хрен не надо! Кроме того, с чего вдруг, имени святого Христова ради, Ричарду Ричу беспокоить себя из-за дел крохотного поместья в Хэмпшире? Или, о боже, не только мистрис Хоббей видит боглей повсюду?

Бараку уже случалось сердиться на меня, но никогда еще в такой степени.

– Я всего лишь хочу благополучия Хью, – сказал я негромко. – И у тебя нет никакой необходимости разговаривать со мной подобным тоном.

– Ты уже мог убедиться в благополучии этого мелкого говнюка.

– Почему ты так называешь его?

– А ты разве не видел его там, на берегу, когда он называл какую-то галею прекрасной? А кто сидел на ее веслах, а?! Люди, набранные на лондонских улицах, трупы таких, как они, по словам капрала Карсвелла, каждую ночь выбрасывает на берег. Мое детство прошло на улице, и если я

чему-то научился там, так это тому, как чертовски трудно человеку выжить на этой земле! Многим это не удается… их, как Джоан, уносит болезнь, или же, как моему первому ребенку, им не удается увидеть свет своего первого дня. Но таким, как Хью, нужна только кровь и смерть. При этом сам-то он благополучен, живет в этом проклятом приорстве, при полной обслуге с головы до ног!

– Он был бы в армии, если бы мог!

– К черту армию! К черту этого парня! Нам надо убираться отсюда, надо вернуться домой прежде, чем сюда явятся драные французы и разнесут в щепу все эти корабли!

Я посмотрел на помощника. Сконцентрировав все свои мысли на Кертисе и Эллен, я совсем забыл обо всем, что творится вокруг.

– Ну, хорошо, – проговорил я успокаивающим тоном. – Если я до тех пор не обнаружу свидетельств серьезных зол, творимых в отношении Хью, мы уезжаем во вторник, после посещения поместья Приддисом и его сыном. Наверное, ты прав. Но я хочу еще услышать, что скажет Ликон о Колдайроне и этом Уэсте.

– Ты бы лучше оставил Эллен в покое, если разжился хоть каплей разума. Кто знает, какое осиное гнездо там можно расшевелить? Однако уезжаем во вторник!

Я поднял руку:

– Я все сказал. Уезжаем, если только до этого я не найду того чудовищного злодейства, которое, по словам Майкла, чинится над Хью.

– Ты ничего не найдешь. Никаких злодеяний не существует.

Барак повернул коня в обратную сторону, и, проехав мимо пристани, мы вернулись на Устричную улицу. Два нетвердо стоявших на ногах солдата столкнули со своего пути работника. Повернувшись, тот разразился потоком гневных проклятий. Джек указал на знак гостиницы – нарисованный ярко-красной краской королевский лев Англии.

– Вот он, – произнес мой помощник. – Завершим твое дело.

Глава 27

Барак отыскал конюха, принявшего у нас лошадей, и мы вошли в гостиницу. Внутри оказалось жарко и шумно, под ногами шуршала грязная солома. Группа возчиков спорила о том, что тяжелее возить, коноплю или зерно, итальянцы в полосатых шерстяных кафтанах кружком сидели вокруг стола за игрой в кости. Ликон помахал нам из небольшого алькова возле окна, где он сидел вместе с Томом Ллевеллином и каким-то пожилым человеком. Я попросил помощника принести от прилавка дюжину пива и направился к ним. Джордж снял свой полупанцирь и шлем, положив их возле себя на солому.

– Полезное было совещание? – спросил я.

– Не очень. Наверху еще не решили, куда нас отправить: на корабли или на берег, чтобы там отбивать французов.

– На берегу полезнее пикинеры, – заметил пожилой.

Ликон хлопнул Ллевеллина по плечу:

– А Том сумел договориться на валлийском языке с двумя капитанами из Суонси.

– Хорошо, что отец мой не присутствовал при этом и не слышал, как я запинаюсь, – недовольным голосом проговорил юноша.

– Так вот, мастер Шардлейк, – продолжил вице-капитан, – я нашел вашего Филипа Уэста. Он служит помощником казначея на «Мэри-Роз». И корабельные офицеры тоже совещаются сегодня утром. В Божедоме.

– Мы видели его, когда въезжали в город.

– Потом я отведу вас туда. Но сперва позвольте мне представить мастера Джона Сэдлера. Он служит здесь герольдом в роте пикинеров.

Я кивнул пожилому мужчине. Невысокий, коренастый и наделенный обрамленным короткой седой бородкой квадратным подбородком, он поблескивал небольшими жесткими голубыми глазками. Усевшись, я с облегчением стащил с головы шляпу и парик. К нам подошел Джек с кружками и пустил их по кругу.

– А теперь, сэр, – обратился Ликон к Сэдлеру, – расскажите моему другу то, что вам известно о добром человеке Вильяме Колдайроне.

Джон посмотрел на меня с холодной задумчивостью:

– Это не его настоящее имя, если речь идет о моем знакомом. Впрочем, у него были веские причины сменить имя. При крещении его нарекли Вильямом Пайлом. Капитан Ликон расспрашивал здесь всех ветеранов, не

знают ли они такого. Я узнал его по описанию внешности. Высокий и тощий, примерно шестидесятилетний сейчас, одноглазый и со шрамом во все лицо.

– Да, это Колдайрон, – подтвердил я.

– А как вы познакомились с ним, сэр? – с любопытством спросил Сэдлер.

– Имел несчастье нанять его в экономы.

Герольд улыбнулся, обнажив бурые пеньки зубов:

– Тогда следите за своим серебром, сэр. А когда вернетесь домой, спросите его, что он сделал с деньгами нашей роты, после того как дезертировал с ними.

– Так он дезертир? А мне наплел, что сражался при Флоддене и убил шотландского короля!

Джон расхохотался.

– И вы поверили ему? – спросил он с насмешкой в голосе.

– Ни на секунду. И я давно выставил бы его, этого лживого и ленивого пьяницу, но мне жаль его дочь, которую он привел с собой.

Сэдлер прищурил глаза:

– Дочь? И сколько же ей лет?

– Примерно двадцать пять, я бы сказал. Высокая блондинка. Зовут Джозефиной.

Мой собеседник снова расхохотался:

– Она и есть! Наш старинный талисман.

– Что-что?

Джон откинулся назад, сложив руки на плоском животе:

– Позвольте мне рассказать о Вильяме Пайле. Как и я сам, он родом из Норфолка. В тринадцатом году нас обоих забрали в армию воевать с шотландцами. Тогда нам обоим было по двадцать лет. Вильям действительно был при Флоддене, но, в отличие от меня, он не стоял на равнине, когда шотландские копейщики бросились на нас с горы. Его отец был старшиной в поместье и добыл для него работу в обозе. И в тот день, как всегда, он пасся в глубоком тылу… Убил шотландского короля… этакая задница! – Он холодно улыбнулся. – И это еще только начало. После войны тринадцатого года, которая научила нас класть хрен на все, как делает всякая затеянная королем война, мы оба остались в армии. Иногда находились в гарнизоне Бервика, иногда в Кале. По большей части, сплошная скука, никаких сражений. Впрочем, это вполне устраивало Вильяма, который любил проводить дни за выпивкой и игрой в кости.

– Итак, вы знали Колдайрона – то есть Пайла – достаточно хорошо? –

уточнил я.

– Конечно. Никогда не симпатизировал старому говнюку, однако всегда удивлялся тому, как он обстряпывает свои делишки. Мы прослужили вместе много лет. Меня произвели в герольды, а Вильям так и оставался армейским писарем, не имея других амбиций, кроме как отщипнуть свой кусочек от солдатских рационов и сплутовать в карты. А жениться он не имел никакой возможности при такой физиономии. Позвольте спросить – он говорил вам, что получил свои раны при Флоддене?

– Именно так.

Сэдлер едко усмехнулся:

– А вот как оно получилось на самом деле. Однажды вечером, в замке Карнарвон, Вильям играл в карты. Среди нас был один рослый девонширец, шести футов ростом, буйный во хмелю… В ту ночь все они упились, иначе Вильям передергивал бы осторожнее. Когда девонширец понял, что его надули на соверен, он встал, схватил свой клинок и полоснул шулера по лицу. – Джон снова хохотнул. – Клянусь гвоздями распятия, кровищи-то было! Мы уж думали, он помрет, однако такого жилистого гада, как Вильям, убить трудно. Он поправился и через два года отправился с нами воевать во Францию.

– Помню эту войну. Тогда я уже был студентом.

– Кампания двадцать третьего года представляла собой жалкое зрелище. Солдаты занимались грабежом в окрестностях Кале, да еще сожгли несколько деревень. – Герольд опять усмехнулся. – Да гоняли французских баб по полям – с визгом и подолами, задранными выше их французских задниц.

Сэдлер посмотрел на меня, наслаждаясь моей недовольной физиономией, и продолжил рассказывать:

– Была там одна деревня, все жители которой разбежались, как кролики, едва мы появились на дороге. Мы отправились по домам, чтобы посмотреть, что можно забрать из домов, прежде чем мы сожжем их. И не смотрите на меня такими глазами, мастер: трофеи, отобранные у местных жителей, приносят на войне единственный доход солдатам. Если французы высадятся здесь, они тоже не побрезгуют грабежом. В любом случае, в той навозной куче брать было нечего, кроме нескольких свиней и кур. Мы уже поджигали дома, когда из одного из них выбежала маленькая девочка, рыдавшая во все горло. Ей было года три, и ее попросту забыли. Однако иногда размягчается и солдатское сердце. – Герольд пожал плечами. – И поэтому мы взяли ее с собой в Кале. О девочке заботилась вся рота, мы делились с ней пропитанием. Она была вполне счастлива, и мы сшили ей

платьице цветов нашей роты и шляпку с крестом Святого Георгия. – Он отпил пива и усмехнулся. – Видели бы вы эту девчонку, когда она бегала по казарме, размахивая маленьким деревянным мечом, который мы вырезали для нее! Как я уже сказал – она была нашим талисманом.

Ликон взирал на Сэдлера пустыми глазами. Я тоже постарался преодолеть неприязнь к этому человеку. Он же продолжал:

– Звали ее Жозефиной, а если покороче – Жожо. Солдаты научили девочку объясняться по-английски. Ну вот, спустя какое-то время армии было приказано убираться домой – поджав хвост, как и в предыдущий раз. Мы намеревались оставить девочку на родине, подыскать в Кале кого-нибудь, кто возьмет ее. Однако Вильям Пайл, ваш Колдайрон, сказал, что возьмет Жожо с собой. Он-де решил уйти из армии, и воспитает ее, чтобы было кому вести его хозяйство. Ну, может выполнять и некоторые другие обязанности, если вырастет пригожей. – Джон посмотрел на нас с явной издевкой. Том Ллевеллин смутился, а Джордж посмотрел на рассказчика, как на дьявола во плоти.

– Так что Вильям вышел в отставку, но не так, как это положено делать. Как только мы вернулись в Англию, он украл казну роты и исчез. Но взял с собой Жозефину. Нас отослали в Бервик и заставили поголодать: офицеры не намеревались раскошеливаться ради нас. С тех пор я про Вильяма вообще ничего не слышал до этого самого дня. Его отправят на виселицу, если поймают. – Не переставая улыбаться, Сэдлер скрестил на груди руки. – Вот и вся история. А кстати, Жозефина выросла хорошенькой?

– В достаточной мере, – ответил я холодным тоном.

Наш собеседник нахмурился:

– Я не забыл эти три месяца голодухи на шотландской границе. Если вы сумеете отправить Вильяма Пайла на виселицу, буду вам благодарен.

Ликон поднялся, надев свой шлем и горжет. Том последовал за ним.

– Благодарю вас, мастер Сэдлер, – напряженным голосом проговорил Джордж. – Мы с мастером Шардлейком должны еще кое с кем встретиться, а потом я обязан вернуться в лагерь. Мы благодарны вам за помощь.

Подняв свою кружку, Джон улыбнулся мне:

– До свидания, сэр. Напомните обо мне мадам Жозефине.

Улица перед гостиницей показалась нам еще более шумной и людной, чем прежде.

– Я дойду с вами до Божедома, – проговорил Ликон. – Чтобы войти туда, вам может потребоваться мой авторитет. Пока мне еще рано

возвращаться в лагерь, я просто хотел уйти подальше от Сэдлера.

– Понимаю.

– И как вам эта история?

– Она вполне согласуется с тем, что мне известно о Колдайроне, – мрачно улыбнулся я. – Но теперь у меня есть на него управа. Я намереваюсь выставить его, но оставить Жозефину, если она захочет этого.

– А как он обращается с ней?

– Скверно. Однако она повинуется каждому его слову. Она считает себя его дочерью.

На лице моего спутника появились сомнения:

– Тогда она, быть может, не захочет расстаться с ним.

Я сухо улыбнулся:

– Вмешаешься, так еще и навредишь, так?

– Это да, – согласился Барак, принимаясь скрести голову. – А вшей мы, кажись, уже подхватили.

Я пожал плечами:

– И меня кусают. Таверна, должно быть, кишела ими.

Джордж улыбнулся:

– Теперь и тебе придется остричься наголо, Джек.

– Вши в лагере есть у каждого, – мрачным тоном добавил Ллевеллин. – А я потерял гребешок.

– Не ты один, – проговорил Ликон. – И хочу напомнить вам о том, что в городе следует приглядывать за кошельками.

Барак смотрел вдаль, за вонючий Камбер. Там, в дымке, маячили мачты кораблей, стоявших на якоре в Соленте.

– Скверные гуморы этого места скоро вызовут здесь лихорадку, – пробормотал мой помощник.

– Ну, что поделать, – твердо сказал Джордж, – здесь мы должны оставаться до прихода французов. – Он повернулся к Ллевеллину: – Вот что, возвращайся в лагерь… скажешь сэру Франклину, что я скоро приду.

– Да, сэр.

Я обратился к Бараку:

– Знаешь что, Джек, бери лошадей, ступай вместе с ним и жди меня в лагере. На мой взгляд, будет лучше, если я поговорю с мастером Уэстом без свидетелей.

– Хорошо, – согласился клерк без особой охоты и вместе с Томом направился назад к таверне. Мы с Ликоном продолжили свой путь по Устричной улице. Джордж негромко проговорил:

– Сэдлер в прошлом году участвовал в шотландском походе, он

рассказал мне о блюдах и тканях, которые взял в Эдинбурге. Однако он прав, солдаты всегда видят в грабеже законный плод войны, всегда ждут разрешения: «Грабь!» Впрочем, такие люди как Сэдлер… ничто не способно подействовать на них, сердца их окостенели. Слава богу, подобных ему в моей роте немного, один или два, взять того же Угрюма, который оскорбил вас. Когда Сэдлер стал рассказывать об этих селянах, разбегавшихся по полям…

Он смолк.

– Ты вспомнил о той француженке, которая сидела у дороги с мертвым ребенком? – понял я.

Взгляд голубых глаз капитана опять устремился вдаль:

– Странное дело… как раз тогда я меньше всего думал о ней. Пришлось навидаться всякого. Но потом она и этот мертвый младенец вдруг всплыли перед моим внутренним взором… Впрочем, давайте сменим тему, – проговорил он усталым голосом. – До добра она меня не доводит.

– А что вам известно о мастере Уэсте? И, кстати, спасибо за то, что так быстро нашли его.

– У нас в армии принято интересоваться флотскими офицерами: того и гляди, придется служить под их командованием. – Мой спутник с полной серьезностью посмотрел на меня. – А зачем вам это знать, Мэтью?

Я помедлил:

– Личное дело. Вполне законное.

– Ну, мне говорили, что Уэст – опытный офицер, строгий, но справедливый со своими подчиненными. Когда придут французы, ему предстоит пережить самое жестокое испытание во всей его жизни. – Ликон взглянул на меня. – Ваш вопрос касается его способностей как офицера? Если так, я должен знать.

– Нет, Джордж, это не так, – заверил я его.

Мой бывший клиент с облегчением кивнул.

Мы возвратились на площадь перед Квадратной башней и прошли к караульному помещению возле ворот, ведущих в огражденный стенами Божедом. В них под присмотром караульщиков с алебардами как раз въезжала телега, груженная ящиками с гогочущими гусями. Ликон направился прямо к воротам.

– Совещание корабельных офицеров еще не закончилось? – спросил он у одного из стражей.

– Нет, сэр. Еще никто не выходил, – ответил тот.

– У этого джентльмена есть известие для одного из офицеров, – заявил

Джордж, указывая на меня.

Караульный посмотрел на мое адвокатское облачение:

– Это срочно, сэр?

– Мы можем подождать до конца заседания, – отозвался я.

Стражник кивнул:

– Они заседают в большой палате.

Мы вошли внутрь ограды. За ней оказался просторный двор, над которым доминировала старинная норманнская церковь, окруженная стаей высоких зданий. Заднюю часть комплекса, прежде представлявшую собой сад, занимали загородки с животными – свиньями, коровами и овцами.

– Я схожу в большую палату, – предложил Ликон. – Предупрежу там, что некто хочет поговорить с мастером Уэстом после совещания. Видите скамейки в саду? Я скажу клерку, что вы будете ждать именно там.

Он направился к самому большому из зданий, а я подошел к каменным скамьям, расположенным возле стены в тени. Как я понял, они предназначались для того, чтобы больные и путешественники могли отдохнуть, глядя на сад. Однако теперь покоя здесь не было. Телегу с гусями начали разгружать, и птицы шипели и гоготали, пока их выпускали в загон. Поблизости находилась стопка больших плетеных коробов. Из них высовывались яркие шеи и головы сердитых бойцовых петухов, привезенных сюда, конечно же, на потеху солдатам.

Через несколько минут во дворе снова появился Джордж. Он опустился рядом со мной, с облегчением снял с головы шлем и провел рукой по светлым кудрям.

– Я тоже подхватил этих проклятых вшей, – проговорил он. – Сегодня же состригу всю шевелюру! Значит, так, известие я оставил. Словом, ждите мастера Уэста, когда они начнут выходить. Мне сказали, что он – рослый и седобородый мужчина.

– Уже седобородый? Но ведь ему только слегка за сорок!

– До сражения он может поседеть еще больше.

– А чем, по-вашему, оно может закончиться? – осторожно спросил я.

– Ничем хорошим, Мэтью. Вы видели флот?

– Ну да. Подобного зрелища мне еще нигде не приходилось видеть, даже в Йорке. Какие огромные корабли. Сегодня мы видели огромную галею. «Галея Искусная», как назвал ее Хью Кертис.

– Тот парень, который так хорошо стрелял? Экий молодец! Да, я слышал о приходе «Галеи Искусной». Но что сможет она сделать в одиночку против тех двадцати двух, которые лорд Лайл насчитал у французов? Вооруженных большими пушками и приводимых в движение

рабами, участвовавшими в средиземноморских сражениях! Если французам удастся прорваться к нашим большим кораблям, они потопят их быстрее, чем те начнут стрелять. По сравнению с ними, наши галеасы неуклюжи. К тому же, у французов больше двух сотен боевых судов: даже если наши корабли пойдут на абордаж, они окажутся в меньшинстве. Сегодня говорили о том, что нашу роту пошлют на «Грейт-Гарри», однако точно еще ничего не известно. В некотором отношении это неплохо, так как этот корабль – один из немногих у нас, которые выше французских кораблей. Если наши лучники будут сверху на юте и баке, то мы сможем стрелять вниз на их палубы. Хотя, если они установят сети, наши стрелы застрянут в их ячеях.

На всех больших кораблях поверх бортов устанавливают сети, чтобы помешать абордажным командам. Если корабли сцепятся бортами и французские солдаты попытаются перебраться на нашу палубу, им придется перелезать через сеть поверху. Тогда наши пикинеры, располагающиеся под сетью, будут колоть их, прежде чем те сумеют прорезать сети ножами. Когда военные корабли сцепляются, схватка бывает жестокой и кровавой.

– Хью говорил, что артиллерия фортов не пропустит французов в Портсмутскую гавань.

– Если французы сумеют вывести из строя наш флот, их галеи могут высадить пехоту на побережье Портси. Вот почему там размещено так много солдат. И если французы располагают тридцатью тысячами солдат – у нас их всего шесть тысяч, причем среди них много иноземных наемников. Никто не знает, как поведет себя ополчение. Люди там отважные, но малообученные. Мы опасаемся того, что французы могут высадиться где-нибудь на берегу острова Портси и отрезать его от материка. Может случиться так, что сам король окажется осажденным в Портсмуте. Вы видели, что там готовятся к осаде.

– Неужели положение действительно настолько серьезно?

– Во многом все будет зависеть от случая. В морских баталиях важную роль играют ветра, а моряки говорят, что они непредсказуемы. Они могут и дать нам победу, и погубить флот. – Джордж помедлил. – И вот вам мой совет: уезжайте отсюда как можно быстрее.

Я вспомнил про Рича:

– Сегодня я уже слышал подобный совет.

– На побережье может произойти жуткая резня.

– И как вы думаете, ваша рота останется здесь или в итоге перейдет на корабль?

– Не знаю. Но в любом случае мы с моими людьми будем защищать наш народ. Не сомневайтесь в этом.

– Не сомневаюсь и не сомневался даже на одно мгновение, – заверил я собеседника. Тот опустил ладони ни колени, и я заметил, что одна из них опять подрагивает. Он сложил пальцы в кулак. – Молите бога, чтобы до этого не дошло, – негромко добавил я.

– Аминь. – Ликон посмотрел на меня. – После Йорка вы сильно изменились, Мэтью. На ваши плечи как бы легло бремя тревоги и печали.

– В самом деле? – Я тяжело вздохнул. – Ну, что ж, возможно, у меня есть на это причина. Четыре года назад я утопил человека. А два года спустя меня самого едва не утопили, когда я оказался в сточной канаве в обществе безумца… С тех пор… – Я помедлил. – Я привык к Темзе, Джордж, но море… я не видел его с тех пор, когда приплыл домой из Йоркшира. Оно такое огромное… И признаюсь – оно пугает меня.

– Вы больше не молоды, Мэтью, – мягко сказал Джордж. – Теперь вам уже далеко за сорок.

– Да, в моих когда-то черных волосах теперь достаточно седины.

– Вам надо жениться, остепениться и зажить спокойной жизнью.

– Была когда-то такая женщина, на которой я мог бы жениться, вдова моего друга. Теперь она живет в Бристоле и пишет мне время от времени. Она – моя ровесница и в последнем письме написала мне, что скоро станет бабушкой. Вы правы, я действительно начинаю стареть.

Звук донесшихся из лазарета голосов заставил нас поглядеть на его двери. Появившаяся там группа людей в ярких дублетах пристегивала мечи. Слуги вели лошадей от служб. Ликон поднялся:

– Я ухожу. Встретимся в лагере. И поберегите себя!

Опустив ладонь на мое плечо, он повернулся и направился к воротам. Я проводил его взглядом – прямого, с армейской выправкой и широким шагом.

Возле лазарета затеяли спор двое людей, окруженных группой заинтересованных слушателей. Один из них, высокий и седобородый, был хорошо одет, и на поясе его висел меч, второй же был облачен в одежды клерка. Я услышал громкий голос высокого:

– Говорю вам, при трех сотнях солдат и двух сотнях матросов и всех этих пушках корабль окажется перегружен! А тут еще эти припасы, ведь нам придется кормить пять сотен душ?

Клерк что-то ответил ему.

– Чепуха! – закричал седобородый. Пожав плечами, его оппонент

направился прочь. Рослый мужчина отделился от группы и широким шагом направился к тому месту, где я сидел, и стало ясно, что это и есть Филип Уэст. Когда он оказался вблизи, я заметил, что этот человек не только сед, но и лыс. На нем была короткая рубашка и дублет с высоким воротником и атласными пуговицами, а воротник рубашки был приподнят в кружок по новой моде. Он остановился передо мной. Его загорелое и обветренное лицо бороздили глубокие морщины, он явно был взволнован и бросил на меня недоуменный взгляд.

– Это у вас есть ко мне разговор? – пробасил он.

Я неловко поднялся на ноги:

– Да, сэр, если вы – мастер Уэст.

– Я – Филип Уэст, помощник казначея на «Мэри-Роз». Что нужно от меня адвокату?

Я поклонился:

– Сержант Мэтью Шардлейк. Мне очень жаль беспокоить вас, сэр, именно сейчас, однако я пытаюсь найти одного человека. По просьбе клиента.

Я изучал лицо Филипа. Если ему было сейчас около сорока, то он успел состариться раньше времени. Его небольшие, глубоко посаженные карие глаза явно искали ответ на вопрос, кто я и что мне понадобилось. Внешность его выдавала человека, наделенного властью.

– Кого вы ищете? – спросил он. – Только прошу, быстрее, у меня мало времени!

Я глубоко вздохнул:

– Женщину из Рольфсвуда. Эллен Феттиплейс.

Плечи Уэста поникли, словно на них опустилось неподъемное бремя.

– Эллен? – проговорил он негромко. – В чем дело? Я не слышал о ней девятнадцать лет. Но два дня назад я увидел в городе Приддиса или, точнее, то, что от него осталось. А теперь еще вы…

– Один мой клиент разыскивает родственников. Он слышал, что в Рольфсвуде жило семейство Феттиплейс. Приехав в Хэмпшир по делу, я заглянул туда.

Теперь Уэст пристально смотрел на меня:

– Итак, вы не знаете, жива ли она?

Помедлив, я покачал головой:

– Нет.

Мне казалось, что каждая новая ложь затягивает меня еще глубже в трясину.

– Я знаю только то, что после несчастного случая разум ее пришел в

расстройство, и ее отвезли в Лондон, – добавил я.

– То есть вы явились ко мне с этим делом именно сейчас ради любопытства какого-то дурака?! – Филип в гневе возвысил голос.

– Мой клиент, вне сомнения, поможет Эллен, если будет знать, где она находится.

– И он также носит фамилию Феттиплейс? Разве в Лондоне нет других обладателей этой фамилии? И он ничего не знает о ней? – Собеседник мой хмурился, и жесткие глаза его буквально впивались в меня.

– Нет, именно поэтому он ищет родственников.

Уэст сел на оставленную мной скамью, отвернулся и пару раз тряхнул головой, как бы пытаясь прояснить ход своих мыслей. Когда он заговорил снова, тон его совершенно переменился.

– Эллен Феттиплейс была любовью всей моей жизни, – проговорил он напряженным голосом. – Я намеревался просить ее руки, невзирая… – Он не договорил фразу и после паузы продолжил: – В день пожара я ехал из Петуорта, чтобы сообщить ее отцу о своих намерениях. Я был при дворе короля, находившегося во время летнего объезда в Петуорте. Мастер Феттиплейс сказал, что одобрит брак, если будет согласна сама Эллен. Я просил его переговорить со мной с глазу на глаз, и его дочь не присутствовала при разговоре. Он дал согласие. Дела требовали, чтобы я в ту ночь вернулся в Петуорт, однако я намеревался вернуться через два дня и сделать свое предложение. В таких делах спешка излишня.

– Конечно.

– Однако на следующий день в Петуорт привезли записку от священника, в которой он сообщил мне о пожаре и о гибели мастера Феттиплейса.

– От преподобного Секфорда? Я говорил с ним в Рольфсвуде.

– Тогда он должен был сказать вам, что Эллен отказалась видеть меня после пожара?

– Да. Как и всех прочих. Простите.

Уэст, казалось, разговорился:

– Я нравился Эллен и понимал это. Однако я не был уверен в том, что она согласится на брак. Она не хотела терять свою драгоценную независимость. Ее отец слишком много позволял своей дочери. – Он погрузился в небольшое раздумье, а потом проговорил, глядя на меня потусторонними глазами, напомнившими мне о Ликоне: – Она была своенравна. И нуждалась в мужчине, способном стать ее господином.

В словах его угадывалась какая-то отчаянная искренность.

– Вы и в самом деле считаете, что женщине нужен господин? –

поинтересовался я.

Лицо помощника казначея вновь вспыхнуло гневом:

– Вы позволяете себе слишком много, сэр!

– Извините.

Он продолжил уже спокойным голосом:

– То, что случилось с ней, надломило меня. Я больше не видел ее. Итак, я отправился на море. Разве не так поступает мужчина, когда сердце его разбито? – Уэст невесело усмехнулся, и белозубая гримаса, казалось, разделила его лицо пополам. Затем он снова собрался с мыслями. – Но ваш друг должен оставить свои поиски. Эллен увезли в Лондон, и, возможно, ее уже нет в живых.

– Я знаю, что сэр Квинтин Приддис провел расследование и впоследствии устроил все так, чтобы ее увезли. По правде говоря, я веду с ним одно дело как с феодарием Хэмпшира.

– Вы разговаривали с ним об Эллен? – резким тоном спросил Филип.

– Нет.

– Тогда советую и не делать этого. И еще скажите вашему другу, чтобы он прекратил поиски. У того пожара были такие особенности, в которые лучше не вникать, особенно после всех прошедших лет. Приддис поступил правильно: Эллен лучше было увезти.

– Что вы хотите этим сказать?

Мой собеседник не дал прямого ответа.

– Много ли Секфорд рассказал вам об Эллен? – спросил он вместо этого.

– Он говорил, что отец избаловал ее, это да, но что она до пожара была доброй и любящей.

– Люди, не принадлежащие к семье, часто не видят того, что происходит за закрытыми дверями.

Я невольно подумал про Хоббеев и кивнул:

– Вы правы.

Уэст соединил ладони и переплел пальцы:

– Эллен была женщиной огненного нрава и настроения. В гневе она бросала в отца горшки и вазы. – Он снова ненадолго умолк, а потом добавил: – Но, как я узнал позже, этим дело не ограничивалось.

По спине моей пробежал холодок:

– И что же она еще делала?

– В юные годы, рассерженная, она устраивала пожары в лесу. Об этом рассказал мне один из слуг Феттиплейсов после пожара в плавильне – он был знаком с кем-то из лесников. – Филип зажмурил глаза. – Словом, вы

видите, сэр, что хотя я и любил ее, мне было известно, что слишком баловать ее нельзя. Я не могу ничего доказать, но думаю, что в тот вечер мастер Феттиплейс рассказал Эллен о моем предложении, а она рассердилась, и что-то произошло. А что именно – не знаю.

– Вы хотите сказать, что это Эллен устроила тот пожар и убила двоих людей? – с недоверием спросил я. – Но как могла женщина в одиночку совершить такое?

– Помилуй бог, сэр, откуда мне знать?! Я так и не сумел разрешить эту загадку. Однако двое мужчин погибли. Так что порекомендуйте вашему другу оставить это дело в покое. В Рольфсвуде больше нет никаких Феттиплейсов. А теперь позвольте мне вернуться к делам, которые требуют спасать эту страну от вторжения иноземцев.

Уэст резким движением поднялся, еще раз окинул меня жестким взглядом, повернулся и широким шагом направился к зданию лазарета. Все остальные уже отъехали, и только один конюх молча дожидался его с поводьями в руке. Я остался сидеть, погруженный в кипение мыслей.

Глава 28

Я ехал назад через Портсмут, переполненный мрачными мыслями. Мне даже не приходило в голову, что пожар могла устроить сама Эллен. Могут ли оказаться правдой намеки Уэста? Он не понравился мне – в нем чувствовались горечь и ожесточение, – однако случившаяся некогда в Рольфсвуде трагедия, безусловно, навсегда тяжелым грузом легла на его плечи. Сердце мое еще более упало, когда я вспомнил слова Эллен: «Он горел! Бедняга был целиком охвачен пламенем… я видела, как плавится, чернеет и растрескивается его кожа!» Эта фраза позволяла счесть ее причиной пожара. Позволяла, но не доказывала. А кроме того, были и другие слова: «Они были такими сильными! Я не могла шевельнуться! Небо над головой… такое широкое, такое широкое, оно было готово поглотить меня!» Я вспомнил про преподобного Секфорда, сказавшего, что платье девушки было порвано и к нему прилипла трава.

К реальности меня вернули гневные крики впереди. Дюжина мужчин, возможно, матросов, ступая босыми ногами по дорожной пыли, остановились посреди улицы и принялись осыпать оскорблениями четверых иностранцев, шедших по ее противоположной стороне. Они также были босоноги и одеты в поношенные и залатанные рубахи и куртки. Следовавший за мной возчик резко повернул коней в сторону, чтобы не наехать на англичан.

– Драные испанские псы! – кричал один из них. – Неужели эта макака, ваш император Карл, не может даже пристойно одеть вас?!

– Это почему нам приходится служить с грязными папистами? – вторил ему еще один. – А, так вы из тех, что прошлой зимой потерпели кораблекрушение в Девоне, так ведь? Те, кого король принял на службу? Даже собственный сраный корабль водить не способны!

Четверо испанцев остановились, обжигая своих мучителей полными ярости взорами. Один из них шагнул на дорогу лицом к англичанам.

– Cabryn![36] – крикнул он гневно. – Думаешь, мы хотим служить на ваших кораблях! Наши caputanes заставляют нас!

– Капутаны! Какие еще, на хрен, капутаны?

– Я сражался с Кортесом в Новом Свете! – завопил испанец. – Против мехика! Против таких же собак-язычников, как и вы сами!

Руки англичан и испанцев уже тянулись к ножам. Но тут полдюжины солдат в латных нагрудниках, обнажив мечи, оставили угол и разделили обе

группы матросов.

– Проваливайте! – приказали они скандалистам. – Вы препятствуете движению по королевскому тракту!

Бросая друг на друга свирепые взоры, матросы двинулись дальше, а солдаты жестами восстановили замершее было движение.

Я почти поравнялся с ратушей. Двое стоявших возле нее людей в адвокатских мантиях, старший из которых всем весом опирался на палку, были заняты оживленным спором. Это были сэр Квинтин и Эдвард Приддис. На таком расстоянии я не мог слышать их разговор, однако на лице Эдварда лежала тревога, ничуть не похожая на то холодное превосходство, какое он выказывал во время нашей первой встречи. Отец явно пытался успокоить его. Заметив меня, Приддис-младший немедленно умолк. Я поклонился обоим, оставаясь в седле. Они ответили поклоном – холодным и официальным.

Проехав через городские ворота, я отправился прямо в солдатский лагерь. Запах испражнений и мочи, казалось, сделался еще крепче. К шатру цирюльника тянулась очередь: военные выходили из него обритыми и коротко стриженными. Неподалеку солдаты окружили двух своих товарищей, боровшихся и обнаженных по пояс. Среди зрителей я заметил Барака, стоявшего рядом с Карсвеллом. Оба были побриты, а на голове Стивена щетинился короткий ежик, такой же, как у Хью и Дэвида. Спешившись, я подвел к ним коня.

– Так что же смог рассказать тебе этот самый Уэст? – резко спросил Джек. Нетрудно было понять, что он сердится на меня.

– Нечто совершенно для меня неожиданное. Но расскажу потом. – Я повернулся к Карсвеллу: – Нам пора возвращаться в Хойленд. Мне хотелось бы попрощаться с капитаном Ликоном. Ты не видел его?

– Сейчас он беседует с сэром Франклином в его шатре. Не думаю, что разговор их затянется надолго.

Я посмотрел на борцов. Одному из них, рослому и крепкому, было за двадцать, а в роли его противника выступал Том Ллевеллин. Для столь молодого человека он обладал весьма внушительными плечами и грудной клеткой. Ллевеллин довольно быстро сумел бросить своего соперника на землю, где тот, тяжело дыша, признал свое поражение. Одни из зрителей приветствовали победителя, другие же смотрели на него угрюмо. На шеях многих висели большие кожаные кисеты с пожитками, из которых они доставали и передавали друг другу всякие мелкие вещи. Сосед Стивена передал ему двусторонний гребешок для вычесывания гнид, одна сторона

которого с тонкими зубчиками была черна от раздавленных вшей, и крошечную костяную ложечку.

– А это что такое? – спросил я, указывая на ложечку.

– Черпалка для ушной серы, – бодрым тоном ответил Карсвелл. – Полезная штука для вощения луков. – Он швырнул Тому кусок ткани, чтобы тот вытер вспотевшую грудь. – Отлично, парень.

– Смотри-ка, кто будет следующим, – буркнул Барак. – Интересная пара.

В круг вступили Угрюм и Голубь. Обмениваясь яростными взглядами, они сняли безрукавки и рубахи. Угрюм был выше, и тело его казалось наделенным грубой силой, но на жилистом теле Голубя невозможно было найти и унции жира. Уперев руки в бока, Угрюм провозгласил, обращаясь к толпе:

– Мы тут ненадолго… и те, кто поставил на лопоухого, готовьтесь расстаться со своими ставками!

Ничего не ответив, Голубь просто посмотрел на противника и тряхнул руками, расслабляя мышцы, после чего переступил с ноги на ногу в поисках равновесия. Он серьезно относился к предстоящему поединку. Угрюм широко ухмыльнулся.

– А у нас с тобой будет собственное пари, лопоухий! – громким голосом произнес он. – Вот что: если я тебя положу, отдашь мне тот молитвенник, по которому в уголке читаешь свою «Аве Марию». Его семейка – в нашей деревне первые отказчики, парни!

– А если победителем буду я, – крикнул в ответ Голубь, – то получу твой бригандин!

Скандалист явно заколебался. В толпе раздались смешки. Кто-то выкрикнул:

– Принимай пари, Угрюм, раз ты настолько уверен в победе!

– Ставлю пол-гроата на победу Угрюма, – предложил Карсвеллу Джек.

– По рукам, – согласился тот.

Поединок продолжался минут десять. Мощь Угрюма натолкнулась на неожиданно сильное сопротивление его соперника. Я понял, что Голубь пытается утомить своего односельчанина. Гроза роты постепенно терял силы. В конце концов, Голубь повалил его на землю, но не броском, а ровным и могучим движением, заставившим проступить на теле все мышцы. Ноги высокого мужчины подогнулись, и он, тяжело дыша, повалился на землю. Голубь улыбнулся, наслаждаясь своей победой.

– Обменяйтесь рукопожатием и разделите чашу любви! – выкрикнул Стивен.

Голубь посмотрел на поверженного противника:

– Принесешь мне бригандин, когда очухаешься, мастер.

Подобрав свою одежду, он, не торопясь, пошел прочь. Проигравшие – а их было большинство – с неудовольствием полезли в недра своих кошелей. Барак выложил свой полугроат. Я увидел, что Ликон вышел из своего шатра в обществе сэра Франклина и Снодина. Остановившись, они продолжили разговор.

– Пошли, Джек, – проговорил я, – день подходит к концу. Надо попрощаться с Джорджем и отправляться в Хойленд.

Мой помощник помахал рукой солдатам:

– Прощевайте, парни, я должен доставить моего господина к нашим милостивым хозяевам!

– Начинаешь заимствовать шутки у Карсвелла, – проговорил я, когда мы направились от сборища.

– Нет, это мой собственный стиль, – возразил клерк.

Подойдя к Ликону, я заметил, что он тоже побывал у цирюльника. Герольд Снодин громогласно и сердито вещал:

– Молокососы, не способные обойтись без уютной постельки. Нытики, кривляки и слабаки…

– Ну, хорошо, Снодин, – испытующим тоном промолвил Гиффард, переводя взгляд на меня.

– Простите, сэр Франклин, за невольное вмешательство, однако мне хотелось бы попрощаться с мастером Ликоном… – сказал я.

Капитан роты нетерпеливо махнул рукой:

– Подождите. Снодин, пошлите сообщение о дезертирах сэру Вильяму Паулиту. Пусть известит ширы, чтобы искали их.

– Да, сэр Франклин. Но вот же дураки! – вновь взорвался Снодин. – Зачем они так поступили? Я же учил этих людей, я знаю их!.. – Он не отводил глаз от капитана Гиффарда. – Их повесят, если поймают?

– Король приказал вешать каждого дезертира, – не стал отрицать Франклин.

Герольд покачал головой, поклонился и направился прочь от шатра.

– Дезертиры, – сказал мне Ликон. – Вчера ночью сбежали двое.

– Их поймают, если они вернутся домой, – заметил я.

Мы с Бараком обменялись взглядами. Если бы мы последовали совету олдермена Карвера, Джек тоже был бы объявлен дезертиром. Джордж печально качнул головой:

– Бедные дурни. Если их поймают, повешение будет публичным. Все роты недоукомплектованы. Как и корабли – говорят, что в юго-западных

графствах не стало рыбаков, и женщинам самим приходится вытаскивать баркасы на берег.

– Я видел в городе нескольких испанских моряков, – вспомнил я.

– Они берут всех, кто мало-мальски умеет ходить под парусом, за исключением французов и скоттов.

Наголо обривший голову Ликон, подобно Уэсту, показался мне много старше своих лет. Впрочем, взгляд Филипа был ясным и чистым, в то время как в глазах моего бывшего клиента снова появилось отсутствующее и пустое выражение.

– Джордж, – обратился я к нему, – боюсь, нам пора расставаться с вами.

Вице-капитан кивнул:

– Вы больше не вернетесь в Портсмут?

– Думаю, что нет. Во вторник мы возвращаемся в Лондон. – Я протянул ему руку. – Но моя молитва, чего бы она ни стоила, будет за вас и за ваших людей. Надеюсь, что мы с вами еще встретимся в Лондоне – в более счастливое время. Приводите с собой Карсвелла, я найду для него актерскую труппу.

– Более счастливое время… Да. Надеюсь на то, что оно настанет, – вздохнул Ликон.

Барак как будто бы сумел преодолеть наши разногласия, быть может, благодаря напоминанию о дезертирах. И пока мы ехали по острову Портси, я рассказал ему о своем разговоре с Уэстом.

– Так, значит, Эллен могла сама вызвать этот пожар? – удивился он.

– Если можно верить Уэсту.

– А ты считаешь, что нельзя?

– Не знаю. Если на нем лежит ответственность за нападение на Эллен, у него есть сильный мотив для того, чтобы сказать мне – или, о меньшей мере, моему воображаемому клиенту – нечто такое, что заставит его прекратить розыски. – Я посмотрел на Джека. – Только не беспокойся, во вторник, как я уже сказал, мы выезжаем домой. Здесь у меня нет власти, я не могу никого принудить к ответу на мои вопросы. И меньше всего могу заставить говорить Приддиса, единственного человека, который способен наделить меня информацией. Но когда мы вернемся в Лондон, – добавил я мрачным тоном, – там у меня появятся некие способы давления.

– Через королеву?

– Возможно. Когда она вернется из Портсмута.

– А как насчет Хью?

Я тяжело вздохнул:

– Если только визит Приддисов не подарит мне никакой зацепки, у меня нет никаких свидетельств даже мошенничества, если оно здесь было. Я не могу со спокойной совестью увеличивать издержки клиента.

– Радуюсь твоему благоразумию, – проговорил мой помощник.

Грохотавшая мимо под надежной охраной длинная вереница телег заставила нас съехать на обочину. Повозки были прикрыты парусиной, однако через задки телег можно было видеть свертки толстой золотой ткани, расшитые причудливыми и яркими узорами. Барак повернулся ко мне:

– Это…

– Похоже на королевские шатры, которые мы видели в Йорке.

Мимо нас с грохотом катил воз за возом, направляясь не в город, а к морю.

– Неужели король намеревается стать лагерем на берегу? – недоверчиво спросил Джек.

– Должно быть. Итак, он хочет оказаться впереди. Ну, в отваге ему никогда нельзя было отказать.

– Но даже если французы высадятся, им ни за что не захватить Англию.

– Норманны сделали это. Но ты прав, народ будет отчаянно сопротивляться. Однако, если возникнет шанс вернуть нас под власть Рима, папа моментально прискачет на первый же захваченный французами клочок земли. Как, наверное, и император Карл. Смерть господня, – вырвалось у меня, – когда же еще возникала столь запутанная ситуация?!

– Лорд Кромвель нашел бы из нее выход. Но король не сумеет этого сделать.

– Никогда. И при этом он утопит Англию в крови.

– Ладно, – сказал уже более бодрым тоном Барак, – во всяком случае, в Лондоне ты сумеешь разобраться с Колдайроном. И спасибо тебе за то, что согласился вернуться домой.

Я кивнул в знак согласия:

– Ты все тревожишься за Тамасин, так ведь?

– Без малейшего перерыва, – с чувством проговорил Джек.

Мы ехали к Портсдаунскому холму.

Глава 29

Мы прибыли в Хойленд около семи вечера предельно усталыми. Я умылся и тщательно расчесал волосы, чтобы избавиться от, возможно, подхваченных блох и вшей, а потом упал на постель, размышляя об Эллен и Хью. Но выхода из обоих тупиков не усматривалось.

Я настолько устал, что в ту ночь спал без сновидений. Следующий день прошел достаточно мирно. За трапезами Абигайль почти не открывала рта: она казалась безразличной и побежденной. Дирик пребывал в своем привычно агрессивном и резком настроении. Хоббей-старший держался настороженно, Хью – достаточно вежливо, но явно потеряв интерес к моему присутствию. Дэвид, со своей стороны, пребывал в странном молчании и покое. Пару раз я замечал, что Фальстоу бросает на юношу недовольные взгляды. Днем все, за исключением Абигайль, оставили дом, завершая приготовления к охоте.

В середине дня я отправился гулять по приорству, пытаясь добиться какой-то ясности в голове, ибо беспрестанные размышления об Эллен и о том, кто мог стать причинной пожара, повергали мой ум в головокружение. В саду мистрис Хоббей бесконечная жара заставила цветы поникнуть.

В тот вечер произошло первое из тех событий, что навсегда изменили жизнь семейства Хоббеев.

Я сидел за столом в своей комнате, прикидывая те расходы, которые могут выставить нам на следующем слушании. Сумма получалась внушительной. Уже смеркалось. Я каким-то образом ощущал, что снаружи оба юноши вновь занялись стрельбой, и, кажется, даже слышал их голоса за открытыми ставнями. И тут я услышал внезапный полный муки крик:

– Нет!

Я поднялся, выглянул в окно и, к собственному изумлению, увидел Фиверйира, улепетывавшего от стрельбища к дому. Хью и Дэвид смотрели ему вслед, однако расстояние не позволяло мне разглядеть выражения их лиц. Сэм мчался так, будто его преследовал сам дьявол. Он исчез из моего поля зрения, а потом я услышал торопливые шаги на лестнице и лихорадочный стук в дверь Дирика.

На следующее утро очередного жаркого и душного июльского дня все мы отправились в церковь. Маленькую процессию возглавлял Николас

Хоббей. Абигайль в самом лучшем платье, но с поникшей головой опиралась на его руку. За ними следовали Дирик, Барак и я, а замыкали шествие слуги во главе с Фальстоу. Джек в церковь идти не хотел, однако я заставил его, сказав, что мы не должны давать причин для упреков. Однако Сэмюель, к моему удивлению, отсутствовал.

– Молодому Фиверйиру нездоровится? – спросил я у Винсента. Тот чему-то хмурился и был занят собственными мыслями.

Он искоса глянул в мою сторону:

– Я отослал его назад в Лондон. Когда мы вернулись из Портсмута, нас ожидало письмо по делу. И сегодня рано утром я послал его заниматься этой бумагой. Бессмысленно нам обоим тратить здесь свое время на пустяки, – добавил мой коллега, как всегда завершив свои слова выпадом против меня.

– А мы не получали никаких писем, – заметил я. – Барак надеялся получить письмо от жены.

– Наше письмо привез особый гонец из Лондона. Оно касается важного дела.

– А я вчера вечером как будто бы видел Фиверйира бегущим по лужайке.

Мой оппонент снова бросил в мою сторону резкий взгляд:

– Это я позвал его.

Идти до церкви в соседнюю деревню Окидин было далеко. Долго идти приходилось и жителям деревни Хойленд прежде, при монахинях, посещавших храм приорства в их единственный день отдыха. Эттис, его хорошенькая жена и трое детей пересекли нашу дорогу в конце сельской тропы. Поклонившись, они отступили в сторону, пропуская нас. Абигайль посмотрела на него полными ненависти глазами.

Церковь в Окедине была невелика, и люд, собравшийся из обеих деревень, переполнял ее. Здесь, как и в храме преподобного Секфорда, явным образом стремились, насколько это возможно, придерживаться старого канона: все внутри пропахло ладаном, и статуи святых оставались в своих нишах. Я попытался представить, во что превратили бы эту церковь такие реформаторы, как родители Хью. Николас, Дирик и я заняли места во главе конгрегации – согласно своему общественному положению – рядом с крепким мужчиной средних лет и его надменной с виду женой, которых Хоббей-старший представил нам как владельцев соседнего поместья, сэра и леди Корембек. Люк Корембек, с гордостью проговорил мастер Николас, – мировой судья, и завтра он будет присутствовать на

охоте. Тогда я впервые услышал нотки почтительности в голосе Хоббея.

Викарий произнес проповедь, в которой призывал всех молиться и трудиться ради защиты отечества, а мужчинам еще и советовал посещать сборы местного ополчения. Я посмотрел на изображенную за его спиной картину Страшного Суда. Невозмутимый и ясный лицом Христос на престоле суда, ангелы, отправляющие добродетельных на небо, бледные и нагие грешники, валящиеся в озеро огненное… Я вспомнил, как Фиверйир предрекал, что солдаты и матросы, погибшие в битве, не достигнув притом спасения, должны угодить в ад. Так от чего же он бежал прошлой ночью? И где находится теперь?

После службы старший Хоббей задержался возле дверей, чтобы перебросится несколькими словами с сэром Люком, пока слуги и селяне выходили из храма. Леди Корембек пару раз обращалась к Абигайль, однако та пребывала в полной апатии и отвечала ей односложно. Наконец Николас со многими поклонами расстался с Корембеками, и мы направились по тропе, ведущей мимо покойницкой. И тут оказалось, что душ тридцать жителей Хойленда целыми семьями ожидают возле церкви, преграждая нам путь. Возглавлял собравшихся Эттис. Я услышал, как с присвистом затаил дыхание глава семьи Хоббей.

Предводитель крестьян без робости стал перед ним с жестким выражением на квадратном лице. Амброуз подошел к Николасу и опустил руку на кинжал.

– В этом нет необходимости, мастер Фальстоу, – невозмутимо проговорил Эттис. – Я всего лишь хочу кое-что сказать вашему господину.

Затем он показал на столпившихся позади него односельчан:

– Видите этих людей, мастер Хоббей? Смотрите внимательнее, среди них вы увидите тех, кого ваш дворецкий стремится изгнать с их земли. Моих сторонников прибавляется. Мы намереваемся подать в Суд по прошениям.

Дирик бросил в мою сторону подозрительный взгляд. Эттис же продолжил:

– Словом, я вас предупреждаю, сэр, держите своих лесорубов подальше от наших лесов, ибо они будут наказаны судом. Я говорю вам это перед всем собранием, перед всеми присутствующими здесь людьми, и в том числе сэром Люком Корембеком, нашим мировым судьей.

Абигайль резкими шагами подступила к крестьянину и выкрикнула прямо ему в лицо:

– Чурбан и негодяй, как ты смеешь мучить нас!

Эттис посмотрел на нее с пренебрежением. Тут Дэвид пробежал мимо

матери и, покраснев, стал перед селянами.

– Землерои! Тупицы! Скоты! – закричал он. – Я выгоню вас всех, когда стану здесь господином… и все вы будете побираться, вот так!!!

Кое-кто в толпе рассмеялся, а один из собравшихся крикнул в ответ:

– Ступай назад, в детскую!

Младший Хоббей огляделся по сторонам в беспомощном недоумении, странным образом нахмурился, члены его вдруг задергались мелкой неровной дрожью, глаза закатились, и он рухнул на землю. Селяне отступили назад, послышались испуганные женские голоса. Абигайль приложила руки к щекам и задушенным голосом простонала. Дэвид теперь дергался на земле, как какая-то марионетка.

– Что он делает? – ахнул кто-то в толпе.

– Он одержимый… кто-нибудь, позовите священника! – ответил ему кто-то.

А потом раздался еще чей-то голос:

– Да это же падучая…

Мистрис Хоббей снова застонала.

Это и правда была падучая: я видел эту болезнь в Лондоне. Жуткая хворь эта вдруг, словно гром среди ясного неба, могла поразить людей, всю свою жизнь кажущихся нормальными, могла внезапно бросить их дергающимися на землю. Некоторые считали ее разновидностью безумия, другие – одержимостью злыми духами.

Опустившись на колени, Абигайль попыталась успокоить бившие сына судороги.

– Амброуз, помогите мне, ради бога! – воскликнула она. – Он же прикусит язык!

Итак, этот припадок не первый, подумал я.

Отстегнув кинжал от пояса, Фальстоу просунул кожаные ножны между зубами Дэвида, губы которого теперь покрывала белая пена. Дирик глядел на происходящее с удивлением, а Хоббей-старший смотрел то на сына, то на толпу, а потом вдруг выкрикнул голосом, полным ярости и муки:

– Ну что, видели? А теперь, ради бога, ступайте, оставьте нас!

Возле него бесстрастно смотрел на корчившегося Дэвида Хью. Без жалости, без капли сострадания.

Селяне не двигались. Какая-то женщина произнесла:

– А помните того плотника, что явился к нам жить… у него тоже была падучая!

– Так мы же выгнали его и камнями вслед забросали!

Сэр Люк Корембек, наконец, шевельнулся.

– Разойдитесь все, приказываю! – раздался его голос.

Люди начали расходиться, поглядывая на Дэвида со страхом и презрением. Успокоившись, он немного полежал, а затем со стоном сел, посмотрев на мать.

– Голова болит, – проговорил он и зарыдал.

К нему подошел Николас.

– У тебя был приступ, – мягко проговорил он. – Теперь все в порядке, все хорошо.

– И все видели это? – с ужасом в голосе спросил юноша. По лицу его текли слезы, и он возбужденно озирался. Старший Хоббей и Фальстоу помогли ему подняться на ноги. Николас схватил сына за руку.

– Мне очень жаль, Дэвид, – проговорил он прежним тоном. – Я всегда боялся, что однажды это случится. Твой припадок вызвал Эттис вместе со своими людьми.

После этого он повернулся к сэру Люку:

– Благодарю вас, сэр, за то, что вы разогнали толпу. – В этот миг меня невольно восхитило внутреннее достоинство Хоббея. Сглотнув, он продолжил: – Увы, как вы только что видели, мой сын страдает падучей. Припадки случаются редко, и после недолгого отдыха он снова придет в себя.

– Причиной несчастья стал Эттис и его мужланы, – проговорил судья. – Иисусе, вот времечко: йомен возражает джентльмену!

Мы следовали за семейством по сельским дорогам. Фальстоу и Хью поддерживали с двух сторон Дэвида. Я понимал, что семья претерпела серьезный удар: отныне дворяне и сельские жители будут считать младшего Хоббея порченым. Я жестом велел Бараку отстать от остальных.

– Что скажешь? – спросил он, когда наши спутники ушли достаточно далеко вперед.

– Думаю, что они много лет это скрывали, – вздохнул я. – Дирик об этом не знал – он явно был изумлен. Милостивый боже, трудно представить себе ситуацию, более невыгодную для Хоббеев… У всех на виду! При всей своей тупости Дэвид Хоббей не заслуживал этого. Кстати, мне кажется, что в исчезновении Фиверйира кроется много больше, чем поведал мне Дирик, когда я рассказал ему о том, что видел из окна прошлым вечером… Его клерк бежал так, словно за ним гнался сам дьявол. И потом, сам Дирик сегодня явно чем-то очень озабочен.

– Возможно, у Дэвида приступ был и вчера.

– Нет. Он стоял возле валов стрельбища рядом с Хью. Что бы там ни

случилось, Фиверйир бежал, чтобы сообщить об этом Дирику. А теперь его нет с нами.

– А когда Абигайль кричала после смерти Ламкина, что ты не видишь того, что перед твоими глазами… она не могла иметь в виду Дэвида?

Я покачал головой:

– Нет. Она явно подразумевала что-то другое. Из всех людей она в последнюю очередь стала бы привлекать внимание к состоянию своего ребенка.

Я посмотрел на группу, шедшую впереди нас: Абигайль держалась позади своего сына.

– Каморка Фиверйира находилась возле твоей. Ты слышал, как он ушел? – спросил я.

– Слышал, как на самом рассвете за ним захлопнулась дверь, а затем его частые мелкие шаги. Я подумал, что он пошел на раннюю службу.

– Так что же заставило его бежать подобным образом, хотелось бы знать? – Я понимал, что исчезновение Сэма играет существенную роль в происходящем… но вот какую именно?

Глава 30

Лес ранним утром пребывал в восхитительном покое. Птицы сладко распевали в ветвях, белка следила за мной с ветви бука, и ее пушистый рыжий хвост подчеркивал зелень листвы. Я сидел на поваленном стволе посреди небольшой лужайки возле дуба, радуясь просторному жилету и рубашке, которые надел для охоты. Из-за спины до меня доносились голоса завтракавших за деревьями гостей, в то время как ровный шелест ветвей в недрах парка указывал на то, что мастер Эйвери вместе со своими людьми выслеживает оленя. Однако мне следовало отстраниться от них, уйти как можно дальше, хотя бы на минуту-другую. Скоро по охотничьему парку прокатится конная буря…

Я же пока размышлял о событиях предыдущего дня.

Когда мы возвратились из церкви, Дэвида отвели наверх и заставили лечь, хотя он все время протестовал, уверяя, что уже совсем пришел в себя. Его отец попросил Дирика пройти в его кабинет. Я как раз поднимался наверх, когда мой коллега появился на лестнице и спросил, не угодно ли мне посетить мастера Хоббея.

Хозяин Хойлендского приорства сидел за своим столом с серьезным выражением на лице. Он негромко попросил меня сесть, взял песочные часы и перевернул их, с печалью наблюдая за течением песчинок.

– Итак, мастер Шардлейк, – промолвил он ровным тоном, – вы видели, что у моего сына… что сын мой болен. Этот факт мы всегда старались держать при себе. Он всегда чрезвычайно угнетал мою жену: зрелище его припадков поражает ее в самое сердце. За исключением членов семьи, о его болезни знал только Фальстоу. По милости божьей, у Дэвида никогда еще не было припадка в присутствии слуг. Мы скрывали его болезнь даже от мастера Дирика. – Николас грустно улыбнулся своему адвокату. – Простите меня за это, Винсент. Но теперь о ней знают все. Эттис и его компания сегодня будут весь вечер осмеивать Дэвида в деревенской таверне…

Опустив часы на стол, он сжал пальцы в кулак.

– Насколько я понимаю, Хью уже какое-то время известно о болезни Дэвида, – заметил я.

– Первый приступ случился у моего сына сразу же после того, как к нам переехали Хью и Эмма… когда мы еще жили в Лондоне.

– Однако вы, тем не менее, хотели выдать Эмму за вашего сына. А

заключать брак подопечного с лицом, подверженным такой болезни, как падучая, не разрешается.

– Девушка умерла, – резким тоном напомнил Дирик.

И он беспокойно поглядел на Николаса, словно бы опасаясь того, что тот может наговорить больше, чем следует. Но что еще он мог бы сказать?

Я повернулся к Хоббею:

– Так, значит, Хью все время держал это в секрете?

Хозяин дома кивнул, но теперь глаза его смотрели на меня с настороженностью:

– Он согласился молчать и никому не рассказывать. И сдержал свое обещание.

– Сложно возлагать подобную обязанность на мальчика, – покачал я головой.

– Сам факт его молчания, бесспорно, свидетельствует о его верности семье, – вставил Винсент.

– Но ваше явление сюда и все это дело, – в голосе Николаса прозвучала гневная нотка, однако он немедленно овладел собой… – все это подвергло мою жену и сына огромному напряжению. И я полагаю, что именно это послужило причиной приступа Дэвида.

Однако потом он взял себя в руки и продолжил:

– Я бы попросил вас в порядке милосердия не сообщать об этом в Опекунский суд и не раскрывать наш секрет в Лондоне.

Я внимательно посмотрел на него. На лице Хоббея читалось тихое отчаяние. Губы его на мгновение дрогнули.

– Мне надо подумать, – ответил я.

Николас и Дирик переглянулись, и мастер Хоббей вздохнул:

– Мне пора идти, необходимо отдать еще несколько распоряжений в отношении охоты.

– Вы по-прежнему уверены в том, что эти приготовления разумны? – спросил мой оппонент.

– Да. Я не склоню головы, – отозвался хозяин с долей прежней твердости. – Я встречу моих гостей. И вы, Винсент, должны присутствовать, как подобает моему адвокату. Мастер Шардлейк, – повернулся он ко мне, – а вы примете участие в охоте?

Я помедлил, сознавая, что имею дело с пересмотром тактики, попыткой задобрить меня. Но потом кивнул:

– Благодарю вас. Охота избавит мои члены от скованности, которую я ощущаю после дней, отданных верховой езде.

Николас встал. Он казался предельно уставшим.

– Возьмите с собой своего клерка, если он захочет, – предложил он. – А после охоты прибудут сэр Квинтин и его сын. Мне следует оказать им подобающее гостеприимство.

Вернувшись в отведенную мне комнату, я тяжело опустился на постель. Следует ли мне сообщать о болезни Дэвида Сиротскому суду? Я не имел желания делать это. Но в какой мере жизнь в этой тесной семье при таком секрете повлияла на Хью? Через некоторое время, после новых раздумий, я вышел в коридор и постучал в дверь комнаты Кертиса.

Он открыл ее почти сразу:

– Мастер Шардлейк, входите.

Я последовал за ним в его уютную комнату. В ней было темно – полуприкрытые ставни не пропускали внутрь яркий дневной свет. На столе лежала открытая книга, «Утопия» Томаса Мора.

– Решили дать Томасу Мору еще один шанс? – спросил я.

– Да, вчера вечером. Увы, мастер Шардлейк, я по-прежнему считаю его фантазером. А Сэм Фиверйир говорил, что, будучи лордом-канцлером, он сжег многих добрых людей, посчитав их еретиками.

– Да, это так.

– Тогда какое он имеет право клеймить ужасы войны?

Я подумал, что из этого юноши мог бы получиться настоящий ученый, но вслух сказал другое:

– Фиверйир исчез.

Подойдя к окну, юноша посмотрел наружу сквозь ставни:

– Да, я привык видеть эту странную маленькую физиономию. Мне сказали, что мастер Дирик отослал его назад в Лондон.

– Очевидно, по срочному делу. Он уехал сегодня утром. – Чуть помедлив, я добавил: – Я видел, как он бежал вчера вечером по лужайке.

Хью повернулся ко мне, но лицо его оставалось бесстрастным:

– Мастер Дирик позвал его.

– Я не слышал никакого зова. Но кто-то, как я слышал, воскликнул: «Нет!»

– Вы ослышались, сэр. Мастер Дирик вышел из дома и позвал его. Зов хозяина всегда заставлял бедного Сэма нестись сломя голову. – Взгляд голубых с зеленью глаз обратился ко мне: – Так вы явились ко мне именно поэтому?

– Нет.

– Сомневаюсь.

– Секрет Дэвида теперь известен всем.

– Мне очень жаль.

– Мастер Хоббей сообщил мне, что о его состоянии вам с сестрой стало известно вскоре после того, как вы поселились у Хоббеев.

Мой собеседник опустился на постель и посмотрел на меня:

– Однажды днем, вскоре после того, как мы переехали к Хоббеям, мы с Дэвидом и Эммой занимались с мастером Кафхиллом. Он рассердился на Дэвида, который не выполнил задание учителя, и пригрозил, что расскажет об этом его отцу. Дэвид велел ему идти и проделать нечто отвратительное с овцой. После чего вдруг свалился со стула, начал трястись, и на губах у него выступила пена, как это было сегодня. Мы с Эммой испугались, так как решили, что Бог покарал его за плохие слова. Тогда мы еще верили в плохие слова, – добавил он с горькой полуулыбкой. – Однако мастер Кафхилл распознал симптомы. Он уложил Дэвида и удержал его язык линейкой, как это сегодня сделал Фальстоу ножнами кинжала.

– И родители Дэвида заставили вас с сестрой хранить эту тайну?

– Они попросили нас, – ответил молодой человек бесстрастным голосом.

– Итак, вы не любите их как родных? Никого-никого… – заметил я.

Длинное изуродованное лицо Хью чуть дернулось, и какое-то мгновение он опять сделался похожим на ребенка. Затем самообладание вернулось к нему, и юноша посмотрел на меня.

– Невзирая на все, – проговорил он негромко, – они потратили несколько месяцев на уговоры, принуждая сестру дать согласие на брак с Дэвидом. Невзирая на его падучую, невзирая на грубость и глупость.

– Дэвид не нравился Эмме?

– Она презирала его. Хотя сестре едва исполнилось тринадцать лет, он лез ей под юбку. – Лицо Кертиса потемнело. – Я ударил его за это, и мастер Кафхилл принял нашу сторону. Он сказал нам, что Эмма может отказаться выйти замуж за Дэвида. Она может обратиться в Сиротский суд и сообщить там, что Дэвид нездоров телом.

– Совершенно верно. Это так называемое насилие над подопечным, – проговорил я. – Но мастер Хоббей все еще хотел связать ее долю земель вашего отца с собственными землями.

– У нас с Эммой были свои планы. – В голосе Хью слышался гнев. – Если бы мастер и мистрис Хоббей продолжили настаивать на своем, мы пригрозили бы обратиться в этот их самый драгоценный Опекунский суд. Мастер Кафхилл читал закон, он сказал нам, что если мальчики не могут избавиться от опеки до двадцати одного года, то девочки могут унаследовать свои земли в четырнадцать лет.

– Да, если не дадут согласия на приемлемый брак.

– Приемлемый брак. Мы намеревались подождать еще несколько месяцев, пока Эмме исполнится четырнадцать лет, после чего мы взяли бы ее земли, продали их и вместе убежали.

– А вы рассказывали мастеру Кафхиллу о своих планах?

– Нет. Наверное, нам стоило бы довериться ему, – печально проговорил Кертис.

– Дело оказалось бы сложным. Вы не смогли бы обойтись без адвоката.

Хью издал высокий и горький смешок, насторожив меня:

– Но до испытания дело-то все равно не дошло, так ведь? Сестра моя умерла, и все планы больше ничего не значили.

Лицо его вновь дернулось. На какую-то секунду мне показалось, что он заплачет, однако черты его вновь приняли привычное безразличное выражение. Эх, если бы только Майкл Кафхилл и преподобный Бротон знали о состоянии Дэвида прежде, чем его отцу было даровано право опеки! Молодой человек вздохнул и с внезапным раздражением почесал грудь.

– Надеюсь, вы не подхватили блох, – проговорил я. – В Портсмуте я подцепил несколько штук, но, как мне кажется, успел от них избавиться.

– Нет, там у меня другие шрамы, они зудят. – Мой собеседник вновь почесался, на сей раз осторожнее.

– Вы носите там крест Эммы? – осторожно спросил я.

Юноша посмотрел на меня:

– Нет, мастер Шардлейк, я храню его в шкафу. Мне трудно смотреть на него.

– Печально.

– Возможно, вам не стоило привозить его. Да, я по-прежнему ношу каменное сердце. Вы правы, я не люблю Хоббеев. Однако, сэр, вы умеете заставить людей говорить. Но если я не могу отправиться на войну, это значит, что я останусь здесь. Таково мое желание, и это вы можете сказать в Опекунском суде.

– Но почему, Хью?

Разведя в стороны ладони, оканчивающиеся длинными пальцами, Кертис еще раз с горечью усмехнулся:

– А куда мне еще деваться? Я привык к здешней жизни, и я не хочу тягаться в суде с мастером Хоббеем. Через три года я вступлю в собственные права и уеду отсюда.

– И что вы тогда будете делать? Поступите в солдаты?

– Возможно.

– Хью, если я смогу оказать вам какую-то помощь, вы найдете меня в Линкольнс-инн.

Парень вновь печально улыбнулся и пристально посмотрел мне в глаза:

– Благодарю вас, мастер Шардлейк. Через три года… да, через три года мне и в самом деле может потребоваться друг за пределами этого поместья.

Какие-то птицы, перепархивавшие с ветки на ветку на одном из соседних деревьев, вернули меня к реальности. Поднявшись на ноги, я вернулся через небольшой перелесок на просторную поляну, где собралось десятка три человек. Хоббей и егерь Эйвери вместе с Фальстоу, сэром Люком Корембеком и двумя другими прилично одетыми мужчинами средних лет, корпели над планом парка, разложенном на пне спиленного дерева. На траве были расстелены полотнища белой ткани, на которых разложили подушки. Там восседала леди Корембек в обществе двух немолодых уже дам. Все были пышно одеты, женщины блистали платьями из шелков и атласа, головы их покрывали модные капюшоны, а лица и шеи были припудрены свинцовыми белилами. Слуги разносили бокалы с вином и блюда с хлебом и сыром. Чуть поодаль с полудюжиной лошадей и охотничьими собаками на поводках находилась группа из двух десятков мужчин, нанятых в деревне Хойленд, чтобы помочь в охоте. Барак о чем-то разговаривал с ними. Я с удовольствием заметил среди коней Нечета.

Хью и Дэвид вместе с еще двумя юношами, по всей видимости, сыновьями гостей, разговаривали с Дириком. Мальчики так же, как и селяне, были в камзолах разных оттенков зеленого цвета. Соседствовавшие с Николасом мужчины были в украшенных прорезями дублетах бледных расцветок: обыкновенные яркие цвета изысканных одежд в лесу находились под запретом. Все четверо юношей держали в руках луки с распущенной тетивой, а на поясах у них находились колчаны. Я заметил в оперении стрел лебединые и павлиньи перья – печать статуса. На всех охотниках были перчатки и гарды из рога или тисненой кожи. Дэвид не обнаруживал никаких признаков вчерашнего приступа, но то и дело озабоченно посматривал на молодых гостей, вне сомнения, гадая, знают ли они о нем.

Охотничий завтрак представлял собой прелюдию к главному действию: вскоре дамы останутся на этой поляне, пока мужчины будут преследовать оленя, надеясь вернуться с добычей на стоявшей поблизости большой колесной повозке рядом с тканью, на которой были разложены

ножи и зажимы, где перед всеми собравшимися животное будет разделано. Иногда в охоте принимали участие и дамы, однако в этот день подобное не планировалось. Я вспомнил принцессу Елизавету и слова королевы о том, что эта девочка уже сопровождала охоту.

Женщины беседовали с Абигайль, казалось бы, непринужденно, но, как я видел, не без неловкости. Вполне вероятно, что им уже известно все, что случилось вчера возле церкви. Мистрис Хоббей пыталась поддерживать разговор, однако в голосе ее чувствовалась напряженность, и она все время теребила свою салфетку.

– Это будет первая охота моего сына, – проговорила она. – Пора сильному и крепкому парню развлечься!

Вызывающе посмотрев на остальных дам, она визгливо, со страхом в голосе рассмеялась. Один из охотничьих псов вдруг залаял, и бедная женщина вздрогнула. Я вспомнил подслушанный разговор, в котором Абигайль сказала, что проводить охоту небезопасно.

Оставив общество слуг, Барак подошел ко мне.

– Ты уверен в том, что тебе это нужно? – спросил он.

– Мне уже случалось бывать на охоте, – резко ответил я.

– У тебя больше опыта, чем у меня. Однако недаром говорят, что нужно испытать все, кроме кровосмешения и чумы.

– Мастер Шардлейк! – Хью приблизился к нам, и теперь в нем не было заметно никакой напряженности. – Вы готовы?

– Да, – кивнул я. – А что произойдет?

– Я и трое других лучников, – Кертис кивнул в сторону Дэвида и остальных юношей, – засядем в разных местах на тропе. Как и Фальстоу.

– Большая честь для слуги.

– Мастер Хоббей считает, что он заслуживает этой чести, – невозмутимо ответил молодой человек.

– А я считал, что молодые люди обычно едут вместе с охотой, а не сидят в засаде в лесу.

– Да, но мы хотим помериться стрелковым мастерством. Мастер Станнард второй по старшинству офицер в местном ополчении, находящемся в десяти милях отсюда. Эй, парни! – Юноша помахал рукой, и к нам подошли Дэвид, двое молодых гостей и Дирик. Барристеру было явно не по себе. Меня представили мастеру Станнарду и мастеру Белтону, сыновьям двоих мужчин, изучавших план вместе со старшим Хоббеем. Обоим еще не исполнилось двадцати лет, однако в военном деле важнее общественное положение. Я вспомнил сэра Франклина Гиффарда, находящегося в преклонном возрасте, но, тем не менее, командующего

ротой Ликона.

– По пути сюда на прошлой неделе мы видели учения какого-то ополчения, – сказал я.

– Своих людей в моем околотке готовят неплохо, – с гордостью произнес мастер Станнард, юноша высокий и хорошо скроенный, державшийся несколько развязно. Мастер Белтон был ростом пониже, и лицо его все еще покрывали прыщи.

– Вся проблема в снаряжении, – продолжил Станнард. – По закону все должны прибывать с собственным оружием, однако у многих нет даже луков. Однако все они будут готовы выступить, как только зажгутся сигнальные костры.

– Англия еще не видала большего войска, – заметил Дэвид. Я посмотрел на него. Во взволнованном голосе молодого человека угадывалось лихорадочное возбуждение. Заметив на себе мой взгляд, он отвернулся.

Мастер Станнард кивнул:

– Если дойдет до этого, мы задавим их одним числом. И я поведу в бой моих ополченцев. Сегодня нам предстоит хорошая тренировка, быть может, я уложу оленя и заслужу каменное сердце.

Затем он повернулся к Хью:

– Ты ведь добыл каменное сердце на охоте моего отца два года назад… разве не так? Всего в шестнадцать лет.

– Так, – с гордостью отозвался Кертис.

– Говорят, оно способно излечить человека от многих хворей.

– Обычно я ношу его на шее. Но сегодня могу показать тебе. – Сняв перчатки, Хью опустил руку в привязанный к поясу кисет. Он достал оттуда крошечный кожаный мешочек с привязанной к нему тесемкой, открыл его и вытряхнул на ладонь небольшой округлый беловатый предмет. Барак с легким отвращением наморщил нос, но юноши стали с интересом разглядывать этот кусочек кости.

– Я буду всегда хранить его, даже если сумею добыть другое, – с тихой гордостью проговорил Хью. Его товарищи исполнились благоговения.

Дирик подошел ко мне:

– Вижу, что вам подали вашего дорожного коня. Спокойное с виду животное…

– Действительно. – Я с удивлением посмотрел на коллегу. В кои-то веки он решил затеять дружелюбный разговор!

В это время Николас громко позвал:

– Всех, кто собирается на охоту, прошу подойти сюда!

Он помахал рукой, и все гости мужского пола и хойлендцы направились к нему. Дирик жестом остановил меня.

– Брат Шардлейк, – сказал он негромко, – после полудня сюда приедут феодарий Приддис и его сын. Вы получите возможность объехать леса вместе с молодым Приддисом. И после этого я буду просить вас согласиться на завтрашний отъезд. Меня ждет сложное дело, ради которого я услал Фиверйира. Мне надо вернуться домой.

– Дело из Опекунского суда? – уточнил я.

– Судебный запрет. – Винсент глубоко вздохнул. – И если мы уедем завтра, мастер Хоббей согласился на то, чтобы в его деле каждая сторона оплатила собственные расходы, не прибегая к суду. Вариант весьма выгодный для вашего клиента, как вы прекрасно понимаете сами. Но в противном случае, – он вновь вернулся к своей агрессивной манере, – могу обещать, что в суде мы взыщем издержки полностью.

– Хоббей согласился на это? – спросил я с удивлением. Прекрасное предложение, не́ из тех, которые обыкновенно делают противнику, когда дело его рассыпа́лось!

– Согласился. Он хочет, чтобы вы уехали. Кровь Христова, друг мой, неужели вам не ясно, что с него довольно неприятностей?! – воскликнул Дирик с необычной для него страстностью.

Я задумался. Николас мог сделать подобное предложение по одной-единственной причине: ради того, чтобы о состоянии Дэвида не узнали в Лондоне.

– Я не могу узнать здесь мнение своего клиента, – ответил я.

– И не надо, коллега, вы можете согласиться неофициально. Ваша клиентка поступит согласно вашей рекомендации. И она, и королева, – добавил мой оппонент с горечью.

– Я обдумаю ваше предложение, как только осмотрю с Приддисом земли Хью, – решил я и, повернув голову, заметил на себе пристальный взгляд хозяина имения. – Пойдемте. Нам следует присоединиться к остальным.

Мы собрались возле ствола поваленного дерева, и старший Хоббей коротко представил нас с Дириком своим гостям в качестве адвокатов, занятых его делами. Я бросил взгляд на Эйвери. Молодой человек был в наряде цвета листвы, на перевязи на его шее висел серебряный охотничий рог. С непривычно авторитетным видом он указал на карту:

– Вот как мы намереваемся проводить охоту. – На карте был изображен прямоугольный охотничий парк с отмеченными на нем тропками между

деревьев. Взяв уголек, Эйвери поставил крестик возле его внешнего края и стал объяснять: – Мы находимся здесь. И поедем по этой дорожке, пока не доберемся до вот этой, сворачивающей в сторону тропки. Ехать, джентльмены, надлежит, по возможности, тихо – важно понимать, что иначе мы можем вспугнуть оленей, которые находятся здесь. – Он обвел кружком какое-то место возле тропы. – Мои люди постоянно следили за ними: здесь они вчера вечером залегли на ночлег.

– И тут они достанутся нам, – с тихим удовлетворением заметил Николас Хоббей.

Егерь серьезно посмотрел на него:

– Не совсем так, сэр. Здесь настоящая охота только начнется. Здесь, и только здесь можно будет забыть про тишину. Мы спустим псов, и всадники должны постараться отделить рогача от оленух и оленят, представляющих собой лишь вторичную цель.

– Всякий сброд, как их называют, – с пониманием усмехнулся Корембек. – Все понятно, сэр, я не в первый раз на охоте.

– Однако простите меня, сэр, – продолжил Эйвери, – не каждый может сказать это о себе. – Он с серьезным видом оглядел компанию. – Олень крупный, наверное, семилетний, на его рогах десять отростков. Важно, чтобы он побежал по той тропе, по которой мы его направим. Однако слишком приближаться к нему нельзя, чтобы, ощутив безвыходное положение, он не свернул в сторону. Что касается сброда, мы спустим на них собак, следом за которыми поедут шестеро хойлендцев. Остальные жители деревни будут ждать возле плетней, устроенных в разрывах между деревьями на главной тропе: они должны отпугнуть оленя криками, если он попытается прорваться в сторону. Оленух всего восемь, с ними несколько детенышей, собаки остановят их, а вам, охотники, надлежит прикончить их кинжалами и стрелами.

Затем Эйвери посмотрел на селян:

– Мастер Клементс, вы распоряжаетесь собачками.

Молодой крестьянин, к которому он обратился, широко улыбнулся в ответ:

– Я готов, сэр.

– Вопрос ко всем остальным: есть ли еще что-нибудь непонятное? – уточнил егерь.

– Если мы убьем оленуху или олененка, разрешат ли нам забрать лучшее мясо? – спросил один из деревенских.

– Вам это обещали! – резко ответил Хоббей-старший.

– Отнесем ножку мастеру Эттису, – проговорил кто-то еще, и все

селяне расхохотались. Похоже, враждебное настроение преобладало и среди набранных хозяином имения людей. Не вставая с подушек, Абигайль повернулась и бросила полный злобы взгляд на говорившего.

– Николас, – проговорила она, – присмотри за тем, чтобы этот человек не получил мяса за свою грубость.

– Джентльмены! – Эйвери хлопнул рукой в перчатке по карте. – Прошу внимания! Нам предстоит иметь дело с сильным и опасным зверем!

– Приношу свои извинения, – старший Хоббей ожег Абигайль гневным взором. – Моя жена все испортит своим языком.

Дамы сдержанно охнули, услышав оскорбление, прилюдно нанесенное Николасом собственной жене. Абигайль покраснела и отвернулась. На щеке ее мужа шевельнулся желвак. Он снова посмотрел на Эйвери и отрезал:

– Продолжайте.

Егерь набрал в грудь воздуха:

– Как только рогач будет поднят, начинается настоящая охота. Мы гоним его на главную дорожку, а потом – к месту, где залегли стрелки. Вы, которые у плетней, должны делать свое дело и не пугаться, если рогач бросится в вашу сторону. В стороне от тропы, в лесу, рогач куда быстрей лошади.

– Верно, – многозначительным тоном произнес Корембек.

Далее Эйвери начертил пять крестов в разных точках у тропы:

– Здесь будут ждать лучники – мастер Хью, мастер Дэвид, Фальстоу и двое наших молодых гостей. Вы выступаете первыми. Одному из вас достанется главная честь – тому, кто нанесет оленю последний удар, который повалит зверя. – Он обвел стрелков глазами. – Помните: вам нужно найти хорошее укрытие с чистой линией стрельбы. И держитесь незаметно.

Затем егерь внимательным взглядом окинул всю компанию:

– Когда оленя погонят к стрелкам, я протрублю в рог – вот так, – с этими словами он дунул в свой рог, – чтобы дать им знак приготовиться. Если мне потребуется созвать стрелков по любой причине, сигнал будет другим. – Он изобразил другую ноту. – Итак, все понятно?

Раздался хор согласных голосов, и Эйвери кивнул:

– Прекрасно, сэры, значит, по коням! Псари, держите собак!

Мы проводили взглядом Дэвида, Хью, Фальстоу и двух их молодых соратников, углубившихся в лес единой цепочкой. Через несколько минут Эйвери дал знак всем остальным последовать за ними. Тишину нарушало только редкое звяканье снаряжения, немедленно стихавшее. Рвавшиеся

вперед с поводков собаки были приучены к молчанию. Я ехал между Бараком и Дириком, как раз позади старшего Хоббея, конь которого выступал возле Корембека. Возглавлявший кавалькаду Эйвери задал неторопливый и ровный шаг. Я почувствовал, что Нечет взволнован этим непонятно медленным продвижением, и ласково потрепал животное по холке.

Спустя полчаса наш предводитель поднял руку и указал на узкую боковую тропу. Сложно было не производить никакого шума, продвигаясь по ней, так как кони то и дело задевали ветви. И вдруг, столь же внезапно, как было, когда мы с Бараком наткнулись на оленуху, перед нами оказалась прогалина, полная оленей. Их было ровно столько, сколько сказал егерь. Самки с детенышами и крупный самец мирно щипали траву. Заметив нас, животные насторожились, повернулись в нашу сторону. Рогач поднял голову.

И тут началась лихорадочная скачка, заставляющая кровь кипеть в жилах, – скачка, которой мы и ждали. В какое-то мгновение оленухи с детенышами бросились бежать. Спущенные с поводков охотничьи собаки рванулись за ними, пролетев мимо нас. За ними, сокрушая подлесок, последовали шестеро всадников.

Все прочие остались с глазу на глаз с рогачом. На своей первой, состоявшейся много лет назад охоте я увидел взрослого оленя уже мертвым. Этот зверь был крупнее, и его огромные и острые рога грозно качнулись. Олень опустил свою голову, направив их на сэра Люка, оказавшегося ближе всего к нему.

– В сторону, сэр! – спокойно и четко приказал Эйвери. Корембек неторопливо, с напряженной и взволнованной улыбкой направил коня вбок. И тут же, в долю секунды рогач промчался в открывшуюся брешь назад на тропу, напрягая на бегу массивные мышцы задних ног. Эйвери протрубил в рог, и все мы последовали за ним, погоняя коней вперед. Барак взволнованно ухмыльнулся и выдохнул:

– Иисусе, а это нечто!

Мы гнались следом за оленем по тропе. Группа стоявших на дороге людей криками «Хей-хей!» и взмахами рук заставили животное повернуть направо, к стрелкам. Оно метнулось вдоль по тропе, и мы во весь карьер понеслись за ним. В одном месте, где деревья редели, олень попытался свернуть, однако брешь прикрывал большой плетень. Потеряв драгоценные мгновения, зверь вернулся обратно на тропу и помчался дальше. Когда он поворачивал, я увидел его большие, полные ужаса глаза.

Вновь набрав скорость, рогач опередил лошадей. Мне пришлось

сфокусировать все свои чувства на скачке посреди нависавших отовсюду ветвей. Возможно, процесс и доставлял удовольствие Джеку, но я испытывал противоположные чувства: опасался быстрой езды в густом лесу и ждал, что какая-нибудь ветка вот-вот ударит меня по голове или колену.

Но вот животное заметило очередной просвет между деревьями и бросилось в сторону. Путь ему преграждал другой плетень, оказавшийся не слишком высоким. Олень подобрался, собираясь прыгнуть, однако возле плетня появились селяне, кричавшие и размахивавшие руками. Внезапно рогач остановился и повернулся к нам мордой. Всадники замерли на месте. Я снова оказался в первом ряду, рядом с Николасом. Рогач издал какой-то звук… скорее, проревел, чем промычал, опустил голову и замотал громадными рогами из стороны в сторону. Эйвери протрубил в рог, давая стрелкам знать, что настало их время. И тут, пригнув голову к земле, рогач бросился вперед.

Животное мчалось прямо на коня Хоббея-старшего и врезалось в него, ударив всадника в шею. Конь заржал и встал на дыбы, а мастер Николас с воплем полетел назад, на меня. Нечет дернулся, и я почувствовал, что падаю и хозяин имения валится на меня сверху. Мы приземлились в зарослях жгучей крапивы, смягчивших наше падение и избавивших нас от серьезных повреждений, однако вес обрушившегося на меня Хоббея заставил меня задохнуться. Я столкнул его, прежде чем он удушил меня. Руки и шея у меня горели от крапивных ожогов. Затем я услышал громкий щелчок, тихий стон оленя и шум падения тела.

Я постарался немного отдышаться к тому моменту, когда Барак подбежал ко мне и помог мне сесть. Эйвери тем временем помогал Хоббею подняться на ноги. Задыхаясь, я огляделся. Кто-то из деревенских держал под уздцы Нечета, явно не получившего никаких повреждений, а вот лошадь Николаса дергала ногами в подлеске. Люди из деревни бежали к нам. Посреди тропы в окружении охотников лежал рогач, из груди которого торчала стрела. Испустив долгий, трепещущий вздох, он дернулся и затих. Хью подошел к животному и остановился над ним с луком в руках. Лицо его блестело от пота. Молодой мастер Станнард подбежал к нему и хлопнул его по плечу:

– Отличная работа, мастер Кертис. Какой выстрел!

Удовлетворенная улыбка неторопливо легла на лицо Хью.

– Да, – проговорил он, – да, я снова сделал это…

Потрясенный Хоббей-старший часто дышал. Кертис посмотрел на него, а потом перевел взгляд на меня.

– Вы ранены, сэр, – заметил он. – У вас на руке кровь.

Я прикоснулся к руке, на которой действительно немного ниже локтя оказался глубокий порез, и скривился:

– Должно быть, упал на какую-то деревяшку.

– Дай-ка посмотрю, – предложил Джек.

Сняв дублет, я закатал рукав. На предплечье оказался внушительный порез, из которого живо текла кровь.

– Нужно перевязать, – проговорил мой помощник. – Вот что, позволь мне отрезать рукав, рубашка все равно порвана.

Пока Барак занимался моей раной, Николас подошел к своему подопечному.

– Хью, – проговорил он дрожащим голосом, – спасибо тебе, ты спас всю охоту. А может быть, даже мою жизнь!

Юноша ответил ему холодной улыбкой:

– Я же говорил вам, сэр, что не промахнусь и на поле боя.

Из глубин леса донесся звук рога.

– Они убили оленух, – заметил сэр Люк. – Вот что, люди, передвиньте рогача на край тропы, чтобы сюда могла подъехать повозка. И помогите поднять коня мастера Хоббея.

Упавшее животное, к счастью, оказавшееся невредимым, дрожало всем телом, когда его подняли на ноги. Четверо деревенских схватили оленя за рога и, оставляя кровавый след, оттащили его к краю тропы.

Охота рассеялась, и Николас приказал всем, пешим и конным, возвращаться на прогалину. Слуга повел его прихрамывающего коня. Хью ушел в обществе двух молодых джентльменов, наслаждаясь их поздравлениями, а Эйвери отправился вдоль по тропе за Фальстоу и Дэвидом, оказавшимися слишком далеко от места событий, чтобы расслышать звук рога. Хоббей-старший, в запыленной и рваной одежде, растирал бледные ладони.

– Простите, что я упал на вас, сэр, – проговорил он. – Надеюсь, что ваша рука легко заживет.

– Я тоже. Пойдем, Барак, давай вернемся в дом. – Я поднялся, но лес немедленно заходил вокруг меня ходуном. Джек снова помог мне сесть.

– У вас шок, – покачал он головой. – Придется передохнуть на месте.

Винсент расхохотался:

– Осторожнее, Николас, или он сумеет найти способ осудить вас за посягательство на жизнь!

– Тихо! – рявкнул Хоббей, и лицо его адвоката потемнело. Казалось,

мой коллега намеревается что-то сказать, однако он повернулся и направился по тропе, в тот самый момент, когда на ней появился егерь вместе с Амброузом и Дэвидом. Хоббей-младший посмотрел на оленя, из груди которого торчала глубоко вонзившаяся стрела. Подойдя поближе, Фальстоу с восхищением проговорил:

– Отличный выстрел! Сегодня вечером поднимем кубки за здоровье мастера Хью. Он заслужил еще одно каменное сердце.

– Если бы олень выбежал на нас, – промолвил угрюмый Дэвид, – я застрелил бы его. Победа должна была достаться мне.

– Боже милостивый, мальчишка! – отрезал его отец. – Эта зверюга свалила с коней нас с мастером Шардлейком. И она могла бы нанести нам жестокие раны! Фальстоу прав, а тебе придется поздравить Хью.

Глаза Дэвида округлились. Я еще не слышал, чтобы хозяин поместья кричал на своего сына. Юноша обиженно воскликнул:

– О, да, Хью всегда лучше меня! Всегда и во всем. Хью, Хью, Хью! – Он яростно посмотрел на меня. – Этот самый Хью, с которым, по мнению горбуна, так скверно обращаются.

– Ступай домой! – Николас ткнул в сторону сына трясущимся пальцем.

Дэвид пробормотал непристойное ругательство и бросился напрямик в лес, сжимая в руке лук. Я успел заметить гневные слезы на его лице. Хоббей-старший повернулся к Фальстоу как раз вовремя для того, чтобы заметить на лице управляющего удовлетворенную улыбку. Глаза Николаса сузились:

– Ступай вперед, дворецкий. Встречай телегу и не забудь сказать, где надо грузить оленя.

– Да, сэр, – проговорил Амброуз с легкой иронией в голосе и тоже направился прочь.

– Ах, мои руки! – проговорил старший Хоббей. – Надо бы найти листья щавеля. Эйвери, пойдемте со мной, вы знаете здешний лес.

Егерь прищурился: подобное обращение подобало разве что простому домашнему слуге. Однако он, тем не менее, отправился по тропе вместе с Хоббеем. Мы с Бараком остались вдвоем возле оленьей туши. Вспугнутые шумом и движением птицы возвращались на свои привычные насесты и заводили прерванные песни.

– Да, будет о чем рассказать Тамми, когда я вернусь домой, – проговорил мой помощник.

– Дирик предлагал мне сделку перед охотой, – рассказал я негромко. – Если мы завтра уедем после визита Приддисов, каждая сторона оплатит

собственные расходы. Думаю, что это из-за Дэвида. Похоже, придется согласиться. – Я вздохнул. – Придется оставить в покое тайны этого дома.

– И слава богу за это! – Джек смотрел на меня с печальной улыбкой на лице.

С тропы донесся скрип колес. Около полдюжины людей сопровождали большую телегу, еще недавно стоявшую на поляне. С нее стекала кровь оленух и оленят, которых уже отвезли на поляну.

– Поехали, – предложил я. – Теперь со мной все в порядке. Поехали.

Мы сели на коней и стали неспешно пробираться по тропе мимо сопровождавших телегу слуг, завидев нас, принявшихся стягивать шапки с голов. Ехать пришлось дольше, чем я рассчитывал. Рассеченная рука мучительно пульсировала.

Я уже думал, что мы вот-вот выедем на поляну, когда Барак тронул меня за плечо.

– Смотри, – затаив дыхание проговорил он. – Что это? Вон там?

– Где? – Я вгляделся в заросли. – Ничего не вижу.

– Какое-то яркое пятно, похожее на одежду. – Спешившись, мой спутник направился в лес. Последовав его примеру, я пошел за ним и едва не врезался в его спину, когда он буквально застыл на месте.

– Что… – начал было я, но прикусил язык.

Умолкнуть меня заставила неожиданная сцена. Впереди нас оказалась та самая небольшая прогалина, которую я отыскал этим утром – с повалившимся стволом, прислонившимся к дереву. На какую-то секунду мной овладело головокружение: мне показалось, что передо мной ожила сцена охоты на единорога с гобелена, висевшего в зале дома Хоббея. На бревне, опершись спиной о дерево и сложив на коленях руки, сидела распустившая волосы по плечам женщина. Она молчала и даже не шевельнулась при нашем приближении. Образы сливались, и на какую-то секунду мне показалось, что из ее лба выходит рог единорога. И лишь потом я осознал, что на самом деле вижу Абигайль Хоббей, пригвожденную к дереву пробившей ее лоб стрелой.

Часть пятая
Беспокойные мертвецы

Глава 31

Мы с Бараком сидели в конце большого обеденного стола в большом зале Хойлендского приорства. Фальстоу и Дирик вместе с сэром Люком Корембеком переговаривались приглушенными голосами, стоя под витражами старинного окна. Сэр Квинтин Приддис восседал в кресле возле пустого камина, опираясь здоровой рукой на палку, помертвевшую руку опустив на колени, и наблюдал за ними с циничной улыбкой. Позади отца стоял Эдвард Приддис с серьезным выражением на лице. Они уже были в зале, когда мы вернулись с известием о смерти Абигайль.

– У Эттиса были все причины ненавидеть ее, – говорил Фальстоу. – Он не раз страдал от ее языка. Ему было известно, что моя бедная госпожа не уступит ему.

– Она выступила против Эттиса, когда он совсем недавно кричал на моего клиента в его собственном кабинете, – добавил Дирик. – Я присутствовал при этом.

Управляющий имением с мрачным видом кивнул:

– Я знаю этого смутьяна. Только у него одного хватит внутреннего огня и безрассудства, чтобы рискнуть собственной шеей. Сэр Люк, умоляю вас воспользоваться собственной властью магистрата и приказать доставить его сюда! Допросите его, выясните, где он находился сегодня.

Почесав пухлую щеку, сэр Люк кивнул:

– Возможно, этот шаг будет разумным до прибытия коронера. Я могу приказать своим слугам доставить его сюда. В моем доме есть погреб, в котором его можно будет держать.

Приддис вдруг усмехнулся:

– Значит, уже сыскали убийцу, так? Деревенского коновода, противника ваших планов. Удобное решение.

Мировой судья взвился:

– Мастер феодарий, Эттис – истинный негодяй и, к тому же, враг этого семейства! Его следует допросить.

Квинтин пожал плечами:

– С моей точки зрения, это ничего не значит. Однако коронер, когда он приедет из Винчестера, скорее всего, решит, что ваши силы было бы лучше потратить на выяснение передвижений всех, кто присутствовал на охоте.

– Это и делается сейчас, сэр, – ответил Дирик.

– Эттис никуда не убежит, – заметил я. – У него жена и трое детей.

– Полное расследование проведет коронер, – надменно провещал Корембек, – однако задержать на это время подозреваемого не составит вреда.

– А когда может приехать коронер? – поинтересовался Винсент у Фальстоу.

– Никак не раньше послезавтра, даже если наш гонец не столкнется с какими-либо препятствиями на дороге отсюда до Винчестера, в чем я сомневаюсь, – ответил тот.

Барак явно приуныл. Как нашедшие тело, мы с ним должны были оставаться здесь до проведения расследования. Но я никак не мог избавиться от чувства внутреннего удовлетворения. Панцирь окружавшей это семейство тайны вот-вот должен был лопнуть. Впрочем, бедная Абигайль, виновато подумал я.

Сэр Квинтин посмотрел на сына:

– Ну что ж, Эдвард, а ты тем временем можешь обследовать собственность Хью Кертиса, ради чего мы, собственно, здесь и оказались. Если, конечно, вы с мастером Шардлейком не опасаетесь очередной прилетевшей из леса стрелы. Фальстоу рассказывал мне, что в вас тоже стреляли несколько дней назад.

– Да, – откликнулся я. – Но тот выстрел явно был предупредительным, не направленным в цель.

– Чего мне бояться, отец? – резким тоном возразил Эдвард. – Мы будем ездить по расчисткам. Большие деревья там всюду повалены: лучнику негде укрыться.

Я посмотрел на Дирика:

– А вы поедете?

– Я останусь с мастером Хоббеем, – покачал тот головой и повернулся к управляющему: – Фальстоу, я бы хотел, чтобы вы передали гонцу, которого посылаете за коронером, мое письмо клерку Фиверйиру. Его следует доставить в Лондон, так быстро, как это только возможно. Затраты меня не смущают.

Эдвард Приддис взглянул на меня:

– Тогда я отправляюсь переодеваться, сэр, и мы выезжаем.

Барак первым пришел в себя после того, как мы с ним увидели на лужайке это жуткое зрелище. Неслышно ступая по траве, он подошел к убитой и осторожно прикоснулся к ее руке.

– Еще не остыла, – заметил он.

Я тоже приблизился к телу. Глаза Абигайль были широко открыты, и в

них застыло последнее предсмертное удивление. Рядом с телом оказался желтый лесной цветок, несколько лепестков которого были оборваны. Должно быть, она сорвала его по пути на эту поляну, подумал я. Стрела, непристойным образом торчавшая из белого лба, была оперена гусиными перьями. Я вспомнил, что у юношей были стрелы с павлиньим и лебединым оперением, но вот не было ли в их колчанах стрел с обыкновенным гусиным пером? Крови почти не было, лишь небольшой алый кружок вокруг древка стрелы…

– Надо идти и рассказать всем, – предложил тихим голосом Барак. Из-за деревьев до меня доносился далекий ропот голосов. Я остановил его жестом.

– Давай-ка, сперва оглядимся по сторонам, прежде чем эта лужайка наполнится людьми. – Я указал на деревья. – Убийца стрелял оттуда. Пойдем, посмотрим, не удастся ли нам найти место, где он стоял.

Мы попытались последить траекторию полета стрелы. Едва мы углубились в лес, дальнейший путь нам преградил дуб. Я повернулся и увидел тело несчастной Абигайль прямо перед собой, а посмотрев вниз, заметил слабый отпечаток каблука на мягкой земле.

– Убийца стоял прямо здесь, – проговорил я. – Он мог идти по дороге, как и мы с тобой, и подобным же образом заметить среди листвы яркое желтое пятно ее платья. Осторожно приблизившись сюда, он наложил стрелу на тетиву и убил ее.

– Значит, убийство не было преднамеренным? – уточнил Джек.

– Не было, если все происходило подобным образом.

– Но что, если она договорилась с кем-то о встрече в этом месте и пришедшие убили ее?

– Это возможно. Однако она могла прийти сюда, чтобы отдохнуть от компании, как это сделал и я. Ей было нелегко сидеть среди женщин, зная, что им, возможно, уже все известно про Дэвида.

Мой помощник посмотрел на труп:

– Бедняжка. Какое и кому она могла причинить зло? Да, характер у нее был скверный, грубости хоть отбавляй, но разве она одна такая? Зачем убивать ее?

– Не знаю. Возможно, помимо болезни Дэвида здесь водятся и другие секреты, и кто-то воспользовался возможностью заткнуть ей рот. – Я вспомнил подслушанный мной разговор между Абигайль и ее мужем. – Она опасалась, что на охоте может случиться нечто неприятное. Вот оно и случилось.

Когда мы вернулись на прогалину, оказалось, что все остальные уже там. Хью и Дэвид, а также Николас, Фальстоу и Дирик вместе с прочей компанией наблюдали за тем, как слуги в окровавленных рубахах под присмотром Эйвери взрезали живот крупной оленухи. Еще пятеро оленей грудой лежали неподалеку. Потрошат туши, вспомнил я подходящее слово.

Собак взяли на поводки, и деревенские жители удерживали их на месте. Псы тянулись вперед, задыхались и виляли хвостами. Запустив руку в нутро оленухи, Эйвери сильным движением извлек из него внутренности. Разрезая их большим ножом, он кидал куски собакам, выдавая им положенную награду.

Первым делом я сообщил о случившемся Амброузу, отведя его в сторону. Потрясение заставило его лишиться привычного спокойствия, глаза его округлились, и он отшатнулся, выкрикнув «Что?!» таким голосом, который заставил всех повернуться к нему. Однако управляющий тут же взял себя в руки, и лицо его сделалось жестким.

– Лучше будет не извещать об этом всю компанию, – посоветовал я ему негромко.

– Я должен сообщить мастеру Хоббею и мальчикам, – возразил Амброуз.

Я следил за Фальстоу, который по очереди подходил к Николасу, Хью и Дэвиду, негромко сообщая им печальное известие. Все они отреагировали совершенно по-разному. Старший Хоббей со снисходительной улыбкой наблюдал за разделкой туши: он уже успел прийти в себя после падения. Услышав слова дворецкого, он на мгновение замер, а потом отшатнулся назад и, наверное, упал бы, не поддержи его слуга. Едва держась на ногах и опираясь на руку этого человека, Николас проводил взглядом Фальстоу, направившегося к Хью и Дэвиду. Кертис, услышав о смерти Абигайль, нахмурился, явно не веря своим ушам, а младший Хоббей громко воскликнул:

– Мама! Моя мама!

Рука его протянулась вперед в странном жесте, как будто он хотел вцепиться в воздух в качестве опоры, но когда Фальстоу попытался прикоснуться к нему, юноша отмахнулся от его рук и самым жалким образом зарыдал.

Все вокруг с удивлением и страхом смотрели на членов семьи. Женщины приподнялись со своих подушек. Повернувшись к собранию, Амброуз заговорил:

– Случилось… – он на мгновение смолк, – …несчастье. С мистрис Абигайль. Увы, она мертва. Сэр Люк, не угодно ли вам пройти со мной?

Послышались вздохи и восклицания.

– Прошу пройти с нами, – продолжил управляющий, – также мастера Дирика и мастера Шардлейка.

Я шагнул вперед:

– Фальстоу, есть ли здесь слуги, которые все утро прислуживали женщинам?

Подумав, дворецкий указал на юношу, с виду ровесника Хью и Дэвида:

– Муркок, ты все время был здесь, так ведь?

Парень кивнул, не скрывая испуга.

– Скажи, когда мистрис Абигайль ушла с поляны? – спросил его Амброуз.

– Минут двадцать назад. Я слышал, как она сказала мистрис Станнард, что ей надо пописать.

Одна из дам добавила:

– Да, она так и сказала, но пошла не в ту сторону. Отведенное для нас место – вон там.

Она указала на начинавшуюся невдалеке тропку.

– А кто из охотников к этому времени вернулся на поляну? – спросил я у слуги.

– Почти никто, сэр, – отозвался тот. – Кроме сэра Люка и мастера Эйвери, который сказал, что оленю пришел конец. По-моему, все остальные пришли после того, как ушла мистрис Хоббей.

Мистрис Станнард посмотрела на Фальстоу:

– А что с ней случилось?

Управляющий не ответил, а я обратился к егерю:

– Мастер Эйвери, не пройдете ли вместе с нами?

Тот поднялся, вытирая о рубаху окровавленные руки, и последовал за нами в чащу.

На лужайке вокруг раны на лбу Абигайли уже жужжали синие мухи. Челюсть Корембека невольно отвисла.

– Так это убийство!.. – выдохнул он. Дирик же, должно быть, впервые промолчал, не торопясь высказывать свое мнение: он с ужасом разглядывал труп.

– Полагаю, что пока об этом лучше помалкивать, – проговорил Фальстоу. – Сэр Люк, вы у нас член магистрата. Что нам теперь делать?

– Кто обнаружил тело? – спросил мировой судья.

Я шагнул вперед:

– Мы с моим клерком.

– Надо послать в Винчестер за коронером Тревельяном. Немедленно. – Корембек прикоснулся ко лбу, на котором проступил пот.

– А почему здесь находится Эйвери? – обратился ко мне Фальстоу, кивнув в сторону перепачканного кровью егеря. – Это едва ли уместно…

– Потому что он знает здешний лес, – ответил я сухо. – Мастер Эйвери, я хотел бы кое-что показать вам, если вы последуете за мной.

Затем я провел его к месту, на котором остался след каблука.

– Да, – хладнокровно произнес егерь. – Убийца стоял здесь.

Он пригнулся к находившейся передо мной ветви: она была надломлена и свисала вниз.

– Видите, она мешала ему. И он переломил ветку, тихо, чтобы не встревожить свою жертву, – объяснил Эйвери и посмотрел на меня. – Думаю, что убийцей был опытный стрелок. Не кто-то из домашних слуг или деревенских жителей, которых я учил. Он… ну, словом, попал прямо в яблочко.

– Благодарю вас. – Я первым вернулся на прогалину. Абигайль, такая суетливая в своей жизни, замерла в жутком покое. Ступая на траву, я заметил на поляне нового посетителя. Хью Кертис как раз поднимал оброненный мистрис Хоббей цветок. Аккуратно положив его на колени убитой, он пробормотал что-то вроде:

– Ты заслужила это.

Когда мы вернулись на поляну, туда привезли на телеге рогача. Его оставили вместе с оленухами, а длинная процессия потрясенных гостей и слуг уже направилась к дому. Как и прежде, рыдавшего Дэвида поддерживал отец. Потрясение еще не оставило лицо Хоббея-старшего. Позади него молча шли Хью и Амброуз.

– Это могли сделать Хью или Дэвид, – негромко промолвил Барак.

– Или Фальстоу. И вообще, почти никто из охотников еще не вернулся к тому времени, когда Абигайль ушла с поляны, – рассказал я ему.

Нас нагнал Дирик.

– Эйвери ошибается, – проговорил он. – Это должен быть кто-то из деревни. В наши дни слишком много молодых людей увлекается стрельбой. И немолодых тоже. Ну что ж, завтра мы не сможем уехать отсюда, – добавил он с горечью. – Придется дожидаться коронера. Мне как адвокату мастера Хоббея, вам как нашедшим убитую. Придется побыть здесь до окончания расследования. Проклятье! – Неужели ему совсем не жаль Абигайль? Я вопросительно посмотрел на своего коллегу. – Я хочу видеть

собственных детей, – отрезал он.

«И ты мог это сделать, – подумал я. – Ты в одиночку улизнул в сторону, когда Хоббей огрызнулся на тебя. Кроме того, ты лучник: сам говорил о том, что намереваешься учить своего сына!»

Плечи Джека поникли.

– Начинаю сомневаться в том, что сумею увидеть своего новорожденного сына, – печально проговорил он. – Придется мне написать Тамасин.

– А мне – Уорнеру.

Тем временем мы подошли к дому. Но как только мы приблизились к крыльцу, дверь распахнулась настежь, и в ней показался хмурый Леонард Эттис. Остановившись, он смерил взглядом нашу процессию, увидев плачущего Дэвида, опиравшегося на бледного, еще не отошедшего от нового потрясения Николаса.

Фальстоу решительно шагнул к Эттису.

– Что вы здесь делаете?! – рявкнул он.

– Пришел повидаться с вами! – огрызнулся тот. – Выяснить, собираются ли ваши люди приходить на этой неделе в наш лес. То есть попробуют ли они сделать это. Однако я никого здесь не нашел, кроме острой на язык старой калеки, сидящей в зале.

– Следи за собственным языком, – отрезал управляющий.

– Ну да, это вам нужно следить за моим языком! – рассмеялся Леонард. – Вы запоете другую песню, когда я поведу деревенское ополчение на битву с французами.

Мы с Бараком обменялись взглядами.

– Приддис, – проговорил я. – Я совсем забыл о нем.

– На сегодня была назначена охота. – Фальстоу пристально посмотрел на Эттиса. – Конечно, ты не забыл об этом?

– Я решил, что вы рано или поздно вернетесь, а дело не терпит отлагательств. Нам нужен ваш ответ. – Леонард посмотрел на небольшую толпу, а затем перевел взгляд на Николаса и Дэвида. – Что-то случилось?

– Мистрис Хоббей умерла, – напрямик ответил Амброуз.

Эттис недоуменно посмотрел на него:

– Как так?

– Она убита стрелой, пущенной кем-то неизвестным. Каким путем ты пришел к дому?

Глаза йомена округлились:

– Вы… обвиняете меня?

Корембек шагнул вперед:

– Так каким путем ты пришел сюда, Эттис?

Бросив на него яростный взгляд, Леонард ответил:

– Из деревни.

– А не через лес?

– Нет!

– В одиночестве? – вновь вступил в разговор Фальстоу.

Эттис шагнул вперед, и мне на мгновение показалось, что он ударит дворецкого. Однако йомен повернулся и спустился вниз на подъездную дорогу к дому. Дирик бросил многозначительный взгляд на судью.

Мы вошли в зал, где нас уже ожидали Приддис и его сын. Амброуз рассказал им о случившемся. Я заметил, как в глазах старика вспыхнул огонек жадного любопытства. Для него, как я понял, случившаяся трагедия представляла собой всего лишь неожиданное развлечение.

Я поднялся наверх, чтобы переодеться перед поездкой с Эдвардом Приддисом. Теперь я чувствовал себя виноватым за свое желание остаться, ведь Барак так стремился вернуться к Тамасин. Выглянув из окна, я не без печали вспомнил Фиверйира и двух юношей, практикующихся в стрельбе. Дэвид и Хью после возвращения домой исчезли в собственных комнатах, и я не знал, одни ли они или в чьем-то обществе.

Когда я спустился вниз, сэр Квинтин по-прежнему пребывал в уютном кресле возле камина в обществе своего сына, наблюдая за происходящим с жутким, полным любопытства интересом. Я попросил Джека оставаться в большом зале и прислушиваться ко всем разговорам. Эдвард поднялся, и мы направились за лошадьми. Когда мы выехали, я обнаружил, что мой спутник общается со мной с отстраненной прохладцей, но все же вежливо.

– К какому ужасному событию вы приехали! – проговорил я.

Приддис-младший серьезно кивнул:

– Да, странное, ужасное время…

– А что слышно в Портсмуте о французах? – спросил я.

– Говорят, что их флот видели у берегов Сассекса. Люди начинают бояться.

– Да, под показной уверенностью часто скрывается страх.

– Тем не менее, – убежденно ответил Эдвард, – нам придется встретить то, что нас ждет.

Я внимательно посмотрел на него. Кустистые брови, как у отца, жесткий, упрямый рот…

– Насколько я понимаю, ваш отец знаком с сэром Ричардом Ричем, – продолжил я беседу.

Приддис ответил с ледяной улыбкой:

– Да, он – наш старый знакомый. Мы встретились с ним и поговорили в Портсмутской ратуше. В тот день, когда вы привезли туда Хью Кертиса. Слышал я, что купцы, содравшие с армии лишнего или поставившие плохие продукты, являются к сэру Ричарду Ричу в страхе и трепете. Полагаю, что скоро он покончит с их оправданиями: им, мол, приходится платить больше из-за новой монеты! Сэр Ричард учился искусству допроса у мастера Кромвеля. Но вы это знаете.

И снова по его лицу промелькнула пронизанная зимним морозцем улыбка, и вспыхнули пронзительным взглядом синие глаза.

– Рич говорил обо мне? – догадался я.

Эдвард еще раз холодно улыбнулся:

– Немного. Он спросил у моего отца о том, какое дело привело вас сюда. И сказал, что вы нередко слишком симпатизируете собственным клиентам.

– Не столь уж плохое качество для адвоката. Правда, брат? – Я склонил голову, скрывая тревогу, которую вселило в меня подобное внимание Рича.

– Вы правы, – согласился мой собеседник.

– А вы получили квалификацию в Грейс-инн, как и ваш отец?

– Да. Я поработал какое-то время в Лондоне и через несколько лет перебрался в Винчестер помогать отцу в его работе.

– Предполагаю, что в настоящее время основная тяжесть лежит на вас.

– О, вожжи по-прежнему в руках отца! А я – его верный конь, – усмехнулся младший Приддис. Уловив нотку горечи в этих словах, я подумал: ждешь повышения в чине.

– А теперь посмотрите направо, брат, – проговорил я. – Вот земли Хью Кертиса, расчищенные от леса несколько лет назад.

Мы остановились возле вырубки, которую я видел вместе с Бараком во время поездки. Молодые деревца, совсем еще тоненькие, терялись среди густого подлеска и поросших мхом пней. Было жарко, и вокруг царили тишина и покой. Я снова заговорил:

– На мой взгляд, на этой делянке дуба больше, чем указано в отчетах.

– И что свидетельствует об этом? – резким тоном спросил Эдвард.

– Тот факт, что в не вырубленном лесу к югу отсюда дубов много больше.

– Почва здесь и дальше может оказаться различной.

– Она совершенно одинаковая, в чем я имел возможность убедиться, проезжая здесь несколько дней назад.

– В тот самый день, когда в вас стреляли из лука? – Мой спутник с

интересом посмотрел на меня.

– Да. Все тогда говорили, что это какой-то браконьер. Но сегодняшний день заставил меня усомниться в этом.

– Безумец, скрывающийся в этом лесу, – предположил Приддис и задумчиво посмотрел на далекую кромку леса.

– Сэр Люк, похоже, уже обзавелся собственным подозреваемым, – вздохнул я.

– Он мог ошибиться. Быть может, кто-нибудь из дезертиров прячется в этой чаще. Сперва он попытался убить вас, а потом наткнулся на несчастную мистрис Хоббей. Возможно, он хотел ограбить ее.

– Не думаю, чтобы у нее был при себе кошелек. Родственники это заметили бы.

– Впрочем, надеюсь, вы простите меня, если я скажу, что мне хотелось бы провести нашу инспекцию по возможности быстро, – сменил тему мой собеседник.

– Здесь открытое место, и от деревьев стреле сюда не долететь. Предлагаю проехать по вырубке и посмотреть на количество дубовых пней.

– Если вы настаиваете. – Эдвард посмотрел на линию деревьев, находившуюся примерно в пятистах ярдах от нас. Он нервничал, и я подумал, что, наверное, гордость заставила его согласиться на предложение отца все же поехать с осмотром. Мы двинулись вперед, уделяя все внимание управлению лошадьми.

– Насколько я понимаю, ваша семья родом из окрестностей Рольфсвуда, – проговорил я непринужденным тоном. Следовало проверить, не удастся ли что-нибудь выяснить через моего спутника. Эдвард Приддис – человек явно умный и владеющий словом, однако я ощущал, что он лишен той силы, которая была присуща характеру его отца.

– Это так, – подтвердил он. – Впрочем, став хэмпширским феодарием, мой отец перебрался в Винчестер.

– И вам случается бывать там?

– Нет. После смерти матери десять лет назад, упокой Господь ее душу, я там не бывал. В тех краях жило ее семейство. А разве у вас есть там родственники, сержант Шардлейк? Не припомню, чтобы прежде слышал вашу фамилию.

– У меня есть клиент, предполагавший, что у него может быть родня в Рольфсвуде. Он просил меня съездить туда и посмотреть, не удастся ли кого найти. Я и съездил туда несколько дней назад.

– И нашли их? – поинтересовался Эдвард с приятной улыбкой, по-прежнему глядя на меня проницательным взглядом.

– Нет, но я заночевал там и узнал о трагедии, происшедшей в этом городке девятнадцать лет назад. Тогда начисто сгорела плавильня, а ее хозяин погиб вместе с одним из своих помощников. Дочь его в результате всего этого сошла с ума. Фамилия их была Феттиплейс – именно этих людей и разыскивал мой клиент. Насколько мне известно, ваш отец был тогда здесь коронером.

Эдвард задумался:

– Было что-то такое. Но тогда меня не было здесь, я начинал учиться в Кембридже. Прежде чем поступить в Грейс-инн, я получил там степень, – с гордостью добавил он. – Но помню, что мой отец каким-то образом помогал сошедшей с ума девушке.

– Достойный поступок, – нейтральным тоном прокомментировал я. Ну да, промелькнуло в моей голове, я успел достаточно познакомиться с твоим отцом, чтобы понять, что в душе его не найдется ни капли милости к ближним. Я вспомнил рассказ преподобного Секфорда о том, как Приддис распоряжался насильственным извлечением Эллен из казавшегося ей безопасным уголка.

– Он не такой жесткий человек, как о нем думают люди, – сухо промолвил Приддис-младший. – Просто ему приходится исполнять трудные дела.

– Там мне рассказывали еще об одном семействе, которое вы должны знать. Об Уэстах.

– О, да, они там – важные землевладельцы! Мистрис Уэст всегда правила всем курятником вокруг Рольфсвуда. Так вы встречались и с ней?

– Я только слышал о ней и о ее сыне. Теперь он – офицер королевского флота. Филип Уэст. Примерно ваш ровесник, кстати.

– В детстве я раз или два встречался с ним. Однако я редко бывал в этом городке после того, как поступил в Кембридж. А вы, брат Шардлейк, подробно ознакомились с теми краями!

– Мне было интересно.

Эдвард остановил своего коня и обвел взглядом ландшафт:

– По правде сказать, сэр, на мой взгляд, невозможно установить, какие деревья росли здесь прежде. Старые пни утонули в подлеске. И мы приближаемся к краю леса сильнее, чем это устраивает меня.

– А вы посмотрите на поднимающиеся молодые деревца, – ответил я. – Добрая половина из них – дубки. А какие высокие старые дубы стоят перед нами в лесу!

Мой спутник с полным правдоподобием изобразил, что внимательно оглядывается по сторонам, хотя я не сомневался в том, что он заметил все

то же, что и я. После чего, повернувшись ко мне, он негромко спросил:

– Чего вы вообще хотите добиться в этом деле, мастер Шардлейк?

– Справедливости для Хью Кертиса. С моей точки зрения, очевидно, что лес этот состоял в основном из дуба, хотя согласно отчетам мастера Хоббея дуб составлял неполную четверть поваленных деревьев.

– Но сам Хью Кертис сказал в Ратуше, что он всем доволен.

– Он еще молод и не имеет деловой жилки. Кроме того, когда рубили эти деревья, он вообще был ребенком.

– Словом, вы намереваетесь обратиться в Опекунский суд и потребовать, как его… возмещения? На это, брат, уйдет много времени и денег… Лишние хлопоты для всей семьи, которая только что претерпела огромную трагедию. В том числе и лишние хлопоты для самого Хью. Придется оплатить землемера, а он, скорее всего, не найдет убедительных доказательств. Подумайте, мастер Шардлейк, стоит ли оно того? Особенно если вспомнить, что мастер Хоббей предложил разумный подход к оплате издержек.

– Вам известно о его предложении?

– Брат Дирик рассказал мне перед тем, как мы выехали. – Младший Приддис приподнял кустистую бровь. – Коллега, кажется, весьма раздражен этим делом.

Я встретил его взгляд и подумал: «Доля этих доходов досталась тебе и твоему отцу». Однако я уже решил принять предложение Винсента. Без поддержки самого Хью я не мог сделать абсолютно ничего. Впрочем, выкладывать собственные намерения не было необходимости, тем более что нам предстояло провести пару дней в этом доме.

– Я еще подумаю на эту тему, – ответил я уклончиво.

Мой спутник пожал плечами:

– Как вам угодно. Но при всем при этом, думаю, вам понятно, что пора прекратить поиски. Так что – поворачиваем? Я опасаюсь за отца, боюсь, как бы он не переутомился.

– Хорошо.

Когда Эдвард поворачивал коня, я заметил на его лице плохо скрытую улыбку, отражавшую уверенность в том, что дело закрыто.

Когда мы вернулись, в доме царили тишина и уныние, а старый Приддис в одиночестве восседал перед пустым камином. Поглядев на нас, он спросил:

– Ну, как, Эдвард, все ли в порядке с лесными угодьями?

– Мы с мастером Шардлейком пришли к разумному соглашению, –

отозвался его сын.

Сэр Квинтин пристально посмотрел на меня и буркнул:

– Помоги мне, Эдвард, я хочу встать.

Приддис-младший помог отцу подняться на ноги. Старик тяжело дышал, и его бесполезная рука бессильно раскачивалась. Белизна усохшей ладони напомнила мне мертвое лицо бедной Абигайль, и я невольно поежился.

– Довольно с меня этого дома! – раздраженным тоном проговорил Квинтин. – Здесь все не в себе. Я хочу уехать.

– Отлично, – умиротворяющим тоном согласился Эдвард. – Пойду, приготовлю коней. И, кстати, отец, – добавил он непринужденно, – мастер Шардлейк побывал в Рольфсвуде. Он говорил о той трагедии в плавильне, помнишь… Ну, которая приключилась, когда ты был коронером?

Глаза феодария сузились, и он пристально посмотрел на меня, а затем шевельнул здоровой рукой и произнес:

– Я уже почти и не помню, это было целую вечность назад. За всю мою жизнь мне пришлось рассмотреть столько разных дел! Пойдем, Эдвард, помоги мне выйти отсюда.

Затем он склонился вперед, впившись взглядом в мое лицо:

– Прощайте, мастер Шардлейк. Надеюсь, у вас хватит здравого смысла прекратить разбирательство. Этим людям и без того хватает неприятностей.

Я поднялся в свою комнату и остановился возле окна, разглядывая стрельбище. Итак, мне не удалось ничего узнать от Приддисов. Я ощущал беспомощный гнев и разочарование. В дверь постучали, и вошел Барак. Он был заметно встревожен.

– Как там члены семейства? – спросил я его. – В большом зале внизу никого нет…

– Фальстоу велел мне убираться из дома почти сразу после твоего отъезда, – пожаловался мой клерк. – Но пока я выходил, к дому подъехал гонец с письмом для тебя. Я надеялся, что пришли какие-то вести из Лондона, однако не узнал почерк.

Он запустил руку в дублет и извлек листок дешевой бумаги, небрежно сложенный и запечатанный воском. Спереди было написано мое имя и адрес – «Хойлендское приорство». Я вскрыл письмо.

– Из дома? – с интересом спросил Джек.

Я покачал головой:

– Нет.

Письмо было написано неловкой рукой, датировано вчерашним днем, двенадцатым июля, и подписано: «Джон Секфорд, приходский священник

Рольфсвуда».

«Мастер Шардлейк, – писал он, – жаль беспокоить вас, однако у меня побывал старый мастер Харриданс. Он обнаружил нечто ужасное, касающееся того дела, о котором мы говорили. Пожалуйста, мы просим вас приехать и помочь нам. Мы в жестоком страхе и не знаем, что делать».

Глава 32

Я передал записку Бараку. Прочитав, он вернул мне бумагу и жестко посмотрел на меня:

– Это еще что за чертовщина? О чем он пишет?

– Не знаю. – Я принялся ходить по комнате. – Должно быть, нечто серьезное. Я могу завтра же поехать туда и вернуться на следующий день, в среду… Коронер к этому времени еще не приедет.

– Признайся, а ты ведь рад тому, что завтра нам не надо ехать домой? – негромко спросил мой помощник.

– Это нечестно – так говорить! – ответил я с жаром, потому что слова его угодили в цель. – Мы уехали бы, если бы не гибель Абигайль. Откуда мне было знать, что это случится? Не можешь ведь ты думать, что я радуюсь смерти этой бедной женщины! Хотя, впрочем, расследование обстоятельств убийства способно поведать о том, что здесь происходит.

– Ну, хорошо. Но какой-то частью себя ты все-таки рад, так ведь?

– У нас есть шанс разом разрешить оба дела…

– Ты забываешь о том, что в восьми милях отсюда в любой день может состояться сражение. И если мы проиграем, французские солдаты придут сюда по дороге. Прекрасный дом, есть что грабить!

– Есть такая возможность, да. Однако, – я посмотрел на Джека, – завтра мне надо ехать в Рольфсвуд.

– Ну, вот что, я еду с тобой, – ответил Барак не допускающим возражения тоном. – Я не останусь в одиночестве в этом сумасшедшем доме.

Постучав в дверь кабинета Хоббея-старшего, я услышал негромкое:

– Войдите.

Хозяин дома сидел за столом, наблюдая за тем, как струится песок в колбах песочных часов. Ощутив некоторое сочувствие к нему, я вдруг понял, что впервые оказываюсь наедине с этим человеком. Он казался разбитым… Еще бы: за последние два дня был разоблачен секрет его сына и погибла жена.

– Итак, мастер Шардлейк, – спросил Николас со вздохом, – объехали ли вы лес с мастером Приддисом?

– Объехали.

Хоббей взмахнул рукой:

– Наверное, будет лучше, если вы обсудите результаты вашей поездки с Винсентом. В данный момент я ни на чем не могу сосредоточиться.

– Вполне понимаю. Сэр, могу ли я выразить вам свои соболезнования по поводу смерти вашей несчастной жены? Да упокоит Господь ее душу!

Посмотрев на стол, мой собеседник проговорил голосом, сделавшимся вдруг полным чувства:

– Никто не любил бедную Абигайль! Я это знаю. Но видели бы они ее молодой, такой, какой она была, когда я женился на ней… такой хорошенькой и веселой. Если бы она не вышла за меня замуж…

Он умолк.

– А как себя чувствуют мальчики? – спросил я, подумав, что в нормальной семье Хью и Дэвид находились бы рядом с Николасом, и все они утешали бы друг друга.

– Сын занят своим горем, с ним рядом Фальстоу. А Хью… – Мастер Хоббей вздохнул. – Хью обретается где-то в доме. Кстати, сэр Люк организовывает поиски в лесу. Ему помогают деревенские – их весьма смущает перспектива разгуливающего по лесу безумца. Сэр Люк предложил, чтобы никто из нас не выходил за ограду садов.

– А Эттиса уже привели и допросили?

– Да. Он ненавидит нашу семью. – Николас нахмурился. – Винсент говорит, что, если в лесу не обнаружат следов чужака, подозрение неминуемо падет на него. И это, конечно, правильно.

Он сделался еще более угрюм. Я подумал: теперь здесь всем правит Дирик… Дирик на пару с Фальстоу.

– Что ж, – ответил я спокойным тоном, – это будет решать коронер по прибытии сюда. Но я пришел к вам, мастер Хоббей, чтобы сообщить о том, что вестник доставил мне письмо из той сассекской деревни, в которой у меня есть другое дело. Я намереваюсь завтра отправиться туда, а на следующий день вернуться сюда для встречи с коронером. Мне известно, что он должен допросить нас с Бараком как первых, кто обнаружил несчастье.

– Очень хорошо, – ответил мой собеседник без всякого интереса.

Я помедлил, понимая, что мои следующие слова должны быть произнесены в присутствии Дирика. Однако я не мог не задать этот вопрос:

– На прошлой неделе, сэр, я случайно подслушал часть вашего разговора с женой, происходившего в ее комнате. Она сказала, что возражает против проведения охоты, так как не считает ее безопасной.

Какое-то мгновение Хоббей молчал, а потом проговорил, не поднимая головы, неторопливо и четко выговаривая слова:

– Моя жена стала бояться всех и каждого, мастер Шардлейк. Я уже говорил вам, что она была не совсем в себе. Ей начало уже казаться, что никто и ничто не сулит нам безопасности.

Взяв в руки песочные часы, он посмотрел на сыплющуюся струйку песка, после чего перевел взгляд на меня и со странным выражением на узком лице неторопливо добавил:

– Вся моя жизнь, все, что я пытался построить, все, что я любил… все убегает, подобно струйке песка в этой склянке. Верите ли вы в судьбу, мастер Шардлейк, в неотвратимую Немезиду?

– Нет, сэр. Я не знаю, каким образом Бог наводит порядок в мире, но думаю, что не таким.

– Все началось с вашего появления здесь. – Голос Николаса оставался тихим, и его интонация странным образом была полна мягкого любопытства. – Это несчастное дело… Едва ли у Дэвида случился бы приступ, если бы не оно. Вы подбиваете моих арендаторов к возмущению: не отрицайте, у меня в деревне свои соглядатаи. А теперь еще погибла моя жена. Так что хотелось бы понять: не вы ли моя Немезида?

– Я не хочу быть чьей-либо Немезидой, мастер Хоббей.

– Не хотите? Не знаю, – продолжил хозяин все тем же спокойным голосом, однако теперь он смотрел на меня столь же резким и вопрошающим взором, как бывало всегда. – Впрочем, быть может, я ошибаюсь, наверное, все началось с Майкла Кафхилла, с…

Гримаса боли исказила его лицо, и он как бы вернулся в себя.

– Нам не следовало бы говорить на подобные темы без Винсента, – проговорил Хоббей вновь ставшим официальным тоном. – До встречи через два дня, мастер Шардлейк.

И он кивнул в знак окончания разговора.

Мы с Бараком выехали в Рольфсвуд ранним утром следующего дня. Я вполне мог бы обойтись без очередной поездки верхом: после охоты у меня ныла перевязанная рука и болела спина. Опять сделалось пасмурно, небо завесили серые облака…

По пути мы особо не разговаривали. Сказанные вчера старшим Хоббеем слова вывели меня из равновесия. Я пытался убедить себя в том, что всего лишь поддерживал Эттиса в его борьбе против злоупотреблений землевладельца и что припадок мог случиться с Дэвидом в любой момент, а больше всего в том, что никому не известно, кто и по какой причине убил Абигайль. Однако мне было вполне понятно, почему Николас вправе видеть во мне свою Немезиду.

Накануне вечером я написал Уорнеру, сообщив ему о происшедшем. Я также известил его о предложении Дирика, касающемся издержек. После этого я сочинил послание Гаю, где сказал, что мы пока еще не возвращаемся домой. Наконец, я сходил к конюшне, чтобы забрать написанное Бараком письмо Тамасин: нам следовало оставить все эти послания в Кошэме для почтового гонца. По пути я миновал комнату Дэвида, откуда доносились глубокие душераздирающие рыдания и негромкий успокаивающий голос Фальстоу.

Возвращаясь в дом, я заметил поодаль Хью, сидевшего на обвалившейся стене старого сестринского кладбища. Я подошел к нему. Длинное лицо юноши наполняла печаль, уголки его рта были опущены. Он посмотрел на меня полными жуткой усталости глазами.

– Примите мои соболезнования, – проговорил я негромко.

Кертис чуть склонил голову. Меркнувший свет скрывал от взгляда оспины, и в юношеской красоте этого парня угадывалось нечто еще более ранимое.

– Благодарю вас, – проговорил он, – но вы должны знать, что я не скорблю по мистрис Хоббей. По чести говоря, надо бы, но не скорблю.

– Сегодня утром вы положили ей на колени цветок.

– Да. Тогда мне было жаль ее.

– Когда мы застали вас около тела, вы говорили… – Я посмотрел ему в глаза. – Нечто вроде: «Ты это заслужила».

Недолго помолчав, мой собеседник произнес:

– Помилуй меня, Боже, я действительно мог это сказать.

Сказав это, он стал смотреть вперед перед собой.

– А почему? – не отставал я от него.

Он снова заговорил – очень аккуратно:

– Когда мы познакомились, я подумал, что она намеревается в меру своих возможностей заменить мать мне и в особенности моей сестре. Однако потом оказалось, что и для нее, и для мастера Хоббея… – голос молодого человека осекся, – важнее деньги. Они хотели пользоваться нашими землями, они хотели выдать Эмму замуж за Дэвида, как я уже говорил вам. Увидев ее убитой, я пожалел ее, но и рассердился. Да, я так и сказал.

– А вам уже приводилось видеть мертвецов?

– Да. Мою мать и отца. Мне не позволили попрощаться с сестрой – лицо ее было обезображено оспой. Мне до сих пор жаль. – Кертис посмотрел на меня. – А вы передадите коронеру мои слова?

– Полагаю, что лучше будет, если вы, Хью, сами расскажете ему о

своем отношении к Абигайль.

Юноша жестко посмотрел на меня, и я подумал, что, должно быть, подобно Николасу, этот молодой человек перечисляет в уме все неприятности, которые начались здесь после моего появления.

– А кто, по вашему мнению, мог убить мистрис Хоббей? – спросил я.

– Не имею малейшего представления. – Мой собеседник нахмурился. – Не хотите ли вы сказать, что это сделал я?

Я покачал головой:

– Подобно вам, Хью, я не могу даже предположить.

Затем я бросил взгляд на кладбище. Урсула снова принесла цветы к могиле монахини.

– Но, услышав мои слова, вы подумали, что это сделал я? – Лицо Кертиса вспыхнуло гневом, подчеркнувшим его оспины.

– Мне просто хотелось узнать, что эти слова означают.

– Но вы говорили, что хотите быть моим другом. – Юноша встал передо мной, сжимая кулаки. Я вполне понимал, что он выше меня и сильнее.

– Я никого не обвиняю. Однако с самого начала, Хью, я ощутил, что ваша семья что-то скрывает. Помимо состояния Дэвида, – не стал я скрывать своих подозрений.

– Вы ошибаетесь, – ответил молодой человек.

– Сегодня я объехал ваши земли вместе с сэром Эдвардом Приддисом. На мой взгляд, мастер Хоббей подделывал свои отчеты. Вероятно, в доле с сэром Квинтином. По всей видимости, они обманули вас на несколько сотен фунтов.

На лице Хью появилось пренебрежение:

– Когда, наконец, сэр, вы поймете, что мне это безразлично? А теперь, мастер Шардлейк, прошу вас оставить меня в покое!

На дороге мы видели все новые и новые направляющиеся на юг повозки, груженные всем, чем угодно, – от плотницкого инструмента до пик и шлемов. Один раз нам пришлось выехать на обочину, чтобы пропустить очередную роту стрелков. «Как-то там идут дела у людей Ликона, – подумалось мне, – погрузили их уже на корабли или нет?»

Около полудня мы свернули на ведущую в Сассекс дорогу. Когда мы остановились, чтобы перекусить в гостинице, которую я посещал в своей прошлой поездке, Барак за кружкой пива проговорил:

– Что-то ты слишком притих… У тебя на лице такое выражение, какое бывает, когда тебе докучает какая-то мысль.

– Я подумал о том, что после своего прибытия в Хойленд занимался только тем, что обзаводился врагами, – вздохнул я и рассказал ему о своем разговоре с Хью, а также о словах Николаса, увидевшего во мне свою Немезиду. – Хоббей навел меня на мысль о том, что если бы я не приехал сюда, то Абигайль, вполне возможно, была бы еще жива.

– Нечто подобное должно было случиться в семье рано или поздно, – возразил мой клерк. – Все они здесь безумны… просто банка с пауками.

– А кто убил Абигайль, Джек? Хоббей был прав – ее никто не любил – но вот убил-то ее кто?

– Они повесят это убийство на Эттиса, если сумеют это сделать.

– На мой взгляд, Дирик рассматривает только такую возможность. Однако доказательств виновности Леонарда нет.

– В таких местах суд часто вершится по чьему-либо произволению. Если хочешь сделать что-либо полезное, постарайся приглядеть за тем, чтобы расследование провели по закону.

– Да. И ты прав относительно самой семейки. Их взаимоотношения настолько извращены, что я не могу избавиться от мысли о том, что убил ее кто-то из домашних.

– Но кто?

– Фальстоу пользуется здесь не положенной управителю властью. Слуга получает власть над господином обычно в том случае, когда знает какой-нибудь его важный секрет. Настолько важный, что нельзя допустить того, чтобы его могла выболтать неуравновешенная женщина.

– Но какой именно?

– Не знаю. – Я посмотрел на собеседника. – Спасибо за то, что поехал со мной.

– Сказать по правде, оставаясь там, я только расхаживал бы по приорству, дожидаясь очередного гонца. Жить не могу без вестей от Тамасин!

– Быть может, даже королевским гонцам ныне трудно проехать по дорогам.

– Если бы я только мог вернуться домой! – воскликнул Джек с внезапным пылом.

Я скорбно улыбнулся:

– А не кажется ли тебе странным, что даже после собственной смерти бедная Абигайль остается докукой в столь многих глазах? Ее убил умелый лучник. Но это оставляет открытыми столько возможностей: оба юноши, Фальстоу, Эттис… Даже Дирик говорил, что некогда он был искусным стрелком и собирается учить стрелять своих детей.

– Но только не старший Хоббей?

Я покачал головой.

– Он не обладает нужным для этого мастерством или… или страстью. Убийство было произведено со страстью, с гневом. Кем-то, кто знал, что за такое дело его повесят, если поймают, однако в тот момент, когда он увидел ее в одиночестве, такая перспектива его не смущала.

– Значит, это и не старуха Урсула. Она действительно ненавидела Абигайль, однако не могу представить себе, чтобы эта женщина сумела натянуть лук.

– Не говори глупости. – Я осушил свою кружку пива. – Пойдем, нам пора вернуться на дорогу.

– Я просто пытаюсь привести тебя в хорошее расположение духа. Ведает Бог, что оно необходимо нам обоим!

Глава 33

До Рольфсвуда мы добрались уже основательно за полдень. Небо потемнело, и казалось, что собирается очередная летняя гроза. Крохотный городок пребывал все в том же сонном настроении, что и прежде. Я указал на дом Батресса:

– Прежде он принадлежал Эллен. И нынешний хозяин купил его задешево. Он – друг Приддиса или, по крайней мере, был им прежде.

– Не могло ли случиться, что оплата пребывания Эллен в Бедламе составляет часть сделки? – предположил Джек.

Я покачал головой:

– Дом столько не стоит.

Затем я указал за поля на церковь:

– А там в церковном домике живет Секфорд.

Барак, прищурившись, посмотрел на дом священника:

– Жилище, довольно запущенное с виду.

– Так и есть. Каков дом, таков и хозяин, увы.

– Смотри-ка, а из дверей той гостиницы на нас смотрит какая-то женщина, – негромко произнес мой помощник.

Я посмотрел в ту сторону. Немолодая женщина, познакомившая меня с Уилфом, стояла в дверях, скрестив руки на груди и холодно глядя на нас.

– Это мамаша Белл, она познакомила меня с Уилфом Харридансом, – рассказал я. – Едва ли мне симпатизируют в этом заведении, так что сомневаюсь в том, что нам удастся здесь заночевать.

– Тогда где мы будем спать сегодня? Дорога была долгой…

– Быть может, Секфорд сумеет помочь нам. Поехали к церкви, нам по той тропе.

Подъехав к церковному дому, мы привязали коней. Усталых животных, как и нас самих, покрывала пыль. Проходя по тропе, я посмотрел на вишневое дерево и подумал, следует ли Джон Секфорд по-прежнему своему обету не пить, пока тени не достигнут определенной длины. Я постучал в дверь и услышал шаркающую походку старика. Наконец в открывшейся двери появилась его круглая физиономия, выражавшая явное облегчение.

– Так вы приехали, сэр… – проговорил он. – Слава богу! – Потом, заметив Барака, он спросил резким тоном: – А это кто?

– Мой помощник, – объяснил я.

Священник кивнул:

– Простите, но мы так встревожились… Входите. Уилф сидит здесь почти с самого утра, надеясь на ваш приезд.

Уловив идущий от отца Джона запашок, я понял, что оба старика успели с утра как следует угоститься. Хозяин дома провел нас в свою неопрятную гостиную. Уилф Харриданс поднялся с табурета, и лежавший рядом с ним большой пес тоже вскочил и завилял хвостом. Светлые глаза Уилфа с тревогой смотрели на нас с морщинистого худого лица.

– Не думал, что вы приедете, сэр, – проговорил он, – после того, как мои сыновья… Простите их, они всего лишь хотели защитить меня.

– Я понимаю это, Уилф, – заверил я старика.

– А что слышно о французах? – спросил Секфорд.

– Говорят, что корабли их уже плывут по Каналу к Портсмуту.

– Да поможет всем нам Господь! Пожалуйста, садитесь, – предложил священник.

Мы с благодарностью опустились на скамью, поднимая облачка пыли.

– Выпьете, сэры? – спросил Джон, протягивая руку к стоявшему на буфете кувшину.

– Да, пожалуйста, – ответил Барак. – Мы умираем от жажды.

Секфорд налил две кружки. Руки у него тряслись куда больше, чем помнилось мне по прошлому визиту. Подав нам пиво, он опустился в кресло. Уилф настороженно посмотрел на чуть наклонившегося вперед священника. При том, что Секфорд был уже слегка пьян, в голосе его чувствовались новая острота и властность.

– После вашего визита, мастер Шардлейк, мастер Батресс обошел весь город, пытаясь выяснить, кто именно рассказал вам о пожаре. Зная, что вы разговаривали со мной, он явился сюда в великой ярости, утверждая, что вы якобы оспаривали его право на владение этим домом, – рассказал отец Джон.

– Ничего подобного я не делал. Я просто сказал ему, что вы рассказали мне эту старую повесть. Простите, мне следовало сказать вам об этом перед отъездом. – Я повернулся к Уилфу: – Но о том, что я еще разговаривал с вами, я не говорил.

– Тем не менее он пришел в гостиницу и принялся расспрашивать меня. Ему известно, что я всегда говорил, что Приддис что-то скрыл в своем расследовании. Я сказал, что не разговаривал с вами. Теперь мне неловко, сэр.

– Мастер Хэмфри Батресс – человек жесткий, он обладает в нашем городе большой властью, – добавил Секфорд. – Простите меня, сэр, но я

должен спросить. Вы и в самом деле расспрашивали о семье Феттиплейсов ради ищущего родственников клиента?

Я глубоко вздохнул:

– Нет. Простите меня за то, что ввел вас в заблуждение, но я пытаюсь выяснить судьбу Эллен Феттиплейс, по… личным причинам.

– То есть вы сказали неправду, сэр.

– Сказал. Простите меня за это.

– И вы не действуете по чьему-либо поручению? По указанию Приддиса, например?

– Нет, уверяю вас! Никто другой в этом деле не замешан. Большего я сказать не могу, однако с готовностью поклянусь на Библии в том, что действую только исходя из собственных интересов и дел, благодаря поступившим ко мне в Лондоне сведениям о том, что при расследовании этого случая действительно было скрыто нечто важное. Однако что именно, я не знаю, и говорить больше небезопасно. Будьте добры, сэр, дайте мне свою Библию, и я принесу клятву.

– Я же говорил тебе, что тут все не просто так, – проговорил Харриданс.

– А я говорил тебе, что мастер Шардлейк – хороший человек. Я верю вам, сэр, в клятве нет необходимости. – Священник посмотрел на старика, после чего переплел пальцы обеих рук перед собой. – Итак, вы адвокат, сэр. И я, наверное, не ошибусь, если скажу, что вы можете воспринять Уилфа как клиента и дать ему совет в отношении той сложной ситуации, в которой он оказался, и при этом обязаться соблюдать тайну, так же, как я – тайну исповеди?

– Да, вы правы. – Я тоже посмотрел на Харриданса. – Однако это дело… если оно связано с тем, кто устроил пожар в плавильне, не может оставаться в секрете.

– Не связано. – Гость отца Джона энергично потряс головой. – Оно касается моей находки.

Секфорд поправил его:

– Точнее, обстоятельств, в которых Уилф обнаружил ее.

– Тогда я постараюсь помочь вам – в меру своих возможностей, – пообещал я.

– Говорят, что для того, чтобы адвокат был обязан клиенту, он должен получить от него деньги, – заметил Джон.

– Это не совсем так. Я могу действовать pro bono, ради общественного блага.

– Я предпочел бы, чтобы деньги перешли из рук в руки, – твердым

тоном проговорил Харриданс. – Перед лицом мастера Секфорда.

Потянувшись к своему кошельку, он извлек оттуда шестипенсовик, старую монету доброго серебра.

– Этого хватит? – спросил старик.

После недолгих колебаний я забрал монетку:

– Да. Итак, Уилф, вы теперь мой клиент. Согласно закону я не могу никому открыть то, что вы скажете мне.

Харриданс глубоко вздохнул, а затем, склонившись, потрепал своего пса и заговорил:

– В это время года мы с Цезарем ищем в лесу трюфели. Теперь леса со всем содержимым принадлежат мастеру Батрессу. И хотя он все время твердит, что вот-вот велит срубить их на древесину, но на самом деле этот человек ревностно относится к своей собственности.

– Вы можете назвать занятие Уилфа браконьерством, – негромко проговорил Секфорд. – Наказания за него суровы, и мастер Батресс в состоянии настоять на обвинительном приговоре. Он у нас член городского совета.

– Но должны иметься свидетельства. – Я посмотрел на своего нового клиента. – Таковые имеются?

Глаза его впились в мои.

– Да, – сказал старик и, немного помолчав, продолжил: – Два дня назад я повел Цезаря в лес. У него удивительный нюх на трюфели. Понимаете ли, я слежу за движением лесничих. И всегда знаю, когда и в какой части леса они находятся.

– Понятно.

– Для трюфелей еще несколько рановато, и я обыкновенно не хожу к старой плавильне. Печальное оно, это место. Вот помню, каким живым оно было: люди работают, колесо вертится… Ненавижу эти руины… – отхлебнув пива, добавил Уилф с горечью. – Но на сей раз я туда пошел. В июне люди говорили, что там плотину прорвало из-за дождей и града, но я не захотел идти туда и смотреть. Но вы вот стали расспрашивать насчет того, что случилось в плавильне, так что я собрался и решил вместе с Цезарем сходить и посмотреть, что там да как.

– Ясно.

Утерев рот, Харриданс продолжил:

– После пожара никто не занимался плотиной. Так что эти ворота рано или поздно должны были прорваться. Стало быть, когда я пришел туда, то увидел, что так и случилось: мельничный пруд высох, и на дне остался один только ил, который тоже засох и растрескался за последние жаркие

дни. Странное и печальное было зрелище: пустой пруд перед руинами разрушившейся плотины. Тут Цезарь выбежал на засохший ил, и начал принюхиваться и копать возле чего-то, торчавшего из него. – На короткое мгновение рассказчик зажмурил глаза, а потом продолжил: – Я позвал его, однако пес не послушался, он все чего-то скреб возле выступавшего из ила предмета, похожего на древесный корень. В конце концов, я снял башмаки и отправился за ним. Засохшая корочка ила только прикрывала жидкую грязь: однажды я провалился в нее почти до колен, но все-таки добрался до Цезаря. И тут я увидел то, что так обеспокоило пса. – Старик смолк, чтобы сделать еще глоток пива. – Это была рука, человеческая рука, высохшая, но сохранившаяся в иле. Остальное тело осталось под коркой. И тогда я обратился за помощью к мастеру Секфорду.

– И кто, по-вашему, это был? – спросил я настойчивым тоном.

– Не знаю. Трудно было понять, – вздохнул Харриданс и умолк.

– Быть может, кто-то утонул в пруду за годы, прошедшие после пожара? – предположил Барак.

Уилф покачал головой:

– Рука торчала на середине пруда. Кто-то отвез туда тело в лодке – на пруду всегда держали маленькую гребную лодчонку – и бросил его в воду.

– А не мог ли там утонуть какой-нибудь купальщик? – спросил я.

– Тело в одежде, сэр. Рука была покрыта остатками рукава дублета, – возразил мой собеседник.

– Мать божия, помоги нам! – проговорил Секфорд, поднимаясь и поворачиваясь к буфету.

– Постойте, сэр! – резко сказал я. – Будьте добры, нам следует оставаться трезвыми.

Остановившись, отец Джон с сожалением посмотрел на кувшин, однако заставил себя повернуться и усесться на место. Он посмотрел на меня:

– Понимаете ли, сэр, Уилф побоялся сообщать о своей находке. Потому что он браконьерствовал. Пес его выкопал несколько трюфелей по пути, и ему трудно было бы объяснить, чем он занимался в лесу. В этом и есть наша проблема. Кроме того, в иле остались отпечатки идущих к трупу следов.

– Понимаю.

– Вот мы и подумали, сэр, что вы могли бы сказать, что вернулись сегодня для того, чтобы продолжить расследование, а Уилф согласился провести вас к плавильне, чтобы вы могли увидеть ее своими глазами, – осторожно проговорил священник. – А потом вы бы сказали, что пес нашел

то, что он и так уже нашел.

Он смущенно улыбнулся.

– Вы предлагаете моему хозяину лжесвидетельствовать, – заметил мой клерк.

Секфорд встретил его взгляд:

– Возможно, это единственная надежда Уилфа.

После этого он снова посмотрел на меня:

– Он не пошел бы к пруду, если бы не ваш визит. А вы, сэр, хотели выяснить, что здесь произошло. Однако обнаружение тела может поставить вас в самую середину нового расследования. Вы можете сказать им то, что говорили нам… что разыскивали членов семейства Феттиплейс по поручению друга.

Я вздохнул, откинувшись на спинку сиденья. Вновь я затевал расследование на свой страх и риск, чтобы помочь попавшему в беду человеку, тем самым причиняя только новые хлопоты всем, кто был связан с делом. Однако отец Джон, похоже, все еще доверял мне.

– Я отведу вас туда, все покажу вам, – бойко проговорил Уилф. – Так что потом вы сможете сказать, что сегодня попросили меня об этом. Вы – моя единственная надежда, – добавил он с отчаянием в голосе. – Мои сыновья согласны с этим.

Я посмотрел на Джека. Покачав головой, он развел руками.

– Я сделаю это, – сказал я Харридансу. – Ведите меня к плавильне, показывайте, и мы изобразим, что только что обнаружили тело.

С долгим, полным облегчения вздохом мой клиент улыбнулся священнику:

– Вы были правы насчет него, мастер Секфорд. Он спасет меня.

Отец Джон остался дома. Я не жалел об этом, ибо он замедлил бы нас, а меня самым решительным образом снедало беспокойство: нужно было постараться, чтобы никто не нашел труп раньше нас. Как только мы направились к двери, старый священнослужитель потянулся к кувшину. Снаружи Уилф указал нам на тропку, уходившую в чащу леса. Я был голодным, грязным, и ноги мои устали превыше всякой меры. Однако сделать это дело нам следовало немедленно.

Мы углублялись в лес, а пес трусил сразу за хозяином. Небо совсем потемнело: оно могло разразиться дождем буквально в любой момент.

– Интересно, в какое дерьмо мы вляпались на этот раз? – пробормотал Барак.

– В такое, которое должны были разгрести много лет назад. Однако ни

одна тайна не живет вечно, – отозвался я.

Мой помощник покачал головой:

– Вот эта самая как раз могла бы просуществовать вечно, если бы в нее не сунула свой нос эта собака. Ты понимаешь, что будет новое расследование? И ты вновь окажешься первооткрывателем трупа. Только на сей раз ты сам придумал докуку на собственную голову.

– Я не мог оставить этого старика в беде. Но тебе не обязательно оставаться, ты можешь и не встревать в это дело.

– Та женщина видела, как мы оба въехали в город. Тебя спросят о том, кто это был с тобой.

– Ты прав. Прости.

– Похоже на убийство, не правда ли?

– Да, Джек, похоже.

Мы следовали за Уилфом по заросшей тропе, вилявшей среди деревьев, вдоль речки, протекавшей через город. В других обстоятельствах окрестности можно было бы назвать милыми.

– Этот ручей питал мельницу, – обратился к нам через плечо Харриданс. – Сюда, Цезарь! – подозвал он к себе пса, забежавшего чуть вперед и уже терявшего терпение, и остановился, проведя рукой по своей загорелой лысой макушке. – Столько лет ходил я этой тропой на работу! – проговорил он негромко. – Какой оживленной она была тогда, телеги катили туда и сюда с грузом железа… Мы выходим к плавильне, пруд остается сзади.

Мы вышли на прогалину, на которой находилась плавильня, как раз когда начали капать первые крупные капли дождя. От былой мастерской остались лишь невысокие руины: неровные остатки деревянных стен, черные и обгорелые, увитые плющом. В одном конце стены развалившиеся остатки водяного колеса прислонялись к круглому сооружению с вороньим гнездом наверху. Печная труба, вне всяких сомнений. За развалинами я увидел длинное прямоугольное пятно коричневой грязи, посреди которого ныне протекал ручей. По берегам бывшего пруда располагались круглые, заросшие растительностью холмы.

– А это что такое? – спросил я у Уилфа, указывая на них.

– Груды шлака, – объяснил старик.

Увидев высохший пруд, пес попытался рвануться к нему, но хозяин удержал его, ухватив за загривок.

– Нам нужно найти что-то, чем можно копать, – проговорил он, уводя нас внутрь руин через пролом в стене. Здесь просторный каменный пол зарос травой. В одном конце его располагался старый печной сарай. Стены

его разрушились, однако большая каменная печь стояла вся в саже, но целая. Внизу ее чернело отверстие: это явно был слив для расплавленного железа. Уилф принялся ковыряться в лежавшем на полу соре. Мы с Бараком оглядывались по сторонам. Дождь уже разошелся вовсю, и крупные капли барабанили по нашим головам и по каменному полу.

– А здание оказалось побольше, чем я представлял, – заметил я. Даже по прошествии стольких лет в воздухе угадывался запах железа.

Харриданс посмотрел на нас. Ему удалось обнаружить остатки лопаты с проржавленным клинком.

– Если бы огонь начался здесь, ему потребовалось бы довольно много времени, чтобы охватить весь двор, – сказал он. – И эти стены не были высокими: через них мог бы перелезть едва ли не кто угодно.

В памяти моей вновь проступили слова Эллен: «Он горел! Бедняга, он был весь охвачен огнем…» Он, то есть кто-то один, – подумалось мне. – Не находился ли другой к этому времени уже в пруду?

– Можно представить, как все это выглядело сразу после пожара, – пробормотал Барак.

– Одни уголья, – ответил Уилф. – Они нашли тут и кости. Обгоревшие, обуглившиеся. – Он показал на топку. – Вот здесь.

– А сколько было костей? – спросил я.

Харриданс покачал головой:

– Трудно было сказать, какие это были кости, так они обгорели. Однако таз был найден только один. Приддис сказал, что другие кости обуглились до неузнаваемости. А теперь, сэры, пойдем дальше. Давайте посмотрим, что именно нашел Цезарь.

Мы оставили руины плавильни. Дождь еще моросил, и мне пришлось смахнуть влагу с глаз. Мы направились к залитой грязью низинке, издававшей гнилостный запах. Ее окружали камыши, ныне умиравшие из-за нехватки воды. Достав веревку, Уилф привязал Цезаря к дереву. Пес заскулил, тоскливо глядя на низину, а его хозяин указал на место в середине пруда, расположенное ярдах в двадцати от нас. Я заметил цепочку следов, уходившую к какому-то подобию почерневшей палки, торчавшей из грязи. Джек негромко присвистнул.

Мой клиент указал на деревянный шест, торчавший из тростников:

– Лодку обычно привязывали к этому шесту. Когда дочка мастера Феттиплейса была маленькой, она каталась на этой лодчонке по всему пруду. В ночь пожара кто-то мог воспользоваться этой лодочкой и вывезти тело на середину пруда.

Внезапно я подумал, что это могла сделать и сама Эллен. Но почему

нельзя было просто оставить труп в плавильне?

Уилф поджал губы:

– Придется сделать это прямо сейчас, сэры.

Он положил ржавую лопату на плечо, а мы с Бараком, сняв башмаки, последовали за ним, осторожно ступая по подсохшей растрескавшейся корке. Однажды корка подалась под ногами моего помощника. Одна его нога ушла в грязь до половины голени, и он с крепкими словами высвободил ее.

Наш проводник первым добрался до середины бывшего пруда:

– Видите, сэр?

Я посмотрел на ссохшиеся остатки человеческой руки, на сморщившуюся кожу и съежившиеся сухожилия на кости. Невольно подумалось о запрещенных ныне святых мощах. Сняв с плеча лопату, Уилф воткнул ее в трещину глиняной корки.

– Отойдите назад, сэры, – посоветовал он нам.

– Позволь-ка мне, – бесцеремонно вмешался Барак. – Я помоложе буду.

– Нет, сэр. Это нетрудное дело, даже этой ржавой штуковиной. Мне только нужно прокопаться через корку до грязи. Однако вам придется помочь мне извлечь его оттуда. – Уилф вонзил лопату в корку. Мы с помощником наблюдали за тем, как он копал, а безжалостный дождь барабанил по нашим головам. Под коркой оказался слой вонючего и вязкого ила. Наконец Уилф остановился, вздрогнул и замер на месте с поникшей головой.

– В чем дело? – спросил его Джек.

– Похоже, я наткнулся на тело. – Старик побледнел.

– Хочешь, чтобы я сменил тебя? – предложил клерк.

– Да, будь добр!..

Потратив на дело около двадцати минут, Барак расчистил от илистой грязи прямоугольник размером примерно семь на три фута. После чего он нагнулся и запустил руку в ил. Пошарив, он осторожно потянул и вытащил на поверхность другую руку трупа, после чего, отвернувшись от вонючей грязи, произнес:

– Попробуйте нащупать ноги. Если мы будем тянуть только за руки, покойник может разорваться.

Опустившись на колени на сырой корке, мы с Уилфом погрузили руки в грязь. Дождь, как и прежде, молотил по нас и по этим протянувшимся вверх иссохшим рукам.

– Держу его за ногу, – произнес Харриданс дрожащим голосом.

– А я за другую, – добавил я. Это был ужасное ощущение: под

пальцами ткань, кость и ничего больше.

Барак скомандовал: «Раз, два, три!» – и все мы потянули мертвые конечности. И из грязной лужи, полной засасывающей грязи, неторопливо появилось человеческое тело. Труднее всего шла нога, оказавшаяся в моей руке, и пока она неспешно поднималась на поверхность, я обнаружил причину. К бедру покойника была привязана веревка, на другом конце которой находилась железная чушка. Теперь сомнений не оставалось: тело действительно здесь спрятали.

Все вместе мы вытащили этот темный, сочащийся водой труп на берег. Цезарь с лаем принялся рваться с веревки. Мы сели на землю, глотая ртами вместе с каплями дождя свежий и чистый воздух. Наконец Уилф поднялся и аккуратно перевернул тело на спину. Достав тряпку из недр своего балахона, он вытер покрытую грязью голову трупа. Она представляла собой всего лишь обтянутый кожей череп, на котором все же сохранились волосы.

Харриданс протер шею и воротник открывшихся моему взгляду остатков дублета. Пригнувшись, старик распрямился с большой пуговицей в кулаке. Трясущейся рукой он показал ее мне:

– Вот видите, сэр, пуговица уцелела. Видите рисунок… большой квадратный крест. Я их помню, эти пуговицы-то, такие были нашиты на том дублете мастера Феттиплейса, в котором он чаще всего работал. И волосы светлые, как у него. Он и есть.

Уилф был потрясен, и по лицу его потекли слезы:

– Простите меня, мне трудно смотреть на все это!

Барак положил руку на его плечо.

– Как могло это случиться? – спросил я у своего помощника. – Эллен говорила, что горел один человек. Это был друг Уилфа, Питер Гратвик. Отца ее убили и бросили в пруд. – Я посмотрел на тело, однако оно слишком иссохло для того, чтобы сохранить на себе следы любой раны.

– Если его убили, то почему тело не оставили в плавильне? – наклонился ко мне Джек. – И кто там был? Эллен, как нам известно, но кто еще?

Я повернулся к своему клиенту:

– А не пропал ли во время пожара кто-то еще из местных, кроме мастера Феттиплейса и вашего друга Гратвика? Кто-то, кто мог подстроить все это и бежать?

По грязному лицу старика все еще стекали слезы и капли дождя.

– Нет, сэр, – ответил он, – таких не было.

Глава 34

По настоянию Уилфа, мы внесли останки Феттиплейса под крышу и оставили иссохший труп возле внутренней стены разрушенной плавильни, прикрыв его обгорелыми досками. Нести его было тошно: я все опасался, что покойник развалится на части. Наконец я отвернулся от развалин и посмотрел на растрескавшуюся грязь, посреди которой раньше находился труп: его место и наши следы уже наполняла дождевая вода. Затем, насквозь промокшие, мы направились в обратный путь.

– Теперь нам надо будет обратиться к Хэмфри Батрессу, – задумчиво проговорил Барак, – как к члену городского совета.

– Да. Ему придется начать расследование и известить сассекского коронера. – Я покачал головой. – В этой поездке убийства буквально преследуют меня.

– И общим фактором является причастность к ним Приддиса. – Джек приглушил голос до шепота, хотя Уилф вместе с Цезарем уже ушел вперед. – Ты сказал, что подпись Эллен на купчей была подделана. Как ты считаешь, Батресс знает об этом?

– Вполне возможно. Признаюсь, он мне не понравился.

Вдали появился дом священника. Я взял Харриданса за руку.

– Вам надо послать за сыновьями, – осторожно проговорил я. – Вы пережили сильное потрясение.

Отчасти придя в себя, старик посмотрел на меня:

– Так вы ничего не расскажете о моем браконьерстве?

– Нет. Как и обещал. Мы будем придерживаться той версии, которую обговорили… что я попросил вас показать мне руины старой плавильни, – пообещал я ему.

Секфорд заметил нас издалека и вышел в сад.

– И что же вы нашли? – нерешительным голосом спросил он.

– Останки мастера Феттиплейса. – Взяв священника за мягкую пухлую руку, я посмотрел ему в глаза. – Сэр, в данный момент вы нужны Уилфу трезвым. Как и всем нам.

Глубоко вздохнув, отец Джон повернулся к Уилфу:

– Тело его будет погребено, как положено христианину. Я прослежу за этим.

Мы вошли в гостиную. Секфорд проговорил с невесть откуда взявшейся твердостью в голосе:

– Мастер Шардлейк, а не перенесете ли вы этот самый кувшин на кухню?

Я отнес его пиво в грязную комнатку, располагавшуюся за гостиной, где над немытыми тарелками жужжали мухи. Сейчас хозяин этого дома был явно не способен позаботиться о себе, хотя когда-то он опекал Эллен. Я вернулся в гостиную, в которой уже скрючился на скамье Уилф. Священник же занял свое кресло.

– Мастер Секфорд, – проговорил я, – на мой взгляд, нам, всем четверым, необходимо идти к мастеру Батрессу.

– Так будет ли установлена истина? – спросил Джон. – На этот-то раз?

– Надеюсь на это. А теперь слушайте меня оба. Умоляю вас помалкивать о моем личном интересе. Пусть Батресс, как и прежде, считает, что я занимаюсь поисками родни моего клиента.

Священник посмотрел на меня с внезапной подозрительностью:

– Однако, если вы обнаружили что-то в Лондоне, мы готовы услышать об этом.

– Существуют причины, по которым я не могу пока сказать этого. Прошу вас поверить мне, – попросил я его. Теперь мне меньше всего на свете хотелось, чтобы Батресс или его друзья-соратники обнаружили, где сейчас находится Эллен – если только они уже не знают об этом. Я отчаянно надеялся на то, что предпринял достаточные меры для ее защиты, и вдруг пожалел о том, что Харриданс натолкнулся на это тело. Старик вновь смотрел на меня с сомнением.

На выручку мне пришел Секфорд:

– Мы должны верить мастеру адвокату, Уилф. В делах с такими людьми, как Батресс, нельзя говорить лишнего, так, мастер Шардлейк?

– Именно. – Я ощутил прилив благодарности отцу Джону за его помощь. Поднявшись с места, он подошел к своему клиенту и похлопал его по руке. – По пути мы можем заглянуть в церковь: я напишу записку, чтобы служка отнес ее твоим сыновьям.

Через час я вновь сидел в изящно и со вкусом обставленной гостиной мастера Батресса. На столе стояла ваза со свежими цветами, душившими нас своим ароматом. Рядом со мной сидел Секфорд, и его пухлые щеки покрылись бисеринками пота. Барак и Уилф остались стоять позади нас. Хозяин предложил сесть только мне и священнику, хотя на лице Уилфа все еще читались потрясение и болезненное состояние.

Хэмфри расхаживал взад и вперед по комнате, соединив руки за своей широкой спиной, пока я рассказывал ему о находке в высохшем пруду.

Когда я договорил, он провел крупной ладонью по седеющим курчавым волосам и погрузился в раздумья, а потом подошел ко мне и посмотрел на меня сверху вниз.

– Чего я понять не могу, мастер Шардлейк, – проговорил он с обжигающей горячностью, – так это чего вы пытались разнюхать в руинах плавильни?! Прежде вы явились ко мне с сомнениями в отношении моих прав на этот дом…

– Я не имел в виду ничего подобного, сэр. Я просто хотел узнать, не остался ли на купчей адрес мисс Феттиплейс. И вы согласились показать мне этот документ.

«Я не пытался оспорить твои права на этот дом, однако на воре шапка горит», – подумалось мне. Итак, Батресс не наделен особым умом…

– Согласно моему опыту, если адвокат хочет ознакомиться с каким-либо актом, это обычно значит, что он намеревается его оспорить, – проворчал Хэмфри, прищуривая небольшие карие глаза.

– Тогда приношу свои извинения, если я причинил вам излишнее беспокойство. Насколько я понимаю, мне действительно нужно попросить прощения за это, так как мастер Секфорд и папаша Харриданс рассказывали мне о том, что вы расспрашивали их об обстоятельствах моего визита.

– Но зачем ехать сюда, чтобы посмотреть на руины этой плавильни?

– В Хэмпшире у меня выдался свободный денек, и я решил развлечь себя прогулкой. Мастер Секфорд говорил мне, что папаша Харриданс знает место той трагедии…

– И все потому, что у вас есть клиент, заинтересованный в поисках родни. Кто это, кстати?

– Вам известно, что я не могу ответить на этот вопрос, сэр. По соображениям профессиональной этики.

– Вам придется сказать это сассекскому коронеру, когда он прибудет сюда. – Батресс еще мгновение попытался впиться взглядом в мои глаза, а потом отвернулся и с раздражением махнул рукой. – Полагаю, что мне следует отдать распоряжение, чтобы эти останки доставили в Рольфсвуд. Завтра базарный день – находка станет истинным благодеянием для сплетниц! Кроме того, я должен написать в Чичестер коронеру. Хотя одним только небесам ведомо, когда он сумеет приехать сюда. Что ж, – продолжил он, окидывая взглядом нас четверых, – по крайней мере, ничего срочного я не усматриваю. Мастер Феттиплейс провел в пруду девятнадцать лет, так что его не затруднит подождать еще немного.

– При всем моем почтении, сэр, – заметил я, – данный случай является

заново открытым убийством. Вынесенный сэром Квинтином Приддисом прежний вердикт о случайной смерти очевидным образом оказался ошибочным.

– Ага, – отважно вступил в разговор Уилф. – Я всегда говорил, что прежнее расследование не было выполнено так, как надо.

Наклонив тяжелое тело вперед, Батресс с раздражением уставился на старика:

– Ты обвиняешь одного из первейших людей края в некомпетентности? Следи за своим языком, старый пьянчуга!

– Папаша Харриданс расстроен находкой, – умиротворяющим тоном проговорил Секфорд.

Хозяин дома обратил к нему свой недобрый взгляд:

– Насколько мне известно, вы, мастер священник, любите выпить вместе с этим старым дураком. И выпить как следует. Кроме того, мне доносят, что службы ваши отдают папистским душком. Не надо добиваться того, чтобы я еще более осложнил вашу жизнь!

– Сэр, – подал голос я. – Выражаю протест. Как магистрату, вам не подобает запугивать свидетелей.

Лицо Хэмфри потемнело, однако он сохранил контроль над собой:

– Я привлекал папашу Харриданса к ответственности за оскорбление прежнего коронера. А мастер Секфорд вообще не является свидетелем. Он не сопровождал вас к плавильне.

Отец Джон невозмутимо возразил:

– Тем не менее я могу засвидетельствовать состояние рассудка мистрис Феттиплейс после пожара в плавильне, как и тот факт, что ее увез отсюда сам мастер Приддис.

Я вздрогнул… Нельзя было, чтобы он привлек внимание к исчезновению Эллен! Кротким тоном я проговорил:

– Если она оказалась свидетелем убийства, это могло бы объяснить помрачение ее рассудка.

– А что, если, – спросил Батресс, поворачиваясь ко мне, – эта смерть была самоубийством? Что, если мастер Феттиплейс по неизвестной нам причине устроил этот пожар, убил своего работника, а затем выгреб на середину пруда, привязал к своей ноге железку и утопился? Подобные вещи случаются: вон, пару лет назад глупая деревенская девчонка забеременела и утопилась в местном пруду.

Мне вдруг представился Майкл Кафхилл, раскачивающийся на веревке в своей комнатушке, и я покачал головой:

– В таком случае на следующее утро посреди пруда обнаружилась бы

пустая лодчонка.

– Возможно, это осталось незамеченным. Ведь все были взволнованы вчерашним пожаром, – предположил магистрат.

– Но зачем было мастеру Феттиплейсу накладывать на себя руки? – спросил я.

Батресс пожал плечами:

– Кто знает? Ну что же, нам придется вызвать и других свидетелей. Некоторые из работников, трудившихся на плавильне, еще живы.

– Насколько я понимаю, Эллен Феттиплейс провела тот день в обществе интересовавшегося ею молодого человека. Филипа Уэста.

Хэмфри бросил в мою сторону сердитый взгляд:

– Уэсты – видный здешний род. Хотя и слишком уж преувеличивают собственное достоинство. Мастер Филип служит теперь офицером во флоте его величества.

– Тем не менее потребуется допросить и его. – Я понимал, что, когда все эти люди соберутся вместе, мое глубокое знакомство с обстоятельствами дела Эллен непременно вылезет наружу. Однако важно было свести их вместе, чтобы их допросили надлежащим образом. В моем присутствии.

– Чтобы все колеса закрутились, потребуется известное время, – проговорил Батресс, и я понял, что он сделает все, что в его силах, чтобы добиться задержки. Но почему? Чтобы сохранить в тайне поддельную купчую? – Магистрат тем временем добавил: – Полагаю, что к тому времени, когда сассекский коронер сумеет собрать всех этих людей для расследования, вы уже вернетесь в Лондон. Он напишет вам. Если только французы не высадятся и все мы не окажемся здесь в такой луже, что сделать что-либо будет попросту невозможно.

– Я буду поддерживать связь с мастером Секфордом, – заявил я и многозначительно посмотрел на старого священника. Тот кивнул.

– Конечно, мастер Шардлейк, – тяжко вздохнул Батресс, – нетрудно было это предположить.

Вечер застал нас в гостинице Рольфсвуда: Батресс, естественно, не оказал нам гостеприимства. Когда мы вышли из его дома, сыновья Уилфа ожидали нас чуть поодаль на улице. На сей раз они отнеслись ко мне вполне дружелюбно. В конце концов, я только что солгал, чтобы избавить их отца от возможного обвинения в браконьерстве!

– Надо было тебе, отец, оставить это тело лежать, где лежало, – проговорил один из братьев. – Пускай бы его обнаружил кто-то другой.

Посмотри на себя, едва на ногах стоишь!

– Я не мог бросить там мастера Феттиплейса, – ответил Харриданс. – Мастер Шардлейк позаботится обо мне.

– Обещаю, что прослежу за тем, чтобы правосудие совершилось, – проговорил я. Оставалось только надеяться на то, что это окажется мне по силам. Пусть Батресс и не умен, однако он хитер и коварен.

Секфорд и Уилф проводили нас в гостиницу. Женщина, познакомившая меня с Харридансом, вдова по имени мистрис Белл, оказалась ее владелицей. Она согласилась предоставить нам место для ночлега. Пожимая на прощание вялую руку отца Джона, я проговорил:

– Сэр, прошу вас, защищайте Уилфа всеми своими силами! Пишите мне: я немедленно приеду в случае необходимости.

Я дал ему адрес Хойлендского приорства и моей палаты в Лондоне.

Священник посмотрел на меня тусклыми глазами, а потом печально улыбнулся:

– Вы боитесь, что я слишком далеко зайду в числе кружек и сделаюсь бесполезным. Нет, сэр, я сумею блюсти себя. Бог назначил мне задание, как некогда послал мне Эллен. На сей раз я не подведу.

– Спасибо, – кивнул я, надеясь, что его решимость не ослабеет.

Нас с Бараком провели в комнату, где мы буквально рухнули в изнеможении на постели, пока через час голод не послал нас вниз, чтобы поесть. Народу в зале было полно, и я вспомнил слова Батресса о том, что завтра базарный день. Пока мы ели, кто-то явился в зал с известием о том, что в мельничном пруду обнаружили тело старого мастера Феттиплейса, и начались взволнованные пересуды. Мы с Джеком удалились наверх прежде, чем нас успели связать со слухом.

– И зачем нам все это? – спросил мой помощник.

– Мы получаем возможность вызвать сюда всех имеющих отношение к делу и допросить их. Батресс постарается медлить, и мне придется поддавливать на него.

– Из Лондона? И как насчет Эллен? Если все это выяснится, не окажется ли она в новой опасности?

– Я постарался предусмотреть меры обеспечения ее безопасности. А когда мы вернемся, приму новые меры.

– То есть ты намереваешься время от времени возвращаться сюда?

Я сел на постели:

– Джек, я должен извлечь какой-то порядок из этого хаоса! Должен.

Я ощутил, что голос мой наполняется страстью. Барак пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Батресс что-то скрывает, – заговорил я снова.

– Возможно. Но куда приводит нас обнаружение тела Феттиплейса? Расследование может принять точку зрения Батресса: решить, что Феттиплейс мог убить Гратвика, а потом пойти на пруд и утопиться в нем.

– Но что, если в плавильне был кто-то третий, изнасиловавший Эллен, а затем убивший ее отца и Гратвика? Она говорила, что на нее набросились, по крайней мере, двое мужчин… Она сказала, что они оказались слишком сильными для нее, что она не могла шевельнуться.

Клерк помолчал с минуту, а потом покачал головой:

– Ты придаешь слишком много значения крикам безумной женщины.

– В тот день она говорила правду.

– Откуда в тебе такая уверенность? – Скрестив руки на груди, Джек посмотрел на меня, не отводя глаз и странным образом напомнив тем самым манеру некоторых знакомых мне судей.

– Ты не видел ее, ты не видел весь тот ужас, который вызвали эти воспоминания.

– Но что, если прав на самом деле Уэст, и Эллен сама убила собственного отца и Гратвика, а потом устроила пожар? Приддису, возможно, пришлось увезти ее из города, чтобы ублаготворить Уэстов и заключить какую-то сделку с Батрессом, позволив тому задешево купить дом, а после разделить доход на двоих. Ты же знаешь, каковы чиновники графств… какие они были и есть.

– У меня создалось впечатление, что Батресс не симпатизирует Уэстам… Быть может, причина сему заключается в борьбе за местную власть.

– Так ты не хочешь допустить даже возможности того, что Эллен сама могла совершить все это?

Хмурясь, я передвинулся на край постели:

– Мне кажется, что, вне зависимости от обстоятельств, в деле этом каким-то образом замешан и Филип Уэст. Тот день до сих пор памятен ему.

– Просто от того, что тебе это кажется, подобное предположение не становится верным.

– Я хочу, чтобы Уэста и Приддиса допросили в ходе расследования. Это откроет нам истину, – нетерпеливо произнес я.

На озабоченном лице Барака все еще читалось сомнение.

– А что представляет собой сассекский коронер? – поинтересовался он.

– Мне о нем ничего не известно. Разведаю, когда мы вернемся в Лондон.

– Если только мы когда-нибудь вернемся туда.

– Мы отправимся туда сразу же, как только нас отпустит хэмпширский коронер. Я обещал тебе это и сдержу свое обещание.

С улицы донеслись громкие голоса, крики и возгласы, и Барак подошел к окну. Я уже некоторое время назад заметил растущий шум, но подумал, что это торговцы готовят свои прилавки к базарному дню. Открыв ставни, Джек присвистнул:

– Поди сюда, полюбуйся!

Я присоединился к нему возле окна. Снаружи целая группа людей, причем некоторые из них несли факелы, собралась вокруг груды хвороста посреди улицы. На наших глазах сборище разделилось надвое, с криками и приветствиями пропуская четверых мужчин. Те несли соломенное чучело, облаченное в рваный балахон с намалеванными на груди королевскими лилиями Франции.

Толпа завопила:

– Жги французишку! Бей пса!

Чучело уложили на хворост, который тут же зажгли. Какое-то мгновение языки пламени лизали фигуру, быстро поддавшуюся натиску огня.

– Так будет со всеми захватчиками! – нравоучительно провозгласил чей-то голос под дружные крики одобрения.

– Отрежем яйца головорезам французского короля!

Отвернувшись от зрелища, я буркнул:

– Они могли бы и поинтересоваться, кто все это затеял. Король, превысивший свою власть.

– В этом-то вся проблема, – заметил мой клерк. – Бывает, начинаешь какое-то дело, и прежде чем успеваешь что-то понять, обнаруживаешь, что оно вышло из-под твоего контроля.

Он многозначительно посмотрел на меня. Не отвечая, я вновь опустился на кровать, разглядывая красные отсветы пламени, плясавшие на потолке.

На следующее утро мы встали рано – ради долгой поездки обратно в Хойленд. Небо вновь сделалось чистым и безоблачным. Пепел ночного костра замели, и вдоль улицы расставили прилавки под яркими навесами. Мы позавтракали и уже собирали вещи в дорогу, когда, постучав, в нашу комнату с весьма озабоченным видом вошла старая мистрис Белл.

– Вас тут хотят видеть, сэр, – проговорила она, обращаясь ко мне.

– И кто же? – насторожился я.

Хозяйка набрала в грудь воздуха:

– Мистрис Беатрис Уэст, вдова сэра Джона Уэста, хозяйка Карлен-холла.

Мы с Бараком переглянулись.

– А где она? – спросил я.

– Я проводила ее в свою жалкую гостиную. – Из уст мистрис Белл хлынул бурный поток слов. – Она услышала о найденном в мельничном пруду теле. Пожалуйста, сэр, не говорите такого, что может расстроить ее! Многие мои постояльцы являются ее арендаторами. А она женщина гордая и обидчивая.

– Не имею никакого намерения становиться ее врагом, – заверил я мамашу Белл.

– Опять неприятности, – внезапно с горечью произнесла та. – Каждый раз неприятности, стоит вам только здесь появиться!

Хлопнув дверью, она вышла из комнаты. Джек приподнял бровь.

– Подожди здесь, – велел я ему.

Гостиная мистрис Белл оказалась небольшой комнаткой, в которой размещался обшарпанный стол и пара табуретов, а на стене была нарисована сцена охоты, хотя краски со временем растрескались и поблекли. Возле стола стояла высокая и крепкая женщина, на вид разменявшая уже седьмой десяток. На ней было просторное синее платье со стоячим воротником и старомодный чепец, обрамлявший умное и надменное лицо, небольшие и глубоко посаженные проницательные глаза на котором напомнили мне ее сына.

– Мистрис Беатрис Уэст? – спросил я.

Коротко кивнув в качестве подтверждения, старая женщина резким тоном проговорила:

– Вы и есть тот самый адвокат, который обнаружил в пруду это тело? Около плавильни Феттиплейса?

– Он самый, мадам. Мэтью Шардлейк, сержант юриспруденции из Лондона. – Я глубоко поклонился.

Мистрис Уэст кивнула, и поза ее сделалась менее чопорной:

– Во всяком случае, я имею дело с официальным лицом некого ранга. – Она указала холеной рукой в сторону табуретов. – Прошу вас сесть, если это вам угодно. Быть может, вы сочтете неудобным долго стоять на ногах. Сама я не сажусь на табуреты, поскольку привыкла к креслам, однако в этой бедной комнатушке их нет.

Косвенное упоминание моего увечья чуть завело меня. Однако я

понимал, что умеренность в словах и скромность в манерах являются лучшим способом общения с этой женщиной, поэтому ответил просто:

– Благодарю вас, мне вполне удобно стоять.

Она не отводила от меня своих проницательных и небольших карих глаз, и за надменным выражением этих глаз я угадывал прячущуюся в них тревогу.

Резким тоном Беатрис заговорила:

– Вчера вечером я приехала в Рольфсвуд на ярмарочный день. Как всегда, остановилась у друзей. Но едва я успела войти в их дом, как получила письмо от этого невежи, Хэмфри Батресса. Он извещал меня о том, что тело мастера Феттиплейса, которого все мы девятнадцать лет считали сгоревшим, обнаружено в пруду. И что это сделали вы.

– Совершенно верно, мадам.

– Он сказал, что в качестве магистрата обязан – обязан, о, как он любит это слово! – знать местонахождение моего сына, учитывая его давние «отношения» с мисс Эллен Феттиплейс. Ну, на этот вопрос ответить несложно. Филип находится в Портсмуте, готовясь защищать Англию. Батресс сказал, что вы хотели бы допросить его. – Дама перевела дух. – Итак, сэр, что вы можете сказать мне? Какое отношение к вам имеет это старое дело?

Я невозмутимо ответил:

– Могу сказать вам лишь то, что уже говорил мастеру Батрессу. Я провожу расследование по поручению клиента в отношении семейства Феттиплейсов. Вчера я побывал на плавильне вместе со старым папашей Харридансом, и мы обнаружили тело. Как мне ни жаль производить неудобства, однако обстоятельства нашей находки необходимо расследовать. Ваш сын принадлежит к числу тех, кто может предоставить нам информацию. Я всего лишь хочу совершения правосудия, хочу собрать сведущих людей.

– По какой причине вы находитесь в Сассексе?

– Я расследую еще одно дело в Хэмпшире и живу сейчас в доме, расположенном в нескольких милях от Портсмута. В Хойлендском приорстве. Исполняю поручение суда по делам опеки. – Я решил, что будет лучше не сообщать этой женщине о своей принадлежности к Ходатайственному суду. Лицо ее сделалось несколько менее напряженным, и я добавил: – Мастер Секфорд сообщил мне, что в день пожара ваш сын намеревался просить у мастера Феттиплейса руки его дочери.

– Ах, эта девушка! – с чувством произнесла мистрис Уэст. – Она не была ему ровней, Филип не должен был водиться с ней. После пожара она

сошла с ума, и ее увезли. Вы будете занимать официальную позицию во время дознания? – вдруг спросила она.

– Теперь мне придется так сделать как обнаружившему тело. – Я пристально посмотрел на мистрис Уэст. Быть может, это она устроила все так, чтобы Эллен увезли отсюда?

Пожилая дама внезапно поникла:

– А мы думали уже, что все забыто… И вот теперь, оказывается, там было убийство, и мой сын подлежит допросу…

– Я хочу всего лишь узнать правду. И только.

Посмотрев на меня долгим и жестким взглядом, моя собеседница словно бы пришла к решению:

– Тогда я должна кое-что рассказать вам. Это все равно вскроется, но лучше, чтобы первым узнали вы, а не Батресс. Должно быть, вы и так понимаете, мастер Шардлейк, что в небольших городках нередко возникает соперничество между людьми благородного происхождения, к числу которых принадлежит мое семейство, и подобными ему мужланами.

– Поговорив с ним, я могу представить, что он – человек трудный.

– Если я расскажу вам, что именно помешало моему сыну в тот день встретиться с мисс Феттиплейс, быть может, Филипу удастся избежать участия в дознании?

– Вполне вероятно.

– Сам он не захочет признаться в этом даже теперь. Однако я обязана сделать все возможное, чтобы защитить его. Он должен был рассказать все это еще на первом расследовании. Хотя все мы тогда считали, что произошел несчастный случай.

Пальцы Беатрис уже не знали покоя, и я понял, что женщина эта не просто испугана, а находится на грани паники. Еще раз посмотрев на меня, она собралась с духом и торопливо продолжила:

– Девятнадцать лет назад моему сыну было двадцать два года. Для своих лет он успел взлететь достаточно высоко. За два года до этого мы с моим покойным мужем нашли ему место при королевском дворе у егермейстера его величества. Мы были довольны. – На лице ее промелькнула счастливая улыбка. – Видели бы вы тогда Филипа! Красивый и крепкий, не знающий забот юноша, всецело отдавшийся мужскому времяпровождению… Это были последние дни прежних лет, сэр, когда все в Англии казалось устроенным и надежным. Король пребывал в браке с королевой Екатериной Арагонской почти двадцать лет – как мы считали, в счастливом браке, хотя сына у них не было. Мы не знали, что король уже положил взгляд на Анну Болейн.

– Я прекрасно помню это.

– Мой сын, как я уже говорила, помогал устраивать королевские охоты. Говорят, что его величество ныне даже ходит с трудом, однако в те дни он без устали охотился. Филип приглянулся королю, он приближал к себе молодых людей, разделявших его вкусы и забавы. И к двадцать шестому году мой сын оказался во внешнем кружке приближенных его величества, его иногда приглашали играть с королем в кости и карты. – Слова эти мистрис Уэст проговорила с гордостью, после чего уже не столь бодрым тоном добавила: – А иногда король пользовался услугами Филипа в качестве вестника, доставлявшего его личные письма. Он стал чрезвычайно доверять моему сыну. Письма эти были к… – тут она плотно поджала губы, – …к Анне Болейн.

Я вспомнил казнь Анны Болейн, на которой мне пришлось присутствовать по настоянию лорда Кромвеля… ее голову, отлетевшую от тела, струи крови… Странно было, что картина эта не пришла мне на память, когда я встретил ее дочь, леди Елизавету.

Беатрис вздохнула:

– Теперь это ничего не значит, ведь Екатерина Арагонская и Анна Болейн давно мертвы, но тогда эта история имела первостепенную важность. В двадцать шестом году за пределами двора никто и слыхом не слыхивал об Анне Болейн. У короля и прежде бывали любовницы, но Анна настояла на том, чтобы он развелся с Екатериной и женился на ней. Да вы знаете эту историю. Она обещала королю сына.

Мистрис Уэст рассмеялась с горечью в голосе, а я подумал, что родила Болейн только Елизавету. Я вспомнил маленькую девочку, внимательно глядевшую на меня и задававшую вопросы об адвокатах.

– Итак, в двадцать шестом году король отправился в свою очередную охотничью поездку по своим паркам Сассекса. Королева Екатерина сопутствовала ему, Филип тоже. Анна Болейн оставалась в Кенте – в своем родовом поместье. Однако король регулярно писал ей, и мой сын был одним из его доверенных вестников. Что было в тех письмах, насколько далеко зашло тогда дело, я не знаю… Не знал и Филип. Однако королева Екатерина встревожилась…

– Уже так рано? Я не знал…

– О, у Екатерины Арагонской повсюду были свои шпионы!

Моя собеседница беспокойно заходила по комнате, шелестя юбкой по усыпавшему пол тростнику.

– В том августе двор остановился в Сассексе, в замке Петуорт, находящемся более чем в двадцати милях отсюда, – рассказывала она

дальше. – Вы должны понимать, мастер Шардлейк, что положение заставляло моего сына проводить много времени в Лондоне. Он мог бывать в Рольфсвуде только наездами. Его визиты к Эллен Феттиплейс часто разделялись многими неделями. Я теперь думаю, что если бы он побольше встречался с ней, то понял бы, насколько она не подходит ему в качестве невесты.

– Вам она не нравилась.

– Не нравилась совершенно, – ответила мистрис Уэст. – Отец позволял ей слишком много вольности, и она была с моим сыном то горяча, то холодна. Однако дерзость этой девчонки только раздувала в нем любовь. – Она опять горько усмехнулась. – Так же как у короля к этой лживой и неверной твари Болейн! Та любовь так же плохо закончилась!

Затем Беатрис продолжила с печалью в голосе:

– В характере Эллен угадывалось нечто бурное и неспокойное. Ей нужна была взаимность.

– Что вы имеете в виду?

– Мне кое-что известно.

Я нахмурился, вспомнив о том, что мастер Уэст говорил мне о том, что мисс Феттиплейс устраивала пожары.

– Филип написал нам, что намеревается сделать предложение Эллен Феттиплейс и получил от егермейстера разрешение побывать у нас. Но как раз перед тем, как он уехал, его вызвал к себе сам король. Он велел моему сыну отвезти письмо в Хивер, после того как он побывает здесь. Письмо с личной печатью короля.

– А король знал, что ваш сын намеревается сделать предложение девушке?

– Да. Вот почему он позволил Филипу сперва приехать сюда. – Пожилая женщина подошла поближе и посмотрела на меня. Ох, хоть бы она села! – Однако, мастер Шардлейк, мой сын ехал из Петуорта в Хэмпшир не в одиночестве.

Голос ее чуть дрогнул прежде, чем она продолжила:

– При дворе у него был друг, молодой адвокат, предложивший моему сыну проехаться за компанию с ним. Он ехал дальше – в Хэмпшир.

Глотку мою перехватило. Итак, их было двое. «Они были такими сильными. Я не могла шевельнуться!» Мне пришлось постараться, чтобы сохранить спокойствие в голосе.

– А кто был этим другом? – поинтересовался я.

Мистрис Уэст посмотрела на меня, и на сей раз в ее глазах читалась отчаянная мольба:

– Вот тут-то и заключается вся трудность, сэр. Я этого не знаю.

– Но если ваш сын приехал, чтобы побыть у вас…

– Позвольте мне рассказать вам, как все произошло. Письмо Филипа с известием о том, что он будет у нас на следующий день, привез нам скорый гонец из Петуорта. Так как дальше ему надлежало везти письмо короля – тогда мы не знали, кому, – он намеревался провести здесь только одну ночь. Сын собирался днем приехать прямо в дом Феттиплейсов и переговорить с отцом Эллен, Вильямом. В случае его согласия на брак, Филип хотел в тот же день сделать Эллен предложение.

Это не совсем согласуется со словами Филипа, подумал я. Сам он говорил о том, что намеревался получить одобрение Феттиплейса и потом только повидаться с Эллен.

– Если бы Эллен согласилась, он привез бы ее вместе с мастером Феттиплейсом в наш дом, – сказала Беатрис. – Филип также сообщил, что с ним едет друг. Посему мы все приготовили к их прибытию. Это было девятого августа, дату эту я вспоминаю каждый год.

– Дату пожара.

Наделив меня внимательным и задумчивым взглядом, старая женщина подошла к табурету и тяжело опустилась на него. На лице ее проступила огромная усталость, но она продолжила:

– Мы с покойным мужем были дома, приготовив лучшее вино в ожидании праздника, хотя, по правде говоря, надеялись, что Филип приедет без этой девушки, что Эллен Феттиплейс откажет ему. Но шли часы, уже стемнело, а никто так и не появился. Нам оставалось только ждать. Затем, ближе к полуночи, появился Филип. Мой бедный мальчик, он так радовался тому, что служит при дворе короля, был таким полным жизни и энергии! И вот вся радость сразу оставила его, он сделался раздавленным, уничтоженным… – Мистрис Уэст на мгновение примолкла. – И испуганным.

Итак, подумал я, девушка отказала ему.

– Неужели Эллен ответила отказом? – спросил я вслух.

Дама покачала головой:

– Нет. Филип не встречался в тот день с Эллен: он ничего не знал о пожаре. Дело в том, что случилось нечто другое, еще более страшное, отчего замерзла его кровь и застыла наша, когда мы узнали об этом. Мастер Шардлейк, этот самый его друг предал его. По пути, в нескольких милях до Рольфсвуда, они остановились, чтобы выпить в сельской гостинице. Там они поссорились. Филип бывает ужасен, если его раздразнить. Ничего особенного, дурацкий спор из-за каких-то лошадей, но дело дошло даже до

драки.

– Подобные ссоры нередки среди молодых людей.

– После драки приятель Филипа обложил его крепкими словами и сказал, что возвращается в Петуорт. Потом мой сын понял, что он наверняка подстроил ссору, так как вскоре после этого, продолжив свой путь, Филип обнаружил, что письмо короля пропало. Он хранил письмо на своем теле. А друг, как выяснилось, подвизался в свите королевы Екатерины. Должно быть, она каким-то образом узнала о письме и воспользовалась этим адвокатом как одним из своих шпионов.

– Итак, его друг выкрал письмо от короля Анне Болейн? – спросил я недоверчиво. – Чтобы передать его Екатерине Арагонской? Он рисковал своей жизнью!

– Ну, королева защитила бы его. Она была известна своей благодарностью слугам.

Внезапно мне как будто бы кто-то сказал на ухо: «Уорнер, солиситор нынешней королевы». А кто в 1526 году мог быть молодым адвокатом на службе у другой королевы? Сердце мое заколотилось.

– Филип поначалу решил, что выронил письмо во время драки. Он бросился обратно в гостиницу, но никаких следов письма не обнаружил. И поэтому поскакал назад ко двору, чтобы сообщить королю об утере письма, – рассказывала тем временем Беатрис.

– Но его ведь украли…

Мистрис Уэст нетерпеливо тряхнула головой:

– Мой супруг посоветовал ему сказать, что он потерял письмо. Ну, как вы не понимаете? Лучше, чтобы король думал, что письмо потеряно, чем считал, что оно уже находится в руках королевы Екатерины. Муж даже сказал Филипу, что не хочет слышать имени его спутника: так будет безопаснее для нас, если оно не будет нам известно. Однако предстоящее расследование потребует от Филипа сведений о его местонахождении в ту ночь, и тогда ему придется назвать имя подозреваемого. Этот человек – его алиби. – И она добавила с ядом в голосе: – Пусть, наконец, заплатит за свое преступление!

– Боже мой, возможно, в этом письме говорилось о намерении короля жениться на Анне Болейн! – воскликнул я. – Если Екатерина Арагонская узнала из него о намерениях короля, это могло бы объяснить ее возражения против развода. Мадам, если король узнает о лжи вашего сына, последствия для него могут оказаться печальными даже сейчас!

Пожилая женщина всплеснула руками:

– Пусть лучше станет известна беспечность моего сына, чем его

обвинят в убийстве! Я думала об этом всю ночь, мастер Шардлейк. И приняла решение.

Она смотрела на меня, дожидаясь ответа. Теперь я мог понять ее нежелание сперва выкладывать эту историю Батрессу.

– Итак, ваш сын не видел Эллен? – уточнил я.

– Нет. Он провел ночь у нас, а утром встал очень рано и поскакал назад в Петуорт. Известие о пожаре тогда еще не дошло до нас. Королю Филип сказал, что потерял письмо по дороге. Его, конечно, прогнали со службы. И тут гонец привез ему известие о пожаре в плавильне. Сын немедленно вернулся домой и поспешил увидеться с Эллен, но она не захотела его видеть. Мы с мужем молили его оставить эту девушку в покое, но он настаивал на своем до тех пор, пока ее не увезли.

Я посмотрел на собеседницу. Впервые она опустила глаза. «Да, это ты в компании с Приддисом устроила, чтобы Эллен поместили в Бедлам», – понял я.

Мистрис Уэст продолжила:

– Потом Филип ушел на море, стал служить на военных кораблях его величества. Для него это было делом чести, он чувствовал себя изменником, предавшим короля. С тех пор он не возвращался с моря. И я не сомневаюсь в том, что король учтет его честную службу даже в том случае, если история с письмом всплывет теперь заново.

Я поднял на нее глаза. Учитывая все, что было мне известно о характере короля, в подобном исходе нетрудно было усомниться.

– После смерти моего мужа Филип оставил управление поместьем в моих руках. Он словно бы все еще наказывает себя за утрату этого письма по прошествии почти двадцати лет. – Беатрис вновь взглянула на меня с печальной улыбкой. – Такова моя повесть, мастер Шардлейк. Итак, вы видите, что мой сын ничего не знал о пожаре и обо всех этих смертях.

Я сложил руки ладонями перед собой. Бесспорно, исчезновение письма именно в ночь пожара являлось, по меньшей мере, случайностью. Несомненно и то, что мистрис Уэст всецело верила истории, рассказанной ей сыном, а надменность и эгоцентризм позволяли ей думать, что и все остальные равным образом поверят его рассказу. Однако факт существования письма, да и самого друга, известен был лишь со слов Филипа. Я вспомнил встречу с ним в Портсмуте… Он показался мне человеком, измученным совестью, но в чем упрекала его совесть – в утраченном письме или в чем-то куда более мрачном? А если его друг и существовал на самом деле, кем мне следует считать его: гарантом алиби Уэста или его сообщником?

– А сын ваш когда-либо говорил о том, что сталось с этим его другом… с адвокатом? – спросил я. – Если он поддерживал Екатерину Арагонскую, то помогал проигрывавшей стороне.

Пожилая дама пожала плечами:

– Не знаю, что с ним было дальше. Надо думать, что он изменил своей партии, перешел на другую сторону после падения королевы Екатерины. Как и многие.

– Верно.

Женщина глубоко вздохнула:

– Как, по-вашему, если теперь рассказать эту историю, она поможет моему сыну?

Я посмотрел на нее:

– По правде говоря, мадам, я не могу ничего утверждать.

– Я попрошу у вас еще кое-что, – проговорила она. – Пожалуйста, не пересказывайте мастеру Батрессу ничего из того, что я только что открыла вам, еще какое-то время. Дайте Филипу… дайте моему сыну возможность оправдать себя в военном походе, в уже неизбежном сражении.

Я подумал, что если на время забыть про ее рассказ, особого вреда не случится. Кроме того, я получу время на продолжение собственного расследования.

– Очень хорошо. Обещаю пока молчать, – ответил я.

Теперь тон Беатрис полностью преобразился и сделался почти что умоляющим:

– Благодарю вас. Вы – вдумчивый человек, нейтрально настроенный. И, быть может…

– Что – быть может, мистрис Уэст?

– Быть может, найдется какой-то способ, какой-то приватный способ разрешить этот вопрос без публичного шельмования Филипа.

– А как вы это себе представляете?

– Не знаю. Если вы воспользуетесь собственным влиянием…

– Я подумаю об этом, – сказал я ровным тоном.

– Если вы захотите продолжить наш разговор, отправьте письмо в мой дом, Карлен-холл.

– Хорошо. А я буду находиться в Хойлендском приорстве, в восьми милях от Портсмута на Портсмутской дороге.

Посмотрев на нее, я подумал: при всей твоей тревоге и боязни за сына, у меня нет к тебе жалости. Когда придет этому время, я вырву из тебя историю увоза Эллен.

Беатрис же улыбнулась мне с отчаянием в глазах:

– Ну, конечно, мой сын может отдать свою жизнь за отечество задолго до начала расследования. Я думаю, что он предпочтет умереть с честью, чем остаться в живых и услышать эту историю. – Рот ее дрогнул, и в глазах вскипели слезы. – Предпочтет погибнуть за короля и оставить меня одну-одинешеньку в этом ужасном мире…

Глава 35

Через час мы с Джеком уже ехали на юг, возвращаясь в Хойленд. Мистрис Уэст щедрой рукой предоставила мне обильную пищу для размышлений. Барак, когда я рассказал ему ее историю, отреагировал мгновенно:

– Не верю ни единому слову. Уэст придумал эту сказку, чтобы успокоить свою мать. Скорее всего, он со своим приятелем напали на Эллен, а потом его друг исчез.

– А как быть тогда с пожаром и убийствами в плавильне?

– Возможно, отец Эллен и Гратвик оказались рядом, когда они насиловали девушку. Возможно, она отказалась выходить за Уэста, и отказ привел его в бешенство. Завязалась драка, и Гратвик вместе с мастером Феттиплейсом были убиты. А письма и вовсе никакого не было. – Помощник посмотрел на меня. – Тогда с Эллен все становится ясно.

– Ну, вне зависимости от того, прав ли ты или можно верить рассказу Уэста, теперь очевидно, что ключ к этой драме в его руках. Я также считаю, что мистрис Уэст подкупила Приддиса, чтобы он вынес при дознании заключение о случайной смерти. Возможно, что она до сих пор оплачивает пребывание Эллен в Бедламе.

– В таком случае, Филип Уэст уже знает, где именно она находится.

Я неторопливо кивнул:

– И если он в ответе за все происшедшее, угрызения совести могли привести его на королевский флот. В поисках опасности и смерти.

– И то, и другое он может обрести достаточно скоро.

– Но что за друг ехал вместе с ним в тот день, после чего исчез?..

Я нахмурился. Если эта история была ложью, то ложью опасной. Король был бы в гневе, узнав, что один из младших придворных сочинил такую отговорку. Однако время совпадает – двадцать шестой год, когда его величество распалился похотью к Анне Болейн. Хотя тогда никто еще не представлял, что он уже собрался жениться на ней.

– Есть только один способ узнать истину, – сказал я решительным тоном. – Я возвращаюсь в Портсмут, чтобы расспросить Уэста.

Барак уставился на меня:

– Это невозможно! Сегодня пятнадцатое июля, король приезжает завтра. Не говоря уже о том, что к нам вот-вот нагрянет французский флот. Христа ради, давай займемся этим расследованием после того, как

возвратимся в Лондон!

Я выдержал его взгляд:

– К этому времени Уэста, возможно, уже не будет среди живых.

– А я-то думал, что ты уже начал видеть окружающее в правильном ракурсе, – проворчал Джек. – Ты никак не можешь сейчас снова отправляться в Портсмут.

– Возможно, иначе я так и не узнаю правду. Кроме того, у меня возникла одна мысль, которая мне не нравится. О том, кем мог быть друг Уэста.

– Кто же?

– Мастер Уорнер находился на службе при дворе королевы со времен Екатерины Арагонской, и он – адвокат. Он пережил пятерых королев. К тому же, он подходящего возраста.

– Я считал его твоим другом.

– Друзьям случалось не раз предавать меня.

– Королева Екатерина Парр доверяет ему.

– Да. И она хорошо разбирается в людях. Однако при дворе королевы не могло быть много адвокатов его возраста. Кроме того, он однажды сказал, что после Екатерины Арагонской нынешняя королева добрее всех относится к своим слугам.

Барак задумался:

– Эдвард Приддис примерно в это самое время был молодым адвокатом в Лондоне. Как и Дирик, если на то пошло.

– Да, Дирик тоже служил при дворе. А Эдвард говорил, что провел какое-то время в Лондоне, но промолчал о том, чем именно там занимался.

– Ну, если так, у его отца были реальные основания для того, чтобы замять дело.

Мы оба обернулись на громкий скрип колес. Нас миновали две большие повозки, каждую из которых увлекали вперед по две пары напрягающихся коней. Они были нагружены коробами с чугунными пушечными ядрами – конечно, это была новая партия продукции мастерских Вильда.

– Надеюсь, что в Хойленде нас уже ждут новые письма, – вздохнул Барак. – Пора уже…

Когда мы въехали в ворота Хойлендского приорства, в садах его не оказалось ни единого работника. Цветочные клумбы Абигайль уже как-то потеряли свой лоск. К собственному удивлению, я заметил на стрельбище одного Хью. Увидев нас, он не проявил никакой реакции и только

наклонился, накладывая на тетиву новую стрелу.

Как только мы спешились, из дверей появился Фальстоу, как всегда опрятно одетый и с недавно подстриженной бородой. Манеры его сделались еще более властными. Он отвесил короткий поклон, и я спросил, не было ли нам писем.

– Не было, сэр, – ответил дворецкий. – Однако коронер уже здесь. Он хочет вас видеть.

– Спасибо. Не может ли слуга отвести в конюшню наших коней?

– Боюсь, что сейчас все заняты, – проговорил Амброуз с легкой улыбкой. – А пока, простите.

Он направился прочь.

– Этот тип изрядно обнаглел, – заметил Барак и уже гневным тоном добавил: – Черт побери, я должен знать, как чувствует себя Тамасин!

– Если король уже прибыл в Портчестер, дороги могут стать посвободнее.

Мой клерк сердито качнул головой:

– Раз здесь никого нет, я сам отведу лошадей в конюшню.

Войдя в большой зал, я невольно остановился, увидев пустые стены. Гобелены со сценами охоты на единорога исчезли. После этого я с изумлением увидел, что старый сэр Квинтин Приддис вновь сидит в кресле возле пустого камина. Он обратил ко мне здоровую часть лица, не искаженную зловещей сардонической полуулыбкой:

– С новой встречей, мастер Шардлейк. Как я слышал, вы съездили в Сассекс?

– Съездил, сэр.

Голубые глаза его сузились:

– И удачно?

Я глубоко вздохнул:

– Я побывал в Рольфсвуде, где обитало семейство Феттиплейс. Там в мельничном пруду было обнаружено тело с привязанным к ноге грузом, как будто бы принадлежавшее покойному Вильяму Феттиплейсу. Похоже, что его убили. Будет новое дознание, – добавил я.

Сэр Квинтин обнаружил удивительное самообладание. Острый взгляд его глаз даже не дрогнул. Я пожалел о том, что рядом нет Эдварда, чтобы я мог увидеть и его реакцию.

– Ну, ладно, ладно, – сказал старик. – Смерть, похоже, следует за вами по пятам.

Сделав паузу, он переменил тему:

– Надеюсь, что сын мой сумел помочь вам при осмотре леса мастера

Кертиса.

– Конечно.

– И вы, наконец, решили оставить эту глупую чушь? Не сомневаюсь в том, что это несчастное семейство почувствует облегчение, избавившись от одной заботы.

– Я еще обдумываю это. Я не рассчитывал снова увидеть вас, сэр Квинтин.

Старик рассмеялся странным, скрежещущим смешком:

– Дело, которое мне надлежало уладить в Винчестере, отпало само собой. Речь шла о землях молодого подопечного, но мальчишка умер. Господин, принявший опеку, сделал плохое вложение капитала… Но теперь нам не нужно находиться в Винчестере до следующей недели. Поэтому я решил остановиться здесь на обратном пути, чтобы увидеть исход расследования обстоятельств смерти мистрис Хоббей. Поскольку здешний хэмпширский коронер – человек бесполезный, я, возможно, сумею оказать ему кое-какую помощь.

Скривившись, он переменил позу на более удобную. А я подумал, что феодарий мог остановиться здесь, чтобы побольше узнать о моих контактах в Рольфсвуде.

Открылась дверь, и вошел Эдвард. Как и отец, он был в спокойном черном облачении. За ним следовал невысокий и сердитый с виду человек лет шестидесяти в адвокатской мантии. Когда младший Приддис заметил меня, его ледяные голубые глаза сузились. Кланяясь, я размышлял о том, способен ли этот сдержанный человек изнасиловать женщину, и успел подумать, что как раз тот, кто содержит себя под жестким контролем, может стать наиболее опасным, потеряв его.

Сэр Квинтин указал на меня своей здоровой рукой:

– Этот человек и его клерк первыми обнаружили тело, сэр Гарольд. Сержант Мэтью Шардлейк. Сержант Шардлейк, это сэр Гарольд Тревельян, коронер Хэмпшира.

Сэр Гарольд бросил на меня недовольный взгляд:

– Итак, вы вернулись. В качестве нашедших тело вам надлежало оставаться здесь до моего прибытия. Адвокату положено знать подобные вещи. Я намереваюсь начать дознание завтра днем. У меня довольно дел в Портсмуте в связи с этими смертями на галеасах. Не знаю, о чем думал король, комплектуя их экипажи пьяным отребьем с лондонских улиц… Однако будем надеяться, что расследование завершится достаточно быстро, раз подозреваемый уже арестован.

– Вы можете столкнуться с парой проблем в доказательствах

обвинения, – ответил я резким тоном.

На лице сэра Тревельяна появилось обиженное выражение:

– Но мастер Дирик утверждает, что этот Эттис является бунтарем, настроенным против этого семейства. Его алиби может подтвердить только слуга. Ладно, завтра посмотрим!

– Жюри уже подобрали? – спросил я.

– Подобрали. Я разрешил управляющему мастера Хоббея выбрать нескольких сельских жителей.

– Однако селяне разделены на партии, – ответил я многозначительно. – Фальстоу выберет только селян, верных мастеру Хоббею.

– Согласно установленной процедуре, принято, чтобы заседателей выбирали дворецкие. И, кроме того, сэр, какое вам дело до всего этого? Мне сказали, что вы проводите здесь расследование обстоятельств использования земель состоящего под опекой Хью Кертиса. Однако мне стало известно, что вы являетесь одним из сержантов Ходатайственного суда, поэтому, возможно, имеете некое предубеждение в отношении землевладельцев.

Квинтин усмехнулся в своем кресле:

– Сэр Гарольд является крупным землевладельцем в винчестерской округе.

Я безмолвно ругнулся. Трудно было подобрать более неподходящих людей для предстоящего дознания.

Феодарий посмотрел на меня:

– Расследования обстоятельств смерти потопом хлынули на нас в эти дни. Мастер Шардлейк утверждает, что скоро будет еще одно – в том городке, который он посещал в Сассексе. Хотя с этим, по моему мнению, особо торопиться не будут. Речь идет о теле, обнаруженном почти через двадцать лет после смерти.

Тревельян согласно кивнул:

– Да, сассекский коронер не усмотрит здесь оснований для особой спешки.

Приддис переглянулся с Эдвардом, молча следившим за разговором.

– Если вы разрешите, – проговорил я, – мне следует выказать свое почтение мастеру Хоббею.

Николас снова находился в своем кабинете в обществе Дирика, однако теперь за большим столом восседал адвокат, в то время как хозяин дома устроился в кресле, поставив перед собой на колени портрет бывшей аббатисы и не отрывая от него глаз. Он едва посмотрел на меня, когда я

вошел. Лицо его показалось мне посеревшим и осунувшимся.

– Итак, мастер Шардлейк, – проговорил Винсент, – как я вижу, вы вернулись. Обнаружив ваше отсутствие, коронер пришел в большое волнение.

– Я только что разговаривал с ним, – отозвался я. – Как я слышал, мастер Фальстоу уже выбрал жюри из числа деревенских жителей. Надо полагать, он ограничился врагами Эттиса.

– Это дело управляющего. А теперь скажите мне, брат, согласились ли вы на наше предложение в отношении издержек? – перешел к нашему делу мой коллега.

– Я все еще обдумываю его, – ответил я. – Если расследование согласится с тем, что убийство совершил Эттис, его отправят на суд в Винчестер. Там жюри будет набрано из горожан. Меня вызовут свидетелем, обнаружившим тело, и я постараюсь добиться, чтобы суд над Эттисом был справедлив.

Дирик повернулся к Хоббею:

– Вы слышали его, сэр? Теперь он решил, что может вмешаться в суд над убийцей вашей жены. Где еще можно найти подобного человека?

Николас посмотрел вверх. Казалось, что происходящее вокруг его не интересует, что он погружен в глубокую меланхолию.

– Чему быть, того не миновать, Винсент. – Он развернул картину, показав нам старую аббатису, ее темный покров, белый плат и полное тайны лицо посредине. – Видите, как она улыбается… словно бы знает нечто особенное. Быть может, правы те люди, которые говорят, что прокляты мы, превратившие монастыри в собственные дома. А если сюда придут французы, кто знает, возможно, они сожгут дом мой дотла.

– Николас… – нетерпеливым тоном проговорил его адвокат.

– Не исключено, что она улыбается именно поэтому. – Хозяин дома повернулся ко мне со странным выражением на лице: – А вы что скажете, мастер Шардлейк?

– На мой взгляд, это просто суеверие, сэр, – покачал я головой.

Хоббей не ответил, и я понял, что он полностью углубился в себя. Теперь в этом поместье правят Дирик и Фальстоу. И если им нужно повесить Эттиса, чтобы покончить с оппозицией в деревне, они повесят его, виновен он или нет.

Ужин в тот день оказался одной из самых меланхоличных трапез, в которых мне довелось участвовать. Хоббей-старший сидел, сгорбившись во главе стола и без интереса ковыряя еду. Амброуз, бдительно карауливший

за его спиной, несколько раз обменялся взглядами с Дириком. Забыв обо всех, в том числе и о сидевшем рядом Дэвиде, Хью смотрел только в свою тарелку. Дэвид же выглядел неопрятно, его дублет был запятнан пищей, бледные щеки покрывала черная щетина, а глаза навыкате покраснели от слез. Иногда одичалый взгляд его устремлялся в пространство, словно бы он пытался избавиться от какого-то жуткого сна. А Кертис, напротив, был, как всегда, аккуратно одет и даже выбрит.

Я попытался занять Хью разговором, однако не добился ничего, кроме односложных ответов. По моему ощущению, он все еще сердился на меня за наш разговор о его словах, произнесенных над трупом Абигайль. Я окинул взглядом стол: за ним сидели одни только мужчины. Хотелось бы знать, появится ли снова женщина в этом доме, где десять лет назад жили одни только женщины. Я посмотрел на огромное западное окно, вспомнив первый вечер, проведенный мной в этом поместье, и тучу мотыльков. В этот вечер их было немного… интересно, что с ними сталось?

Заметив мой взгляд, обратившийся к оголившимся стенам, Дирик проговорил:

– Мастер Хоббей вчера приказал снять гобелены. Вид их сделался для него непереносимым.

– Это вполне понятно, – согласился я.

Сидевший возле Винсента хозяин дома не обратил на эти слова внимания.

Занимавший место рядом со мной Эдвард Приддис негромким голосом обратился ко мне:

– Отец сказал мне, что в Рольфсвуде было совершено открытие. Оказалось, что Вильям Феттиплейс не погиб в том пожаре, но закончил свою жизнь в мельничном пруду.

Голос его, как всегда, оставался спокойным и ровным.

– Верно. Я присутствовал при обнаружении трупа. – И я рассказал, каким образом было обнаружено тело после прорыва плотины. Отец Эдварда, сидевший по другую руку от сына, внимательно прислушивался ко мне, не обращая внимания на слова сэра Гарольда, живописавшего, как в какой-то прибрежной деревне случайно зажгли во время тренировки один из сигнальных костров, предназначенных на случай нашествия французов.

– Предполагаю, что проведение нового дознания будет поручено сассекскому коронеру? – спросил младший Приддис.

– Да. Вы с ним знакомы? – поинтересовался я.

– Нет, но отец знает его. – Пригнувшись к столу, Эдвард громко произнес: – Мастер Шардлейк спрашивает меня о новом сассекском

коронере.

Его отец наклонил голову:

– Сэмюель Пакенхэм не станет воскрешать старинную историю. Как сделал бы и я сам. Он займется ею, когда придет нужное время.

– Однако, сэр, им придется привлечь к расследованию и вас, – сказал я, – как проводившего первое дознание.

– Надо думать, вы правы. Однако они не найдут ничего нового… по прошествии двадцати-то лет! Кто теперь скажет, что там было… Возможно, Феттиплейс убил своего работника, а потом себя самого. Семейство это нельзя назвать здоровым, ведь, как вам известно, дочь Феттиплейса сошла с ума. – Квинтин впился в меня взглядом проницательных глаз. – Я вспомнил теперь, что помогал отправить ее к родственникам в Лондон, только запамятовал, кем они были. Старому калеке нетрудно забыть такие вещи, мастер Шардлейк, спустя столько-то лет!

Он наделил меня злой и кривой улыбкой.

С большей, чем прежде, решимостью присутствовать на расследовании в Сассексе я повернулся к Эдварду, соорудив на лице обескураживающую улыбку:

– Там также хотят вызвать молодого человека, в то время интересовавшегося мисс Феттиплейс. Филип Уэст происходит из местной семьи, о которой я уже упоминал вам.

– Я помню это имя. Отец, разве он не состоял при дворе короля? – вновь обратился Приддис-младший к феодарию.

– Да, – кивнул сэр Квинтин. – Мать его была такой гордой, довольной собой женщиной. – Он снова усмехнулся. – Всем рассказывала, что Филип Уэст охотится с королем.

– А вы в молодости не состояли при дворе? – спросил я у Эдварда.

– Нет, сэр. Моя работа в Лондоне проходила в Грейс-инн. Я пахал, как лошадь, стараясь получить профессию. Отец заставил меня заниматься делами, не покладая рук.

Старик тут же проговорил резким тоном:

– Будущий законовед и должен пахать, как лошадь… В этом вся их учеба, знать, как побольнее лягаться, – Опершись на здоровую руку, он наклонился вперед и обратился к Дирику: – И вы, сэр, похоже, вполне усвоили эту науку.

Смех его был похож на скрип старых дверных петель.

– Полагаю, что это комплимент, – сухо отозвался Винсент.

– Ну, конечно.

За столом воцарилось молчание. Эдвард и его отец то и дело

поглядывали на меня в две пары жестких голубых глаз. Затем сэр Квинтин снова заговорил:

– Похоже, вы, сэр, очень заинтересованы этой старинной рольфсвудской драмой, раз два раза съездили туда и нарыли столько информации.

– Как я уже объяснял вашему сыну, мой клиент ищет родственников Феттиплейсов.

– А теперь еще в какой-то момент вам придется возвращаться в Сассекс из Лондона. Я всегда полагал, что вредно совать нос в чужие дела. Мастер Дирик рассказал мне, что подобное любопытство некогда поссорило вас с королем в Йорке. – Отправив в цель эту колкость, феодарий откинулся на спинку кресла, а Винсент наделил меня скверной улыбкой.

Расследование обстоятельств смерти Абигайль Хоббей проводили на следующий день в большом зале. Снаружи сверкал очередной ясный и солнечный день, но в помещении царил полумрак. Под старым западным окном поставили широкий стол. За ним сидели сэр Гарольд Тревельян и, по правую руку от него, Эдвард Приддис, явным образом принужденный исполнять секретарские функции. Слева, вопреки всякой процедуре, расположился сэр Квинтин. Опираясь здоровой рукой на трость, он обозревал комнату. Жюри, двенадцать селян, сидели на жестких стульях возле стены. Я узнал среди них несколько человек, прислуживавших на охоте. Безусловно, прихвостней Фальстоу.

Мы с Бараком, Амброуз и сэр Люк Корембек сидели вместе. Позади нас располагались несколько слуг, в том числе старая Урсула, и еще человек двадцать из деревни. Среди них я заметил напряженно оглядывавшуюся хорошенькую жену Леонарда Эттиса, лицо которой окаменело от страха и гнева. Судя по тому, что соседи то и дело обращались к ней со словами и жестами утешения, я понял, что они представляют партию Эттиса. Кое-кто из назначенного жюри смущенно поглядывал на них.

В первом ряду сидело семейство Хоббеев, подкрепленное Дириком. Дэвид наклонился вперед и, поддерживая голову руками, уставился в пол. Я заметил, что он чуть дрожит. Рядом с ним сидел прямой, как доска, Хью. Когда он вошел, я пристально посмотрел на него, стараясь напомнить о том, что я не забыл о сказанных им над мертвой Абигайль словах. По другую руку от Кертиса сидел Николас Хоббей, как и прежде выглядевший ужасно: он взирал на входивших людей, не имея сил скрыть волнение и изумление ситуацией.

Последним появился Эттис. Услышав доносившийся снаружи звон цепей, я обменялся взглядами с Бараком: звук этот был знаком нам обоим по лондонским тюрьмам. Двое мужчин ввели Леонарда – гордый и уверенный в себе йомен превратился в небритый, пустоглазый силуэт. Его грубо заставили сесть на расположенное возле стены кресло, и на лицах кое-кого из заседателей появился стыд. Позади меня селяне что-то забормотали.

– Молчать! – выкрикнул сэр Гарольд, ударяя по столу маленьким молоточком. – Я не потреплю шума и разговоров в моем суде! Еще один голос, и я прикажу очистить скамьи.

Первым он вызвал меня, в качестве свидетеля, обнаружившего тело. Вызванный следом Джек подтвердил мои слова. Затем коронер перешел непосредственно к Фальстоу. Управляющий с полной непринужденностью рассказал о том, что Эттис возглавлял в деревне партию, противившуюся отторжению земель; об антипатии между ним и Хоббеями, в особенности между ним и Абигайль, и о его мастерстве стрелка.

– Да, – проговорил сэр Гарольд. – Причем алиби мастера Эттиса может подтвердить только слуга, который говорит, что они вместе клеймили овец. Вызовите его.

Поднялся старый крестьянин. Он сообщил, что в тот день находился вместе с хозяином. Тревельян угрожающим тоном заставил старика подтвердить, что он проработал на Леонарда двадцать лет.

– Итак, у тебя есть все основания выгораживать своего хозяина, – произнес коронер холодным тоном.

На помощь ему пришел сэр Квинтин.

– Если его повесят, собственность отойдет государству, и ты окажешься на улице, – заявил он свидетелю.

– Я… Я просто говорю правду, мастер, – запротестовал тот.

– Надеемся на это, старик. Для лжесвидетелей предусмотрены особые наказания.

– Неужели мы не можем ничего сделать? – шепнул мне Барак. – Этот старый увечный козел не имеет никакого права допрашивать кого бы то ни было.

Я покачал головой.

Гарольд отпустил старого слугу. Сэр Квинтин в этот момент смотрел на меня, приподняв брови. Он показывал мне свою власть. Коронер тем временем вновь ударил молотком, чтобы утихомирить поднявшуюся волну разговоров. Дождавшись тишины, я поднялся на ноги.

– Сэр, – произнес я, – справедливость требует, чтобы прозвучал

вопрос, не мог ли кто-нибудь еще обладать мотивами для убийства Абигайль Хоббей.

Тревельян развел руками:

– Ну, кто еще мог хотеть смерти бедной женщины?

Я помедлил, понимая, что скажу сейчас ужасную вещь для семейства Хоббеев, однако Леонард имел право на правый суд:

– Сэр, я провел в этом доме неделю. И боюсь, что едва ли не все встреченные мной люди не любили мистрис Хоббей. Сам мастер Хоббей признал это. Так, например, был… случай, закончившийся смертью ее собаки.

По скамьям пробежал новый ропот. Дэвид повернулся и с предельным ужасом посмотрел на меня. Дирик и Николас Хоббей тоже уставились на меня круглыми глазами. Впрочем, Хью невозмутимо смотрел в пространство перед собой. Внезапно возвращенный в подлинный мир Хоббей-старший поднялся и произнес:

– Коронер, это был несчастный случай.

Поднялся и Винсент:

– Схожий инцидент случился и с Эттисом. Он имел наглость явиться в кабинет мастера Хоббея и там вступить в спор с ним и со мной. Пришедшая туда мистрис Хоббей наговорила ему резких слов. Я присутствовал при разговоре и все слышал.

Гарольд обратился ко мне:

– Вы хотите сказать, что ее мог убить и кто-то из членов семьи?

– Я сказал, что это возможно, – ответил я и, помедлив, добавил: – Но могу сказать и больше.

Тут Кертис повернулся ко мне и тоже впился в меня яростным взором. Я невозмутимо встретил его взгляд, и он неуверенно поднялся на ноги и спросил:

– А я могу что-то сказать?

Коронер вопросительно посмотрел на сэра Квинтина.

– Подопечный, – подсказал ему тот.

– Итак, парень? – кивнул Тревельян юноше.

– Мастер Шардлейк прав, здесь все недолюбливали бедную мистрис Хоббей, – проговорил Хью. – Если бы вам пришлось допрашивать всех, кто пострадал от ее языка, свидетелей оказалось бы слишком много.

– А вы лично тоже не любили ее? – уточнил Гарольд.

Поколебавшись, молодой человек ответил:

– Да, не любил. Быть может, я поступал неправильно… – Голос его почти пресекся. – Ведь она много лет вела себя странно, была нездорова.

Увидев ее мертвой, я невольно сказал: «Ты заслужила эту смерть». Но в то же самое время я положил цветок ей на колени, ибо она представляла собой самое жалостное зрелище.

Тревельян и Приддис-старший в недоумении переглянулись.

– Заслужила эту смерть? – переспросил сэр Гарольд. – Почему вы сказали такую вещь?

– Именно это я почувствовал в этот момент, сэр.

Квинтин заявил резким тоном:

– Когда на прошлой неделе я разговаривал с вами в Портсмуте, вы ответили мне, что не имеете никаких жалоб на вашу жизнь здесь.

– Так я и сказал, сэр, однако я не говорил, что был счастлив.

На скамьях вскипел уже самый громкий ропот. А потом раздался совсем неожиданный звук: Николас Хоббей разрыдался. Скрывая лицо платком, он поднялся и вышел из зала. Дирик повернулся ко мне с яростным выражением на лице:

– Смотрите, что вы наделали!

Я заметил, что Фальстоу наблюдает за своим господином. Впервые я увидел беспокойство на расчетливом лице управителя. Неужели, подобно старшему Хоббею, он начинает видеть, как рушится его собственный мир? Или у него была собственная причина для беспокойства? Сидевший в цепях Эттис смотрел на Хью с подобием надежды на лице.

Тут произошла еще одна неожиданность. Дэвид вскочил, с грохотом опрокинув свой стул, ткнул пальцем в Кертиса и закричал:

– Ты лжешь! Ты настоящая гадюка, которую наша семья пригрела на своей груди! Ты всегда завидовал нам, потому что не похож на нас, никогда не сможешь стать таким, как мы! Мой отец… он любил мою мать, как и я сам!!! – И юноша обвел комнату взглядом с выражением муки на лице.

Коронер явно встревожился. Он что-то шепнул сэру Квинтину. Я уловил слово «перерыв». Старый Приддис в ответ яростно замотал головой, а затем с размаху стукнул тростью об пол.

– Тихо! Всем молчать! – Он с яростью повернулся ко мне: – Ваше поведение позорно, сэр. Вы превращаете расследование в цирк. Вы не выдвинули никаких свидетельств. Вся семья, это ясно, потрясена горем. Сэр Гарольд, давайте продолжать.

Коронер обвел взглядом комнату, а потом спросил:

– Сержант Шардлейк, располагаете ли вы какими-либо свидетельствами, позволяющими связать кого-либо с совершением этого преступления?

– Нет, сэр. Я только утверждаю, что «сложности» в общении с мистрис

Хоббей испытывали многие, а в отсутствие каких-либо прямых улик, указывающих на мастера Эттиса, вердикт должен гласить, что преступление совершено неизвестным лицом или лицами.

– Это будет решать жюри. Садитесь, иначе я обвиню вас в неуважении к суду, – пригрозил Гарольд.

Больше я ничего сделать не мог. Сэр Тревельян не стал вызывать других свидетелей. Жюри отправили решать судьбу подсудимого. Вскоре крестьяне вернулись с вердиктом. Он гласил, что убийство – кто бы сомневался! – было совершено Леонардом Эттисом, йоменом из Хойленда, которого отныне надлежит содержать в тюрьме Винчестера до следующей судебной сессии в сентябре.

Когда Эттиса выводили, он еще раз посмотрел на меня с просьбой. Я один раз энергично кивнул. Передо мной восседал Хью с прямой, как палка, спиной. Возле него тихо рыдал Дэвид. Подошедший к нему Фальстоу взял Хоббея-младшего за руку и увел из зала. Невзирая на жуткую цену, уплаченную семьей, я не сумел расширить область расследования. Теперь ничего не будет происходить несколько месяцев. Я обхватил голову руками. Помещение пустело. Я услышал постукивание палки сэра Квинтина, шедшего по залу. Это постукивание остановилось возле меня, и я поднял глаза. Приддис был явно утомлен, но и доволен собой. Эдвард поддерживал отца под локоть. Неспешно наклонившись, Квинтин негромко проговорил:

– Вот так, мастер Шардлейк. Видите, что бывает, когда люди неловки в расследованиях?

Глава 36

Цепочкой, по одному, мы вышли из зала на солнечный свет. Заседатели отправились по подъездной дорожке единой группой, в то время как большая часть деревенских окружила жену Леонарда. Сломленная женщина рыдала. Я подошел к ней.

– Мистрис Эттис, – проговорил я негромко.

Посмотрев на меня, она утерла слезы и проговорила:

– Вы выступили в защиту моего мужа. Благодарю вас.

– Теперь я могу сделать очень немногое, но обещаю вам, что, когда дело дойдет до суда в Винчестере, я добьюсь справедливости. В конце концов, реальных улик против вашего мужа нет, – добавил я, чтобы подбодрить ее.

– Но что нам делать с обращением в Ходатайственный суд по поводу нашего леса, сэр? – спросила женщина. – Мой муж не хотел бы, чтобы мы отказались от этой мысли.

Оглянувшись, я заметил Дирика и Фальстоу, наблюдавших за происходящим, стоя на ступеньках крыльца. Я окинул взглядом селян: на лицах некоторых читалось уныние, но были среди них и возмущенные. Тогда я громко произнес:

– На мой взгляд, жизненно важно, чтобы вы подали свою жалобу. Нельзя допустить, чтобы случившееся сегодня запугало вас и заставило отказаться от действий. На мой взгляд, Хоббеи отчасти на это и рассчитывали. Но едва ли суд осудит мастера Эттиса. Назначьте кого-нибудь из своих на место мастера Эттиса до его освобождения. – Глубоко вздохнув, я добавил: – Присылайте бумаги мне, я буду сражаться за ваше дело.

– Послушайте моего хозяина, – с одобрением поддакнул Барак. – Сопротивляйтесь.

Мистрис Эттис кивнула. И в этот самый момент все повернулись на приближавшийся стук копыт. По подъездной дороге скакал вестник в королевской ливрее. Остановившись возле ступеней, он спешился и подошел к Фальстоу. После короткого разговора гонец вошел внутрь дома, а управляющий, немного поколебавшись, шагнул к нам. Дирик остался на своем месте. Я против воли восхитился отвагой Амброуза: нас окружали человек двадцать селян, разгневанных и враждебно относящихся к нему, но он все-таки подошел прямо ко мне и сказал:

– Мастер Шардлейк, этот гонец привез вам пакет с письмами. Он ждет вас на кухне. – Затем дворецкий повернулся к селянам: – Ступайте отсюда, уходите все, если только не хотите попасть за решетку за пребывание на землях поместья.

Несколько мужчин посмотрели на него яростными глазами.

– А ты уверен в том, что этот сумасшедший парень не убил собственную мать? – воскликнул один из них.

– Да, – добавил другой. – Этот парень одержим бесом.

– Нет! – воскликнула мистрис Эттис. – Он еще ребенок, оставьте его в покое! – И она громким голосом обратилась к Фальстоу: – Не этот мальчишка засадил моего мужа в тюрьму, а ты сам. И эта черная ворона! – указала она на Винсента.

Ропот послышался снова. Один из крестьян нагнулся, поднял камень с дорожки и запустил его в Дирика. Тот отпрыгнул в сторону, повернулся и скрылся в дверях. В толпе захохотали.

Я поднял руки:

– Уходите! Не устраивайте неприятностей себе самим! И, кстати, судьям в деревне тоже. Подавайте вашу жалобу мне в Линкольнс-инн! – После этого я повернулся к Амброузу: – А теперь, мастер управляющий, я встречусь с гонцом. Пошли, Джек.

Вестник сидел за кухонным столом. Урсула налила ему пива, дала хлеба и сыр. Увидев нас, он встал и поклонился, а потом передал мне пакет с письмами. Я вскрыл его: внутри оказалось письмо, адресованное мне и подписанное почерком Уорнера, еще одно письмо мне от Гая и третье послание, предназначенное Бараку, которое я тут же передал ему.

– Спасибо, – поблагодарил я гонца. – Далеко ли вам пришлось ехать?

– Из Портчестерского замка. Король со свитой вчера прибыл туда. Мастер Уорнер приказал мне ехать немедленно, частные письма запаздывали. А письма из Лондона пришли несколько дней назад.

Еще раз поблагодарив его, я предложил своему помощнику:

– Пойдем в твою комнату. Там спокойнее.

Обходя угол дома, Джек проговорил:

– Деревенские могут устроить здесь всякие неприятности.

– Вполне понятно, – согласился я.

Клерк с презрением усмехнулся:

– А ты заметил, как Дирик подпрыгнул и дал деру от этого камня? Он из тех, кто готов произнести смелое словцо, но побежит при малейшем намеке на телесную угрозу. Жаль, что эту картину не увидел молодой

Фиверйир!

– Я так и не понял, почему Фиверйира так внезапно услали отсюда. Но можно не сомневаться в том, что причина была связана с Хью и Дэвидом.

Барак со всей серьезностью посмотрел на меня:

– Ты, наконец, всадил свою стрелу в эту семейку. Жестокий был выстрел!

– Я должен был как-то заступиться за Эттиса. И подумал, что если они будут знать, как здесь относились к Абигайль, то может быть вынесен вердикт об убийстве неизвестными лицами. Приддис помешал этому. Ты слышал, что он потом сказал мне?

– Да. Он опасен.

– Я знаю это. Хотелось бы знать, хватит ли у мистрис Эттис духа взять на себя защиту общинного леса? Мне кажется, что селяне пойдут за ней.

– Она показалась мне женщиной боевой. Чуть похожа характером на Тамасин, только постарше. А теперь пошли читать письма!

Оказавшись в своей комнате, Джек вскрыл письмо своей жены и погрузился в чтение, а я занялся посланием Гая. Оно было датировано четырьмя днями назад, двенадцатым июля:

«Дорогой Мэтью, письмо твое получил. Тебе будет приятно узнать, что дела Тамасин складываются благоприятно, хотя по мере приближения срока она испытывает все более сильную усталость. Дома Колдайрон ходит мрачным после того, как я призвал его к порядку, однако больше не наглеет. Джозефина как будто бы обрела кое-какую уверенность – я слышал, как она говорила юному Саймону, вновь заявившему, что он хотел бы пойти на войну, что война – жестокая штука и что ей хотелось бы, чтобы Бог установил вечный мир среди своих людей. Мне было приятно слышать это, однако я не мог не вспомнить того момента, когда она выругалась по-французски. Я вновь побывал у Эллен. Внешне она ведет себя нормально. Она приветлива и как ни в чем не бывало возится с пациентами. Она сказала мне, что теперь чувствует себя хорошо и я могу больше не приходить. Однако она совсем не упоминала тебя, и я ощутил в ней сильное чувство, скрытое под гладкой поверхностью. Когда я покидал Бедлам, ко мне подошел Хоб Гибонс и сказал, что два дня назад смотрителя Шоумса посетил хранитель Метвис. Зная о твоем желании знать все, что может касаться Эллен, Гибонс попытался подслушать, однако они говорили негромко, и он мало что сумел разобрать. Он сказал, что в одном месте они заговорили на повышенных тонах: Метвис крикнул, что ее нужно забрать отсюда, раз ее рот сделался ненадежным, а Шоумс ответил, что ты

находишься под защитой королевы и он не станет этого делать. Мэтью, мне кажется, что тебе нужно возвращаться как можно скорее.

Твой любящий друг Гай».

Я посмотрел на Барака:

– А что пишет Тамасин?

Он улыбнулся:

– Что ей скучно, что она устала и ей тяжело. Она хочет видеть меня дома. – Он с облегчением вздохнул. – Ну а что слышно от Гая?

Передав ему письмо врача, я вскрыл конверт от Уорнера. Его письмо было датировано вчерашним днем и пришло ко мне без промедления. Но вскрыв его, я понял причину такой спешки: кроме письма Роберта, внутрь была вложена небольшая записка, подписанная почерком самой королевы. Я сломал печать. Записка была написана накануне, 15 июля, в Портчестере.

«Дорогой Мэтью, я получила ваше письмо, из которого с ужасом узнала о смерти бедной мистрис Хоббей. Похоже, что мастера Хоббея обвинять особо и не в чем, и если этот несчастный мальчик не имеет ничего против, нам не следует сейчас ввергать его в суетные тенеты Опекунского суда. Я знаю, что мистрис Кафхилл согласится со мной. Мы только что прибыли в Портчестерский замок. Через два дня король отправится в Портсмут. Последние сообщения о числе французов и продвижении по Каналу их кораблей выглядят воистину устрашающе. Вам пора уезжать, возвращаться в Лондон».

Затем я обратился к письму Уорнера: оно оказалось кратким, написанным в явной спешке и без обычного внимания к почерку.

«Дорогой Мэтью, двор прибыл в Портчестерский замок. Прилагаю письмо королевы. Мы оба согласны в том, что вам надлежит как можно скорее возвращаться в Лондон. Прошу принять предложение брата Дирика об издержках. Надеюсь и верю в то, что расследованию удалось отыскать убийцу. Кстати, я слышал, что по поводу кончины мастера Миллинга был вынесен вердикт случайной смерти. Король сейчас наиболее озабочен приближением французского флота. Возможно, я больше не сумею написать вам до разрешения этого отчаянного кризиса в ту или иную сторону. С приветствиями и добрыми пожеланиями, Роберт Уорнер».

Я передал своему помощнику оба этих письма:

– Мне еще никогда не приходилось получать письма от королевы.

– Счастливец! – улыбнулся тот. – Итак, дело Кертиса закрыто.

– Понимаю. Но здесь душно. Давай выйдем отсюда.

Мы вышли наружу – в безветренный летний вечер. Я посмотрел на черепичную крышу, прочные старинные стены и высокие новые трубы Хойлендского приорства.

– Эта ночь, слава богу, станет последней, проведенной нами в этом месте, – проговорил Барак, поворачиваясь ко мне. – Ты по-прежнему считаешь, что Уорнер может быть каким-то образом связан с Эллен?

– Не знаю. – Я глубоко вздохнул. – Завтра мы можем уехать прямо с утра. Я еду в Портсмут, а ты поворачиваешь на Лондон. При удаче, я проведу там всего несколько часов и смогу нагнать тебя на следующий день на дороге.

– Не надо тебе туда ездить.

– Я должен.

– А если придут французы?

– Я должен поговорить с Уэстом. Кто, как не я, растревожил осиное гнездо в Рольфсвуде?

– А теперь ты решил попробовать загнать ос обратно?

– Я намереваюсь установить, что именно произошло на этой плавильне.

Джек качнул головой:

– Какого черта тебе это надо? Вот что: в таком случае завтра я еду с тобой в Портсмут.

– Нет. Возвращайся в Лондон. Я отыщу Ликона – возможно, он поможет мне еще раз отыскать Уэста.

– Тебе не следует делать это одному.

Я посмотрел на помощника:

– Ты в этом уверен?

– Если я буду с тобой, мы уедем сразу же, как ты повстречаешься с Уэстом. А если я отпущу тебя одного, ты застрянешь в Портсмуте и попадешь в другие опасности.

Я улыбнулся:

– Тогда спасибо тебе.

– Когда мы вернемся в Лондон, тебе придется перемениться. Тебе больше нельзя вести подобную жизнь. Как, впрочем, и мне, – заявил вдруг мой клерк с неожиданной силой в голосе.

Он вновь строго посмотрел на меня, но в глазах его читались тревога и

сдержанность.

Я опять улыбнулся, но на этот раз печально:

– Ликон сказал мне нечто в таком же духе. О том, что я старею.

– И проявляешь склонность к навязчивым идеям. Как никогда прежде.

Я глубоко вздохнул:

– В таком случае, похоже, что теперь я нуждаюсь в твоем руководстве. Спасибо тебе, Джек.

Мы вернулись в дом. Я подумал: он прав, когда мы вернемся домой, пора устраивать мою собственную жизнь, перестать жить трагедиями других людей. Я понял, что именно этим занимался прошедшие долгие годы… Сколько ж их было, этих трагедий, вызванных бурными переменами и конфликтами, которые король навлек на Англию! Быть может, так я отреагировал на все это безумие?

Фальстоу стоял в большом зале, разглядывая стены, на которых прежде висели гобелены. Он обратил ко мне полный вражды взгляд. Его светлые волосы и борода контрастировали с угольно-черным траурным дублетом.

– Вам известно, где находятся сэр Квинтин и его сын? – спросил я без церемоний.

– Уехали, – холодно отозвался Амброуз.

– А члены семьи?

Управляющий с ненавистью поглядел на меня, отбросив последние крохи почтительности:

– Я не позволю вам беспокоить их… в том состоянии, в которое вы привели их на расследовании!

– Вам не следовало бы забывать про хорошие манеры, дворецкий, – проговорил я спокойным голосом.

– Я распоряжаюсь в этом доме, согласно воле мастера Хоббея. Говорю еще раз: я не позволю вам больше беспокоить их.

– Где находится мастер Дирик?

– Он с мастером Хоббеем.

– Завтра мы уезжаем. Передайте мастеру Дирику, что мне нужно перед отъездом переговорить с ним.

При этой новости на лице моего собеседника отразилось облегчение:

– Передам. Общего обеда в зале сегодня не будет. Трапеза будет подана в комнаты.

Развернувшись на месте, он отправился прочь.

Я поднялся в свою комнату. Вскоре в мою дверь постучали, и вошел

Винсент, мрачный и злой.

– Вам будет приятно услышать, сэр, – проговорил он, – что мастер Хоббей слег. А Дэвид весьма расстроен.

– Готов держать пари, что он не настолько расстроен, как мастер Эттис, – парировал я, глядя ему в глаза.

Совесть укоряла меня за то, что я был вынужден сделать на расследовании, но в отношении Дирика я ощущал только гнев и презрение. Прежде я предполагал, что при всей своей комичной задиристости этот человек искренне считал, что я несправедливо отношусь к Хоббею из-за Хью. Однако роль, сыгранная им в преследовании Леонарда, доказала мне его продажность и жестокость.

Мой коллега фыркнул:

– Эттис! Жена которого, несомненно, окажется вашим клиентом.

– Вы будете рады услышать, что я имею разрешение принять ваше предложение в отношении завершения дела Хью Кертиса на основе отсутствия взаимных претензий по издержкам, – сообщил я ему вместо ответа.

– Ах, да, этот королевский гонец… – Винсент расплылся в мерзкой улыбке. – А я заметил, что вас с мастером Хью больше нельзя назвать друзьями. После того, что вы заставили его сделать сегодня, думаю, он так же мечтает избавиться от вас, как и все остальные обитатели этого дома.

– О, мы еще не закончили, брат Дирик! – ответил я невозмутимо. – Будет еще дело жителей деревни. А кроме того, надо же все-таки найти убийцу.

– Он уже найден.

– Сомневаюсь в том, что даже вы верите в то, что убийцей был Эттис.

– Тело господне! – возмутился мой оппонент. – Такого назойливого типа, как вы, я еще не видал!

– Успокойтесь, брат.

– Я успокоюсь после того, как вы вместе со своим наглым клерком оставите этот дом.

– А я надеюсь, что вы сохраните это спокойствие и во время нашей следующей встречи – на суде над Эттисом или в Ходатайственном суде. Я взял вас на прицел, Дирик, я вижу вас насквозь.

– Вы не видите ничего. И никогда не видели. Кстати, мастер Хоббей и члены его семьи, по моему мнению, вполне могут обойтись без прощания с вами. – Адвокат выскочил в коридор, оглушительно хлопнув за собой дверью.

На следующее утро мы встали рано, позавтракали на кухне и попрощались со старой Урсулой, как обычно, уже трудившейся там. Она поблагодарила нас за проявленный к Хью интерес и вздохнула:

– Хотя вы так и не обнаружили, почему они рассказывали эту злую ложь о том, что мастер Кафхилл влюбился в Хью, правда, сэр?

– Нет, Урсула. Без помощи самого Хью, должно быть, этого никто не сможет сделать, – объяснил я ей.

Служанка взглянула на меня с мольбой:

– Но вы поможете мастеру Эттису, правда? Он хороший человек… и он не убивал мистрис Хоббей.

– Конечно. – Я серьезно посмотрел на нее. – А ты не знаешь, кто мог это сделать, Урсула?

– Не знаю, сэр. Злой был поступок, какая бы она ни была. Прости ее Господи!

– Аминь. Я не намереваюсь возвращаться сюда, но если ты услышишь нечто такое, что мне следует знать, сообщи мистрис Эттис. Она знает, как найти меня.

– Сообщу, сэр. Если только французы не придут сюда. – Старушка присела в реверансе, однако я ощущал, что моя неудача разочаровала эту женщину.

Снаружи стоял очередной жаркий и безветренный день. Мы погрузили седельные сумы на Нечета и на лошадь Барака. Я подумал, что через три или четыре дня, возвратившись в Кингстон, мы вернем этих животных хозяину.

– Что ты намереваешься делать с дознанием в Рольфсвуде? – спросил мой помощник после того, как мы поднялись в седла.

– Когда мы вернемся в Лондон, я свяжусь с сассекским коронером. И настою на том, чтобы допросили Приддиса. А еще попрошу королеву воспользоваться собственным влиянием, если это потребуется.

– На это понадобится время.

– Я знаю.

– Посмотри-ка сюда, – сказал Джек негромко. Глянув в нужную сторону, я увидел, что Дэвид и Хью вдвоем вышли из дома с луками и колчанами и направились к стрельбищу. Обернувшись, Кертис увидел нас. Положив на землю лук, он подошел ко мне с холодным выражением на лице. Дэвид же остался на месте.

– Значит, уезжаете? – отрывисто спросил Хью.

– Да. И вы скоро услышите о прекращении дела в Ходатайском суде.

– Жаль, что оно вообще было открыто.

Я протянул юноше руку:

– Прощайте, Хью.

Посмотрев на нее, он вновь обратил на меня холодный взгляд.

– Так ты не хочешь попрощаться с моим хозяином? – с жаром накинулся на него Барак. – Наглый щенок, он ничего другого не делал, кроме как пытался помочь тебе!

Кертис встретил его взгляд:

– Чем? Тем, что заставил меня рассказать на дознании, как я относился к мистрис Хоббей? Странная помощь. Ну а сейчас я намереваюсь отвлечь Дэвида от его горя занятием честной стрельбой. При всей нашей молодости мы можем пригодиться, если на этой дороге появятся французы.

Развернувшись на месте, молодой человек направился прочь.

– Поехали, Джек, – сказал я негромко. – Пора.

Мы снова ехали на юг по летнему лесу. В лесах, принадлежащих Хью, все еще валили деревья. Две телеги, груженные дубовыми бревнами, торцы которых еще блестели соком, выехали с боковой дороги и направились к Портсмуту.

Мы с помощником ехали дальше по густому летнему лесу, и по мере того, как поднималось солнце, воздух остановился все жарче. Мы поднялись по трудному для коней длинному пологому склону Портсдаунского холма на его вершину и остановились там, чтобы рассмотреть открывшееся впереди необычайное зрелище. Почти весь флот стоял теперь на якорях в Соленте, и лишь несколько небольших кораблей остались в Портсмутской гавани. Все корабли были построены в три длинные линии, кроме трех – гиганта, который мог оказаться только судном «Грейт-Гарри», и двух других громад, находившихся на востоке возле острова Портси.

– Они построились к баталии, – негромко промолвил Барак.

Я посмотрел на восточную оконечность острова Уайт. Где-то за ним пока еще невидимый враг приближался к нам по спокойному синему морю.

По обе стороны от моста между материком и островом Портси теперь располагались солдатские лагеря и тяжелая артиллерия. Я надел свою адвокатскую мантию, и нас пропустили в город, когда я сказал, что мы едем туда по делу. Припасы все еще подвозились, и множество груженых телег направлялись к длинной линии выстроившихся вдоль берега палаток.

Когда мы начали спускаться с холма, Джек проговорил:

– А вот там, за небольшим озерцом, королевские шатры.

– Да. – Я насчитал два десятка огромных палаток, раскрашенных тысячью красок и рисунков, которые вытянулись вдоль берега. Рядом с ними ставили новые шатры.

– Неужели король намеревается стать здесь лагерем и наблюдать с берега за морским сражением, если оно состоится? – удивился клерк.

– Возможно. Быть может, даже вместе с королевой.

– Тебе придется восхититься отвагой старого Генри.

– Или его безрассудством. Пошли искать Ликона.

За городскими стенами, которые все еще наращивали работники, роты солдат занимались учениями: бегали с длинными пиками наперевес, проводили учебные сражения, совершенствовали стрельбу на импровизированных стрельбищах… Проведенное под лучами солнца время наделило всех густым загаром. Там и сям разъезжали верхом приглядывавшие за солдатами офицеры, однако Джорджа я среди них не видел. Палатки так тесно жались друг к другу, что из них трудно было достать пожитки. Запах испражнений сделался просто непереносимым.

Добравшись до места, где располагалась рота вице-капитана Ликона, мы спешились. Все шатры в этой части лагеря были пустыми, если не считать одного, находившегося чуть поодаль, возле которого в одиночестве расположился молодой солдат, евший хлеб и сыр с деревянной доски. Я узнал в нем одного из людей Джорджа. Лицо его багровело пятнами комариных укусов, длинный воротник его рубахи растрепался, а сама она не блистала чистотой. Я спросил его, не знает ли он, где находятся все остальные.

– На кораблях, сэр, – ответил военный. – Чтобы научиться переносить качку и стрелять с борта. А меня оставили охранять лагерь. Они вернутся к вечеру.

– Мы видели в море несколько военных кораблей.

– Да. Говорят, что там «Грейт-Гарри», «Мэри-Роз» и «Марин». И пять рот стрелков.

– Спасибо тебе.

– И как ты находишь эту жизнь, приятель? – поинтересовался у солдата Барак.

– Никогда не видел ничего подобного. Завтра король намеревается осмотреть флот. Говорят, что французы будут здесь уже через несколько дней. А ведь всего две недели назад я был помощником церковного старосты! Это поможет мне стрелять из лука.

– Ну, это может оказаться опасным делом, – заметил мой помощник.

Солдат указал на доску, где лежала его еда:

– А посмотрите на то дерьмо, которым нас здесь кормят. Заплесневелый сыр и твердый, как камень, хлеб. Прямо как во время голода в двадцать седьмом, когда я был ребенком. У меня тогда ноги стали кривыми. – Он отпил из деревянной фляжки, висевшей у него на боку. Я заметил на ней крупные латинские буквы: «Если Бог за нас, кто против нас?»

– Надеюсь, что тебе выпадет счастливая участь, приятель, – сказал ему я.

– Благодарю вас.

Мы отъехали.

– И куда теперь? – огляделся вокруг Джек.

– В Божедом. Быть может, там нам скажут, где находится сейчас мастер Уэст.

– Скорее всего, он в гавани, на «Мэри-Роз».

– Он может оказаться на берегу… или сойдет на берег вечером, – в нерешительности проговорил я. – Надо бы попытаться найти себе место в гостинице. На тот случай, если придется заночевать.

Вздохнув, мой спутник сдался:

– Ладно, только одну ночь, если без этого не удастся обойтись. Иисусе, этот солдат… а ведь на его месте мог бы оказаться я сам! Словом, я в долгу перед тобой. Ночуем!

Подъезжая к городу, я рассматривал стену. Военные расхаживали взад и вперед по ее верху. Башни щетинились пушками – длинные черные стволы смотрели прямо на нас.

Глава 37

Нам пришлось долго ждать перед воротами. Солдаты подробно расспрашивали всех о цели их приезда в Портсмут – конечно же, опасаясь французских шпионов. Я сказал, что еду по судебному делу в ратушу, и нас беспрепятственно пропустили.

Портсмут оказался теперь еще более многолюдным. Внутри городской стены повсюду торчали палатки, шли боевые учения. Мы проехали по Хай-стрит, пролагая себе путь сквозь толпу торговцев и работников, солдат и матросов, англичан и иноземцев. Многие из армейских, подобно солдату в лагере Ликона, начинали превращаться в грязных оборванцев. Тяжелые телеги еще громыхали к пристани, возницы покрикивали на не стремившийся вовремя расступаться народ. Кислый запах пота повсюду мешался с пивной отрыжкой.

Барак поежился:

– Вот дерьмо, опять подцепил блох!

– Должно быть, еще в лагере. Давай попробуем найти чистенькую гостиницу, а потом съездим в Божедом, – предложил ему я.

Мы свернули на Устричную улицу и поехали к причалу. Прилив был в самом разгаре, и Камбер наполняли гребные лодчонки, ожидавшие своей очереди переправить какой-нибудь товар с пристани на корабль. Мы подъехали к самой пристани, откуда через низменный Пойнт можно было видеть тройную линию судов, стоявших на якоре в Соленте. От вида флота дух захватывало еще сильнее, ибо теперь их было много больше пятидесяти и они были всех размеров – от гигантских боевых кораблей до небольших сорокафутовых посудин. Все стояли со спущенными парусами, и даже на «Галее Искусной» весла были убраны по бортам. Сама неподвижность флота добавляла впечатления его мощи. Единственное движение обнаруживали флаги на мачтах больших военных кораблей, трепетавшие под легким ветерком. Колоссальный флаг Святого Георгия[37] полоскался на фок-мачте «Мэри-Роз» над ярко раскрашенными бортами трех палуб бака. Гигантская туша «Грейт-Гарри» медленно вползала в солент под несколькими белыми громадными парусами.

Барак проследил за направлением моего взгляда:

– Возможно, Ликон и его рота сейчас находятся там.

– Быстро они на берег не вернутся.

Мы отыскали себе гостиницу на Устричной улице. Она специализировалась на более состоятельных клиентах: «Не для крикунов и задир» было написано на большой табличке у двери. Хозяин гостиницы потребовал с нас двоих шиллинг и даже не стал торговаться, сказав, что нам вообще повезло, что мы нашли себе комнату.

– Говорят, что король приезжает завтра, – проговорил я.

– Да. Утром, чтобы обозреть флот. Населению приказано выстроиться на улицах, – рассказал хозяин.

– Должно быть, королевские сановники начнут искать жилье в городе.

Мой собеседник отрицательно покачал головой:

– Их удобно устроили в королевских шатрах на берегу. Если Портсмут попадет в осаду, они просто уедут. Это мы, бедные горожане, окажемся здесь заперты.

Поставив лошадей в конюшню, мы отнесли свои короба в выделенную нам маленькую комнату, а затем снова вышли наружу. Шагая по Устричной, мы придерживали руками пояса и кошельки, опасаясь мошенников в кипящем повсюду многолюдье. Путь наш лежал к широкой площади перед Квадратной башней. Солдаты с шипастыми клевцами маршировали и поворачивались под барабанный бой. Стайка мальчуганов наблюдала за учениями, время от времени одобрительно покрикивая.

Внезапный сокрушительный грохот заставил меня отпрыгнуть назад. Барак тоже вздрогнул, хотя солдаты даже не сбились с шага. Один из мальчишек ткнул в мою сторону пальцем и прокричал:

– Смотрите-ка, как горбун скачет! Вот те раз! Кривая спина!

– Отваливайте отсюда, мелкие засранцы! – гаркнул Джек. Мелюзга со смехом разбежалась. Мы посмотрели на верхушку Квадратной башни, над которой заклубился сизо-черный дым. Несколько солдат принялись заряжать одно из больших, смотревших в море орудий. И здесь учение, подумал я.

Наконец мы подошли к воротам Божедома. На сей раз с нами не было Ликона, способного провести нас внутрь. Я сказал страже, что у нас дело к старшему офицеру «Мэри-Роз», мастеру Филипу Уэсту, и спросил, не знают ли они, где он находится.

– Это судебное дело, – проговорил я, – важные семейные новости. Мы не стали бы без необходимости приезжать в Портсмут.

– Сейчас сюда без необходимости никто не ездит. Вам надо спросить у клерков в старом госпитале, – сказал нам один и стражников.

– Спасибо, – кивнул я ему.

Мы вошли во двор Божедома. Барак с сомнением посмотрел на меня:

– А нам обязательно лгать этим людям?

– Иначе я не смогу переговорить с Уэстом.

– Ты осознаешь, что он вовсе не обрадуется твоим вопросам?

– Я скажу ему, что вся информация исходит от его матери. И это соответствует истине.

С этими словами я огляделся. Вокруг нас расхаживали и разговаривали люди в мундирах или ярких одеждах старших офицеров. Мы подошли к дверям старого госпиталя, где я рассказал караульному ту же самую историю, что и возле ворот. Он пропустил нас внутрь.

Госпиталь, в котором сохранялись витражные окна, изображающие склонившихся в позах молитвенного прошения святых, был разделен на ряд комнат. Через открытую дверь я увидел двоих чиновников, спорящих над разложенной на столе бумагой.

– Говорю же вам, корабль не способен принять на борт еще сотню солдат! – говорил один из них на повышенных тонах. – В результате переоборудования он осел еще глубже…

– Но корабль благополучно дошел сюда из Дептфорда[38], или не так? – решительным тоном вопросил другой, хлопнув по бумаге ладонью. – Вот комплектация, расписанная по всем кораблям и одобренная королем. Не хотите съездить в Портчестер и поспорить с его величеством?

Ощутив на себе мой взгляд, он посмотрел в мою сторону, раздраженно нахмурился, подошел к двери и захлопнул ее.

Впереди показался клерк в черном одеянии, за которым шел мужчина в одежде адвоката. Я остановился перед ними и обратился к своему коллеге:

– Простите меня, брат, не можете ли вы помочь мне? Мне необходимо срочно переговорить с одним из корабельных офицеров, Филипом Уэст. По-моему, он служит на «Мэри-Роз».

Клерк остановился – явно под воздействием моего сержантского облачения – и ответил:

– Все офицеры теперь находятся на кораблях. Сомневаюсь, чтобы они пропустили на борт гражданское лицо. Разве что вы пошлете ему записку.

Скверная новость. Я задумался, а потом предпринял еще одну попытку:

– Я знаю одного из армейских офицеров. Насколько я понимаю, его рота сегодня в море.

– В сумерках их высадят на берег. Солдатам негде спать на кораблях.

– Понятно. Благодарю вас.

И адвокат с клерком поспешили прочь.

– Придется найти Ликона, когда он вернется на берег, – сказал я Бараку. – Быть может, он поможет мне попасть на борт «Мэри-Роз».

– Неужели ты хочешь поговорить с Уэстом на борту его корабля? – засомневался мой помощник. – Если это он изнасиловал Эллен, ты окажешься в его руках!

– На корабле, полном солдат и матросов? Нет. И я отправлюсь туда один, – добавил я. – Лучше всего нам с Уэстом будет переговорить с глазу на глаз. И не надо спорить, я уже решил. А теперь пошли, давай проведем день в этой гостинице, подальше от скверных гуморов.

Во взгляде Барака читались озабоченность и тревога. Повернувшись, я вышел на людный двор. Возле ступеней крыльца госпиталя беседовали двое мужчин, переваливших на четвертый десяток. Один из них, суровый и чернобородый, был в длинном темном одеянии. Другой был мне знаком: зеленый дублет подчеркивал его рыжую бороду, а на голове у него красовалась шляпа с жемчужной оторочкой. Сэр Томас Сеймур, которого я в последний раз видел вместе с Ричем в дверях Хэмптон-корта. Он внимательно слушал своего собеседника.

– Д’Аннбо – солдат, а не моряк, – уверенным тоном проговорил чернобородый. – Он не может командовать флотом такого размера…

– Ополчение здесь и в Сассексе готово предотвратить любую высадку, – гордым тоном проговорил Сеймур.

Мы с Джеком вильнули в сторону, стараясь, чтобы сэр Томас оставался повернут спиной к нам.

– Итак, как и все прочие, он тоже оказался здесь, – проговорил я негромко. – А с ним был Томас Дадли, лорд Лайл. Лорд-адмирал, главнокомандующий флотом. Однажды мне показывали на него в Уэстминстере.

– Свирепый на взгляд человек, – заметил мой клерк.

Я еще раз взглянул через плечо на флотоводца. Его считали бесстрашным воином, умелым администратором и жесткой личностью. Ощутив на себе мой взгляд, Дадли коротко оглянулся, блеснув темными глазами на бледном лице. Я торопливо посмотрел в сторону.

– Едва ли тебе нужно на этот корабль, – настойчиво проговорил Барак.

– Я должен поговорить с Уэстом, должен увидеть, как он отнесется к тому, что тело отца Эллен нашлось. А завтра мы первым делом убираемся из Портсмута – до того, как сюда прибудет король, – заверил я его и в нетерпении добавил: – Если придется, я сегодня же ночью сплаваю на корабль.

Мы возвратились в таверну, и я распорядился, чтобы еду доставили к нам в комнату. После мы попробовали вздремнуть, однако бесконечные крики и разговоры, доносившиеся с Устричной улицы и от причала, не позволили нам смежить глаза. К тому же, меня снедало нетерпение, поскольку времени на свидание с Уэстом оставалось слишком мало. И тут вновь, совсем рядом, рявкнула пушка, сотрясая ставни, которые мы закрыли, чтобы оградиться от вони. На этот выстрел ответил другой, раздавшийся чуть поодаль.

Барак вскочил с постели и распахнул ставни:

– Христе Боже, неужели французы?!

Я присоединился к нему, и мы оба уставились в глубь Устричной улицы на Камбер. Шел отлив, обнажавший илистое грязное дно. Пушкари возились у орудия на Круглой башне. Раздался оглушительный грохот, повалил дым…

– Давай посмотрим, что происходит, – предложил Джек.

Мы вышли наружу, встретив по пути хозяина гостиницы с полным подносом кружек.

– Что это за стрельба? – поинтересовался я у него.

При виде моей озабоченной физиономии тот рассмеялся:

– Наши испытывают пушки на Круглой башне и там, на Госпорте. Проверяют, сумеем ли мы обстреливать вход в гавань, если придут французы. – На лице его появилась усмешка. – А вы заметили большой кабестан[39] возле башни?

– Да, заметили.

– Там должна находиться цепь со звеньями в фут длиной, перекрывающая все устье гавани, которая удержит любой корабль. Но в прошлом году ее забрали на ремонт и так и не вернули на место. Поэтому нам нужны пушки для французов, когда они придут.

– А мне уж показалось, что они только что пришли! – вздохнул я.

– Ну, в таком случае было бы слышно и видно гораздо больше, – проговорил хозяин и последовал дальше.

– А меня пробрало, – признал Барак. – Давай выбираться отсюда!

Мы оставили гостиницу и пошли по Хай-стрит. Возле ратуши толпа собралась, чтобы посмотреть на проходящую мимо странную с виду роту солдат. Вместо панцирей на них были длинные, до колен, рубахи и короткие расшитые жилеты. Ноги их оставались голыми, и на них были не сапоги, а ботинки. Парни эти, в основном, были высокими и крепкими, и из-под их шлемов выглядывали жесткие лица.

– Опять наемники, судя по всему, – проговорил я. – Интересно только, откуда они?

Стоявший рядом мальчишка восторженно пропищал:

– Из Ирландии, мастер. Это керны[40], им платят за то, чтобы они сражались с французами вместо солдат короля.

Ирландцы прошли мимо, не поворачивая голов ни вправо, ни влево. Толпа рассеялась, и мы увидели человека, наблюдавшего за ними из дверей ратуши. Это был Эдвард Приддис. Посмотрев на нас секунду, он повернулся и вошел внутрь дома. Положив ладонь на мою руку, Джек указал на открытое окно.

– Посмотри-ка, – негромко промолвил он.

Сэр Квинтин, сидя возле стола, смотрел на нас яростным взглядом. Возле него находился еще один человек. Он повернулся, и я узнал Ричарда Рича.

– Вот дерьмо! – шепнул Барак.

Рич поднялся и ровным шагом вышел из комнаты. Мгновение спустя он появился в дверях в большем гневе, чем мне когда-либо приходилось видеть, с красными пятнами на бледных щеках. Он перешел через дорогу, приблизившись ко мне.

– Что, во имя пекла, вы тут делаете? – Голос его, такой же спокойный, как обычно, скорее, шипел по-змеиному, и в нем не было слышно обычных насмешливых ноток Ричарда. – Почему вы преследуете сэра Квинтина Приддиса подобным образом? – Я заметил, что уголок его глаза чуть дергается. Он же по-прежнему гневно продолжал: – Я уже слышал о вашем позорном поведении на дознании по поводу смерти той женщины.

Я заставил себя посмотреть ему в лицо:

– Вот уж не думал, что вы знакомы с Хоббеями, сэр Ричард.

– Я их не знаю. Но с сэром Квинтином мы некогда были знакомы, и он рассказывал мне о вашей мании в отношении какой-то никому не ведомой несправедливости, причиненной мальчишке Хью Кертису, и вашей травле, – он едва ли не выплюнул это слово, – всей его семьи. Вы зашли слишком далеко, мастер адвокат. Вспомните о том, куда вас однажды привело подобное любопытство. Если вы намерены еще раз побеспокоить сэра Квинтина…

– Мое присутствие в Портсмуте не имеет ничего общего с этим делом, сэр Ричард.

– И что вы в таком случае делаете здесь? А?

– У меня судебное дело…

– Какое дело? В отношении кого?

– Сэр Ричард, вам известно, что подобная информация не разглашается.

Ровные серые глаза Рича впились в мои, и его черные зрачки были похожи на иглы.

– И долго вы намереваетесь пребывать здесь? – спросил он.

– Завтра уезжаю.

– Значит, когда в Портсмут прибудет король. Действительно, вам лучше уехать. – Ричард наклонился вперед. – Мастер Шардлейк, не забывайте, что я – член Тайного совета, а этот город готовится к войне. Так что при желании я мог бы попросить губернатора Паулита арестовать вас по подозрению в шпионаже в пользу Франции.

Глава 38

Мы шли по Хай-стрит. В голове моей дул ураган.

– Джек, а дело это куда глубже, чем я предполагал, – поделился я с помощником своими догадками. – Рич обнаруживает личную заинтересованность.

– А ты видел, как у него глаз дергался? Я думал, что он ударит тебя.

– На мой взгляд, он ушел до того, как потерял власть над собой. Значит, так. Та встреча с Ричем и Сеймуром в Хэмптон-корт на самом деле не была случайной. Он ее подстроил, и он же натравил на меня парней с угла. Рич каким-то образом связан с тем, что произошло с Хью. Там что-то было, там что-то есть. – Я умолк, но потом добавил: – А еще смерть Майкла Кафхилла. И клерка Гервасия Миллинга… Раз так, масштаб этого…

– Тем больше причин убираться отсюда. Тебе известно, насколько опасен Рич.

Я задумался:

– При желании он мог бы арестовать меня прямо сейчас по какому-нибудь надуманному поводу. Однако он этого не сделал. Что бы ни связывало его с Хоббеями и Хью, он не хочет, чтобы я говорил об этом Паулиту или кому-нибудь еще.

– Но откуда он мог так рано узнать о твоем участии в деле?

– Единственным человеком, знавшим о том, зачем меня в тот день призвала королева, был Роберт Уорнер. – проговорил я с тяжелым чувством.

– Который, по твоему мнению, может быть связан с Рольфсвудским делом.

– И в таком случае может быть уязвимым для шантажа. А шантаж – одна из специальностей Рича.

– Во всем этом многолюдье Рич вполне мог бы подослать к тебе человека с ножом, – заметил Барак, постоянно оглядываясь на ходу.

– Нет. Именно здесь меня защищает покровительство королевы. В том случае, если со мной что-то случится, она заглянет под каждый камень, чтобы найти причину. При всем своем высокомерии Рич не посмеет коснуться меня.

– Ты полагаешь, что настолько угоден ей? Рич приближен к королю: его не отставили от двора даже после прошлогоднего скандала.

– Королева не оставит меня. Если она затевает расследование, кто может сказать, чем оно закончится? Нет, Рич будет только следить за мной, не более того.

– И ты полагаешь, что Сеймур вместе с Ричем замешан в деле Кертиса?

Я покачал головой:

– На мой взгляд, более вероятно, что Рич и Сеймур в тот день встретились в Хэмптон-корте, и Ричард предложил Томасу вместе дождаться моего появления: Сеймур мог таким образом развлечься и помочь Ричу запугать меня.

Мой спутник вдруг замер на месте посреди дороги, не обращая внимания на ругательства ехавшего мимо водовоза:

– Вот что, а не уехать ли нам прямо сейчас?

– Уезжай, но я остаюсь. До завтрашнего утра, как мы уже согласились.

Клерк вздохнул:

– Ладно, но ради бога, внимательнее гляди по сторонам! Пошли, на пристани нам будет спокойнее всего. Но спать мы сегодня будем, достав ножи, а завтра утром улепетываем отсюда с первым светом.

– Но что? – продолжал я размышлять вслух. – Что может связывать Рича с таким мелкопоместным джентльменом, как Хоббей?

– Вот окажемся в Лондоне, тогда можешь попытаться найти ответ, – ответил Барак отрывистым тоном.

Вернувшись на Устричную, мы направились в сторону пристани. За Пойнтом с величественным, пусть и тяжеловесным изяществом продвигался назад к линии боевых кораблей «Грейт-Гарри», вонзая в небо высокие мачты с поднятыми топселями. «Левиафан» уверенно прошествовал мимо внешней линии строя и остановился перед «Мэри-Роз». Несколько других кораблей отвязали находящиеся за кормой большие гребные шлюпки, осторожно направившиеся к борту огромного судна. Я различил крошечные фигурки, спускавшиеся в эти шлюпки по какому-то подобию лестницы. Появились и два других больших корабля, уступавших в размере «Грейт-Гарри», но все же огромных, и неторопливо направились к общему строю.

– Похоже, что солдаты возвращаются на берег, – проговорил Джек.

Мы сели на скамью возле стены одного из складов, привалившись к ней спиной. Я посмотрел на Госпорт, на другую сторону гавани, где напротив Круглой башни находился еще один форт. Солнце уже опустилось низко, и красное небо предвещало еще один жаркий день.

Высадившиеся в первой группе солдаты оказались нам незнакомы. Они спускались на землю в тишине, без обыкновенных разговоров и шуток, а некоторые даже чуть пошатывались на ступенях. Герольд построил их и куда-то повел.

Прежде чем на верху лестницы, наконец, показался Ликон, на берег высадилось еще несколько групп. За Джорджем следовала, наверное, половина роты. Появились знакомые лица: Карсвелл и Том Ллевеллин, Голубь и Угрюм. Как и во всех прежних группах, некоторые военные были в джеках, другие – в кожаных или шерстяных куртках, а на Голубе был бригандин, выигранный у Угрюма. Замыкал шествие Снодин, пыхтевший и отдувавшийся на верхних ступенях лестницы. Как и все предыдущие роты, люди непривычно молчали: даже у Карсвелла явно не находилось подходящих шуток. Один лишь грубиян Угрюм пребывал в бодром расположении духа, обретя свою прежнюю браваду. Солдаты построились на причале в неровную линию, не замечая нас, сидевших возле стены. Кто-то стащил с головы шлем, почесался и буркнул:

– Достали проклятые вши!

– Прекратить стоны! – рявкнул на него Снодин. Герольд, очевидно, находился не в духе. – Ничтожный и скулящий пес!

Несколько военных уставились на него злыми глазами.

Шагнув вперед, я окликнул Ликона. Он повернулся, как и все остальные. Лицо Карсвелла просветлело:

– Наш талисман! Плывите завтра вместе с нами, сэр, на «Грейт-Гарри» и принесите нам удачу!

Остальные солдаты смотрели на меня, удивляясь, что я снова оказался здесь. Угрюм шепнул:

– Встретить горбуна – к несчастью, а не к удаче.

– Разойдись! – приказал Джордж. – Ждем здесь всех остальных.

Его люди побрели на площадку между двумя складами, а сам капитан подошел и протянул мне руку:

– Я думал, что вы уже уехали, Мэтью.

– Уеду завтра.

– Завтра прибудет король. Мы должны будем пройти перед ним завтра утром на параде за городом в качестве основных стрелков.

– Мы уже уедем к тому времени.

– Вот уж точно, – решительным тоном подтвердил Барак. – Уедем самым первым делом!

Ликон перевел взгляд на своих людей, многие из которых казались

усталыми и озабоченными. Голубь небрежно опустил на землю свой бригандин, который при этом звякнул. Угрюм яростно посмотрел на него. Карсвелл спросил у герольда:

– Мастер Снодин, а нельзя ли нам вернуться в лагерь за какой-нибудь едой?

– За настоящей едой, – проговорил другой солдат, – а не за сухарями, из которых то и дело червяков выковыриваешь!

Послышались согласные голоса.

– Мы уйдем вместе с остальными, вместе с сэром Франклином! – крикнул Снодин.

– Сегодня вы провели первый день на кораблях? – спросил я у Ликона.

– Да, – ответил тот. – Первый и неудачный.

Ужасающий грохот заставил всех подпрыгнуть на месте. На круглой башне окуталась дымом еще одна пушка. Ответный гром и вспышка донеслись со стороны Госпорта.

– Что они делают? – вновь обратился я к бывшему клиенту.

– Пристреливаются к гавани, на тот случай, если сюда прорвутся французы. Мы сможем остановить их: эти пушки бьют примерно на милю. Но если они разгромят наш флот на море, ничто не помешает врагам высадиться в любом другом месте, – заявил он.

– Джордж, – сказал я, – могу ли я попросить у вас еще об одном одолжении?

Вице-капитан посмотрел на меня с любопытством:

– Да?

Я кивнул в сторону солдат:

– Вопрос конфиденциальный.

Ликон вздохнул:

– Хорошо, зайдем за этот склад.

Мы обогнули угол, чтобы нас никто не мог подслушать.

– Значит, сегодняшний день оказался неудачным? – переспросил я.

– Вся рота сегодня была на «Грейт-Гарри». Великий Боже, ну и кораблище! Пушек на нем хватит, чтобы захватить весь ад. Когда мы еще только лезли вверх по веревочной лестнице, порыв ветра начал раскачивать нас, как гусениц на ветке. Я видел, как мои люди боялись, что их сбросит в море. А на борту все они скользили и падали от самой малой волны. И еще – им совсем не понравилась эта сеть.

– Я слышал о ней. Прикрепленная над палубой, чтобы абордажная команда врага попадала на нее. А под ней стояли солдаты с пиками.

– Ячейки сетки невелики, и кажется, будто ты ею пойман. А если что-

то случится с кораблем… если он станет тонуть, она утянет тебя на дно. – Ликон вдруг расхохотался, и дикая нотка в его голосе заставила меня нахмуриться. – Впрочем, далеко не все люди умеют плавать. Им, наверху, следовало отвести нам побольше времени для учений: мы провели здесь уже неделю. Люди от безделья скучают и злятся, отсюда и случаи дезертирства. А умелых лучников так просто не заменить. Матросы смеялись, глядя, как наши парни ездят по палубе, а что толку? Моряки ходят босиком и липнут к палубам, словно кошки.

– Солдатам и матросам придется вместе сражаться в одной и той же баталии. Если она произойдет.

– Говорят, что через два или три дня. – Глаза Джорджа вновь приобрели отстраненное выражение. – Нам сказали, что нашу роту придадут «Грейт-Гарри». Флагман всегда будет находиться впереди флота. Люди и без того приуныли, а тут еще Снодин шпыняет их за каждое недовольное слово. На корабле он не может пить целый день, и это пагубно сказывается на его норове.

Он вздохнул и вернулся к прежней теме:

– Итак, Мэтью, о каком одолжении идет речь?

– Джордж, я не стал бы беспокоить вас, если бы дело не было важным. Речь может идти о жизни женщины. Мне нужно еще раз поговорить с Филипом Уэстом, с которым я встречался в Божедоме. – Я глубоко вздохнул. – Он находится на «Мэри-Роз». Мне нужно знать, можете ли вы сегодня же вечером доставить меня на борт этого корабля, чтобы я мог переговорить с ним.

Ликон посмотрел на меня с сомнением:

– Мэтью, сейчас на корабли пускают только по служебным делам.

Он повернулся к морю. На больших лодках зажгли фонари, и маленькие точки света плясали на воде. Заходящее солнце вычерчивало черные силуэты судов на своем золотом фоне.

– Пожалуйста, – попросил я. – Это важно.

Капитан задумался:

– Подкупить лодочника, чтобы он отвез вас на «Мэри-Роз», легко, однако попасть на борт окажется много труднее, даже если там буду я. А без меня вас туда просто не пустят. Но хорошо, попробуем. Только надолго задержаться здесь я не смогу, мне нужно вернуться в лагерь. Люди приуныли, а им надлежит завтра утром бодро пройти перед королем.

Он смахнул со щеки комара: теперь, с наступлением темноты, они уже начали наполнять своим жужжаньем наш слух.

– Джордж, я просто не могу выразить свою благодарность словами! –

воскликнул я.

– Но сначала мне нужно дождаться остальных людей вместе с сэром Франклином. Тогда он отведет их назад в лагерь…

Капитан умолк на полуслове. За углом здания не видимый нашему глазу Снодин зашелся в отчаянном крике:

– Встать! Встать, ленивые скоты!

– Смерть господня! – пробормотал Ликон. – Он вот-вот зайдет слишком далеко.

Он быстрым шагом направился вокруг складского сарая, и мы с Бараком последовали за ним. Оказалось, что многие из солдат повалились на землю, и Снодин яростно распекал их:

– Ленивые ублюдки! Вставайте! Вы не у себя дома, на грязной постели!

Никто не шевельнулся, и только Стивен Карсвелл попытался возразить мучителю:

– Мы устали! Почему нам нельзя отдохнуть?

– Капитан приказал вам ждать, а не валяться на земле, словно сраные жабы! – Герольд уже совершенно вышел из себя, и его багровые отвисшие щеки тряслись от ярости.

Появление Ликона заставило всех повернуться в его сторону.

– Не стоит говорить с мастером Снодином подобным образом, Карсвелл! – отрезал он.

Поднявшись, Голубь ткнул трясущимся пальцем в герольда:

– Сэр, он весь день только и делает, что оскорбляет нас, а мы всего только и хотели, что отдохнуть после этого корабля!

– Испугался, лопоухий? – презрительным тоном бросил Угрюм.

Тут в перебранку включился новый голос:

– Если плавать на флагмане – такая честь, то пусть сам король послужит на нем!

Снодин, повернувшись, уставился на произнесшего это Тома Ллевеллина. Юноша, обычно столь тихий, смело встал перед герольдом:

– Пусть король Генри послужит за эти его шесть пенсов в день, которые нынче стоят меньше пяти пенсов!

– А давайте-ка по домам… уборка урожая уже на носу! – воскликнул еще один солдат. Снодин метался от одного говорившего солдата к другому, с такой быстротой, что кое-кто из военных расхохотался. Шагнув вперед, Ликон схватил герольда за плечо.

– Уймитесь, мастер Снодин, – проговорил он негромко. – Уймитесь.

Тяжело дыша, герольд замер на месте:

– Они должны быть готовы к сражению, сэр.

– И они будут готовы! – повысил голос Джордж. – Ладно, ребята, день выпал нелегкий, но мне и прежде приходилось бывать на кораблях, так что вы скоро научитесь соблюдать равновесие. И я распорядился, чтобы вам на ужин сегодня забили корову. А теперь встаньте, встречайте сэра Франклина. Видите, вторая половина роты уже высаживается на пристань!

Какую-то секунду все оставалось, как прежде. А потом все неторопливо поднялись на ноги. Ликон отвел Снодина в сторону и что-то проговорил тому на ухо. Мы с Джеком подошли к тому месту, где стояли рядом Карсвелл и молодой Ллевеллин.

– Дерзкие слова говоришь, парень, – обратился Барак к юному лучнику.

Юноша к тому времени явно еще не остыл.

– С меня довольно! – выпалил он. – После сегодняшнего дня нам всем довольно.

Карсвелл посмотрел на меня. На лице его больше не было никакого веселья.

– Теперь все стало реально, – проворчал он. – Теперь я понимаю, каково нам придется в бою. Если «Грейт-Гарри» сцепится с французским военным кораблем, он будет крошить нас ядрами, а если мы пойдем на абордаж, нас будут потрошить пиками. Я всегда полагал, что обладаю хорошим воображением, мастер Шардлейк, однако я никогда не смог бы представить себе ничего подобного этому кораблю.

– Да уж, громада… – мечтательно проговорил Ллевеллин. – Прямо наша деревенская церковь: мачты – ну прямо те шпили! Вот я и подумал, как может такая штуковина плавать? Каждый раз, как палуба начинала крениться, я думал, что она вот-вот потонет.

– Да, качка на корабле сперва кажется странной, – согласился я, – но капитан Ликон прав, к ней привыкаешь.

– Мы пробовали стрелять с верхних палуб, – заметил Стивен, – но судно все время движется и лишает нас равновесия. Матросня-то все смеялась и насмешничала… пьянчуги, пивное брюхо! А под сеткой лук толком и не натянешь!

К нам подошел Голубь и тоже присоединился к разговору:

– Ты правильно сказал, Том. И все это ради того, чтобы спасти короля Гарри, которому наплевать на то, живы мы или нет.

– Но если победят французы, они сделают с нашими людьми то, что мы сделали с их людьми в прошлом году. Выхода нет, нам приходится сражаться, – возразил Карсвелл.

– Чего ты там замышляешь, Голубь, папист и изменник? – выкрикнул державшийся в стороне Угрюм.

– Этот тип весь день пытается поддержать в себе свою отвагу, – пренебрежительно сказал Стивен. – Чем громче он орет, тем больше боится, это всем понятно. – Он посмотрел на меня. – А вы зачем возвратились в это проклятое место, сэр?

Внезапно раздался еще чей-то хорошо поставленный голос:

– А это что еще такое?

На верхних ступеньках лестницы появился сэр Франклин, по своему обыкновению, в отличном дублете, при кружевном воротнике и манжетах. За ним следовала вторая половина роты.

– Где Ликон? – спросил он, и Джордж немедленно направился к нему, а за вице-капитаном последовал мрачный Снодин. Гиффард уставился на обоих. – Ах, вот вы где! Все в порядке?

– Да. Сэр Франклин, не изволите ли вы отвести людей в лагерь? – обратился к нему Джордж. – Мастер Шардлейк попросил меня кое-что сделать для него.

– Судебные дела? – Гиффард с сомнением посмотрел на меня. – Опять вы здесь, сэр? Не стоило бы так тесно связываться с адвокатами, Ликон!

– Это займет не больше часа, – заверил его вице-капитан.

– Я был бы очень благодарен вам, если вы позволите это, сэр Франклин, – поддержал я его просьбу.

– Ладно, но надолго не задерживайся, – буркнул тот. – Пойдем, Снодин, у тебя такой вид, как будто тебя по голове пыльным мешком трахнули.

– Подожди меня в гостинице, Джек, – сказал я Бараку.

Он же наклонился поближе:

– Тебе не стоит просить Ликона идти с тобой, раз его люди пребывают в таком настроении. Они выбросили бы Снодина в воду, если бы он не остановил их.

– Но он же согласился, – отрывисто проговорил я.

– Готов подумать, что ты охотно останешься, чтобы переговорить еще и с Ричем.

– Возможно, и так, чтобы закончить это дело.

– В таком случае, я начинаю опасаться за твой рассудок.

Барак направился прочь, а я возвратился к Джорджу, следившему за тем, как сэр Гиффард уводит солдат.

– С людьми, надеюсь, ничего не случится? – спросил я его.

– Я велел Снодину полегче обращаться с ними, а они не посмеют

возмущаться при сэре Франклине. – Мой бывший клиент глубоко вздохнул. – Хорошо. Идем на «Мэри-Роз».

Бухта Камбер была полна гребных лодок, на ночь приставших к пристани. Мы отыскали лодочника, крепкого мужчину средних лет, согласившегося доставить нас к «Мэри-Роз», подождать возле корабля и затем отвезти нас обратно. Следом за ним мы спустились по скользким ступеням. Сверху, из таверн Устричной улицы доносились музыка и голоса. Лодочник вставил весла в уключины и повел лодку в открытое море к линии кораблей. Позади них закат уступал место темной синеве, на которой вычерчивался лес мачт.

Мы сразу же оказались в мире полной тишины, звуки города угасали. Воздух вдруг сделался соленым и чистым. Волнения не было, но, оказавшись на воде впервые за четыре года, я ощущал некоторое смятение. Крепко вцепившись в борта, я рассматривал берег. Видны были городские стены, Квадратная башня, а дальше, за стенами, солдатские палатки, окрашенные закатом в розовый цвет.

– Благодарю вас, – обратился я к Ликону. – После этой неурядицы с солдатами…

– Слава богу, я позаботился добыть на сегодня свежего мяса. На одних сухарях не протянешь. Пара парней уже свалилась с поносом. А еще один случайно полоснул себя ножом, – рассказал мой спутник. – Ну, это я решил, что так вышло случайно. В роте осталось всего восемьдесят восемь душ.

Я снова посмотрел на удалявшийся берег. Теперь он был виден во всей его протяженности вплоть до замка Саутси, и без того казавшегося маленьким пятнышком в лучах заката, но все более уменьшавшимся, пока мы углублялись в Солент. Против собственного желания, я отвернулся.

Мы неспешно приближались к боевым кораблям. Здесь, вблизи видны были тусклые огоньки ламп и свечей над палубой. Над водой плыл свист флейт и бой барабанов. Ликон, погрузившись в собственные мысли, смотрел вперед, а потом проговорил с тихим отчаянием в голосе:

– Мне приходится подбадривать своих людей, я должен делать это. Я обязан поддерживать в них бодрость духа, хотя прекрасно знаю, с каким кошмаром им предстоит встретиться.

– Господу ведомо, что вы делаете все возможное.

– Вы думаете, Он знает?

Мы были уже совсем рядом с кораблями, мачты и надстройки которых казались теперь невозможно высокими. Толстенные плетеные канаты, спускаясь в воду, удерживали суда на якорях. Свет солнца почти померк, и

яркая раскраска верхних палуб превратилась в различные оттенки серого. Лодочник взял в сторону, чтобы не попасть под струю испражнений, льющихся из клювастого стока гальюна. Впереди возник огромный корпус «Грейт-Гарри», и до нашего слуха вновь донеслись голоса и звуки музыки. На главной палубе что-то происходило. Здесь над водой нависал небольшой помост, под которым болтался блок. Им пользовались для подъема на палубу грузов из больших гребных баркасов. К собственному удивлению, я заметил, что на сей раз к нему было подвешено крытое промасленной тканью большое и высокое кресло, к которому была привязана свинья.

– Осторожно! – услышал я чей-то крик. – Оно ударится об борт!

– И что же это такое здесь творится? – спросил я у лодочника.

– Дурацкие выходки матросни, – неодобрительно ответил тот.

Лодка наша прошла мимо флагмана к «Мэри-Роз», на бушприте которой еще угадывались очертания розы. Запрокинув голову, я посмотрел вверх.

Самая низкая, средняя часть корабля была высотой футов в двадцать. Длинный, в два этажа ют казался раза в два выше. Бак был еще выше: три палубы возвышались над форштевнем подобием колоссальной лестницы. Внезапно подул ветерок, и я услышал странное пение, доносившееся из сети взмывавших над палубой к стеньгам снастей. Когда мы оказались совсем близко, послышался голос, донесшийся с марса на самом верху грот-мачты:

– Эй, на корабле, лодка!

Лодочник подвел свое суденышко к средней части корабля, между высокими баком и ютом. Я в смятении посмотрел на высившийся надо мной темный борт, не зная, как на него подняться. Взгляд мой выхватил из сумрака вырисовывавшиеся на смоле квадраты орудийных портов, крепкие канаты, бегущие вверх от колец в центре до отверстий в нарисованных выше квадратах, зеленые и белые цвета Тюдоров, чередующиеся с красными крестами на белом фоне, цветами флага Святого Георгия.

– А как подняться наверх? – спросил я в недоумении.

Ликон посмотрел вверх на нарисованные квадраты:

– Эти панели сдвигаются. Сверху сбросят веревочную лестницу от одного из них.

Мы приблизились к судну под углом, и лодка звучно уткнулась носом в корпус. Панель отодвинулась, и из открывшегося пятна выглянула чья-то голова. Голос произнес пароль, который я слышал еще в лагере:

– Спаси Господи короля Генри!

– И даруй ему долгое правление над нами! – откликнулся Джордж. – Помощник капитана Ликон, Миддлсекские стрелки! Официальное дело к помощнику казначея Уэсту!

Голова исчезла, мгновение спустя вниз полетела веревочная лестница. Она разворачивалась в полете, и конец ее плюхнулся в воду возле нас.

Глава 39

Лодочник выловил его из воды, переместил в лодку, а затем посмотрел на нас с вице-капитаном:

– Поднимайтесь, сэры. Прошу по одному за раз.

Ликон взялся за лестницу, наступил на перекладину и полез вверх. Я следил за тем, как он уверенно переставляет руки. И вдруг над моей головой резко открылся наружу орудийный порт, заставив меня вздрогнуть. Изнутри донесся скрип колес, и из порта странным дергающимся движением выставилось жерло огромной пушки.

– Надо смазать вот эту ось, – послышался резкий голос. Пушка вернулась обратно, и порт со стуком захлопнулся. Я посмотрел наверх: мой проводник уже добрался до самого конца лестницы. Из открывшегося отверстия к нему протянулись руки, и он протиснулся сквозь узкую щель.

– Теперь ваша очередь, сэр, – проговорил лодочник. Глубоко вздохнув, я взялся за перекладины и полез вверх. Вниз я не смотрел. Тихое колыхание воды заставляло терять ориентацию. Когда я оказался наверху, сильные руки втянули меня внутрь. От моих ног до палубы оставалось несколько футов, я споткнулся и едва не упал.

– Это ж хренов адвокат! – удивился кто-то.

Ликон взял меня за руку:

– Я попросил моряка поискать мастера Уэста.

Я огляделся. Палубу закрывала частая сеть из толстой веревки, привязанная к поручню над люком, а в середине – к центральному деревянному брусу в семи футах над нашими головами, опиравшемуся на толстые деревянные столбы вдоль всей верхней палубы. Широкий брус образовывал над нашими головами трап, соединявший бак с ютом, и матрос шел по нему, ступая босыми ногами. Задрав голову, я посмотрел на двадцатифутовый ют. На нем располагались две длинные богато украшенные литьем бронзовые пушки, поставленные под углом, чтобы стрелять наружу. Еще два орудия смотрели на нас с бака, повернутые в противоположную сторону.

– Вот это творение… – произнес я негромко, окинув взглядом верхнюю палубу. Она была примерно сорока футов в ширину и почти столько же в длину, и на ней располагались три чугунные пушки длиной в дюжину футов, привязанные к колесным лафетам. Палуба была освещена тусклым светом сальных свечей, расположенных внутри высоких роговых

фонарей. Среди пушек группами расположились десятков шесть матросов, занятых игрой в карты или кости. Все они были босыми, большинство – в безрукавках поверх рубах, а на головах некоторых были круглые войлочные шляпы, так как здесь задувал прохладный ветерок. Многие были молоды, хотя лица их уже успела обветрить непогода. Возле одной из групп сидела небольшая дворняжка, явно наблюдавшая за игрой в карты. Кое-кто из матросов поглядывал на меня с холодным любопытством, поблескивая глазами – вне сомнения, гадая, кто я такой. В одной из групп разговаривали по-испански, другая сидела вокруг клирика, читавшего вслух Библию:

– «Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина»[41].

Запах тухлого мяса и небольшие клубы пара поднимались над некоторыми из палубных люков, перекрытых тяжелыми деревянными решетками.

– Впервые попали на военный корабль, сэр? – поинтересовался один из моряков, помогавших мне попасть на борт, – вероятно, просто из любопытства.

– Да. – Я посмотрел наверх сквозь сеть на марс, расположенный высоко на фок-мачте. Стоявший на нем матрос, оповестивший о нашем прибытии, вновь вглядывался в море. Какой-то мальчишка лез вверх по снастям с ловкостью мартышки, содержавшейся королевой в клетке в Хэмптон-корте.

Сидевший неподалеку моряк обратился ко мне неуклюжим шутливым тоном:

– Не затем ли вы явились к нам, мастер адвокат, чтобы заставить коков, наконец, подать наверх наш обед? Наши желудки бунтуют!

И в самом деле: почти возле каждого моряка я заметил деревянную миску с деревянной ложкой.

– Будем надеяться, что этот обед окажется хотя бы съедобным, – проворчал другой матрос. Он ковырял в ногтях каким-то инструментом из миниатюрного стального маникюрного набора и, в конце концов, дернувшись, извлек из-под ногтя большую занозу.

– Будет тебе, Тревисик, – осадил его встретивший нас моряк. – Этот джентльмен находится здесь по официальному делу. – Но затем он понизил голос и добавил: – Пища портится, сэр, от долгого хранения в бочках. Нам не нравится доносящаяся снизу вонь. Мы надеялись сегодня получить свежие продукты, однако их так и не привезли.

– На еду, главным образом, жалуются и солдаты, – заметил Ликон и, посмотрев на босоногих матросов, добавил: – На еду и на обувь, хотя с

последней у вас, матросов, проблем не заметно.

– Солдатам нужно на борту разуваться, тогда они перестанут спотыкаться и скользить на палубе, – заявил еще кто-то.

«Мэри-Роз» качнулась под дуновением ветра, и я пошатнулся. Наверху, на трапе, двое моряков, несших какой-то тяжелый ящик, едва сохранили равновесие и с трудом ввалились в дверь на юте. Потеряв интерес к нам, наш матрос отправился прочь.

– Вполне могу понять опасения ваших людей, – обратился я к Джорджу. – Прежде мне случалось бывать на кораблях, но на таком…

Он кивнул:

– Ну да, хотя я не сомневаюсь в их храбрости в бою.

Я вновь посмотрел вверх, на ют. Над верхней палубой в неярком свете нижних фонарей также угадывались очертания сети, привязанной к центральному столбу. Кто-то наверху играл на лютне – до нас доносились звуки музыки. Ликон также запрокинул голову:

– Мы учились стрелять с юта «Грейт-Гарри», через люки в верхней палубе. Метко выстрелить было трудно.

– Матросы, как я вижу, недовольны, – заметил я.

– Дисциплина им не по вкусу, их набрали со всей страны и даже за ее пределами. Среди них есть и приватиры[42].

Я улыбнулся:

– Демонстрируете армейские предрассудки, Джордж?

– Ну, эти парни сегодня днем без смущения демонстрировали флотские предрассудки, осмеивая моих солдат.

Тощий и жилистый моряк в полосатой безрукавке пробирался к нам между сидящими матросами, держа в руках роговой фонарь, светивший яснее, чем фонари матросов. Отвесив короткий поклон, он с валлийским акцентом спросил у Ликона:

– Это у вас дело к мастеру Уэсту, капитан?

– У этого человека, – указал мой спутник на меня. – Ему нужно срочно поговорить с Уэстом.

– Он сейчас на камбузе с коком. Вам придется спуститься к нему сэр.

– Отлично. Вы проводите меня? – попросил я его.

Моряк с сомнением окинул меня взглядом:

– Камбуз внизу, в трюме. Вы сумеете спуститься?

– Но ведь я поднялся на корабль, не так ли? – огрызнулся я.

– Пострадает ваше облачение, сэр. Лучше снимите его.

Ликон принял мою мантию:

– Я подожду вас здесь. Только не задерживайтесь.

Оставшись в одной рубашке, я поежился.

– Не беспокойтесь, сэр, – проговорил моряк. – Там, внизу, куда мы идем, достаточно тепло.

Он первым направился по палубе к юту. Следуя за ним, я споткнулся, случайно подбросив в воздух небольшую игральную кость, и один из матросов непринужденным движением поймал ее.

– Прости, – проговорил я. Моряк ответил мне злобным взглядом.

Сразу перед ютом оказался открытый люк и широкая лестница, уводившая вниз, в темноту. Мой проводник повернулся к мне:

– Спускаемся вниз.

– Как твое имя? – поинтересовался я.

– Морган, сэр. А теперь прошу спускаться за мной осторожно.

Он ступил на лестницу. Дождавшись мгновения, когда его макушка исчезла в проеме, я начал спуск.

Мне пришлось старательно нащупывать поручни в полутьме, и я поблагодарил бога за то, что корабль едва шевелился. Стало жарче, где-то капала вода. У подножия лестницы было относительно светло: на бимсах висели фонари. Я увидел, что попал на пушечную палубу. Будучи больше сотни футов длиной, она проходила под ютом и баком, вытянувшись почти на всю длину корабля. Вдоль этой палубы виднелись перегородки, делившие ее на подобия маленьких комнат, из которых торчали тыльные стороны орудий. К моему удивлению, помещение оказалось достаточно высоким, чтобы стоять. Я посмотрел на пушки, установленные на колесных лафетах. Ближайшая оказалась чугунной, а следующая была отлита из бронзы и отмечена крупной, увенчанной короной розой Тюдоров, в свете фонарей блестевшей неестественным для нее цветом. Резкий запах пороха мешался с кухонными ароматами, и связки веток ракитника и лавра на стенах, принесенные туда для умягчения воздуха, не могли исправить положения.

Матросы проверяли размер каменных и чугунных ядер с помощью досок, в которых зияли большие круглые отверстия, а потом аккуратно складывали их в треугольные ящики, находившиеся возле каждой пушки. За работой присматривали два офицера: бородатый мужчина средних лет, на груди которого находился серебряный свисток на шелковой ленте, и еще один человек, помоложе.

– Эту работу следует закончить до наступления темноты, – проворчал старший из офицеров. Заметив нас, он вопросительно посмотрел в мою сторону. Морган отвесил ему низкий поклон:

– Сэр, этот джентльмен прибыл с берега с вестью для мастера Уэста.

Он сейчас находится на камбузе.

– Только не мешайте людям, – коротко предупредил меня офицер. Мой спутник повел меня дальше по пушечной палубе. Мы оказались перед другим люком и перед новой лестницей.

– Она спускается прямо в камбуз, сэр, – проговорил Морган.

– А кто это был? – спросил я, кивая назад.

– Старший офицер. Хозяин корабля.

– А я думал, что это капитан.

Морган рассмеялся:

– Капитан Гренвилль не знает «Мэри-Роз», но он хотя бы моряк, в отличие от многих капитанов! По большей части, они просто джентльмены, возведенные в рыцарское достоинство… чтобы мы, понимаете ли, трепетали перед ними.

Как сэр Франклин у солдат, подумал я.

Мой проводник ступил на лестницу и начал ловко спускаться по ней. Я последовал за ним.

Мы миновали другую палубу, разгороженную на полные припасов отделения. Я заметил бочонки и сундуки, а также бухты невероятно толстых канатов. Теперь снизу поднимались уже клубы горячего пара. Корабль слегка накренился со скрипом и стоном, и одна из моих ног поехала в сторону. Внизу уже виднелось красное свечение, сопровождаемое волной жара, к которой присоединялся все более мощный запах скверного мяса. Я посмотрел на Моргана, лицо которого уже было освещено этими красными отблесками.

– Откуда ты родом? – спросил я у него.

– Из Сент-Дэвидса, сэр. У меня есть рыболовная шлюпка, точнее, была, пока меня вместе с половиной жителей Западного Уэльса не загнали на флот. Однако здесь по-прежнему не хватает моряков: треть экипажа составляют испанцы и фламандцы.

– Сколько же моряков на судне?

– Две сотни. А когда мы пойдем в бой, к ним прибавятся еще три сотни солдат… так нам говорят. Нас будет слишком много, и некоторые утверждают, что все вместе мы можем опрокинуть корабль, если встанем на высоких корме и носу.

Мы миновали еще один люк, и мои руки немедленно ощутили это. Теперь мы оказались в трюме. Густой и вонючий пар заставил меня задохнуться, я с трудом подавил позыв к рвоте, и мое лицо немедленно покрылось капельками пара. Общее впечатление усиливал гнилостный соленый запах, исходивший, как я понял, от береговой гальки,

используемой в качестве балласта. Слева от себя я увидел две больших кирпичных печи, сложенных на кирпичном же основании. Желтые языки пламени плясали под котлами с кипящей похлебкой, в которой плавали серые куски мяса. Пламя, бурлящие котлы и влажные стены напомнили мне картину проповеди какого-нибудь священника-радикала с описанием ада. Двое обнаженных по пояс молодых людей помешивали варево. Один из них отошел, чтобы подбросить в огонь полено из сложенной на полу небольшой кучи. По другую сторону котлов двое людей в мундирах обследовали содержимое котлов с помощью ложки. Одним из них был Филип Уэст, другим, как я догадался, – корабельный повар.

Кок проговорил:

– Это кушанье нельзя подавать наверх, сэр. Его надо вылить за борт и постараться найти бочонок еще не протухшей трески.

– А такой еще можно найти? – с гневным нетерпением откликнулся Уэст. – Сегодня мы должны были получить новую партию провианта! Но вы правы, это гнилье нельзя давать людям.

Тут он увидел меня, и на лице его появилось выражение удивления, к которому примешивалось даже некое подобие ужаса. Шагнув вперед, он рявкнул на Моргана:

– Это что еще?!

– Этот джентльмен хочет поговорить с вами, сэр, – смиренно ответил матрос. – Он говорит, что у него срочное дело.

– Сэр, – обратился к Филипу кок, – осталось три бочонка с рыбой, можно попробовать вскрыть один из них.

– Исполняйте, – отрезал помощник казначея, не отводя от меня глаз. На его побагровевшем лице блестели капельки пота и пара. Повар подозвал к себе одного из размешивавших варево парней, и они вышли, отодвинув скользящую дверь. Уэст повернулся ко мне с гневом, читавшимся в его глубоко посаженных глазах.

– Сэр, – проговорил я. – Ваша мать поручила мне…

– Моя мать! Вам… – Филип умолк, заметив любопытные взгляды Моргана и второго кухаря. – Одну минуту…

Я молча внимал кряхтению и стуку, доносившимся из-за двери. Наконец кок вместе со своим помощником вкатили в камбуз тяжелый бочонок. Они торопливо поставили его на попа, и повар снял стамеской крышку. Под ней сверкнуло белизной белое рыбье мясо и заискрилась соль. Запустив внутрь тонкую руку, кок вынул кусок рыбины и понюхал ее.

– Еще не испортилась, – с облегчением проговорил он.

– Выбрасывайте свинину, варите рыбу, – проговорил Уэст. – Бочки с

пресной водой у вас еще есть?

– Да, сэр.

Филип повернулся к Моргану:

– Поднимись наверх, расскажи мастеру казначею о том, что мы делаем. Скажи, что нам нужно уже ночью погрузить на берег свежие припасы: у нас почти ничего не осталось.

Проводив взглядом матроса, поднявшегося вверх по лестнице, он нагнулся, взял с пола подсвечник и вставил в него тонкую свечку, после чего, указав на лестницу, мрачным тоном произнес:

– Пожалуйте наверх, мастер Шардлейк, поговорим.

Я последовал за Уэстом на складскую палубу. Сойдя с лестницы, я услышал топоток разбегающихся крыс. Отойдя на несколько шагов от люка, Филип поставил свечу на бочку и повернулся лицом ко мне. Неяркий свет не позволял мне рассмотреть выражение его лица. Вокруг, в разделенных стенками помещениях громоздились друг на друга сундуки и ящики. Здесь, вне удушающей жары, пот мгновенно высох на моем лице, сразу ощутившем прохладу. Корабль чуть качнулся, и я схватился за лестницу, чтобы устоять на ногах.

– Ну? – спросил помощник казначея.

– В Рольфсвуде кое-что произошло, – начал я рассказывать и сообщил ему об обнаружении останков мастера Феттиплейса, посещении его матери и том, что она рассказала мне о потерянном письме короля Анне Болейн.

– Итак, письмо, наконец, всплыло на поверхность, – проговорил Филип, когда я закончил. Сердитый голос его ни разу не дрогнул, и я пожалел, что не вижу как надо его лица.

– Будет новое дознание, – сказал я. – Ваша матушка сказала мне, что историю с письмом следует обнародовать, чтобы оградить вас от подозрений.

Мой собеседник с горечью рассмеялся:

– Вызвать меня на дознание сейчас попросту невозможно. На тот случай, если вы этого не заметили, мастер Шардлейк, я занят делом. И, возможно, скоро погибну, защищая подобных вам людей… Пусть и за собственные грехи.

– То, что с нами может произойти, я знаю не хуже вас, – ответил я напрямую. – И именно поэтому явился к вам этим вечером, чтобы спросить: что именно произошло в Рольфсвуде девятнадцать лет назад? Мастер Уэст, а как звали вашего друга, который украл письмо?

Вздрогнув, помощник казначея протянул руку, схватил меня за ворот и

прижал к борту корабля. Он был очень силен: его жилистая рука прижала мою шею к доскам.

– А вам-то зачем это знать? – со свирепой напряженностью в голосе прорычал Уэст. – У вас должен быть свой личный интерес, чтобы не оставлять меня в покое даже сейчас. Отвечайте!

Он ослабил хватку на моем горле ровно настолько, чтобы я мог говорить. Оказавшиеся совсем рядом его глубоко посаженные глаза буквально жгли меня взглядом.

– Я хочу в точности знать, что именно произошло в ту ночь с Эллен Феттиплейс, – заявил я.

– Вам известно, где она находится сейчас? – спросил Филип.

– А вам?

Он не ответил, и я понял: этот человек знает, что Эллен находится в Бедламе. Воинственный дух вдруг оставил его, и, отступив назад, он с горечью произнес:

– В тот день мой друг предал меня. А потом я узнал о том, что случилось с Эллен. Все это вместе и заставило меня уйти на море.

– Скажите мне имя вашего друга. Теперь, пока у нас еще есть время.

– Вы работаете на кого-то из придворных? – В голос Филипа вернулась задиристость. – И кого же интересует воскрешение той старой истории?

– Не меня. Клянусь в том, что меня интересует лишь то, что произошло в Рольфсвуде. Этого человека звали Роберт Уорнер?

Помощник казначея посмотрел на меня и, помедлив, после долгой паузы произнес:

– Никогда не слышал этого имени. Моего друга завали Грегори Джексон.

– Он был адвокатом при дворе королевы?

– Короля. Но королева платила ему.

– А что случилось с ним потом, мастер Уэст?

– Он умер, – ровным тоном ответил Филип. – Несколько лет назад, от потливой немощи.

Я посмотрел на него. А не лжет ли этот мужчина? Долгая пауза перед тем, как он назвал имя, вселяла в меня подозрения: он должен был назвать своего бывшего друга немедленно. Уэст отступил назад, снова спрятав свое лицо от и без того неяркого света свечи. Я спросил еще раз:

– Вам известна дальнейшая судьба Эллен Феттиплейс?

– Я не видел ее с того самого дня. – В голосе моего собеседника проступила прежняя опасная нотка.

– Что здесь происходит? – Мы оба повернулись на прозвучавший с лестницы резкий и сердитый голос. Сверху спустился средних лет офицер в желтом дублете. Он яростным взором посмотрел сперва на меня, а потом на Уэста, немедленно распрямившегося и отступившего от меня.

– Мастер казначей, – поклонился ему Филип.

– Морган передал мне ваше сообщение. Экипаж уже лупит ложками в миски и требует еды.

– Сейчас на камбузе готовят бочонок хорошей рыбы. Это все, что осталось. Свинина оказалась испорченной. Ночью нам необходимо получить свежий провиант.

Казначей повернулся ко мне:

– Вы тот самый адвокат, что явился к Уэсту с какой-то вестью?

– Да, сэр.

– Вы передали ее? – Он посмотрел на своего помощника, уже взявшего себя в руки.

– Передал… – не стал отрицать я.

– Тогда проваливайте. Вас не следовало пускать на борт.

– Я…

– Смерть господня, убирайтесь! Немедленно!

Угрюмые моряки сидели на палубе, положив миски с ложками на колени. Между ними теперь расхаживали офицеры. Я увидел, как из двери на баке вышел старший помощник. Остановившись над нами на трапе, он пронзительно дунул в свисток и закричал громким разборчивым голосом:

– Матросы! Еду вашу сейчас подадут! Свинина оказалась гнилой, и ее пришлось заменить треской! Ночью с берега подвезут новый провиант! И мне сообщили, что, когда завтра король прибудет в Портсмут, он явится со смотром на «Мэри-Роз»! Его величество отобедает на борту «Грейт-Гарри», а затем прибудет сюда. Всем известно, что «Мэри-Роз» – его любимый корабль! Итак, ребята, кричите: «Спаси Господи короля Гарри!»

Матросы переглянулись, и над палубой прокатилось неровное: «Спаси Господи короля Гарри!» Некоторые из матросов-иноземцев, не понимая ситуации, смотрели друг на друга с изумлением.

– Славьте короля, псы! – крикнул кто-то. Старший помощник прошел по трапу на ют. Я же добрался до Ликона, стоявшего возле люков. Получив от него свою мантию, я с удовольствием влез в нее, особенно сильно ощущая морскую прохладу после жаркого камбуза.

– Что с вами случилось, Мэтью? – спросил Джордж. – У вас такой вид, как будто вы только что увидели привидение.

– Там внизу, на камбузе, мне на мгновение показалось, будто я попал в ад.

– Надеюсь, что этих матросов и в самом деле накормят.

– Накормят, – заверил я его, и до моего слуха с высоты юта донесся голос старшего помощника, за которым последовали новые хвалы королю.

– А как ваши дела? – поинтересовался Ликон. – Удалось вам найти мастера Уэста? И получили ли вы нужные вам ответы?

Я вздохнул:

– Лишь несколько. Явившийся казначей прогнал меня. Но полученные ответы меня встревожили.

Вице-капитан посмотрел на меня с серьезным выражением:

– Мне пора возвращаться в лагерь.

– Конечно. Больше мне нечего здесь делать.

Выглянув в люк, Ликон дал знак остававшемуся внизу лодочнику. Он помог мне добраться до веревочной лестницы, я ступил на перекладину, и мы спустились вниз, в лодку. Лодочник навалился на весла, выводя свой кораблик на освещенный луной морской простор. Я посмотрел на «Мэри-Роз», а потом на «Грейт-Гарри»:

– Теперь понятно, что там делали с этой свиньей. Практиковались в подъеме короля на борт. По такой лестнице ему ни за что не взобраться.

– Нет, не взобраться, – согласился Джордж. – Старший помощник правильно поступил с моряками, ведь на борту уже копилось недовольство. Матерь божья, кто занимается поставками провианта – вороватые торговцы, продажные чиновники!

Как Ричард Рич, подумал я.

– Уж лучше бы скорей приходили французы, закончив всякое ожидание! – с чувством проговорил Ликон. – Закончив тем или иным образом…

Посмотрев на его встревоженное лицо, я не стал отвечать. Наконец мы достигли пристани. Каким же облегчением было вновь оказаться на твердой земле! Констебли с дубинками вели куда-то толпу оборванцев по Устричной улице. Один из арестованных гневно протестовал:

– Но я работаю на складе!

– Я видел тебя попрошайничающим возле кладбища. Велено сегодня ночью выставить из Портсмута всех попрошаек! – огрызался констебль.

Я посмотрел на Ликона:

– А помнишь, как выставляли нищих из Кента перед приездом туда короля?

– Помню. – Джордж обратился к караульщику: – Ты знаешь, в каком

часу приедет король?

– В девятом, – отозвался тот. – Он прибудет из Портчестера, проедет по острову Портси и вступит в городские ворота. Вместе с адмиралом лордом Лайлом и всем Тайным советом. Потом его повезут на корабли. Заночует он в королевских шатрах.

– Будет ли с ними королева? – спросил я.

– Мне сказали, что никаких женщин в его свите не будет, – покачал головой страж порядка. – А теперь, сэр, разрешите мне выдворить этих негодяев из города.

Ликон с глубоким вздохом протянул мне руку:

– Здесь мы должны расстаться, Мэтью.

– Спасибо, Джордж. Спасибо вам за все! – ответил я и после недолгой паузы добавил: – Когда все закончится, приезжайте ко мне в Лондон, погостите у меня.

– Приеду. Наилучшие пожелания Джеку.

– Удачи вам, Джордж.

– И вам также. – Я посмотрел на осунувшееся лицо капитана. Он поклонился, повернулся и быстрым шагом направился прочь, наполнив мое сердце печалью. Возвращаясь назад в гостиницу, я заставил себя обдумать предоставленную мне Уэстом информацию… Что все это означает и куда ведет.

Лежа на постели, Барак перечитывал письма Тамасин. Стянув с себя сапоги, я сел на край кровати, не зная, как рассказать ему о принятом мной решении.

– Джордж Ликон передает тебе свои благие пожелания, – проговорил я. – Я распрощался с ним. Король прибудет в Портсмут завтра в девять часов утра. Он посетит корабли.

– К этому времени нас уже не должно быть здесь, – твердым тоном проговорил мой клерк.

– Да, не должно быть.

– Ты попал на борт «Мэри-Роз»?

– Да.

– И на что она похожа?

– Она великолепна. Прекрасна и ужасна одновременно.

– И ты видел Уэста?

– Да. – Я потер шею. – Он впал в гнев и набросился на меня.

– Я говорил тебе, что это опасно! – нетерпеливым тоном перебил меня Джек.

– Поблизости оказались люди. По правде говоря, нас прервал казначей, приказавший мне оставить корабль раньше, чем я сумел выведать все необходимое.

– Ты узнал имя этого его друга?

– Я спросил в лоб, не Уорнер ли это, однако Уэст назвал другое имя – которого я ни разу не слышал. Боюсь, что он просто придумал его. Джек, я теперь не сомневаюсь в том, что Уэсту известно, где находится Эллен… Известно, что она в Бедламе.

– Если история с письмом не придумана, зачем ему держать это имя в секрете?

– Возможно, они насиловали Эллен вместе.

Барак откинулся на постель:

– Новая выдумка.

– Если бы только казначей не помешал нам…

– Что ж, ты сделал, что мог. Теперь возвращаемся в Лондон.

– Завтра с утра я отправляюсь сперва в Портчестерский замок. Мне нужно повидать королеву. И Уорнера. Она не сопровождает короля, возможность просто идеальная. Я намереваюсь выяснить, не был ли Уорнер в тот день в Рольфсвуде.

Мой помощник резко сел на постели:

– Нет. Завтра ты забываешь про все это и возвращаешься в Лондон.

– Но что, если это Уорнер предал меня Ричу? Что, если он является агентом Рича при дворе королевы!

– Даже если это так, тебе известно, что все придворные шпионят друг за другом. А если это не так, ты потеряешь дружбу и покровительство Уорнера.

– Я в долгу перед ее величеством. Если один из ее доверенных советников работает на Ричарда Рича…

– Ты ничего не должен королеве, – ответил Джек с неторопливой убедительностью. – Это она должна тебе. Давно должна: ты ведь спас ее жизнь, не забыл? И мне бы хотелось, чтобы ты не позволил ей снова вовлечь себя в дела двора. – Он возвысил голос. – Ехать в Портчестер? Это безумие! Что, если Рич находится там?

– Все члены Тайного совета отправятся по шатрам. Но если королева не едет с королем, значит, там останется и ее свита.

– Но что ты сможешь сказать Уорнеру?

– Я смогу задать ему несколько жестких вопросов.

– Тебе известно, что в этом поступке отсутствует отвага. Это причуда, рожденная упрямством.

– Тебе не обязательно ехать со мной.

Барак посмотрел на меня, и я понял, что он устал, предельно, невероятно устал. Он негромко проворчал:

– Эти слова ты говорил вчера по поводу нашего возвращения сюда. Но я последовал за тобой, как следовал почти повсюду в этом проклятом путешествии. А знаешь почему? Потому что мне было стыдно… стыдно с того самого момента, когда мы повстречали этих солдат на дороге, стыдно за то, как я улизнул от той же самой судьбы. Но я еще не настолько пристыжен, чтобы следовать за тобой в львиное логово. Значит, так. Если ты собираешься ехать в Портчестерский замок, то на сей раз ты поедешь один.

– Я не подозревал о твоих чувствах…

– Не подозревал. Просто тебе было полезно иметь меня под рукой. Как несчастного Ликона.

– Это нечестно, – проговорил я, ощутив справедливость его слов.

– Разве? Ты дважды воспользовался им, чтобы добраться до Уэста, невзирая на то, что под его началом находится целая рота солдат. Это не помешало тебе нещадно эксплуатировать его.

Помощник отвернулся от меня и лег на спину.

Я остался сидеть. С улицы доносились голоса двоих пьянчуг:

– Едет король Гарри! Король Гарри едет, чтобы прогнать французов!

Глава 40

Остаток вечера мы с Бараком почти не разговаривали и лишь с неприятной натянутой вежливостью обсуждали детали завтрашней поездки. Только теперь я до конца осознал, с какой нерешительностью вынужден был он поддерживать меня на каждом этапе того, что сам считал моей безумной причудой. Помощник прекратил спорить со мной, чем растревожил меня больше, чем мог бы сделать какими-нибудь грубыми словами. Спать мы отправились рано, однако заснул я не скоро.

Для надежности мы попросили хозяина гостиницы разбудить нас в семь утра, однако этот несчастный забыл об обещании и заявился к нам только в девятом часу. И один из самых жутких и суетных дней моей жизни начался с того, что мы с Джеком торопливо влезли в собственную одежду, натянули сапоги и без всякого завтрака бросились в конюшню. Когда мы выехали на Устричную, вдоль улицы уже выстроились ожидавшие короля солдаты в ярко начищенных шлемах со сверкавшими алебардами в руках. У пристани стояла роскошная крытая барка с дюжиной гребцов. В море замерли в ожидании корабли, на грот-мачтах которых полоскались огромные вымпелы тюдоровской, белой с зеленым расцветки, никак не меньше восьми десятков футов длиной.

Чтобы сэкономить время, мы избегали главных улиц и проехали к воротам задворками, мимо городских полей. Было прекрасное летнее утро. Суббота, 18 июля. Повсюду возле своих палаток ожидали солдаты в шлемах и джеках, а иногда в бригандинах, а капитаны верхом на конях в начищенных панцирях и шлемах с перьями смотрели на дорогу, напоминая мне о том первом смотре, происшедшем месяц назад в Лондоне.

– Неужели король проедет и здесь? – поинтересовался Барак.

– Я бы сказал, что он проедет по Хай-стрит. Однако все должны быть готовы приветствовать короля.

– Ох, дерьмо! – выдохнул мой спутник. – Посмотри-ка!

Он указал на бородача, стоявшего навытяжку возле конного капитана с алебардой в руках, напыжившись от собственной важности.

– Гудрик! – пробормотал я.

Барак отвернулся от герольда, столь усердно пытавшегося забрать его в армию, и мы торопливо проехали мимо.

Площадь перед городскими воротами, к которой сходились

многочисленные улицы, была полна народа. Многие торговцы, судя по тому, как они возвышались над толпой, были верхо́м. Они пытались пробиться к воротам, но солдаты оттесняли их назад.

– Сегодня я должен привезти в город пять телег с зерном! – кричал краснолицый мужчина. – Я должен выехать из города, чтобы встретить их на дороге!

– Дорога свободна только для короля. Пока он не въедет в город, никого не пропустят через ворота. Он вот-вот будет здесь.

– Проклятье! – выдохнул я. – Давай-ка отъедем подальше, поглубже в толпу.

Я попытался развернуть Нечета в обратную сторону, однако люди уже слишком тесно окружили нас.

– Едет! – крикнул капитан, стоявший у ворот. – Всем оставаться на местах!

И мы стали ждать. Посмотрев вдоль Хай-стрит, я заметил за цепочкой солдат лица сотен горожан. Некоторые из них держали в руках английские флаги. Пестрые и яркие гобелены и ковры свисали из окон вторых этажей, а кое-где люди даже стояли на крышах. Оглянувшись назад, я увидел позади себя, на краю толпы сидевших верхом Эдварда Приддиса и его отца. Они смотрели на меня: младший Приддис – невозмутимо, а сэр Квинтин – с нескрываемой злобой. Отвернувшись, я бросил взгляд на городские стены, где толпились солдаты, и похлопал Нечета по холке: как и многие другие лошади, он занервничал в плотной толпе.

Сложив ладони чашечкой у рта, военный, стоявший на стене крикнул:

– Едет!

Солдаты разразились приветствием, а я снял шапку и прикрыл ею лицо. Раздался ритмичный топот, и в город промаршировала сотня пикинеров. За ними въехала группа придворных, в атласе и мехах, и среди них – Рич. А затем появилась впечатляющая фигура самого короля. Гигантского коня его покрывало целое поле златотканой парчи. На самом же Генрихе было отороченное мехом алое одеяние, усыпанное поблескивавшими на солнце самоцветами, а голову его прикрывала черная шляпа с белыми перьями. Когда я видел его величество четыре года назад, он был уже велик телом, но теперь сделался просто огромен, и ноги его в золотых штанах торчали бревнами у боков лошади. Рядом с ним ехал лорд Лайл, такой же суровый, каким он был у Божедома, и еще один рослый мужчина. Я узнал у нем герцога Саффолка, которого помнил еще по Йорку. Борода его теперь сделалась длинной, раздвоилась и поседела: он превратился в старика.

На улицах раздались радостные крики, прогремела в приветственном салюте пушка на Камбере. Я рискнул взглянуть на лицо короля, проезжавшего в пятнадцати футах от меня, и не сумел отвести взгляд, настолько изменился он по сравнению с тем, каким был четыре года назад. Глубоко посаженные маленькие глаза, крючковатый нос и маленький рот теперь окружал квадратный воротник жира, как бы вдавившего лицо его величества в середину головы. Жидкая борода его почти полностью поседела. Впрочем, он улыбался и даже начал махать приветствовавшей его толпе, оглядывая ее резким взглядом крошечных глаз. Мне показалось, что на этой гротескной физиономии я прочитал боль и усталость, а также еще кое-что. Страх? Хотелось бы знать, не случалось ли этому обладателю титанического самомнения по мере приближения французской армады задумываться над тем, что может произойти дальше? Или даже, быть может, задавать себе вопрос: «Что я наделал?»

Еще размахивая рукой, король проследовал по Хай-стрит к ожидавшей у пристани барке, чтобы попасть на борт «Грейт-Гарри».

Прошло с полчаса, пока вся королевская свита не втянулась в город и нам не позволили выехать из него. Доносившиеся с моря новые пушечные залпы засвидетельствовали, что король Генрих прибыл на пристань. Стоявшие за воротами солдаты нарушали строй, вытирая пот со лба.

– Христова кровь, как он постарел! – заметил Барак. – Сколько же ему теперь?

Я прикинул:

– Пятьдесят четыре года.

– Всего-то? Иисусе! Только представь, что королеве приходится спать с этой тушей!

– Предпочитаю не делать этого.

– Охотно верю. – Джек изобразил легкую улыбку, и я печально улыбнулся в ответ, радуясь тому, что лед между нами сломан.

Проехав по мосту на материк, мы вскоре оказались в крохотном городке Кошэм. Здесь дорога разделялась на две: одна уходила на север мимо Хойленда в Лондон, а другая ответвлялась налево, в Портчестерский замок. Барак негромко проговорил:

– Едем дальше, домой.

– Нет. Я все-таки еду в Портчестер, – покачал я головой. – Час туда, час обратно, и час-другой в замке. Попытаюсь завтра догнать тебя.

– Я туда не поеду.

– Понимаю тебя. Ты считаешь, что я обезумел. – Я попробовал

улыбнуться.

– Я подожду тебя здесь, в гостинице, до трех часов, – заявил мой спутник. – Но если ты не вернешься к этому времени, поеду дальше.

– Согласен.

Итак, я повернул коня и направился на запад, проехав пару миль вдоль берега. Высокие белые римские стены Портчестерского замка, поставленного на полуострове, вдающемся во главу Портсмутской гавани, постепенно становились все более отчетливыми. Дважды мимо меня проходили отряды солдат, направлявшихся в противоположном направлении.

Замок, почти идеальный квадрат окруженных рвом высоких каменных стен, охватывал пространство в несколько акров[43]. В центре одной из стен располагалась надвратная башня, а в западном конце поднимался колоссальный квадратный, немыслимо крепкий донжон. Перед опущенным от надвратной башни подъемным мостом находилась группа солдат в полупанцирях, вооруженных мечами и алебардами. Я передал молодому офицеру, вице-капитану, как нетрудно было догадаться, письмо, которое вчера вечером написал Роберту Уорнеру и в котором просил принять меня. Офицер посмотрел на меня вопросительным взглядом.

– Насколько я понимаю, королева вместе со своим двором осталась в Портчестере, – проговорил я.

– Это так.

– По поручению ее величества я расследовал в Портсмуте одно дело. Есть важная информация, и мне необходимо поговорить об этом с мастером Уорнером.

Капитан вновь посмотрел на меня, на этот раз с сомнением:

– Я бы сказал, что у них слишком много дел, чтобы расследовать всякие судейские закорючки.

– Дознание было начато до настоящего кризиса. Полагаю, что мастер Уорнер захочет повидаться со мной.

С недовольным выражением на лице офицер жестом подозвал к себе молодого солдата и приказал ему отыскать Роберта. Солдат бегом припустил к подъемному мосту.

– А вы видели, как его величество въехал в Портсмут? – спросил вице-капитан.

– Он вступил в город как раз перед тем, как мы выехали из него. Ему приготовили великолепный прием, – рассказал я.

Офицер кивнул головой в сторону замка:

– Возможно, нам придется защищать его от французов. Говорят, что их

тридцать тысяч. – И он с едким смешком повторил: – А тут судейские закорючки!

Дальше мы молча ждали под жаркими лучами солнца. Наконец молодой солдат вернулся, все так же бегом.

– Он примет адвоката, сэр, – обратился солдат к офицеру.

Еще один из военных принял моего коня, и вице-капитан вразвалочку повел меня по подъемному мосту. Мы миновали караульное помещение, охранявшееся еще более многочисленным отрядом солдат, через которое входили в замок, и вышли на широкий двор, на котором, опять-таки, стояли солдатские палатки. Люди маршировали по скошенной траве или стреляли из луков. Прямо передо мной оказался колоссальный склад. Дверь его оставалась открытой, и я увидел, что помещение практически пусто: основная часть того, что здесь хранилось, уже перекочевала в Портсмут. Через весь двор проходила утоптанная дорога, заканчивавшаяся возле противоположных ворот, смотревших в гавань. По верху стен расхаживали солдаты, и я заметил темные силуэты пушек. Если французам удастся войти в гавань, они могут предпринять высадку и здесь.

Мы свернули направо, к высокой внутренней башне. Ее окружала груда мелких строений, огражденных внутренней стеной и продолжением рва. Вице-капитану пришлось объяснить свое дело стоящей там страже, после чего ему разрешили провести меня через внутренний ров в центральный двор. После отбытия короля здесь оставалось немного народа. Мы миновали высокую узорчатую дверь, а затем поднялись по лестнице в большой зал с великолепным консольным потолком. Здесь меня передали чиновнику, который провел меня по узкому коридору в небольшую прихожую и велел подождать. Там стояли мягкие кресла, и я устало опустился в одно из них. Было тихо, лишь ровно тикали часы на буфете. Сквозь стрельчатое окошко проникали солнечные лучи.

Дверь открылась, и в ней показался Уорнер с моим письмом в руках. Он был взволнован.

– Мэтью, что случилось? – спросил мой коллега. – Надеюсь, у вас действительно срочное дело!

Я встал и поклонился:

– Срочное. Мне надо поговорить с вами, Роберт.

– Почему вы еще здесь? – спросил он резким тоном. – Ее величество рекомендовала вам вернуться в Лондон. Вам известно, что здесь находится сам король?

– Два часа назад я присутствовал при его въезде в Портсмут.

– Прошу вас ничего больше не рассказывать мне о событиях в Хойлендском приорстве. Королеву интересуют только обстоятельства смерти этой женщины.

– По обвинению в убийстве Абигайль Хоббей арестован местный йомен. По моему мнению, неповинный в ее смерти.

Адвокат Екатерины нетерпеливо взмахнул рукой:

– Королеве сейчас не до этого дела.

– И от меня требовали прекратить дело Кертиса. Не кто иной, как сам сэр Ричард Рич.

Сообщая об этом, я внимательно следил за реакцией Уорнера, однако он попросту удивился:

– Что общего может быть у Рича с Хойлендом?

– Не знаю. Однако в тот день, когда я был приглашен в Хэмптон-корт, чтобы посетить королеву, Рич оказался в дверях Клок-корта, когда я покидал ее. Вместе с сэром Томасом Сеймуром. Они воспользовались возможностью, чтобы подразнить меня, и тогда я решил, что обязан встречей неудачной случайности. Теперь я не настолько уверен в этом.

Роберт покачал головой:

– Я не способен что-либо усмотреть в этом факте.

Тогда я продолжил:

– Кажется, я упоминал, что воспользуюсь возможностью попутно заняться здесь расследованием другого дела.

– Упоминали. – Мой собеседник нахмурился. – Если оно связано с делом Хью Кертиса, вам следовало доложить об этом королеве.

– Мне только недавно удалось обнаружить возможную связь. Через некоего сэра Квинтина Приддиса.

– Мэтью, нельзя сейчас беспокоить королеву всем этим, – резким тоном возразил адвокат. – Король нуждается во всей ее поддержке. Вам было приказано уезжать…

– Я расследовал обстоятельства, при которых женщина по имени Эллен Феттиплейс девятнадцать лет назад была помещена в Бедлам, без соответствующего заключения о ее безумии, – торопливо стал объяснять я. – В историю эту был вовлечен сэр Квинтин Приддис. След привел меня в находящийся возле границы с Сассексом городок Рольфсвуд, в котором недавно было обнаружено тело ее отца при обстоятельствах, указывающих на убийство. Я разговаривал с человеком, собиравшимся жениться на ней. Сейчас он служит помощником казначея на корабле «Мэри-Роз». Его имя Филип Уэст.

Называя эти имена, я внимательно следил за лицом Уорнера, однако на

нем читались только раздражение и досада.

– Мастер Уэст рассказал мне необычайную историю, – продолжил я. – В молодые годы он пребывал при дворе. Он был в милости у короля, и ему поручили доставить письмо из Петуорта в замок Хивер, в том же самом, двадцать шестом году, когда пропал отец Эллен, а саму ее отправили в Бедлам. Письмо было украдено молодым человеком, с которым путешествовал Уэст, – молодым адвокатом, находившимся на службе у Екатерины Арагонской.

– Какое все это имеет отношение к… – попытался перебить меня Роберт.

Однако я безжалостно продолжал:

– Он полагает, что этот адвокат шпионил ради Екатерины Арагонской и доставил письмо ей. Оно могло послужить королеве ранним предупреждением о том, что король намеревается развестись с ней. Уэст сказал его величеству, что потерял письмо, умолчав о краже. Он назвал мне имя этого человека – Грегори Джексон, и сказал, что он умер, но я усомнился в том, что это правда.

Уорнер посмотрел на меня в упор:

– Что вы хотите этим сказать?

Я не ответил.

– Вам известно, что в молодые годы я служил адвокатом при дворе Екатерины Арагонской, – негромко проговорил мой коллега, – и вы решили, что это мог быть и я.

Сделав паузу, он глубоко вздохнул:

– Ну, что ж… – А затем повернулся и направился к двери, бросив на ходу: – Подождите здесь.

И, прежде чем я успел шевельнуться, адвокат закрыл за собой дверь. Я услышал только, как он велел страже приглядывать за ней.

Полчаса я ждал, обливаясь потом и думая: «Барак прав, я пал жертвой наваждения! Если бы он приехал сюда со мной, я подверг бы опасности нас обоих!» Когда дверь отворилась, я невольно подпрыгнул, ощущая, что сердце мое ушло в пятки. Уорнера сопровождали два стражника с алебардами.

– Пройдемте со мной, – сухо проговорил адвокат королевы.

Я вышел за дверь, и стражники заняли место за моей спиной.

Роберт повел меня вниз, ноги мои застучали по каменным плитам, и я с ужасом подумал: «Это же замок, здесь должны быть подземные темницы!» Однако мой коллега остановился на первом этаже, повел меня

по коридору, а потом открыл дверь, за которой, к моему удивлению, оказался небольшой, окруженный деревьями уединенный садик. Со шпалер свисали лозы, а в небольших клумбах у стен росли цветы. Здесь, в тени, восседала королева, на коленях которой устроился спаниель Риг, а за ее спиной стояли две камеристки. На ней было платье ее любимого алого цвета и капюшон, расшитый цветами, в лепестки которых были вшиты крохотные бриллианты. Ее величество посмотрела на меня, и я заметил на ее лице напряжение, а под глазами – темные круги. Напряжено было и ее тело, а выражение лица оставалось сердитым. Я низко поклонился.

– Мэтью! – В голосе Екатерины ощущалась обида. – Мастер Уорнер сообщил мне, что вы обвинили его в службе этому негодяю, Ричарду Ричу.

Я повернулся к Роберту, не отводившему от меня ровного взгляда:

– Я не выдвигал никаких обвинений, ваше величество. Но выразил некоторые опасения…

– Он мне все рассказал. Однако являться сюда и обвинять его в чем-то безумно. Тем более, в такие времена.

– Ваше величество, меня тревожило только благополучие вашего двора.

Королева закрыла глаза.

– Ах, Мэтью, Мэтью, – проговорила она, вновь внимательно посмотрев на меня. – Вы кому-нибудь еще рассказывали эту историю?

– Только Бараку.

– Ну, во всяком случае, здесь верно по меньшей мере то, что этот Уэст солгал вам. – Ее величество устало махнула рукой своему адвокату: – Расскажите ему, Роберт!

Уорнер заговорил холодным тоном:

– При дворе Екатерины Арагонской действительно состоял молодой адвокат по имени Грегори Джексон. Он работал на меня. Но он умер в двадцать пятом году – за год до того, как Уэст потерял то письмо. От потливой немощи, насколько я помню. Я был на его похоронах. Поэтому тот человек, о котором вам говорили Уэст и его мать, не мог быть Джексоном. Но он не был и мной. У королевы Екатерины Арагонской, конечно же, были свои шпионы, бесспорно, стремившиеся вынюхать все возможное о любовницах короля. Однако ими, по большей части, становились слуги королевского двора. И, клянусь, я никогда не был шпионом… и тогда, и теперь я был и остаюсь адвокатом. И я не состою ни в каком общении с Ричардом Ричем, не имею с ним никаких дел, помимо тех случаев, когда этого нельзя избежать. Поэтому я подумал, что лучше всего будет опровергнуть вашу инсинуацию перед лицом королевы.

– А я верю Роберту, – возвысила голос Екатерина. – Неужели вы, Мэтью, считаете меня дурой, не способной понять, кому можно довериться среди собственных слуг, а тем более, зная, что может произойти с королевой в этой стране?

Посмотрев на нее, я перевел взгляд на Уорнера и заметил гнев на обоих лицах. Понимая свою ошибку, я тихо произнес:

– Приношу самые смиренные извинения вам, ваше величество, и вам, мастер Уорнер.

Королева повернулась к своему адвокату:

– Интересно, а существовало ли само письмо?

– Я не знаю этого, ваше величество, – развел руками Роберт. – Я ничего не слышал об этом, однако я и не был в большом доверии у Екатерины Арагонской. Она или знала, или уже догадывалась о том, что я начинаю склоняться в сторону реформаторов.

– В любом случае Уэст солгал об этом Джексоне, – сказал я.

Уорнер сдержанно кивнул. Я посмотрел на королеву:

– Однако остается открытым вопрос участия Рича в деле Кертиса. Существует общее звено, связывающее дело Кертиса с Сассексом – феодарий сэр Квинтин Приддис, прежде служивший сассекским коронером. Он – старинный приятель Рича.

Королева задумалась:

– Гибель бедной мистрис Хоббей… вы говорили Роберту, что уже нашли обвиняемого?

– Местного йомена. Он сопротивлялся попыткам мастера Хоббея захватить деревню Хойленд.

– И вы считаете его невиновным?

– Да. Никаких обличающих его улик не существует.

– А есть ли свидетельства против кого-то еще?

Я помедлил, но все же ответил:

– Нет.

– Значит, он должен предстать перед судом. Там и будет открыта истина.

– Он сейчас находится в тюрьме. Я предложил представить дело жителей этой деревни в Ходатайственном суде.

– Вы не тратили времени даром, – едко заметил Уорнер.

– А этот мертвец, которого обнаружили в Рольфсвуде, отец вашей «подруги» из Бедлама… что будет там? – спросила Екатерина.

– Будет дознание, но я не знаю когда.

Королева вновь посмотрела на меня:

– Тогда у вас еще есть время выведать истину. Что же касается Хью Кертиса, то какие бы безобразия ни творились при использовании его земель, если он сам не имеет возражений против этого, мы ничего сделать не можем. Мэтью, я знаю, что, однажды взявшись за дело, вы доводите его до самого конца, но бывают случаи, когда нам приходится отказаться от своей привычки. Все эти вопросы должны подождать своего времени. А вас уже не должно быть здесь. Французы близко, нам грозит смертельная опасность.

Подняв руку, она ущипнула себя за переносицу.

– С вами все в порядке, ваше величество? – спросил я.

– Устала, только и всего. Прошлой ночью король никак не мог уснуть, и попросил меня поговорить с ним. Он теперь часто не может уснуть из-за боли в ноге.

– Вы даже не представляете, насколько тяжела теперь жизнь королевы, – недовольным тоном проговорил Уорнер. – Хотите знать, почему его величество оставил ее в этом замке? Так я скажу: потому что, если его, не приведи боже, убьют или возьмут в плен в ближайшие несколько дней, королева станет править как регент при принце Эдварде, как было, когда в прошлом году король находился во Франции, и ей придется иметь дело со всеми ними… С Гардинером, Норфолком, Сеймурами, Кранмером. И Ричем. – Он шагнул поближе к своей госпоже и покровительственным тоном продолжил: – Последние два года она ненавязчиво, как умеет только она, опекала вас, чтобы король не вспомнил о ваших прошлых похождениях и не разгневался. А теперь вы против ее желания задерживаетесь в Хэмпшире, развязно вваливаетесь сюда со смешными обвинениями в мой адрес…

Екатерина посмотрела на него уже с легкой улыбкой и опустила руку на его рукав:

– Не надо, Роберт. Уж в развязности Мэтью обвинить невозможно. Позвольте нам еще несколько мгновений поговорить, а затем уведите его из замка, чтобы он мог со всей поспешностью отправиться в Лондон.

Уорнер низко поклонился королеве, а затем чопорно удалился, даже не посмотрев в мою сторону. Ее величество кивнула камеристкам, и те отступили к двери сада, а она посмотрела на меня все с той же полуулыбкой на лице:

– Я понимаю ваши благие намерения, Мэтью. Но никогда не забывайте о том, что, как говорит Евангелие, благими намерениями выстлана дорога в ад.

– Простите меня, – попросил я еще раз. – Простите за то, что я

обвинил мастера Уорнера, но еще больше за то, что рассердил вас.

Екатерина пристально посмотрела на меня:

– А вам не кажется, что у меня была причина для этого? После того, как вы меня ослушались?

– Да. Да, я понимаю это.

Кивнув в знак одобрения, ее величество посмотрела на своего песика.

– Вы не забыли тот день в Хэмптон-корте? – поинтересовалась она уже более легким тоном. – С нами была леди Елизавета. Ей понравились ваши ответы на ее вопросы, она сама потом сказала мне об этом. Думаю, что вы обзавелись другом в ее лице. И скажу вам, что симпатизирует она людям очень выборочно.

– Я тоже вспоминал эту встречу последние несколько недель. Вы говорили, что она читала «Токсофила» Роджера Эшема. Эта книга числится в любимых и у Хью Кертиса. Он давал ее мне почитать. Признаюсь, я нашел автора несколько самодовольным.

– Я встречалась с мастером Эшемом. Он… уж он-то и в самом деле развязен! – Моя собеседница рассмеялась. – Однако человек он ученый. Леди Елизавета выразила желание переписываться с ним. Она – такое удивительное дитя! Мастер Гриндол отлично учит ее – он из тех, кто считает, что женщина может обучиться всему не хуже мужчины. Это хорошо. Я часто жалею о том, что не получила лучшего образования.

Королева снова улыбнулась, и в глазах ее блеснула искра веселья:

– Хотя мне хотелось бы, чтобы Елизавета не ругалась, как уличный мальчишка. Я все время говорю ей, что леди так себя не ведут.

Она окинула взглядом маленький садик. Пробивавшийся сквозь кроны деревьев свет чертил на земле рисунки, менявшиеся с каждым дуновением ветра. В ветвях посвистывали птицы.

– Какой мирный уголок, – проговорила Екатерина с легкой грустью. – А скажите мне, каков из себя Хью Кертис?

– Он как-то… закрыт извне. Но по-прежнему оплакивает сестру, – рассказал я.

Лицо ее величества снова затуманилось:

– Скоро в Англии будут оплакивать многих. Хотелось бы мне, чтобы король никогда… – Она осеклась, прикусила губу, а потом коснулась моей руки кончиками пальцев. – Простите мое недавнее раздражение, Мэтью. Я устала.

– Не пора ли мне оставить ваше величество?

– Да. Теперь я могу удалиться в свою палату и отдохнуть. Однако молю Бога о том, чтобы мы снова встретились в Лондоне, уже в

безопасности.

Поклонившись, я шагнул к двери, полный благодарности королеве за полученное прощение и, одновременно, стыда за свое обвинение против Уорнера. Возможно, я приобрел нового друга в лице маленькой леди Елизаветы, но другого друга точно потерял. И тут я нахмурился. Кое-что все еще беспокоило меня. То, что королева сказала о Елизавете. Прошелестев платьями, камеристки расступились, пропуская меня. За дверью меня ждал адвокат Екатерины, столь же враждебный ко мне и холодный.

– Роберт, – проговорил я, – еще раз приношу свои извинения…

– Идите же, вам пора уходить… – буркнул он недовольно.

Мы поднялись по той самой лестнице, по которой я недавно с таким страхом спускался.

– Мастер Уорнер, – заговорил я, когда мы поднялись наверх. – Я хотел бы задать вам еще один, последний вопрос, если вы не против.

– Ну? – грубо спросил мой коллега.

– Я хочу напомнить вам наш разговор в Хэмптон-корте. Вы сказали тогда, что наша королева, подобно Екатерине Арагонской, предельно лояльна по отношению к своим слугам.

– Не беспокойтесь, – пренебрежительно бросил Роберт, – ее величество не изменит своего отношения к вам.

– Я не об этом. Вы сказали тогда, что у Екатерины Арагонской были свои недостатки. Что вы хотели сказать этими словами?

– Все достаточно просто. Она была похожа на вас, сэр… из тех людей, которых не могут остановить ни здравый смысл, ни даже благопристойность. Когда король выразил желание развестись с ней, папа прислал ей послание. Как ее адвокат я знаю об этом. Папа, высший авторитет для Екатерины Арагонской как католички, предложил ей удалиться в монастырь ради разрешения проблем, начинавших раздирать Англию, что, по каноническому праву, позволило бы королю жениться второй раз без развода.

– Это был бы удобный вариант.

– Это был бы наилучший вариант. Она уже вышла из детородного возраста, и король в любом случае уже не спал с ней. Она могла бы сохранить свой статус и почести, доживать свое в полном довольстве. И ее любимая дочь Мария сохранила бы свое место в линии престолонаследия, ей бы не угрожали исключением, как это случилось впоследствии. Сколько крови оказалось бы не пролито, сколько бед не произошло бы! Но, по иронии судьбы, именно упрямство Екатерины Арагонской привело к

отделению Англии от Рима, чего она хотела в наименьшей степени.

– Конечно. Понимаю.

Уорнер напряженно улыбнулся:

– Однако она искренне верила в то, что Богу угодно, чтобы она оставалась женой короля… И, как это часто случается, желание, которое она приписывала Богу, в точности совпало с ее собственным. И в итоге мы имеем, что имеем: плоды ее упрямства. К счастью, наша правящая королева обладает сильным чувством реальности. Оно у нее сильнее, чем у многих мужчин, при том, что она всего только слабая женщина.

Мой коллега повернулся на месте и повел меня дальше. Но как только слова его полностью дошли до меня, в мозгу моем словно бы что-то щелкнуло. Я вдруг понял, что именно произошло в Хойленде и какой ведомый всем секрет старательно скрывали от меня. Услышав сошедший с моих уст звук, Уорнер повернулся и с удивлением посмотрел на меня, ибо начался этот звук как вздох, а закончился стоном.

Через час мы с Бараком ехали на север по лондонской дороге. Оказавшись в назначенной гостинице, я был непритворно растроган выражением облегчения, появившимся на его лице. Я сообщил своему помощнику, что Уорнер ни в чем не виновен и что я получил строгую отповедь от королевы.

– Что ж, – проговорил Джек, – я тебя предупреждал.

– Да. Не спорю.

По пути я молчал. Барак, должно быть, считал, что я нахожусь в угнетенном состоянии, однако на самом деле я был погружен в размышления, обдумывая последствия откровения, осенившего меня после разговора с королевой, и опасаясь того, что, возможно, опять фантазирую. Однако на сей раз все складывалось как надо. И проверить мою идею будет очень, очень легко.

Наконец я проговорил:

– Мне хотелось бы по пути завернуть в Хойленд. Ненадолго.

Какое-то мгновение мне казалось, что мой спутник вот-вот вывалится из седла.

– В Хойленд? Ты, должно быть, совсем обезумел?! – воскликнул он. – Неужели ты не представляешь, какой там нас ждет прием?!

– Я теперь знаю, что именно утаивали Хоббеи. Что привело бедного Майкла Кафхилла в подобное расстройство и почему бежал Фиверйир.

– Христе Боже, очередная теория!

– Которую легко проверить. Все займет какие-нибудь полчаса. А если я

ошибся, ничего не случится, и мы просто продолжим путь.

– И ты уже понял, кто убил Абигайль? – резким тоном спросил Джек.

– Пока еще не совсем. Но если я прав, убийцей стал кто-то из домашних, а не из деревни. – Я посмотрел на помощника умоляющими глазами. – Возможно, я ошибаюсь, однако, если я прав, невиновность Эттиса может оказаться доказанной. Всего полчаса! Но если захочешь, езжай дальше и заночуй в Питерсфилде.

Барак посмотрел на пыльную, тянущуюся между деревьями дорогу, потом перевел взгляд на меня и, к моему облегчению, тряхнул головой и рассмеялся:

– Сдаюсь! Едем вместе. В конце концов, на сей раз нам предстоит иметь дело всего лишь с Хоббеями.

Глава 41

Я понимал, что, если мы с Джеком подъедем по дороге к воротам Хойлендского приорства, Фальстоу может заметить нас и приказать убираться вон. Поэтому мы свернули на тропку, выходившую к задним воротам по краю охотничьего парка. Отодвигая от лиц нависшие ветки, мы осторожно продвигались вперед. Я вспомнил день охоты и повернувшегося к нам большого оленя. И тот день, когда мы с Бараком поехали по лесным угодьям Хью, и возле нас в ствол дерева вонзилась стрела.

Мы спешились возле ворот.

– Давай привяжем коней к дереву, – предложил я.

– Надо думать, ворота не заперты.

– Они хрупкие. При необходимости их нетрудно взломать.

– Взломать, чтобы войти? – поднял брови мой спутник. – Не твой почерк!

Однако ворота оказались не заперты, и мы беспрепятственно вступили на знакомый двор. Впереди лежала лужайка с редкими деревьями, а налево от нас располагалась псарня и прочие службы. Посмотрев на лачуги, в которых они с клерком Дирика жили, Джек неожиданно спросил:

– Надеюсь, с Фиверйиром ничего плохого не произошло?

– Нет, его отослали в Лондон, потому что он кое-что обнаружил, – ответил я.

– И что же он обнаружил? Скажи во имя Господне!

– Я хочу, чтобы ты сам это увидел.

Я посмотрел в сторону большого зала, в окнах которого отражалось солнце. Во дворе никого не было, и стояла полная тишина, такая, что мы вздрогнули, когда пара вяхирей с шумом перелетела с дерева на дерево. Было жарко, солнце стояло высоко над головой. Сержантская шапка терла мне лоб, и я смахнул с лица пот. Только теперь я заметил, что голоден: время ленча давно уже прошло. Я посмотрел на старое монастырское кладбище и импровизированное стрельбище и вспомнил слова старшего Хоббея, задумавшегося над тем, что вселение в старинный монастырь могло стать проклятием для него.

Из масляной кладовой вышел один из слуг, юноша из деревни. Он посмотрел на нас с полным изумлением, как если бы среди бела дня увидел призрак. Всем местным обитателям было известно, какое расстройство в семействе произвел я на дознании. Я подошел к слуге с улыбкой:

– Добрый день, приятель. Ты не знаешь, дома ли мастер Хоббей?

– Я… я не знаю, сэр, – пробормотал парень. – Сегодня он намеревался посетить деревню вместе с мастером Фальстоу и мастером Дириком.

– Дирик все еще здесь?

– Да, сэр. Я только не знаю, вышли ли они уже из дома. Вы вернулись?

– Ненадолго. Мне нужно кое о чем переговорить с мастером Хоббеем. Я пройду вокруг дома.

После этого мы отправились к входу, оставив молодого человека в явном недоумении.

– Интересно, что им надо в деревне? – проговорил Барак.

– Должно быть, собираются угрозами отнять часть леса у местных жителей.

Пройдя вдоль стены большого зала, мы обогнули его и вошли в дом. В саду Абигайль вяли неполитые цветы.

– Помнишь тот день, когда борзая убила песика Абигайли? – сказал я Джеку. – Помнишь, как она сказала, что я глуп, потому что не вижу того, что находится перед моими глазами? Если бы я тогда понял, что несчастная имеет в виду, она, возможно, не умерла бы. Но они же такие умные, все эти люди! Пошли, – продолжил я свирепым тоном, – пора кончать эту историю!

Мы подошли к переднему крыльцу. На ступеньках сидел Хью Кертис, натирая маслом лук. На нем была свободная серая рубаха, а лицо его скрывала широкополая шляпа. Увидев нас, он с негодованием вскочил на ноги.

– Добрый день, Хью, – проговорил я негромко.

– Чего вы хотите? – Голос юноши дрогнул. – Вас сюда не звали!

– Мне нужно поговорить с мастером Хоббеем. Не знаете ли вы, где он сейчас находится?

– По-моему, он ушел в деревню.

– Тогда мне придется войти и проверить.

– Фальстоу выставит вас вон.

Я встретил взгляд Кертиса, на сей раз позволив себе внимательно скользнуть взглядом по его длинному загорелому лицу и по оставленным оспой рябинам. Он отвернулся.

– Пошли, Джек, – позвал я помощника, и мы проследовали мимо Хью по ступеням.

В опустевшем большом зале царила тишина. Святые, изображенные на старом западном окне, по-прежнему возводили к небесам руки. Стены оставались голыми. «Интересно, куда подевались гобелены?» – подумал я.

Дверь в заднем торце зала отворилась, и в ней появился Дэвид в

черной, приличествующей трауру одежде. Подобно Хью, а до того слуге, он с изумлением уставился на нас, а затем шагнул вперед, и его массивное тело приняло агрессивное положение.

– Вы! – в гневе воскликнул он. – Что вы делаете здесь?!

– Мне нужно встретиться с вашим отцом, – объяснил я.

– Его здесь нет! – Дэвид еще больше возвысил голос. – Он отправился в деревню вместе с Фальстоу, разобраться с этими смердами.

– Тогда мы дождемся его возвращения.

– А в чем, собственно, дело?

– Дело важное. – Я посмотрел в круглые и сердитые глаза юноши. – Речь идет о том, что мне удалось обнаружить в отношении вашей семьи.

Полные губы младшего Хоббея затряслись, и вызывающее выражение на его лице сменилось страхом.

– Уходите отсюда! В отсутствие отца в доме хозяйничаю я. И я приказываю вам уйти! – закричал он. – Приказываю вам оставить этот дом!

Он тяжело дышал, едва не задыхался.

– Хорошо, Дэвид, – проговорил я невозмутимо. – Мы уйдем отсюда. Пока.

Повернувшись, я направился к двери. Последовав за мной, Барак несколько раз оглянулся через плечо на рассерженного Дэвида. Тот, наконец, повернулся и быстрым шагом направился внутрь дома. Хлопнула дверь…

Мы вышли на солнечный свет. В отдалении Хью, стоя, обстреливал мишень.

– По лицу Дэвида казалось, что его застигли за чем-то скверным, – заметил Барак.

– Застигли, и он понимает это. Парень не настолько глуп, как может показаться, – подтвердил я.

– Мне казалось, что его вновь сразит припадок.

– Бедняга, – сказал я сочувственным тоном. – Дэвида Хоббея можно только жалеть. Больше, чем всех прочих членов этой семейки.

– Ну, ладно, – отрезал Джек. – Хватит загадок! Рассказывай, что здесь происходит.

– Я же сказал, что хочу, чтобы ты сам увидел это. Пойдем со мной.

Мы вместе обогнули край дома и встали так, чтобы нам был ясно виден Хью. Он стоял, прочно расставив ноги. На поясе юноши находился колчан со стрелами, которые он одну за одной отправлял в мишень. Несколько стрел уже торчали из нее. Кертис пригнулся, наложил на тетиву новую стрелу, распрямляясь, откинулся назад и выстрелил. Стрела угодила

в самую середину мишени.

– Боже! – воскликнул Барак. – С каждым днем он стреляет все лучше и лучше!

Я громко, с горечью, расхохотался. Клерк с удивлением посмотрел на меня.

– Вот здесь и кроется то, чего никто из нас не заметил, – проговорил я, – кроме Фиверйира, который, осознав, немедленно помчался докладывать Дирику. А Дирик, по-моему, ничего не знал об этом, пока Хоббей не рассказал ему все после смерти Ламкина. Помню, в каком смятении Винсент пребывал после этого! Должно быть, он потребовал от Хоббея объяснить ему смысл этих слов Абигайль.

– О чем ты? – Барак был уже явно рассержен. – Я вижу перед собой одного только Хью Кертиса, стреляющего на лужайке. Картину эту мы видели каждый день в течение недели!

Я негромко произнес:

– Это не Хью Кертис.

Джека явно встревожило состояние моего рассудка. Он повысил голос:

– Так кто же это, скажи на милость?!

– Хью Кертис умер шесть лет назад. Это Эмма, его сестра.

– Что…

– Оба они болели оспой. Однако, по моему мнению, умер Хью, а не Эмма. Нам известно, что у Хоббея были материальные затруднения. Он мог избавиться от кредиторов, написав долговое обязательство заплатить им за какой-то период времени, пользуясь деньгами, вырученными с лесов детей Кертиса. Он взял над ними опеку, на мой взгляд, именно поэтому.

– Но это же мальчик…

– Позволь мне продолжать, – негромко, но настойчиво потребовал я. – Но тут умер Хью. Вспомни, как устроены права опекуна: юноше нужно достичь двадцати одного года, чтобы вступить в свои права и получить право распоряжаться своими землями, но девушка может наследовать уже в четырнадцать лет. Доля Хью естественным образом перешла к Эмме. Хоббей, вне сомнения, полагал, что сможет распоряжаться землями, по крайней мере, девять лет, но тут оказался перед перспективой потерять их уже через год. Ему не хватало времени на то, чтобы расплатиться с долгами. И поэтому они подменили Хью Эммой.

– Они не могли этого сделать…

– Они смогли. Им помогло то, что дети были близки по возрасту и похожи, хотя любого, знавшего их обоих, обмануть было невозможно. Поэтому они немедленно уволили Майкла Кафхилла и уехали из Лондона.

– Но Майкл говорил, что присутствовал на похоронах Эммы!

– В гробу находился Хью.

– Иисусе…

– Майкл никогда не позволял себе никаких скверных поступков в отношении Хью. А приехав сюда прошлой весной, узнал Эмму.

Мой клерк склонился вперед, внимательно разглядывая юную фигуру, только что выпустившую на лужайке очередную стрелу. Подобно предыдущей, эта стрела тоже угодила точной в цель.

– Ты ошибаешься, это не девушка, – заявил Джек. – И что, ради всего святого, сулила ей такая комбинация?

– Надо думать, возможность не выходить замуж за Дэвида. Конечно, Эмма могла узнать от Майкла, что, благодаря падучей болезни у этого парня, она могла обратиться в Сиротский суд с тем, что подобный брак нарушает ее права. Однако после увольнения учителя, при том, что судьба ее всецело находилась в руках Хоббеев, тринадцатилетней девочке было бы трудно сделать это самостоятельно. Ну, а новая личина давала ей некоторую власть над Хоббеями. Судьба их отныне оказывалась в ее руках. Наверное, Эмма согласилась на подмену, потому что это полностью исключало возможность брака. Так она, видимо, думала тогда, – добавил я с печалью. – Но после подмены все они оказались в ловушке.

Притенив рукой глаза, Барак снова посмотрел на Хью:

– Это не девушка. Ты не прав.

– Говори потише. И не стоит так думать. Девушка может научиться владеть луком, может стать такой же образованной, как мужчина. Наверное, поэтому мне все время приходит в голову моя встреча с леди Елизаветой. Она тоже неплохо стреляет. И если девушка научится ходить, как юноша, одеваться, как юноша, вести себя, как юноша, и стрелять, как лицо мужского пола, то для незнакомых с нею обман может продлиться годы и годы. Высокий рост также способствует обману.

– Но ее груди? И щетина на лице… Хью регулярно бреется!

– Груди можно замаскировать одеждой. И хотя нам постарались сообщить, что Хью постоянно бреют, я не видел на его лице никаких следов щетины. А ты?

– Но порезы на лице я замечал…

– Да, на его, точнее, ее, лице порезы бывали. Их нетрудно сделать.

– Но нет адамова яблока…

– У некоторых юношей оно выступает, как у Фиверйира, а у других едва заметно. И потом рябины не позволяют никому приглядеться к ее шее.

Барак посмотрел на стрелка из лука внимательнее:

– Но поддерживать обман в течение лет…

– Да. Обман и стал источником ужасного напряжения для всех них и вывел из душевного равновесия Абигайль и Дэвида. Конечно же, Хоббеи вовлекли в обман и Фальстоу – помощь его была существенно важной. Что и дало ему власть над семьей. Они должны были быстро понять, что попали в ловушку, из которой не было выхода. Потому что, начав ее, они уже не могли вернуться назад. В случае разоблачения они могли бы угодить в тюрьму.

– Но зачем Эмме теперь эта игра? Иисусе Христе, он – то есть она – хочет уйти в солдаты!

– Должно быть, потому, что теперь она едва ли представляет, кем или чем является на самом деле, – ответил я раздраженным тоном.

– Послушай! Все получается складно, но где взять доказательства…

Я печально вздохнул:

– Только что, на ступеньках, едва мы приехали, я впервые внимательно посмотрел в лицо Хью… на все его оспины. И заметил, что он вполне может оказаться девушкой.

Барак повернулся ко мне:

– Так это Хью – или Эмма – убила Абигайль?

Он произнес эти слова слишком громко. Стройная и гибкая фигура на стрельбище только что разогнулась, чтобы выпустить новую стрелу. Юноша – нет, все-таки девушка! – опустила лук и повернулась к нам лицом. На мгновение мы все застыли в полной неподвижности, словно на какой-то живой картине. Затем, в доли секунды, девушка, которую мы знали под именем Хью, наложила стрелу на тетиву и подняла лук, целясь мне в грудь. Я понимал, что мы с Джеком бессильны что-либо сделать: прежде чем мы пробежим несколько шагов, Эмма Кертис выпустит первую стрелу, а за ней и вторую и уложит нас на месте.

Я поднял руки, словно бы надеясь оградиться ими от стального наконечника, и крикнул:

– Не стреляй! Ты этим ничего не добьешься!

На таком расстоянии я не мог в подробностях разглядеть лицо Эммы: его затеняла шляпа, которая, как я теперь понял, как и жест, прикрывающий шрамы, принадлежала к числу тех уловок, которые эта девушка выработала за прошедшие годы, чтобы помешать людям рассмотреть ее. Заметив движение лука, я отступил назад с криком, но тут же увидел, что оружие подрагивает в ее руке, все еще оставаясь нацеленным на меня.

– Бежим! – крикнул мне Барак.

Я схватил его за руку:

– Не надо! Не делай резких движений! – А затем крикнул Эмме: – Я ваш друг! Разве вы еще не поняли этого? Я помогу вам!

Она оставалась на месте, лук в ее руке по-прежнему дрожал. Эта сцена продолжалась самое большее десять секунд, превратившихся в подобие века. А потом вдруг я увидел краем глаза плотную и темную фигуру, бежавшую к лучнице.

– Хью! – выкрикнул Дэвид, по-прежнему называя девушку этим именем. – Остановись! Это тебе не поможет! Они все знают, все кончено! Опусти лук!!!

Эмма повернулась, наставив лук на приближавшегося к ней младшего Хоббея. Стрела угодила юноше в бок, сила удара заставила его пошатнуться. Повалившись на лужайку, он коротко простонал и затих. Тут в дверях появился, вне сомнения, привлеченный криками, Фальстоу. Итак, Дэвид солгал, управляющий все время находился здесь. Он шагнул вперед, пошел по траве к упавшему молодому человеку, и за ним гусиной вереницей потянулись слуги. Эмма откинулась назад, наложила на тетиву новую стрелу и прицелилась в управляющего. Амброуз замер на месте. Одна из служанок закричала. Я подумал, что Эмма застрелит дворецкого, однако она, шаг за шагом, медленно отступала назад, держа его под прицелом. Лишь раз бросила она короткий взгляд на неподвижного теперь Дэвида, распростершегося на лужайке. За все это время лучница не произнесла ни слова.

Оказавшись за воротами, она повернулась и бросилась бежать. Фальстоу в компании слуг метнулся к лежащему Дэвиду. Кто-то вскрикнул:

– Убийство!

Глава 42

Дэвид, впрочем, был жив. От его лежавшего на траве тела донесся слабый, полный отчаяния стон. Отвернувшись от ворот, Фальстоу бросился к раненому, и мы с Бараком последовали за ним. Кровь обильно текла из раны в боку Хоббея-младшего, из которой самым непристойным образом торчала стрела.

– Помогите мне! – проскулил юноша.

– Тихо, парень, – сочувственным тоном проговорил Джек.

Управляющий закричал слугам, столпившимся на краю лужайки:

– Быстро! Кто-нибудь пусть съездит в Кошэм за цирюльником! Порвите несколько простыней на бинты!

– Мой заседланный конь стоит возле задних ворот. Возьмите его! – крикнул я.

Амброуз посмотрел на меня обезумевшими глазами:

– Что за чертовщина здесь произошла? И почему вы здесь?!

– Хью выстрелил в Дэвида. Я думаю, он убил бы нас, если бы Дэвид не вмешался.

– Что?!

– Отпустите меня! – донесся до нас от двери пронзительный, полный отчаяния крик. Там появился Хоббей, которого удерживал за руку Дирик. Оттолкнув адвоката, хозяин дома подбежал к Дэвиду и опустился возле него на колени. Он принялся нежно гладить темноволосую голову сына, по щекам его заструились слезы. Юноша с трудом поднял руку, и отец буквально вцепился в нее.

В мою ладонь тоже впилась ногтями чья-то рука, и, повернувшись, я увидел перед собой лицо разъяренного Винсента.

– Гвозди господни! – прошипел он. – Что вы еще натворили?!

– Выяснил истину, – ответил я невозмутимо. – Обнаружил, что Эмма Кертис играла роль своего скончавшегося брата. Так что дело закончено, Дирик.

– Но я не знал этого! – вырвалось у него. – Все эти годы они дурачили также и меня. Я не знал ничего до…

– До смерти Ламкина, когда вы потребовали у Хоббея объяснения слов Абигайль, сказавшей, что я не вижу того, что находится прямо передо мной. А потом обо всем догадался Фиверйир.

Гневная судорога пробежала по заострившемуся лицу моего коллеги:

– Этот дурак воспылал к Хью страстью, которая заставила его молить Господа о прощении. Потом он все понял и сказал, что внимательно следил за Хью и однажды догадался.

– Вам следовало бы в таком случае отказаться от защиты Хоббея. – Я с презрением посмотрел на него. – Однако вы не могли смириться с тем, что вас выставили дураком? Не смогли признать, что вас основательно надули?

– Ах ты, горбатый ханжа! – Дирик бросился на меня, размахивая жесткими костистыми кулаками и не обращая внимания на рыдающего рядом над своим сыном Николаса. Но в следующий миг он оказался распростертым на лужайке. Мой клерк наклонился над ним.

– Вот что, самовлюбленный говнюк, – проговорил он. – Твое дело швах. Так что заткни свой лживый рот, иначе получишь ту самую трепку, о которой все эти дни я мог только мечтать!

Винсент лежал на спине, побагровевший и задыхающийся. Я посмотрел на старшего Хоббея, все еще склонявшимся над Дэвидом: он даже не оглянулся.

– Бедный мой сын! – горько произнес он. – Бедный мой сын…

Цирюльник явился без особого промедления. С помощью Фальстоу он внес Дэвида внутрь, а Хоббей и слуги последовали за ними. С ними же ушел и Дирик. Мы с Бараком остались в большом зале. Я попросил одного из слуг сообщить Винсенту о том, что я хочу как можно скорее поговорить с ним. Мы сидели за столом, ожидая – молчаливые и потрясенные.

– Куда, по-твоему, может направиться Эмма? – спросил мой помощник.

– Я думаю – в Портсмут, чтобы попытаться поступить в армию, – предположил я. – На мой взгляд, помоги нам господи, она может решить закончить свои дни в ореоле воинской славы.

– Это она убила Абигайль?

Я покачал головой:

– Думаю, сегодня она впервые потеряла власть над собой. Нет, это был кто-то другой.

– И надо же мне было сказать так громко… – сокрушенно вздохнул Джек.

Звук шагов заставил нас оглянуться. Глаза приближавшегося к нам Фальстоу горели ненавистью.

– Мастер Хоббей хочет поговорить с вами, – сообщил он.

Я согласно кивнул:

– Пошли, Барак.

Мне нужен был свидетель при разговоре.

Следом за управляющим мы вошли в кабинет Николаса. Тот мешком осел в своем кресле, его узкое лицо посерело, и он невидящими глазами смотрел на песочные часы. Дирик сидел возле него в кресле. Амброуз выжидал у окна, и Винсент обратился ко мне:

– Мастер Хоббей хочет поговорить с вами, делая это вопреки моему совету…

– Ваш совет, – тихим голосом произнес хозяин дома. – И куда привел меня этот ваш совет с того самого дня, когда вы сказали мне, что опека над детьми окупит себя?

Он посмотрел на меня глубоко ввалившимися в череп глазами:

– Дэвид будет жить. Цирюльник вынул стрелу. Однако, по его мнению, она задела позвоночник. Дэвид не сможет владеть ногами как надо. Нам нужно послать за врачом. – Голос его на мгновение пресекся. – Мой бедный мальчик, на какую жестокую стезю поставил я тебя в этом мире! Непосильную для тебя…

Потом он снова поднял на меня глаза:

– Не вы моя немезида, мастер Шардлейк. А я сам. Я навлек на себя разрушение собственной семьи. – Он закрыл глаза. – Винсент сказал мне, что вы знаете о нашем поступке.

– Да, – ответил я осторожно. – Я только сегодня утром догадался об этом.

– Мы сказали всем, что на стрельбище произошла случайность… несчастье. Что Хью испугался содеянного и убежал. Думаю, люди поверят нам. – Хоббей-старший сделал паузу. – Если только вы не расскажете им ничего другого.

– Кстати, это Дэвид стрелял в нас с Бараком в тот день, не правда ли? – спросил я вместо ответа. – И я думаю, что это он следил за мной в ночь моего приезда.

– Думаю, что это так, – уже спокойным тоном ответил мой собеседник.

– А кто убил его мать?

Хоббей склонил голову. Дирик поднял руку:

– Николас…

Хозяин дома посмотрел на нас обоих:

– Я опасался этого с самого начала. Дэвид… Дэвид начал видеть во всех вокруг себя врагов. За исключением меня и Эммы, которых он… которых он любил. Он не раз говорил мне, что перестреляет тех, кто попытается разоблачить нас. – Тон его стал совсем безрадостным. – Думаю, что тогда, в лесу, он пытался убить вас, но промахнулся. Он никогда не был

таким хорошим стрелком, как Эмма.

– Иисусе! – охнул Барак.

– Вот почему я поддался на уговоры Фальстоу и Винсента выставить виновным Эттиса. Разум Дэвида… – Николас покачал головой. – Но теперь все закончено.

Поглядев на склянку песочных часов, он скорбно, с надломом улыбнулся:

– Вот и песок весь вытек, как я уже давным-давно опасался.

– Вы заставили Эмму подменить своего брата, потому что закон позволяет девушке вступать в наследство много раньше, чем юноше? – уточнил я у него.

– Шесть лет назад, покупая этот дом, я был преуспевающим купцом, вставшим на ноги человеком. – Хоббей с особой горечью произнес последние слова. – Но тут французы с испанцами запретили английскую торговлю. Я вложил в дело слишком много денег и сделал это очень не вовремя, мне грозило разорение. Когда умерли родители Хью и Эммы, я увидел возможность попользоваться лесами этих детей. По восьмидесяти фунтов в год в течение каждых восьми лет – этого мне было достаточно, чтобы выполнить свои обязательства перед кредиторами. Добиться опеки над Хью и Эммой было единственным выходом из ситуации. Друзья посоветовали мне обратиться к Винсенту.

Я повернулся к Дирику:

– Итак, вы с самого начала планировали ограбление детей.

– Так поступают многие, – нетерпеливо проговорил адвокат. – И таким образом нам удалось избавить семейство мастера Хоббея от нищеты. Кроме того, дети, у которых не было никаких родных, получили дом.

– А Дэвид – потенциальную жену. Вне зависимости от желания Эммы.

– Мы надеялись на то, что Эмма со временем полюбит Дэвида, – вздохнул Хоббей-старший. – Абигайль говорила, что воспитает из нее надежную и умную жену, в которой он нуждался. Она была права.

– А как насчет ее нужд и потребностей?! – спросил я с внезапным гневом. – В чем нуждалась эта сиротка?

– Послушайте, – проговорил Дирик. – Забудем о столь любимых вами нравоучениях! Вопрос состоит в том, что будет теперь!

– Да, что будет с Эммой? И Дэвидом? – пробормотал Николас.

– Во-первых, я хочу знать все, – ответил я. – Все целиком. Что произошло, кто в чем участвовал… Итак, Дирик добыл вам опеку над детьми, и вы попытались уговорить Эмму выйти замуж за Дэвида. Надо думать, Хью и Майкл Кафхилл не советовали ей соглашаться.

– Да, не советовали, – подтвердил хозяин дома.

– И тут все пошло наперекосяк, правильно? Хью умер. Земли его отошли к Эмме. Которая, не выходя замуж за Дэвида, унаследовала бы свои земли в четырнадцать, а не в двадцать один год.

– Мы были в панике, нас ожидало банкротство, – объяснил Хоббей. – После смерти Хью мы просили и умоляли Эмму выйти замуж за Дэвида, но она наотрез отказалась. Сказала, что обратится в Сиротский суд и выставит Дэвида неспособным к браку из-за его падучей. Конечно, мы понимали, что в одиночку она не сумеет этого сделать. – Он склонил голову. – И тогда… тогда моей жене пришла мысль подменить Хью Эммой.

– И Эмма согласилась?

– Согласилась, причем слишком быстро. Меня до сих пор удивляет, почему она настолько невзлюбила моего сына, но это действительно так. На самом деле нам с Абигайль пришлось уговаривать не ее, а Дэвида, чтобы тот согласился с нашими планами.

– И тогда вы избавились от Майкла Кафхилла и перебрались сюда. Где никто не видел раньше обоих детей.

– Да. И только тут мы поняли, что сами себя загнали в ловушку. Всех четверых: меня, Дэвида, Абигайль и Эмму. Если бы правда вышла наружу, нас ждали бы крупные неприятности. Кроме нас, об этом знал только Фальстоу. – Николас посмотрел на управителя. – Он всегда так хорошо все организовывал, заранее предвидел трудности… А Эмма ушла в себя, погрузилась в книги и стрельбу из лука.

– Которой она уже занималась с Майклом.

– Да, и с прочими учителями. Мы не позволяли им задерживаться у нас. Поначалу их нетрудно было обмануть, но Эмма взрослела, и это становилось сложнее. Мы… мы стали опасаться ее. Она никогда не позволяла нам понять, что происходит у нее в голове. Эмма настолько хорошо изображала своего брата, что я подчас на какое-то время начинал думать о ней, как о Хью, что несколько успокаивало мою совесть. А вот Абигайль никогда не позволяла себе такого – если я в ее присутствии называл девушку Хью, она всегда начинала кричать и браниться. Тем не менее разоблачение предельно страшило мою жену. И когда вы здесь появились, оставалось всего три года до того момента, когда Эмма в качестве своего брата могла обратиться в суд и затребовать назад свои земли. Не представляю, что могло бы тогда случиться …

И я тоже, подумалось мне. Эмма воистину сделалась непредсказуемой…

Хоббей же продолжил:

– С течением лет обман сделался тяжким бременем для всех нас. Но в особенности для Абигайль. Ей приходилось учить Эмму справляться с ежемесячным женским проклятием, а также кроить и шить подушечки, скрывающие грудь. Но все это только заставляло девушку ненавидеть ее… и постепенно все мы начали винить Абигайль, поскольку идея подмены принадлежала ей. В особенности, Дэвид. Это было несправедливо, ведь мы пошли на это лишь для того, чтобы расплатиться с моими долгами. Но даже я сам начал винить ее… мою бедную жену.

– И тут объявился Майкл Кафхилл.

Николас вздрогнул:

– Он сразу же понял, что перед ним Эмма, а не Хью. Ему хватило одних только родинок на ее лице. Он стал угрожать нам разоблачением, но наша подопечная воспротивилась этому. – Он повернулся к Дирику: – И тут вы обнаружили кое-что в повадках Майкла, когда он стал уговаривать Эмму не выходить за Дэвида.

– Вы сами заподозрили это! – резким тоном ответил адвокат. – Вы просили меня найти какую-нибудь зацепку.

Хоббей опустил взгляд:

– Один человек в Лондоне сообщил мне, что Майкл вступал в неподобающие отношения с другим студентом Кембриджа. А Винсент обнаружил, что были и другие такие случаи.

– Итак, когда он явился к вам в этом году, вы пригрозили ему разоблачением? – продолжил я расспросы.

– Да. Я дал указание Винсенту посетить его. Да простит меня Господь!

– За содомию вешают, – отрезал Дирик. – Я сообщил Кафхиллу, что разоблачу его в глазах всего мира, если он посмеет подать жалобу в Сиротский суд. Откуда мне было знать, что он наложит на себя руки?

– Итак, это все-таки было самоубийство, – проговорил я.

– А чем еще могла оказаться его смерть?! – взорвался мой коллега.

– Значит, вы угрожали ему. – Я с отвращением посмотрел на Дирика. – Вы довели до могилы молодого человека, который всего только и хотел – помочь обоим детям.

– Я не думал, что он окажется настолько слабым, – вызывающе произнес Винсент.

– Дерьмо ты собачье! – не выдержал Барак.

Я вновь обратился к Дирику:

– В Лондоне на меня было совершено нападение, имевшее целью заставить меня отказаться от дела. Тоже ваша работа?

Винсент и Николас переглянулись, а затем уставились на меня. Дирик

помотал головой:

– К нам это отношения не имеет.

Я нахмурился в задумчивости:

– Итак, Майкл все-таки набрался храбрости и отправил прошение в Сиротский суд. Но потом он устрашился того, что вы сможете сказать, и покончил с собой. Наверное, он боролся с собственной совестью. И, должно быть, надеялся, что его делом займется его мать, что она изложит все королеве, которая была к нему милостивой.

– Совесть, – с бесконечной печалью проговорил Хоббей. – Некогда она у меня была. Честолюбие погубило ее. Так это все происходит: в сердце своем ты понимаешь, что натворил, но стараешься приглушить ее голос. Приходится. Ты начинаешь исполнять свою роль. Но смерть Майкла преследовала меня. – Слезы потекли по его серым, худым щекам. – Бедная Абигайль! О, если бы только мы сумели вовремя понять, куда заведет нас этот обман… погубивший разум моего несчастного сына!

Он зарыдал, уткнувшись лицом в ладони. Дирик неуютно пошевелился. Фальстоу бросил на своего хозяина пренебрежительный взгляд.

Спустя минуту Николас утер слезы и обратил ко мне усталый взор:

– Что вы теперь, сэр, сделаете с Дэвидом? Объявите ли о том, что он убил свою мать?

– А разве это не следует сделать? – без капли жалости заявил Джек.

– Разум моего сына расстроен, – полным отчаяния тоном проговорил Хоббей. – По моей собственной вине. – Он с внезапной живостью посмотрел на меня. – Если бы я только мог, то продал бы Хойленд, оставил деревню в покое и отправился бы куда-нибудь, где можно посвятить остаток жизни уходу за сыном… где можно попробовать исцелить его. Хотя, как мне кажется, сейчас он не стал бы жалеть о расставании с жизнью.

– Николас, – проговорил его адвокат, – Хойленд был всей вашей жизнью…

– Она кончена, Винсент. – Николас посмотрел на своего слугу. – И вы, Фальстоу, тот, кому мы доверились… Вы воспользовались нашим доверием, чтобы получить власть над нами. Вы пользовались нами, не испытывая ни к кому из нас никаких чувств. Я давно это знаю. Вы свободны, уходите. Немедленно.

Амброуз посмотрел на него, не веря своим ушам:

– Вы не можете прогнать меня. Послушайте, если бы не я…

– Почему же, – перебил его хозяин с ноткой прежней властности в

голосе. – Убирайтесь, живо!

Дворецкий повернулся к Дирику. Однако его сообщник по плану уничтожения деревни лишь коротко кивнул головой в сторону двери и произнес:

– Никогда и никому не рассказывайте об Эмме. Вы столь же замешаны во всей этой истории, как и ваш господин.

– После всего того, что я сделал для вас… – Вновь посмотрев на Хоббея и Дирика, управляющий вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Я обратился к своему коллеге:

– Эттиса надо освободить. Вы с Фальстоу готовы были уморить его ради исполнения собственных замыслов.

– Не говорите глупостей! – огрызнулся тот. – Вину его доказать невозможно. Однако пока он в тюрьме, деревенские будут сговорчивее.

– Мастер Шардлейк, – подал голос Николас. – Я не хочу, чтобы против Эммы выдвигались какие-либо обвинения. Если бы только удалось вернуть ее…

– Боюсь, что она отправилась в Портсмут, чтобы поступить в армию, – предположил я. – Она может там искать роту моего друга Джорджа Ликона. Там видели, какая он отличная лучница.

– А не могли бы вы… нельзя ли отыскать ее?

Я в раздумье откинулся назад. Дэвид и Эмма. Судьбы обоих теперь находились в моих руках.

– Она едва не убила нас. Пусть поступки обоих будут разоблачены, – заявил Барак.

Я посмотрел на Хоббея:

– У меня есть еще два вопроса. Во-первых, насколько я понимаю, сэр Квинтин Приддис знал, что Хью на самом деле является Эммой?

– Николас, – попытался помешать хозяину сказать Дирик, – не отвечайте! Приддис может еще потребоваться нам…

Но тот не обратил на совет внимания:

– Да. Он знал.

– С самого начала? – уточнил я.

– Нет, но он однажды побывал у меня в доме, чтобы обговорить свою долю, когда я начал рубить лес на землях Эммы. Сэр Квинтин очень наблюдателен, и, посмотрев на нее, он раскрыл наш обман. Только он, если не считать вас с Фиверйиром, смог обо всем догадаться. Он согласился молчать – уже за более крупную долю.

– А его сын знает?

– Едва ли. Сэр Квинтин любит власть даже сейчас, а секреты – это

сила. Чужие секреты, конечно… Твои собственные – это проклятие.

Глубоко вздохнув, я задал следующий вопрос:

– А как насчет сэра Ричарда Рича? Каким образом он вовлечен во всю эту историю?

Лицо Николаса выразило неподдельное удивление:

– Рича? Советника короля? Я никогда не был знаком с ним! И впервые увидел его, когда он в ратуше подошел к вам.

– Вы не ошибаетесь, мастер Хоббей?

Мой собеседник развел руками:

– Есть ли мне смысл теперь умалчивать о чем-то?

Винсент тоже посмотрел на меня с удивлением. И я понял, что ни тот, ни другой не понимают, о чем я говорю. Но тогда почему Рич был настолько взволнован во время нашей встречи в Портсмуте? Зачем понадобилось ему, как я во все большей степени подозревал, натравить на меня эту компанию уличных мальчишек и убить клерка Миллинга? Тщательно подумав, я понял, что опять пришел к ошибочному выводу.

Но теперь мне надлежало решить, что делать. Я посмотрел на полное отчаяния лицо Хоббея и сердитое лицо Барака, а потом на Дирика, начинавшего, наконец, проявлять признаки беспокойства и страха. Если станет известно, что он помогал скрыть личность Эммы, это повлечет для него серьезные профессиональные последствия. Я никогда не доверял этому человеку, однако в данный момент он находился в моей власти.

– Вот что я готов сделать, – объявил я. – Если Эттис будет освобожден, я умолчу о том, что Дэвид убил собственную мать.

Барак так и сел от неожиданности:

– Этого нельзя делать! Он же убийца! А если он натворит что-то еще?! И ты способен поверить в то, что они не имеют никакого отношения к Ричу…

– Не имеют. И не имели. Мне кажется, что теперь я все понимаю. Но скажи мне, Джек, неужели ты думаешь, что Дэвид находился в здравом уме, когда убивал Абигайль? Неужели ты считаешь, что, если мы поставим его перед судом и будет доказана его невменяемость или же его повесят, это станет для кого-то благом? Кто выгадает от этого?

– Он может застрелить кого-то еще.

– Этого он сделать не сможет, – возразил хозяин дома. – Возможно, он не сумеет теперь даже нормально ходить. И, как я уже говорил вам, начиная с этого дня, я буду денно и нощно следить за ним…

Я поднял руку:

– Предлагаю вам три условия, мастер Хоббей.

– Какие угодно…

– Во-первых, вы – неважно каким образом – устраиваете освобождение Эттиса. Если же ему все равно придется предстать перед судом, что ж, пусть так, присутствуя на нем, я обеспечу правый суд и позабочусь, чтобы его оправдали. И еще я хочу, чтобы ему заранее сказали, что он может не опасаться исхода.

Николас посмотрел на своего адвоката:

– Мы можем устроить это, Винсент, я в этом не сомневаюсь. Сэр Люк…

– Какими будут другие ваши условия? – спросил Дирик вместо ответа.

– Второе условие, мастер Хоббей, состоит в том, чтобы вы, в соответствии с вашим собственным намерением, продали Хойленд – подтвердив право жителей деревни на лес – и увезли Дэвида туда, где сможете содержать его под наблюдением, – сказал я.

– Да, – ответил Николас сразу же. – Да.

Посмотрев на меня, Барак покачал головой. И хотя я сомневался в том, что Дэвид может в будущем представить опасность для кого бы то ни было, мне было понятно, что я рискую. Впрочем, у меня не было оснований сомневаться в том, что Хоббей-старший поступит согласно своему обещанию.

– Мое последнее условие касается Эммы. Я отправлюсь в Портсмут, и если окажется, что она попыталась поступить в армию, извлеку ее из роты, – закончил я.

– Нет… – вздрогнул Барак.

– Ему может потребоваться признать в ней девицу, – заметил Винсент. – Николас, если он сделает это, мы оба окончательно погибнем. Если ее подвезли на попутной повозке, она может сейчас уже находиться там.

– Если она поступила в роту моего приятеля или в какую-нибудь другую, я не обязан сообщать им всю ее историю. Достаточно будет сказать, что патриотически настроенная девица переоделась мальчиком, – решил я.

– Согласен, согласен на все, – проговорил Николас.

– Однако я не привезу Эмму сюда. Я заберу ее в Лондон. А вы, мастер Хоббей, продадите мне опеку над Хью, как это делается обычным порядком. Хотя, конечно, оплата будет произведена только на бумаге, я ничего не заплачу вам. Мастер Дирик устроит это, – покосился я на своего коллегу.

Даже теперь, посреди смерти и разрушения, тот не удержался от выпада:

– Вы рассчитываете на выгоду для себя лично…

– Я продам земли Кертиса за хорошие деньги и сохраню их до тех пор, пока Эмма в облике Хью не достигнет совершеннолетия. Это означает продолжение обмана, во всяком случае, в отношении Сиротского суда. Однако среди тамошних сотен обманов наша ложь, несмотря на всю ее драматичность, просто затеряется. И вам, Дирик, опять-таки, придется посодействовать мне.

– Но Эмма только что попыталась убить Дэвида и едва не застрелила нас! – изо всех сил старался разубедить меня Джек.

– Она не убила нас, хотя могла без труда это сделать. И я сомневаюсь в том, что она хотела убить Дэвида. Она могла бы пронзить его сердце так же легко, как наши с тобой, но этого не случилось. По-моему, она отчаянно сожалеет о своем поступке. Я сумел понять его – то есть ее – натуру во время нашего пребывания в доме.

– Его… ее… Гвозди господни! – возопил мой помощник. – Ты намереваешься взять ее к себе домой? И во что ты ее оденешь – в платье или кафтан?

– Я помогу ей отыскать в Лондоне подходящее жилье. А каким она захочет видеть свое будущее, зависит только от нее самой. Таким образом, я получаю единственную возможность исполнить свое обещание, данное королеве и мистрис Кафхилл, сын которой погиб, потому что хотел помочь ей. Мы ведь и Майклу кое-чем обязаны.

Дирик посмотрел на Хоббея:

– Я смогу выторговать вам лучшие условия.

– Не будьте дураком, Винсент, – решительным тоном проговорил хозяин, протягивая мне руку. – Еще раз, согласен на все. На все. Благодарю вас, мастер Шардлейк, благодарю вас.

Я не смог заставить себя пожать его руку. Посмотрев ему в глаза, я произнес:

– Я делаю это не ради вас, мастер Хоббей. А ради Эммы и Дэвида… чтобы у них могло быть какое-то будущее после всей этой разрухи.

Мы с Бараком оставили дом через час. Время уже перевалило за полдень, и высокое солнце сильно припекало. Возле ворот приорства мы остановили коней.

– Ты полностью обезумел, – сказал мне мой клерк.

– Быть может, но безумен я или нет, тебе пора ехать домой. На сей раз

никаких слов. Хорошенько подгоняя коня, ты сможешь к вечеру добраться до Питерсфилда. Я постараюсь найти Эмму, а затем последую за тобой. Если к ночи я не догоню тебя, утром езжай дальше, встретимся на дороге.

– Но как ты можешь доверять Хоббею и Дирику?

– Хоббей сломлен, ты видел это. У него остался лишь Дэвид. А Дирик прекрасно понимает, что для него лучше.

– Настолько хорошо, что считает своих клиентов всегда правыми. Он столь же безнравственный человек, как и Хоббей.

– На мой взгляд, он верил в правоту Хоббея, по крайней мере, до тех пор, пока не узнал о подмене. В это может поверить не всякий адвокат. Однако да, после этого открытия он думал только о том, чтобы спасти собственное положение. А что касается его поведения в отношении деревенских…

Джек бросил взгляд через плечо на неухоженные цветочные клумбы:

– Бедная Абигайль! Она не увидела бы никакой справедливости в подобном исходе, и ты понимаешь это.

– Я думаю, что в сердце своем она хотела бы, чтобы Дэвиду и Эмме ничего не угрожало. Мне кажется, что ее снедало чувство вины.

– А как насчет Рича? Миллинга? Парней с угла? Ты и здесь веришь Хоббею и его адвокатишке?

– Мне кажется, что я уже понял, что там произошло… и ни Хоббей, ни Дирик тут ни при чем. Я займусь этим делом в Лондоне. И пока я ничего больше тебе не скажу – если я не ошибаюсь, подобное знание может оказаться опасным. Но я все расскажу королеве. На сей раз может оказаться, что Ричард Рич зашел слишком далеко.

– Ты уверен в том, что этого нельзя говорить мне?

– Совершенно уверен. Тамасин не позволила бы мне это сделать.

– Ладно… Но что с Эммой? Если эта девушка выбрала путь солдата, значит, она хотела этого. Почему бы не предоставить ее собственной судьбе?

– Все эти годы она жила под таким бременем, что просто не имеет права принимать подобные решения, – ответил я твердым тоном.

Мой спутник покачал головой:

– И ты решил спасти ее, вне зависимости от того, хочет она этого или нет. Невзирая на последствия. Как в случае Эллен.

– Да.

– А если ее нет в Портсмуте?

– Тогда я ничего больше не смогу сделать и вернусь домой в одиночестве. А теперь, будь здоров, Джек. – Я протянул помощнику руку. –

До вечера или до завтра.

– Ты сумасшедший, – сказал он. – Полностью лишенный ума. Ради бога, постарайся остаться целым!

Повернув своего коня, клерк пришпорил его и быстро поскакал в сторону Лондона. Когда силуэт Барака исчез за поворотом дороги, я похлопал Нечета по боку:

– А теперь, поехали в Портсмут!

На дороге царила странная тишина. Я даже подумал, что сегодня воскресенье. Однако нет – оно будет завтра. Из глубоких долин время от времени поднимались дымки, и я удивился: неужели углежоги в такое время перебрались на юг? Иногда я слышал и крики.

Конь мой начал медленный подъем на склон Портсдаунского холма. Тут наверху воздух вдруг наполнился гарью, и я заметил горящий маяк, возле которого суетились люди. Сердце мое заторопилось, и я поспешил подняться на самую вершину холма. Отсюда были видны столбы дыма, поднимавшиеся над сигнальными огнями по всей длине гребня. Я посмотрел вниз, через остров Портси на море, и тут челюсть моя отвисла, и я вцепился в повод Нечета.

Большинство кораблей еще стояли на якоре в Соленте, хотя некоторые из судов поменьше, казавшиеся с высоты точками, находились в гавани. Перед линией боевых кораблей маячила дюжина пятнышек покрупнее, быстро менявших направление движения. До слуха моего донеслись громовые раскаты, которые могли оказаться только звуками стрельбы. Итак, подумал я, эти быстрые корабли могут быть только галеями, такими же громадными, как «Галея Искусная». А затем вдалеке, у восточной оконечности острова Уайт, я заметил огромное темное пятно. Французы. Вторжение началось.

Часть шестая
Битва

Глава 43

Несколько минут я молча рассматривал эту необычайную панораму. Английские корабли, стоявшие на якоре с взятыми на рифы парусами, казались ужасающе уязвимыми. Я попробовал догадаться о причине, заставляющей огромный французский флот оставаться на месте, и решил, что корабли сдерживает ветер. Чуть в стороне от меня, возле полыхавшего сигнального огня, наблюдала за сражением группа селянок. Они молчали, лица их были полны тревоги, и нетрудно было догадаться, что внизу находятся их мужья и дети.

Инстинкт говорил мне, что я опоздал, что следует повернуть и убираться восвояси. Однако Эмма опережала меня, в лучшем случае, всего часа на три. И если она уже находится в Портсмуте, то, безусловно, не успела еще вступить в бой. Я попробовал представить ее себе… наблюдательную, тщательно обдумывающую всякое слово. Учитывая нехватку людей в ротах, она, бесспорно, могла оказаться в одной из них, тем более теперь, когда французы, наконец, пришли. Я вспомнил слова Хоббея о том, что Абигайль помогала их подопечной прятать свои груди, и о том, как Хью с явным неудовольствием потирал свою грудь. Сколько же неудобств претерпела эта девушка за последние шесть лет?

Ситуация у моста, ведущего на остров Портси, полностью переменилась. Теперь люди стремились покинуть остров, а не попасть на него. От моря шел сплошной человеческий поток: женщины с младенцами, дети постарше, опирающиеся на палки старики – все бежали от возможной осады. В большинстве своем это были бедняки, несшие на спинах тюки с пожитками или катившие их в хлипких тележках. Я вспомнил рассказ Ликона о том, как французы попрошайничали и умирали с голода на обочинах родных дорог. «Неужели и нас ждет такая же судьба?!» – подумал я.

Я дал беженцам дорогу. Они начали неторопливо подниматься по склону Портсдаунского холма. Неподалеку чета стариков затеяла спор о том, не бросить ли собственную тележку, груженную разобранной низкой кроватью, небогатой одеждой, посудой из пьютера[44] и парой стульев. Напиравшие на эту пару сзади недовольными голосами требовали, чтобы они освободили дорогу. Затем прогремела барабанная дробь: вниз с холма направлялась рота ополченцев, вооруженных самым разнообразным оружием. Беженцы торопливо расступились. Солдаты быстрым шагом

прошли мимо меня, побрякивая и позвякивая полупанцирями. Окруженные облаком пыли, они спустились к мосту, где им отсалютовала стража.

Когда солдаты прошли, я подъехал к ближайшему стражу и спросил его о последних новостях. Тот с раздражением глянул в мою сторону:

– Французы пришли, вот и все новости!

Он был из набранных в армию простых людей и в нормальной ситуации не посмел бы столь неучтиво разговаривать с человеком моего положения. Однако мне уже не раз приходилось наблюдать, как война снимает сословные перегородки.

– Могу ли я попасть в город? – спросил я.

– Все стремятся покинуть его, – хмыкнул страж.

– Мне нужен один человек, друг… Надо найти его и вернуться.

– Что ж, мастер адвокат, если ты сумеешь уговорить городскую стражу впустить тебя, желаю удачи. – Одарив меня взглядом, полным снисходительного уважения, мой собеседник дал мне знак продолжать путь.

На острове Портси все так же стояли солдатские палатки, но теперь все они пустовали и около откинутых пологов дежурили редкие часовые. Там и сям на траве валялись всякие мелочи – миска, ложка, шапка… Солдаты ушли из лагеря в спешке.

Оказавшись возле городских стен, которые по-прежнему укрепляли рабочие, я пропустил другую группу направлявшихся к мосту беженцев, среди которых оказалась стайка проституток – их размалеванные лица были покрыты по́том и пылью. Затем мне пришлось снова отступить на обочину, чтобы пропустить еще одну роту солдат: на сей раз, в город шли разговаривавшие по-немецки наемники в ярких разрезных дублетах. Отсюда был виден флот: корабли, как и раньше, стояли на якоре, не исключая «Грейт-Гарри» и «Мэри-Роз». Я увидел «Галею Искусную» – среди галеасов, между военными кораблями и огромными французскими галеями в полумиле от них. Хотелось бы знать, находился ли Ликон со своей ротой на борту «Грейт-Гарри». Облачко черного дыма взвилось над носом французской галеи, и спустя мгновение оттуда с запозданием прилетел грохот. Английские галеасы тут же ответили огнем.

Я добрался до палаток, поставленных возле городских стен. Как я и опасался, они тоже оказались пустыми. Посмотрев вверх, на стены, я увидал на них только солдатские спины: все, кто был наверху закрывавшей теперь от меня море стены, следили за происходящим на воде. Я направил Нечета к палаткам, надеясь найти возле них часового, способного наделить

меня какой-либо информацией, но никого не обнаружил. Странно было ехать мимо солдатских шатров, не слыша шума, крика и лязга. Шатры роты Ликона, как и все прочие, были пусты. Я уже собирался повернуть назад, когда меня окликнул слабый голос:

– Адвокат Шардлейк! Подойдите сюда!

Отправившись на голос, я оказался возле палатки, из которой несло выгребной ямой. Нерешительно отбросив полог, я заметил в царившем внутри полумраке миски и разбросанную одежду. В углу лежал человек, наполовину укрытый одеялом. Это был Угрюм, грубиян и задира, еще вчера вечером столь полный бравады. Его некрасивое костистое лицо показалось мне белым, как снег.

– Это вы… – протянул он. – А я уж думал, что у меня начались видения!

– Угрюм? Что с тобой случилось? – изумился я.

– Вчера вечером мы с приятелями распили бочонок скверного пива. И когда сегодня утром мы отправились в Портсмут, нас четверых отослали назад из-за поноса.

Он чуть улыбнулся, и я понял, что этот человек вполне доволен ситуацией.

– А где все остальные? – спросил я.

– На «Грейт-Гарри». Послушайте, а вы не могли бы дать мне напиться? Пиво вон там – в палатке с зеленым флагом.

Я отыскал означенную палатку, в которой обнаружились несколько бочонков с пивом и кружки. Наполнив одну из них, я отнес ее Угрюму. Тот с жадностью выпил, после чего посмотрел на меня бодрым и расчетливым взглядом:

– Вы явились сюда за парнишкой?

– Каким парнишкой? – немедленно переспросил я. – Ты говоришь про Хью Кертиса?

– Того малого, который был с вами в ваш первый приезд сюда, отменного стрелка.

– Ты видел его? Будь добр, расскажи!

– Сегодня утром нас собирались посадить на корабли, однако король находился на «Грейт-Гарри», и нас не намеревались принимать на борт до тех пор, пока он не перейдет на «Мэри-Роз». Мы ждали на причале, и тут прибежал этот ваш парень. Разгоряченный, пыльный и с луком в руках. Он подбежал к капитану Ликону и попросил разрешить ему присоединиться к роте. Это при том, что четверо нас дристали водой возле стены, а в роте и так не хватало людей. Поэтому капитан взял его, а нас, больных, отправил в

лагерь.

– Мне нужно найти этого юношу.

– Вам придется изрядно потрудиться. Вскоре после этого произошло великое смятение, и королевская барка заторопилась на берег. Тут и французский флот показался возле острова Уайт. – Больной с трудом приподнялся на локтях. – А вам известно, что случилось потом? Французы высадились?

Тут я понял причину столь необычной для него вежливости. Угрюм нуждался не в питье: он опасался того, что высадившиеся французы прирежут его в палатке, словно цыпленка.

– Нет. Сейчас идет стычка на море. Послушай, значит, они должны были доставить мальчика на борт «Грейт-Гарри»?

– Стало быть, так.

– Но я должен попытаться найти его. Я должен попасть в город!

– Вас не пустят, они и так все утро выставляли оттуда гражданских. Вам придется обратиться к армейскому квартирмейстеру… в королевские шатры.

– Король тоже там?

– Говорят, что он отправился наблюдать за боем в замок Саутси. Я видел его, когда он высаживался на берег… Боже, чтобы поставить его на ступеньки, понадобилось восемь человек! Послушайте, а вы можете забрать меня отсюда? С острова?

– Нет, Угрюм, не могу. Я же сказал тебе, что мне надо в Портсмут.

Солдат нахмурился, а потом ехидно подмигнул мне:

– Значит, любите вы того мальчишку, так?

Я только вздохнул:

– Могу я помочь тебе чем-нибудь еще?

– Ну, нет! Вы и так навлекли на нас уйму неудач.

Мой единственный шанс заключался теперь в квартирмейстере. Его надо было найти как можно скорее. Как я уже говорил Хоббею, Эмму следовало представить как юную женщину, в патриотическом порыве решившую изобразить мужчину… Мне доводилось слышать подобные рассказы в таверне. Но я опасался того, что она уже оказалась на борту «Грейт-Гарри».

Я проехал мимо городских стен туда, где королевские шатры выстроились за мелководным прудом и Великой топью. Шатров было десятка три, каждый величиной с небольшой дом. Тяжелую и яркую ткань их я помнил еще по Йорку. Самый большой и броский, украшенный

причудливыми узорами на золотой и серебряной ткани и, к тому же, находившийся под усиленной охраной, бесспорно, принадлежал королю. Между шатрами носились деловитые чиновники и солдаты. На всех шатрах вяло висели флаги Англии и династии Тюдоров. Я подумал о том, что скоро стемнеет, а корабли не сражаются в темноте. Самое время снимать Эмму с «Грейт-Гарри».

На морской стороне пруда, на песке между кустов толпились сотни пехотинцев. Роты соединили в батальоны по нескольку сотен человек, перед которыми на лошадях разъезжали капитаны. Поблизости расположился отряд сотни в три пикинеров в полной готовности: пики их на пятнадцать футов поднимались в воздух. Если французы попытаются высадиться на берег, им надлежало отразить нападение. Где-то неподалеку медленно и ритмично бил барабан. Вдоль всего берега выжидали наготове другие группы пикинеров и алебардщиков. Перед каждой из них располагалась лишь горстка лучников, которые, по большей части, размещались на кораблях.

Возле моря берег чуть поднимался, не позволяя мне видеть воду. На гребне были размещены пушки, а солдаты около них врывали в землю заостренные деревянные шесты. К гребню подтаскивали новые орудия. Впереди лежала тяжелая туша нового замка Саутси – крепкий тяжелый квадрат с углами бастионов. Замок ощетинился пушками, как и небольшой форт, располагавшийся чуть дальше по берегу. Наверху башни замка я заметил группу ярких фигур, центральная из которых показалась мне крупней остальных. Король наблюдал за происходящим на море.

С оглушительным грохотом выстрелили пушки замка Саутси: надо думать, по французским галеям, произведя целое облако дыма. Солдаты наверху гребня разразились одобрительными криками, по всей видимости, заметив точное попадание. Я вспомнил слова Ликона, утверждавшего, что самая большая из пушек стреляет на целую милю.

Затем я отвернулся, обнаружив, что мои ноги затряслись. Я вновь постарался воспротивиться всесильному желанию бежать отсюда. Представив себе, как Барак скачет и скачет на север, я поблагодарил Бога за то, что, наконец, отослал его домой, после чего изобразил на лице самое мужественное выражение и неторопливо продолжил путь к королевскому лагерю. Солнце уже начинало опускаться к горизонту.

Когда до ближайшего шатра оставалась какая-то сотня ярдов, оказавшийся передо мной солдат преградил мне путь алебардой. Я остановился.

– Что тебе здесь нужно, сэр? – грубым тоном спросил стражник.

– Мне нужно поговорить с кем-нибудь из службы квартирмейстера армии. Я по срочному делу. Мое имя – Мэтью Шардлейк, сержант Линкольнс-инн.

– Ждите здесь, – велел мне солдат.

Те же слова, что и в Портчестере… неужели я говорил с королевой всего несколько часов назад? Я остался ждать, а страж тем временем исчез среди палаток. Я посмотрел на замок Саутси: группа фигур в ярких одеждах все еще смотрела на море. От воды донеслись дальние отголоски пушечной пальбы – должно быть, это французские галеи стреляли по нашим судам. Я поежился, представив себе, какую огромную цель представит собой «Грейт-Гарри». Как и «Мэри-Роз», на которой находится Филип Уэст.

Из-за ближайших шатров появились два капитана в полупанцирях. Они прошли мимо меня, взволнованно и быстро переговариваясь:

– Но почему Д’Аннбо выдвинул вперед так мало галей? Большая часть их по-прежнему находится около острова Уайт…

Вернулся солдат, с которым я разговаривал. Рядом с ним шел второй, который, торопливо подойдя ко мне, заговорил, на сей раз почтительным тоном:

– Пройдите со мной, сэр. Мой напарник позаботится о вашем коне.

Этот солдат поставил рядом с Нечетом скамейку, чтобы я мог спешиться. На меня волной накатило облегчение: я уже опасался, что этот занятый человек не найдет времени на встречу.

Оказавшись на земле, я проговорил:

– Спасибо. Я отниму у него самую малость времени.

Солдат кивнул и повел меня к шатрам. Пологи некоторых были запахнуты, но там, где они оставались открытыми, я видел офицеров и чиновников, сидевших за поставленными на козлы столами и занятых оживленным разговором. Меня подвели к большому коническому шатру в самом центре лагеря, крытому молочного цвета тканью с синим узором поверху. Движением руки мой проводник пригласил меня войти.

Внутри, за разложенным походным столом сидел человек, склонивший голову над бумагами. Рядом на столе находились подсвечник и колокольчик. Хозяин шатра был богато одет – в дублет, крытый зеленым шелком.

Я снял свою шапочку:

– Благодарю вас за согласие принять меня, мастер квартирмейстер, я настоятельно прошу…

Но тут человек поднял голову, и я лишился дара речи.

Ричард Рич улыбнулся.

– Вот и хорошо, – проговорил он полным удовлетворения тоном. – Рад видеть вас в своем рабочем кабинете. Итак, вы явились сюда за мальчишкой. Или, точнее сказать, за девчонкой. Я ждал вас.

Я посмотрел ему в глаза:

– Где Эмма?

Он улыбнулся, вновь блеснув острыми мелкими зубами:

– Пока она в полной безопасности. И находится в роте капитана Ликона, ныне пребывающей в попечении мастера Филипа Уэста. На «Мэри-Роз». А теперь, мастер Шардлейк, мне кажется, что нам с вами нужно обстоятельно поговорить.

Глава 44

Перед складным столом были расставлены табуреты, и Рич жестом приказал мне сесть. А потом он наклонился вперед, соединил вместе свои небольшие ухоженные ладони и оперся на них подбородком. Прошелестели его манжеты, и на лице сэра Ричарда воцарилась детская насмешка, хотя его серые глаза смотрели на меня холодно и жестко.

– Я слышал, что французские галеи отступили, – начал он разговор непринужденным тоном. – Мой слуга только что сообщил мне об этом. Я думаю, что сегодня мы видели только проверку сил перед генеральной баталией. – Голос его звучал вполне благосклонно. – Но завтра будет другое дело.

– Я слышал, что наша артиллерия способна не пустить их в Портсмутскую гавань, – сказал я.

– Да. Но если они намереваются закупорить в ней наш флот – что, вероятно, они пытались сделать сегодня – или потопить его, то они могут воспользоваться галеями для высадки на остров Портси. Вы видели, как сюда доставляют пушки, как вкапывают жерди для защиты стрелков. – Помолчав, квартирмейстер внимательно посмотрел на меня. – Что же, нас может ожидать генеральное сражение. Быть может, здесь, на берегу моря. – И он кивнул в сторону полога шатра.

Я не стал отвечать… пусть поговорит, подумал я, посмотрим, что он скажет. Понимает ли он то, что я уже догадался о многом? Наверное, да, иначе не принял бы меня в своем шатре. Кожа под глазом Рича дернулась, и я понял, в каком напряжении он находится.

– Теперь к делу, – внезапно проговорил он. – Эта девица, так? Явилась сюда и записалась в солдаты. Странный поступок.

– Так вы знаете, что Хью Кертис на самом деле Эмма?

– Да. Впрочем, лишь со вчерашнего дня, когда об этом рассказал мне мой старый знакомый сэр Квинтин Приддис, перед тем, как мы с вами встретились возле ратуши. Он сообщил мне об этом, так как побоялся, что вы уже обо всем догадались. Старик сам замешан в этом обмане.

– Я знаю это.

– Когда вы узнали?

– Сегодня. Эмма Кертис бежала в Портсмут как раз в результате моего разоблачения. Она давно хотела в армию. Теперь ей нечего терять.

Ричард склонил вперед голову, напомнив мне позой хищную птицу:

– Только сегодня, мастер Шардлейк? А я предполагал, что вы давно уже разнюхали этот удивительный факт. Я переоценил вас. – Он ненадолго задумался. – Насколько я понимаю, девица Кертис попала в число тех людей, которых вы стремитесь облагодетельствовать добрыми делами, так? Подобно Элизабет Вентворт во дни нашей первой встречи или старому мастеру Ренну из Йорка?

– Но если вы знали, что Хью Кертис на самом деле девушка, то почему разрешили ей попасть на борт «Мэри-Роз»?

Мой собеседник улыбнулся:

– Представилась мне такая возможность, брат Шардлейк. Всю свою жизнь я искал возможности. Вот поэтому я и состою в Тайном совете. Отвечая за поставки, я проверяю ежедневные отчеты о наличии солдат в строю: сколько солдат дезертировало или заболело, сколько поступило добровольцев. Два часа назад мне доставили вот это. – Он пробежал пальцем по стопке документов, извлек из нее один лист и передал его мне. В глаза мне бросилось имя: «Хью Кертис, 18 лет, Хойленд. Рота сэра Франклина Гиффарда».

– Можете себе представить, – проговорил Рич, – насколько я изумился, увидев это имя. А зная от Приддиса, что вы числите его – или, точнее, ее – среди своих протеже, я подумал, что вы можете последовать за нею. В противном случае, я просто не знал, что с вами делать. После того, как вы проигнорировали мое переданное вам через подмастерьев предупреждение. – Голос его наполнился злобой. – Если бы с вами произошло что-нибудь нехорошее, ваш друг Барак оказался бы в курсе дела и, вне сомнения, известил бы вашу покровительницу-королеву. А за Екатериной Парр приходится внимательно следить, она не дура. – Глаз его снова дернулся. – Но теперь, как мне кажется, мы можем прийти к соглашению. Вот почему, зная о подлинной природе Эммы Кертис, я позволил ей поступить в армию.

– Вы используете ее для торговли со мной.

Сэр Рич снова наклонился вперед:

– Увидев этот список, я прямиком направился в Портсмут. Появились французы, король сошел на берег с «Грейт-Гарри», кругом были солдаты, ожидавшие отправки на корабли. Некоторые из старших офицеров также сошли на берег, проследить, чтобы каждый корабль получил все то, что ему причиталось, в том числе и Филип Уэст.

Квартирмейстер перевел взгляд на меня.

– Да, – согласился я. – Уэст.

– Стрелки вашего друга, капитана Ликона, должны были отправиться

на борт «Грейт-Гарри», но я переговорил с Уэстом и устроил, чтобы их направили на «Мэри-Роз». Там он может присматривать за Эммой Кертис. А потом я вернулся сюда, чтобы убедиться в том, что вы последуете за ней. Для меня она ничего не значит и никогда не значила. Эти уличные мальчишки, которых я натравил на вас, не сумели донести до вас суть дела. За что и были наказаны. – Ричард опять обратил ко мне ледяные глаза. – Вы должны были бросить другое дело, не связанное с Хью Кертисом. О вашем интересе к которому сообщил мне мой агент, мастер Миллинг из Суда по делам опеки.

– Дело Эллен Феттиплейс, – со вздохом проговорил я. – Оно связывает вас с Уэстом. Это вы были с ним в Рольфсвуде девятнадцать лет назад.

Рич вновь откинулся на спинку кресла. Лицо его сделалось бесстрастным:

– Итак, вы знаете об этом.

– Осознав, что вы никак не связаны с делом Кертиса, я невольно пришел к этому выводу.

– Кто еще знает об этом? – резким тоном спросил мой собеседник.

– Барак, – солгал я. – А я отослал его в Лондон.

Ричард задумался. Тут его окликнул голос снаружи:

– Сэр?

Досада исказила лицо Рича.

– Войди, Колин, – разрешил он недовольным тоном.

Полог откинулся, и в шатре с подсвечником в руках появился рослый, наделенный крупными чертами лица молодой человек, на одежде которого выделялись две литеры «РР». Сэр Ричард указал ему в сторону канделябра, и слуга зажег свечи, озарившие шатер желтым светом.

– Какие новости? – спросил его квартирмейстер.

– Французы отступили, – сообщил Колин.

– Солдаты сегодня останутся на кораблях?

– Да, сэр. Они должны быть готовы к отражению натиска французов с первым же светом. Сэр, пришло известие о том, что через час в шатре короля собирается Тайный совет.

– Гибель господня! – рявкнул Рич. – Что же ты не сказал мне об этом сразу, как только вошел?!

Парень покраснел:

– Я…

– Известия от Тайного совета следует передавать мне в первую очередь… сколько уже раз я говорил тебе об этом? Убирайся! – отрезал квартирмейстер. – Но далеко не уходи, чтобы ты услышал звон

колокольчика.

– Да, сэр. – Слуга поклонился и вышел.

Сэр Рич покачал головой:

– Пиль – сущий болван, однако иногда бывает полезно иметь рядом с собой людей, ничего не смыслящих, но боящихся тебя.

Он вновь заставил себя улыбнуться с тем же полным пренебрежения высокомерием, однако на сей раз улыбка далась ему не без труда.

– А теперь, брат Шардлейк, выслушайте мое предложение, – обратился он ко мне. – Я дам вам письмо к Филипу Уэсту, которое позволит вам попасть на борт «Мэри-Роз». Там вы говорите вашему другу Ликону, что его новый рекрут – не мальчик, а девочка, и забираете ее с собой. Мой слуга обеспечит вас лодкой, которая доставит вас на корабль и обратно. Взамен вы обещаете мне никому не рассказывать о том, что произошло в Рольфсвуде девятнадцать лет назад. Кстати, это Филип все эти годы оплачивал пребывание Эллен Феттиплейс в Бедламе.

– Я это понял.

– Если угодно, вы можете принять ответственность за оплату на себя, я не против.

– И вы оставили ее в покое на столько лет? Если бы она только заикнулась о насилии…

– Она не знала моего имени. А Уэст всегда угрожал рассказать всю историю, если с ней что-либо случится. – Глаз Ричарда снова дернулся, и он сердито моргнул. – Итак, брат Шардлейк, что скажете? Завтра, в крайнем случае, послезавтра состоится баталия.

– Прежде чем ответить, мне хотелось бы услышать всю повесть, – ответил я ровным тоном. Мне нужно было время, чтобы обдумать предложение.

– А это нам действительно нужно? – нетерпеливо спросил квартирмейстер.

– Нужно, – ответил я. – Мать Уэста рассказала мне о письме короля Анне Болейн, которое он вез в тот день.

– Он говорил мне об этом. Тупая старая кобыла!

– Я хочу знать, что произошло тогда в плавильне, – заявил я. Следовало установить, имеет ли Эллен какое-то отношение к смерти своего отца и Гратвика.

Глаза Рича сузились.

– Тогда вам было лет тридцать, – добавил я. – Вы были много старше Уэста. Но, судя по его словам, с ним ехал какой-то младший чиновник.

– Я и был тогда младшим. Невзирая на все старания, вопреки всем

попыткам заручиться покровительством Томаса Мора, я сумел добиться лишь должности одного из подчиненных управляющего королевским двором. – Он улыбнулся странной улыбкой. – Вы верите в удачу, мастер Шардлейк? В судьбу?

– Нет.

– А я игрок по природе. В миру – как за партией в карты. Ты ждешь, пока к тебе придет удача, а затем, добившись ее, прибегаешь к своему мастерству, чтобы увеличить успех. История с тем письмом послужила началом полосы удач, которая в итоге привела меня в Тайный совет.

– А как вы узнали о его содержании?

– Я не знал ничего. – Рич рассмеялся. – Иначе я бы не посмел прикоснуться к нему. Я думал, что речь идет о том, как старая королева Екатерина пытается разузнать, насколько долго продлится связь короля с Анной Болейн. Забавная была старуха, видели бы вы ее! Повсюду бродившая со своим молитвенником, жирная и расплывшаяся после всех неудачных родов. Я усердно старался познакомиться с кем-нибудь при дворе и сумел подружиться с пожилой камеристкой королевы, одной из тех чудесных старых сплетниц, которым известно все про всех. Я представился ей, как верный слуга королевы, которому горько видеть ее терпящей позор от Болейн и так далее. – Он улыбнулся собственной смекалке. – Она рассказала обо мне королеве Екатерине и от нее получила для меня предложение приглядывать за Уэстом. Королеве было известно, что он иногда возит письма Анне Болейн. Затем она предложила, чтобы я перехватил это письмо. Должно быть, шпионы королевы при дворе короля донесли ей об особой важности этого послания. И поэтому я навязался провожать Филипа Уэста до Рольфсвуда.

– А как вы раздобыли письмо?..

– Вам достаточно знать, что я овладел им.

– Нет, сэр Ричард, если мы заключаем сделку, я должен знать все. Не забудьте: Барак уже скачет в Лондон.

Рич поджал узкие губы:

– Вы знакомы с Филипом Уэстом. Это человек, подвластный страстям, а в юные дни он был покорен им еще больше. И, подобно многим людям, считающим себя вполне достойными, он интересовался только собственной репутацией. Его достоинство, его тщеславие. То, что думает о нем его мама. – Сэр Ричард пренебрежительно наморщил свой острый нос. – В тот день я доехал вместе с ним до Рольфсвуда и остался ожидать в гостинице на дороге, пока он съездит посвататься к Эллен Феттиплейс.

– Я полагал, что между вами произошла драка и что в тот день он не

намеревался делать ей предложение, а хотел просто переговорить с ее отцом.

– Нет-нет. Эту ложь он заготовил для своих родителей. – Рич приподнял бровь. – Уэст пылал страстью к этой девице. Пусть ее и нельзя было назвать красавицей. – Он помедлил. – Вижу, вам небезразличны мои слова. Быть может, вы также симпатизируете Эллен.

– Нет, не симпатизирую.

Квартирмейстер пожал плечами:

– Так вот, Филип не сомневался в том, что она не откажет ему, так как его положение в обществе будет для нее большим соблазном. Однако, вернувшись, он сказал мне, что получил отказ: она не любит его. Он был в ярости от унижения. Разглагольствовал, как театральный демон. Слушая, как он распинается, я подталкивал его к выпивке, надеясь на то, что он предоставит мне шанс овладеть письмом, однако он то и дело запускал руку за пазуху, где оно находилось. Уэст не позволял себе забыть о нем. Только какой-нибудь драматический поворот мог бы отвлечь его внимание. В итоге он решил вернуться в Петуорт. Но едва мы выехали на дорогу, мне выпала вторая удачная карта. В лице самой Эллен Феттиплейс.

В шатре было тепло, но мне вдруг стало зябко. Залетевший внутрь сквозь какую-то щель мотылек принялся порхать вокруг свечей. Я вспомнил, как Дирик в Хойленде прихлопнул другого мотылька. Рич же не обратил на эту бабочку никакого внимания.

– Что представляет для вас эта женщина? – спросил он. – Вы уверены в том, что ничего большего, чем очередное отбившееся от стада и заблудившееся создание?

– Нет, – с сожалением ответил я. – Ничего большего.

Ричард жестко посмотрел на меня, и глаз его опять дернулся:

– Она много лет представляла для меня предмет беспокойства. Вы и в самом деле хотите, чтобы я продолжал?

– Да, сэр Ричард. Раз мы заключаем сделку, я хочу знать все, что случилось с Эллен… А также с ее отцом и его работником.

– Вы понимаете, что я могу отрицать сам факт нашего разговора? Свидетелей нет.

– Конечно.

Нахмурившись, он продолжил отрывистым тоном:

– Девица заметила, что мы едем навстречу ей, и остановилась. Должно быть, ее испугало лицо Уэста. И тогда я сказал ему: возьми ее, вокруг никого нет. Филип ответил с божбой, что охотно сделает это. Он был слишком пьян, чтобы думать о последствиях. Мне пришлось помочь ему

отстегнуть меч – как джентльмены, мы были при оружии – а затем помочь ему слезть с коня. Я думал, что девица убежит, однако она стояла как вкопанная и с открытым ртом дожидалась, пока мы подбежим и схватим ее. Уэст полез к себе в штаны. Я помог ему разложить девчонку, а когда он оказался на ней, забрал письмо. Он этого не заметил, потому что уже был в ней, а она отбивалась и царапалась. Я был удивлен уже тем, что Филип сумел проделать это, так как он был очень пьян. Я взял письмо и бежал. К несчастью, мне пришлось оставить коня.

– Но что, если бы она заговорила?

– Я собирался сказать, что она была не в себе и что я пытался остановить Уэста и побежал за помощью. Но потом понял, что не могу этого сделать. – Рич задумался и не сразу продолжил: – Кроме того, я был готов рискнуть, чтобы заслужить покровительство королевы.

Я нахмурился:

– Однако вас возвысил Томас Кромвель, враг Екатерины Арагонской.

– О, Кромвель заметил, что я могу оказаться полезным!

– Прошу, продолжайте, сэр Ричард, – кивнул я. Собеседник одарил меня долгим и холодным взглядом, и я поежился при мысли о том, что он готов был проделать со мной, если бы я не находился под покровительством королевы.

– Расставшись с Уэстом, я намеревался добраться до ближайшего городка и нанять лошадь. Однако я заблудился в этом лесу, и вскоре стало настолько темно, что я даже не видел, куда иду. Тут я услышал голос Филипа, ломившегося через подлесок, ругавшегося и выкрикивавшего мое имя. Он обнаружил пропажу письма. При этом, будучи местным уроженцем, он хорошо знал окрестные леса. Я сумел отстать от него, после чего увидел впереди свет и пошел туда. Я надеялся выйти к гостинице или к чьему-то дому, где я мог бы найти укрытие. – На лицо Рича набежала тень, и я понял, что в ту ночь ему было страшно остаться в лесу одному.

– Это была плавильня, – проговорил я.

– Да, плавильня Феттиплейса. Какой-то старик сидел там на охапке соломы и пил. Я сказал ему, что заблудился, и он показал мне дорогу на Рольфсвуд. Еще он пригласил меня остаться: думаю, старик был потрясен тем, что ему как снег на голову свалился джентльмен. Я решил подождать, надеясь на то, что Уэст сдастся или спьяну свалится с ног, – что и случилось, как я потом узнал. Сидя там, я прочитал письмо: проклятая печать сломалась, когда я вытаскивал его у Уэста. Я был ошеломлен, ибо в нем король говорил о своем намерении жениться на Анне: он надеялся на то, что папа примет его сторону в случае отказа Екатерины. Я не мог даже

предположить такого, я-то думал, что в нем будут какие-нибудь глупые нежности для королевской любовницы.

– Итак, вы передали письмо Екатерине Арагонской, предупредив ее о намерениях короля.

– Да. Смерть господня, король должен был воистину разгневаться, когда услышал от Уэста о том, что тот потерял его послание! Удивительно уже то, что Филип не расстался с головой. И когда в следующем году король заявил Екатерине, что, по его мнению, их брак стал противоречить библейскому закону, так как у них нет сыновей, она уже знала о его планах. У нее был не один месяц для укрепления в собственном гневе.

– Но если бы король узнал о вашем поступке…

– Королева Екатерина не рассказывала ему о том, что перехватила письмо. Она всегда защищала собственных слуг, считая, что только так можно ожидать от них верности. В ту ночь начался мой подъем вверх по лестнице… которому помог переход на сторону противоположной партии, когда я понял, что победа окажется за Анной Болейн.

– Итак, то, что вы помогли Уэсту проделать над Эллен, поставило вас на восходящий путь.

– Если угодно. Однако все было не так просто. В тот вечер, когда я сидел в старой плавильне, дверь ее настежь распахнулась. Я испугался, ожидая увидеть Филипа, но в ней появилась эта девушка, растрепанная и озиравшаяся одичавшими глазами. Увидев меня, она закричала: «Насильник!», указывая в мою сторону. Тут этот самый старик, Гратвик, оставил выпивку и бросился на меня с палкой в руке. К счастью, меч остался при мне. Я ударил его, но не убил, однако он упал спиной в зажженный им костер, и буквально через мгновение вся одежда на нем вспыхнула. Он заметался с воплями по плавильне… – Умолкнув, Рич посмотрел на меня. – Вы видите: с моей стороны это была самозащита, а не убийство. Признаюсь, я и сам был потрясен, но когда я повернулся в сторону девушки, ее уже не было. Я выбежал в темноту, но она пропала. Мне пришлось задуматься о том, что делать дальше. Я вернулся в плавильню, однако в ней уже начинался пожар, а изнутри еще доносились вопли Гратвика. Поэтому я пошел по тропе вдоль пруда, разыскивая девицу.

– И что бы вы сделали, если бы нашли ее?

Квартирмейстер пожал плечами:

– Я ее не нашел. Но столкнулся нос к носу с пожилым человеком.

– Мастером Феттиплейсом.

– Да. Он крикнул: «Кто вы?» Должно быть, он вышел искать свою дочь и хотел проверить, не забрела ли она в плавильню… впрочем, не

знаю. Он вцепился в меня, и я проткнул его мечом. – Рич говорил бесстрастным тоном, как будто зачитывал какой-то документ. – Понятно было, что от трупа следовало избавиться как можно быстрее, пока на пожар не сбежались люди. Затащить его в плавильню я не мог, она уже вовсю полыхала. Однако ночь была лунной, и я увидел у пруда лодку. На ней я вывез убитого на середину пруда и утопил, привязав к нему найденную неподалеку чугунную чушку. А потом я шел всю ночь, до самого рассвета, а утром нанял коня в гостинице и вернулся в Петуорт.

«Ты был испуган, – подумал я, – ты пытался в панике укрыться в ночи после всего, что натворил».

Ричард же продолжал:

– На следующий день Уэст отыскал меня. Я отрицал какую-либо причастность к пожару и сказал, что сразу же верхом отправился в Петуорт, и хотя он подозревал меня в обмане, доказательств у него не было. Что же касается письма и изнасилования, то я сказал ему, что нам лучше обо всем помалкивать. Однако этот дурак вернулся в Рольфсвуд и попытался встретиться с Эллен. Это было опасно и стоило мне нескольких бессонных ночей. Однако девушка, к счастью, потеряла рассудок, и через какое-то время Уэст и его семейство договорились с Приддисом, чтобы ее поместили в Бедлам. Как вы понимаете, Приддису хорошо заплатили, чтобы он не задавал вопросов.

– Ну а потом вы заключили новую сделку с Филипом Уэстом.

– Да. Я умею торговаться.

– Он настоял на том, чтобы Эллен оставили в живых.

Сэр Рич нахмурился:

– Он сказал, что если с ней случится что-то плохое, он расскажет всю историю. Уэст был полон раскаяния, он решил уйти на флот. Он наполовину безумен – думаю, частью своего рассудка он хотел бы умереть. Хотя и сохранив свою честь. – Ричард усмехнулся. – Вот почему, когда я встретил его сегодня, он согласился взять эту самую Кертис на корабль, чтобы мне было на что выторговать ваше молчание.

– Мое молчание о том, что произошло в Рольфсвуде, в обмен на полученную с корабля Эмму Кертис. Понятно. А как насчет Эллен?

Квартирмейстер развел в стороны свои небольшие ладони:

– Я оставлю ее в Бедламе на вашем попечении. Насколько я понимаю, она никогда не ушла бы оттуда, даже если б могла.

Я задумался. Этот человек был прав. Я мог бы и впрямь погубить его, но в этом случае я никогда не сумею вернуть Эмму Кертис с «Мэри-Роз». Да, подумал я, убийство сойдет тебе с рук. И не впервые сойдет. Вспомнив,

как он предал Томаса Мора и как преследовал еретиков в Эссексе, я спросил:

– Но что, если я сниму с корабля Эмму, отвезу ее в безопасное место и разоблачу вас?

– О, я подумал об этом!

– В чем я не сомневался, – добавил я. – Вы ведь убили еще и Миллинга, так?

– Я платил ему, и за это он был обязан информировать меня в том случае, если кто-то проявит интерес к Эллен Феттиплейс. Он и сообщил мне о том, что вы что-то разнюхиваете. А потом этот наглец, знаете ли, решил шантажировать меня и потребовал больше денег. Он не знал, что я плачу заодно и его молодому клерку. Я не могу позволить себе рисковать, и потому распорядился, чтобы этот самый клерк убрал его. Закрыть его в Вонючей комнате было удачной идеей: если бы он все-таки выжил, можно было сказать, что дверь захлопнулась случайно. Теперь же место его принадлежит молодому мастеру Алабастеру.

Нагнув голову, Рич принялся перебирать бумаги.

– Ага, – продолжил он отрывистым тоном, – вот и оно.

Достав листок бумаги, он протянул его мне:

– Ваше завещание.

Я дернулся, едва не свалившись с табурета, ибо завещания пишутся в предвидении смерти. Мой собеседник ехидно усмехнулся:

– Не волнуйтесь. Перед битвой в этом лагере завещания пишут все. Посмотрите, я оставил пробелы для ваших пожеланий.

Я опустил глаза к бумаге и начал читать: «Я составляю это завещание в Портсмуте, перед лицом французского флота, в предвидении смерти». Дальше назначался душеприказчик: «Назначаю единственным своим душеприказчиком сэра Ричарда Рича из Эссекса, тайного советника его величества короля». Затем было вписано первое условие: «Вышеупомянутому сэру Ричарду Ричу, с просьбой о прощении за те бесчестные обвинения, которые я выдвигал против него в течение многих лет, в то время, как он проявил ко мне подлинную дружбу, завещаю 50 марок серебра…» После этого было оставлено пространство для других условий, а потом следовала дата, «18 июля 1545», и место для подписей – моей и двоих свидетелей.

Рич передал мне еще два листа бумаги.

– Перепишите дважды, – приказал он вновь властно зазвучавшим голосом. – Один экземпляр останется у меня, ибо я нисколько не сомневаюсь, что, вернувшись в Лондон, вы первым делом составите новое

завещание. Это ничего не значит, так как пятьдесят марок проставлены в нем чисто номинально, что может увидеть каждый. Мне нужно это завещание, которое будет засвидетельствовано в этом лагере парой достойных людей, не знающих ни вас, ни меня, и способных впоследствии засвидетельствовать, что завещание это было сделано без всякого принуждения, ибо я предъявлю его суду, если вы выступите с обвинениями против меня.

Он склонил набок свою аккуратную небольшую голову и добавил:

– И, кстати – ничего не завещайте Эллен Феттиплейс.

Я еще раз перечитал черновик. Он был опрятным, аккуратным, как все, что делал Рич, кроме самого первого эпизода в его карьере, когда в Рольфсвуде он пошел на огромный риск и в панике убил человека. Протянув мне перо, он негромко произнес:

– Если вы предадите меня, если мне нечего будет терять, и тогда не сомневайтесь: с Эллен Феттиплейс что-нибудь да произойдет. Собственно, теперь все: мы с вами крепко повязаны.

Взяв перо, я начал писать. Снаружи доносились негромкие крики, звяканье металла и еще какой-то шум: король вместе со свитой возвращался из замка Саутси. Я слышал негромкие серьезные голоса людей, проходивших мимо шатра мастера квартирмейстера.

Когда я закончил, Ричард взял оба экземпляра завещания и, внимательно прочитав их, кивнул:

– Да, крупные суммы Джеку и Тамасин Барак, а также Гаю Мальтону, как я и ожидал. Немного деньжат мальчишкам, работающим у вас в услужении. – Тут он с удивлением посмотрел на меня. – А кто эта Джозефина Колдайрон, которой вы завещаете сотню марок? Неужели вы содержите какую-нибудь шлюху у себя на Ченсери-лейн?

– Это моя служанка, – объяснил я.

Сэр Рич пожал плечами, еще раз перечитал оба документа в поисках какой-нибудь погрешности или подвоха, а затем удовлетворенно кивнул и позвонил маленьким колокольчиком со стола. Через мгновение в шатре появился Колин Пиль.

– Пригласи сюда пару джентльменов, – проговорил Ричард. – Чем выше чином, тем лучше. Чиновников, а не тех, кому завтра придется сражаться. Я хочу чтобы они остались живыми и запомнили, как мой друг Шардлейк подписывал здесь свое завещание. – Он посмотрел на склянку песочных часов. – Только быстро, времени мало!

Когда Пиль вышел, Рич снова обратился ко мне:

– В присутствии свидетелей мы должны казаться друзьями, вы

согласны со мной? На какое-то время.

– Понятно, – согласился я мрачным тоном.

Сэр Ричард посмотрел на меня уже с любопытством:

– Некогда вы были другом лорда Кромвеля… Вы могли бы подняться высоко, если бы не пали вместе с ним.

– Цена оказалась слишком высокой.

– Ах, да, мы, советники, люди недобрые! Однако вам, на мой взгляд, больше всего нравится ощущать себя на правой стороне. Помогать слабым и бедным. Быть оправданным, как говорят радикальные протестанты. В качестве, быть может, утешения за собственную внешность. – Рич ехидно усмехнулся. – Знаете, в Тайном совете также есть наделенные совестью люди. И мы, такие, как я, Паулит и Ризли, сидим за столом совета и внемлем им, а Хартфорд грызется с Гардинером и Норфолком по поводу правильного почитания Бога. А потом мы узнаем об их планах отправить своего оппонента на костер. Однако некоторые из нас, как говорит сэр Вильям Паулит, сгибаются под ветром, но не ломаются им. Те же, кто слишком обременен совестью, чересчур увлечены доказательствами праведности собственного дела, чтобы в конечном счете выжить. Но король прекрасно понимает цену прямого и жесткого совета, и потому подобные нам живут, а другие идут под топор.

– Люди, лишенные даже сердец, способных обратиться в камень, – пробормотал я.

– О, нет, у нас есть сердца! Обращенные к нашим семьям, к нашим детям, которых мы воспитываем и процветание которых обеспечиваем с помощью пожалованных королем земель, доходов и даров, полученных от наших клиентов. Впрочем, – лицо моего собеседника изобразило пренебрежительную насмешку, – откуда вам знать, что такое семья?

Снаружи прозвучали шаги. Вернувшийся Пиль привел с собой двоих незнакомых мне джентльменов, низко поклонившихся Ричу. Обойдя вокруг стола, он опустил тонкую руку на мое плечо. Я постарался поежиться только мысленно.

– Благодарю вас за приход, джентльмены, – сказал квартирмейстер. – Мой друг, мастер Шардлейк, пожелал привести в порядок свои дела, благоразумно понимая, что здесь может произойти всякое. Не окажете ли мне любезность стать свидетелями его завещания?

Оба его гостя, конечно, согласились. Назвав свои имена, они проследили за тем, как я подписал завещание и его копию, а затем проставили подписи в качестве свидетелей. Забрав со стола свою шляпу и бумаги вместе с двумя сложенными письмами и своей копией завещания,

Ричард объявил:

– Благодарю вас, джентльмены. А теперь мне пора идти, я должен присутствовать на заседании Тайного совета.

После этого он громко, так, чтобы слышали свидетели, добавил:

– Друг Шардлейк, рад помочь вам в отношении этой девушки.

– Вы поступили точно так, как я и ожидал, сэр, – ответил я ровным тоном.

Джентльмены откланялись и вышли. Рука Рича все еще оставалась на моем плече. Сняв ее, он с наслаждением быстро шлепнул по моему горбу, шепнув при этом мне на ухо:

– Я так часто мечтал сделать это!

Затем он повернулся к Пилю и резким деловым тоном приказал:

– А теперь, Колин, я хочу, чтобы ты проводил мастера Шардлейка в Портсмут, нашел ему лодку и доставил его на «Мэри-Роз».

Поместив два письма в кожаную сумку, Рич передал ее своему слуге и продолжил отдавать распоряжения:

– Не запечатано мое письмо с полномочиями: с его помощью вы попадете в Портсмут и найдете себе лодку. Второе письмо ты передашь в руки адресата, Филипа Уэста. И никого другого. Если его потребует другой корабельный офицер, ты откажешь ему и сошлешься на мое имя. Дальше ты дождешься возвращения мастера Шардлейка и доставишь его на берег. С ним будет еще один человек. Теперь ступай. Мой конь в конюшне?

– Да, сэр Ричард, – ответил Колин.

– Ты уверен в том, что правильно все понял? – спросил его господин с насмешкой.

– Да, сэр.

– Брат Шардлейк, поправьте его, если он что-то сделает не так. А теперь, до свиданья. – Поклонившись, Рич повернулся и вышел из шатра. Пиль вопросительно посмотрел на меня.

– Письма у тебя в надежном месте? – уточнил я.

– Да, сэр.

– Тогда пошли. Наше дело не терпит промедления.

Глава 45

– У вас есть конь, сэр? – спросил меня Колин.

– Да. Его увел какой-то солдат.

– Я приведу его. До камберского причала лучше доехать верхом. – Поклонившись, слуга поспешил прочь. Оставшись возле шатра, я посмотрел на море. Солнце спускалось к горизонту, и летний вечер казался вполне обыкновенным и мирным. На стенах замка Саутси возились с орудиями солдаты. Еще одну пушку перетаскивали на песчаную, заросшую кустарником прибрежную полосу. Кое-кто из военных, разложив костры, занимался приготовлением еды, другие расходились по палаткам. Солнце опускалось все ниже, становилось холоднее…

Пиль вернулся с Нечетом и еще одним конем.

– Не помочь ли вам подняться в седло, сэр? – предложил он вежливым тоном.

Я с интересом посмотрел на него, вспоминая, как он отнесся к оскорблениям Рича, и попробовал разговорить его:

– Спасибо. Должно быть, работая у сэра Ричарда, ты, приятель, стал свидетелем всякого рода приготовлений к вторжению?

Лицо Колина напряглось:

– Я ничего не слушаю, сэр. Я – всего лишь слуга, исполняю мелкие поручения и уши свои держу на замке.

Я кивнул:

– Похвально. Жить таким образом спокойнее и безопаснее.

Мы ехали по направлению к городу, огибая Великую топь.

– И все же, – спросил я, – что ты думаешь обо всем этом?

– Молюсь, чтобы мой мастер успел унести отсюда ноги, если французы все же высадятся. Однако он умный человек.

– Вне всякого сомнения.

На тихих водах Топи не было видно ни единой водяной птицы: должно быть, их распугала артиллерия. Мы подъехали к городским стенам, на которых укреплявшие их рабочие уже собирали инструменты.

– А ты сегодня был в Портсмуте вместе со своим господином? – поинтересовался я у Пиля.

– Нет, сэр. Я оставался в лагере. Мы все повысыпали из палаток, когда начали кричать, что французские корабли уже видны. Тут и король приехал из Портсмута.

Мы проехали вдоль городских стен к главным воротам. Мой спутник показал караульному письменное разрешение Рича, и нас немедленно пропустили.

Теперь, кроме патрулей, на Хай-стрит не было ни души. Окна домов и лавок плотно закрывали тяжелые ставни, и можно было подумать, что обитателей за ними уже не осталось. Внутри одного из домов завыл пес. Мимо прогромыхала единственная на всей улице телега, груженная боками только что забитых быков, из которой в пыль капала кровь.

На Устричной улице, напротив, было, как всегда, людно: солдаты и матросы мешались с работниками. Теперь, когда пришли французы, на пристани грузили в лодки новые партии припасов. Мы остановились возле складов. По всему Камберу теперь стояли на страже солдаты – даже на пустыре за Круглой башней. Английские корабли, как и прежде, оставались на якоре в Соленте.

– Сумеем ли мы отыскать лодку? – встревоженным тоном спросил я у Пиля.

– При таком письме – обязательно найдем, сэр, – заверил он меня. – Подождите здесь недолго. Я отведу лошадей в конюшню.

– А второе письмо ты не потерял? К мастеру Уэсту?

Слуга похлопал по своей небольшой сумке:

– Оно в полной безопасности. Я не дурак, сэр, – добавил он обиженным тоном.

– Конечно же. – Я посмотрел на корабли. – Только, пожалуйста, поторопись!

Мы спешились, и Колин повел коней прочь. Я заметил огромную тушу «Грейт-Гарри». Должно быть, при виде пришедших французов на корабле поднялась великая сумятица. Затем взгляд мой отыскал корабль «Мэри-Роз», на котором сейчас находилась Эмма с солдатами Ликона. Рота военных промаршировала по Устричной улице. Вероятно, эти люди только что спустились с холма, ибо на море они смотрели совсем круглыми глазами.

Откуда-то снизу донесся крик. Посмотрев туда, я увидел Пиля, стоявшего рядом с лодочником в крохотной гребной лодчонке у подножия какой-то лестницы.

– Поторопитесь, сэр! – настойчиво позвал он меня. – Пока у нас никто не отобрал эту лодку!

Молодой лодочник ловко выгребал мимо тяжелогруженых шлюпок с припасами. Вдали виднелись французские корабли: заходящее солнце

обливало багрянцем частый лес мачт. Над тихой водой внезапно прокатился раскат орудийного залпа. Колин сел, и глаза его округлились.

– Хотят, чтоб мы понервничали, – проговорил лодочник. – Французские ублюдки… рабы. Их корабли слишком далеко, чтоб взаправду в кого-то попасть.

Развернув лодку, он направил ее к линии кораблей. Некоторые из них, те, что были поменьше размером, уже отступили в гавань, однако примерно сорок судов выстроились двойным рядом, разделенным двумя сотнями ярдов. Они медленно поворачивались на якорях, следуя отливу. Мы подгребли к «Мэри-Роз». В прошлый раз я поднимался на борт этого судна ночью, поэтому только теперь, в меркнущем свете, увидел, насколько оно прекрасно и громадно: могучий корпус, изящные по контрасту мачты, сложная паутина оснастки, на которой виднелись человеческие фигуры, кормовая и носовая надстройки, разрисованные вертикальными и горизонтальными полосами и щитами дюжины ярких цветов. Пушечные порты оставались закрытыми, и канаты, которыми они открывались, свисали с палубы. К борту уже жалась одна лодка, и с нее на верхнюю палубу сквозь открытые люки подавали ящики со стрелами.

– Поплывем к другому борту, – решил лодочник. Обогнув нос и толстенные якорные канаты, мы проплыли под длинной носовой реей с красно-белой тюдоровской розой у основания. У другого борта никого не было, и мы причалили. Сверху опять прозвучал голос:

– Внимание, лодка! – и в открытый люк на палубе выглянуло чье-то лицо.

– Письмо от сэра Ричарда Рича помощнику казначея Уэсту! – крикнул вверх Пиль.

Несколько мгновений спустя сверху слетела веревочная лестница, конец которой плюхнулся в воду. Мы с Колином осторожно поднялись, пока лодочник выуживал из воды ее конец. Слуга Рича смотрел на нее с опаской.

– Лезь за мной, – посоветовал я ему. – Она вполне надежна, только держись покрепче и не обращай внимания на качку.

После этого я повернулся к хозяину лодки:

– Тебе придется чуть подождать.

– Да, сэр. – Лодочник тоже привстал, разминая уставшие руки.

Я полез вверх по лестнице, и Пиль последовал за мной.

Мне вновь помогли пробраться в просвет люка, и на сей раз я сумел спуститься на верхнюю палубу с несколько большим достоинством. Колин

влез туда вслед за мной в состоянии некоего потрясения. На палубе кишмя кишел народ, солдаты мешались с матросами. Нас ожидал молодой офицер со свистком на лиловой ленте.

– Это у вас письмо от сэра Ричарда Рича мастеру Уэсту? – отрывистым тоном спросил он. Мой спутник извлек письмо из своей сумки и показал офицеру печать.

– Это насчет ожидаемых нами припасов? – спросил офицер у меня.

Я ответил с некоторой нерешительностью:

– Письмо надлежит передать в собственные руки мастера Уэста, после чего мне нужно будет поговорить с ним. Простите.

Офицер отвернулся.

– Постой вместе с ними, – приказал он одному из матросов, а сам направился на бак.

Я окинул палубу взглядом. Многие солдаты сидели, прислонившись к крышкам люков в бортах, или устраивались между пушек и чистили длинные аркебузы. Все они готовятся к битве, подумал я. Садящееся солнце окрасило все вокруг багрянцем, и тени ячеек сети на палубе создавали странный эффект. Огрызаясь на некстати попадавшихся на пути солдат, матросы таскали на кусках парусины по два пушечных ядра, укладывая их в треугольные дощатые батенсы[45] возле орудий. С бака на ют перетаскивали ящики с какими-то принадлежностями по подвешенному над сеткой трапу. Поглядев в сторону юта, я заметил под сеткой головы. Однако они находились слишком высоко, чтобы я смог различить среди них черты кого-нибудь из людей Ликона.

Я повернулся к одному из моряков. Этот бородатый и невысокий человек лет сорока каким-то образом затесался среди более молодой компании.

– Сколько же солдат сейчас у вас на борту? – поинтересовался я у него.

– Почти три сотни, – негромко ответил он с валлийским акцентом и, посмотрев на меня с внезапным интересом, спросил: – Сэр, простите меня, но я слышал, что вы привезли письмо от сэра Ричарда Рича. Не хотят ли наверху снять с корабля часть солдат? На наш взгляд, их здесь слишком много. Так считают все офицеры, однако король поставил командовать нами вице-адмирала Кэрью, и он никого не хочет слушать. А сам до сегодняшнего дня даже не бывал на нашем корабле…

– Мне жаль, но письмо, увы, не об этом, – осторожно ответил я. – А где разместили новых стрелков, только сегодня попавших на этот корабль?

– Они на юте и баке. Им придется и заночевать там, так как французы могут прийти с рассветом, если подует благоприятный для них ветер. Сэр,

многие солдаты не могут даже правильно ходить по кораблю. Днем задул ветерок, так они заблевали всю палубу – на юте уже страшно воняет! Одному богу ведомо, что будет с ними в открытом море. Сэр, если бы вы могли рассказать об этом сэру Ричарду Ричу…

– Боюсь, у меня нет никакого влияния на него. – Я посмотрел на Пиля, энергично закивавшего головой. Моряк отвернулся. Чуть в стороне от нас между двумя пушками я заметил небольшую группу моряков, переговаривавшихся по-голландски. Один из них взволнованным голосом читал молитвы по молитвеннику, перебирая при этом четки. Подобного зрелища мне не приходилось видеть уже давно, ибо оно было запрещено законом со времен лорда Кромвеля. Итак, заморские моряки получили послабление ради военного времени…

До слуха моего доносились обрывки разговора:

– Сегодня я видел лебедя, беспечно плававшего между нашими кораблями. Возможно, это было ниспосланное Богом знаменье. Царственная птица…

– Жаль, что он не послал нам огромного лебедя… такого, что можно было бы всем усесться на его спину и улететь…

– Вот полезут французы на абордаж, так ты им пику суй между ног…

– Ну да, завтра с рассветом все галеи будут здесь, а мы беспомощные вертимся на якорях…

Посмотрев наверх, на высокий бак с его тройной палубой, где находились каюты старших офицеров, я снова подумал о том, какую удивительную штуку представляет собой военный корабль со всеми его сложно переплетенными частями.

Резкий порыв ветра заставил «Мэри-Роз» накрениться. Это длилось всего мгновение, и матросы не обратили никакого внимания на крен, зато на кормовой и носовой надстройках послышались крики. Некоторые моряки ухмылялись, другие озабоченно хмурились. И тут я увидел Филипа Уэста, в одиночестве приближавшегося к нам от бака через расступавшуюся перед ним толпу.

Уэст остановился перед нами, стиснув кулаки опущенных рук. Глубоко посаженные глаза его налились кровью.

– Вы! – рыкнул он.

Поклонившись, Пиль протянул ему письмо:

– От сэра Ричарда Рича, сэр.

Сломав печать, помощник казначея прочел послание и недоуменно посмотрел на меня:

– Рич пишет, что вы должны забрать одного из погрузившихся сегодня на корабль лучников.

Итак, он не знает о том, что Хью – на самом деле девушка. Ричард не сказал ему этого, быть может, потому что в таком случае Филип просто не принял бы ее на борт корабля.

Я посмотрел на человека, погубившего жизнь Эллен:

– Все правильно, мастер Уэст. И соответствует вашему договору.

– Я должен поговорить со шкипером. На корабле последнее слово за ним, а не за сэром Ричардом. Он должен иметь настоящие основания для того, чтобы отпустить принятого на службу человека.

– Если я расскажу ему то, что мне известно о Хью Кертисе, он отпустит его.

Филип снова посмотрел на письмо, а потом на меня:

– Сэр Ричард пишет, что вы с ним заключили сделку – в отношении… другого дела.

– Это так. По необходимости.

Уэст перевел взгляд на Колина:

– Вы личный слуга сэра Ричарда?

– Да, сэр. – Пиль потупился.

– Это значит, что вы умеете держать язык за зубами, – сказал Филип вполне спокойно и огляделся. – Пойдемте со мной, мастер Шардлейк, давайте отыщем спокойное место для разговора и посмотрим, каким образом нам удастся отправить этого Кертиса на берег. – Посмотрев на носовую надстройку, он добавил: – Только не в мою каюту, там нам покоя не будет. Я жду поступления новой партии провианта, его вот-вот должны привезти. Но я знаю удобное место…

Он прошел по людной палубе к люку под кормовой надстройкой возле огромной грот-мачты, куда мне уже приходилось спускаться. На палубе стояла группа матросов, тянувших оснастку под ритмичный бой барабана. Я вновь посмотрел на ют, гадая, слышит ли Ликон этот бой, напоминавший об осаде Булони. Один из моряков, склоняясь, аккуратно зажигал свечи в ряду фонарей на палубе. Взяв один из них, Уэст бросил жесткий взгляд на меня, повернулся и направился вниз по лестнице. Глубоко вздохнув, я последовал за ним.

Мы спустились на пушечную палубу. Филип остановился у подножия лестницы, дожидаясь нас с Пилем. Там никого не было. Я вновь посмотрел на двойной ряд пушек, обращенных к закрытым орудийным портам. Возле них в баттенсах были аккуратно сложены ядра и прочие принадлежности. К стене была надежно привязана бочка, помеченная белым крестом:

пушечный порох. Сверху пробивался сквозь решетку сумеречный свет, а по решетке то и дело пробегали босые ноги. Дощатый пол был дочиста выметен.

– Все готово к завтрашней баталии, – мрачным тоном проговорил Уэст. – Пойдемте со мной. Здесь есть складская комната. Благодаря творящемуся на берегу беспорядку в ней находится один только бочонок с тухлой свининой.

Было здорово, что в руках его находился фонарь, так как он повел меня в ту часть пушечной палубы, которая находилась под кормовой надстройкой. Между железной пушкой и просторной каютой располагалась крошечная комнатенка. Скользящая дверь в нее закрывалась на замок. Достав из кармана ключ, наш с Колином спутник отпер замок и отодвинул дверь в сторону. За ней оказалась крошечная клетушка размером едва ли не пять на пять футов, внутри которой находилась большая бочка, привязанная веревками к крюкам в стене, чтобы не скользила при движении корабля. Запах тухлятины пробивался даже сквозь ее закрытую крышку.

Оказавшись внутри, Уэст молча посмотрел на меня. Из-под наших ног, из кубрика, сквозь доски доносились приглушенные голоса, перебранки и ругань.

– Я девятнадцать лет заботился об этой женщине, – проговорил Филип. – Рич давно бы убил ее.

– Я знаю это, – не стал я спорить.

– Я защищал ее! – бросил помощник казначея с внезапной резкостью, и голос его дрогнул.

– Вы изнасиловали ее.

– Она спровоцировала меня.

Я почувствовал, что на моем лице проступило презрение, и сказал:

– Я заключил сделку. Вашу тайну никто не узнает.

– Да, – кивнул мой собеседник. – Вы правы.

Бросив на меня быстрый взгляд, он протянул руку и отодвинул дверь. За нею обнаружился Колин Пиль. Но это был совершенно другой Пиль… Приличествующее слуге невозмутимое и почтительное выражение на лице его сменилось широкой и злой ухмылкой. Уэст оттолкнул меня к стене, и слуга Рича сумел войти внутрь. Для троих здесь едва хватало места, однако они умудрились повернуть меня и заломить мне руки за спину. Филип ногой задвинул дверь, а Колин заткнул мне рот извлеченным из дублета платком, едва не удушив меня при этом. Потом Уэст достал кинжал и приставил его к моему горлу.

– Только дернись, и я прирежу тебя, – проговорил он и обратился к слуге: – Ты, свяжи его!

Пиль запустил руку в свою сумку и достал из нее длинный моток веревки. Я не мог шевельнуть руками. Теперь стало понятно, зачем Рич настаивал на том, чтобы письмо было передано в собственные руки Уэста. Я ошибся, решив, что могу заключить с сэром Ричардом сделку. Он спланировал все… даже изобразил Пиля слугой-недотепой.

Мне подсекли ноги, и я тяжело рухнул на палубу. Я охнул, а затем посмотрел вверх. Колин смотрел на меня с волчьей ухмылкой. Я вспомнил, как молодой Карсвелл расписывал актерское мастерство: у Пиля было чему поучиться! Вне сомнения, Рич находил полезным для себя его умение. Пригнувшись, слуга еще раз перевязал мои ноги, а потом обхватил веревкой кляп у меня во рту. После этого, посадив меня спиной к бочке, он еще дважды обмотал веревкой мое туловище.

Уэст стал надо мной, уперев руки в бока. Он казался рассерженным, как если бы его оболгали.

– Я же говорил вам, – произнес он негромким дрогнувшим голосом. – Девятнадцать лет я защищал эту женщину. Если вас это утешит, мне всегда было стыдно. Но служба королю позволила мне искупить свой грех, и я не дам ничтожному бумагомараке-адвокату лишить меня чести накануне битвы, не предоставлю ему даже малейшей возможности! Я могу погибнуть, и что сделает ваша истина с моей бедной матерью? Впрочем, что вам до этого? Рич нашел способ убрать вас с дороги, и я охотно посмотрю на ваш труп.

– Может, убьем его прямо сейчас? – спросил Пиль. – У меня есть кинжал…

Филип нетерпеливо качнул головой:

– Нет. Он находится под покровительством королевы, и мы должны действовать осторожно. Труп этого человека, когда волны выбросят его на берег, должен ничем не намекать на возможность насильственной смерти. Я разделаюсь с ним, когда стемнеет, а потом выброшу тело за борт. Второго ключа к этой кладовой нет.

Колин улыбнулся мне:

– На кораблях приключается всякое, мастер Шардлейк. И адвокат, попавший на борт на закате, к восходу вполне может оказаться за бортом.

Уэст прикусил губу:

– Мне пора идти и заняться погрузкой провианта на корабль, нам на сегодня не хватит…

Внезапно глаза его округлились при звуке шагов. Торопливо выйдя

наружу, он закрыл дверь, оставив меня в обществе Пиля. Я узнал голос казначея.

– Что вы здесь делаете? – спросил он своего помощника. В голосе его слышалось удивление, но не подозрение.

– Проверял последний бочонок со свининой, сэр. Тухлятина, – отозвался Филип.

– Провиант еще не подвезли. Кок говорит, что вяленой трески едва хватает, учитывая всех армейских на борту. Шкипер приказал, чтобы вы лично и немедленно отправились на склады и вернулись с необходимым провиантом. Иначе мы остаемся с пустыми кладовыми и перспективой неприятностей. Воспользуйтесь одной из возвращающихся шлюпок.

– Это обязательно должен сделать я?

– Именно вам положено вести все переговоры с ними. Ступайте немедленно!

Поступь казначея удалилась, дверь скользнула в сторону.

– Ты слышал? – спросил Уэст слугу.

– Да. – Колин злобно пнул меня в ногу. – Кто уж докука, так это вы, от самого начала до конца!

– Слушай, – торопливым тоном проговорил Уэст, – тебе надо покинуть корабль, иначе люди будут спрашивать, откуда взялся этот лодочник. С Шардлейком я разделаюсь позже. Когда вернусь и будет поспокойнее, часа в три… Я убью его и выброшу в один из орудийных портов. – Он посмотрел на меня сверху вниз. На лице его читалось смятение: видно было, что, в отличие от Пиля, он не является хладнокровным убийцей. И, тем не менее, я понял, что он исполнит свое намерение. Как сказал Рич, этого человека занимали исключительно вопросы собственной чести. Он готов был умереть ради своего тщеславия, равно как и убить за него.

Меня оставили в полной темноте. Издалека до меня доносились отголоски шагов и голосов из кормовой надстройки, свистки офицеров. Я подумал, что там, наверху, Ликон со своими людьми… и Эмма. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы снять ее с корабля. Я был совершенно беспомощен. Из бочки за моей спиной исходила жуткая вонь. Меня душил гнев на Уэста и Рича и на себя самого. Похожие на наваждение поиски правды об Эллен и Хью закончились в этом самом месте. И Эллен… станет ли Уэст теперь защищать ее от Рича? Словом, было бы лучше, если бы я вообще не уезжал из Лондона.

Я услышал, что в соседней каюте кто-то движется, однако способов привлечь к себе внимание у меня не было. Я попытался постучать ногами

по полу, однако каждое движение вызывало острую боль в спине, и я был настолько крепко связан, что мог производить разве что легкий шорох, едва ли слышный за стеной.

Потом я начал замечать крохотные огоньки, мерцавшие то вверху, то внизу. Я понял, что это свет ламп пробивается сквозь узкие щели между досками. Должно быть, уже наступила темнота.

Вонь из бочки с гнилым мясом в застоялой и жаркой каморке сделалась еще сильнее. Дважды за дверью раздавались шаги, и оба раза они проходили мимо. Затем снаружи послышались стук, воркотня и кряхтение, доносившиеся, как я подумал, с трапа над верхней палубой. Мне пришло в голову, что Филип привез припасы, и их переносят вниз, на кухню. Потом я услышал чей-то голос:

– Может быть, что-то поместится в малую кладовую, сэр?

Голос Уэста резко ответил:

– Нет! Несите вниз, в кухню.

Шум продолжался довольно долгое время, а потом прекратился. Тут я снова услышал голос Филипа, на сей раз раздраженный:

– И что вы трое здесь делаете?

Еще один голос с девонширским акцентом ответил:

– Нам приказано оставаться всю ночь возле пушек, сэр, чтобы ничего не случилось во время очередного крена. Так приказал шкипер. Здесь же полный бочонок пушечного пороха, сэр!

Разговор смолк. Я буквально ощущал, как там, снаружи, помощник казначея прикидывает, каким образом можно отослать прочь этих людей, убить меня и избавиться от трупа. Затем, к собственному облегчению, я услышал, что его шаги удалились.

Час за часом я сидел возле этой бочки, постоянно двигаясь всем связанным телом, пытаясь облегчить терзавшую его боль и опасаясь, что Уэст найдет какой-то способ избавиться от моряков, выставленных на пушечной палубе. И все это время в щелях вспыхивали крохотные и неяркие искорки света, а с палубы над моей головой доносились приглушенные голоса и редкие свистки. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь на борту «Мэри-Роз» крепко спал в ту ночь.

Глава 46

Невзирая на боль, я понял, что время от времени погружаюсь в вызванную утомлением дремоту и пробуждаюсь от спазмов в спине или плечах. Несколько раз шаги снаружи заставляли меня вздрогнуть, поскольку Уэст, вне сомнения, мог вернуться в любую минуту. Шумы на корабле постепенно утихли, и час или два прошли в нелегкой для меня тишине, если не считать колокола, вызванивавшего смену вахт. Мне отчаянно хотелось пить, рот мой пересох, как та тряпка, которую затолкал в него Пиль.

Я вновь задремал и понял, что вижу сон. Мне снилось, что я еду в Хэмпшир среди солдат, маршировавших по зеленым, похожим на тоннели аллеям. Я ехал во главе роты рядом с Ликоном. Внезапно он повернулся и спросил:

«Кто это?»

Посмотрев в указанную им сторону, я понял, что знакомые мне солдаты, Карсвелл, Ллевеллин, Голубь и Угрюм, несут одр, на котором лежит тело в строгом белом платье. Это была Эллен.

Вздрогнув, я проснулся. Где-то рядом чей-то голос выкрикнул:

– Скорее!

Наверху звучали и другие голоса, а с ними шаги, свистки и топот, и хотя у меня не было возможности определить время, я догадался, что рассвет уже начался. Кто-то криком призывал экипажи занять свои места, и я с облегчением понял, что артиллеристы спустились вниз. По всей видимости, они проведут здесь остаток дня, не позволяя Филипу разделаться со мной. Дела на берегу и выставленные у пушек караулы не дали ему возможности убить меня глухой ночью.

Я услышал свистки, а затем ровный грохот, заставивший задрожать дощатый пол моей тюрьмы. Затем прозвучал новый свисток, за которым раздалась череда стуков. Похоже было, что пушечные порты открыли, а пушки выкатили вперед, а затем откатили назад. Учения? Возможно, ибо подобный шум повторился еще два или три раза. Судя по звукам, бурная деятельность охватила весь корабль. Я попытался понять, что говорят там, снаружи, однако умел разобрать только отдельные слова.

Прикинуть, который час, было попросту невозможно. В каморке, чуть остывшей посреди ночи, вновь сделалось очень жарко, запах тухлого мяса стал уже совсем нестерпимым. Чуть позже издали донесся пушечный гром

– с наших кораблей или нет, я понять не мог. А еще через некоторое время с палубы донеслись радостные крики, и отчетливый голос провозгласил:

– Попали в галею!

Потом прозвучали новые залпы, иногда близкие, иногда далекие. После одного из выстрелов палуба подо мной тупо задрожала, и кто-то снаружи выкрикнул:

– В нас попали?!

Затем по трапу простучали шаги целого отряда. Спустя несколько мгновений они продолжились уже на нижней палубе. Мне показалось, что я отчетливо услышал крик:

– Помпа!

Сердце мое заколотилось от страха при мысли о том, что я заперт в крошечной каютке, а корабль получил пробоину, однако больше ничего не произошло. Меня замутило, и, невзирая на боль, которую движение причинило моим связанным рукам, я наклонил голову как можно дальше вперед: если бы меня начало рвать с кляпом во рту, я мог задохнуться. И тут в дверь постучали, осторожно и нерешительно, и знакомый голос произнес:

– Мэтью?

Это был Ликон.

Волна облегчения окатила меня. Охваченный ужасом, опасаясь того, что он может уйти, я попытался шевельнуться, не обращая внимания на боль, пронзившую все мое тело. Каким-то чудом я умудрился поскрести по палубе каблуками своих башмаков.

– Мэтью? – Вновь позвал Джордж. Он услышал меня, и я вновь заскреб каблуками. После короткой паузы послышался треск, когда Ликон приложил плечо к двери. Снаружи еще кто-то воскликнул:

– Эй!

– Там внутри кто-то заперт! – ответил этому человеку вице-капитан, и мгновение спустя хлипкая дверь с куда более сильным шумом треснула… Внутрь хлынул свет, от которого у меня заболели глаза.

Снаружи раздался новый голос:

– Что там, во имя господне, творится?!

Ликон заглянул в пролом и недоверчивым голосом воскликнул:

– Здесь кто-то из штатских!

Вновь ударив плечом в дверь, Джордж расширил пролом. Обращавшийся к нему офицер заглянул внутрь и удивленно посмотрел на меня:

– Что за чертовщина… вы знаете этого человека?

– Да, это друг, – сказал ему мой бывший клиент.

– Святые раны господни! Кто и какого хрена привязал его к этой бочке?! Отвязать! – приказал офицер. – И спровадить с пушечной палубы!

Ликон шагнул внутрь каморки. Вынув нож, он перерезал мои путы и вытащил у меня изо рта кляп. Повалившись на спину, я застонал, втягивая в себя воздух и не имея сил, чтобы пошевелиться.

– Смерть господня, кто же это так вас уделал?! – Усталое лицо Джорджа было перепачкано, по нему стекал пот. Он был в шлеме, стеганом джеке, при офицерском мече.

– Филип Уэст, – кое-как сумел проскрипеть я. – Я обнаружил в его прошлом кое-какое пятно.

– И вы отважились подняться на борт его корабля? – не веря своим ушам, спросил Ликон.

– Да. А который сейчас час?

– Четвертый уже.

– Иисусе! Меня заперли здесь еще вечером. Что происходит? Я слышал пушечные выстрелы…

– Французы снова послали вперед пять своих галей, но наши орудия не позволяют им подойти ближе, – стал рассказывать вице-капитан. – Мы подбили одну, и она, накренившись, отползла к остальным кораблям. Ветра нет, и ни наши, ни французские боевые корабли не могут пошевелиться. Несколько французских галей высадили десант на острове Уайт. Отсюда видны огни пожаров. Но это и неплохо. Если бы они бросили против нас все свои галеи, мы оказались бы в худшем положении. А теперь, если прилив принесет нужный ветер, мы пойдем на них.

– А что происходит за стенкой на палубе? – поинтересовался я. – Я слышал, как двигали пушки, но выстрелов не было.

– Это упражняются пушкари. Ждать всегда трудно.

– Кто-то кричал о помпе. Я подумал, что в нас попали…

– Они спускались вниз, чтобы посмотреть, нет ли пробоины, однако не обнаружили ничего серьезного.

Я с облегчением вздохнул:

– А как ты отыскал меня?

– Я услышал разговор двоих матросов о том, что вечером на корабль явился адвокат, что он спустился внутрь корабля вместе с Уэстом, но лодка отчалила без него. Они сказали, что ты до сих пор на корабле, раз не поднялся наверх. Они сказали… – тут Джордж запнулся.

– Могу догадаться. Что горбун приносит несчастье. Что ж, на сей раз их суеверие спасло мне жизнь.

– Я расспросил этих двоих, и их ответы оказались весьма конкретными. Поэтому я спустился вниз, чтобы тебя поискать. Для начала я прошелся вдоль пушечной палубы, заметил эту запертую дверь и обнаружил тебя.

– А где Уэст?

– На корабле. Ночью он ездил на берег за провиантом, однако половина привезенного им пива никуда не годится. Мои люди страдают от жажды. Должно быть, сейчас Уэст в надстройке на баке у казначея. Сэру Франклину я сказал, что хочу разобраться, что произошло с пивом.

– Благодарю тебя. Благодарю! Ты спас мою жизнь. А как себя чувствуют твои люди?

– Они устали и голодны. Примерно половина сейчас находится наверху, на юте, в том числе и твои знакомые. Я тоже с ними. Остальных направили на палубы бака. Но все они полны решимости, они будут сражаться и умрут, если это потребуется. – В голосе Джорджа смешались гордость и боль. – Я должен вернуться к ним. А ты сумеешь встать, если я помогу тебе?

Прикусив от боли губу, я заставил себя подняться на ноги.

– Боже мой! – взорвался Ликон. – Уэст, должно быть, свихнулся, связав тебя подобным образом!

– Он намеревался убить меня ночью, но когда он освободился от своих обязанностей, около пушек выставили стражу. Они с Ричардом Ричем хотели вчера покончить со мной. А я-то думал, что договорился с Ричем… Боже милостивый, каким я оказался дураком!

Ликон покачал головой.

– Уэст пользуется репутацией отличного, работящего офицера. – Он с укоризной посмотрел на меня. – Тебе следовало предупредить меня о том, что он опасен.

– Я не понимал этого до вчерашнего дня. Но Барак сказал, что я использую тебя, и он был прав. Прости.

– А где сейчас Джек?

– На пути в Лондон. – Я набрал воздуха в грудь. – А сейчас, Джордж, я скажу тебе такую вещь, в которую ты не сразу поверишь. Я имею в виду причину, по которой Рич заманил меня на корабль… и из-за которой твоя рота оказалась на «Мэри-Роз». Вчера ты взял нового рекрута, Хью Кертиса.

– Да, – ответил капитан, несколько ощетинившись. – Он явился к нам днем, изъявил желание вступить в роту, и я принял его. Я вспомнил, что уже видел его, и также вспомнил, что он отличный лучник. Парень сказал, что у его опекуна нет возражений.

Я сухо улыбнулся:

– И ты ему поверил?

– Все роты недоукомплектованы. Если бы я отказался, другой капитан охотно принял бы его к себе.

– Джордж, Хью Кертис не тот, кем себя называет. Он даже не юноша. Это девушка, родная сестра умершего Хью. Она изображала его много лет.

Мой собеседник недоуменно уставился на меня:

– Как так?

– Этот несчастный, то есть ее опекун Николас Хоббей, заставил ее изображать брата ради собственной выгоды. Он во всем сознался. Джордж, прошу тебя, давай поднимемся вверх на ют. Я покажу тебе.

– А ты сумеешь туда подняться? – с сомнением спросил Ликон.

– Сумею. Если поможешь. Прошу тебя.

Джордж посмотрел мне в глаза:

– Ты понимаешь, что тебе надо убраться с этого корабля как можно скорее? У борта на воде можно найти лодку – из тех, что курсируют между кораблями и берегом с посланиями.

– Я должен взять с собой Эмму Кертис. Я и так слишком далеко зашел, наперекор всем врагам.

Ликон оглядел крохотную каморку, где я провел ночь, вновь тряхнул головой и коротко сказал:

– Пошли.

– Еще раз благодарю тебя, Джордж.

Когда я шагнул к выходу, мое облачение зацепилось за доску. Я отшвырнул провонявшую и грязную мантию, сорвал с головы шапку и, оставшись в рубашке и штанах, последовал за Ликоном, прочь из крошечной кладовки. Однако выйдя за дверь, я сразу же услышал пушечный выстрел. Он прогремел достаточно близко.

Рядом с каморкой, возле каждой пушки стоял наготове расчет в полдюжину артиллеристов, обнаженных по пояс или в рубахах. Пушечные порты были открыты. Было душно, разило вонью немытых тел… Каждый из пушкарей занимал вполне определенное место: один держал в руках длинный ковш, другой – деревянный пальник и тлеющий фитиль, готовый запалить порох, а у ног третьего лежало чугунное ядро. За пушками стояли солдаты, следившие за офицером, одетым в дублет и брюки, с мечом у пояса и свистком на шее, расхаживавшим вдоль по промежутку между двумя рядами орудий. Люди повернули к нам утомленные и напряженные лица. Шагнув вперед, офицер гневно посмотрел на меня:

– Какого черта… кто вы? Кто посадил вас туда?

– Помощник казначея Уэст, – начал объяснять я. – Он…

Наверху лестницы прозвучал громкий свисток, и офицер преградил нам путь движением руки:

– Остановитесь! Подождите здесь!

Свист наверху был сигналом. Офицер дунул в собственный свисток, и на моих глазах развернулось другое учение. Расчеты пришли в движение, действуя быстро и изящно. Чугунные пушки заряжали через казенную часть, а бронзовые, отодвинув их для этого – через дуло. В отверстия наверху пушек засыпали порох, и бронзовые орудия катнули вперед, ослабив веревки, привязывавшие их к стенкам. От этого движения палуба опять задрожала. Каждый пушкарь поднес фитиль к запалу, а их помощники уже изобразили, что насыпают туда порох из фляги. Затем все замерли на месте, на полминуты образовав живую картину… Наконец прозвучал новый свисток. Пушки вкатили внутрь, из них извлекли ядра. Все заняли исходные положения. Офицер произнес:

– Неплохо. Мы устроим им хорошую канонаду! – Он кивнул нам. – Выметайтесь, живо!

Мы прошли вдоль расчетов. Помню, один из артиллеристов, державший в руках пальник, проводил меня взглядом. На нем не было рубашки, и он отличался коротким, мускулистым и покрытым шрамами торсом и квадратным бородатым лицом. Он смотрел на меня так, словно я был явившимся с того света привидением.

Мы с Джорджем подошли к лестнице. Оказавшись перед ней, Ликон негромко спросил:

– Подняться сумеешь?

– После всего, что я прошел, чтобы сюда попасть? Да.

Я полез следом за ним, хотя при каждом движении мои плечи вспарывала резкая боль. Сверху дохнуло свежим и соленым морским воздухом, отчего голова у меня на мгновение закружилась. Оказавшись на палубе, мой спутник протянул мне руку. Через ячейки прочной сети я вновь увидел высокие мачты, возносящиеся в синее небо очередного жаркого июльского дня. Паруса оставались подобранными к реям, однако и на палубе, и на оснастке стояли моряки, готовые по команде опустить их. На палубе было еще более тесно, чем обычно: все занимали боевые позиции. Как и внизу, артиллеристы находились в полной готовности возле орудий. Половина люков были подняты, открывая мне вид на «Грейт-Гарри» и прочие корабли с одного борта и на остров Уайт, где вдалеке поднимались дымы над несколькими большими пожарами, – с другого.

Я окинул палубу взглядом. Возле некоторых из открытых люков находились лучники, а рядом с ними поместились десятков пять пикинеров. Девятифутовые полупики-спонтоны, готовые встретить врага, пронзали остриями сетку над нашими головами. За происходящим наблюдал офицер со свистком на шее. Он поглядывал вверх, на марс, где на верхушке мачты находились дозорные – единственные, кто мог четко видеть все происходящее.

Возле нас на противоположной стороне палубы спорили три офицера. В одном я узнал казначея, а вторым был Филип Уэст, обративший осунувшееся лицо к третьему собеседнику – высокому, богато одетому, перевалившему за сорок офицеру. Темная каштановая бородка обрамляла длинное и хмурое лицо этого офицера, на поясе его, рядом с мечом, помещался футляр для ароматических шариков, а на шее у него на длинной золотой цепи висел массивный свисток. Он внимательно смотрел на предмет, похожий на крошечные солнечные часы. Когда Уэст договорил, этот его собеседник посмотрел на него и нетерпеливым тоном ответил:

– Раз пиво скверное, им придется обойтись без него.

– Людей мучит жажда. Они начинают роптать… – возразил казначей.

– Тогда дайте им то, что есть!

– Они не станут его пить, сэр Джордж, – торопливо запротестовал Филип. – Оно никуда…

Сэр Джордж Кэрью – а это явно был именно он – взорвался:

– Не сметь разговаривать со мной подобным образом, негодяй! Смерть господня, всем им следовало бы лучше себя вести. Король смотрит на нас из замка Саутси, и особое его внимание приковано к этому кораблю!

Уэст отвернулся и заметил меня. Рот его приоткрылся от изумления и ужаса, а я ответил ему жестким взглядом. Теперь он не мог ничего со мной сделать. Бросив на него гневный взгляд, Ликон повернулся ко мне:

– Пошли наверх.

Мы поднялись через помещение под кормовой надстройкой, перешли к главной мачте и оказались на нижней палубе юта, где находились аркебузиры в шлемах, прислонившие свое оружие и сумки с картечью к борту. Здесь не было откидных люков – лишь амбразуры на уровне глаз. Сквозь широкую дверь можно было видеть трап, соединявший над сеткой обе надстройки. В дверях, ведущих на ют, стояли два матроса в клетчатых куртках, следившие за тем, как двое солдат тащили по трапу от бака длинный ящик. По обе стороны от двери располагались две длинные пушки, которые я видел с верхней палубы во время своего первого посещения корабля, поставленные под углом наружу, чтобы стрелять вдоль

корабля через бреши в такелаже. Возле них, как и внизу, находились орудийные расчеты. Бронзовые пушки сверкали причудливыми украшениями. Оглянувшись, я заметил две линии аркебузиров, стоявших, расставив ноги: они выставили в крохотные амбразуры свои длинные и тяжелые ружья. Если «Мэри-Роз» сцепится с французским кораблем, они обрушат на врага град картечи.

– Еще стрел, – проговорил кто-то из солдат, оказавшихся у двери.

– Выдайте им, – отозвался чей-то голос. Моряки взяли ящик и понесли его к лестнице, уходившей наверх. Ловко поднявшись, они затем снова спустились и заняли прежние места в дверях. Мы с Ликоном поднялись на верхнюю палубу кормовой надстройки – на солнечный свет и под другую сеть, прикрепленную к охватывавшим палубу деревянным опорам. Ют оказался намного длиннее верхней палубы, и там было столь же многолюдно. В этом месте находилась примерно половина роты Ликона. Десятка по два солдат стояли возле открытых люков вдоль каждого борта корабля, а еще несколько оставались за их спинами, дабы заменить павших. По палубе взад и вперед неторопливо расхаживал Снодин с суровым выражением на одутловатом лице. Заметив меня, он сперва удивился, а потом нахмурился. Подобно солдатам с нижней палубы, на многих были шлемы и стеганые джеки… Чуть поодаль Голубь щеголял ярко-красным бригандином, выигранным у Угрюма. Стрелки держали в руках луки с натянутой тетивой, наклоняя их так, чтобы верхние концы их не касались сети над головой. На поясе у них были колчаны, на руках – рукавички для стрельбы. Открытый ящик со стрелами находился посреди палубы. То тут, то там вереницу стрелков прерывали артиллеристы с подвертлюженными пушечками. Их тонкие шестифутовые орудия были прикреплены к поручню поверх люков. Пушки были готовы к делу, их стволы смотрели в небо, а длинные казенные части опирались о палубу. Расположившись в дальней оконечности юта под огромным флагом, сэр Франклин Гиффард с выражением мрачной решимости оглядывался вокруг. Через открытую крышку люка я увидел море, волновавшееся в сорока футах под ногами, и невольно сглотнув, отвернулся, но затем вновь оглянулся, не в силах отвести глаз.

Отсюда, сквозь открытые люки в задней части юта, я видел не только наши корабли и далекие корабли французов, как будто бы остававшиеся на том же месте, что и вчера, но и стоявшие примерно в полумиле французские галеи. Четыре огромных лоснящихся судна подступали к нам. Стоя кормой друг к другу, словно колесо с четырьмя спицами, они неспешно поворачивались на искрящейся воде: так, чтобы по очереди

обстреливать нас из носовых орудий. Блестели весла, темнели силуэты орудий… Им противостояли несколько наших галеасов, таких жалких по сравнению с противником! На моих глазах над одним из орудий взвился клуб дыма, когда галея выстрелила в один из наших кораблей, находившихся дальше в линии. Над водой прокатился грохот.

Повернувшись, я посмотрел на ряд стрелков. Карсвелл и Ллевеллин были возле ближних люков, за ними виднелись другие знакомые лица, блестящие от пота. Разглядеть Эмму в ряду стрелков было непросто, однако я заметил ее в шлеме и джеке на самой корме. В руках ее был тот же самый прекрасный и изящный лук с роговыми наконечниками, памятный мне по Хойленду. Когда девушка увидела меня, лицо ее побагровело от ярости, а рука невольно потянулась к горлу. Ликон посмотрел на нее. Взгляды их соприкоснулись. Покрытое оспинами лицо Эммы на мгновение дрогнуло, но потом снова сделалось невозмутимым.

Сэр Франклин тоже заметил нас. Хмурясь и опустив руку на эфес, он прошествовал между рядами солдат. Вне сомнения, Гиффард был изумлен моим новым появлением, на сей раз на борту «Мэри-Роз». Я направился к нему следом за Джорджем. Внезапное дуновение ветра взъерошило мои волосы. Корабль чуть качнуло, и несколько стрелков и пушкарей переступили с ноги на ногу. Приблизившись к Франклину, Ликон, пригнувшись, зашептал ему что-то на ухо. В этот самый момент с главной палубы донеслись свистки и возгласы.

Сэр Гиффард распрямился, посмотрел на вице-капитана, а потом на меня, и расхохотался:

– Что-что?!

– Это нетрудно определить, сэр, – проговорил Джордж. Сэр Франклин посмотрел на Эмму, кивнул и вместе с Ликоном направился к ней. Я последовал за ними.

– Это правда? – резким тоном спросил мой друг у лучницы. – То, что мастер Шардлейк сказал мне о вас?

Помедлив, Эмма спокойным голосом ответила:

– Я не понимаю, о чем речь, сэр.

Тень сомнения пробежала по лицу Ликона. В доспехе мисс Кертис убедительно походила на мужчину. Мой бывший клиент нерешительно проговорил:

– Если придется, я выясню правду, не сойдя с места. Перед всеми.

– Здесь выяснять нечего, капитан, – отозвалась девушка, и я невольно восхитился тем хладнокровием, с которым она блефовала.

Глубоко вздохнув, Ликон протянул руку и снял с ее головы плотно

прилегавший шлем. Посмотрев на короткий каштановый ежик ее волос, он вновь внимательно уставился на лицо фальшивого юноши, а потом приказал:

– Снимай джек, солдат.

По обеим шеренгам пробежал шепоток. Люди оставались на своих местах, однако большинство повернули головы, чтобы посмотреть на происходящее. Эмма неспешно сняла свой колчан, а потом и куртку, уронила ее на палубу и осталась стоять, позволив поднявшемуся ветру теребить ее белую рубашку. Взявшись за ворот этой рубашки, Джордж открыл ее шею и грудь. На шее девушки в крошечном кожаном кисете над белой полотняной лентой висело каменное сердце. Повязка туго перетягивала угадывавшиеся под нею груди. Я испугался, что Ликон может заставить ее развязать повязку, однако он уже увидел все, что хотел. От солдат донеслись взволнованные возгласы:

– Что это? Повязка? Он ранен?!

– Мать вашу, по-моему, это баба!

– Тихо! – рявкнул сэр Франклин, а вице-капитан Ликон обратился к Эмме:

– Почему вы поступили подобным образом? Зачем вам было выставлять мою роту на посмешище?

Мисс Кертис скрестила на груди руки:

– Я хотела сражаться, сэр. Вы видели, какой я стрелок.

Гиффард шагнул к ней, занес руку, и я уже подумал, что он ударит девушку, но вместо этого он повернулся к Ликону и проговорил дрожащим от ярости голосом:

– Ее можно снять с корабля?

– Возможно. Если к нам подойдет лодка, – ответил мой друг.

– Идите и отыщите. А ее – с глаз долой. Вниз, под палубу, куда угодно! – Франклин окинул взглядом глазевших на Эмму солдат. Сама же девушка смотрела на меня, скрестив руки на груди, и в глазах ее боль мешалась с гневом.

«Мэри-Роз» вновь качнуло. Некоторые из солдат, потеряв равновесие, начали хвататься за поручень или тянуть руки вверх, к охватывающей все сетке. Снизу послышались новые свистки и громкие распоряжения, с кормы донесся громкий треск: это поднимали якоря. Обернувшись, я заметил громадные белые паруса, наполнявшиеся между бушпритом и передней мачтой, хлопая и потрескивая под крепнувшим ветром. Слева стали так же наполняться паруса на «Грейт-Гарри», а затем и на других кораблях. Наше судно еще раз качнулось, а затем неторопливо двинулось

по направлению к галеям. Итак, началось: мы шли в бой.

Глава 47

От подножия лестницы до нас донеслось несколько пронзительных свистков. Сэр Франклин крикнул:

– По местам!

Ликон окинул нас с Эммой мрачным взглядом.

– Спускайтесь под ют и оставайтесь там! – велел он, отходя к своим людям. Головы их, по большей части, были обращены к нам, но глаза смотрели теперь мимо нас, туда, где за баком и фоком нас ждали галеи. Щелкнув, с треском развернулся латинский парус на корме корабля. Хотя я не ощущал особого движения – только легкую продольную качку на волнах – «Мэри-Роз» приближалась к галеям на внушительной скорости. Я еще раз посмотрел на солдат. Карсвелл с испугом улыбнулся мне и пожал плечами, словно желая сказать: «Ну, вот мы и дожили до этого мгновения… все, включая тебя, адвокат». Вспотевший в своем бригандине Голубь перекрестился. Джордж стал посередине юта – возле Снодина, рядом с отброшенным Эммой джеком.

– Спокойно, парни, – проговорил герольд ровным и дружелюбным тоном, какого я ни разу еще от него не слышал.

Палуба дрогнула, и я едва не упал. Стоявший поблизости возле оснастки главной мачты матрос крикнул нам:

– Снимайте свои башмаки! И немедленно убирайтесь с палубы, не путайтесь под ногами!

Сбросив обувь, я подбежал к лестнице, и Эмма, помедлив, последовала моему примеру. Когда мы оказались возле люка, я оглянулся. «Мэри-Роз» уже вырвалась вперед остальных кораблей, оставив позади «Грейт-Гарри», за которым следовал весь флот. Сквозь открытую заслонку соседнего со мной лучника я увидел вдали стены замка Саутси. Потом я посмотрел вниз, на пенистые волны, которые рассекало наше судно. Меня замутило.

Взявшись за лестницу, я посмотрел на Эмму. Она снова замерла на мгновение, однако, бросив на меня свирепый взгляд, последовала за мной.

Я неторопливо спустился вниз, стараясь забыть про боль в плечах и руках. На нижней палубе, как и прежде, стояли стрелки с пищалями, расставив ноги возле своих амбразур, а по обе стороны от лестницы замерли наготове рядом с двумя длинными пушками два артиллерийских расчета. Через широкую дверь, выходившую на трап над сетью, я видел,

что мы по-прежнему мчимся к галеям. По обе стороны двери стояли два моряка, также смотревшие вперед. И тут «Мэри-Роз» начала поворот. Левый борт наклонился, сбросив меня с лестницы на палубу. Ударившись плечом, я вскрикнул от боли. Соседние матросы оглянулись. Корабль еще сильнее накренился, а потом выпрямился.

Я попытался подняться. Руку мою пронзила боль, однако я все-таки умудрился встать на ноги. Эмма замерла на месте, глядя на меня. Я проговорил:

– Не смогу спуститься по лестнице.

– Нам было сказано спуститься под ют, – отозвалась мисс Кертис.

– Идите. Я не могу этого сделать.

На лице девушки впервые появилось смущенное, нерешительное выражение. Сойдя с лестницы, она остановилась возле меня. Корабль все еще поворачивался, и некоторые из стрелков-пищальников держались одной рукой за борт. Посмотрев вперед, я понял, что «Мэри-Роз» намеревается повернуться к галеям бортом и обрушить на них всю мощь своих пушек. Ощутив головокружение, я осел на пол. Эмма посмотрела на свою порванную рубашку. Каменное сердце все еще раскачивалось на шнурке у нее на шее. Трудно было поверить, что передо мной девушка, а не юноша. Запахнув на груди ворот, она села возле меня.

– Боитесь, мастер Шардлейк? – спросила мисс Кертис холодным тоном.

– Ликон прав, – возразил я. – Смерти боятся все.

Эмма отрывисто усмехнулась:

– Лучше умереть в бою, чем на виселице.

Теперь голос ее показался мне заметно более высоким. Стало быть, и его ей приходилось держать под контролем все эти годы.

– Дэвид жив, но тяжело ранен, – сообщил я ей.

Опустив голову, девушка негромко произнесла:

– Я не хотела убивать его. Я была готова убить вас с Бараком, но не сумела этого сделать.

– Я это понял.

Не ответив, лучница склонила голову. Я посмотрел вперед. Четыре галеи оказались теперь совсем рядом, и я заметил, что борта их были усыпаны золотыми изображениями герба Франции. Сохраняя свое квадратное расположение, они медленно поворачивались, обращая свои орудия к «Мэри-Роз». Я сказал настолько спокойным тоном, насколько это могло позволить мне колотящееся сердце:

– Она близко.

– Пусть ее, – ответила Эмма, не поднимая глаз.

– Если мы сумеем выбраться отсюда, Хоббей передаст мне опеку над вами. Так что решать свою судьбу вы будете сами, – объявил я ей.

Она снова оделила меня жестким взглядом:

– Если мы выживем, я найду себе другую роту. Может, надо будет сражаться со скоттами.

– Я рисковал всем, чтобы попытаться спасти вас.

– Почему? И зачем? Я не хотела…

– Чтобы предоставить вам шанс… выбор…

Внезапный грохот заставил меня умолкнуть. Темно-серое облако накрыло нос ближайшей к нам галеи. Секунд на двадцать настала странная тишина, а потом одни из моряков пробормотал:

– Совсем рядом пролетело.

Тут снизу донесся крик:

– Огонь!

За ним последовал грохот, сильнее которого мне не приводилось слышать за всю жизнь: его произвели все пушки правого борта «Мэри-Роз», неровной чередой выстрелившие по галеям. Сотрясение прошло по моим ногам, заставляя содрогаться сами кости и производя жуткое давление на уши. Палуба дрогнула и заскрипела. Я посмотрел на Эмму: она глядела вверх, и глаза ее пылали волнением.

Когда дым рассеялся, я увидел, что галеи остались невредимыми. Наше судно начало резкий и крутой поворот налево. Затрещали под ветром паруса, а из двери дохнул сильный порыв ветра.

– Слишком быстро, – заметил один из моряков.

Корабль повалился на правый борт. Я думал, что все произойдет так же, как и при предыдущем маневре и он выровняется, однако палуба кренилась все больше и больше. Солдаты на левом борту, поднимавшемся все выше по мере того, как опускался правый борт, цеплялись за края амбразур: оружие их скользило вниз и ударялось в борта. Глянув через дверь, я увидел, как в сеть оснастки свалился с главной мачты моряк, а потом в море градом посыпались с поручней ручные пищали. До моего слуха донеслись из-под сети на верхней палубе треск и вопли, когда все, что не было закреплено, поехало вниз. На все это ушли считаные секунды, однако время словно бы растянулось в моем восприятии, выхватывая страшные подробности одну за другой. Все солдаты на нашей палубе вместе с оружием падали вниз, ударяясь в правый борт. Длинная пушка на левом борту также начала высвобождаться из своего крепления.

– Надо уносить ноги! – крикнул своему напарнику стоявший возле нас

матрос. Они опустились на колени и, цепляясь за ограждения, торопливо поползли на проходящий над сеткой трап, ибо палубу уже накренило под таким углом, что идти по ней было просто невозможно. Люди под сеткой кричали, я видел протянутые сквозь ячеи руки.

– Пошли! – позвал я Эмму, отправляясь следом за моряками и скрипя зубами от боли в плечах. Какое-то мгновение я опасался, что девушка останется на месте, однако слух подсказал мне, что она торопится следом. Мы оказались на трапе. Внизу люди отчаянно рубили сеть своими ножами. Чья-то протянувшаяся ладонь схватила меня за руку, и полный отчаяния голос выкрикнул:

– Помоги нам!

Но тут на нас обрушилась вода, а вместе с ней, как удар, холод, и я почувствовал, что меня уносит. В те доли секунды, когда я ощутил себя на гребне волны, мне удалось еще заметить, как градом сыплются солдаты с юта сквозь открытые или сломанные задвижки и люки… Голубь, глаза которого были полны ужаса, в тяжелом красном бригандине, как камень, пролетел мимо меня… За ним упал полный Снодин, отчаянно размахивая руками и вопя. Поднимая столбы брызг, солдаты падали в море и исчезали: тяжелая одежда и шлемы немедленно уносили их на дно. Все они… все до единого. Оставшиеся в ловушке под сетью и на нижних палубах подняли отчаянный крик. Но тут над моей головой сомкнулась холодная вода, и я успел только подумать: вот он, тот конец, которого я всегда опасался… я тону. И тут боль вдруг оставила меня.

На несколько мгновений мной овладел полнейший, абсолютный ужас, а затем я ощутил, что меня несет вверх и вперед, и голова моя оказалась на воздухе. Брыкаясь в воде, я отчаянным глотком хлебнул воздуха, и меня отнесло на несколько ярдов от «Мэри-Роз». Огромный корабль лежал на боку и быстро тонул. Часть фока уже плавала по воде, а стеньга и сама фок-мачта почти горизонтально лежали над бурлящей водой. По ним бежали крохотные бурые силуэты: нетрудно было понять, что это крысы. Удивительным образом уцелели оба марсовых на фок-мачте – они цеплялись за снасти и жалкими голосами молили о помощи, а их огромная мачта, верх которой раньше можно было увидеть, только задрав голову, теперь находилась всего в нескольких футах над волнами. Жутких воплей солдат и матросов, оказавшихся в ловушке под сетью, больше не было слышно. Я огляделся по сторонам: всего дюжины две людей, как и я, брыкались и кричали, оставаясь на поверхности воды, да еще несколько свежих утопленников плавали спинами вверх. Заметны были и крысы. В

нескольких футах от меня всплыл пузырь воздуха. Корабль осел, уходя под воду.

Я вновь ощутил силу, увлекавшую меня вниз. Быть может, причиной ее было судно, опустившееся на морское дно, расположенное футах в пятидесяти от поверхности – оказавшись под водой, я увидел среди множества пузырей неясные очертания носовой надстройки. Она как будто шевелилась, отваливаясь от корпуса. Закрыв глаза, чтобы не видеть этого ужаса, я вдруг увидел перед собой скорбное лицо человека, которого некогда утопил.

Внезапно ток воды, увлекавший меня вниз, прекратился. Лихорадочно ударив ногами, я метнулся к поверхности и вынырнул, отчаянно втягивая в себя воздух. Чуть поодаль «Грейт-Гарри» несся на французские галеи. После того, что произошло с «Мэри-Роз», этот корабль не намеревался поворачиваться боком. На одной из галей прогремел пушечный выстрел. Ему ответил рык пушек на носу «Грейт-Гарри», и над водой поплыл дым. Отчаянным движением я вцепился в какой-то оказавшийся рядом предмет. Это был длинный лук, слишком легкий, чтобы выдержать мой вес. Я ощутил жуткий холод и внезапную легкость в голове и понял, что вновь опускаюсь в глубину. Говорят, если уж тонешь, то когда уходишь под воду в третий раз, это уже конец, вспомнилось мне.

И тут кто-то схватил меня за руку и потащил наверх. Оглядевшись помутившимися глазами, я увидел Эмму. Она держалась за какой-то широкий деревянный круг с коротким стержнем посередине, разрисованный алыми и белыми лепестками розы. Это была эмблема с носа «Мэри-Роз», и я вцепился в нее изо всех сил. Она не была настолько массивной, чтобы поддержать нас обоих, однако, ударяя ногами, нам удавалось держать головы над водой. Усилие заставило меня вновь ощутить боль в плече, зубы мои застучали в ознобе. Даже при наличии спасительного щита с эмблемой мы не могли продержаться долго. Над водой разносились слабые крики еще остававшихся в живых людей.

Сломав прежний строй, галеи отступили к французскому флоту. Теперь мы оказались намного ближе к нему, и я смог различить отдельные корабли. Их были дюжины и дюжины, черных, желтых, зеленых, выстроившихся в колонну по три в ряд… На одном из первых полоскался большой папский флаг с ключами святого Петра. Я посмотрел на противоположную сторону нашего щита, на Эмму. Лицо ее наполняло лихорадочное возбуждение.

– Где они все? – спросила она. – Солдаты, матросы?..

– Погибли, – сумел выдохнуть я. – Утонули.

Я поглядел туда, где только что находилась «Мэри-Роз»: от судна ничего не осталось, и только из все еще бурлившего моря на несколько футов поднимались концы двух мачт, марсы которых облепили люди. Да еще на волнах плавал парус.

Услышав крик, я оглянулся и увидел неподалеку шлюпку, посланную с одного из английских кораблей. За ней шли другие, вылавливавшие живых людей из воды. Когда лодка поравнялась с нами, протянувшиеся из нее руки перетащили нас через борт. Эмма первой приземлилась на дно шлюпки, а меня бросили на нее, как попавшуюся на крючок рыбину. Оглядевшись, я увидел полное ужаса лицо спасшего нас моряка.

– «Мэри-Роз» погибла, – проговорил он.

Глава 48

Очнулся я в полутьме и сразу же понял, что нахожусь на суше, ибо земля подо мной не качалась. Мне хотелось пить – сильнее, чем когда-либо в жизни: у меня пересохло все от живота до носа. Глотнув, я ощутив соленый вкус и не без труда приподнялся на локтях, преодолевая сопротивление занемевших и больных плеч. Я увидел, что нахожусь в длинном помещении с низким потолком и высокими и узкими окнами. Снаружи было темно. Я лежал на грубой мешковине, постеленной на пыльный пол, прикрытый вонючим одеялом. Вдоль стен лежали другие люди. Кто-то стонал. По проходу между лежащими расхаживали двое людей со свечами в руках. Я попытался позвать их, но сумел только прохрипеть нечто неразборчивое. Один из державших свечи подошел ко мне тяжелой, прихрамывающей походкой и наклонил ко мне немолодое, покрытое морщинами лицо. Я с трудом выдавил:

– Пить, пожалуйста…

Опустившись на колени, старик поднес к моим губам кожаную флягу.

– Не спеши, приятель, – проговорил он, когда благословенная струйка слабого пива пробежала по моему иссохшему горлу. – Не глотай сразу.

Задохнувшись, я откинулся назад:

– Где мы?

– В одном из складов, на Устричной. Сюда перенесли всех выживших. А меня зовут Эдвин, обычно я на погрузке.

– Сколько… сколько человек спаслись? – проскрипел я.

– Из воды вытащили тридцать пять человек. Тех, кто похуже, принесли сюда. Здесь вас пятнадцать. Один уже умер. Упокой, Господь, его душу!

– Тридцать пять, – простонал я. – Из…

– Пяти сотен. Остальные остались на дне Солента. – Загорелое и обветренное лицо моего собеседника было печально. – Я знал кое-кого из них. Сам был моряком до того, как разбил ногу пять лет назад.

– А из солдат кто-нибудь уцелел?

– Двое или трое сумели удержаться на марсе. И только. Солдаты были в панцирях и все…

– Утонули. Я видел это. И слышал, как истошно кричали люди под абордажной сетью… – Глаза мои защипало, хотя никакой жидкости для слез в них не осталось.

– Ладно, – сказал старый моряк, – не бери близко к сердцу. Лучше

выпей еще пива. В шлюпке из тебя вылилась уйма воды, прежде чем ты потерял сознание.

– А ты видел, как это было? Видел, как корабль утонул? – спросил я.

– Все видел. Все, кто был на берегу, это видели. И крики ихние слышали – как слышал их и король на башне замка Саутси.

– Он видел, как утонула «Мэри-Роз»?

– Говорят, он стенал. «О, мои доблестные джентльмены! О, мои доблестные матросы!» Естественно, джентльмены у него на первом месте, – добавил старик с горечью.

– Но почему… почему корабль затонул?

Эдвин покачал головой:

– Некоторые говорят, что, наверное, вовремя не закрыли орудийные порты при повороте. Другие считают, что судно перегрузили пушками и солдатами. Слышал я, и что в него могло попасть ядро с галеи. Но какова бы ни была причина, жизнь этим людям уже не вернуть.

– А французы… что стало с ними? «Грейт-Гарри» обстреливал галеи…

– Ихние галеи присоединились к своему флоту. Они пытались выманить нас на глубоководье, где наши корабли поджидал весь французский флот, но лорда Лайла не проведешь. Нас задавили бы чистым числом.

– Я видел пожары на острове Уайт.

– Французы высадили там около двух тысяч человек, однако их сбросили в море. Флоты по-прежнему стоят друг против друга. К нашему счастью, у них плохой командир. Но если ветер будет благоприятствовать им, они могут напасть на нас. А тебе нужно уходить отсюда побыстрее. – Снова дав мне отхлебнуть пива, мой новый знакомый с любопытством посмотрел на меня. – Мы тут все гадали, сэр, что ты делал на борту. Ты не моряк и не солдат, да и говоришь, как джентльмен.

– Я не должен был находиться там. Мне надо было оставить корабль, но я не успел этого сделать.

– А где именно ты был на «Мэри-Роз»?

– На юте. На трапе над сетью. Мне удалось выползти на него.

Эдвин кивнул:

– Значит, в рубашке родился, раз не пошел на дно вместе со всеми остальными.

Я откинулся на спину. Воспоминания о случившемся возвращались какими-то рывками: корабль, накренившийся под немыслимым углом, человек, вцепившийся в меня, пока я полз по трапу, Эмма у меня за

спиной…

– Вместе со мной в воде был еще один человек… – начал я.

Эдвин, кривясь, поднялся. Нога его была сломана ниже колена, и плохо срослась – это было заметно.

– Да, – проговорил он, – вместе с тобой спасли и мальчишку. Вы оба держались за эмблему «Мэри-Роз». Вам повезло. Лодочники пытались спасти эмблему, но она утонула…

– А мальчик спасся?

– Да. Хорошо сложенный парнишка с оспинами на лице. – Бывший моряк снова посмотрел на меня. – Сын твой, наверное?

– Нет. Но эта… этот парень спас меня. Где он?

– Ушел. Я помогал вытаскивать уцелевших из шлюпок. Он лежал под тобой вниз лицом. Вроде бы был без сознания, но когда лодка ударилась о причал, стряхнул тебя, а потом на обезьяний манер взбежал по ступенькам и припустил вдоль по Устричной. Мы звали его… Он, похоже, был ранен и прижимал руку к груди. Но только он все равно убежал. Так ты не в родстве с ним?

– Нет. Просто мне хотелось знать, жив он или нет. Он втянул меня на эту деревяшку. А скажи, кто-нибудь из офицеров уцелел?

– Нет. Все они остались под сетью.

Я вспомнил Уэста, разговаривавшего с Кэрью и казначеем. Значит, погиб и он, как и все остальные. Яркими и ужасными вспышками я увидел, как гибнет рота Ликона, поодиночке, грудой камней уходящая на дно.

Спал я в ту ночь кое-как. Человек, который стонал неподалеку, в конце концов затих. Вероятно, умер, так как Эдвин и его товарищи вынесли его тело на одеяле. Бодрствовать было хуже: перед глазами моими то и дело возникали картины смерти Ликона и его людей. Потом они вспоминались мне топающими по проселочным дорогам, вспоминались их споры, шутки, маленькие любезности… Джордж, едущий впереди вместе с сэром Франклином под ненавистную барабанную дробь… Эдвин и его товарищи напоили меня, а потом пытались накормить каким-то отваром, однако я не имел никакого желания есть.

Потом я проснулся уже утром, чувствуя себя отдохнувшим – не душой, но, во всяком случае, телом. Я посмотрел на своего соседа – лежавшего рядом на мешковине молодого моряка. Он что-то проговорил по-испански. Но усталость помешала мне вспомнить горстку знакомых испанских слов, и я, извиняясь, помотал головой. Потом, с трудом поднявшись на ноги, я сумел сделать три неуверенных шага, после чего мне пришлось ухватиться

за столб. Эдвин подковылял ко мне.

– Ты еще слаб, сэр, – проворчал он. – Ты долго пробыл в беспамятстве, тебе нужно еще полежать. Попробуй поесть.

– Не могу, – отказался я, и тут меня осенила жуткая мысль. – А никто из королевских приближенных сюда не заходил?

Старик горько усмехнулся:

– Нет. Королевская свита так и не оставила замок Саутси и шатры.

– А королева… тоже там?

– Нет. Она в Портчестере. Нас посетил только гость из городского совета. Они там спорят с губернатором Паулитом о том, кому платить за уход за всеми вами. – Бывший моряк вопросительно посмотрел на меня. – А вы кого-то ждете?

Покачав головой, я выпустил столб и повалился на свои мешки.

В следующий раз я проснулся, когда уже совсем стемнело. Ощутив чье-то присутствие рядом с собой, я резким движением сел. На табурете сидел Барак, а возле него стояла лампа.

– Джек? – спросил я неуверенным тоном, ибо сны мои были населены призраками.

Мой помощник глубоко вздохнул:

– Он самый.

– Как ты сюда попал?

– Когда ты не приехал в Питерсфилд, я вернулся в Хойленд, чтобы узнать, нет ли каких новостей от тебя или Эммы. Там мне сказали, что никто из вас не вернулся, поэтому я поехал сюда. Оказавшись в Портсмуте утром, я узнал, что рота Ликона утонула вместе с «Мэри-Роз». Концы мачт торчат из воды, я увидел их собственными глазами. Тут уж я решил, что тебе, мать твою, крышка! – вдруг взорвался клерк. – А потом узнал, что немногих уцелевших доставили сюда, и явился, чтобы проверить, нет ли тебя среди них.

– Я был на юте и сумел свалиться в воду. Эмма спасла меня.

– Значит, она тоже жива?

– Да, но когда спасшая нас шлюпка причалила к берегу, она убежала. Там на корабле… я сказал Ликону, кто она. Он заставил ее снять джек и шлем и раскрыл рубашку у нее на груди. Я доказал, что она – женщина. Это спасло ей жизнь. Но, Джек, все остальные погибли… Ликон, Карсвелл, Ллевеллин, все наши знакомые… – Глаза мои наполнились слезами. – По моей вине, ведь это из-за меня Рич перевел их на этот корабль…

Я зарыдал.

И тут Барак сделал такое, чего я от него никогда не ожидал, – наклонившись вперед, он обнял меня.

Потом я сумел сесть и рассказал Джеку всю историю – о том, как был заточен Уэстом, о том, что было на юте, о том, как мы сумели выбраться на трап и как Эмма помогла мне в воде. Мой друг сказал, что забрал несколько писем, пришедших в Хойленд. Тамасин чувствовала себя хорошо, однако волновалась, потому что он так и не вернулся в Лондон. А Гай писал, что Колдайрон раздражен и угрюм… потому что раздосадован его покровительственным обращением с Джозефиной.

– Это меня не удивляет, – заметил я.

Помолчав немного, Барак сердитым тоном спросил:

– Почему ты не прислал мне записку?

– Прости. Я мог думать только о том, что все наши друзья погибли из-за меня.

– Если бы не погибла рота Джорджа Ликона, погибла бы другая, их оплакивали бы другие женщины и дети.

– Однако я знал всех погибших… – Я отчаянно тряхнул головой. – В этом вся разница.

– На «Мэри-Роз» их послал не ты, а Ричард Рич, – напомнил мне Джек.

– Потому что он знал, что на этом корабле служит Уэст. Я видел, как они падали в воду. У них не было и доли шанса. Мне следовало погибнуть вместе с ними: это было бы справедливо.

– И что хорошего вышло бы в таком случае? Еще одна смерть? А мне пришлось бы рассказывать об этом Тамасин и Гаю? Кстати, я уже думал, что мне не удастся избежать этой обязанности.

Посмотрев на своего помощника, я вздохнул:

– Прости. А как себя чувствует Дэвид? Мне следовало бы уже давно спросить об этом… но мысли мои пришли в полный беспорядок.

– Дирик все еще находится в приорстве, и он не позволил мне встретиться с Хоббем или Дэвидом. – Барак строго посмотрел на меня. – Тебе придется съездить туда и сообщить им о том, что Эмма жива. Они уже слышали, наверное, что «Мэри-Роз» утонула вместе с пятью сотнями людей, и будут беспокоиться о ней. Ты сможешь встать, если чего-нибудь съешь. Эдвин говорит, что ты еще ничего не ел.

– Я не могу есть, – помотал я головой и, помолчав, вернулся к прежней теме. – Филип Уэст… погиб в бою, как и хотел.

– В бою? Он погиб потому, что задницы, управляющие этим бардаком,

перегрузили «Мэри-Роз» и поставили командовать кораблем человека, ничего не смыслящего в морском деле. Во всяком случае, так говорят в тавернах.

– Как раз перед тем как мы с Ликоном поднялись на ют, мы встретились с Уэстом. Я посмотрел на него… и он понял, что я взыщу с него все. Собственная праведность переполняла меня. Как и все это время.

– А Рич считает тебя покойником? – спросил Барак.

– Не знаю. Я думал, что он может приехать сюда. Но никто из придворных не заинтересовался нами.

– Тогда, раз Уэст мертв, Рич может покуситься на жизнь Эллен. Ты подумал об этом?

Я обхватил голову руками:

– Не могу думать ни о ком, кроме этих солдат…

Взяв меня за руку, мой друг резко потянул за нее:

– Пора брать себя в руки. Вставай, поднимайся, у тебя еще есть дела!

Глава 49

Однако потребовался еще день, чтобы я сумел сесть на коня. Барак заставил меня поесть и даже сходил в город за новой одеждой для меня. Днем частенько раздавалась орудийная перестрелка. Помощник сообщил мне, что французов выгнали с острова Уайт, однако два флота все еще стояли друг перед другом. Французы, как и прежде, посылали вперед галеи, чтобы те попытались поразить наши корабли и выманить их для генерального сражения, однако после потери «Мэри-Роз» их встречали только наши галеасы. Джек сумел найти в Портсмуте портного, и тот наделил меня одеждой, в которой я стал похож пусть не на адвоката, но, по крайней мере, на джентльмена.

– Они опасаются того, что французы попытаются высадиться в другом месте, – рассказал Барак, передавая мне одежду. – К нам подходят все новые солдаты. Я слышал, что король вызвал из Лондона новых наемников и приказал доставить из Сассекса свежую партию ядер… Нам пора убираться отсюда, – заключил он.

Мы по-прежнему находились в старом складе и, сидя на табуретах, ели похлебку возле кучи мешков, служивших мне постелью. Большая часть тех, кого доставили на этот склад, уже покинули его: кроме меня здесь оставались еще трое с переломами и один очень молодой несчастный морячок, должно быть, сошедший с ума и почти все время просто рыдавший в уголке. А я не мог заставить себя выйти наружу: перспектива снова увидеть перед собой открытое море вселяла в меня ужас. «Не так ли начиналось и безумие Эллен?» – подумал я.

– Они хотят попытаться поднять «Мэри-Роз», когда все успокоится, – заметил мой клерк. – Пригласить итальянских инженеров, чтобы выловить хотя бы пушки.

Поколебавшись, он добавил:

– Верхушки мачт торчат из воды в отлив.

Я промолчал. Барак отставил свою миску.

– Итак, – проговорил он деловым тоном. – Ты уже знаешь, что нам предстоит делать завтра?

– Да. Мы едем в Портчестерский замок, и я прошу аудиенцию у королевы.

– Я все проверил: она, как и прежде, находится там, а король пребывает на берегу. Ты разговариваешь с королевой, а потом мы едем

домой. Кони стоят в гостинице. Если хочешь, по пути домой можно заехать в Хойленд.

Я грустно улыбнулся:

– Вижу, мы поменялись местами, согласен? Теперь ты продумываешь планы, а я исполняю.

– Если спросишь мое мнение, на самом деле так было всегда.

Я усмехнулся, но в голосе моем не было радости. Перед моим внутренним взором все еще вставали картины гибели «Мэри-Роз». Подчас они так досаждали мне, что я терял способность рассуждать. Мысль о том, что безопасность Эллен я могу обеспечить, лишь если добьюсь встречи с королевой и расскажу ей о прошлом Рича, принадлежала Джеку.

– Уэст в любом случае погиб бы на «Мэри-Роз», разве не так? – спросил я.

– Конечно, – ответил Барак с теми терпеливыми, но недовольными нотками, которые стали часто звучать в его голосе. – Он же принадлежал к числу старших офицеров?

– Да. Так что, во всяком случае, за его смерть я не несу ответственности.

– Как и за смерть всех остальных. Они погибли, потому что корабль перегрузили солдатами, потому что он черпнул орудийными портами воду или по какой угодно еще причине. Что бы ни было, это произошло не по твоей вине.

– Думается, я никогда не сумею стать прежним, – вздохнул я. – Похоже, эта трагедия сломала меня.

– Со временем ты сумеешь увидеть все, как есть. Ты всегда умел делать это.

– Надеюсь на это, Джек. Ох, как надеюсь!

На следующее утро мы выехали пораньше. Начинался очередной жаркий июльский день. Когда мы вышли из сарая, сердце мое невольно заколотилось.

– Корабли остаются на прежних местах, – заметил Барак. – Французы сегодня не посылали вперед галеи.

Я посмотрел вдаль. Флот, как и раньше, стоял на якорях в Соленте, и к нему присоединились несколько малых кораблей. Не хватало одного судна – самого громадного. Хотя сердце мое уходило в пятки, я заставил себя смотреть на воду.

– Отсюда мачты не видны, – негромко сказал Джек.

– А семьи погибших известят об их смерти? – спросил я. – Рота

Ликона пришла из Хартфордшира.

Мой спутник посмотрел на корабли:

– Они не станут никого извещать. Когда все закончится, возвращающиеся по домам солдаты все расскажут родственникам погибших.

– Ну, я сам извещу родителей Ликона, съезжу в Кент. Боже милостивый, я должен сделать хотя бы это!

– Давай-ка сначала закончим свое дело и вернемся в Лондон, – негромко отозвался мой друг.

Мы направились к гостинице, в конюшне которой оставался Нечет. Рота усталых с виду солдат прошла мимо нас к причалу. Приглядевшись к их лицам, я спросил:

– Когда ты вчера ходил в город, то, надо думать, никаких следов Эммы не заметил?

– Я поспрашивал кое-кого, в том числе стражу при воротах. Никто из них не запомнил стриженого паренька в рваной рубашке. Думаю, она ушла из города.

Забрав коней, мы выехали через городские ворота: я оставлял Портсмут, на сей раз низко склонив голову, не имея сил посмотреть назад. Оставленные ротой Ликона палатки уже занимали другие солдаты. Переведя коней на легкий галоп, мы поскакали на север по острову Портси и по мосту над грязной протокой выехали на материковые хэмпширские земли, а потом свернули налево, к Портчестерскому замку. Я все время отворачивался от моря: у меня просто не было сил смотреть туда.

Теперь я не имел никаких рекомендательных писем, никаких полномочий, позволяющих попасть в замок. Обращаться к Уорнеру я не смел. Однако, оказавшись лицом к лицу со стражей у рва, я обнаружил, что страх и самоуничижение оставили меня, уступив место привычным адвокатским штучкам и манерам, и я поведал им – достаточно правдиво, – что, будучи мастером юриспруденции, исполнял поручения королевы на борту «Мэри-Роз». Я сумел бойко произнести это название, хотя от звуков его чрево мое возмутилось.

Я рассчитывал на то, что произнесенные мной слова произведут впечатление на дежурного офицера, однако он с сомнением посмотрел на меня:

– Что потребовалось адвокату на борту «Мэри-Роз»? Сегодня по Портсмуту тучами шляются всякие оборванцы, утверждающие, что пережили гибель корабля. По большей части они надеются получить

пенсион. Но если вы адвокат, где ваша мантия?

– На дне Солента! – рассердился я. – Еще раз говорю вам, я был на этом судне, и картина его гибели будет преследовать меня до конца отпущенных мне дней! А теперь отнесите это письмо королеве, дело не терпит отлагательств. Она примет меня. А если откажет, можете бросить меня в ров, возражать не буду.

Стражник вновь посмотрел на меня с сомнением, однако все-таки поручил солдату отнести мое письмо. Барак хлопнул меня по плечу.

– Так оно лучше, – проговорил он с заметным облегчением в голосе. – Отлично, вижу, ты приходишь в себя…

Я не ответил. Вид этих солдат живо напомнил мне о Ликоне, о его роте и о столбах брызг, в которых они навсегда уходили на дно. Перехватив поводья Нечета, я вдруг заметил, что костяшки моих пальцев побелели.

Спустя полчаса меня проводили в богато украшенную палату. Джеку было указано ждать во дворе. Королева, сидя за столом, что-то писала. Как всегда, общество ее разделяли две камеристки, вышивавшие в эркере. Они поднялись и поклонились. Роберт Уорнер стоял возле своего стола. Он сердито смотрел на меня, пока я низко кланялся ее величеству. Екатерина же встала, и я заметил, что напряжение и утомление еще не оставили ее лицо.

– Стражник сообщил мне, что вы, Мэтью, были на «Мэри-Роз»? – благосклонным тоном спросила она.

– Именно так, ваше величество. – Я обнаружил, что к моим глазам прихлынули слезы. По кивку королевы Уорнер проводил меня к креслу. Сложив руки на груди, Екатерина Парр посмотрела на меня сверху вниз.

– Что случилось? – спросила она негромко.

Я глубоко вздохнул, и какое-то мгновение слова просто не шли с моего языка.

– Простите, ваше величество. Я так стремился сюда, но теперь, прошу в этом прощения, не могу говорить, – выдавил я из себя, наконец.

Голос мой дрогнул.

– Успокойтесь. – Королева дала знак одной из камеристок. – Розамонда, принесите немного вина.

Через пару мгновений я взял себя в руки и заговорил:

– Я знаю, что произошло с Хью Кертисом. И с бедным Майклом Кафхиллом, которого довели до самоубийства. Кроме того, мне есть, что рассказать вам о сэре Ричарде Риче и о женщине, с которой я познакомился в Бедламе. Это тайный и мрачный секрет.

Уорнер впервые подал голос:

– Если это касается Рича, ваше величество, следует проявить осторожность. Мастер Шардлейк, не может ли ваш секрет представить собой опасность для королевы?

Поколебавшись, я произнес:

– Пожалуй, вы правы. Видит бог, суждения мои в последнее время оставляют желать лучшего.

Екатерина улыбнулась и с неотразимым юмором произнесла:

– Нет, Мэтью, вам не удастся зайти так далеко по этой тропе и оставить меня в одиночестве. Рассказывайте все, и я решу, что именно следует делать.

И я рассказал ей о своем открытии хойлендского обмана и о нападении Эммы на Дэвида, хотя и свел к минимуму рассказ о полученном Дэвидом ранении и не стал говорить о том, что это он убил Абигайль. Я рассказал о бегстве Эммы в Портсмут, о своей сделке с Ричем, о поездке на «Мэри-Роз» и о ловушке, устроенной мне Уэстом. О том, как корабль кренился на моих глазах и как тонул. Тут мой голос снова задрожал.

После того, как я договорил, королева молчала целую минуту. Плечи ее поникли, а затем она решительно распрямилась и спросила меня:

– Итак, вам неизвестно, что произошло с Эммой Кертис?

– Нет. Кроме того, что у нее нет денег и она оставила Портсмут в одной рубашке.

– Негодяи! – вспылила Екатерина, покраснев. Она была охвачена такой яростью, в какой мне еще не приходилось видеть ее. – Негодяи и злодеи… проделать такое над девочкой ради денег! Но с тем, что натворил Ричард Рич, дело обстоит еще хуже. Положение Эммы еще возможно исправить, однако Рич не должен угрожать жизни этой несчастной, заточенной в Бедламе!

– Но что вы сделаете, ваше величество? – обеспокоенным тоном спросил Роберт. – Король…

Королева покачала головой:

– Я сама справлюсь с этим делом. – Она встала. – Насколько мне известно, сэр Ричард Рич сейчас находится в Портчестере. Приведите его ко мне.

– Но ваше величество… – попытался возразить ее адвокат.

– Приведите его, – повторила она со сталью в голосе. И повернулась к дамам: – Оставьте нас, это не для ваших ушей.

Помедлив недолго, Уорнер поклонился и вышел. Камеристки последовали за ним. Мы с королевой остались наедине. Гнев в ее карих

глазах сменился озабоченностью. Слезы вновь подступили мне к горлу.

– «Мэри-Роз»… это ужасная трагедия. Король видел ее гибель… он был потрясен. Леди Кэрью находилась рядом с ним, он утешал ее, – рассказала Екатерина.

– Эти солдаты на юте… они попали туда по моей вине. Барак говорит, что, если бы погибла не эта рота, ее место заняла бы другая, и он прав… Только я все время вижу их и думаю, что стал причиной их смерти.

– Пусть это и неправильно, но естественно. – Королева вновь печально улыбнулась. – Однако слова не помогают, не так ли? Только время и молитва способны исцелить нас.

– Молитва, ваше величество? – повторил я следом за Екатериной.

– Да, молитва.

– Я разучился молиться.

Мой собеседница протянула руку и прикоснулась пальцами к моей ладони. У нее были красивые, мягкие, надушенные пальцы. Но в дверь постучали, и она, отведя руку, произнесла:

– Войдите!

Уорнер пропустил вперед Ричарда Рича, крохотная головка которого утопала в толстом меховом воротнике серого облачения, на котором покоилась золотая цепь – знак сана. Жесткие небольшие глаза его обвели взглядом комнату. Тут он увидел меня, глаза его округлились, и Рич сделал шаг назад. «Итак, – подумал я, – Барак был прав: ты уже похоронил меня». Ричард пошатнулся и, должно быть, упал бы, если бы Роберт не поддержал его за узкие плечи. Посмотрев на королеву, Рич вспомнил, где находится, и отвесил ей низкий поклон, а та посмотрела на него взглядом, ничуть не уступающим в жесткости его собственному.

– Сэр Ричард, – произнесла она суровым тоном, – насколько я могу судить, вы не рассчитывали увидеть мастера Шардлейка живым.

Рич взял себя в руки:

– Я слышал, что он находился на «Мэри-Роз», ваше величество. Говорили, что выжили всего несколько солдат и матросов с этого корабля.

Не отводя своих глаз от лица Рича, королева произнесла спокойным голосом:

– Мне известно, что вы послали его на борт «Мэри-Роз», чтобы его там убил некий Уэст, теперь уже мертвый, но, при всех своих горестных прегрешениях, хотя бы пытавшийся защитить жизнь женщины, которую он погубил с вашей помощью.

Ричард бросил на меня волчий взгляд:

– Не знаю, что вам наговорил обо мне этот человек, но он – мой враг.

Он может сказать что угодно…

– Я верю его словам, сэр Ричард. Они вполне логичны, если учитывать ваши известные мне способности. И в частности, убийство клерка Миллинга…

– Он сам запер себя в том подвале… – запротестовал Рич.

Не замечая его слов, Екатерина продолжила:

– Я знаю о вас все. Знаю о вашем сговоре с Уэстом убить мастера Шардлейка, о том, как вы позволили Эмме Кертис отправиться на борт «Мэри-Роз», зная, что она женщина… Знаю все, начиная от того момента, когда вы похитили письмо короля Анне Болейн и передали его Екатерине Арагонской.

Облизнув узкие губы, Ричард указал на меня:

– Все это недоказуемо. Уэст мертв…

– Жива его мать. Она может подтвердить, что письмо было украдено, – возразил я. – И потом, в живых осталось не так уж мало людей, находившихся при дворе девятнадцать лет назад, и среди них вполне может найтись кто-то помнящий ваш отъезд вместе с Уэстом. Я могу в ближайшее время заняться этим расследованием. К тому же, король, безусловно, не забыл про то письмо.

Веко Рича дернулось:

– Прикажите принести мне Библию, ваше величество. Я поклянусь на ней перед вами…

– Вы, продавший душу дьяволу? – спокойным тоном спросила королева.

Сэр Ричард покраснел и открыл было рот, но затем немедленно снова стиснул губы над острым подбородком. Веко его опять задергалось.

– Слушайте меня, Ричард Рич, – сказала ее величество. – Эти две женщины, Эллен Феттиплейс и мать мастера Уэста, теперь находятся под моим личным покровительством. Поскольку Уэст погиб, я буду оплачивать пребывание Эллен в Бедламе до тех пор, пока она сочтет нужным оставаться там. И если что-то произойдет с ней или с Мэтью, я клятвенно обещаю вам – а я свои клятвы выполняю, – что расскажу королю обо всех ваших подвигах, начиная с кражи того письма, которое известило Екатерину Арагонскую о намерениях короля развестись с ней.

Рич ничего не ответил. Лицо Екатерины вспыхнуло гневом:

– Вам понятно? Отвечайте своей королеве, невежа!

Ответ его прозвучал совсем негромко:

– Понятно, ваше величество.

– Еще один вопрос, – добавил я, и голос мой переполняла ненависть к

Ричарду. – Он заставил меня написать завещание и хранит его экземпляр. Его следует уничтожить.

Королева повернулась к Уорнеру:

– Роберт, мастер Рич в течение часа доставит вам этот экземпляр, и вы лично его уничтожите.

Сэр Ричард смотрел на королеву загнанными, дергающимися глазами. Она ответила ему жестким взглядом.

– Будет исполнено, – ответил он.

– Хорошо. Тогда убирайтесь прочь. И впредь не попадайтесь мне на глаза.

Рич поклонился и попятился к выходу из комнаты. Оказавшись в дверях, он бросил на меня взгляд, без всяких обиняков говоривший, что, если мне когда-либо случится угодить в его лапы, меня ждет смерть, медленная и болезненная, осуществленная под его руководством.

Когда дверь за ним закрылась, я облегченно вздохнул. Уорнер также заметно расслабился. Лишь сама королева гневно смотрела на закрытую дверь.

Роберт отвел нас с Бараком к воротам Портчестерского замка. По пути он молчал, но при расставании негромко заметил:

– Королева может захотеть выдвинуть обвинения против сэра Квинтина Приддиса и его сына, однако я посоветую ей не делать этого. В таком случае дело Кертиса всплывет на поверхность, а это повредит Суду по делам опеки. Король ценит приносимый им доход, и я не хочу, чтобы ее величество спорила с ним.

– Я понимаю вас, – согласился я.

Адвокат глубоко вздохнул:

– И после всего этого, я полагаю, что будет много спокойнее, если королеве больше не придется наставлять вас в каких-либо делах.

Я кивнул:

– Учитывая то, куда ее завело это дело?

– Если вы любите ее так же, как и я, то оставите ее теперь в покое.

– Согласен, мастер Уорнер. И еще раз извините меня за несправедливое обвинение.

Кивнув, мой собеседник протянул мне руку:

– Прощайте, Мэтью.

– Прощайте, Роберт, благодарю вас, – сказал я и, помедлив, предупредил его: – Опасайтесь Ричарда Рича. Боюсь, я превратил его во врага королевы.

– Я не забуду об этом.

Я проехал рядом с Джеком по мосту через ров. Взгляд мой коснулся моря и вернулся обратно. Я глубоко вздохнул.

– Едем в Хойленд, – проговорил я. – А оттуда домой.

Повернув, мы поехали прочь от Портчестерского замка, удаляясь от моря.

Глава 50

Через два часа мы уже подъезжали по узкой дорожке к Хойлендскому приорству. Въехав в ворота, мы увидели дом. Цветы бедной Абигайль по большей части засохли, а на прежде опрятных лужайках выросла довольно высокая трава. Окна были закрыты ставнями, а мишени возле сестринского кладбища уже исчезли.

Еще недавно с облегчением вернулся на сушу, но тут, подъезжая к крыльцу, ощутил, что мягкая поступь коня вдруг уподобилась качке ненадежной палубы. Вцепившись в поводья, я остановил Нечета, и тяжело дыша, зажмурил глаза.

– С тобой все в порядке? – встревожился Барак.

– Да. Подожди минуту.

– Здесь Дирик.

Я открыл глаза. На ступенях крыльца в черном одеянии стоял Винсент, хмурившийся в нашу сторону. Вид его вернул мне силы: я не мог позволить этому человеку увидеть мою слабость. Дирик что-то крикнул через плечо в зал, и оттуда выбежал мальчишка, чтобы принять коней.

– Ну, вернулись, наконец, – произнес мой коллега своим скрипучим голосом, когда мы оказались рядом. – Прошло уже четыре дня. Мастер Хоббей вне себя от беспокойства. А где Эмма? Вы нашли ее?

Я невольно улыбнулся. Даже сейчас этот человек стремился казаться убедительным. Тем не менее я понимал, что он весьма встревожен и опасается, что может раскрыться все, что Хоббеи проделали над Эммой.

– Я нашел ее, Дирик. Однако она не захотела возвращаться со мной и убежала… я не знаю куда, – рассказал я.

– Мы слышали о гибели «Мэри-Роз», о нападении на остров Уайт…

– Французам не удалось захватить его. Но они по-прежнему торчат в Соленте, – ответил я.

К тому времени я уже согласился со своим помощником в том, что не надо ничего рассказывать здесь о нашем пребывании на борту «Мэри-Роз». Не было никакого смысла делать это.

– Лужайка начинает приобретать запущенный вид, – заметил я.

– Половина слуг разбежалась, – буркнул Винсент. – Ушла даже старая карга Урсула, потому что дом, видите ли, проклят. Все бросились в деревню заискивать перед Эттисом. Кстати, его выпустили из тюрьмы. Мастер Хоббей сдержал свое слово.

– А где сейчас мастер Николас?

– В своем кабинете. Он почти не выходит из него, если только не находится возле сына.

– А как себя чувствует Дэвид?

– Выздоравливает, но говорят, что впредь он не сможет толком ходить. И лишь одному Богу ведомо, что происходит в его голове. Боюсь, он может выложить всю историю, – добавил Дирик обидчивым тоном. – Парня следует поместить в такое место, где его можно будет держать под присмотром.

Я покосился на него. Слова коллеги напомнили мне о том, как Уэст и Рич защищали себя после изнасилования Эллен. Но с Дэвидом, подумал я, ничего подобного не случится, я позабочусь об этом.

Николас Хоббей сидел за своим столом. Едва войдя в кабинет, я сразу увидел, что печальную пустоту, пребывавшую на его лице после смерти Абигайль, сменило отчаянное рвение. Я заметил, что он похудел.

– Эмма! Вы привезли известия о ней? Мы так ждали… – В его голосе появилась старческая раздражительность.

– Нас задержали в Портсмуте. Там начались бои… – начал объяснять я.

– Да. Сюда пришло известие о гибели «Мэри-Роз». Но, сэр, Эмма…

Я глубоко вздохнул:

– Я нашел ее, но она снова убежала. Она оставила Портсмут, и я не знаю, где она находится сейчас.

На лице хозяина дома появилось уныние:

– Она, как и прежде… изображает своего брата?

– Полагаю, что она продолжает этот маскарад. Живет так, как привыкла за последние годы.

– Эмма не продержится долго на дороге. Она не взяла с собой денег, – вмешался в разговор Дирик.

– Возможно, что она попытается вступить в другую роту, – добавил я.

Хоббей застонал:

– Она спит в зеленых изгородях, крадет пропитание в садах…

Висент же добавил сердитым голосом:

– Ее в любой день могут поймать и разоблачить.

– Эмма умна, – возразил я. – Она скоро поймет, что не способна прокормить себя, что может попасться. Думаю, что по крайней мере, существует шанс на то, что она может найти меня.

– В Лондоне? – уточнил Николас.

– Я сказал ей, что беру на себя опеку над ней и что предоставлю ей возможность самостоятельно решить, что дальше делать со своей жизнью.

– Тогда будем молить Бога о том, чтобы она пришла к вам, – вздохнул Хоббей. – Я и сам намереваюсь перебраться в Лондон, продать это безрадостное поместье и купить небольшой домик где-нибудь в тихом уголке. Дэвиду в городе будет легче, и там мне удастся найти помощь для его болезни.

– Он болен, это точно, – подчеркнув слово «болен», произнес Дирик.

– По-вашему, я не знаю этого? – огрызнулся Хоббей, поворачиваясь ко мне. – За этот дом и леса я получу хорошие деньги. Сэр Люк Корембек уже выражал заинтересованность, – он обратился к своему адвокату с долей прежней уверенности: – Выговорите хорошую цену, Винсент. Я оставляю переговоры на вас. Все, что мы получим, пойдет нам с Дэвидом на прожитие на все будущие годы, как только… как только мы расплатимся с моими прошлыми долгами. Мастер Шардлейк, вы сохраните долю Эммы, если она не вернется к тому времени, когда Хойленд будет продан?

– Сохраню.

– Мы получили бы больше, если бы располагали лесом деревни, – пробурчал Дирик.

– Что ж, мы им не располагаем, – отозвался Николас. – Уезжайте завтра, Винсент, ведите переговоры из Лондона. Меня уже тошнит от вас, – добавил он. Лицо его адвоката помрачнело, а Хоббей повернулся ко мне: – Мастер Шардлейк, я хочу, чтобы вы, если не возражаете, посетили Дэвида. И уверили его в том, что не намереваетесь рассказывать кому бы то ни было о том, что случилось с его матерью.

Мне оставалось только кивнуть в знак согласия. Я и прежде ощущал необходимость сохранить эту историю в тайне, и мне нужно было лично увидеть, как себя чувствует Дэвид.

Мы с Хоббеем поднимались по лестнице. Он ступал неторопливо, опираясь на поручень, и внезапно заговорил:

– Прежде чем мы окажемся у Дэвида, мастер Шардлейк, я хочу кое о чем спросить вас.

– Да? – повернулся я к нему.

– Я надеюсь, что вы правы и что Эмма действительно придет к вам в Лондоне. Однако, если ее разоблачат, как, по-вашему, расскажет ли она… – пошатнувшись, Николас вцепился в поручень… – расскажет ли она о том, что Дэвид убил свою мать? Я думаю, она догадалась об этом.

Он внимательно смотрел на меня. Итак, его, как и прежде, в первую

очередь беспокоил собственный сын.

– Сомневаюсь. Судя по тому, что она говорила мне в Портсмуте, Эмму терзает чувство вины за то, что она выстрелила в Дэвида, – ответил я.

Хоббей сделал еще один шаг, а потом снова остановился и посмотрел мне в лицо.

– Что я наделал? – вздохнул он. – О чем думали все мы все эти годы?

– Я не верю в то, что кто-нибудь из вас в полной мере представлял все последствия, хотя бы на миг, – заверил я его. – Вы были слишком испуганы. За исключением Фальстоу, намеревавшегося извлечь из ситуации максимум возможного.

Мой собеседник окинул взглядом большой зал, бывший вершиной всех его амбиций:

– И я, как слепой, не замечал, что сын мой теряет рассудок. В его поступке я виню себя самого. – Он снова вздохнул. – Что ж, теперь все кончено. Дирик пытается отговорить меня от отъезда, однако я принял решение.

Хозяин дома провел меня в комнату Дэвида. В ней находилась добротная кровать под балдахином на четырех столбах, кресла и подушки, а на старом гобелене на одной из стен изображена была битва из римских времен. Никаких книг, как в комнате Хью, там не было. Хоббей-младший лежал в постели. Он недвижно уставился в потолок, однако когда мы вошли, попытался подняться. Отец остановил его движением руки:

– Не надо. Сорвешь повязки.

Молодой человек посмотрел на меня полными страха глазами. В своей постели он был похож на пойманного испуганного мальчугана, и щетина на щеках делала его лишь еще более жалким.

– Как вы себя чувствуете, Дэвид? – вежливо спросил я.

– Больно, – пожаловался он. – Доктор зашил мою рану.

– Дэвид вел себя мужественно. Он даже ни разу не вскрикнул… так, мой сын? – улыбнулся ему Николас.

Юноша глубоко вздохнул.

– Мастер Шардлейк пришел, чтобы сказать тебе о том, что не станет ничего говорить об обстоятельствах кончины твоей бедной матери, – продолжил хозяин дома.

Слезы вскипели в глазах Дэвида:

– Наверное, я тогда сошел с ума, сэр. Я стрелял в вас, а потом убил свою несчастную мать. Я не мог думать о чем-то другом… я все время хотел стрелять в людей. Я должен был сохранить в тайне наш секрет, удержать Эмму у нас. Даже если бы мне пришлось ради этого убивать…

Торопливо, почти неразборчиво выпалив эту тираду, он вдруг умолк, взглянул на меня и полным мучения голосом спросил:

– Сэр, может ли Бог простить такой грех, который я совершил?

Я посмотрел в его измученные глаза:

– Я не священник, Дэвид, но если человек глубоко раскаивается в содеянном, говорят, что Он может простить даже самый тяжкий грех.

– Я беспрестанно молюсь, сэр, – проговорил парень сквозь слезы. – О прощении грехов и за мою мать.

– Это все, что ты можешь сделать, Дэвид, – сказал его отец и, шагнув к сыну, взял его за руку. Слова его напомнили мне конец моего разговора с Екатериной Парр. Я опустил взгляд.

– Что слышно об Эмме? – дрогнувшим голосом спросил Дэвид.

– Мастер Шардлейк видел ее в Портсмуте. Она искренне жалеет о том, что нанесла тебе эту рану, – рассказал Николас.

– Я заслужил ее, – заявил Хоббей-младший, переводя взгляд на меня, и я увидел, что он до сих пор любит эту девушку. Мысль о том, что происходило в мозгу этого юноши последние шесть лет, настолько извратив его разум, заставила меня поежиться.

– Где она сейчас? – спросил он.

Старший Хоббей помедлил с ответом:

– Мы этого не знаем. Но считаем, что ей ничего не грозит.

– Я еще увижусь с ней?

– Едва ли, Дэвид. Если она и придет к кому-то, так это к мастеру Шардлейку.

Молодой человек вновь посмотрел на меня:

– Я любил ее, понимаете… Я любил Эмму все эти годы.

Я кивнул.

– Я никогда не думал о ней как о Хью. Вот почему, как мне кажется, страх пред разоблачением позволил дьяволу овладеть мной. Но я любил ее. Как любил и свою бедную мать, но осознал это только после того как… после того как убил ее. – Юноша разрыдался, и слезы потекли по его лицу.

Его отец опустил голову.

– Вот что… – начал я. Николас перевел свой взгляд на меня. Я помедлил, ибо уже успел наделить Гая достаточным количеством кошмарных случаев. Тем не менее самые трудные больные являлись для него хлебом насущным, и, быть может, он в данный момент как раз и нуждался в таком пациенте. К тому же, это предоставит мне возможность приглядеть за обоими Хоббеями…

– Если вы приедете в Лондон, я познакомлю вас с врачом, хорошим

человеком. Возможно, он сумеет помочь Дэвиду, – сказал я, наконец.

– А он поможет моему сыну снова стать на ноги? – с пылом спросил хозяин дома.

– Этого я обещать не могу.

– Я не заслуживаю исцеления! – еще более пылко вскричал Дэвид.

Тогда я проговорил, для того лишь, чтобы утешить несчастного:

– Оставим это решать Богу.

Через час мы с Бараком в последний раз выехали из Хойлендского приорства и свернули на лондонскую дорогу. Перед отъездом я сделал еще кое-что: вошел в комнату Эммы и взял маленький крестик, все еще остававшийся в шкафчике возле постели.

– Теперь домой! – провозгласил Джек. – Наконец-то домой! Поспеем к родам.

Посмотрев на него, я невольно отметил, что приобретенный им в Лондоне животик исчез. Проследив направление моего взгляда, клерк бодро воскликнул:

– Скоро все нагоню! Отдых и хорошее пиво сделают свое дело.

Однако без задержек не обошлось. Мы миновали поворот на Рольфсвуд, и перед нами лежала зажатая крутыми откосами дорога на Сассекс. Но в паре миль за развилкой путь наш преградили трое солдат, стоявших посреди дороги. Они сообщили нам, что находящийся чуть дальше мост рухнул и его сейчас чинят. Дело шло к вечеру, и солдаты посоветовали нам найти себе место для ночлега.

Мой помощник рассердился:

– Неужели там совсем негде проехать? Нас всего двое, а моя жена в Лондоне вот-вот родит!

– До завершения ремонта здесь проезда нет, – стояли на своем военные.

За мостом скопилась целая очередь направляющихся в Портсмут солдат и возчиков. Барак уже собрался пуститься в препирательства, но я остановил его:

– А давай-ка, Джек, сделаем из нужды добродетель и съездим в Рольфсвуд.

Мой спутник отвернулся от смотревшего на него солдата и пробормотал:

– Так поехали, – и разразился потоком ругательств, только когда оказался достаточно далеко, чтобы охранявшие дорогу к мосту люди могли его услышать.

В Рольфсвуде вновь царили мир и летний вечерний покой. Мы проехали мимо дома Батресса.

– А что ты намереваешься сделать с этим пройдохой? – спросил у меня Барак.

– То же самое, что и с Приддисом… то есть ничего. Если я начну разбираться с тем, как они с Приддисом подделывали подпись Эллен, история с изнасилованием неизбежно вырвется на поверхность. А я не думаю, что в нынешней ситуации это кому-нибудь нужно.

– Ну, во всяком случае, крылышки мы Ричу подрезали.

– Слегка. И пусть лучше мать Уэста считает, что сын ее погиб как герой.

– Интересно, что покажет дознание в отношении смерти бедного мастера Феттиплейса…

– Убийство, совершенное неизвестными лицами, я полагаю. И пусть все останется именно так.

Мы подъехали к гостинице, нашли место для ночлега и поужинали, после чего я оставил помощника в одиночестве, ибо обязан был совершить один визит.

Возле церковного дома царил привычный беспорядок. В саду царила корявая вишня в полной листве. Дверь на мой стук открыл сам преподобный Джон Секфорд. На сей раз он казался трезвым, хотя грудь его стихаря украшало оставленное пивом пятно. Он пригласил меня в дом, и там я рассказал ему все, что узнал об Уэсте и Эллен, Дэвиде и Эмме и о людях, на моих глазах умиравших на «Мэри-Роз».

Когда я закончил рассказ, снаружи уже стемнело. Хозяин дома зажег свечи в гостиной и настоял на том, чтобы мы выпили пива: на одну мою кружку пришлось три его. Дослушав меня до конца, он склонил голову на грудь, шевеля пухлыми ладонями на коленях. Наконец священник посмотрел на меня:

– Этот король трижды воевал с Францией и проиграл все три войны. И каждую из них он затевал ради собственной славы. Знаете, в церкви существует такое понятие, как справедливая война. О ней писал Фома Аквинский, хотя само учение о подобной войне много старше. Объявляющее войну государство должно перед этим использовать все прочие варианты, на его стороне должна быть справедливость, и цель войны также должна быть благородной. Ни в одной из своих войн Генри не выполнял эти условия, хотя и называет себя наместником Бога на земле.

– А в каких это войнах присутствует справедливость, мастер Секфорд? – возразил ему я.

Отец Джон нетвердой рукой поднес кружку к губам:

– В некоторых, наверное, присутствует. Но только не в войнах этого короля. – Голос его вспыхнул гневом. – Вся вина на нем, вся вина… за гибель людей на «Мэри-Роз», за гибель солдат, женщин и детей во Франции. Даже за гибель Филипа Уэста, да простятся ему его грехи!

– Я все время вижу лицо своего друга Ликона, лица всех остальных солдат… Я вижу, как они падают в воду. Вижу снова и снова… – признался я и сухо улыбнулся. – Женщина, которой я в высшей степени восхищаюсь, советует мне искать утешение в молитве.

– Она права.

– Но как Бог позволяет совершаться подобным вещам?! – взорвался я. – Как?! Если представить себе, как тонет этот корабль, представить себе все те жестокости, которые протестанты с католиками обрушивают друг на друга, если вспомнить об Эмме и Хоббее с Дэвидом… иногда – простите, но иногда мне кажется, что Бог просто смеется над нами!

Мой собеседник опустил кружку:

– Я вполне понимаю, что люди в наше время имеют все основания на то, чтобы думать подобным образом. И если бы Бог действительно был всемогущим, возможно, вы были бы правы. Однако Евангелие рассказывает нам другую историю. Про Крест, понимаете ли. Что касается меня самого, то я считаю, что Христос страдает со всеми нами.

– И что в этом хорошего, преподобный Секфорд? Кому это может помочь?

– Время чудес давно прошло. Смотрите… – Джон вновь взял свою кружку. – Он не может даже помешать мне пьянствовать, хотя я не отказался бы, чтобы он это сделал.

– Но почему? – спросил я. – Почему он не может этого сделать?

Секфорд грустно улыбнулся:

– Я не знаю… Но кто я такой? Всего лишь старый сельский пьяница-священник. Но у меня есть вера. Только так можно жить рядом с тайной.

Я покачал головой:

– Вера теперь недоступна мне.

Отец Джон улыбнулся:

– Вы не любите тайн, так ведь? Вы любите разрешать их. Как раскрыли тайну Эллен.

– Но какой ценой!

Священник посмотрел на меня:

– Вы будете заботиться о ней?

– Сделаю все, что могу.

– А как насчет этой бедной девочки Эммы и обломков семьи Хоббеев?

– О них я тоже позабочусь, насколько это представится возможным.

Наклонившись вперед, Секфорд прикоснулся дрожащей ладонью к моей руке:

– «Вера, надежда, любовь, – процитировал он, – но любовь из них больше»[46].

– В наше время слова эти несколько устарели.

– Тем не менее лучше все равно не скажешь, мастер Шардлейк. Напомните обо мне Эллен, когда увидите ее. А сегодня я поставлю в своей церкви поминальные свечи о вашем друге Джордже Ликоне и его воинах. Зажгу в их память настоящий костер.

Он положил трясущуюся ладонь на мою руку. Однако прикосновение это меня не утешило.

Глава 51

Мы с Бараком вернулись в Лондон через пять дней, в полуденные часы 27 июля, проведя в отъезде почти целый месяц. Расплатившись за лошадей в Кингстоне, последнюю часть своего пути мы проделали, как и его начало, по воде. Даже прилив на реке пробуждал во мне недоброе чувство, хотя я и пытался скрывать это.

Мы прошли через сады Тампля. Скоро Дирик вернется в свои палаты… Если обнаружится Эмма, мне придется связаться с ним, чтобы оформить передачу мне опеки над Хью – над тем, кем в глазах суда является эта девушка. Но если она так и не объявится, сделать я для нее ничего больше не смогу.

На Флит-стрит и Стренде все осталось, как было. Ватаги уличных парней в синих рубахах без смущения изучали прохожих, расклеенные по стенам плакаты предупреждали о французских шпионах. Лодочник сообщил нам, что на юг уходят новые и новые отряды солдат: французы по-прежнему стояли в Соленте.

Барак пригласил меня к себе домой, поздороваться с Тамасин, однако я посчитал, что им будет приятнее встретиться с глазу на глаз, так что я отказался и направился в собственные покои. Мы расстались внизу Ченсери-лейн. Помощник обещал мне, что придет туда завтра утром. Так что я проследовал дальше и свернул в ворота Линкольнс-инн. Надо было проверить, как обстоят там дела, а заодно и обдумать, как поступить с Колдайроном после возвращения домой.

В летнюю жару в Гейтхаус-корт было душно и пахло пылью. Внутри квадрата красных кирпичных зданий во всех направлениях расхаживали клерки и адвокаты. Здесь не было заметно никаких следов войны. Знакомая обстановка заставила меня расслабиться, и я с облегчением направился в собственные палаты. Еще из Эшера я послал Скелли записку с предупреждением о своем возвращении, и он с улыбкой поднялся мне навстречу.

– Все ли с вами в порядке, сэр? – Судя по нерешительной нотке в его голосе, можно было понять, что мое лицо еще хранило отпечаток пережитого.

– Вполне. А как ваши дела? Как жена и дети? – стал расспрашивать я его.

– Слава богу, все мы пребываем в добром здравии.

– А здесь как?

– Все хорошо, сэр. Есть несколько новых дел для рассмотрения на следующей сессии.

– Хорошо. – Я вздохнул. – Новая работа будет мне полезна.

– Мы слышали о том, что французы попытались захватить остров Уайт и «Мэри-Роз» затонула на глазах короля. Из Лондона в Портсмут посылают еще пятнадцать сотен солдат…

– Да, когда мы возвращались, на Портсмутской дороге было полно солдат и повозок.

– Никто не знает, что будет дальше. В тот же самый день, когда погибла «Мэри-Роз», на Темзе взорвался корабль «Еж». Некоторые говорят, что его взорвали французские лазутчики, другие утверждают, что за его пороховым погребом не было должного надзора…

– Последнее объяснение кажется мне более вероятным. Много погибших?

– Много… Сэр, вы здоровы? – Мой собеседник дернулся вперед, так как я уцепился за край стола, ибо пол под моими ногами словно бы накренился.

– Устал, только и всего, – успокоил я его. – Путешествие было долгим. А эти новые бумаги находятся в моем кабинете? Мне нужно посмотреть их.

– Сэр… – неуверенно проговорил Скелли.

– Да? – посмотрел я на него с нетерпением.

– А как там Джек? Что слышно от его жены? Она, кажется, вот-вот должна родить.

Я улыбнулся:

– С Джеком все в порядке, и с Тамасин, насколько мне известно, тоже. Когда мы расстались, он сразу же отправился домой.

Войдя в свой кабинет, я закрыл дверь и привалился к ней спиной. Покрывшись испариной, я ждал, пока земля перестанет кружиться под моими ногами.

Проглядев новые дела, я обратился мыслями к Колдайрону и Джозефине. Но не успел я прийти к определенному мнению, как услышал стук. Войдя, Скелли прикрыл за собой дверь:

– Сэр, вас спрашивает какой-то молодой человек. Он заходил два дня назад… говорит, что знает вас по местечку под названием Хойленд. Впрочем…

Я немедленно выпрямился.

– Ведите его сюда, – распорядился я, стараясь изгнать из голоса волнение и облегчение. – Скорее!

Сидя за столом, я ощущал, как колотится мое сердце. Однако Скелли привел не Эмму, а Сэма Фиверйира. Он остановился передо мной, знакомым жестом смахнув со лба клок сальных волос. Я постарался скрыть разочарование.

– Итак, Фиверйир, – произнес я без радости в голосе, – вы принесли письмо от своего мастера?

Промедлив, клерк покачал головой:

– Нет, сэр. Я решил, что больше не буду работать на мастера Дирика.

Я приподнял брови, а из уст Сэмюеля хлынул неожиданный поток слов:

– Я делал плохие вещи, сэр. В Хойленде мне удалось кое-что узнать, и я позволил мастеру Дирику отослать меня, хотя мне следовало сообщить об этом вам. С тех пор этот грех отягощал мою душу. На самом деле Хью это…

– Я уже знаю. Это Эмма Кертис.

Фиверйир глубоко вздохнул:

– Когда я встретил Хью, в нем оказалось нечто… нечто привлекательное для меня.

Пальцы его беспокойно мяли друг друга, но он не останавливался:

– Я подумал, что это дьявол толкает меня к великому греху. Я молился о наставлении, но никак не мог сдержать свои чувства. Ему не нравилось, что я все время смотрю на него, но я ничего не мог поделать с собой. И однажды я все понял…

– И рассказали Дирику.

– Я думал, что он что-то сделает для… для этой девушки. Однако он сказал мне, что речь идет о тайне клиента и что ее надо защищать, и отослал меня прочь. Я думал, я молился и понял… все, что случилось с ней, – несправедливо.

– Эта семейка ради собственной выгоды много лет заставляла ее изображать своего умершего брата. Но теперь она убежала, и никто не знает, где ее искать, – резко сказал я.

– Ах, сэр!.. – Сэм судорожно глотнул. – Можно мне сесть?

Я жестом указал ему на табурет. Он осел на него, являя собой картину полного несчастья.

– Вам известно, – спросил я, – что случилось с Абигайль Хоббей?

– Да, – ответил мой посетитель едва слышно. – Мастер написал мне. И еще, что за ее убийство арестовали этого Эттиса.

– Его отпустили, убийца – не он. – Наклонившись вперед, я раздраженным тоном произнес: – Но почему вы никому ничего не сказали о Хью?

– Я не мог подвести своего мастера. Но я все время думал и молился, а когда мастер Дирик прислал письмо, в котором сообщал о том, что приедет завтра, я понял… – Фиверйир с мольбой во взгляде посмотрел на меня. – Он ведь нехороший человек, правда?

Я пожал плечами.

– Вот я и подумал, сэр, нельзя ли мне попроситься к вам на работу, – выпалил клерк. – Известно, что вы, сэр, хороший адвокат и защищаете бедных.

Я смотрел на жалкое лицо Сэмюеля, гадая, в какой мере его приход ко мне вызван угрызениями совести, а насколько – желанием найти себе другую работу. Как знать…

– Фиверйир, – проговорил я спокойным голосом, – у меня не найдется работы для еще одного клерка. И я советую вам поискать себе место у какого-нибудь старого и заскорузлого циника от юриспруденции, который берет любую предложенную работу и не питает иллюзий о том, что любое его действие должно служить добру. К моему сожалению, я сам нередко поддавался этой иллюзии. Тогда, быть может, заручившись чьей-то тенью, в которой можно будет укрыться, вы сумеете стать взрослым.

Молодой человек опустил голову, и в позе его теперь читалось полное разочарование. Я проговорил уже более мягким тоном:

– Ну что ж, я попробую найти такого адвоката, который нуждается в клерке.

Сэм посмотрел на меня уже с решимостью на лице:

– Я больше не буду работать на мастера Дирика. Что бы ни случилось, я к нему не вернусь.

Я улыбнулся:

– Значит, вы не безнадежны, Фиверйир. Посмотрим, быть может, мне удастся что-то сделать для вас.

Вскоре после окончания нашего разговора я оставил инн и пешком прошел небольшое оставшееся расстояние до дома. Отперев дверь, я остановился в прихожей. Из кухни доносились голоса мальчишек. Вспомнив Джоан, я ощутил укол глубокой печали, но затем почувствовал, что кто-то смотрит на меня с верхних ступеней лестницы, и увидел Колдайрона. Он легким шагом начал спускаться вниз, и глаза его засветились любопытством:

– Сэр, с возвращением вас! Видели ли вы в Портсмуте что-нибудь интересное? Я слышал, что там была битва и французов прогнали на глазах самого короля!

Я не ответил. Спустившись вниз, эконом остановился у подножия лестницы и неуверенно посмотрел на меня, что-то заподозрив:

– Из Лондона отправляют новое войско. Молодой Саймон по-прежнему хочет уйти в солдаты, если война затянется.

– Через мой труп, – ответил я кратко. – А где доктор Мальтон?

– В гостиной. Я…

– Подойдите к нам через пятнадцать минут, – велел я и отвернулся, оставив Вильяма в смятении.

Гай находился в гостиной и был занят чтением. Он окинул меня радостным взглядом, вскочил на ноги и, подойдя ко мне, обнял меня за плечи. Я с удовольствием отметил, что теперь мой друг стал больше похож на себя самого, и печать усталости и печали уже не была столь очевидна на его смуглом лице.

– Ты, наконец, вернулся, – проговорил Мальтон. – Однако выглядишь утомленным.

– Я видел жуткие вещи, Гай, куда более страшные, чем ты способен себе представить. Я расскажу тебе потом, – вздохнул я.

Врач нахмурился:

– С Джеком все в порядке?

– Да. Он был моей опорой все эти недели. А сейчас побежал к Тамасин. Как она?

Доктор улыбнулся:

– Раздобрела, устала и сердится. Но все у нее хорошо. Рожать ей примерно дней через десять, я бы сказал.

– А ты сам?

– Я давно не чувствовал себя так хорошо. Знаешь, моя энергия как будто бы возвращается. Я хочу вернуться домой, вернуться к работе. А если ватага с угла вернется… что ж, все в руках Господа.

– Искренне рад за тебя!

– А знаешь, что помогло мне? Приведение Колдайрона к должному виду. Боже, как нагло держал себя этот негодяй на первой неделе! Однако я не позволил ему сесть себе на шею, отругал его за наглость, как и писал тебе. Тут он притих и стал на какое-то время послушным, но на последней неделе опять набросился на Джозефину…

– Так.

– Он лупил девушку поварешкой. Я отобрал ее.

– Хорошо. Я приказал ему явиться сюда через несколько минут. Однако сперва я должен рассказать тебе кое-что о нем, что не стал доверять письму на тот случай, если негодяй вдруг вскроет его.

Я поведал Гаю о том, что узнал в Портсмуте от солдата о происхождения Джозефины и о бегстве Колдайрона вместе с ротной казной.

– Он – преступник, – заключил я.

– Меня это не удивляет, – отозвался мой друг. – И что ты намереваешься делать?

Я усмехнулся:

– Увидишь.

Вскоре в дверь постучали. Мой домоправитель вошел в гостиную и встал навытяжку посреди комнаты.

– Итак, Вильям Колдайрон или, точнее, Вильям Пайл… – начал я.

Эконом не шевельнулся, однако тело его напряглось.

– В Портсмуте я встретил твоего старого друга. С которым ты любил играть в карты. Некоего Джона Сэдлера, – сообщил я ему.

Колдайрон глубоко вздохнул:

– Помню этого Сэдлера. Бесчестный тип. Увечные солдаты охотно рассказывают всякие небылицы, сэр.

– Он был с вами при Флоддене, когда ты был казначеем и отсиживался в арьергарде. Кроме того, он запомнил, как ты потом, во Франции, забрал с собой Джозефину, когда она была маленькой девочкой.

Вильям судорожно глотнул, его кадык качнулся вверх-вниз на жилистом горле, и он возмущенным голосом произнес:

– Ложь… ложь и клевета… да, клевета! Я подобрал Жожо в горящей французской деревне, я спас ей жизнь.

– Нет, ты не делал этого. Ты взял ее как невольницу, когда решил дезертировать, украв деньги своей роты. За это вешают.

– Все это ложь! – вскричал Колдайрон, но потом снова глотнул и взял себя в руки. Голос его стал вкрадчивым. – Но почему вы поверили Сэдлеру, сэр? Он – злобный лжец. А старому солдату не от кого ждать справедливости, – добавил он самым театральным образом.

– Нетрудно сделать запрос. И тогда тебя будет ждать заслуженное наказание. – На лице эконома появилось затравленное выражение. – А Джозефина знает, кто она на самом деле? – спросил я резким тоном.

– Она помнит, как горела ее деревня, помнит, как жила в лагере, и знает, что это я дал ей возможность жить, обрести свое место в мире, –

заявил домоправитель. – Я спас ее, кроме меня, у нее никого нет. Я обращался с ней, как с родной дочерью.

– Гай, – попросил я своего друга, – не окажете ли мне небольшую любезность? Приведите сюда Джозефину.

Медик направился к двери, и Колдайрон обернулся к нему.

– Сэр, – проговорил он с мольбой в голосе, – неужели вы поверили этой лжи?

Мальтон не ответил. Он вышел, и мы с экономом оказались друг перед другом. Вильям облизнул губы:

– Сэр, прошу вас, не доносите обо мне! Если дело дойдет до суда, там могут поверить россказням Сэдлера.

– Слова его нетрудно проверить по ротному архиву. Там мы и узнаем истину.

– Тогда отпустите нас с Джозефиной, – заискивающим тоном повторил мой слуга. – Мы уйдем отсюда в любой момент, как только вы скажете. Хотя мне, старику, раненному на королевской службе…

– Точнее, пострадавшему за мошенничество в карточной игре, как мне говорили.

Лицо эконома на мгновение исказил гнев, однако он промолчал. Дверь снова отворилась, и вошел Гай, за которым последовала испуганная Джозефина.

– Сэр, – немедленно заговорила она. – Я что-нибудь натворила? Отец…

– Тихо ты, Жожо! – осадил ее Колдайрон. – Помолчи.

Я повернулся к девушке:

– Джозефина, тебя никто ни в чем не упрекает. Но мне стало известно, что Вильям Колдайрон не является твоим отцом. Более того, Колдайрон – не его настоящее имя.

Служанка, до этого нервно переминавшаяся с ноги на ногу, вдруг разом притихла. Лицо ее напряглось, а глаза сузились. И я понял, что вся ее тупость и неловкость были, по большей части, ролью… которую она год за годом исполняла для Колдайрона, так же, как Эмма Кертис играла роль собственного брата. Вне сомнения, Вильяму было приятно считать свою подопечную глупой, неуклюжей и зависимой.

– Во время моего пребывания в Портсмуте, – продолжил я, – мне удалось кое-что узнать о мастере Колдайроне. О том, где и как он получил свое ранение…

– Это случилось при Флоддене, сэр, – сказала девушка.

– Ложь. Кроме того, он дезертировал из своей роты, прихватив с собой

и тебя.

Джозефина посмотрела на Гая. Тот кивнул. Тогда она повернулась к Колдайрону:

– Но ты же сказал, отец, что люди собирались плохо обойтись со мной, и ты решил защитить меня…

– Я же велел тебе заткнуться! – прошипел домоправитель. – Тупая и нелепая французская кобыла!

Девушка мгновенно умолкла.

– Я намереваюсь отпустить тебя, Колдайрон, – проговорил я. – Я не стану заявлять о твоих преступлениях… не допущу, чтобы твой позор пал на Джозефину. Можешь идти. Но тебя, Джозефина, я прошу остаться и работать на меня. Если ты не против.

Губы служанки задрожали:

– Но, сэр, вы же знаете – и доктор Мальтон тоже, – насколько я бестолкова!

– Именно! – с жаром подхватил Вильям. – Ты нуждаешься во мне… чтобы я следил за тобой, чтобы не давал все портить.

Я снова повернулся к девушке:

– Это неправда.

– Мы приглядим за тобой, Джозефина, – мягко добавил Гай.

Взгляд служанки заметался между нами обоими. Потом, наконец, лицо ее скривилось, и она в голос зарыдала, прикрывая глаза руками. Подойдя к ней, врач погладил девушку по плечу.

– Оставь ее в покое, черномазый говнюк! – завопил Колдайрон. – И ты, горбатый ублюдок! Ты всегда был против меня, ты ненавидишь солдат, ненавидишь настоящих мужчин, которые не слабаки, не уроды, не трусы…

Тут в голове моей словно бы помутилось. Я бросился к нему. Эконом в удивлении отшатнулся, когда я схватил его за плечи, развернул и вышвырнул в прихожую. Саймон и Тимоти выскочили на шум из кухни и с открытыми ртами замерли в дверях.

– Тим! – крикнул я. – Открывай дверь!

Вильям взвыл от досады:

– Зачем перед мальчишками-то?! Нет!

Он упирался, но подбежавший Тимоти уже распахнул дверь, и я вышвырнул в нее Колдайрона. Пролетев по воздуху над ступеньками, он приземлился лицом в грязь. Взвизгнув, как резаная свинья, эконом перевернулся и злобно посмотрел на меня. После этого я захлопнул дверь, страшно довольный, что Колдайрон увидел за моей спиной Саймона и Тимоти, хохочущих и бьющих в ладоши.

Глава 52

Я вернулся в гостиную. Уже успокоившаяся Джозефина сидела возле стола, рядом с ней стоял Гай. Она посмотрела на меня – прямо, не пряча, как обычно, глаза.

– Он ушел, сэр? – спросила девушка дрожащим голосом.

Я еще не отдышался, и плечи мои снова заныли.

– Да, ушел, – заверил я ее.

– А ты не запомнила свою фамилию, Джозефина, по детским годам? – осторожно спросил ее доктор.

– Нет. – Служанка склонила голову. – Но я помню деревню, горящий дом… – Она снова посмотрела на меня. – Еще помню, что некоторые солдаты были добры со мной. Но потом он увез меня оттуда.

Девушка глубоко вздохнула:

– Как я буду жить без него?

– Разве ты не хочешь этого? – спросил Мальтон. – Если нет, его нетрудно догнать.

– Но я же никто… и ничто.

– Мы так не считаем, иначе не попросили бы тебя остаться, – заверил ее медик.

От входной двери в гостиную донесся громкий стук. Девушка вцепилась в руку Гая:

– Он вернулся! Сэр, он будет злиться, помогите мне… пожалуйста…

Подойдя к двери, я открыл ее. Саймон и Тимоти еще стояли возле нее с блаженными улыбками на лицах. Распахнув дверь, я увидел Колдайрона, стоявшего на ступеньках. Дрогнув при виде моего лица, он проворчал:

– Мои вещи, сэр. Деньги в моем сундуке, мою одежду, маленькие памятки – вы не имеете права удерживать их! – Голос его сорвался на крик. – Это незаконно! И плату за работу! Оставляйте себе Жожо, если хотите, но я требую заработанные мной деньги!

Я повернулся к мальчишкам:

– Сходите в комнату Вильяма, затолкайте все, что там есть, в его сундук, снесите вниз и выставите наружу. И не церемоньтесь с его вещами!

Бывший эконом шагнул вперед, намереваясь войти в дом, однако я снова захлопнул дверь перед его носом.

– Слушаюсь, сэр! – Тимоти торопливо взбежал вверх по ступенькам. Должно быть, я подаю плохой пример этим мальчишкам, подумал я, и когда

Саймон повернулся, чтобы последовать за своим товарищем, я опустил руку ему на плечо:

– Подожди!

– Да, сэр? – посмотрел на меня подросток.

Я взглянул на его физиономию под нечесаными светлыми волосами. Саймон уже почти догнал меня ростом.

– Ты по-прежнему хочешь быть солдатом? – поинтересовался я.

Поколебавшись, мальчик ответил:

– После вашего отъезда, сэр, я понял, что мастер Колдайрон понарассказывал нам уйму небылиц, так ведь?

– Да, это так. Но Саймон, если ты однажды соберешься в солдаты, подойди ко мне, и я постараюсь найти несколько человек, которые смогут рассказать тебе о том, что такое настоящий бой. Если ты и после этого захочешь воевать, я не стану тебе препятствовать.

– Сэр, я вот думал… Перед отъездом вы говорили, что поможете мне стать учеником…

Я улыбнулся:

– Да. Помогу, если ты этого хочешь.

Мой юный слуга огляделся. Гай и Джозефина стояли в дверях гостиной. Девушка дрожала, и по лицу ее ручьями текли слезы. Она услышала слова Колдайрона о том, что мы можем оставить ее себе. Саймон посмотрел на нее, потом на меня, и покраснел.

– Значит Джозефина остается? – спросил он.

– Ну, как, Джозефина? – обратился к ней я.

Та ответила дрожащим голосом:

– Да, Саймон, я остаюсь.

Наконец мальчишки со стуком и грохотом спустили сундучок Вильяма по ступенькам. Я открыл дверь. Уволенный домоправитель с угрюмым выражением на лице сидел на ступеньках. Я проследил, как он уходит, до ворот и до улицы Ченсери-лейн. На прощанье бывший эконом повернулся и погрозил мне тощим кулаком.

Вечер продолжался. Я остановился в гостиной, глядя в сад. Доктор Мальтон находился с Джозефиной на кухне, помогая ей вернуться к жизни и вместе с мальчиками приготовить нам обед. Назад он вернулся с задумчивым выражением на лице. Я улыбнулся:

– Мне понадобится новый эконом, не хочешь ли заступить на это место?

Мой друг приподнял брови:

– Думаю, мне проще будет вернуться к медицине.

Потом, помедлив, он с неожиданной робостью произнес:

– А еще я думаю на следующей неделе перебраться в собственный дом.

– Я прикажу мальчикам и Джозефине сперва навести там порядок. – Я пристально посмотрел на Гая. – Как ты думаешь, она научится жить без Колдайрона?

– Ей придется нелегко. Если ты сможешь найти на его место какого-нибудь доброго старика, это может помочь ей, вернуть в ее жизнь ощущение порядка. Ей это будет нужно, хотя бы первое время. Кроме того, тебе действительно нужен домоправитель, иначе о вас с ней пойдут сплетни.

Я с улыбкой кивнул:

– Похоже, юный Саймон здесь заинтересованное лицо.

– Я это заметил. Думаю, тебе придется сказать ему о том, что она нуждается в помощи, а также в мире и тишине. Он – хороший парень, думаю, он все поймет.

Я уселся, помолчал минутку, а потом заговорил снова:

– Итак, с Колдайроном покончено. Однако у меня остается еще одно дело.

– Эллен?

– Во время поездки я узнал, что с ней произошло. Ее изнасиловали. Один из насильников мертв, а другой больше не в состоянии повредить ей. Королева взяла на себя оплату ее пребывания в Бедламе.

Медик пристально посмотрел на меня:

– Так что же произошло в Хэмпшире, Мэтью?

– Это долгая история. Кстати, если не возражаешь, могу предложить тебе нового пациента… несчастного, страдающего мальчика, тяжело раненного стрелой. – Я посмотрел на врача. – Он совершил ужасный поступок и мучается совестью. Он… ну, он болен умом. Однако свое ранение получил, пытаясь спасти меня и Барака.

– Его зовут Хью Кертис?

– Нет. Имя его – Дэвид Хоббей. Гай, я расскажу тебе все по порядку, но сначала мне надо посетить Бедлам, сказать Эллен, что ей ничто не грозит. И что она свободна.

– Будь осторожен с ней, Мэтью. Я совсем не уверен в том, что она способна освободиться.

– Прежде у меня были к ней только вопросы, но теперь есть и ответы. И я обязан произнести их.

– Ты знаешь, что она любила тебя.

– Поэтому я обязан донести до нее, что ей не на что надеяться.

Забрав Генезиса из конюшни, я поехал в Бедлам. Дверь мне открыл Хоб Гибонс. На его тяжелом лице отразилось неудовольствие:

– Вы вернулись.

– Да. И мне хотелось бы переговорить со смотрителем Шоумсом. – Я понизил голос. – Хоб, я теперь знаю все об Эллен.

Смотритель находился в своем кабинете. Не спрашивая разрешения, я сел напротив него. Эдвин Шоумс поднял голову. Его расчетливые глаза смотрели на меня с упитанного и заросшего щетиной лица. На нем была все та же засаленная безрукавка, что и при последней нашей встрече. Интересно, подумал я, на что он тратит все свои деньги?

– Меня посетил Метвис, – проворчал Шоумс.

– Позвольте мне догадаться о том, что он сказал, – усмехнулся я. – Эллен теперь находится под покровительством королевы, которая теперь будет вносить плату за нее.

Смотритель кивнул:

– Правильно. Как вам удалось это провернуть?

– Я нашел, кто именно изнасиловал Эллен девятнадцать лет назад. Тот, кто оплачивал ее содержание здесь, Филип Уэст. Но он мертв. В изнасиловании участвовал и другой человек, однако он теперь не может повредить ей, поскольку она находится под покровительством королевы Екатерины. Метвис называл вам его имя?

– Нет, и я не хочу его знать. Эллен уедет отсюда? – спросил Эдвин. – Мне безразлично. Она может покинуть Бедлам, как только захочет, если так будет угодно королеве. Заключения о ее безумии…

– Не существует и не существовало. Мне известно и это. Должно быть, Беатрис Уэст хорошо платила хранителю все эти годы. А устроил все это сэр Квинтин Приддис, я нисколько не сомневаюсь в этом. Вы охотно теперь избавились бы от Эллен, от этой докуки. Что ж, я и сам предпочел бы подобный вариант, однако сомневаюсь в том, что она этого захочет. – Я наклонился вперед. – Проследите за тем, чтобы с ней хорошо обращались, и платите ей за ту работу, которую она делает, или я постараюсь донести все до слуха королевы.

Посмотрев на меня, мой собеседник покачал головой:

– А вы настырный черт, я бы сказал!

– Да. – Я встал. – Ну, а теперь, где она?

– В своей комнате. Вот что, я не хочу, чтобы вы снова расстроили ее.

Это не доставит никому радости.

– Она должна понимать свое положение. Прощайте, мастер Шоумс.

Я заглянул в комнату Эллен через зарешеченное окошко. Они сидела на своей постели и что-то шила. Лицо ее было спокойным и сдержанным. Я вспомнил тот ужас, который был в ее глазах во время моего последнего визита, и поклялся себе больше не допустить ничего подобного.

Постучав, я вошел. Мисс Феттиплейс посмотрела на меня жестким и холодным взглядом.

– Добрый день, Эллен, – поздоровался я.

– Вы вернулись, – ответила она ровным тоном.

– Да. Сегодня утром. С тобой хорошо обращались, пока меня не было в городе?

– Да. Гибонс был необычайно дружелюбен со мной. Я подумала, что вы заплатили ему за это.

– Я хотел, чтобы во время моего отсутствия с тобой хорошо обращались. – объяснил я. Моя собеседница не ответила, и я спросил: – Мастер Шоумс что-нибудь говорил тебе?

– Нет. – Пациентка с недоумением посмотрела на меня. – О чем?

Я набрал воздуха в грудь и осторожно начал:

– Эллен, я не хочу ворошить прошлое.

На лице женщины появилось настороженное выражение, однако я продолжил:

– Но я побывал в Сассексе. Эти люди больше не угрожают тебе. – Я заранее решил ничего не говорить ей об обнаружении трупа ее отца. – Сама королева решила взять на себя оплату твоего пребывания здесь. Но если ты хочешь, то можешь уйти отсюда. Ты свободна, Эллен.

Феттиплейс пристально, со страхом посмотрела на меня:

– А что с ним случилось? С… Филипом?

Я промолчал, и она потребовала:

– Скажите мне!

– Он мертв, Эллен. Утонул вместе с кораблем «Мэри-Роз».

Моя приятельница совсем притихла, вглядываясь в пространство, а затем проговорила с тихой и холодной ненавистью, наконец вырвавшейся наружу:

– Он заслужил это.

Именно эти слова произнесла Эмма над трупом Абигайль, и Дэвид – говоря о том, что случилось с ним.

– Он обошелся с тобой ужасным образом, – согласился я.

Пациентка с предельной усталостью посмотрела на меня:

– А тот человек, что был с ним в тот день? Что стало с ним?

Я помедлил с ответом и сперва уточнил:

– А тебе известно, кто это был?

– Я помню только такого маленького тщедушного человечка. – Женщина поежилась, затрепетав всем телом, и я понял всю глубину чувств, терзавших ее изнутри все эти пропащие годы.

– Теперь он высокий государственный чиновник, – рассказал я. – Тебе лучше не знать его имени. Однако он больше не может сделать тебе ничего плохого.

– Потому что ты рассказал королеве о том, что они сделали со мной? – В голосе Эллен теперь слышался гнев.

– Иначе я не мог защитить тебя.

Мисс Феттиплейс смотрела в пространство, и руки ее дрожали над шитьем. Отложив свою работу, она повернулась лицом ко мне:

– Мне было спокойно здесь… спокойно, насколько это возможно. Тебе не следовало вмешиваться.

– Я избавил тебя от большой опасности.

Она с горечью рассмеялась:

– Чтобы сделать это, тебе следовало оказаться девятнадцать лет назад в Рольфсвуде. Ты говоришь так, будто бы имеет значение, что будет со мной. Но теперь мне это безразлично. На какое-то мгновение мне показалось, что у меня есть будущее, когда я подумала, что ты любишь меня. Теперь я вижу, что это невозможно. И как ты думаешь, кто именно растолковал мне это?

– Кто же?

– Гай, твой приятель. О, нет, он не говорил ничего прямо, он просто каким-то образом сумел донести это до меня. Он умен, – проговорила пациентка с горечью. – Однако ты позволял мне питать надежду целых два года. Тебе не хватило храбрости сказать мне правду. Ты – трус, Мэтью.

– Меня столько раз могли убить, пока я искал правду о тебе! – взорвался я.

– Я тебя не просила об этом! – крикнула Эллен в ответ и, пару раз глубоко вздохнув, произнесла тоном, полным глубокого презрения: – А тебе случалось кого-нибудь любить, хотелось бы мне знать? Ты способен на это?

– Нам не дано выбирать любимых. Я люблю… – начал было я, но вовремя осадил себя.

– Теперь мне это безразлично, – ответила моя собеседница,

отворачиваясь. – Оставь меня. Я не хочу тебя больше видеть. Теперь я ненавижу тебя. – Гнев исчез из ее голоса, уступив место усталости.

– Ты действительно хочешь этого? – спросил я. – Чтобы я больше не приходил?

– Да. – Феттиплейс больше не смотрела на меня. – И ты сам в сердце своем хочешь именно этого. Теперь я это вижу. Когда мы, безумные, что-то понимаем, мы понимаем это очень ясно.

– Ты не безумна.

– Я сказала тебе – уходи.

Эллен не смотрела на меня, когда я направился к двери, когда закрыл ее за собой и когда, уходя, в последний раз посмотрел на нее через решетку.

Домой я ехал с ощущением полной пустоты в голове. Я не мог думать, и даже вид какого-то иностранца, которого гнала вдоль Чипсайда банда улюлюкающих прохожих, едва отпечатался в моей памяти. Поставив Генезиса в конюшню, я обогнул дом и вышел к фасаду. Саймон выглядывал из верхнего окна. Когда я открыл дверь, он уже летел вниз по лестнице:

– Мастер Шардлейк…

– Что случилось? Джозефина…

– Нет, с ней все в порядке, сэр! Но мистрис Тамасин… Ее помощница приходила за мастером Гаем. У нее до срока начались роды, она думает, что это плохо…

Я развернулся на месте и побежал вдоль Ченсери-лейн к дому Барака, мимо адвокатов, останавливавшихся и провожавших меня взглядом.

Дверь мне открыл сам хозяин, взъерошенный, возбужденный и с кружкой пива в руках. Из-за закрытой двери спальни до нас доносились крики боли.

Джек втянул меня в дом и рухнул на крохотную скамейку в прихожей.

– Где Гай?.. – спросил я у него.

– Он там, с ней, – простонал мой помощник. – Не успел я провести дома и полчаса, как у нее отошли воды. А до срока ей еще две недели! В прошлый раз ребенок шел вовремя…

– А где мамаша Маррис?

– Она там, с Гаем. А меня они выставили сюда.

– Послушай… – Я забрал у клерка из рук кружку с пивом, которой он жестикулировал настолько бурно, что вполне мог расплескать. – А что сказал Гай?

– Сказал, что рано. Мамаша Маррис испугалась и сбегала за ним.

– Ну, вторые дети могут и поторопиться с появлением на свет, тебе это известно.

Мой друг с мукой посмотрел на закрытую дверь, крики за которой не утихали.

– Это означает только, что роды идут… – попытался я подбодрить его.

– Если с ней что-то случится, я этого не перенесу, я снова запью… Она для меня все… – полным отчаяния голосом забормотал будущий отец.

– Я знаю это. Знаю.

– Пусть даже будет девочка, мне все равно… – прошептал Барак и вдруг умолк. Крики в спальне утихли. Наступило продолжительное, вселяющее ужас молчание. А затем до нашего слуха донеся негромкий недовольный голосок младенца. Рот моего помощника распахнулся. Дверь отворилась, и в ней появился Гай, улыбавшийся и вытиравший руки полотенцем:

– Джек, у тебя родился крепкий и здоровый мальчуган!

Подскочив на месте, хозяин дома подбежал к врачу и стиснул его руку:

– Спасибо! Спасибо тебе!!!

Облегчение переполняло его грудь.

– Благодари Тамасин. Она и сделала всю работу. В конце ей было уже легче… – начал рассказывать Мальтон, но Барак уже бросился мимо него в комнату. Я осторожно последовал за ним.

Джейн Маррис стояла возле постели, держа в руках крошечную фигурку в свивальнике. Джек припал к своей жене.

– Полегче, дурачок, – сказала она негромко и, улыбнувшись, погладила его по голове. – Полюбуйся на своего сына.

Джек подошел к ребенку. Мы с Гаем заглянули за плечо Джейн.

– Чудесный… чудесный малыш, – проговорил Барак, осторожно прикасаясь к крошечной ладошке новорожденного.

– Конечно, – согласился я, хотя, по правде говоря, все младенцы для меня были на одно лицо… такие крохотные старички. Впрочем, парень явно был здоров и вопил во всю глотку. Я заметил на его макушке клок светлых, как у Тамасин, волос.

Внезапно мой помощник повернулся к врачу, и на лице его проступила тревога:

– А он действительно здоров?

– Более здорового ребенка мне не приводилось видеть, – заверил его медик.

Барак снова посмотрел на своего сына и негромко проговорил:

– Подумать только, он может дожить до нового века. Только

подумать… только подумать…

– Вот тебе твой Джон, – улыбнулась ему с постели супруга.

Задумавшись на мгновение, Джек посмотрел на меня и проговорил:

– Тамми, а что ты скажешь, если мы дадим ему другое им?

– Какое же? – удивилась молодая мать.

– Давай назовем его Джорджем, – попросил ее муж. – Как нашего первенца. Мне хотелось бы назвать его Джордж Ллевеллин Карсвелл. – Он снова посмотрел на меня и добавил: – В память наших друзей.

Эпилог

Ноябрь 1545 – четыре месяца спустя

На кладбище задувал холодный ветер. Последние листья уже опали с веток, и порывы ветра кружили и гнали их мимо моих ног – листья пролетали с тихим шепотом. Поплотнее запахнув кафтан, я пошел к церкви. Зима пришла.

Остановившись возле могилы Джоан, я положил перед надгробным камнем последнюю розу из своего сада и постоял мгновение, стараясь понять, что сказала бы она об изменениях, происшедших летом в моем доме. Мне, как и прежде, приходилось обходиться без эконома. Я побеседовал с несколькими людьми, однако никто из них не обладал той чувствительностью, каковая, по моему мнению, была необходима для обращения с Джозефиной. Ей стало намного лучше, однако любая случайная ошибка, любое мелкое замечание повергали девушку в приступ неуклюжести. Время от времени, возвращаясь домой из Линкольнс-инн, я замечал ее в окне, со странным напряжением во взгляде рассматривавшей улицу. Понятно было, что она высматривает Колдайрона, однако что преобладало в ней – страх перед его возвращением или стремление к той защищенности, которую он создавал в ее жизни, – я сказать не мог.

Сам я вернулся к работе и был теперь рад повседневной рутине. Однако иногда, в моменты усталости, меня посещало это жуткое чувство, когда земля кренится и уходит из-под ног.

Затем я подошел к могиле моего друга Роджера. Осенние дожди оставили на мраморе надгробия темные потеки. Я подумал, что надо прислать одного из мальчишек оттереть пятна. Саймону скоро предстоит оставить мой дом, он уходит в ученики к торговцу тканями: я договорился об этом с олдерменом Карвером.

Я вспомнил про то, как после смерти Роджера хотел жениться на его вдове. За последние несколько месяцев от Дороти не было ни единой весточки. Как и от королевы, и от Уорнера. Впрочем, на это я и не рассчитывал.

Возле старой церкви была скамейка, и я сел, сбросив с нее листву. Разглядывая кладбищенскую ограду, я вспомнил июньский смотр на поле Линкольнс-инн. Французы отказались от запланированного вторжения в

Англию, флот их вернулся во Францию, где все еще тянулась осада Булони: английская армия была заперта в городе, а французы стояли возле его стен. Бесполезная трата времени. По слухам, король наконец-то понял, что затеянная им война с Францией полностью провалилась, и решил заключить мирный договор в новом году.

Взгляд мой упал на кладбищенские ворота. На сей раз я пришел сюда не ради размышления, а на встречу, которую лучше было провести вне шумного Линкольнс-инн. Калитка, наконец, отворилась, и в ней появилась высокая и стройная фигура в плотном камзоле и черной шляпе. Эмма Кертис по-прежнему вела себя, как юноша, одевалась, как юноша, и выглядела, как юноша. Я пригласил ее сесть рядом со мной. Опустившись на скамейку, она немного помолчала, а потом повернулась и вопросительно посмотрела на меня. Ее покрытое рябинами лицо было бледным.

– Все сделано, – сообщил я ей.

– Какие-нибудь трудности возникали?

– Нет, все произошло по договоренности. Дирик подтвердил согласие Хоббея на продажу опеки. А Эдвард Приддис одобрил цену. Он стал хэмпширским феодарием после смерти своего отца, приключившейся в сентябре. Сэр Вильям Паулит вопросов задавать не стал. – Я неловко улыбнулся. – Теперь вы, а точнее, Хью Кертис, находитесь под моей опекой.

– Спасибо, – негромко поблагодарила меня девушка.

Эмма объявилась в моих палатах еще в августе. К счастью, я оказался на месте, ибо Скелли не пустил бы внутрь тощего и грязного мальчишку, спрашивавшего меня. Мисс Кертис рассказала, что не хотела обращаться ко мне за помощью, однако проведенный без приюта и без гроша за душой месяц и мелкие кражи на фермах подточили ее гордость. Я дал ей денег и нанял в городе комнату, где она могла прожить до официальной передачи опеки.

Я нерешительно продолжил:

– Хоббей также присутствовал, на случай необходимости. Хойлендское приорство было продано сэру Люку Корембеку.

Эмма посмотрела на меня:

– А как Дэвид?

– Начал понемногу ходить. Однако у него участились приступы падучей. Хоббей не выпускает его из вида, и мой друг-врач считает, что он слишком уж опекает сына. – Я посмотрел на собеседницу. – Стыд и чувство собственной вины мучают его.

– Мастер Хоббей всегда находил людей, которыми можно

распоряжаться, – сказала Эмма, после чего умолкла, а потом вдруг, повинуясь внезапному порыву, произнесла: – А я и сама постоянно думаю о Дэвиде… О том, что натворила. Я бы все исправила, если бы это можно было сделать!

– Я это знаю.

– И я все вспоминаю этих солдат… мне снится, как они падают в воду, я слышу, как кричат попавшие в западню под абордажной сеткой.

– И я тоже.

Я так и не рассказал Эмме о том, что если бы не махинации Рича, на «Мэри-Роз» послали бы другую роту стрелков. Мне не хотелось перекладывать на нее долю своей бесконечной вины. Теперь я вспомнил о том, как ездил в Кент к родителям Ликона, чтобы сообщить им о смерти сына и предложить посильную денежную помощь. Старики были сокрушены горем.

– Благодарю вас, мастер Шардлейк, – вздохнула мисс Кертис. – Мне очень жаль, что я не доверилась вам с самого начала. Я уже перестала надеяться на то, что кто-то сможет вырвать меня из Хойленда, из лап Хоббеев, и я запретила себе даже хотеть оставить этот дом.

Я наклонился вперед, оперевшись локтями о колени, и посмотрел на нее:

– Но почему вы, Эмма, позволили им обойтись с собой подобным образом?

– Сперва, чтобы избавить себя от брака с Дэвидом. Но позже, сделавшись мальчишкой, я поняла, насколько более широкими возможностями в этом мире обладает дитя мужского пола. А еще… – Она замялась, но, чуть поколебавшись, продолжила: – Странным образом, надевая его одежду и изображая его, я как бы сохраняла своего брата среди живых. Вы понимаете меня?

– Возможно. Но ведь потом… вы могли вернуть все назад и потребовать собственные земли. Хоббеи в таком случае ничего не смогли бы поделать.

Девушка покачала головой:

– К этому времени я уже слишком долго пробыла Хью. Начался бы скандал. И что может сделать обезображенная юная женщина, даже богатая… Куда меньше мужчины. И потом, мне так хотелось стать солдатом. – Она безрадостно усмехнулась. – Хотелось бы знать, что я вообще такое? Быть может, что-то, еще неведомое миру.

Я не знал, что ей ответить. Мы помолчали несколько мгновений, и, наконец, Эмма произнесла:

– Я слышала, что они отказались от попыток поднять «Мэри-Роз». Мачты обрушились, и корабль погрузился в ил. Вместе с останками всех этих людей, упокой, Господи, их души…

Оба мы смолкли. Затем я спросил:

– Что вы намереваетесь делать? Как я уже не раз говорил, вы вольны поступать с собственной жизнью как пожелаете. Я добивался для вас именно этого права. Сиротский суд разрешил мне хранить все ваши деньги, и я буду хранить их три года, но вы получите все, что вам угодно, только скажите. Я не предъявляю никаких прав на эти деньги, они ваши. Видит бог, вы заслужили их своей жизнью! Я поместил их в старую золотую монету, не подверженную этой бесконечной порче денег.

Моя подопечная покачала головой:

– Не знаю, мастер Шардлейк. Мне нравится сидеть у себя дома. Видите ли, сперва я думала, что в городе мне будет труднее сойти за мальчишку. Но здесь никто не смотрит на тебя дважды, здесь легче смешаться с толпой. И, кстати, спасибо за те деньги, которые вы прислали мне на покупку книг!

– Теперь вы можете позволить себе любую покупку. Вы богаты.

– Однако я по-прежнему не знаю, кто я и что представляю собой. И я не хочу становиться женщиной, покорным и услужливым созданием… не хочу носить эти неудобные платья!

– Вам надо познакомиться с женой Барака Тамасин. Никто не посмеет назвать ее услужливой! А кроме того, богатая женщина вполне может быть независимой.

Мисс Кертис вздохнула и отвернулась:

– В моем доме снимает комнату один парень, иногда мы с ним вечером выпиваем. Он мне нравится. Его зовут Бернардом. – Чуть покраснев, отчего оспины на ее лице побледнели, она добавила: – Но я боюсь, что однажды он обо всем догадается, как Сэм Фиверйир. Любовь, – с горечью произнесла девушка, – очень опасная штука!

– Эмма, я понимаю, что вам теперь будет сложно перейти в дамский образ. Но я подумал, что жена Джека может помочь вам, научить вас вести себя как положено женщине и одеваться должным образом. Ей можно рассказать всю вашу историю, и она понравится вам, я в этом не сомневаюсь.

– Но разве сейчас она не занята новорожденным?

– Занята, но она будет рада помочь вам…

Кертис покачала головой:

– Сама мысль о том, чтобы учиться тому, как стать другой, для меня

сейчас непереносима. Только не это! Как бы ни была добра и ласкова ваша Тамасин, такая учеба вернет в моей памяти те дни, когда Хоббей и Фальстоу заставляли меня учиться изображать Хью. А снова надев юбку, я вспомню о той безнадежности и беспомощности, которые пережила после смерти брата.

– Но теперь у вас есть деньги…

– Едва ли я смогу сделать это, даже если бы захотела. – Девушка глубоко вздохнула. – Мастер Шардлейк, я подумываю о том, чтобы отправиться на континент, быть может, в Нидерланды, подальше от Англии. Возможно, даже попробовать поступить в какой-нибудь из университетов. После всего пережитого я не могу быть солдатом.

– Конечно.

– Понимаете, похоже, что вы оказались правы, и по природе я скорее ученый. Но ведь женщин-ученых не существует, так ведь?

– Есть женщины образованные. Вот, сама королева написала книгу, а леди Елизавета…

Эмма энергично тряхнула головой:

– Они имеют право на это как особы королевской крови.

– Вы пытаетесь убежать от своих чувств к юному Бернарду? – догадался я.

Лицо моей собеседницы напряглось, оспины на нем словно бы шевельнулись:

– Мне нужно время, мастер Шардлейк. И какое-то занятие. Вы отпустите меня за рубеж?

– Ваша жизнь принадлежит вам, а я и так слишком часто вмешивался в людские судьбы. Я помогу вам в любое время. Но вам придется поддерживать со мной связь.

Девушка встала со скамьи:

– Тогда я найду себе корабль до Фландрии. И буду писать вам оттуда. Чтобы вы знали, как обстоят мои дела.

– Так, значит, вы уезжаете?

– Да. – Эмма протянула мне ладонь с длинными пальцами.

– Эмма, я еще ни разу не заговаривал с вами об этом. Вы по-прежнему носите каменное сердце? – задал я ей еще один вопрос.

Она посмотрела на меня таким теплым взглядом, какого я еще не видел в ее глазах, а потом качнула головой:

– Нет. Я забросила его в Темзу. Оно было частью моей прежней жизни у Хоббеев. Теперь я ношу крест, который вы забрали из Хойленда и отдали мне в августе.

Я улыбнулся:

– Хорошо.

– Мне хотелось бы поблагодарить еще эту добрую старую леди за то, что она и ее бедный Майкл сделали для меня… – добавила мисс Кертис, и голос ее осекся.

– Явиться к ней в таком виде? Не надо, – возразил я ей. – Я уже известил ее о том, что Хью больше ничего не угрожает.

– Благодарю вас за все, мастер Шардлейк. Но теперь я встала на собственный путь. Посмотрим, куда он приведет меня.

Я пожал девушке руку. Жесткие мозоли, нажитые ею за годы усердной стрелковой тренировки, уже сходили. А потом я проводил взглядом Эмму Кертис, направившуюся по дорожке твердым шагом молодого джентльмена, одетую в отличный камзол и черную шляпу и коротко стриженную. Мертвые желтые листья кружили вокруг ее башмаков.

Исторический комментарий

Французская война Генриха VIII 1544–1546 годов стала, возможно, самым катастрофическим политическим решением среди всех, которые он когда-либо принимал. Генриха иногда изображают неким модернизатором, однако понимание войны этим монархом попахивало глубоким средневековьем. С самого начала своего правления он стремился присоединиться к славе победителей Франции, украшавшей его средневековых предшественников. Однако Франция к этому времени уже сделалась процветающим и цельным государством, обладавшим куда более многочисленным населением, чем Англия.

Ничему не научившись после провала двух предыдущих попыток, Генрих вторгся во Францию в 1544 году, заключив шаткий союз с императором Священной Римской империи Карлом V. Войска этих двух правителей должны были соединиться под Парижем, однако Генрих повел свою армию на Булонь, которую надеялся присоединить к остававшемуся под властью Англии Кале, тем самым укрупняя английские владения на материке. Но когда после длительной и кровопролитной осады Генрих взял Булонь, его собственные войска оказались осажденными в городе подошедшей французской армией. Карл и французский король Франциск I заключили сепаратный мир, и англичане оказались запертыми в Булони на следующие восемнадцать месяцев при скудном снабжении из Англии. Теперь Генриху приходилось иметь дело со всей мощью Франции, а кроме того, французы послали свои войска в союзную им Шотландию, с которой Генрих тоже уже вел войну.

Война эта оказалась чрезвычайно, даже катастрофически разорительной – чтобы оплатить расходы, Генриху VIII пришлось продать основную часть монастырских земель, отобранных им у церкви в 1530-х годах, досуха обобрать англичан налогами и даже испортить монету, понизив в ней содержание серебра и подняв тем самым беспрецедентную волну инфляции. Пострадали все слои общества, но в первую очередь, беднота, не имевшая возможности поднять цену своего труда.

Летом 1545 года французы попытались разрешить проблему посредством вторжения в Англию. Угроза была неподдельной и очень серьезной: французский флот раза в три превосходил количество имевшихся в распоряжении Англии кораблей и нес десант в количестве примерно 30 тысяч солдат. Свой корабль прислал и римский папа. Флот

вторжения превышал числом испанскую армаду, направившуюся к английским берегам через сорок лет после описываемых событий. Угрозе этой Генрих противопоставил призыв гражданского населения. Вместе с ополчением и флотом под ружье было поставлено более 100 тысяч мужчин – что в пропорции к нынешнему населению составляет около миллиона или даже больше: подобная доля населения сопоставима с той, что была мобилизована для отражения гитлеровского вторжения в 1940 году.

На счастье англичан, французов возглавлял слабый командующий, адмирал д'Аннбо – как и в Англии, французы доверяли командование своими войсками не профессиональным военным, а аристократам. Если бы д'Аннбо сконцентрировал свои силы, французы вполне могли захватить остров Уайт или же, высадившись на острове Портси, они могли бы осадить Портсмут таким же образом, как английские войска осадили Булонь. Крупномасштабный морской десант – чудовищно сложное предприятие, однако они могли развязать серьезные сражения в Южной Англии.

Однако в конечном итоге, после ничего не решившего сражения в Соленте, описанного в настоящей книге, война сама собой угасла, и большинство призванных на службу отправились по домам, собирать урожай – хотя какое-то количество войск было отправлено в качестве подкрепления осажденному гарнизону Булони. Согласно мирному договору от 1546 года, Англии было позволено сохранить за собой Булонь, к тому времени превращенную в груду камней, в течение десяти лет. Генриху также была выплачена контрибуция, ничтожная по сравнению со всеми суммами, брошенными им на ветер.

Война не принесла абсолютно никакого результата, кроме гибели тысяч солдат и матросов… англичан, шотландцев, ирландцев, валлийцев, французов и уроженцев других европейских стран. К числу жертв следует добавить также многочисленных мирных жителей Франции и Шотландии.

Генрих VIII умер через шесть месяцев после заключения договора. Он оставил в наследство своим детям изоляцию от остальной Европы, продолжающуюся войну с Шотландией, религиозный конфликт и инфляцию, а также общенациональную бедность и следующее из нее социальное недовольство. В 1550-х годах Булонь была возвращена Франции, а в 1558 году был утрачен Кале, последнее владение Англии на континенте.

Гибель рвавшегося в бой корабля «Мэри-Роз» 19 июля 1545 г. получила много противоречащих друг другу объяснений. Кажется

очевидным, что орудийные порты по правому борту оставались незакрытыми, когда обычный в Соленте резкий порыв ветра, попав в паруса, повалил судно на борт, и оно зачерпнуло ими воду. Корабль, к тому же, по всей видимости, был сильно перегружен пушками и солдатами, и наверху его надстроек находилось слишком много людей. Возможно, судно также черкнуло по борту ядро, пущенное одной из французских галей, и к тому времени, когда его начал кренить ветер, оно уже набирало воду. Но какова бы ни была причина, судно «Мэри-Роз» затонуло за считаные минуты, прихватив с собой на дно всех, кто находился под абордажной сетью. Крики их были слышны даже на берегу. По современным оценкам, уцелело всего тридцать пять человек из пяти сотен, находившихся на борту.

Накануне Генрих VIII обедал на борту своего флагманского корабля «Грейт-Гарри» и внезапно оставил его, когда французский флот появился у восточной оконечности острова Уайт. Я приписал королю намерение впоследствии посетить «Мэри-Роз». Где именно останавливался Генрих во время своего посещения Портсмута в 1545 году, нам неизвестно, однако наиболее вероятными кандидатами на это место являются Портчестерский замок и королевские шатры, воздвигнутые на Саутси Коммон. Нам также неизвестно, где находилась Екатерина Парр летом этого года, но одно из свидетельств заставляет меня предположить, что она приехала в Портсмут вместе с королем. В своей депеше, повествующей о битве в Соленте, посланник Карла V Френсис Ван дер Дельфт пишет, что корабли ему показывал канцлер двора ее величества. Учитывая структуру королевского двора, канцлер королевы мог оказаться в Портсмуте только в том случае, если в нем пребывала и она сама.

Я выдумал присутствие в Портсмуте Ричарда Рича. Согласно анналам, его не было среди членов Тайного совета, последовавших за Генрихом к армии. Однако роль этого человека в финансовой организации вторжения во Францию в 1544 году описана достоверно, как и утрата им поста по подозрению в излишнем корыстолюбии. Тем не менее Рич остался членом Тайного совета, и карьера его не пострадала.

Роберт Уорнер являлся адвокатом королевы Екатерины Парр и однажды выступил защитником родственника одной из ее служанок, обвиненного в 1544 году в ереси.

В 1526 году Генрих VIII и его первая жена Екатерина Арагонская в ходе летнего Объезда прибыли в Петуорт. Генрих к тому времени уже находился в переписке с Анной Болейн, и возможно, что именно тогда он решил развестись с Екатериной и жениться на Анне. Тем не менее история

с перехваченным письмом полностью придумана мной. Верно здесь лишь то, что впоследствии папа предложил Екатерине Арагонской решить все проблемы, вызванные желанием ее супруга развестись, путем ухода в монастырь, но она отказалась, так как считала, что Бог хочет сохранить ее брак с Генрихом. Парадоксальным образом, ее согласие на монастырь привело бы к тому, что разрыв Генриха с Римом просто не произошел бы.

Злоупотребление Сиротским судом как источником дохода, вопреки огромному материальному (не говоря уже об эмоциональном) ущербу, понесенному многими детьми, являлось еще одной схемой извлечения денег из населения, использовавшейся Генрихом VIII. Злоупотребления продолжались при Елизавете I и Якове I и достигли уже эпических масштабов при Карле I. Прекращение эксплуатации несовершеннолетних являлось основным требованием парламента в годы, предшествовавшие Гражданской войне, а роспуск этого суда стал одним из забытых достижений Английской республики 1649–1660 годов.

Настрой общества против этого суда был таким, что даже коррумпированный режим Карла II не посмел восстановить его.

В то время, как история Эммы Кертис является полностью вымышленной, в истории существуют уходящие в глубь веков рассказы о женщинах, изображавших мужчин и сражавшихся на бранном поле, иногда далеко не один год. Так, например, существует несколько сотен подтвержденных документами жизнеописаний по обе стороны Гражданской войны в Америке, в которых женщины часто оказываются необычайно храбрыми воительницами.

Благодарности

Приношу свою благодарность множеству людей, помогавших мне делом и советом при написании этой книги, уводившей меня в области – особенно по военной и флотской части, – где я не наделен особыми познаниями. Надеюсь, что законченный продукт соответствует высоким критериям моих советников. А любые ошибки, конечно, допущены лишь мной самим.

Мой агент Энтони Топпинг первым предложил мне идею написать о войне 1544–1546 годов. Я весьма благодарен ему как за предложение, так и за прочтение рукописи и за внимательный комментарий к ней. Благодарю также Марию Рейт за чудесным образом проделанную редактуру, Лиз Коуэн – за старательную корректуру и Бекки Смит – за набор текста. Майкл Холмс с самого начала был моим советником по флотским вопросам, возил меня на автомобиле в Портсмут, а также прочел первый вариант книги, как и Роз Броди, Йен Кинг и Вильям Шоу. Еще раз благодарен им всем за тонкие соображения. Джеймс Уиллоуби любезно перевел для меня девиз Опекунского суда. Гленнан Карни из английского общества стрелков из боевого лука (www.englishwarbowsociey.com) оказал мне очень большую помощь в описаниях стрелкового дела – и опять-таки, в любых ошибках и неточностях виноват я сам. Робин Янг любезно прокомментировал главу с описанием охоты в Хойлендском приорстве.

Существует огромный массив археологических сведений в отношении корабля «Мэри-Роз», хотя документальных свидетельств его потопления достаточно мало. Один из бортов судна сохранился в иле на дне Солента, и его подняли в 1982 году. Ныряльщики также нашли и находят до сих пор сотни различных предметов, пушек, длинных луков, одежды и личных вещей, принадлежавших находившимся на борту корабля людям, так же, как и останков членов несчастного экипажа этого судна.

Я очень благодарен представителям фонда Mary-Rose Trust, сохраняющим эти предметы и выставляющими их в Портсмуте, за то, что они отыскали время прочитать черновой вариант рукописи, сделать комментарии к ней и дать советы. От всей души благодарю контр-адмирала Джона Липпитта, а также Салли Тиррелл, Алекса Хилдреда и Кристофера Доббса за их помощь. Я изо всех сил старался изобразить «Мэри-Роз» и экипаж этого корабля исключительно на фактической основе, и все ошибки здесь также принадлежат мне. Сделанное мной описание корабля и, в

частности, обеих его надстроек, так и оставшихся необнаруженными, основывается на прекрасном изображении «Мэри-Роз», созданном в 2009 году Джоффом Хантом в честь 500-й годовщины постройки этого корабля.

Музей «Мэри-Роз» в настоящее время собирает фонды для строительства нового музея, который должен был открыться в 2012 году. Сейчас в нем демонстрируется сохранившаяся половина корабля и реконструированная, как ее зеркальное отражение, вторая половина, где предметы расположены на своих законных местах (некоторые из солдатских пожитков упоминаются в настоящей книге). Музей этот сможет раскрыть в подробностях жизнь солдат и моряков. Более подробную информацию о его выставках, мероприятиях и планах на будущее можно найти на сайте www.maryrose.org.

Конюший Генриха VIII, сэр Энтони Браун, бывший в то время в Портсмуте, заказал ряд крупных полотен, предназначавшихся им для своего поместья Каудри-хаус в Сассексе, на одном из которых изображен стан англичан в Портсмуте в 1545 году. На этом полотне изображены английский и французский флоты, вместе с торчащими над водой мачтами только что ушедшей на дно «Мэри-Роз». На этой крайне интересной картине суда размещены с чрезвычайной точностью, хотя люди на берегу едва ли обнаруживали перед лицом вражеского флота ту радость, с которой они изображены на картине, представляющей в этом смысле образчик пропаганды. Генрих VIII на ней также показан более молодым и стройным, чем он был на самом деле в 1545 году. К сожалению, оригиналы этих картин были утрачены при пожаре в Каудри-хаус, случившемся в 1793 году, однако до нас дошла серия своевременно сделанных гравюр. Гравированное изображение лагеря в Портсмуте было внимательно изучено доктором Домиником Фонтана из Портсмутского университета, также специализировавшегося по истории английского города тюдоровских времен. Я очень благодарен этому ученому за всю оказанную им помощь и комментарии к рукописи. Подробнее о гравюрах Каудри, потоплении «Мэри-Роз» и Портсмуте тюдоровских времен можно узнать на сайте www.dominicfontana.co.uk.

Кампания 1544 года во Франции необыкновенна тем, что от нее остался отчет, написанный очевидцем, валлийским офицером Эллисом Груффудом (Elis Gruffudd «The Enterprises of Paris and Boulogne», trans. M. B. Davies (Cairo, 1944)). Рассказ Ликона о разграблении французских сел основывается на этом повествовании. Военные действия в эпоху Тюдоров часто связывались с ограблением гражданского населения, однако в качестве побочного результата военных действий. Тем не менее в 1544 году

Генрих VIII специально проводил политику запугивания мирного населения Франции и особенно Шотландии.

Городок Рольфсвуд вымышлен мной, как и само Хойлендское приорство, однако его материнская обитель, Вервеллское приорство, существовало на самом деле. В 1530-х годах и еще больше в 1540-х, как уже сказано, были распроданы многие бывшие монастырские владения, чтобы оплатить расходы Генриха на войну. Книга Джереми Ходжкинсона о металлургии (Jeremy Hodgkinson «The Wealden Iron Industry» (Stroud, 2009)) много рассказала мне о железоделательной промышленности, как и выставка в Музее Льюиса в Сассексе. Печь, которую Шардлейк видит в Липхуке, можно рассмотреть именно в этом музее. «Токсофил» Роджера Эшема (Roger Ascham «Toxophilus») по-прежнему издается (Lightning Source, UK). О стрельбе из лука можно почитать в Richard Wadge «Arrowstorm: the World of the Archer in the Hundred Years War» (Staplehurst, 2007), а также у Ann Stirland «The Men of the Mary-Rose: Raising the Dead» (Stroud, 2005) и у David Childs «The Warship Mary-Rose» (Лондон, 2007). J. J. Goring «The Military Obligations of the English People, 1511–1558» (Ph.D. thesis, 1955) предоставила бесценную информацию о наборе в армию Тюдоров. А об Опекунском суде меня просвещали H. E. Bell «An Introduction to the History and Records of the Court of Wards and Liveries» (Cambridge, 1953) и J. Hurstfield «The Queen’s Wards» (Лондон, 1958).

Невзирая на обилие трудов по истории Тюдоров, история войны 1544–1546 годов еще не написана. Кто-то должен это сделать.

---

notes

Примечания

1

Достопочтенное сообщество Линкольнс-инн является одним из четырех судебных иннов Лондона, к которым принадлежат барристеры Англии и Уэльса. Три остальных носят имена Миддл-темпл, Иннер-темпл и Грейс-инн. Считается, что свое название Линкольнс-инн получил от Генри де Ласи, третьего графа Линкольна. Инн расположен в Холборне, в лондонском боро Кэмден, на границе между Лондонским и Вестминстерским Сити, напротив Королевского суда Лондона.

2

Загородная резиденция английских королей, расположенная на берегу Темзы в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе.

З

Ба́рристер – в Великобритании категория адвокатов, которые ведут дела. Барристеры – адвокаты более высокого ранга, чем солиситоры.

4

Улица Ченсери-лейн получила свое название от располагавшегося на ней Высшего Канцлерского суда, располагавшегося в Олд-Темпл с 1161 г. и действовавшего с позиции права справедливости. Занимался улаживанием разнообразных дел, связанных с долгами, землей, опекой, управлением поместий умалишенных и опекой младенцев.

5

В античных и средневековых представлениях некие элементарные жидкости, влияющие на психическое и физическое функционирование организма.

6

Сражение, состоявшееся 25 октября 1415 года между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур в Северной Франции во время Столетней войны, в котором англичане одержали сокрушительную победу.

7

Небольшое одномачтовое парусное судно.

8

Томас Кромвель (ок. 1485–1540), английский государственный деятель, первый советник Генриха VIII в 1532–1540 гг., главный идеолог Английской Реформации, один из основателей англиканства.

9

Галеас или гальес, большая галера, военный корабль, состоявший на вооружении многих стран Европы в XVI–XVII вв.

10

Имеется в виду «благодатное паломничество» – произошедшее в 1536 году крупное восстание, начавшееся в Йорке, а затем перекинувшееся на всю Северную Англию.

11

От *testa* – голова, по изображению на первых подобных монетах. Шиллинг равен 12 пенсам.

12

Регион Средней Англии, включающий графства Дербишир, Глостершир, Херефордшир, Лестершир и др.

13

Это сражение между войсками Англии и Шотландии произошло 9 сентября 1513 г. Разгром шотландской армии в этой битве вызвал серьезный внутриполитический кризис в Шотландии в период несовершеннолетия короля Якова V.

14

Энджел, или ангел – золотая монета, выпускавшаяся во Франции и Англии, причем наибольшее распространение она получила именно в последней. Начальная стоимость энджела составляла 6 шиллингов 8 пенсов, то есть ровно 80 пенсов, что составляло треть фунта стерлингов.

15

Томас Вулси (1473–1530), английский политический деятель и кардинал римской католической церкви, достигший чрезвычайного влияния в политических и церковных делах Англии. Потерял доверие Генриха VIII после того, как не сумел добиться расторжения брака короля с Екатериной Арагонской ради брака с Анной Болейн. В 1529 г. Вулси был обвинен в измене, арестован и лишен всех владений, в частности, великолепного дворца в Хэмптон-корте, который Генрих сделал своей главной лондонской резиденцией вместо Вестминстерского дворца.

16

Томас Кранмер (1489–1556), вождь английской реформации, архиепископ Кентерберийский при Генрихе VIII, Эдварде VI и Марии I. Устроил развод Генриха с Екатериной Арагонской, что повлекло за собой отделение английской церкви от римского престола. Вместе с Томасом Кромвелем выступал за приоритет королевской власти над церковью в своей стране.

17

Сержанты юриспруденции представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, работавших в центральных общих судах. Сержанты носили особую одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

18

Эшем, Роджер (1515–1568) – английский гуманист, ученый-филолог и писатель, прозванный «отцом английской прозы», педагог, наставник принцессы (позже королевы) Елизаветы Тюдор, прививший ей вкус к классической литературе. Учился в Кембриджском университете, в 1538–1554 гг. преподавал там греческий язык. Участвовал в религиозных спорах того времени, поддерживая протестантов в дискуссии о верховенстве папы римского. В 1545 г. опубликовал трактат-диалог о стрельбе из лука, бывшей любимым развлечением Эшема.

19

Атторней – термин английского юридического языка, служащий для обозначения особого рода адвокатов. В английском судоустройстве существует два типа судебных защитников: 1) адвокаты – барристеры, советники, сержанты юриспруденции и 2) стряпчие – атторнеи, солиситоры. Первые занимают высшее положение, словесно защищают клиента на суде и входят в сношение с тяжущимися лишь через посредство атторнеев, действующих на суде в качестве их помощников. Атторнеи занимаются письменной подготовкой дела, т. е. составлением судебных бумаг и предварительной частью процесса.

20

Томас Сеймур, 1-й барон Сеймур из Садли (ок. 1508–1549) – английский государственный деятель, адмирал и дипломат при дворе Тюдоров. Казнен в Тауэре, куда попал по обвинению в измене как любовник вдовствующей королевы Екатерины Парр.

21

Ганс Гольбейн (Младший) (1497–1543) – живописец, один из величайших немецких художников. Самый знаменитый представитель этой фамилии. Родился в Аугсбурге, Германия, учился живописи у своего отца – Ганса Гольбейна Старшего. До нас дошло несколько гольбейновских портретов Генриха VIII, королевы Джейн Сеймур, Эдуарда VI, герцога Норфолка и т. д.

22

«О строении человеческого тела, в семи книгах» – учебник по анатомии человека, написанный Андреасом Везалием (1514–1564) в 1543 году.

23

Лондонская долговая тюрьма.

24

Йомены, йоменри – в феодальной Англии свободные мелкие землевладельцы, которые, в отличие от джентри, самостоятельно занимались обработкой земли.

25

Доспех из пластин, наклепанных под суконную или стеганую льняную основу.

26

Серебряная монета в 4 пенса.

27

Джон Бейль, или Бойл, 1495–1563, епископ, поддерживавший политику реформы церкви Генриха VIII, английский драматург. Пользовался покровительством Томаса Кромвеля, который высоко ценил драматические произведения Бойла, направленные против римско-католической церкви.

28

Секретарь, переписчик (*лат*.).

29

Поперечный неф в базиликальных и крестообразных по плану храмах, пересекающий основной (продольный) неф под прямым углом.

30

Крестьянская война в Германии – народное восстание в Центральной Европе, прежде всего на территории Священной Римской империи в 1524–1526 годах.

31

Фахверк – тип строительной конструкции, при котором несущей основой служит пространственная секция из наклонных под различным углом балок.

32

Лаймер – разновидность гончих, использовавшихся в Средневековье на поводке для розыска крупной дичи, прежде чем на нее спускали свору. Название происходит от среднеанглийского слова *лям* (*lyam*) – поводок.

33

Отсылка к книге К. Дж. Сэнсома «Темный огонь».

34

Сторожевая башня.

35

Зловредные привидения в английском фольклоре.

36

Козел (*исп*.).

37

Белое полотнище с прямым красным крестом; национальный флаг Англии.

38

В те времена город, находившийся на юго-восток от Лондона.

39

Механизм для передвижения груза, состоящий из вертикально установленного вала, на который при вращении наматывается цепь или канат, прикрепленный другим концом к передвигаемому грузу.

40

Легкая ирландская пехота.

41

Евангелие от Матфея, 8:26.

42

Приватир – судно, вооруженное с разрешения правительства частным лицом для военных действий против неприятеля. Нередко приватир отличался от пирата лишь наличием разрешения от властей одного государства грабить суда другого.

43

1 акр = 0,4 гектара.

44

Сплав олова с медью, свинцом, сурьмой или висмутом.

45

Доски шириной 10–20 см.

46

Первое послание апостола Павла Коринфянам, 13:13.